

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

К. М А Р К С

И

Ф. Э Н Г Е Л Ъ С

СОЧИНЕНИЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ
ПУБЛИЦИСТИКА - ФИЛОСОФИЯ - ИСТОРИЯ

ОТДЕЛ ВТОРОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КАПИТАЛ
ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
ПЕРЕПИСКА

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ
УКАЗАТЕЛИ ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ

**ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. РЯЗАНОВА

Т О М
XXIII

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

О Т Д Е Л Т Р Е Т И Й

К. МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПЕРЕПИСКА

1861—1867

ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.

Третий том, охватывающий переписку Маркса и Энгельса за время от 1861 г. до 1867 г. включительно, пострадал в немецком издании значительно меньше, чем первый и второй. Правда, Бернштейн и на этот раз исключил целиком ряд «безразличных» писем, но вместе с пропущенными частями других писем все сокращения составляют *не более* (!) трех печатных листов. В сравнении с теми купюрами, которые мы установили в первых двух томах, это все-таки «шаг вперед».

Если в первом томе нашего издания писем Маркса и Энгельса насчитывается на 20 единиц больше, чем в немецком, а во втором — на 76, то в настоящем томе их больше на 28 (одно письмо — жены Маркса). Среди них, как и в предыдущих томах, несколько маленьких писем, но есть и письма в одну-две печатных страницы. Все они датированы, все дают новые биографические данные. Есть и такие, которые, как письмо № 1029, имеют огромное значение для понимания «Капитала». ¹

Мы не будем приводить на этот раз новые доказательства и иллюстрации усердной работы Бернштейна как «редактора» и «цензора нравов». Если эта деятельность в третьем томе по «количеству» проявилась в меньшей степени, то по «качеству» она не уступает соответствующим «операциям» в предыдущих томах. Сокращения и урезки в тех письмах Маркса и Энгельса, в которых речь идет о Лассале, совершенно искажают «то, что есть», и временами сводятся к непосредственной *фальсификации* текста. Так, например, в письме Маркса (от 24 января 1863 г.) из фразы: «после того как Лассаль опротестовал вексель, я не могу в Лондоне больше выдавать векселя», Бернштейн вычеркивает слова: *после того как Лассаль опротестовал*

¹ Укавываем номера пропущенных писем: *Маркса* (726, 729, 731, 746, 748, 773, 778, 794, 850, 856, 873, 887, 964, 1029, 1051, 1060, 1068, и *Энгельса* — 730а, 733, 766, 773, 774, 780, 793, 797, 919, 1085. Кроме того, одно письмо *жены Маркса* — 916. Письмо Энгельса 730а напечатано как добавление, потому что точную дату его написания удалось установить только после того, как том уже был целиком сверстан.

вексель. Таким образом, он уничтожает единственное свидетельство, которое показывает, что Лассаль завершил свое — с юридической точки зрения, с точки зрения вексельного права — вполне безупречное поведение по отношению к Марксу и Энгельсу столь же безупречным, с точки зрения вексельного права, заключительным актом, одинаково компрометирующим — с точки зрения вексельного права — Маркса и Энгельса и лишившим Маркса всякой возможности производить, при помощи своих состоятельных друзей — Боркгейма, Фрейлиграта и др. — всякие вексельные операции, помогавшие ему антиципировать свои будущие доходы, если они имелись, или заключать заем. Угрозу, которую мы читаем в письме Лассаля к Энгельсу (от 8 ноября 1862 г.),¹ Лассаль поспешил выполнить. А между тем Энгельс уже 5 ноября 1862 г. передал Фрейлиграту для отсылки Лассалю причитающуюся сумму.

В предисловии ко второму тому переписки мы уже указали, что за время от конца июля 1854 г. до середины декабря 1855 г. почти все письма Энгельса, за исключением одного, бесследно исчезли.

Теперь, когда мы имеем перед собой переписку Маркса и Энгельса за ряд лет, мы можем констатировать, что, поскольку речь идет о сохранившихся письмах, более усердным корреспондентом был Маркс. До 1851 г. нельзя говорить о систематической переписке между обоими друзьями. Только после того как Энгельс в ноябре 1850 г. переселился в Манчестер, начинается регулярный обмен письмами. Если мы попробуем подсчитать письма Маркса и Энгельса за период от 1851 г. до 1867 г. включительно,² то мы получим следующий результат. За 1851 — 1853 гг. число писем Маркса и Энгельса совпадает. На каждого приходится по 115 писем. За трехлетие 1854 — 1856 на долю Маркса приходится 93, Энгельса — 22 письма. Мы уже видели, почему именно в это трехлетие получилась такая резкая диспропорция. Но и за трехлетие 1857 — 1859 на 145 писем Маркса приходится всего только 84 письма Энгельса, т. е. вполовину меньше. Такая же резкая разница отмечается и в трехлетии 1860 — 1862: в то время как Маркс представлен 114 письмами, Энгельс написал только 61 письмо. Диспропорция уменьшается в трехлетие 1863 — 1865: Марксу принадлежит 81 письмо, Энгельсу — 54. За два года — 1866 и 1867 — число писем почти уравнивается: 74 письма Маркса и 65 писем Энгельса.

¹ В издании Меринга оно, вместе с другими письмами Лассаля, не напечатано. Впервые эти письма были опубликованы Густавом Майером, которому они были сообщены мною.

² До 1 января 1851 г. Маркс написал три письма, а Энгельс — два.

Возможно, конечно, что многие письма Энгельса, как это случилось с письмами за 1854 — 1855 гг., затерялись. Но уже одно то обстоятельство, что Маркс продолжал оставаться в центре эмигрантской жизни того времени и был менее оторван, чем Энгельс, от революционной работы, заставляло его более часто писать своему другу, чтобы информировать его о всех более или менее важных событиях и происшествиях в жизни лондонской эмиграции. Маркс писал чаще и потому, что ему приходилось обращаться к Энгельсу за срочной денежной помощью. Временами переписка прекращалась, потому что Маркс проводил почти ежегодно некоторое время в Манчестере. Переписка замирала также в то время, когда Маркс, в связи с различными делами, уезжал на континент. А это повторялось несколько раз в течение того периода, к которому относятся письма, собранные в этом томе. Так, в 1861 г. Маркс провел в Голландии и Германии два месяца (март и апрель.) В 1862 г. он весной прожил у Энгельса почти целый месяц и столько же времени зимой, когда Энгельс вернулся в Манчестер после двухмесячного отсутствия. В декабре 1863 г., после смерти матери, Маркс уехал в Трир и на обратном пути остался, вследствие болезни, у своих голландских родственников два месяца (январь-февраль 1864 г.). В 1865 г. Маркс опять ездил в Голландию и Германию (от 19 марта до 10 апреля), а Энгельс провел на континенте сентябрь и большую часть октября. Сейчас же после его возвращения Маркс провел у него две недели (20 октября — 3 ноября). В феврале 1866 г. Маркс был болен до такой степени, что встревоженный Энгельс съездил на несколько дней в Лондон. Когда Маркс оправился, — на этот раз, как он пишет, «дело шло о жизни», — его пришлось отправить в Маргэт (английский курорт) на целый месяц. В 1867 г. Маркс провел на континенте — главным образом в Гамбурге и Ганновере — шесть недель (от 10 апреля до второй половины мая).

* * *

В предисловии ко второму тому мы уже сообщили несколько данных о материальном положении Маркса и размерах той помощи, которую ему мог оказать Энгельс.

Едва только Маркс закончил свою книгу против Фогта, жена его заболела нервной горячкой, а затем и оспой. Она не успела еще оправиться, как в начале января 1861 г. серьезно заболел и сам Маркс. А в конце января разразилась новая катастрофа: «Нью-йоркская трибуна», работа для которой доставляла тогда Марксу главный источник его средств существования, отказалась временно от его корреспонденций.

Приостановилось также издание американской Энциклопедии, для которой особенно много — под именем Маркса — работал Энгельс. Гонорар за эти статьи, — правда, не особенно значительный, — получал Маркс. Материальные ресурсы самого Энгельса, который все еще не мог добиться от компаньона своего отца, Эрмена, чтобы последний признал за ним, после смерти отца, право на определенную долю в доходах, и все еще был только прокуристом, продолжали пока оставаться на том же уровне.

Энгельс в состоянии был послать своему другу не больше 10 фунтов, но он согласился обеспечить платеж 30 фунтов, если Фрейлиграту удастся получить деньги под вексель. Оставив эти деньги семье, Маркс нелегально поехал в Голландию и Германию, чтобы устроить свои дела. К этому времени относится и его поездка в Берлин, где он пробыл несколько дней у Лассалья. Из предполагавшихся литературных планов ничего не вышло. Значительную материальную помощь Маркс получил у своего голландского дядюшки, который управлял имуществом его скупой матери и согласился выдать ему аванс под причитающуюся Марксу долю наследства. Как Маркс пишет Энгельсу, он «выжал у дяди 160 фунтов». Так как у него в течение многих месяцев не было заработка, то этой суммы хватило ненадолго. В октябре 1861 г. возобновилось сотрудничество в «Нью-йоркской трибуне», хотя и в значительно сокращенных размерах. Маркс мог рассчитывать на два фунта в неделю, а так как в это же время он начал сотрудничать в венской «Прессе», то он почувствовал «опять прочную почву под ногами».

Это оказалось, однако, иллюзией. «Пресса» печатала очень мало, и весь доход Маркса за три месяца составил шесть фунтов. А в апреле 1862 г. «Нью-йоркская трибуна», которая теперь только изредка печатала статьи Маркса, — заработок его в этой газете уменьшился в три раза, — окончательно отказалась от его сотрудничества. Скоро прекратилась и работа в «Прессе», все время дававшая жалкие гроши. Ко второй половине года нужда Маркса опять достигает своего апогея. За первую половину Энгельс послал Марксу около 70 фунтов. Когда Лассаль в июле 1862 г. приехал в Лондон, Маркс, скрывавший от него свою жестокую нужду, только в день его отъезда предложил ему ту вексельную операцию, о которой я упоминал уже выше. Энгельсу пришлось уплатить долг Лассалю. Вместе с другими деньгами, посланными Марксу во второй половине 1862 г., это составило 155 фунтов. В общем за весь этот год Энгельс послал для него тогда огромную сумму в 225 ф., т. е. почти столько же, сколько за трехлетие 1858—1860, когда у Маркса начались перебои в получении заработка.

Несмотря на все эти передрыжки и болезни, Маркс усердно работал над «Капиталом». 28 декабря 1862 года он писал Кугельману: «Вторая часть [«Критики политической экономии»] наконец, готова, т. е. переписана с окончательными поправками для печати. Она составит около 30 печатных листов. Представляя продолжение первого выпуска, она выйдет самостоятельно под заглавием «Капитал», а «К критике политической экономии» будет только подзаголовком. Она, собственно, содержит только то, что должно было составить третью главу первого отдела, а именно — капитал вообще. Таким образом, туда не включены конкуренция капиталов и кредит».

Дальше Маркс объясняет Кугельману, какими причинами была вызвана «долгая проволочка». Во-первых — дело Фогта, отнявшее много времени. Во-вторых — материальное положение. «В 1861 г. я потерял из-за американской гражданской войны свой главный источник дохода — «Нью-йоркскую трибуну». С тех пор и до настоящего времени мое сотрудничество в этой газете прекратилось. И вот, как и раньше, я принужден брать массу мелких работ, чтобы не очутиться с своей семьей в буквальном смысле слова на улице. Я даже решился сделаться практиком и поступить с начала нового года на службу в управление железной дороги. Не знаю уж, считать это счастьем или несчастьем? Но, благодаря своему плохому почерку, я не получил этого места. Итак, вы видите, что мне оставалось мало времени и спокойствия для теоретических работ».

Трудно сказать, о каких «мелких работах» говорит Маркс. Нам они совершенно неизвестны. К январю 1863 г. Маркс остался без всяких средств к существованию. Надежда на помощь германских «друзей», — она сквозит в письме к Кугельману, — не оправдалась. А кормиться приходилось Марксу сам-шест.

Единственным ресурсом оставалась помощь Энгельса, которого как раз в начале января постигло большое горе — смерть его жены, Мэри Бернс. Из переписки видно, что это событие чуть не вызвало большую «трещину» в дружбе Маркса и Энгельса. Последнему показалось, что Маркс недостаточно тепло отнесся к его утрате. Но объяснение, вызванное этим инцидентом, наоборот, еще более скрепило их дружбу. Маркс в своем ответе нарисовал такую откровенную картину своего положения, которая вполне объясняла его кажущуюся холодность. Энгельс, который был «совершенно выжат» после необычайных усилий, употребленных им начиная с 30 июня 1862 г., чтобы оказать помощь Марксу, решается на чрезвычайно рискованный в коммерческом отношении шаг и пересылает ему один из векселей

фирмы на 100 фунтов, но предупреждает, что до 30 июня больше ничего не в состоянии сделать.

На помощь пришел «малый» Дронке. Старый сотрудник «Новой рейнской газеты» превратился к этому времени в богатого купца, зарабатывавшего до 1000 фунтов в год. Под поручительство Энгельса он согласился устроить заем на 250 фунтов. В общем Энгельс в течение 1863 г. послал Марксу и выплатил за него около 370 фунтов, если предположить, — а это весьма вероятно, — что присланный Энгельсом в январе вексель на 100 фунтов был уплачен им же. Маркс мог во всяком случае работать над «Капиталом» без особых помех.

Правда, в 1863 г. начали уже сказываться последствия чрезмерной работы и постоянного недоедания. Маркс теперь часто и сильно страдает от карбункулов и фурункулов. Известие о смерти матери — в начале декабря 1863 г. — застало Маркса во время одного из серьезных приступов этой болезни. С разрешения врача Маркс поехал в Трир, но на обратном пути заболел у своего голландского дяди настолько серьезно, что вынужден был пробыть там около двух месяцев и вернулся в Лондон в конце февраля 1864 г. после почти трехмесячного отсутствия. Полученное после смерти матери наследство, — размеры его трудно определить, но оно вряд ли было значительно, — дало Марксу возможность переехать в новый дом, недалеко от старого.¹ Новое наследство, полученное им после смерти Вильгельма Вольфа, — около 600 фунтов, — дало Марксу возможность посвятить все свои силы окончанию «Капитала». В 1864 и 1865 гг. Маркс написал те части своего труда, которые Энгельс после издал как второй и третий томы «Капитала», и вновь переработал для печати готовую уже часть рукописи первого тома. А наряду с этой колоссальной теоретической работой шла не менее важная по своим размерам практическая деятельность по организации первого Интернационала. Можно сказать, что Маркс представившуюся ему, наконец, возможность работать, не тратя значительную часть своего рабочего времени на писание корреспонденций, использовал до последней возможности. Правда, при этом он окончательно надорвал свое здоровье, и, как мы видели, уже весной 1866 г. был на краю смерти.

Понятно, что в 1864 г. материальная помощь Энгельса свелась

¹ Во втором томе «Переписки» ошибочно сказано, что Маркс прожил в доме 9, Grafton Terrace, Maitlandpark Haverstockhill от 1857 до 1868 г. В действительности он жил там от октября 1856 г. до апреля 1864 г., когда переселился в Modena Villas, Maitlandpark, Haverstockhill. Фотографию того дома, в котором Маркс жил до своей смерти, мы дадим в следующем томе.

почти к нулю. Только со второй половины 1865 г. Маркс вновь обращается к его помощи.

Положение Энгельса к этому времени радикально изменилось. Долгая распря между ним и компаньоном его отца закончилась договором, — в сентябре 1864 г., — в силу которого Энгельс становился совладельцем манчестерской фирмы «Эрмен и Энгельс». Сын фабриканта, затем приказчик и прокурис, он стал теперь сам фабрикантом. В 1866 г. Энгельс посылает Марксу около 240 фунтов, а в 1867 г. — около 350 ф. Можно сказать, что с 1866 г. Маркс с семьей окончательно переходят на «иждивение» Энгельса. Правда, Марксу, наконец, удалось пристроить «Капитал», но он не извлек из него никакого «капитала». Договор с издателем был заключен на таких условиях, что тысяча экземпляров — а именно таков был тираж первого издания, — едва покрыли расходы, конечно, с обычной торговой прибылью, и на долю Маркса пришлось всего 60 фунтов — 600 рублей! А Маркс — письмо от 7 мая 1867 г. — еще надеялся и был «глубоко уверен, что через год уже настолько завоюет себе положение, что сможет в корне реформировать свое экономическое положение и стать, наконец, на собственные ноги». Эта надежда также оказалась «разбитой иллюзией».

Оптимистически был настроен и Энгельс. Он ожидал, что, вслед за «Капиталом», Марксу удастся издать также другие свои работы.

«Вся эта перемена обстоятельств страшно радует меня, во-первых, сама по себе, во-вторых, из-за тебя и твоей жены и, в-третьих, потому, что действительно пора, чтобы дела пошли лучше. Через два года кончается мой договор со свиньей Готфридом [Эрменом], и, судя по теперешнему ходу дел, вряд ли оба мы захотим продолжать его; не исключена даже возможность, что разрыв наступит еще раньше. Если это случится, то я должен буду *совсем бросить* коммерцию, ибо начать теперь собственное дело значило бы пять-шесть лет проработать, как вол, без заметных результатов, а потом работать еще пять-шесть лет для собирания плодов первых пяти лет. Но это окончательно погубило бы меня. Я ничего так страстно не жажду, как освободиться от этой собачьей коммерции, которая совершенно деморализует меня, отнимая все время. Пока я занимаюсь ею, я ни на что не способен; особенно плохо дело пошло с тех пор, как я сделался хозяином, по причине большой ответственности. Если бы не шла речь об увеличении доходов, я, право, предпочел бы снова стать приказчиком. Во всяком случае, еще несколько лет, и моей коммерческой жизни придет конец, и тогда доходы тоже весьма и весьма оскудеют. У меня никогда не выходила из головы мысль о том, что мы тогда будем с тобою делать. Но если дела пойдут так хорошо, как это теперь можно предвидеть,

то и это устроится, даже если к тому времени и не придет революция и не положит конец всем финансовым проектам».

Дело устроилось иначе. В ноябре 1868 г. Энгельс пишет Марксу, что Эрмен хочет выкупить у него его долю. Он просит сообщить, как велики долги Маркса и какая сумма, после уплаты этих долгов, ему нужна, чтобы покрыть ежегодные расходы. Исходя, вероятно, из той суммы, которую он послал Марксу в 1867 г., он запрашивает его, достаточно ли для него будет 350 ф. Соглашение с Эрменом состоялось, и через полгода — 1 июля 1869 г. — Энгельс освободился, наконец, от «собачьей коммерции», обеспечив себя и Маркса.

Когда Марксу в 1865 г. пришлось опять обратиться к Энгельсу, он писал ему (31 июля 1865 г.):

«Это может прямо довести до отчаяния — мысль, что пол-жизни находишься в зависимости от других. Единственная мысль, которая меня при этом поддерживает, это то, что мы оба ведем дело на компанейских началах, причем я отдаю свое время теоретической и партийной стороне дела».

С 1869 г. «предприятие», или «дело», Маркса и Энгельса продолжалось на новых началах. Чисто коммерческая сторона была ликвидирована, и оба компаньона занялись только теоретической и партийной работой. С одной только разницей. Энгельс в 1869 г. находился еще в цвете сил и здоровья, а Маркс только с громадным напряжением всех своих сил мог еще справляться с партийной работой, которая лежала на нем до 1873 г. Новая тяжелая болезнь — в 1871 г. — подорвала вконец колоссальную умственную энергию и творческую способность, которые позволили ему от 1861 до 1867 г. написать три тома «Капитала» и историю «Теорий прибавочной стоимости».

* * *

Теоретически предлагаемый том стоит под знаком «Капитала». Ряд писем посвящен истории его плана и отдельным проблемам. Они дают возможность установить более точно хронологические вехи в развитии соответствующих идей Маркса. Особенно важно письмо от 2 августа 1862 г., в котором Маркс дает сызтый конспект третьего тома, и от 6 июля 1863 г., в котором Маркс, примыкая к «Tableau Économique» Кенэ, излагает свою теорию воспроизводства. Интересный комментарий к главе о машинах представляет письмо от 28 января 1863 г. По каким-то совершенно непонятным соображениям Бернштейн исключил из своего собрания второе письмо от 27 июня 1867 г. А между тем оно дает важные методологические указания. Маркс объясняет Энгельсу, какие предварительные теоретические

звенья необходимы, чтобы решить вопрос, как превращается *стоимость* товара в его *цену производства*.

«Ответ на этот вопрос предполагает: 1) что прослежено *превращение*, напр., *дневной стоимости рабочей силы в заработную плату или цену дневного труда*. Это выполнено в главе V этого, II тома; 2) что прослежено *превращение прибавочной стоимости* в прибыль, прибыли в среднюю прибыль и т. д. Это предполагает предварительное изложение *процесса обращения капитала*, так как оборот капитала и т. д. играет при этом роль. Об этом может идти речь лишь в третьей книге (том второй содержит вторую и третью книги). Здесь обнаружится, на какой основе возникает *система представлений* мещанина и вульгарного экономиста; именно, она возникает благодаря тому, что в их мозгу всегда отражается лишь непосредственная *форма проявления* отношений, а не их *внутренняя связь*. Если бы, впрочем, последнее имело место, то зачем вообще нужна была бы тогда наука?»

Процессу обращения посвящено письмо Маркса от 24 августа 1867 г. В связи с ним представляют большой интерес письма Энгельса, который сообщает Марксу интересные данные из практики фабрикантов (26 и 27 августа 1867 г.).

Письма Маркса показывают нам, что если ему не удалось закончить «Капитал», то наряду с такими помехами, как нужда и болезни, была еще одна помеха, лежавшая в самом Марксе.

«Я не могу решиться что-нибудь отослать, — пишет он Энгельсу 31 июля 1865 г., — пока все в целом не будет лежать передо мной готовым. Каковы бы ни были их недостатки, одно является достоинством моих сочинений: они представляют собою художественное целое. А это можно достигнуть только при моем способе — не приступать к печатанию, пока сочинение не будет лежать на столе *готовым*. Методом Якова Гримма этого не достигнешь; он больше подходит к сочинениям, не представляющим собой диалектически-расчлененного целого».

История науки не знает другого примера такой строгости к себе в области теоретической мысли. Беспощадный в критике всякой ученой фальсификации, всякого научного фарисейства, он был не менее требователен и к своей научной работе. Здесь он не знал никаких уступок, никаких компромиссов.

Мы можем теперь понять горячее возмущение Энгельса, когда итальянский экономист Лория, сейчас же после смерти Маркса, которому он сам был не мало обязан в теоретическом отношении,

публично заявил, что, делая ссылки в первом томе «Капитала» на остальные части своего труда, Маркс сознательно обманывал читателей!

* * *

Последствия кризиса 1857 — 1859 гг. резко сказались не только в области международных отношений вообще, но и в области международного рабочего движения, как раз с 1861 г. Маркс уже 11 января 1860 г. писал Энгельсу:

«По моему мнению, самые великие события в мире в настоящее время, это — с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти Брауна, с другой стороны — движение рабов в России... Так открылось «социальное движение» на Западе и Востоке. Вместе с предстоящим крахом в центральной Европе это будет грандиозно».

3 марта (19 февраля) 1861 г. крепостное право в России было уничтожено. Связанная с этим экспроприация крестьянства дала могучий толчок развитию капиталистических отношений, а вместе с этим и росту революционного движения сначала среди студенчества, а затем и в молодом русском рабочем классе.

4 марта 1861 г. Линкольн, избранный президентом 10 ноября 1860 г., вступил в отправление своих обязанностей. Южные штаты уже в феврале послали своих делегатов на совещание в Монтгомери, где принято было постановление об организации нового самостоятельного союза и отложении (сецессии) от северных штатов. Это послужило началом гражданской войны.

«Точно так же, как американская война за независимость в XVIII столетии послужила набатным колоколом для европейской буржуазии, так и американская гражданская война в XIX столетии явилась набатным колоколом для европейского рабочего класса».

Неудивительно поэтому, что американская гражданская война занимает такое большое место в переписке Маркса и Энгельса. Она дает также много тем для последних корреспонденций Маркса в «Нью-йоркской трибуне» и венской «Прессе».

Марксу необходимы были помощь и совет Энгельса как военного специалиста. Но, относясь с большим уважением к специальным познаниям своего друга, Маркс все время сохраняет самостоятельность своего суждения. Легко заметить по письмам Энгельса, как медленно для него раскрывалась специфическая природа этой гражданской войны, как сильно он переоценивал военные шансы южных штатов, как мало принимал он в расчет политические и экономиче-

ские факторы. Эта ограниченная, «спецовская» точка зрения привела его к весьма пессимистическим заключениям насчет конечного исхода этой войны. В письмах своих — особенно от 7 августа и 10 сентября 1862 г. — Маркс подвергает критике взгляды Энгельса и обосновывает все шансы неизбежной победы северных штатов, поскольку они вынуждены будут изменить способ ведения войны. «По моему мнению, вся эта история скоро примет другой оборот. Север, наконец, начнет вести войну всерьез и прибегнет к революционным средствам, отбросив руководство border slaves statesmen (государственных деятелей из пограничных рабовладельческих штатов). Один полк, составленный из негров, возымеет чудодейственное влияние на нервы южан. Трудность получить 300 000 человек кажется мне чисто политической. Северо-запад и Новая Англия стремятся заставить и заставят правительство отказаться от своего прежнего дипломатического способа ведения войны... Если Линкольн не уступит (а он уступит), то произойдет революция».

Линкольн действительно уступил. Декретом, освобождающим всех негров с 1 января 1863 г., война переведена была на революционные рельсы. В письме от 10 сентября 1862 г. Маркс пишет опять:

«Что касается янки, то я попрежнему убежден, что в конце концов победит Север; конечно, гражданская война может пройти еще через различные эпизоды, может быть и через перемирия, и может затянуться надолго». ¹

Польское восстание, в значительной степени спровоцированное царским правительством, чтобы создать противовес нарастающему революционному движению внутри коренной России, вместе с американской гражданской войной дало новый толчок пробуждению интернациональных симпатий в среде европейского рабочего класса. Из переписки Маркса и Энгельса видно, какое значение придавали они этому восстанию, которое они — в особенности Маркс — считали необходимым всячески поддерживать.

Много места в письмах Маркса и Энгельса до ноября 1864 г. посвящается «новой эре» в Пруссии: амнистия, военный конфликт, пробуждение либерализма, шлезвиг-голлштинский вопрос, новый этап германского рабочего движения в связи с агитацией Лассалья.

Со времени основания Международного товарищества рабочих —

¹ Маркс после шутливо замечает, что если бы он мог играть на лондонской бирже, которая тоже верила в победу южан, он выиграл бы большие деньги. Наш Герцен, разделявший иллюзии лондонской биржи и, несмотря на антирабовладельческие симпатии, вложивший значительную часть своих денег в бумага южных штатов, сильно пострадал в результате своей биржевой операции.

28 сентября 1864 г. — в жизни Маркса наступает большой перелом. Он становится во главе крупнейшей международной рабочей организации и не только теоретически, но и практически вынужден теперь реагировать на различные вопросы и события международной жизни. Поскольку речь идет о внешней политике Первого Интернационала, она почти целиком определяется и формулируется Марксом, который уже в «Учредительном адресе» указал на огромное значение для рабочего класса вопросов внешней политики. Поэтому письма Маркса за этот период, начиная с письма от 4 ноября 1864 г., в котором он дает Энгельсу подробный отчет о возникновении и организации Первого Интернационала, представляют важнейший источник для изучения истории международного, а также английского рабочего движения.

Но не менее важны письма Маркса и Энгельса за 1865 — 1867 гг. для истории немецкого социал-демократического движения. Даже в искаженной форме, в которой они были опубликованы Бернштейном и Мерингом, они пролили совершенно новый свет на борьбу между лассальянцами во главе с Швейцером и будущими «эйзенахцами» во главе с Либкнехтом. Они показали, как глубоко был неправ в своей «Истории немецкой социал-демократии» Меринг.

Констатируя зачастую совершенно верно ошибки Либкнехта как в тактических, так и программных вопросах, Меринг пришел к выводу, что в историческом споре между Швейцером и Либкнехтом оказался прав первый, а отсюда логически вытекал вывод, уже намечавшийся в «Истории немецкой социал-демократии», что в споре между Марксом и Лассалем прав был последний. Печатаемые нами письма показывают на каждом шагу, как ошибочна была вся историческая конструкция Меринга, которая вынуждала его со всей энергией отстаивать правоту *в прошлом* того самого ревизионизма и реформизма, с которым он с не меньшей страстью боролся *в настоящем*.

* * *

В подготовке этого тома для печати главное участие принимали П. Виноградская и С. Красный. Указатель составлен сотрудниками кабинета Интернационала и Немецкого кабинета Института. Корректуру руководил О. Румер. Ценные указания сделаны были А. Бергером.

Январь 1930 г.

Д. Рязанов.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПЕРЕПИСКА

1861—1867

1861 год.

724.

3 января 1861 г.

Дорогой Фредерик!

Я куда-то засунул твое письмо от сегодняшнего утра и потому не могу вспомнить, сколько должна стоить пересылка Петчу «Разоблачений». Имевшуюся у меня часть «Разоблачений» я переслал ему еще на прошлой неделе.

От Зибеля было письмо. Он только-что вернулся в Эльберфельд из своего свадебного путешествия в Париж. Роздал 6 экземпляров, заказывает еще 6. Было бы хорошо, если бы ты ему дал некоторые указания, как поместить объявление.

Тоби [Эд. Мейен] издал в «Freischütz» вопль страдания.

Самая неприятная опечатка (не отмеченная) в «Господине Фогте», это — 3-4 раза повторяющийся «национальный советник» (Nationalrat) вместо «сословный советник» (Ständerat). Я в самой определенной форме исправил это через Петча в «Genfer Grenzpost».

Смерть прусского короля приходит очень кстати. Qu'en dites-vous? ¹

Жене с каждым днем лучше, хотя она еще очень слаба. Я в субботу опорожнил *последнюю* склянку лекарства.

На Борхардта еще надо насесть. Привет.

Твой К. М.

Вся family ² просит передать тебе самый сердечный привет и наилучшие пожелания к новому году. Пишу коротко, так как здесь мой шурин и сестра. Они завтра уезжают на мыс Доброй Надежды.

¹ Что скажешь ты об этом? ² семья.

725.

Манчестер, 7 января 1861 г.

Дорогой Мавр!

«Разоблачения» сегодня или завтра будут отправлены «франко» Петчу. Пусть он лучше всего наклеит на обложке бумажку с надписью: Лондон, А. Петч и К^о, 1861 г., для того, чтобы знать, где

ее можно достать. Не можешь ли ты достать для меня вопль Тоби? Зибелю я пишу.

В немецких газетах, за исключением «Кельнской», все еще ни одного объявления. Ведь это же любопытно.

Наши старые друзья не избегли заслуженной участи.

Главным редактором в бозе почившего «Страсбургского корреспондента» состоял, согласно сообщению «А[угсбургской] в[сеобщей] г[азеты]», «некий г. Вольферс из Кельна» — честный Вольферс из газеты Дюмона; не можешь ли ты внушить Бискампу, чтобы он сообщил об этом в «А[угсбургскую] в[сеобщую] г[азету]», а также и то, что этот субъект вовсе не уроженец Рейнской провинции, а грязный бельгиец?

Шванбек издох в припадке *delirium tremens*.¹ «Муж чести» Брюггеман исчез без вести и забыт, а Вольферс состоит открыто на содержании у Бонапарта. Чего тебе еще надо?

Король Вильгельм I, конечно, не преминет теперь с треском осрамиться. Когда он говорит берлинцам, что произошло много нежелательного, то при этом он, очевидно, имеет в виду ставшую необходимой отставку Штибера. Кстати! Птица *Грейф*, другой наш приятель, по сообщению «Н[овой] п[русской] газеты», тяжело болен.

Хорошее предзнаменование, когда небесные громы обрушиваются на эту публику. Что смена царствования так хорошо идет рука об руку с австрийской революцией — это великолепно. Даже еженедельник Национального союза заявляет сейчас, что если Пруссия не поторопится, то Австрия станет во главе Германии. В Австрии дела идут чудесно. Ничего не может быть благоприятнее, нежели этот упрямый в своей нерешительности осел Франц-Иосиф. Дело идет чудесно, оно живо перерастет через голову как господина Бонапарта, так и Франца.

В Северной Америке дело также становится интересным. С рабами, видно, очень скверно, если *southerners*² решаются на такого рода рискованную игру. Малейшего партизанского вторжения северян достаточно, чтобы все было охвачено пламенем. Во всяком случае рабству так или иначе, очевидно, скоро будет положен конец, а затем такая же участь ждет и *cotton production*.³ Как это подействует на Англию — это скоро будет видно. И в эпоху столь могущественных движений такой осел, как Бонапарт, надеется еще долго ловить рыбу в мутной воде!

Привет.

Твой Ф. Э.

¹ белой горячки. ² южане. ³ хлопководство.

726.

8 января 1861 г.

Дорогой Фредерик!

Вопль Тоби я сам лишь бегло просмотрел. Кстати, на прошлой неделе я заказал через Петча два экземпляра; из них ты сможешь получить один.

Нынешний адрес Зибеля: Karl Siebel jun., Barmen (Kleine Wertherstrasse, Nr. 25).

О «Разоблачениях» Петч дал объявление в «Buchhändlers-Börsenblatt». В других изданиях я ему этого не разрешил, считаясь с Шаппером.

Что касается книготорговческих объявлений о «Господине Фогте», то я их *видел* только в «Reform», «Publizist», «Freischütz» и «Grenzpost». Впрочем, Петч в моем присутствии написал всем кому следует, и *mystère*¹ выяснится в течение ближайших дней. Он полагает, что дело не в газетах, а в *книготорговцах*, которые откладывают объявления до рождественских и новогодних праздников. В газеты же объявления идут непременно через руки того книгопродавца, который заведует распространением книги в данном городе. Mais nous verrons!²

Ты видишь, до чего мне не везет. С прошлой среды (just a week ago³) у меня вместе с простудой и кашлем началась колющая боль в области печени, так что я не только при кашле, но и при каждом повороте туловища с одной стороны на другую испытывал физическую боль. Решил, что это воспаление. Такого рода dolor⁴ у меня в первый раз, хотя Аллен много раз настойчиво допытывался об этом. На этот раз, принимая во внимание ужасающий старый счет от доктора, на-ряду с целой кучей других счетов, я лечил себя сам. Лечение мое очень простое: не курю, принимаю касторку, пью только лимонад, мало ем, не пью ничего спиртного, ничего не делаю, сижу дома (холодный воздух немедленно вызывает кашель). Я еще не совсем оправился и немного слаб. Спроси, пожалуйста, при случае Гумперта, что следует делать при таких острых припадках, если бы они стали повторяться. Аллена я спрошу, как только снова стану выходить и снова себя буду нормально чувствовать.

Привет.

Твой К. М.

Моя жена (которая медленно поправляется, но еще слаба) и дети кланяются тебе.

тайна. ² Но мы увидим. ³ ровно неделю тому назад. ⁴ боль.

727.

11 января 1861 г.

Дорогой Энгельс!

Вчера я получил приложенную здесь записку, и, таким образом, мне немедленно придется заплатить комиссионерам за книги 2 ф. 5 шил. Кроме того, перевозка до моей квартиры будет стоить также еще about ¹ 10 шил. От налога меня освободили. Я бы тебе, конечно, не стал писать об этой ерунде, но *dura necessitas*,² ибо в кармане у меня пусто.

На обороте копия мазни, которую составил о «Господине Фогте» Г. Бета по поручению Готфрида Кинкеля.

Т[вой] К. М.

«Магазин иностранной литературы», 1861, № 2.

«Господин Фогт» Карла Маркса. — В первые годы появления «эмигрантов» кое-какие суммы были, без сомнения, затрачены на то, чтобы при помощи тайной полиции выведать страшные тайны и выследить заговоры. Труда было положено на это много, но результаты были весьма плачевны. Однако некоторых эмигрантов обуял необычайный *страх* перед тайной полицией. Некоторые действительно сошли с ума от страха. Но были и такие, конечно, которые охотно хвастали своим страхом, утверждая повсюду, что почти что все государства Европы держат специальных шпионов для слежки за ними. Тут проявлялось хвастовство, а не ипохондрия. Но самого чорта публика не замечала даже тогда, когда он держал ее за шиворот. Они едят и пьют с ним, дружески сидят с ним за чайным столом и не замечают, что предательство — его единственная цель; не за тридцать серебрянников, конечно — нет! Он не пожалел своих собственных больших денег на то, чтобы издать эту брошюру. Целых десять лет этот г. Карл Маркс, как видно, работал, шпионил, перехватывал письма и снимал с них копии для того, чтобы суметь за собственный страх и для своего удовольствия выступить, наконец, как первый среди всех Видокв и Штиберов. Всякий давно забытый хлам, всякая ошибка, совершенная в среде эмиграции десять лет тому назад — все это используется, копируется, узнается от друзей за чаем, чтобы только не срамить последних. Всякий человек, даже и не эмигрант, пишет раз в десять лет частным образом какую-нибудь бессмыслицу, что-нибудь необдуманное, рассчитывая при этом на скромность друзей, на все уносящий поток времени. Если, однако, друзья заботливо собирают эти случайные промахи и так поэтически разрисовывают их, что пыль и грязь летят во все стороны, как в брошюрах господина Маркса *слова, сказанные в час возбуждения десять лет тому назад* (*voilà Godofredum* ³) печатаются жирным шрифтом, так что видно, что Маркс намерен сделать из этого похабщину, мерзкую историйку, — то таким путем можно всякого человека пригвоздить к позорному столбу. Господин Маркс является мастером конструктивного доносительства. Видок, Ом, Штибер в сравнении с ним — щенки. Многие с наслаждением пройдутся по этой взбаламученной грязи, ибо это мастерски сфабрикованная клевета; однако мы просим читателей быть осторожными в одном: среди обезьян имеются злые павианы, пользующиеся за отсутствием другого оружия своим калом; они бомбардируют им друзей и врагов. Будьте

на-чеку: господин Маркс практикует на своих 190 страницах почти исключительно этот род стратегии, при котором виден и самый процесс производства снарядов. Читайте, читайте, но держите при этом около себя бак с водой и мылом; не лишним будет также флакончик с душистой водой.

Г. Б[ета].

Это — готфридовский Бета, бывший некогда редактором «How do you do?» Друккера и проявивший свое низкопоклонничество по адресу Готфрида в «Gartenlaube» и т. д. Отборная сволочь! Что за стиль и что за вздор!

¹ около. ² тяжелая необходимость [заставляет]. ³ вот где Готфрид.

728.

18 января 1861 г.

Дорогой Фредерик!

Ты должен меня извинить, что я тебе еще не подтвердил получения 3 фунтов. В понедельник у меня был новый приступ болезни, и так как во вторник мне не стало лучше, то я опять был вынужден прибегнуть к Аллену, и нахожусь, таким образом, сейчас under medical treatment.¹ Необходимое при писании движение причиняет мне боль, и потому я все откладывал это. Ты видишь, я столь же многострадален, как Иов, хотя и не столь богобоязнен.

Зибель, — которому время, повидимому, очень дорого, ибо он не пишет ни строчки, — прислал мне два номера кельнского «Anzeiger», содержащие две благоприятные заметки о моей книге. Объявление книгопродавца было помещено в приложении от 1 января к «А[угсбургской] в[сеобщей] г[азете]».

Просил бы тебя написать *по-английски*, — Аллен велит мне еще по меньшей мере неделю воздерживаться от писания, — повторяю, написать по-английски для «Times» краткую критику прусской амнистии. Отметить следовало бы следующие главные пункты:

1) что эта амнистия самая куцая из всех (не исключая и австрийской), которые были где-либо даны с 1849 г. (mesquin,² истинно по-прусски);

2) что о состоянии «либеральной» пр[усской] прессы можно судить по тому, как она осыпает похвалами эту дрянь;

3) что амнистия по мелким проступкам, сопротивлению жандармам, оскорблению должностных лиц etc. дается в Пруссии *всегда*, при каждом вступлении на престол, и что данная амнистия не представляет собою на деле ничего иного.

4) В действительности, *все эмигранты*, — т. е. вся революция 1848 — 1849 гг., — исключены из амнистии. Тем из эмигрантов, которые «могли бы быть осуждены *нашими гражданскими судами*

и которым «разрешено беспрепятственное возвращение» (как будто не всякий имел «законное» право в любой момент вернуться!), обещают, что о них министерство юстиции «по своей инициативе возбудит *ходатайство о помиловании*». На деле, конечно, этим обещанием ничего не гарантируется. Эта пошлая форма избрана будто бы потому, что Пруссия — «правовое государство», в котором, согласно конституции, король не может прекратить никакого судебного следствия. Хорошенькая комедия для государства, в котором, по признанию прусской «Судебной газеты» (в Берлине), уже 10 лет не существует никакого права. А кроме того, заочные приговоры могли бы быть *at once*³ уничтожены и прекращены. Это кокетничание с «правом» особенно достопримечательно в то время, когда Штибер, Грейф, Гольдгейм находятся на свободе, *ditto*⁴ Симонс, Мантейфель *etc.*

5) *Но главное свинство*, это — § 4 амнистии, согласно которому все эмигранты, которые «должны были бы судиться в наших военных судах», должны сперва «просить о помиловании» у Вильгельма, а он уже «примет соответствующее решение на основании доклада, сделанного нашим военно-юридическим департаментом».

При этом надо помнить, что, согласно прусскому Уложению о ландвере, редкий эмигрант окажется вне компетенции «военных судов»; что «просьба о помиловании» категорически предписана и что за это унижение не обещано никакой положительной компенсации. Наконец, что Вильгельм нуждается в «амнистии» гораздо больше, нежели любой эмигрант, так как ему, с точки зрения строгой законности, решительно не следовало лезть в Баден *etc.*

«Times», наверное, с величайшим удовольствием примет такого рода критику. Я послал бы ее не только в «Times», но одновременно и в другие газеты, подписавшись, конечно, только: «A Prussian refugee». ⁵ Одновременно я написал бы частное письмо в редакцию.

Это — единственное средство воздать по заслугам прусским собакам и унтер-офицеру, их возглавляющему.

Твой К. М.

¹ под врачебным наблюдением. ² мелочно. ³ тотчас же. ⁴ также. ⁵ прусский эмигрант.

Дорогой Фридрих!

Я сегодня одновременно послал два экземпляра разъяснения по поводу амнистии (один в «Times», другой в «Standard»). Что скажешь по поводу заявления Бухера и компании?

Ты видишь в прусской прессе, как Готфрид снова выдвигает себя на первый план *via* ¹ газетной сволочи.

Объявление о моей книге (от книгопродавца) появилось также в «Н[овой] пр[усской] г[азете]». Оно на этой неделе снова послано во все берлинские газеты. Собаки с обеих сторон хотят убить книгу замалчиванием.

Что касается моего состояния, то Аллен *того же* мнения, что и Гумперт. Но каково бы оно ни было, это — чрезвычайно отвратительное состояние, лишшающее способности к работе. К тому же это состояние причиняет физическую боль, хотя сегодня я себя чувствую значительно лучше. Я еще лечусь, и Аллен навещает меня раз в три дня. Сегодня он снова был. Его советы: совершать прогулки верхом, *change of air etc.*² Я ему, конечно, не могу сказать, где у меня жмет сапог. Я уже неоднократно думал о том, нельзя ли было бы мне через посредство Боркгейма устроить дело с каким-нибудь *loan society*,³ чтобы таким образом хоть немного поправить обстоятельства, сильно расстроившиеся благодаря расходам, вызванным болезнью, невозможности трассировать векселя на «Трибуну» *etc.* Но как только я решался на это, у меня руки снова опускались, так как Б[оркгейм] — хвостун (при всех его *good qualities*⁴) и ежедневно, т. е. каждый раз, когда я его встречаю, рассказывает мне о том, сколько денег он роздал среди эмигрантов.

Мне было бы очень приятно, если бы ты мог время от времени, поскольку у тебя будет время и охота, присылать статью. Я все еще *incapable*.⁵ Приятнее всего мне было бы, если бы ты к субботе приготовил для меня статью о французских вооружениях или вообще о французских делах.

Мне представляется, что между Россией, с одной стороны, Пруссией и Австрией — с другой, *не существует* союза. Россия, стремящаяся всегда обезопасить себя с той и с другой стороны, заключила лишь некоторые соглашения в Варшаве с вышеуказанными державами (относительно Польши и Дунайских княжеств), но она же *несомненно* заключила также новый договор с Бонапартом, чтобы застраховать себя от всяких других «возможностей».

А ргоров. Еще лучше было бы, пожалуй, если бы ты написал о Шлезвиг-Гольштинии. Еще один характерный пункт: подлое поведение берлинской прессы, постоянно кивающей на Австрию, которая будто бы препятствует Пруссии выступить против Дании. Теперь же, когда Австрия разрешает, эта же пресса кричит о «капкане», предостерегает, требует сохранения мира *etc.* См. «Народную газету», «Кельнскую газету» *etc.* Задай берлинской

прессе. Я это часто делал раньше в «Трибуне». Это следует всегда повторять.

Salut. ⁶

Твой К. М.

¹ при помощи. ² перемена воздуха и т. д. ³ кредитным товариществом. ⁴ хороших качествах. ⁵ неработоспособен. ⁶ Привет.

730.

29 января 1861 г.

Дорогой Энгельс!

Если человеку не везет, то уж как следует. В этом ты убедишься из прилагаемого письма Дана. Вексель на 30 фунтов, выданный мною 10 декабря сроком на два месяца, они опротестовали и, кроме того, отказались на шесть недель от *всяких* корреспонденций. Вчера, конечно, немедленно побежал к Фрейлиграду. Для того, чтобы он сам не попался, нет никакого другого исхода, как сделать так: он должен где-нибудь пристроить вексель, выданный мною на самого себя на трехмесячный срок. Как я тут shift, ¹ я и сам не знаю, принимая во внимание, что налоги, школа, дом, лавочки, мясник, боги и черти решительно не желают дать мне больше ни малейшей respite. ²

Что за низость со стороны Дана ссылаться при расчете со мной на договор, заключенный в период кризиса 1858—1859 гг., когда *в виде исключения* корреспонденции были уменьшены до одной статьи в неделю. Этот договор был ведь заключен *per usum* ³ и, кроме того, уже несколько лет тому назад отменен совершенно определенным письмом. Затем он вычитывает мне за *все* статьи, которые *не были* напечатаны в течение последнего года. С другой стороны, если он действительно стоит, — хотя и ошибочно, — на почве договора 1858—1859 гг., то он не имеет права давать мне отставку на полтора месяца. Тем не менее, я ничего не могу против них поделать, так как всецело завишу от них. Я, право, не знаю, что предпринять, хотя уже давно видел приближение этого кризиса.

При сем одновременно письмо от Лассалья. В этом своем письме он совершенно не вспоминает, какое впечатление на него произвела фогтовская дрянь. Впрочем, лучше поздно, чем никогда. Что касается предполагаемого им возобновления «Новой рейнской газеты», — Гатцфельд, о которой прилагаю памятку для тебя, располагает капиталом в 300 000 талеров, — то я, при теперешних условиях, ухватился бы и за эту соломинку. Но волны в Германии еще не под-

нялись достаточно высоко, чтобы вынести наш корабль. Это был бы с самого начала выкидыш.

Тоби опять писал Боркгейму, спрашивая его, неужели он так-таки ничего не слышал о нашем «90-фунтовом эмигрантском скандале». Германия-де меня презирает, оттого и всеобщее молчание. Сам-де великий Л. Валесроде заявил, что на подобные низости никто не обязан отвечать, etc. En passant ⁴, мне было бы приятно, если бы ты *ответил* Боркгейму—он ведь дал 12 фунтов на издание «Фогта». Он очень чувствителен в этом пункте.

Бухер и Родбертус, числившиеся в списке депутатов от Берлина, после появления их заявления были *исключены* из него возмущенными «мало-германцами». Заявление плохое, но зато Бухер хорошо отделал Г. К. [Готфрида Кинкеля] в последнем номере «Hermann'a».

Г-н Колачек письменно обратился за бесплатным экземпляром «Господина Фогта» для рецензии. Послал ему. Довольно много требований на эту книжку из Петербурга и Риги, но зато из Кельна *ничего* (может быть, всего 6 экземпляров).

История, рассказываемая Лассалем о Цабеле, хороша. Salut. ⁵

Твой К. М.

Мерзкий «Times» не принял твоей статьи об амнистии. Точно так же «Standard». Помести статью в «Guardian», и пришли сюда, а я уже через Боркгейма помещу в грязном «Hermann'e» и еще где-нибудь.

¹ вывернусь. ² отсрочки. ³ на время. ⁴ Между прочим. ⁵ Привет.

730a.

[См. добавление, стр. 490.]

731.

31 января [1861 г.]

Дорогой Фредерик!

Письмо со вложением 10 фунтов получил. Спасибо. Должен бежать, чтобы заплатить за газ и внести налог, иначе господа хорошие пришлют мне в дом broker'a. ¹ Как мне устроиться с другими собаками — об этом еще придется подумать.

Подробное письмо ты получишь от меня по получении твоего завтрашнего письма. Salut. ²

Твой К. М.

Прилагаю при сем записку Лассалья.

¹ судебного пристава. ² Привет.

732.

2 февраля 1861 г.

Дорогой Фредерик!

Вчера получил от Фрейлиграта записку, которая не улучшает дела. Ты должен мне обратной почтой написать, что делать?

На меня со всех сторон сыплются несчастья, так что у меня прямо голова кругом идет. А тут я еще должен и тебе докупать всеми этими *petites misères*.¹

Дана я написал; хотя он и *юридически* кругом wrong,² но надежды на успех мало. Эти люди знают, что я в них нуждаюсь, они же во мне в данный момент не нуждаются.

Ты хотел мне прислать «Nazione» — некоторые письма Мадзини — забыл? На-днях и ты получишь от меня конфискованный номер «*Courrier du Dimanche*».

Бухер утверждает, — передал мне об этом через Боркгейма, — что его отзыв появится еще во «Всеобщей газете». Ты видишь, что негодяй Блинд старается как можно чаще преподносить публике свое имя в качестве *homme d'état*.³

Эта пакостная история с книгами стоила мне в общем свыше 4 фунтов. Какая странная судьба этой *library*!⁴

Не слыхал ли чего о Зибеле? Его связи повидимому все-таки крайне ничтожны.

Привет.

Твой К. М.

Тимм несколько дней тому назад рассказал Петчу, что «Господина Фогта» особенно сильно ругают в Манчестере. Брасс заказал себе новый шрифт, специально для своего собственного удовольствия, для того, чтобы иметь возможность печатать объявления о «Господине Фогте» еще более кричащим образом. Нельзя ли пристроить в Манчестере хоть один экземпляр «*Grenzpost*», ведь там так много швейцарцев?

¹ мелкими неприятностями. ² неправ. ³ государственного человека. ⁴ библиотеки.

733.

4 февраля 1861 г.

Дорогой Мавр!

Могу сегодня написать тебе лишь пару строк. Если портной согласен учесть вексель за 35 фунтов, в том случае, если я его трассирую, и так устроить дело, что платить придется не раньше июля или августа, то, *very well*,¹ я его трассирую. Но я должен рассчитывать на абсолютное молчание, ибо я могу поплатиться за это

всем своим положением. Если Гумперт достал денег (я его с субботы не видел), то я могу, может быть, и устроить дело без этого.

¹ ладно.

Твой Ф. Э.

734.

6 февраля 1861 г.

Дорогой Мавр!

Можешь сообщить Фрейлиграту, что его портной нам не нужен. Гумперт собрал по своим счетам столько денег, что он может мне ссудить большую часть нужной суммы с ежемесячной выплатой: at a time ¹ по 5 фунтов. Дело, таким образом, улажено. Фрейлиграт может получить свои 30 фунтов в любой момент, и ему придется покрыть лишь расходы; эту сумму я ему также возвращу в течение 24 часов после того, как он мне укажет ее размеры. Он может мне и прямо написать об этом, тебе же обо всей этой истории совершенно незачем больше заботиться. А я уже постараюсь, по крайней мере, хоть часть этой суммы переписать на следующий балансовый год.

Возвращаю при сем письма. Только после моего последнего письма я установил, что Дана считает, что ты предъявил счет на 19 статей больше, чем напечатано. Несмотря на все, эта история—гнусная подлость, и «Трибуна» ведет себя, как настоящий реппу рарег.² Ее социализм на деле сводится к самому скаредническому стремлению мелкого лавочника надуть другого.

Лассаль все тот же Исидор Б—Б. Что это за политик, который воображает, что разбил наголову министерство, если он доказал непоследовательность последнего в такой безделице! Недурные представления имеет он и о парламентарном режиме и о том, что в этих условиях считается правом и справедливостью. Этот человек неисправим. О чем только ни будет идти речь в монументальном двухтомном сочинении!

Во всяком случае самое большее, что от него можно было ожидать, так это то, что в деле Фогта он совершенно переменяет свою позицию. Что касается его листка, то я на твоём месте посоветовал бы ему начать с еженедельника — в противовес «Preussisches Wochenblatt», «Berliner Revue», «Wochenschau des Nationalvereines» и т. п.

С 300 000 талеров Гатцфельд, за которые оба они будут крепко держаться, и с лукулловским образом жизни этой дамы не связаны такие доходы, которые позволили бы издавать ежедневную газету. Недостаток денег скоро сказался бы.

Напротив, такого рода еженедельник стоит не так дорого, и для нас это было бы уже недурным источником дохода. Само собою разумеется, что Лассаль должен был бы платить хорошо, т. е. по-английски. Иначе это ни к чему. Эта газетка была бы для нас также очень важна как орган.

Прусский унтер-офицер, очевидно, крепко трусит. В каждой своей речи это животное говорит о предстоящей борьбе на жизнь и на смерть.

Статью для «Трибуны» о французских вооружениях я в переработанном виде напечатал в «Volunteer Journal»; если удастся, я еще сегодня вечером разошлю дюжину экземпляров в разные газеты,— эта штука, может быть, вызовет сенсацию. Посылаю и тебе один экземпляр, так как эти собаки в Нью-Йорке не рассчитывают сейчас на это, да вся эта штука и без того совершенно переработана, так что повредить это не может. Моя брошюра выйдет на следующей неделе; остается лишь еще раз прочитать корректуру и написать предисловие.

Бухер ведет себя, кажется, довольно прилично.

Сердечный привет твоей жене и детям.

Твой Ф. Э.

¹ каждый раз. ² грошовый листок.

735.

14 февраля 1861 г.

Дорогой Фредерик!

Ты должен меня извинить, что я тебе не ответил тотчас жена твое очень милое письмо. Но ты уже получил, вероятно, от Филистера Фрейлиграта письмо.

Имел, да и сейчас еще имею, массу беготни. Дело в том, что я собираюсь съездить в Голландию для того, чтобы привести в порядок свои здешние дела, которые иначе меня совсем одолеют. Для этой поездки мне нужны две вещи: паспорт и деньги. И то, и другое я должен *d'une manière ou d'une autre*¹ раздобыть эдесь. (Может быть, мне придется заехать в Аахен.)

Лассалю еще не написал. Еженедельник был бы, пожалуй, лучше всего, но, с другой стороны, как сильно мы рискуем, принимая во внимание бестактность нашего друга! Ведь он будет сидеть там на месте, будет главным редактором и всегда будет иметь возможность посадить нас всех в лужу! Он, конечно, немедленно придаст газете характер партийного органа, и мы вынуждены будем нести ответственность за все его глупости; мы испортим себе положение в Гер-

мании, прежде чем успеем его себе снова завоевать! Об этом следует весьма серьезно подумать.

Conspiration de silence,² устроенный германской прессой, сильно вредит «Господину Фогту». Первые удачные шаги этим приостановлены. «Всеобщая газета», повидимому, почти решила не печатать рецензии Бухера. Во всяком случае, это решится в течение ближайших дней, так как дольше она не может откладывать, если вообще хочет напечатать. Колачек обеспечен.

Моя жена рекомендует тебе прочесть «Ганс Ибелес» Иоганны Моккель, в котором Виллих фигурирует под именем Вильдемана etc.; г-жа фон-Брюнинг выведена в лице Платонии, а грязный Кинкель в лице *Дон-Жуана*. Я сам знаю об этой пачкотне лишь то, что рассказала мне о ней жена. Она утверждает, что книга представляет несомненное доказательство того, что Иоганна Моккель выбросилась из окна из-за несчастной любви. (Кстати, у моей жены лицо далеко еще не стало снова чистым, и это состояние будет еще долго продолжаться.) Во всяком случае, хорошо со стороны попа Кинкеля, что он выручает деньги за исповедь мертвой Моккель, продает ее Котте, чтобы вырученные деньги прожить вместе с принесшей ему уже ребенка Минной Вернер. Попы — самые умные люди. Правда, Иоганна Моккель была мало аппетитной женщиной, и от нее, вдобавок, дурно пахло, несмотря на все ее музыкальные грезы.

«Nazione» получил. Прекрасно. Ditto³ «Volunteer Journal». Однако твоей брошюры еще нет.

Фогт никогда не простит Финке, что тот с ним так поступает. Впрочем, эти прусские свиньи осрамялись in many respects.⁴ Сначала эти негодяи просят Бонапарта продолжать свое вмешательство в Гаэте, а теперь они высказываются вместе с Бонапартом и Россией за французское вмешательство в Сирии. Австрия и Пальмерстон, — последний, конечно, for appearance's sake,⁵ — высказываются против. А затем — все это хозяйничанье внутри страны! Эта банда должна погибнуть.

Вильгельм Либкнехт также почти совсем посажен на мель своей американской газетой. Одна из газет, в которых он писал, была sacked⁶ в Новом Орлеане.

Salut.⁷

Твой К. М.

¹ тем или иным способом. ² Заговор молчания. ³ Также. ⁴ во многих отношениях. ⁵ для виду. ⁶ разгромлена. ⁷ Привет.

736.

27 февраля 1861 г.

Дорогой Энгельс!

Завтра я уезжаю, но с паспортом не на своё имя, а на имя Бюринга,* выданным для Голландии. Ужасно много было trouble,¹ трудно было также добыть достаточно денег, чтобы я вообще мог уехать. Самым неотступным кредиторам пришлось дать немного денег. У других (напр., у grosceг'a²) добился отсрочки, ссылаясь на американский кризис, но под условием, что во время моего отсутствия жена будет платить *еженедельно*. Кроме того, ей на следующей неделе придется заплатить 2 фунта 18 шиллингов налога.

Notabene. Письмо от моей жены (дней восемь тому назад), в котором она благодарит тебя за вино, ты, конечно, получил? Она почему-то решила, что оно попало в чужие руки, и немного беспокоится. Дети также очень признательны за вино. Они, кажется, унаследовали от отца пристрастие к вину.

Я, по всей вероятности, заеду также и в Берлин — без паспорта, для того, чтобы посмотреть, как подвигается дело с еженедельником (кстати: Вильгельма I в Берлине зовут: красавец-Вильгельм) и вообще для того, чтобы посмотреть на всю эту дрянь.

Свинья Блинд опубликовал в последнем номере «Hermann'a» письмо Мадзини к нему. Эта навязчивая гадина, очевидно, сумела убедить М[адзини], что он — представитель немецкой эмиграции. Он заполняет тот же «Hermann» болтовней — патриотической — о Шлезвиг-Гольштейнии; он пишет по этому поводу, — за своей подписью, конечно, — письма в «Globe» и т. д. Через Броннера, — вместе с ним и с Шайбле он образует «Союз борьбы за свободу и единство», — он выжал столько денег из одного брэдфордского купца, что смог основать в Гамбурге дрянненький листок — «Nordstern» — для того, чтобы представиться важной персоной, между тем как на юге он заставляет, — через посредство Шайбле, — рекламировать себя, в качестве «железного Блинда», в «Stuttgarter Beobachter». (Нечто вроде южно-германской «Volkszeitung».)

Все это проделывается гадиной для того, чтобы, с одной сто-

---

* Бюринг изображал собою во время оно пролетариат Фаухера, его фритредерских пролетариев. Это — настоящий гений по части изобретательности, но совершенно неделовой человек. Его поэтому постоянно надувают, а его изобретениями пользуются другие.

роны, перекричать свой позор в «Господине Фогте», а с другой — чтобы стать Геккером *secundus*’ом. *Le pauvre hère*.³

Кельнцы хорошо распорядились моей библиотекой. Украден *весь* Фурье, ditto⁴ Гете, ditto Гердер, ditto Вольтер, и, что для меня ужаснее всего, украдены «*Economistes du 18-me siècle*»⁵ (совершенно новенькое издание, стоило около 500 франков), много томов греческих классиков, отдельные томы из других сочинений. Если я попаду в Кельн, то мне придется иметь крупный разговор с Бюргерсом из Национального союза. «Феноменология» и «Логика» Гегеля — тоже украдены!

Из-за отвратительной беготни в течение последних двух недель, — право, понадобилось очень много искусства для того, чтобы предотвратить окончательный крах всего моего дома, — я совершенно не читал газет, не просмотрел даже в «Трибуне» известий об *American crisis*.⁶ Зато по вечерам отдыха ради увлекался «Гражданскими войнами в Риме» Аппиана в греческом оригинале. Очень ценная книга. Он — родом египтянин. Шлоссер говорит, что у него «нет души», вероятно потому, что он старается докопаться до материальной подкладки этих гражданских войн. Спартак в его изображении является самым великолепным парнем во всей античной истории. Великий генерал (не Гарибальди), благородный характер, *real representative*⁷ античного пролетариата. Помпей же незаслуженно вошел в славу сначала благодаря присвоению успехов Лукулла (против Митридата), затем успехов Сертория (в Испании) и т. п., потом «*young man*»⁸ Суллы и т. д. Как генерал — римский Одион Барро. Как только пытается показать в борьбе против Цезаря свои таланты — ничтожество. Цезарь делает ряд самых крупных военных ошибок, намеренно экстравагантных, для того, чтобы сбить с толку противостоящего ему филистера. Любой римский генерал, какой-нибудь Красс, уничтожил бы Цезаря шесть раз во время Эпирской войны. Но с Помпеем можно было себе позволить все. Мне кажется, что Шекспир, когда писал комедию «*Love’s Labour lost*»,⁹ имел уже некоторое представление о том, чем Помпей был на деле.

Напишу тебе из Голландии. Ты ведь без всяких слов понимаешь, как я тебе благодарен за твое исключительное проявление дружбы. *Salut*.¹⁰

Твой К. М.

¹ беспокойства. ² бакалейщика. ³ Бедняга! ⁴ также. ⁵ «Экономисты XVIII века». ⁶ американском кризисе. ⁷ истинный представитель. ⁸ помощника. ⁹ «Бесплодные усилия любви». ¹⁰ Привет.

737.

7 мая 1861 г.

Дорогой Фредерик!

Habes confitentem reum.¹ Но circonstances atténuantes² моего не-писания следующие. D'abord,³ ты знаешь, что большую часть моего пребывания в Берлине я провел в доме Лассалья, и мне было абсолютно невозможно написать тебе письмо, не показав его Лассалю, that did not serve my purpose.⁴ Затем, я все время был en route:⁵ Берлин, Эльберфельд, Кельн, Трир, Аахен, Боммель, Роттердам и Амстердам. Наконец, мой первоначальный план, как я и сообщил своей жене, состоял в том, чтобы из Роттердама поехать в Гулль, а из Гулля — в Манчестер, для того, чтобы дать *подробный устный* отчет о своем путешествии. Этот план был расстроен моим двоюродным братом Жаком Филипсом. А именно: когда я собрался уезжать из Роттердама, он мне заявил, что на следующий день едет в Лондон, and he was as good as his word.⁶ Мне ничего не оставалось делать, как также поехать в Лондон, для того, чтобы оказать ему там подобающий прием. Третьего дня только он уехал отсюда.

Во всяком случае, я надеюсь, что на Троицу ты приедешь к нам на несколько дней. В Эльберфельде я слышал, что на Троицын день ты собираешься навестить своих родных. Даже в этом случае ты бы мог так устроиться, чтобы, по крайней мере, несколько дней провести у нас. Есть масса вещей, которые мне хотелось бы тебе рассказать, а это лучше делается устно, чем в письме. Кроме того, мои дамы сердятся на тебя, что ты все время как-то избегаешь Лондона.

Итак, сперва к business.⁷ У своего дяди я пока выжал 160 фунтов, так что мы сможем выплатить большую часть наших долгов. Моя мать, у которой нет наличных денег, уничтожила несколько старых векселей, которые я ей когда-то выдал. Это был довольно приятный результат тех двух дней, которые я у нее провел. Я с ней не заговаривал о money-matters,⁸ но она сама подняла этот вопрос. Затем я создал себе в Берлине возможность, в случае нужды, завязать сношения с венской прессой; без этого мне, пожалуй, не обойтись при теперешних американских условиях. Наконец, я добился через Лассалья того, что вторая часть моей Политической экономии выйдет не у Дункера, а у Брокгауза. Про Дункера хорошо заметила Камилла Эссиг (она же Людмила Ассинг), что если хочешь замолчать книгу, издай ее у Дункера. Впрочем, мое имя все же фигурирует в последней книжке Рау-Рау, этого немецкого Сэя.

Кстати. Относительно твоего «По и Рейн» и т. д. мне рассказала Гатцфельд, которая встречается в доме своего шурина, генерала фон-Ностица, со всем прусским генералитетом и племянник которой, другой Ностиц, состоит адъютантом у «красавца-Вильгельма», что твою книжку в высоких и высших военных кругах (в том числе и в кругу принца Карла-Фридриха) считают произведением прусского тайного генерала. То же самое и в Вене, как мне рассказал ассессор Фридлиндер (брат редактора венской «Прессы»). Я лично говорил об этом с генералом Пфулем, которому уже 88 лет, но который еще умственно сохранился и сейчас весьма радикально настроен. Пфуль, конечно, не знал, что мы дали ему почетный титул: «von Höllestein». ⁹ Впрочем, он сейчас в немилости, и при дворе его считают якобинцем, атеистом и т. д.

А теперь — о political business. ¹⁰

В Берлине, конечно, нет «haute politique». ¹¹ Все вертится вокруг борьбы с полицией (не потому, что она особенно выделяется своим поведением; она — образец степенности и терпимости), причем требуют отставки и наказания Цедлица, Патцке etc. Второе место занимает противоположность между военными и «штатскими». Вот те пункты (в буржуазных кругах еще — специально-военные законопроекты и налоговые изъятия для землевладельцев), из-за которых заварится каша. (Граф Тавернье, артиллерийский офицер, сказал мне, что охотнее всего они направили бы свои пушки на garde du corps. ¹²) Повсюду носится запах разложения, и люди самого различного ранга считают катастрофу неизбежной. В столице дело зашло, повидимому, дальше, нежели в провинции. Удивительно, что и в военных кругах господствует всеобщая уверенность, что при первом же столкновении с сграудс ¹³ пруссакам не миновать колотушек. Тон, царящий в Берлине, дерзкий и фривольный. Палаты презираются. Я лично слышал в одном театре, как куплеты против Финке вызвали громкие аплодисменты. Среди большей части публики сильное недовольство существующей прессой. На предстоящих новых выборах (осенью) во вторую палату безусловно пройдет большинство тех парней, которые были депутатами прусского Национального собрания. Сие важно не ради них самих, конечно, но потому, что «Вильгельм Прекрасный» считает их красными республиканцами. Вообще, «красавца-Вильгельма», с тех пор как он сделался королем, преследует spectre rouge. ¹⁴ Свою «либеральную» репутацию он считает западной, поставленной ему партией переворота.

При наличности таких обстоятельств было бы на самом деле

очень кстати, если бы мы с будущего года могли издавать свою собственную газету в Берлине, как бы это место мне лично ни было противно. При объединении с Лассалем etc. можно было бы собрать 20—30 тысяч талеров. *But hic jacet.*¹⁶ Лассаль прямо сделал мне это предложение. Вместе с тем он сообщил мне свое мнение, что он должен быть *rédacteur en chef*¹⁶ на-ряду со мной. А Энгельс? — спросил я его. «Что же, если три не слишком много, то и Энгельс может быть *rédacteur en chef.*¹⁶ Только вы оба вместе не должны иметь больше голосов, нежели я один, так как в противном случае я по каждому вопросу буду оставаться в меньшинстве». В качестве доводов за то, что ему необходимо вместе с нами стоять во главе дела, он привел следующие мотивы: 1) что общественное мнение считает его ближе стоящим к буржуазной партии и что поэтому он легче достанет денег, 2) что ему придется пожертвовать своими «теоретическими занятиями» и своим научным покоем и что за это ему ведь нужна какая-нибудь компенсация etc. «Впрочем, — прибавил он, — если вы и не согласитесь, я все же буду готов и впредь, как до сих пор, помогать газете материально и литературно; для меня такое положение было бы даже удобнее: я имел бы все выгоды от газеты, не неся за нее никакой ответственности», и т. д. Все это, конечно, сантиментальные фразы. Лассаль, ослепленный тем успехом, который ему в кругу некоторых ученых приобрела его книга о Гераклите, а в другом кругу — в кругу паразитов — дали его вино и кухня, не знает, разумеется, какой дурной славой он пользуется среди широкой публики. Кроме того, его мания считать себя всегда правым; его пребывание в мире «спекулятивных понятий» (парень мечтает даже о новой гегелевской философии в квадрате которую он собирается написать); его зараженность старым французским либерализмом; его фанфаронский стиль, навязчивость, отсутствие такта и т. д.

Лассаль мог бы быть полезен, как один из редакторов, при условии строгой дисциплины. А иначе он бы нас только осрамил. Ты понимаешь, конечно, что мне было очень трудно высказать ему все это прямо, после того как он выказал мне столько дружбы. Я поэтому держался в рамках общей неопределенности и сказал, что не могу ничего решить, не переговорив предварительно с тобой и с Лупусом. (Это и было главной причиной того, что я не писал тебе из Берлина; я не хотел иметь от тебя в Берлине ответ на эти вопросы.) Если мы решим вопрос отрицательно, то графиня и Лассаль отправятся на год в путешествие на Восток или в Италию. *But here's the rub.*¹⁷ Теперь он ждет от меня ответа, и я не могу его больше откладывать. Парень ужасно патетичен, и, таким образом.

мне ничего не оставалось, как отвечать ему всегда иронически. Это тем более оскорбляло его самолюбие, что графиня, которой он импонировал в качестве универсального гения, стала проявлять опасную склонность эмансипироваться от этого Будды. Гатцфельд странным образом позаимствовала у него и усвоила себе какую-то еврейскую манеру говорить. *Qu'en dis tu?*¹⁸

Опасения Лупуса в отношении прусской полиции *quite out of place*.¹⁹ Единственное затруднение, которое еще может встретиться, касается в худшем случае только тех, которые в свое время дали воинскую присягу. Ассессор Фридлиндер заявил мне, что Лупус *still the most popular man*²⁰ в Бреславле и еще в каком-то другом силезском округе, название которого я забыл. Эльснер проданся «Силезской газете», как Штейн — «Бреславльской». Однако в Бреславле опять образовалась довольно обширная демократическая партия. Прилагаемая вырезка из «Прусской судебной газеты» была помещена редактором последней, городским судьей Гирземенцелем, по моему настоянию. Актуарий Штейн, возвратившийся из Цюриха в Берлин, шлет Лупусу сердечный привет.

О своих переговорах с прусским правительством, сиречь полицией, напишу в следующий раз.

Кстати. Привез тебе в дар от Лассалья прекрасный военный атлас. Но за ним ты уже должен сам приехать.

Привет тебе, Лупусу, Гумперту.

Твой *К. М.*

¹ Перед тобой раскаявшийся грешник. ² смягчающие вину обстоятельства. ³ Прежде всего. ⁴ а это не входит в мои расчеты. ⁵ в пути. ⁶ и он оказался верным своему слову. ⁷ делу. ⁸ денежных делах. ⁹ адский камень [ляпис]. ¹⁰ политических делах. ¹¹ высокой политики. ¹² лейб-гвардию. ¹³ обывателями. ¹⁴ красный призрак ¹⁵ Но в этом трудность. ¹⁶ ответственным редактором. ¹⁷ Но тут-то и загвоздка. ¹⁸ Что ты скажешь на это? ¹⁹ совершенно не к месту. ²⁰ все еще самый популярный человек.

Дорогой Фредерик!

D'abord¹ прилагаю фотографию. Лупус и Гумперт также получают по экземпляру, как только они будут готовы. Заказал эту штуку частью для своего роттердамского кузена, частью *in exchange*² за полученные в Германии и Голландии фотографии. Во-вторых — вырезка из одной дюссельдорфской газеты о «Господине Фогте». Наконец, прилагаю номер «Free Press»; он хотя уже устарел, но может быть, вы с Лупусом не так внимательно следили за парламентскими

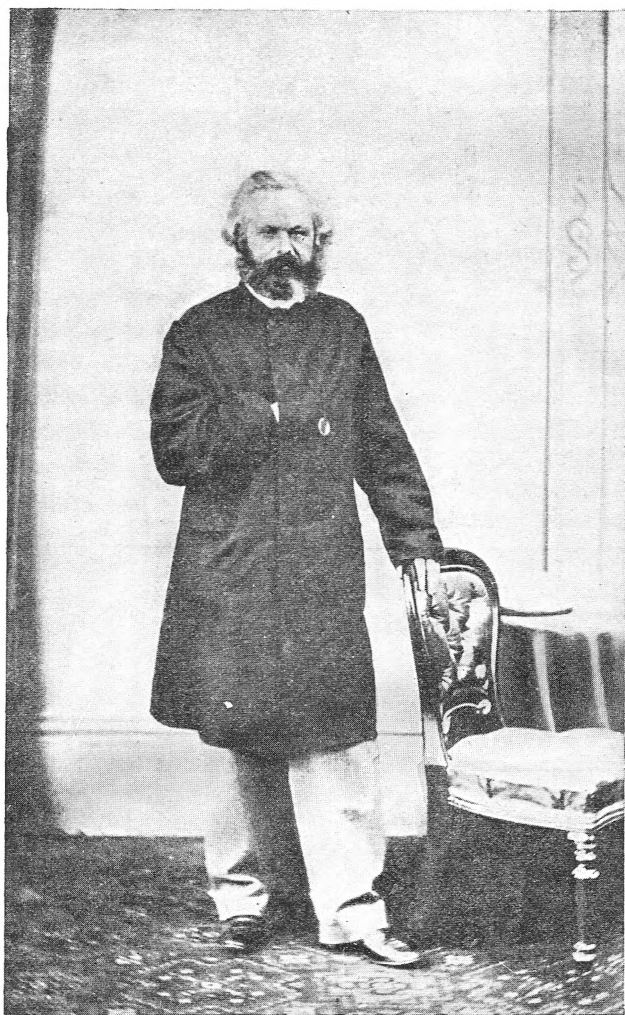
дебатами по афганистанскому вопросу. Это был самый большой check, ³ который Паму пришлось пережить со времени 1848 г.

Твое мнение о берлинском газетном проекте совершенно совпадает с моим, и главные пункты его, *mutatis mutandis*, ⁴ я уже наметил Лазарю. Однакоже, ввиду того, что я ему вполне определенно заявил в Берлине, что я без тебя и Лупуса подобных вещей предпринимать не стану, я обязался изложить вам обоим все обстоятельства дела «серьезно и объективно», и тем *salvavi animam meam*. ⁵

А гротос. Лассаль = Лазарь. Лепсиус доказал в своем большом труде о Египте, что исход евреев из Египта есть не что иное, как история, которую рассказывает Манетон об изгнании из Египта «народа прокаженных», во главе которых стал египетский жрец по имени Моисей. Прокаженный Лазарь есть, таким образом, прообраз еврея, и Лазарь = Лассаль. Только у нашего Лазаря проказа перешла на мозг. Его болезнь первоначально представляла собой плохо залеченный сифилис вторичного периода. В результате в одной ноге у него развилась костоеда, от которой кой-что осталось; по словам его врача Фрерикса (я не знаю, как пишется имя этого знаменитого профессора), это — невралгия или *something of the sort* ⁶ в одной его ноге. Во вред своему собственному здоровью, наш Лазарь живет так роскошно, как его антипод, богатый человек, и это я считаю основным препятствием для успешного хода его лечения. Он вообще стал чересчур важничать и считал бы, напр., преступлением зайти в пивную. Замечательно, что он по крайней мере четыре раза спрашивал меня, кого я подразумеваю в «Фогте» под Яковом Визенризлером. Однако при его ставшем действительно «объективным» тщеславии это было только *usus naturae*. Свой новый юридический основной труд («Dharma» ⁷) он нам всем пришлет.

В Берлине я посетил также Фридриха Кеппена. Нашел, что он нисколько не изменился. Растолстел только и стал немного «мрачен». Две вышивки, которые мы с ним вдвоем устроили, были для меня сущим удовольствием. Подарил он мне два тома своего «Будды», — значительный труд. От него я также узнал, каким образом негодяй Цабель и К^o завладели «Nationalzeitung».

Впервые эта газета была основана в 1848 г. путем выпуска акций, тотчас же оплаченных полностью (но без настоящего договора, *in a loose way* ⁸). Мюгге, Кеппен и другие несли все хлопоты по осуществлению этого дела. Рутенберг вступил главным редактором, вместе с ним и в качестве его подчиненного Цабель, наконец еврей Вольф в качестве управляющего делами. Газета скоро завоевала

К. МАРКС В НАЧАЛЕ 60-Х ГОДОВ.

себе положение благодаря своей мудро-пивно-филистерской умеренности и своему прислужничеству по отношению к парламентской левой. Рутенберг был вытеснен своими *sociis*⁹ под справедливым или ложным предлогом, будто он дает газете слишком консервативное направление и получает на чай от Ганземана. Цабель ввел в редакцию одного парикмахера, который писал для него, между тем как сам Цабель путем бесед с филистерами пивной мудрости в винных погребах создавал органу растущую популярность. *Сour d'état*¹⁰ (Мантейфеля) и различные насильственные мероприятия против прессы, продолжавшиеся в своей грубейшей форме до конца 1850 г., дали желанный предлог *не* созывать собрания акционеров. Между тем популярность газеты, нашедшей, с полным подавлением революционной прессы и водворением режима Гинкелдея-Штибера, настоящие предпосылки для своего существования, возросла в среде филистеров. Она стала давать большие доходы и *about*¹¹ 1852 г. часть акционеров стала проявлять настойчивость, требуя представления отчета, созыва общего собрания и т. д. Еврей Вольф и кандидат теологии Цабель сумели обработать наиболее строптивых. Последним было конфиденциально заявлено, что для того, чтобы не погубить газеты, настоятельнейшим образом необходимо хранить мертвое молчание о ее финансах, так как она на краю банкротства (на самом же деле, акции газеты, котировавшиеся вначале по 25 талеров, стоили в это время уже сто). Пусть же поэтому они не заставляют газету *d'une manière ou d'une autre*¹² раскрывать свое финансовое положение. Однако, из особенного внимания к ним (т. е. к наиболее строптивым акционерам), им, *в виде исключения*, будут возвращены денежные паи в обмен на акции. Таким образом были улагодворены наиболее опасные акционеры. Фарс повторялся несколько раз. Большая часть этих людей, доверие которых было куплено, получила однако — в зависимости от степени их пассивного сопротивления — от 40 до 5% их первоначальных взносов. Значительная часть этих либеральных мокрых куриц не получила до настоящего момента ни гроша и так же мало сумела настоять на представлении отчета. Из страха перед «*Kreuzzeitung*» они молчат. Этим *escroquerie*¹³ еврей Вольф и кандидат теологии Цабель стали «сверх меры богатыми» сановниками *liberalismus vulgaris*.¹⁴ Жалко, что я этого раньше не знал.

Рутенберг, в качестве определенно гарантированной инвентарной принадлежности Мантейфеля, ныне переуступлен Шверину. Он изготовляет сейчас при помощи ножниц «*Staatszeitung*» — газету, которую ни один человек больше не читает. Нечто вроде «*London*

Gazette». Бруно, дела которого, как я слышал, очень плохи, тщетно предлагал себя нынешнему министерству, а именно свое сотрудничество в официозной «Прусской газете». Сейчас он главный сотрудник в «Staatslexikon'e», издаваемом Вагенером из «Kreuzzeitung» и, кроме того, фермер где-то в Риксдорфе или как там эта дыра называется.

Присутствовал один раз (в ложе журналистов) на заседании второй палаты. Вспомнил, как я таким же образом летом 1848 г. был на заседании прусских соглашателей. Quantum mutatum ab illis! ¹⁵ Хотя ведь и те далеко не были титанами! Крохотный зал заседания. Маленькие ложи для публики. Депутаты сидят на скамьях («господа» же — в креслах). Странная смесь канцелярии со школой. Бельгийская палата по сравнению с этим прямо импозантна. Председатель Симсон или Самсон вознаграждает себя за пинки, получаемые им от Мантейфеля, тем, что при помощи своих ослиных челюстей набрасывается на притаившихся внизу филистеров со всей уродливой и грубой начальственностью министерского швейцара. В любом другом собрании эта невыразимая разновидность воплощенного лакейского нахальства давно была бы вознаграждена оплеухой. Как ни противно в Берлине, в особенности в театрах, преобладание военного мундира (Кстати! Для того, чтобы задеть королевскую семью, Гатцфельд в первые же дни моего пребывания привела меня в ложу рядышком с «красавцем-Вильгельмом» и его компанией! Три часа балета. Больше ничего за целый вечер. Тоже берлинская особенность), тем не менее всегда очень приятно, когда встречаешь иногда в массе смиренной бюрократической школьной молодежи этакого молодца в военной форме, который высоко держит голову и сидит прямо, не сгибая спины. Говорил как раз Финке, который вообще старается говорить на каждом заседании. Я, право, еще идеализировал этого господина. Если бы я раньше когда-нибудь его слышал, я бы нарисовал его портрет совершенно иначе. В плохонькой комедии Фрейтага, под названием «Журналисты», выводится толстый гамбургский филистер и вино-торговец по имени *Пипенбринк*. Финке — точная копия этого Пипенбринка. Противный гамбургско-вестфальский говор, быстро проглатываемые слова, ни одной правильно построенной или законченной фразы. И это — наш доморощенный Мирабо! Единственные фигуры, которые в этом хлеву пигмеев по крайней мере прилично выглядят, это — Вальдек, с одной стороны, и Вагенер и Дон-Кихот Бланкенбургский — с другой.

В Эльберфельде посетил Зибеля. Ужинал у него в Бармене.

Красивая молодая жена, хорошо поет, восхищена своим Карлом, понравилась мне до известной степени. Зибель все тот же. Круг его знакомых: либеральный журналист (бывший мюнстерский корреспондент «Новой рейнской газеты»), поэты, музыканты и художники. Лучший из них, по-моему, это — Зель. Зибель повел меня в барменскую «Калифорнию». Скучные люди! Они провозгласили тост в мою честь. Я передал через Зибеля, что охрип, и он ответил за меня несколькими простыми остротами, которые однако были *right place*.¹⁶ Зибель рассказывает, что его отец подражает ему во всем, в писании стихов и в выпивке, так что все говорят: яблоня недалеко падает от яблока!

В Кельне посетил Шнейдера II и д-ра Клейна. Не изменились: пожалуй, даже еще дальше развились. Провел с ними несколько часов. Видел также в одном из кабаков инкогнито *Stuhlgang Königswinter*¹⁷ [Вольфганга Мюллера]. Навестил г-жу Даниэльс, но не зашел к дураку и члену «Национального союза» Бюргерсу. Но об этом позже. Я до такой степени разболтался, что до сих пор не дошел еще до самого главного. Итак, до следующего раза.

Totus tuus.¹⁸

К. М.

¹ Во-первых. ² в обмен. ³ провал. ⁴ с соответствующими изменениями. ⁵ спас свою душу. ⁶ что-то в этом роде. ⁷ [В индусской философии название вечного закона.] ⁸ путем свободного сговора. ⁹ компаньонами. ¹⁰ Государственный перевод. ¹¹ около. ¹² в той или иной форме. ¹³ мошеничеством. ¹⁴ вульгарного либерализма. ¹⁵ Какая перемена по сравнению с ним! ¹⁶ у места. ¹⁷ Непереводаемо: *Stuhlgang*, созвучное с Вольфганг, значит — стул (испражнение); *Königswinter* — королевская вима. ¹⁸ Весь твой.

16 мая 1861 г.

Дорогой Фредерик!

С Гумпертом мы разминулись. Сперва я был в пять часов полудни на станции *Euston Square*, где я его прождал до 6 часов. Во второй раз *about 8 o'clock*¹ я отправился на станцию *London Bridge*, но ни здесь, ни там он мне не встретился.

Будь столь добр и сообщи нам, *когда* ты приедешь.

Что касается твоего отношения к Пруссии, то по этому поводу хочу сообщить тебе мнение самых крупных юристов, с которыми я говорил в Берлине. Все зависит от того, был ли ты *призван на военную службу или нет*. Если нет, то твое дело, как ополченца, находится в ведении обыкновенных гражданских судов. Впрочем,

повидимому, прусским властям официально известна лишь твоя эльберфельдская история, а не баденская.

Не знаю, читал ли ты «Аугсбургскую всеобщую газету» от 19 апреля сего года. В ней корреспонденция из Парижа заканчивается буквально следующими словами:

«Для предупреждения книгопродавцев: книга «Господин Фогт» Карла Маркса включена в список запрещенных книг. Вследствие этого становится невозможным выход в свет находящейся уже в печати сокращенной обработки этого сочинения на французском языке».

Хотел сегодня продолжить свой отчет о поездке, но только что ко мне пришел Бюринг, и, таким образом, я вынужден отослать эти строки.

Salut.²

Твой К. М.

¹ около 8 часов. ² Привет.

740.

9 июня 1861 г.

Дорогой Фредерик!

Так долго откладывал свое письмо потому, что Вебер (часовщик из Пфальца) обещал мне дать *отчет* о лондонском заседании Национального союза, на котором Кинкелю пришлось испытать столь странные вещи, а Вебер присутствовал в качестве «вольнотрушателя». Только сегодня я получил прилагаемое. Из последнего «Негтапп'а» ты поймешь, в чем дело. Окончательное заседание назначено на будущую субботу, через неделю. За это время Юх, с *supplies*,¹ взятыми для этой цели у одного немецкого купца из Сити, должен будет съездить в Кобург для того, чтобы добиться у тамошней центральной комиссии Национального союза исключения Церфи (а значит и Кинкеля). Это божественно, что Готфрид ввергнул в фанатическую ярость всю либеральную буржуазию Сити своим подлизыванием к англичанам.

Из Бонна также получились письма, в которых грозят «поколотить» Готфрида при его возвращении. Тайные причины, в силу которых Церфи (который действует, несомненно, по поручению) и Готфрид заступаются за Макдональда, заключаются в следующем: Готфрид состоит на английской службе в качестве лектора при музее Кенсингтона, бравый же Церфи имеет место при одном учреждении Эшли (Шефтсбери). Единственными *allies*² Готфрида являются равные личности из «неполитических» певческих и иных

кутежных обществ. Их-то Готфрид и «закупал» на прошлой неделе целыми массами для «Национального союза» (вероятно, на английские денежки). (Дело в том, что членом этого мерзкого союза может стать каждый, кто приобретет у Трюбнера карточку за *minimum contribution*³ в 3 sh.) Готфрид устроил также частное собрание своих приверженцев и послал депутацию к Гейнцману, предлагая ему добровольно сложить с себя председательское звание (ввиду оскорбления готфридовского достоинства), иначе они внесут такого рода предложение на самом собрании. *By the by*⁴ не забыть бы тебе сообщить, что, когда скандал был в полном разгаре, на собрание явился (по соглашению со мной) мой друг (Рейнлендер), приведший с собой полсотни членов (по большей части приказчики) из Ислингтоновского певческого общества. Они-то и устроили Готфриду главный скандал. Рейнлендер рассказал мне, что немецкое купечество из Сити никогда еще не принимало такого страстного участия в политическом вопросе. Было бы прямо неопределимо, если бы Готфрид вынужден был уйти из Национального союза за пресмыкательство перед иностранным правительством! Этим было бы подорвано его положение в среде немецкой буржуазной сволочи, а что он такое без них? Готфрид чувствует, что это для него вопрос жизни или смерти, и поэтому-то он так и старается на свой манер. Что его особенно злит, так это то, что теперь повсюду говорят: а ведь «Volk» и Маркс были правы! Одному знакомому печатника Гиршфельда он сказал: «За всей этой историей в качестве невидимого руководителя скрывается эта шайка». Разве это не великолепно, что наши враги приписывают нам, не ударившим палец о палец, такого рода мистическую «действенную силу»?

Второй документ, при сем прилагаемый (и подлежащий возвращению, ибо я должен на него ответить), это — письмо от Гатцфельд. Непременно сделаю ее своим частным корреспондентом в Берлине, так как у нее несравненно больше политического понимания (не говоря уже о ее хороших ресурсах), нежели у «шага, в себе самом несущего систематический принцип своей ходьбы» (Лассаль, т. II, стр. 545). (Кстати. Ведь вы с Лупусом получили сей лассалевский труд?) Для того, чтобы ты мог уяснить себе два места в ее письме, сообщаю следующее. По делу Бланки я переслал ей письмо из Брюсселя (от Денонвиля). Речь идет в первую очередь о деньгах на печатание составленного Денонвилем памфлета о (гнусном) процессе Бланки (Дебаты и т. п. и рассуждения о сем.) Сам Бланки очень тепло благодарил, через Денонвиля, и меня, и *parti prolétaire allemand (in partibus)*⁵ за наше участие. Я очень доволен, что

мы вновь завязали прямые сношения с решительно революционной партией во Франции.

Пункт второй. В том письме к Лассалю, в котором я ему сообщил, что с газетой в ближайшее время ничего не выйдет, я ему написал также, — для того, чтобы поволотить пилюлю, — что я, может быть, вимой побываю в Берлине.

Оценку берлинской официальной демократии у Гатцфельд нахожу совершенно правильной. С настоящим народом она, конечно, не встречается, и незнакома, понятно, с тем тоном, который царит в пивных и который лучше.

Большое спасибо за письмо об Америке. Каждый раз, когда случится что-либо важное (в военной области), ты мне, конечно, будешь сообщать свое мнение. Судя по представлению, которое я составил себе о генерале Скотте — которому сейчас уже 76 лет — на основании мексиканской войны (см. Рипли), от него нужно ждать самых крупных blunders ⁶ в том случае, если старый осел не будет находиться под чьим-либо контролем. Прежде всего — медлительность и нерешительность. Впрочем, из фактов, напечатанных в «Трибуне», я вижу, что северяне уже открыто говорят о войне за уничтожение рабства.

Лорд Монтэгу поднял вчера, согласно своему давнишнему обещанию, в Нижней палате по поводу шлезвиг-гольштинской истории вопрос относительно пальмерстоновского лондонского протокола 1850 года (о датском престолонаследии) etc. Старик прибег к своему обычному средству. Едва только Монтэгу начал свою речь, как его прихлопнули с помощью заранее подготовленного требования о count out. ⁷

В субботу должен заплатить 2 фунта налога. Было бы очень приятно, если бы ты их мне прислал. *В начале июня я опять получу немного денег.* Что привезенное уже истрачено, не должно тебя удивлять. Ведь к долгам, из-за которых я поехал, надо присоединить почти четыре месяца без всякого дохода, а школа и врач одни съели около 40 фунтов.

Как обстоит дело с Л. Симоном, о котором говорится в конце гатцфельдского письма? Разве Симон состоял в ландвере? Во всяком случае, ты ведь гораздо больше нагрешил, нежели Людвиг (который никогда не был в боях etc). Я этого не понимаю. Привет Луцусу.

Твой К. М.

¹ средствами. ² союзниками. ³ наим/ньший взнос ⁴ Кстати. ⁵ немецкую пролетарскую партию (зарубежную). ⁶ промахов. ⁷ подсчете кворума.

741.

10 июня 1861 г.

Дорогой Фредерик!

Получил сегодня письмо из Вены. Фридлиндер просит у меня на первых порах две статьи. Одну о событиях в Америке (в которой я должен сжать всю дрянь в одну-две передовицы политического и военного характера), а другую о положении в Англии. Позже (*id est*¹ по получении этих статей) он собирается сделать мне более подробное предложение; речь идет о том, чтобы я получал по 1 фунту за статьи и по 10 шиллингов за простые корреспонденции. По немецкому масштабу это считается хорошей платой, и я должен буду согласиться, *car il faut vivre*.² Так как я очень хотел бы обе пробные статьи отправить на этой неделе, то ты должен состряпать мне военную часть об Америке. А я уже обработаю ее политически.

Начиная с прошлой недели, серьезно занялся своей книгой. От Лассалья больше ничего не имел, но его двоюродный брат Фридлиндер пишет мне из Берлина (Лассаль ничего не знает и ничего не должен знать о сделке с «Прессой») следующее:

«Ф. Лассаль со времени своего возвращения из Бреславля занимается отчасти улажением вашего дела о подданстве, удовлетворительному разрешению которого он, по моему мнению, мешаает своим чрезмерным рвением и своими слишком доказательными бумагами, отчасти же просмотром и чтением вслух многочисленных посланий от различных профессоров и тайных советников, благодарящих его за его столь прекрасную, столь интересную, столь остроумную etc. книгу.

«Эти письма дают ему лишний повод заводить разговор о его «превосходной» книге и таким образом доказать, что он совершенно нечувствителен к этим комплиментам и менее всего тщеславен. Бедной графине, заболевшей гриппом в тяжелой форме, с каждым днем становится все труднее выполнять свою официальную роль оппонента; да и мне уже начинает надоедать присутствовать при этом».

Так пишет Фридлиндер.

О здешних происшествиях в так называемом Национальном союзе и о провале Кинкеля напишу тебе завтра, так как мне еще надо написать сейчас в Берлин и в Вену.

Привет! Поклон Лупусу.

Savour's death? Qu'en pensez-vous?³

Осел Гарibaldi оскандалил себя письмом к янки с выражением солидарности.

Твой К. М.

¹ т. е. ² так как нужно же жить. ³ Смерть Кавура? Что ты относительно этого думаешь?

742.

12 июня 1861 г.

Дорогой Мавр!

К сожалению, я не собирал газет об американской войне; кроме того, многих пунктов нельзя разыскать на карте. Суть в следующем.

Юг втайне уже в течение ряда лет готовился к войне, в особенности же со времени возбуждения, возникшего в связи с президентскими выборами; в последний же момент получил еще массу оружия и денег благодаря предательству министров Бьюкенена. Поэтому Север был до 4 марта парализован. До самого падения Сомтера Линкольн ничего не сделал, да и ничего другого сделать не мог, как несколько сильнее сконцентрировать и привести в порядок свои немногочисленные линейные войска (всего 18 000 человек, раздробленных на мелкие отряды, действующие против индейцев на Западе). Наконец, после падения Сомтера, Север пришел в достаточно сильное возбуждение, чтобы заставить умолкнуть всякую оппозицию и сделать таким образом возможными энергичные военные действия. Было призвано 75 000, но записалось, насколько можно судить, в десять раз больше желающих, так что теперь мобилизовано до 100 000 человек, хотя они еще далеко не сконцентрированы. Со дня на день ожидается новый призыв Линкольна, и он потребует меньше времени, так как теперь уже все лучше приготовлено. Этих 75 000 человек, или, точнее, той их части, которая находится вблизи Вашингтона, на Огайо против Кентукки, и в Сен-Луи (Миссури), т. е. не считая резервов в Огайо и Пенсильвании, было до сих пор достаточно, чтобы установить равновесие между силами Севера и Юга на линии Потомака и даже, чтобы позволить Северу предпринимать наступления на короткие расстояния.

Ближайшей целью как южан, так и северян является Вашингтон. Наступление южан на него было до сих пор слишком слабым; после Ричмонда их главные силы, очевидно, оказались недостаточными для своевременного нанесения решительного удара. Единственное, что им удалось сделать, это — послать подвижную колонну в Гарперс-Ферри, на Потомаке, выше Вашингтона. Эта позиция чрезвычайно подходяща для наступления на северную часть Мэриленда и Пенсильвании. Она лежит при впадении Шинандо, — довольно большой реки, — в Потомак, тактически очень сильна и совершенно господствует над обеими реками. Там расположен и

«Союзный» цейхгауз, устроенный там, повидимому не без определенного намерения, правительством, предвидевшим и поощрявшим будущий раскол. Занятие Гарперс-Ферри прерывает господство союзных (федеральных) войск над линией Потомака в весьма чувствительном пункте и дает войскам южан, в случае, если бы они проникли на эту линию в большом количестве, возможность сразу установить свое полное господство над обоими берегами.

От того, удалось ли бы северянам удержать Вашингтон, зависела судьба Мэриленда и Делавара; отрезанные от юга, занятые союзными войсками, они сейчас же попали в руки Союза. Второй успех северян.

Занятие вновь Миссури немцами из Сен-Луи было третьим успехом, и притом огромной важности, ибо занятие Сен-Луи отрывает Миссисипи. В какой мере нейтралитет Кентукки окажется благоприятным для Севера или для Юга, это будет зависеть от условий и дальнейшего хода событий. Во всяком случае, этот нейтралитет ограничивает театр военных действий областью, лежащей к западу.

Результат: итак, Югу, несмотря на все его приготовления, удалось достигнуть только того, что Север, после подготовки всего в один месяц, отнял у него столицу и три рабовладельческих штата, причем четвертый рабовладельческий штат не решается отпасть; что на Потомаке наступление южан приостановилось, и Северу удалось перекинуться через эту реку, не встречая до сих пор никакого сопротивления. На каждого нового солдата, выставленного южанами, северяне выставляют трех или четырех. Отколовшиеся штаты имеют население всего приблизительно в $7\frac{1}{2}$ млн., в том числе около 3 млн. рабов. Миллион белых безусловно необходимо скинуть для охраны рабов, так что для военных целей остается всего масса населения меньше чем в $2\frac{1}{2}$ млн. Если из них будет мобилизовано 10%, — максимальная цифра для оборонительной войны, — то это даст самое большее 250 000 человек. Но столько, наверное, не наберется. Швейцария, располагающая приблизительно таким же населением, — немного больше 2 млн., — имеет 160 000 человек милиции *на бумаге*. Зато Север, считая одни только свободные штаты, имеет 20 млн. населения, которые все пригодны для военных целей, за исключением, быть может, Калифорнии, Уты и крайних западных областей. Примем 17 млн. военно-годного населения и возьмем не 10%, а только третью часть этого, т. е. приблизительно $3\frac{1}{2}$ %, в качестве материала, пригодного для наступательной войны, и мы получим тогда на стороне Севера 500 000 человек, что совершенно достаточно для того, чтобы раздавить Юг, даже при крайнем напряжении всех сил последнего. Что же касается качественного соотношения тех и других

солдат, то нет никакого сомнения, что северяне физически и морально значительно превосходят южан. В драчливом удалстве южан имеется значительная примесь трусливой страсти к убийству. Все они ходят обвешенные оружием, но лишь для того, *чтобы в случае драки успеть убить своего противника еще до того, как он ожидает нападения.* Это среднее...

[Нехватает конца письма.]

743.

1 июля 1861 г.

Дорогой Фредерик!

И я, и вся моя family¹ были очень рады видеть у себя Лупуса. Старик выглядит очень молодо, несмотря на свою подагру. Он передал мне твое письмо и 2 фунта, которые немедленно перешли к tax-gatherer.² Ожидал сегодня утром supply³ из Германии, но ничего не прибыло. Так как я еще все без всяких revenues⁴ и при этом «in a continual course of consumption»⁵ (этим некоторые экономисты пытаются объяснить «прибыль», выводя ее не из издержек производства, а из расходов потребления), то всякие поступления из Манчестера отрадны.

Напиши мне, пожалуйста, *немедленно*, что ты думаешь о действиях (военных) в Виргинии? Blunders⁶ милиционных офицеров, — бригадного генерала Пирса, по роду своих прежних занятий «портного» из штата Массачузетс, — будут, разумеется, повторяться довольно часто с обеих сторон. В опасности ли еще Вашингтон? Считаешь ли ты позицию южан у Манаса-Джонкшен наступательной? Или, может быть, вернее, что они вынуждены к отступлению? В Миссури южане, очевидно, потерпели решительное поражение, и тут выплывает на сцену также ужасный «colonel»⁷ Бёрнштейн.

Из частного письма к Веберу я узнал, что во главе цинциннатского корпуса стоит «colonel Виллих». Но на фронт он покамест еще не пошел. При ближайшем изучении американских дел я пришел к заключению, что конфликт между Югом и Севером, — после того как последний в течение пятидесяти лет делал одну уступку за другой, — разразился, наконец (отвлекаясь от новых бесстыдных требований «chivalry»⁸) благодаря тому давлению, какое оказало на события необычайное развитие North Western States.⁹ Население этих штатов, заключающее в себе значительную примесь свежего немецкого и английского элемента и состоящее кроме того из selfworking farmers,¹⁰ естественно, не так легко поддается запугиванию, как джентльмены с Уолстрит и квакеры из

Бостона. Согласно последней переписи (1860) население это за период времени с 1850 г. до 1860 г. увеличилось на 67% и составляло в 1860 г. 7 870 869 человек, в то время как все свободное население отколовшихся slavestates¹¹ составляло в 1860 г., согласно данным той же переписи, всего около 5 млн. Эти North Western States дали в 1860 г. bulk¹² как для правительственной партии, так и при президентских выборах 1860 г. Они же были первые, которые решительно выступили против всякого признания самостоятельности какой бы то ни было Southern Confederacy.¹³ Само собою разумеется, что они не могут уступить нижнее течение и устье Миссисипи другим штатам. И это они же, т. е. население северо-западных штатов, вступили в драку (в Канвасской истории, с которой, собственно, и началась война) с Border ruffians.¹⁴

При ближайшем рассмотрении истории «сецессии» штатов, оказывается, что сецессия, конституция (Монтгомери), конгресс (там же) и т. д., — что все это сплошная usurpation.¹⁵ Они ни разу не устроили голосования народных масс. Об этой «узурпации», — при которой дело идет не только об отделении от Севера, но и об укреплении и заострении господства олигархии 300 000 slavelords¹⁶ на юге над 5 млн. белых бедняков, — печатались в свое время весьма характерные статьи в южных papers.¹⁷

Теперь перейду к высокой политике — к Кинкелю и Национальному союзу в Лондоне.

Ты помнишь еще, что в позапрошлую субботу Гейнцман отсрочил заседание (о чем было опубликовано в «Hermann»), так как Юх был послан в Кобург there to move a placitum patrum.¹⁸ Одновременно great¹⁹ Гейнцман назначил на вторник чрезвычайное заседание по случаю празднования годовщины сражения при Ватерлоо etc.

Однако хитрый Готфрид вместе с Церфи разослал тайные циркуляры своим людям (см. последний номер «Hermann'a»), которыми они совывали последних на заседание в субботу. Готфрид и его люди, получив, таким образом, свободу действий, устроили свое собрание за спиной других. Готфрид (в качестве одного из вице-президентов Н[ационального] с[юза]) председательствовал на этом собрании, а Церфи (в качестве члена комитета того же Н. с.) секретарствовал. Понятно, что на этом заседании были приняты в отношении истории с Макдональдом резолюции, благоприятные для Готфрида и Церфи. В следующий вторник Гейнцман предлагает прочесть протокол последнего заседания, на котором он сам председательствовал, и делает вид, точно он не знает, что в это время было устроено заседание Готфридом и его компанией. Присутствовавшие

здесь Готфрид и Церффи точно так же не внесли предложения прочесть протокол их заседания и вообще ни словом не обмолвились об устроенном ими собрании. Зато Готфрид на следующий день написал Юху, прося его напечатать в «Негманн» приложенный к письму протокол о готфридовском заседании. Он даже угрожающе ссылался при этом на соглашение, заключенное между ними и Юхом при передаче «Негманн'а». Тем не менее он ответил на эту просьбу решительным отказом (см. последний номер «Негманн'а»).

Третьего дня должен был обсуждаться скандал, происшедший в заседании Национального союза в гостинице Сейда. Но я об этом не получил еще никаких сведений.

Ты имеешь здесь некоторый образчик макиавеллизма великого Готфрида. Кроме того, ты увидишь из последнего номера «Негманн'а», — Заседание Национального союза, — что Блинд, — у которого мелких интриг, что у собаки блох, — подговорил «Дралле» внести предложение о выражении ему, Блинду, благодарности как спасителю Шлезвиг-Гольштинин. Но это было *carped*²⁰ Гейнцманом, который не допустил драллевского *motion*²¹ до голосования. Оный же *summus*²² Блинд запросил через посредника у Вебера *etc.*, не выступить ли ему «в качестве оратора» на митинге, устраиваемом в честь июньского восстания немецким Союзом коммунистов совместно с французскими союзами. Ему ответили: если желает быть битым, то пусть выступит.

Ad vosем книги Лассалья:

Лупус подарил мне свой экземпляр под условием, что ты по прочтении отошлешь его моему кузену по следующему адресу: «A. Philips, Advokaat. Keizergracht by de Westermarkt. L. L. 267. Amsterdam».

Ты должен, разумеется, стереть надпись Л[ассалья], из которой видно, что книга подарена Лупусу. Мой кузен интересуется теоретической юриспруденцией.

Ты же сам, чтобы почувствовать некоторый вкус к тому, что в книге Лассалья безвкусно и что хорошо, прочти покамест предисловие к I тому и главу XLII из II тома, начиная со стр. 517.

Привет.

Твой К. М.

¹ семья. ² сборщику налогов. ³ получки. ⁴ доходов. ⁵ расходы идут своим чередом. ⁶ Ошибки. ⁷ полковник. ⁸ рыцарского сословия. ⁹ северо-западных штатов. ¹⁰ самостоятельных фермеров. ¹¹ рабовладельческих штатов. ¹² главную массу. ¹³ южной конфедерации. ¹⁴ буйным пограничным сбродом. ¹⁵ узурпация. ¹⁶ рабовладельцев. ¹⁷ газетах. ¹⁸ чтобы добиться решения высшей инстанции. ¹⁹ великий. ²⁰ снято. ²¹ предложения. ²² высокопоставленный.

744.

3 июля 1861 г.

Дорогой Мавр!

Твои вопросы о положении дел в Виргинии легче поставить, чем разрешить. В опасности ли еще Вашингтон? Непосредственно — нет, иначе южане не очистили бы такую большую территорию; но ведь мы не знаем, каково соотношение борющихся сил. Если первая главная атака северян будет отбита, то трудно сказать, что произойдет, ибо неизвестно, где им удастся снова задержаться. Впрочем, три шанса против одного, что Потомак в этом случае окажется достаточным препятствием. Позиция у Манаса-Джонкшен обусловлена необходимостью для южан поддерживать сообщение с северо-западной Виргинией при помощи железной дороги на Париж и Страсбург. Если Манаса-Джонкшен будет потеряна, то их ближайшей железнодорожной связью с западной Виргинией (по ту сторону гор) окажется линия, идущая от Ричмонда через Гордонсвилль в Стаунтон, — на 80 миль южнее прежней. Они теряют тогда возможность в первую очередь непосредственно позади фронта быстро перебрасывать свои резервы с запада на восток etc., смотря по надобности, а затем их войска, находящиеся в западной Виргинии, могут быть отрезаны или отеснены далеко в сторону. Таково значение (стратегическое) этой позиции; имеет ли она также и какое-либо тактическое значение, я не могу решить, ибо карты не дают оснований для решения. Вообще же война в западной Виргинии будет в ближайшее время концентрироваться вокруг железнодорожных узлов.

История при Биг-Бетеле не имеет никакого значения; в тактическом отношении она ужасно *mismanaged*.¹ Попытка предпринять ночную атаку при помощи подобного рода добровольцев, да еще в отдельных колоннах, неминуемо должна была закончиться замешательством, взаимной перестрелкой и бегством.

Зато на Севере, поскольку можно судить, делаются следующие две ошибки: 1) не пускаются в ход массы вновь образованных и совершенно готовых корпусов; их держат на расстоянии 400—500 миль от поля сражения, в то время как они были бы прямо неопределимы на Потомаке; 2) *brave old*² Скотт повидимому вновь носится с какими-то колоссальными планами обхода, которые приведут лишь к колоссальному дроблению сил; но приведет ли это к поражениям, трудно решить, имея в виду беспорядок, царящий у южан, и незнакомство с их героями.

Почему не было голосования по поводу отделения? В здешних

газетах было напечатано, что решения конвентов в каждом штате должны быть ратифицированы всенародным голосованием.

Сообщи мне продолжение истории с il capitano chi'l gran Sepolcro liberò di Cristo, Goffred'il Magnanimo.³

Прилагаю 5 фунтов J/L 62, 585 Liverpool 12. May 1860.

Постараюсь в конце недели послать еще немного.

Как прошел визит Лупуса в прусское посольство?

Привет дамам.

Твой Ф. Э.

¹ плохо проведена. ² славный старик. ³ вождем, который освободил великий гроб господень, — Готфридом Великодушным.

745.

5 июля 1861 г.

Дорогой Энгельс!

Письмо твое с вложением 5 фунтов получил с благодарностью.

Я уже три дня болен отвратительным воспалением глаз, совершенно не дающим мне ни писать, ни читать. Но я надеюсь, что через два-три дня это пройдет.

Лупус натолкнулся у Альбертса на самые большие затруднения. (Последний, кстати, — фактотум Бернсторфа. Кроме того — полицейский агент и главный поставщик по части «живого товара» для знатных прусских путешественников.) Но благодаря свойственной ему грубости Лупус все же добился того, что Альберте сделал на швейцарском паспорте длинную надпись, что Лупус, дескать, был изгнан, а теперь, желая воспользоваться амнистией etc., едет с такой-то целью в Висбаден etc. А сначала он ему заявил, что благодаря своему десятилетнему пребыванию за границей он потерял права прусского гражданства — очевидно, теперь повсюду пущен такой пароль. И он ему посоветовал натурализоваться в Англии и поехать с английским паспортом.

By the by,¹ Цедлиц незадолго до своей отставки сказал Лассалю, что я отличаюсь республиканским или, по меньшей мере, антироялистским образом мыслей и что их принцип — раз навсегда — не допускать обратной натурализации подобного рода людей. Они не хотят создать прецедент, делая для меня исключение. Винтер, преемник Цедлица, заявил Лассалю, что он не может отменить решения своего предшественника. Наконец, Шверин, к которому Лассаль также приставал с этим делом, сказал ему, чтобы от него отвязаться, что он передает это дело берлинскому магистрату, — но этого он *не делает*. Когда в палате обсуждался вопрос об эмигран-

тах, то Финке и его компания громко аплодировали заявлению Шверина, что правительство оставляет за собой право в каждом отдельном случае решать вопрос по своему усмотрению.

Что касается истории с отделением северо-американских штатов, то она в английских газетах изображена совершенно неверно. За исключением Южной Каролины, во всех штатах было сильнейшее сопротивление отделению.

Во-первых, *Borderslave states*.² Зимой 1861 г. состоялся *Border-state Convention*.³ На него были приглашены Виргиния, Кентукки, Арканзас, Мэриленд, Делавар, Теннесси и Северная Каролина. В связи с этим состоялись конвенты во всех этих штатах для избрания делегатов в генеральный конвент.

Делавар отказался даже созывать конвент для этой цели.

Теннесси — поступил так же. Его демократический парламент изъял его из союза путем *coup de main*.⁴ Впрочем, после этого были *election held*⁶ для того, чтобы ратифицировать этот *invalid act*.⁶ Выборы произошли под *reign of terrorism*.⁷ Больше трети граждан совершенно не участвовало в выборах. Из остальных одна треть голосовала против отделения, в том числе весь восточный Теннесси, который в данное время вооружается для борьбы против отделения.

Кентукки. 100 000 голосовало за союз, две-три тысячи — за отделение.

Мэриленд высказался за союз, он и сейчас послал 6 *union men*⁸ в Конгресс в качестве *members of Congress*.⁹

Северная Каролина и даже *Арканзас* избрали *union delegates*,¹⁰ причем первый штат — значительным большинством. Впоследствии они были терроризованы.

Виргиния. Народ избрал *Union Convention*¹¹ (большинством голосов). Но часть этой публики продалась. В самый разгар «южной лихорадки» (падение Сомтера) *Ordinance of Secession passed secretly by 88 to 55*.¹² Все другие шаги, — в то время как этот *ordinance*¹³ еще держался в тайне, — *to capture Federal Navy Yard at Norfolk*¹⁴ и *Federal Armory at Harper's Ferry*,¹⁶ — были также задуманы тайно. Но они были выданы *federal authorities*¹⁶ до их *execution*.¹⁷ Втайне же было заключено соглашение с *gouvernement*¹⁸ Джефферсона Дэвиса, и были брошены внезапно большие массы *confederate troops*¹⁹ в страну. Под защитой этих войск (чисто по-бонапартовски) и были произведены выборы в пользу отделения. И тем не менее, несмотря на *systematic terrorism*,²⁰ было подано 50 000 *union votes*.²¹ *A North-western Virginia*, как тебе известно, открыто откололась от сецессионистов.

Во-вторых. *Gulfstates*.²² Собственно, народное голосование состоялось лишь в немногих штатах. В большинстве штатов *конвенты*, созванные для решения вопроса об отношении южных штатов к выборам Линкольна, — позже на Монтгомериском конгрессе они образовали *свою* делегацию, — узурпировали не только право решать вопрос об отделении, но и право признания конституции, Джефферсона Дависа etc. Как это происходило, ты поймешь из приводимых ниже выдержек из южно-американских газет.

В *Texas*, где после Южной Каролины самая крупная *slave party*²³ и самый сильный *terrorism*,²⁴ все же подано 11 000 голосов за союз.

Алабама. Народ не высказался голосованием ни по поводу отделения, ни по поводу новой конституции etc. Избранный здесь конвент passed Ordinance of Secession²⁵ 61 голосом против 39. Но эти 39 northern counties,²⁶ населенных почти исключительно белыми, представляют больше free men,²⁷ нежели 61; дело в том, что, согласно United States Constitution,²⁸ каждый рабовладелец избирает одновременно также за $\frac{3}{5}$ своих рабов.

Луизиана. При выборах делегатов в конвент было подано больше union votes,²⁹ чем secession votes.³⁰ Но delegates³¹ переметнулись.

Запад Каролины, восток Теннесси, север Алабамы и Георгии, это — все горные области, интересы которых весьма отличаются от интересов южных swamps.³²

Весь этот сецессионистский маневр носил характер «второго декабря» (они были вынуждены также провоцировать войну, для того, чтобы иметь возможность вести дальше всю эту историю под лозунгом the North against the South³³), что ты можешь видеть из приводимых ниже выдержек; этот маневр станет тебе еще более очевидным из того, что предатели из бюкененовской администрации, стоявшие во главе движения, — военный министр Флойд, морской министр Тэси, министр финансов Кобб, министр внутренних дел Томсон, — были совместно с главными сенаторами Юга весьма основательно замешаны в тех миллионных dilapidations,³⁴ inquiry³⁵ которых Конгресс (палата представителей) в декабре 1860 г. передал особому комитету. Для части этих господ дело обстояло, по меньшей мере, так, что им надо было спастись от тюрьмы. Поэтому они стали самыми покорными орудиями в руках 300 000-ой олигархии slaveholders.³⁶ Что последняя в настоящее время благодаря своей сплоченности, своему положению и своим средствам может to put down³⁷ всякую оппозицию, это понятно само собой. В некоторой части

«roog whites»³⁸ они нашли ту чернь, которая заменяет им зуавов.

Георгия. Газета «Griffin Union»: «Это чистейшее издевательство, когда те самые люди, которые создали в Монтгомери данную конституцию, возвращаются в Георгию и ратифицируют ее от имени конвента штата».

«The Mason Journal»: «Конвенты штатов, созванные для иной цели..., утверждают, что они — народ и что они, в силу всего этого, имеют право, не спросив самого народа, послать делегатов на общий конвент. Все решения конгресса их союза принимаются на тайных заседаниях при закрытых дверях, и все, что там происходит, остается тайной для народа».

«The Augusta Chronicle and Sentinel» (самая большая газета в Георгии): «Все движение в пользу отделения и образования нового правительства совершается, — по крайней мере, поскольку речь идет о Георгии (а Георгия — наиболее населенная из рабовладельческих штатов), — лишь при кажущемся одобрении народа, и оно было проведено в условиях сильного возбуждения и лихорадочного настроения, стараниями искусственно созданного большинства. Несмотря на все попытки воздействия и т. д., выборы 4 января дали падение почти в 3 000 голосов и абсолютное большинство в 79 избранных делегатов. Но когда конвент собрался, то под влиянием лести, уговоров, *подкупа* и всякого обмана образовалось большинство в 31 человек (против союза)... Конвент Георгии и Конгресс конфедерации действовали, — никто не может этого отрицать, — без полномочий со стороны народа».

Алабама. «The Mobile Advertiser»: «Конвент принял постоянную конституцию от имени штата Алабама... Не подлежит сомнению, — и это очень важно, — что этот конвент не был избран для этой цели». «The North Alabamian»: «Конвент поторопился узурпировать прерогативы и ратифицировать конституцию. Достоинно внимания, что материальная, физическая мощь страны, люди труда с моволистым руками, которым придется вынести на себе всю тяжесть борьбы, когда страна их призовет, *с самого начала были против отделения*».

Миссисипи. Аналогичные жалобы по поводу узурпации в «Jackson Mississippian» и «Vicksburg Whig».

Луизиана. «New Orleans True Delta»: «Здесь решение об отделении прошло лишь благодаря тому, что были подавлены результаты выборов... правительство превратилось в *деспотическое*. На конвенте штата Луизиана (Новый Орлеан) в заседании 22 марта 1861 г. старый *Розелиус*, один из виднейших политиков Соединенных

Штатов, заявил: «Монтгомериский документ вызвал к жизни не народное правительство, а ненавистную неограниченную олигархию. В этом деле народу не было предоставлено возможности действовать».

В Луизвиле, Кентукки, сенатор Гутри (сторонник рабства, министр финансов при Пирсе) заявил 16 марта 1861 г.: «Все движение есть «заговор» и «узурпация». Между прочим: «В Алабаме большинство голосовавших из народа высказались против выступления (из союза), но незначительное большинство делегатов было за отделение; они отделили Алабаму и отказали народу в праве решать этот вопрос. Луизиана также голосовала против отделения, но делегаты скрыли это» etc...

Твой К. М.

¹ Кстати. ² пограничные рабовладельческие штаты. ³ конвент пограничных штатов. ⁴ неожиданного приема. ⁵ назначены выборы. ⁶ недействительный акт. ⁷ режимом террора. ⁸ унионистов. ⁹ членов конгресса. ¹⁰ сторонников союза. ¹¹ унионистски настроенный конвент. ¹² 88 голосами против 55 был тайно принят декрет об отделении. ¹³ декрет. ¹⁴ к захвату союзной корабельной верфи в Норфольке. ¹⁵ союзного цейхгауза в Гарперс Ферри. ¹⁶ федеративным властям. ¹⁷ выполнения. ¹⁸ правительством. ¹⁹ конфедеральных войск. ²⁰ систематический террор. ²¹ голосов за союз. ²² Штаты, расположенные вдоль залива. ²³ рабовладельческая партия. ²⁴ терроризм. ²⁵ принял декрет об отделении. ²⁶ северных областей. ²⁷ свободных граждан. ²⁸ конституции Соединенных Штатов. ²⁹ голосов за союз. ³⁰ голосов за сецессионистов. ³¹ делегаты. ³² болотистых равнин. ³³ Север против Юга. ³⁴ растратах. ³⁵ расследование. ³⁶ рабовладельцев. ³⁷ подавить. ³⁸ белой бедноты.

746.

12 июля 1861 г.

Дорогой Энгельс!

Последнее письмо *вместе с приложением* или, вернее, приложение без письма я получил, за что тебе очень благодарен.

Великая трагикомедия с Готфридом Кинкелем нашла достойный конец, и роог¹ Готфрид разбит наголову.

Если кратко изложить это великое событие, то дело представляется в следующем виде. 15 июня Готфрид и компания, как я тебе уже сообщил, созвали на свой собственный страх и риск специальное собрание, на котором они приняли благоприятные для них самих решения. 18 июня имело место чрезвычайное собрание под председательством Гейнцмана, где великий спорный вопрос не был внесен на обсуждение, так как все еще ждали ответа из Кобурга.

Наконец 6 июля имело место решающее заседание, так как

ответ кобургского оракула *having meanwhile arrived*.² Налицо были все боевые силы обеих партий, в том числе и закупленные Готфридом 35 членов «Союза немецких людей». Однако еще до дня заседания велась значительная агитация. Так, напр., «Союз немецких людей» был сфагитирован и информирован Гейнцманом и его сторонниками в отношении проделок Готфрида. Президент этого союза, агент судоходной компании по имени Шмидт (из Ганновера), прикинул, конечно, к «патриотам».

Гейнцман — *by the by*³ — преследует, конечно, двоякую цель: с одной стороны, он стремится обратить на себя благосклонное внимание [прусского правительства], а с другой стороны, он надеется *hoc via*⁴ по возможности получить от того же правительства важный и ответственный пост на предстоящей промышленной выставке. Парень, как я слышал, вел себя на своем президентском посту на манер истого грубого королевско-прусско-эльберфельдского прокуратора. По отношению, однако, к мелодраматическому Готфриду такая манера держать себя является правильной.

Одним словом, по открытии заседания (6 июля), Гейнцман велел зачитать протоколы заседаний от 8-го и 18 июня. Ни Кинкель, ни Церфи не смели и предложить, чтобы был зачитан протокол собрания от 15 июня. Они, таким образом, признают незаконность созванного ими тайного собрания. Гейнцман зачитывает затем письмо, полученное из Кобурга. Тамошний оракул писал: исключить из союза может, правда, лишь кобургский сенат, но исключение из комитета (а речь идет у Церфи об этом) относится к компетенции местной организации, — следовательно, предоставляется на усмотрение лондонцев.

Случилось, однако, так, что 8 июля предстояли вообще пере-выборы органов лондонского отдела Н[ационального] с[оюза]. Поэтому было принято предложение Шмидта о переходе к очередным делам, так как вопрос будет решен исходом перевыборов.

Готфрид выступил с очень длинной речью и был вообще в состоянии крайнего мелодраматического возбуждения. Те несколько волос, которые он имеет на голове, беспрестанно подымались к небу. Он переходил попеременно от тона горечи к угрозам и даже пускался в совершенно чуждую ему область иронии. Во время его речи в зале стоял невероятный шум, раздавался свист. Часто также его окликали: «Готфрид!», что его всегда больно задевает. Наиболее замечательным, повидимому, было то, что Готфрид и в дальнейшем ходе дебатов, не имея уже больше слова, постоянно вскакивал, чтобы прервать выступавших ораторов, но Гейнцман о

угрожающе поднятой рукой — одним жестом — заставлял его снова опускаться в свое кресло.

Готфрид и вся его банда понесли на выборах полнейшее поражение. При выборах президента Гейнцман получил 133, Готфрид — 5 голосов. Следовательно, даже подкупленные им субъекты голосовали большей частью против него. Когда были объявлены результаты выборов, Готфрид, как рассказывали, «с большим достоинством» провозгласил себя синтезом между «умирающим гладиатором» и «распятым Христом». Разве это он заслужил за все то, что он сделал для своей «любимой Германии»?

Между тем, однако, саламандра Блинд, который, как «республиканец», естественно, не состоит членом Национального союза, низкопоклонничества, заискиванием и всякого рода интригами добился того, что на обоих заседаниях Национального союза — 15 июня и 8 июля — ему было провозглашено «ура» как мужественному патристическому борцу за освобождение Шлезвиг-Гольштейнии.

Вот все, что я могу сообщить тебе об этой войне мышей и лягушек. Ты, конечно, заметил, что даже «Kladderadatsch» напечатал несколько шуток, в которых высмеивается благородный поэт.

Salut.

T[вой] К. М.

¹ бедный. ² тем временем прибыл. ³ кстати. ⁴ этим путем. ⁵ Привет.

747.

20 июля 1861 г.

Дорогой Энгельс!

Не думаю, чтобы ты мог обратиться в прусское посольство в Лондоне за «свидетельством о благонадежности», не давая этим подлецам в руки очень компрометирующего тебя документа.

Прусское посольство ни по прусским законам, ни по международному праву не является надзирающим учреждением, имеющим право выдавать свидетельства о поведении иностранцам или пруссакам. Лишь в той мере, в какой ему приходится выдавать *паспорта*, посольство обязано удостовериться, не является ли то или иное лицо бесспорным преступником, осужденным судебным приговором или *rumor publicus*.¹ В остальных же случаях оно is supposed to know nothing of private individuals.² Все, что оно знает на деле, известно ему per abusum,³ в силу того, что оно является шпионским институтом. Свидетельство о поведении от посольства есть не что иное,

как свидетельство, выданное противозаконной (а потому *официально и не существующей*) тайной политической полицией sub auspiciis ⁴ посольского писца Альбертса. Но ты не можешь признавать подобного правительственного учреждения, и директор полиции в Бармене оказался бы в очень затруднительном положении, если бы ты попросил его указать тебе тот параграф прусского свода законов, согласно которому прусское посольство в Лондоне обладает подобными атрибутами.

Иначе обстоит дело с прусским консулом в Манчестере. Консулы являются коммерческими, а не политическими представителями своего государства. Поэтому, supposed, ⁵ что они должны знать купечество своего города и, в частности, купцов своей собственной национальности. Стало быть, они могут выдать примерно такое удостоверение, что Х. Х. проживает в течение 10 лет в Манчестере и известен в качестве уважаемого коммерсанта. *Иного* свидетельства прусское правительство вообще не имеет права требовать, и оно постережется сделать это *официально*. Но такого рода удостоверение оно может потребовать от тебя, ибо ты, благодаря своему прошению о ренатурализации, стоишь на одной доске с foreigners, ⁶ от которых, при их натурализации в Пруссии, могут быть затребованы подобные свидетельства etc.

Свидетельства же о твоём *политическом поведении* прусское правительство столь же мало в праве потребовать, как и собственно-ручно написанного тобой *политического символа веры*.

Из Вены больше ничего не получил, равно как и от Дана, хотя последний присылает мне «Трибуну» каждую неделю.

Брокгауз откладывает свое окончательное решение до того момента, как ему будет прислана рукопись. Это — чрезвычайно неприемлемое условие, ибо он дает рукопись на отзыв своим ослам — литературным советчикам. Впрочем, у меня дело и не движется очень быстро, ибо много домашних troubles. ⁷

Прочитал ли ты уже что-нибудь из книги Лассалья? Отослал ли ты ее моему кузену? Последнее для меня важно, ибо я очень нуждаюсь в bons offices ⁸ сего юноши.

Лассаль и графиня находятся на курорте близ Франкфурта-на-Майне.

Был у меня польский эmissар, привезший мне от Шили целый пакет еще не прочитанных писем И.-Ф. Беккера. Больше он ко мне не являлся, ибо ему, очевидно, не по вкусу пришлось мое резкое замечание, что в данное время нет никаких надежд на conspiracy ⁹ в Пруссии. Беккеровские письма пришлю тебе сейчас же по

прочтении. Пришло также письмо Лассаля ко мне, как только на него отвечу.

Не слыхал ли чего о Лупусе?

Привет.

Твой *К. М.*

¹ общественным мнением. ² что оно, предполагается, ничего не знает о частных лицах. ³ благодаря злоупотреблению. ⁴ под надзором. ⁵ предполагается. ⁶ иностранцами. ⁷ хлопот. ⁸ услугах. ⁹ заговор.

748.

3 августа 1861 г.

Дорогой Фредерик!

Спешу насколько сообщить тебе с благодарностью о получении 5 фунтов.

Вчера мне была прислана мерзкая листовка под заглавием «Туснельда», выпущенная Кинкелем и Церфи против Гейнцмана и компании. Ничего более мальчишески глупого мне не приходилось видеть.

Почтенный Генрих Бюргерс выступал в Гюрценихе с речами в духе Национального союза, и все слушатели заржали от удовольствия, когда он произнес имя благородного мужа из Готы.

«Красавец-Вильгельм», как видно, рехнулся. Болван штудирует целые фолианты о короновании Фридриха I.

Сохрани «Туснельду», которую при сем посылаю тебе.

Прилагаю при сем также материал к counting out of the House on the occasion of the Danish Question. ¹

Salut. ²

Т[вой] *К. М.*

¹ решению парламента по датскому вопросу. ² Привет.

749.

28 сентября 1861 г.

Дорогой Фредерик!

Наш младший ребенок страдал со времени моего возвращения желтухой. Его состояние было уже с давних пор неудовлетворительным. Со вчерашнего дня желтизна из глаз исчезла, и появились все симптомы выздоровления.

На этой и на позапрошлой неделе послал по одной статье в «Трибуну». Недельки через две выяснится, может ли дело итти таким образом и впредь, а до тех пор я буду посылать по статье в неделю.

Как видно из вчерашней корреспонденции в «Times», венская

«Пресса», наконец, повернула свой фронт против Шмерлинга. Таким образом, теперь становится возможным связаться с этой газетой.

В «*Stimmen der Zeit*» Колачека, в том номере, который прибудет в Лондон в будущий понедельник (Колачек сам написал об этом Боркгейму), будет помещено особое приложение о «Господине Фогте».

Большое спасибо за «*Manchester Guardian*» (которые мне сейчас очень нужны) и за издания «Британской ассоциации».

В начале этой недели сюда прибыл — в форме гарибальдийского офицера — с рекомендательным письмом от Шили молодой офицер, по имени Э. Освальд. Он был раньше прусским лейтенантом; вступил добровольцем при Гарибальди, произведен в лейтенанты при Медичи. После роспуска армии Гарибальди он поехал в Париж, где поступил рабочим на фабрику, чтобы прокормиться. Сюда он приехал для того, чтобы отправиться в Америку и принять участие в борьбе. Остановка — за деньгами на дорогу. Отсюда раз в неделю отправляется парусное судно в Нью-Йорк. Проезд стоит только шесть фунтов. Из них пять фунтов хочет внести Боркгейм от себя и за некоторых знакомых. Таким образом, остается еще собрать маленькую сумму в Манчестере через некоторых либеральных филистеров (Борхардта etc.), отчасти для покрытия расходов на проезд. В эти шесть фунтов не включены, однако, расходы на продовольствие. Боркгейм обратился d'abord ¹ к Кинкелю, чтобы получить из революционного фонда деньги на проезд для Освальда. Но Готфрид ответил: quod non. ² (Боркгейму, когда он жил в Цюрихе, удалось таким путем достать деньги на проезд в Америку для Аннеке.) Американская миссия не дает также ни гроша. Освальд производит на меня впечатление симпатичного молодого человека, при этом абсолютно скромного. Если он попадет в Нью-Йорк, то мои рекомендательные письма к Дана будут ему весьма полезны. Однако следовало бы ускорить возможность его отъезда отсюда, так как его пребывание в Лондоне есть лишь faux frais de production. ³

Освальд уверяет, что Тюрр и в военном отношении медного гроша не стоит. Чистейший интриган. Гарибальди держал его только потому, что он был ему рекомендован его другом — итальянцем, с которым некогда Тюрр был знаком, но главным образом благодаря его роли как «representative of Hungary». ⁴ Каждый раз, когда Гарибальди пытался использовать его в самостоятельной роли, он оставался им недоволен. Точно так же, по словам Освальда, и роль Рюстова, повидимому, была тоже весьма незначительна. Его

официальной должностью была должность «историографа» войны. О Гарибальди Освальд говорит, что он по существу — вождь партизан; с большой армией и на большом пространстве он не может справиться. Его стратегическими советчиками являются Ковенц и Медичи.

Когда ты уезжаешь в Германию?

Привет от всего семейства. Привет Лупусу, Гумперту etc.

Твой К. М.

Видел пробный номер мейеновской берлинской «Reform». Чистейшая или, вернее, грязнейшая мазня.

A propos. ⁵ Только-что получил письмо от моей племянницы, из которого я узнаю, что Август Филипп из Амстердама все еще не получил книги Лассалья. Справься, пожалуйста, отправила ли ее уже контора.

¹ сначала. ² отказом. ³ непроизводительные расходы. ⁴ «представителя Венгрии». ⁵ Кстати.

750.

30 октября 1861 г.

Дорогой Энгельс!

Мое положение, наконец, настолько cleared,¹ что у меня опять появилась прочная почва под ногами, и я уже не вишу больше в воздухе. Как тебе известно, я вскоре после своего возвращения из Манчестера, как только момент показался мне подходящим, снова начал писать в «Трибуну» по одной статье в неделю. Считая истекшую неделю, я послал всего шесть статей. И вот с *последней* почтой я получил номера с напечатанными двумя первыми статьями. Первая из них (три столбца, английские отзывы о Соединенных Штатах) помещена in prominent place² и в начале журнала особенно referred to.³ Таким образом, это дело в порядке, и 2 фунта в неделю обеспечены.

Во-вторых. Как тебе опять-таки известно, я еще из Манчестера написал в венскую «Прессу», прося «информации». Недели три тому назад получил ответ, с *политической* стороны меня совершенно удовлетворяющий. (За это время газета изменила свою шмерлингговскую точку зрения.) В то же время Фридлиндер (из-за своего издателя Цанга) попросил у меня две пробных статьи. Я их послал, и вот сегодня утром получаю ответ, во-первых, что статьи с надлежащей рекламой помещены на первой странице, а во-вторых, что с ноября месяца я числюсь постоянным сотрудником с платой 1 ф. ст. за статью и 10 шилл. за корреспонденцию.

Что касается «Трибуны», то мне для вексельных переводов при-

дется найти какой-нибудь путь, ибо впредь через Фрейлиграта мне вряд ли удастся действовать.

Вообще этот двойной ангажемент обеспечивает мне возможность положить конец беспокойному существованию моей семьи в течение последнего года, а также закончить свою книгу. Хотя ты и дал мне возможность удовлетворить в начале сентября самых навойливых подлецов, но все же травля продолжала оставаться в достаточной мере невыносимой и в октябре снова пошла crescendo.⁴ Одновременно с этим пишу и моей старухе, может быть, удастся из нее что-нибудь выжать. Кроме того, я хочу попробовать, не удастся ли мне получить что-нибудь в каком-нибудь Loan Society.⁵ Для меня важнее всего, разумеется, внести некоторый порядок в мои дела, покамест в Нью-Йорке и в Вене не накопится сумм worth drawing,⁶ и прежде всего — мне нужен покой для того, чтобы я мог работать в это мертвое время. Мы за mean time⁷ заложили все, что только можно было унести из дому, а хуже всего то, что моя жена серьезно нездорова. Временные затруднения всякого рода она переносила весьма мужественно, но полная безвыходность доканала ее. Впрочем, благоприятные вести из Вены и Нью-Йорка уже вызвали благоприятную реакцию.

Что касается «Stimmen der Zeit» Колачека, то Боркгейм надул и себя, и меня. В № 39 действительно имеется приложение в целый лист, озаглавленное: «Карл Фогт и Карл Маркс», но написано оно «подлейшим из подлых», студийном Абтом женевской памяти. После того как на первых двух страницах он признал основное содержание моей книги, на остальных 14 он самым яростным и низким образом ругает и меня — «Bürstenheimer'ом» — и в особенности Шили и Имандта. В заключение он заявляет: если я не возьму своих слов обратно, то он нанесет мне удар в мое «единственное, ему известное, уязвимое место» и скомпрометирует меня так, что я «об этом пожалею». Я, конечно, не обращаю ни малейшего внимания на этого бродягу. А Колачек-то, очевидно, благодаря каким-то специальным историям, находится в руках Абта; по словам Абта, он получил мазню последнего еще в январе и до самого сентября все отказывался ее напечатать.

Привет.

Твой К. М.

Не забудь написать мне как можно подробнее о status quo в Манчестере.

¹ выяснилось. ² на видном месте. ³ рекомендуется. ⁴ усиливаясь. ⁵ кредитном обществе. ⁶ стоящих векселя. ⁷ это время.

751.

6 ноября 1861 г.

Дорогой Фредерик!

Извини, что не подтвердил раньше получение 5 фунтов и вина. За то и другое большое спасибо. Был как раз эти дни очень занят и имел очень много домашних *bothers*.¹

«Трибуна» опять рекомендовала в начале номера одну из моих статей как «*most interesting*». ² Странная манера у этих янки — давать аттестации своим собственным сотрудникам.

От моей старухи получил вчера ответ. Одни только «нежные» фразы, *but no cash*.³

Кроме того, она мне сообщает (а мне это давно известно), что ей 75 лет и что она страдает от некоторых старческих недугов.

Я до сих пор тщетно пытался устроить себе здесь заем. Поручители, которых я мог выставить, оказались, как я это, впрочем, предчувствовал, недостаточно респектабельными. Некоторые субъекты были в этом отношении счастливее меня. Прохвост Бета, напр., получил из одного кредитного товарищества 50 фунтов под поручительство господина Эдгара Бауэра!

Хозяйничанье русских в Польше недурно. Не менее хороши *gests and exploits* ⁴ «красавца-Вильгельма».

Из немецких, а также и некоторых английских газет ты, вероятно, уже видел, с какой последовательной навойливостью гражданин и государственный муж Блинд пролезает в немецкие Мадзини. А *propos*.⁵ Во время твоего отсутствия я получил *avis* ⁶ из Голландии, что книги Лассалья моим кузеном *не* получены. Будь добр справиться об этом.

Напиши мне поскорее, ибо в этот для меня еще весьма критический период твои письма мне особенно необходимы.

Не можешь ли ты как-нибудь при случае написать для «Прессы» отчет об армстронговской истории? Привет.

Твой К. М.

¹ хлопот. ² очень интересную. ³ но никаких денег. ⁴ деяния и подвиги. ⁵ Кстати. ⁶ уведомление.

752.

18 ноября 1861 г.

Дорогой Энгельс!

Iterum Crispinus.¹ Дело, стало быть, обстоит так.

9 ноября я учел вексель на «Трибуну» на сумму в 16 ф. ст. за восемь отосланных статей. Из этих 16 фунтов я заплатил по

3 фунта в счет долга мяснику, булочнику, teagroses, ² oilman, ³ milkman, ⁴ greengroses. ⁵ На 10 шилл. я купил угля, который завтра кончается. Твои 5 фунтов ушли большей частью на уплату мелких займов наличными. Таким образом, я опять гол, как сокол, а ведь еще надо заплатить домохозяину, в школу, сапожнику и сделать кое-какие необходимые закупки на зиму для семьи. В «Прессу» пишу чуть ли не каждый день. «Трибуна» и «Пресса» вместе дали бы мне возможность кое-как просуществовать. Но при дефиците, все вновь накапливаемся (хотя и не достигшем еще миллиарда) и при отсутствии доходов в течение целого года это становится невозможным.

А в данный момент к этому присоединяется еще одна роковая история.

Как тебе известно, я дал фирме Петч и К^о 25 фунтов аванса на печатание «Фогта» с условием, что эти деньги будут уплачены мне с выручки за copies ⁶ в первую очередь, до всяких других платежей. Кроме того, они должны мне несколько фунтов стерлингов за «За кулисами», «Процесс коммунистов», «18 брюмера» etc.

С другой стороны, я взял у них на 10 ф. 9 шилл. всяких газет и книг, хотя бы уже для одного того, чтобы иметь некоторое обеспечение.

И вот теперь Коллер, один из компаньонов фирмы, подрался с Петчем. Последнего сейчас в деле нет. Между ними возник процесс о ликвидации фирмы.

Негодяй Коллер, которому я напомнил о платеже, прислал мне вместо этого иск, поданный им в county-court, ⁷ на 10 фунтов 9 шиллингов. Я был у Циммермана. Он того мнения, что, — так как мой иск в Superior Court ⁸ должен обойтись фунтов в 30—60, — мне лучше предъявить свое требование в форме встречного иска в том же суде, в котором меня привлек Коллер. Но он сам не выступает в county-courts. ⁹ Мне поэтому придется еще на этой неделе (и как можно скорее) обратиться к английскому solicitor, ¹⁰ а этого нельзя сделать, не имея cash. ¹¹

Если бы я был свободен от этой жалкой нищеты, и моя семья не страдала бы от всех этих несчастных мелочей, как бы я торжествовал по поводу крушения «декабристской» финансовой системы, неминуемое фиаско которой я так часто предсказывал в «Трибуне»!

Вильгельм Прекрасный и «красавец-Вильгельм» заявил силезцам напрямик: «Если вы выберете демократов, то будет разрыв». «Против демократов помогают лишь солдаты». Привет.

Твой К. М.

¹ Опять о том же! ² чайному торговцу. ³ торговцу маслом. ⁴ молочнику. ⁵ зеленщику. ⁶ проданные экземпляры. ⁷ суд графства. ⁸ Верховном суде. ⁹ судах графства. ¹⁰ адвокату. ¹¹ денег.

753.

20 ноября 1861 г.

Дорогой Энгельс!

Тороплюсь подтвердить получение 5 фунтов и пришедших третьего дня номеров «Manchester Guardian».

Отправляюсь сейчас к solicitor. ¹ Жена моя очень расстроена, и я опасаясь, что дело примет дурной оборот, если struggle ² еще надолго затянется.

Привет.

Твой К. М.

¹ адвокату. ² борьба.

754.

27 ноября 1861 г.

Дорогой Мавр!

С ума, что ли, спятили янки, что они выкидывают такую нелепую штуку с confederate commissioners? ¹ Тот факт, что и здесь в канале военный корабль ждал mailsteamer, ² доказывает, что из Вашингтона были даны общие инструкции. Насильно забирать в качестве политических арестованных пассажиров с чужого корабля — это ведь представляет самый несомненный casus belli, ³ какой только возможен. Парни, очевидно, с ума сошли, ватывая на свою голову войну с Англией. Если война действительно вспыхнет, то ты можешь посылать свои письма в Нью-Йорк через Германию или Гавр в конверте, адресованном какому-нибудь третьему лицу. Но ты должен остерегаться оказывать содействие enemies of the queen. ⁴

Побег Бакунина меня очень обрадовал. Бедняга, наверное, здорово настрадался. Совершить таким способом путешествие вокруг света!

Мосье Бонапарт, видимо, также не может получить денег, а Фульд, очевидно, истощил уже все свои ресурсы. Любопытно, как там дело пойдет дальше.

В России и Польше дела идут хорошо, а в нашей милой Пруссии, наверное, также, наконец, наступит кризис, если только выборщики не дадут себя запугать. Но кошелек, кошелек! Он все-таки, вероятно, удержит ту чуточку «прогресса», которая еще имеется. В Кельне поговаривают даже о кандидатуре честного Генриха Бюргера. Варнгагеновские дневники, вероятно, очень интересны. Но

парень этот все же был омерзительно трусливым мовгляком. В «Kreuzzeitung» помещена о них довольно занятная статья, исполненная, конечно, яду и желчи.

1 декабря я тебе снова вышлю пять. Привет.

Твой Ф. Э.

¹ союзными уполномоченными ² почтовый пароход. ³ повод для объявления войны. ⁴ врагам королевы.

755.

[2 декабря 1861 г.]

I/Z 07595, Newcastle upon Tyne, 14 Aug. 1860.

Дорогой Мавр!

Наверху написан номер прилагаемого при сем пятифунтового билета, который я высылаю лишь сегодня, ибо 1-е оказалось воскресеньем. Я опять не посылаю заказным.

На той неделе взялся, наконец, за Лассалья. История с обратным действием правдоподобна, но мало основательна; это обнаруживается, напр., в отделе законодательства о разводе, о котором можно сказать то же, что говорят иные берлинские филистеры: «Если бы я знал, что мне будет настолько затруднен развод, я не женился бы». Впрочем, со стороны этого парня — большое суеверие верить еще в «идею права», в абсолютное право. Его возражения против гегелевской философии права по большей части очень правильны, но его новая философия духа у него все еще не нашла своей дороги. Даже с чисто философской точки зрения он должен был бы дойти до того, чтобы считать абсолютном *процесс*, а не временный результат последнего, и в таком случае у него не могло бы получиться никакой иной идеи права, кроме самого исторического процесса. Хорош также и стиль. «Ломающее себе руки отчаянье противоречий», etc. Затем предисловие. Настоящий Эфраим Ловкий. Очень далеко в чтении этой книги я вряд ли уйду, разве только, если я решу, что ее можно использовать в качестве курса римского права; в этом случае я ее прочту до конца. Впрочем, никак не могу взять в толк, как можно увлечься такого рода работой: взять столь простую и по существу мало значительную идею и протаскивать ее через весь *Corpus Juris*, применяя ее к каждому отдельному пункту, точно эта идея станет от этого более значительной. Но еще курьезнее его утверждение, что вся эта *wild goose chase*¹ вокруг «полноты конкретного» является *показательным опытом* и что он без этого никак не мог бы обойтись.

В Берлине дела теперь пойдут хорошо. Вялый «прогрессистский»

демократизм новой «палаты» все же покажется красавцу-Вильгельму чересчур красным, и к марту наверное уже наступит смягченный хронический кризис. Любопытно, что из этого выйдет. Если эти типы в палате не окажутся слишком трусливыми, то они в конце концов справятся с «красавцем», но у меня нет доверия к этим демократишкам.

Надеюсь, что твоей жене лучше. Передай ей и девочкам мой сердечный привет.

Твой Ф. Э.

¹ кутерьма.

756.

5 декабря [1861] г.

Дорогой Энгельс!

Не ответил раньше, ибо имел массу troubles.¹ Жена моя очень больна. Пишу тебе сегодня вечером, ибо днем должен стряпать статьи. Привет.

Твой К. М.

¹ неприятностей.

757.

9 декабря 1861 г.

Дорогой Энгельс!

Из моего *pertinacious*¹ молчания ты можешь видеть, как мне трудно писать тебе вообще. Ты для меня столько делаешь, — даже больше, чем тебе позволяют твои силы, — что мне несносно постоянно докучать тебе мрачными письмами.

С помощью денег, полученных от тебя в последний раз, я, призяв еще 1 ф., расплатился в школе, чтобы не платить в январе вдвойне. Мясник и *épicier*² вынудили меня выдать им векселя сроком на 9 января, одному на 10 фунтов, другому на 12. Хотя я и не знал, как я им буду платить, но я не мог рисковать судебным процессом, ибо тогда у меня бы все в доме рухнуло. Домохозяину я должен сейчас 15 фунтов, а к январю буду должен 21 фунт. Кроме того, *greengrocer*'у,³ булочнику, газетчику, молочнику и всем тем канальям, которых я утихомирил частичными уплатами по возвращении из Манчестера, наконец *tallyman*'у,⁴ ибо наступление зимы потребовало от нас приобретения зимних вещей, которые и пришлось взять в долг.

Мой доход к концу месяца будет составлять самое большее 30 фунтов, ибо эти подлецы из «Прессы» не напечатали части моих статей. Я, разумеется, должен еще привыкнуть работать «в пределах немецкого разума». (В то же время они в своей газете поднимают большой шум по поводу моих статей.)

Мои долги (считая и ломбардные проценты etc.) исчисляются

в 100 фунтов. Прямо поразительно, как исчезновение всяких доходов, вместе с невозможностью выплатить полностью все долги, несмотря на частичную помощь, все снова выбрасывает на поверхность ту же старую дрянь.

Сегодня написал *Дронке*, ибо он мне еще должен кое-что. Но я лишь слегка напомнил, а не потребовал; позволил себе сказать ему, что если он сможет мне дать аванс, то ты, наверное, не откажешься поручиться за аккуратную выплату последнего.

Когда я вылезу из этой гадости, то я при помощи Нью-Йорка и Вены смогу хоть как-нибудь существовать.

У моей жены были очень опасные нервные припадки, и д-р Аллен в течение нескольких дней боялся за нее. Он знает или, вернее, чувствует, в чем дело, но он слишком деликатен, чтобы сказать что-нибудь нескромное. Бедная женщина еще очень больна. Но, при живучести ее натуры, я не сомневаюсь, что при первом благоприятном обороте дел она снова поправится.

Войны с Америкой, как я заявил с первых же дней в «Прессе», не будет, и я только жалею, что у меня не было средств использовать в течение этого сумасшедшего периода глупость биржи, находящейся под господством Рейтера и «Times'a».

С твоей *stricture*⁵ Итцига (который писал мне из Флоренции, что «имел с Гарибальди *весьма* интересное свидание» etc.) я согласен. Второй том интереснее уже по одному тому, что там имеются латинские цитаты. Идеологизм проходит через все, и диалектический метод применяется *неправильно*. Гегель никогда не называл диалектикой подчинение множества *cases under a general principle*.⁶

Моя книга двигается, но медленно. Было на самом деле трудно при данных обстоятельствах быстро справиться со столь теоретическими вещами. Но вещь становится значительно популярнее, и метод удалось больше скрыть, чем в первой части.

Привет.

Твой К. М.

¹ упорного. ² мелочной торговец. ³ зеленщику. ⁴ торговцу, продающему в кредит. ⁵ критикой. ⁶ случаев одному общему принципу.

758.

13 декабря 1861 г.

Дорогой Фредерик!

Большое спасибо за твое письмо.

Дронке *in compensation*¹ за старые работы сейчас же прислал 5 фунтов и был вчера лично здесь, где имел свидание с одним из своих директоров.

Он хочет попытаться учесть векселя. Я ему сразу заявил, что главное условие, это — то, чтобы они не были пущены в оборот до истечения срока.

Эта собака Коллер применил другой маневр. Он пустил дело не в county-court, ² а перенес его в Sheriff court, ³ повысив иск до 20 ф., — будто бы я обязался нести все издержки по «Фогту». Это в герлу ⁴ на мой встречный иск.

Мой адвокат, Сидней Герберт, счел по формальным соображениям необходимым подать *встречный иск* в том же суде. Вся трудность в том, что мой agreement ⁵ с Петчем не был заключен в *письменной* форме.

Моей жене лучше.

Привет.

Твой К. М.

¹ в виде компенсации. ² гражданский суд графства. ³ шерифский суд. ⁴ ответ. ⁵ договор.

759.

19 декабря 1861 г.

Дорогой Энгельс!

Ты знаешь, как произошла история с Дронке. Я писал ему не насчет векселя, а насчет денег. По этому поводу мне пришлось, естественно, информировать его о том критическом положении, в котором я находился и которое он, как и всякий другой, должен был находить и находил естественным как результат американской истории. Вследствие этого сообщения он пришел ко мне, и, таким образом, возникла та сделка, о которой я и не думал бы, если бы в твоём письме не было бы ясно сказано, что ты готов акцептировать вексель, если я его смогу учесть при посредстве Ф[рейлиграта] «или кого бы то ни было». Пишу это для того, чтобы снять с себя упрек в мнимой нескромности.

С Фрейлигратам, как я и раньше знал, *ничего* не вышло. У него был только портной, да и того он уже потерял ко времени истории с «Трибуной» вследствие того, что два его приказчика набрали, по его рекомендации, платья на 70 фунтов и сбежали, не уплатив ничего. К тому же мои relations ¹ с Фрейлигратам настолько changed, ² что он даже мои векселя на «Трибуну» с большой неохотой передал Еишофсгейму для учета. Но, совершенно независимо от *доброй воли*, он просто *не может*, тем более, что скрытое банкротство его банка court par les rues de Londres. ³

Одновременно с этим письмом извещаю тебя и Дронке, что transactions ⁴ с ним я заключил по недоразумению и пропущу их считать non avenues. ⁵ В то же время я ему написал, что если он может

учесть векселя прямо на *мое* имя, without any intervention of other persons, ⁶ то это было бы мне очень приятно. Я вынужден был ему это написать, ибо я не вижу никакого другого выхода, и мне действительно грозит большая опасность. Его адрес, к которому надо приписать private, ⁷ следующий: 49, Oldhall Street, Liverpool. Согласно заверениям самого Дронке (я, однако, полагаю, что он находится в Ньюкэстле, а вовсе еще не в Ливерпуле), он намерен был устроить это дело исключительно через своего собственного банкира.

Я, к сожалению, не мог помешать моей жене ознакомиться с содержанием твоего письма, поскольку оно касалось вексельных операций. А подобные вещи всегда вызывают у нее своего рода пароксизм.

Что касается *войны с Америкой*, то *возможно*, что Паму удастся ее вызвать, но это ему будет не легко. Ему нужен pretext, ⁸ а я не думаю, чтобы *Линкольн дал ему его*. Часть кабинета — Мильнер-Гибсон, Гладстон, plus ou moins ⁹ Льюис — не может быть так fooled, ¹⁰ как Джон Россель.

Если взять дело само по себе, то американцы, исходя из действующего у них *английского* морского права, не совершили ничего незаконного ни по существу, ни по *форме*. As to the question of material right, ¹¹ то сами английские crown lawyers ¹² разрешили вопрос в этом именно смысле. Но так как Паму нужен был предлог, то они сослались на error in forma, ¹³ technicality, a legal quibble. ¹⁴ Но даже и это неверно. Согласно английскому морскому праву, надо различать две вещи: одно дело, когда a neutral schip belligerent goods and persons carries, ¹⁵ другое дело — когда речь идет о contraband of war, ¹⁶ все равно, состоит ли она из товаров или людей. В последнем случае судно вместе с грузом и людьми должно быть seized and brought into a port for adjudication. ¹⁷ В первом же случае, если *нет сомнения*, что goods ¹⁸ не перешли в собственность нейтральных (по отношению к людям это вообще невозможно), the belligerent goods ¹⁹ или пассажиры должны быть конфискованы on the high sea, ²⁰ а судно etc. отпускается на свободу. Этой юриспруденции, — независимо от authorities, ²¹ — Англия держалась на практике все время, в чем я убедился, просмотрев в коббетовом Регистре всю историю споров с нейтральными, начиная с 1793 г.

С другой стороны, ввиду того, что английские crown lawyers ²² ограничились констатированием error in forma, ²³ т. е. признали за янки *право* конфисковать и приводить в гавань for adjudication ²⁴ любое английское судно, имеющее на борту «товары воюющей стороны», то янки не трудно заявить, — и они, по моему мнению,

так и поступят, — что они удовлетворяются этой уступкой, что они впредь будут соблюдать все *формальности* при конфискации etc. и что они for the nonce²⁵ согласны выдать Мэвона и Слайделя?

Конечно, если Пам во что бы то ни стало хочет войны, то он ее добьется. Но, по-моему, *это не является его целью*. Если американцы поступят так, как я это выше предположил, то Пам преподнесет глупому Джону Буллю новое доказательство того, что он «the truly English minister».²⁶ И после этого он сможет себе позволить решительно все. Он воспользуется этим случаем, чтобы:

1) навязать янки признание Парижской декларации о правах нейтральных etc.;

2) под этим предлогом сделать то, *чего он до сих пор не осмеливался сделать*, т. е. предложить парламенту и побудить его санкционировать отказ от old English maritime law,²⁷ отказ, подписанный Кларендоном по его (Пама) поручению за спиной короны и без ведома парламента. Пам стар, а русские еще со времени Екатерины II стремятся добиться признания Парижской декларации. Для этого им нехватает еще двух вещей: *санкции английского парламента и присоединения Соединенных Штатов*. Обе эти вещи будут достигнуты в данном случае. Весь этот воинственный шум кажется мне лишь театральным реквизитом, для того чтобы изобразить в глазах глупого Джона Булля окончательный отказ в пользу России от своих же собственных maritime laws²⁸ как победу, одержанную над янки благодаря мужеству «truly English minister».²⁹

Второстепенным поводом для создания этого воинственного спектакля были: отвлечение внимания от Польши (ибо даже такие парни, как Кэннинггэм из Брайтона требовали на публичных митингах прекращения further payment of the Dutch-Russian loan³⁰) и отвлечение внимания от Дании, где Россия в данный момент занята устранением Глюксбурга, ею же самой выдвинутого heir presumptive.³¹

Возможно, of course,³² что янки не уступят, и тогда Пам, связанный всеми своими приготовлениями и военными речами, будет вынужден начать войну. Тем не менее, я готов поставить 100 против 1, что этого не будет.

Привет.

Твой К. М.

¹ отношения. ² изменились. ³ известно всему Лондону. ⁴ сделку. ⁵ не состоявшейся. ⁶ без всякого вмешательства других лиц. ⁷ частное. ⁸ предлог. ⁹ в известной мере. ¹⁰ одурачена. ¹¹ Что касается вопроса о материальном праве. ¹² коронные юристы. ¹³ формальную ошибку. ¹⁴ на техническую и формальную тонкость. ¹⁵ нейтральное судно везет говары и пассажиров, принадлежащих одной из воюющих сторон. ¹⁶ военной контрабанде. ¹⁷ арестовано и приведено в га-

вань на предмет суда. ¹⁸ товары. ¹⁹ принадлежащие воюющей стороне товары. ²⁰ в открытом море. ²¹ властей. ²² коронные юристы. ²³ формальной ошибки. ²⁴ на предмет суда. ²⁵ на сей раз. ²⁶ истинно-английский министр. ²⁷ старого английского морского права. ²⁸ морских законов. ²⁹ истинно-английского министра. ³⁰ дальнейшей выплаты голландско-русского займа. ³¹ претендента. ³² конечно.

760.

27 декабря 1861 г.

Дорогой Энгельс!

В самом начале, когда внешний мир стал осаждать меня своими «требованиями», я писал, — так как мне не хотелось вечно надоедать тебе, — кроме матери и родственников, также и Зибелю. Этот юноша, как я вижу из его письма, опять писал тебе. Считай это дело *non avenue*. ¹

Мне очень неприятно, что тебе пришлось из-за меня выдать Дронке долговую записку. Сначала он обещал устроить это дело в менее неприятной форме и на более продолжительный *terms*. ²

Я еще не знаю, каким образом я преодолю этот кризис. Во всяком случае, так как иначе мне никак нельзя, я напишу домохозяйину, что я *сейчас* не могу ему заплатить, что я согласен выдать ему вексель *etc.*

А тут еще этот процесс. Ввиду того, что спор вертится вокруг вопроса о *partnership*, ³ *lawyer* ⁴ считает нужным перенести это дело из *Sheriff's court* ⁵ в *Superior court*, ⁶ иначе меня присудят к уплате 20 фунтов. На 3 января я вызван в *Sheriff's court*. ⁷ Вся ошибка состоит в том, что я не заключил *письменного* договора с А. Петчем. Мой адвокат Сидни полагает, что в *Superior court* ⁶ я бы выиграл дело.

Паршивая «Пресса» печатает едва лишь половину моих статей. Они ослы. Любопытно, как они будут мне платить. Писать ли мне отдельные статьи на «авось» — или нет?

А пока всех благ к Новому году. Если он будет походить на старый, то, по-моему, пусть идет к чорту.

Привет.

Твой К. М.

¹ не состоявшимся. ² срок. ³ соучастии. ⁴ адвокат. ⁵ суда графства. ⁶ Верховный суд. ⁷ суд графства.

1862 год.

761.

25 февраля 1862 г.

Дорогой Энгельс!

Мое долгое молчание происходит не от «внутренних причин», а объясняется исключительно давлением внешних обстоятельств, которыми я не хотел тебя мучить и тебе докучать.

Как тебе известно, я к Новому году смог ликвидировать только одну часть своих долгов, ту именно, платежи по которым уже никак нельзя было отложить (как, напр., долг домохозяину, которому я в конце будущего месяца буду должен за целый год). Главная сумма ушла на долги, по которым были выданы векселя.

Венская «Пресса», как это в сущности следовало предвидеть при настоящих мерзких условиях в Германии, не оказалась той дойной коровой, которой она должна была бы быть. Считается, что я получаю 1 фунт per article.¹ Но так как эти субъекты из четырех статей печатают лишь одну, а зачастую и *ни одной*, то в результате получается чертовски мало, если не считать потери времени и огорчения по поводу того, что приходится писать на «авось», не зная, соизволит ли милостивая редакция одобрить данную статью или нет.

В процессе против Коллера я должен был уступить и прежде всего потому, что solicitor² потребовал 30 фунтов аванса, ибо дело перешло в Superior Court,³ а я этих денег, понятно, не мог достать. Я должен был заплатить 5 фунтов solicitor'у и приглашенному им counsel'у⁴ и заключить с Коллером соглашение, по которому я обявлялся выплатить ему 18 фунтов, по 2 фунта в месяц. Первые 2 фунта я уплатил ему в последний день января, следующие 2 фунта я должен уплатить ему в конце февраля, но еще не знаю, где я их возьму.

В течение последних двух месяцев *«Пресса»* поместила так мало моих статей, что мой актив у нее совершенно ничтожен.

Что делает положение еще более pleasanter,⁵ так это то, что Женничка уже два месяца состоит на попечении врача. Девочка заметно похудела. Женни уже настолько велика, что чувствует

всю тяжесть и всю горечь нашего положения, и я думаю, что это-то и является основной причиной ее физических страданий. (А прогроз! Аллен прописал ей вчера *вино*, и было бы поэтому хорошо, если бы ты прислал нам несколько бутылок.) Она, напр., без нашего ведома была у миссис Юнг, чтобы узнать, не может ли она поступить в театр.

Take all in all, ⁶, право же, не worth while ⁷ вести такую собачью живнь.

Что касается уркартовских газет, то я до сих пор никак не мог их собрать. Напиши мне, с *какого номера* начать, и Коллет сделает все, что нужно. Прилагаю донос последнего на Бакунина, которого я не видел. Он живет у Герцена.

Ты не проверил, действительно ли труд Лассалья отправлен Августу Филипсу?

Привет.

Твой К. М.

¹ за статью. ² адвокат. ³ Верховный суд. ⁴ юрисконсульту. ⁵ приятным. ⁶ Если взять все вместе. ⁷ не стоит.

762

28 февраля 1862 г.

Дорогой Мавр!

Сегодня высылаю на твое имя carriage paid ¹ — ящик, содержащий:

8 бутылок бордо,

4 бутылки старого рейнского 1846 г.,

2 бутылки шерри.

Портвейну подходящего у меня сейчас нет. Надеюсь, что это пойдет Женни впрок. Бедное дитя! Впрочем, я думаю, что положение совсем не опасно. Она сильно выросла, и хороший уход и движение снова восстановят ее силы.

2 фунта стерлингов для Коллера я тебе вышлю завтра или в понедельник.

В этом году я проживаю больше, чем зарабатываю. Кризис нас сильно затронул, мы не получаем никаких заказов, и с будущей недели мы начинаем работать только полдня. При этом я должен выплатить Дронке в течение месяца 50 ф. и на будущей неделе заплатить за год за свою квартиру. Я с нее — съезжаю. Проклятая Сара вытасила у меня сегодня утром деньги из кармана куртки, поэтому не адресуй *больше* писем на Thorncliffe Grove. Я теперь живу почти совсем у Мэри, чтобы тратить как можно меньше

денег. К сожалению, я не могу обойтись совершенно без lodgings, ² иначе я бы окончательно переехал к ней. Новой квартиры у меня еще нет, и мне придется ее искать. Напиши вскоре опять, как дела. Что с «Трибуной»?

Нужна ли тебе военная статья об Америке для «Прессы»?

Мне недостает номеров «Free Press» за месяцы октябрь — февраль 1861-1862 гг.

Сердечный привет твоей жене и девочкам.

Твой Ф. Э.

¹ с оплаченной доставкой. ² квартиры.

763.

3 марта 1862 г.

Дорогой Энгельс!

Посылаю сегодня свою жену в loan office, ¹ чтобы посмотреть, нельзя ли что-нибудь сделать, ибо сегодня получил свински прегрубое письмо от моего домохозяина, и если он пришлет ко мне в дом broker'a, ² то да сжалится надо мною небо.

Вино еще не прибыло.

Было бы очень хорошо, если бы ты мог на *этой неделе* (до пятницы утром) прислать *по-английски* статью об американской войне. Можешь писать, *совершенно себя не стесняя*. «Трибуна» напечатает это как letter of a foreign officer. ³ Кстати: «Трибуна» ненавидит Мак-Клелана, который состоит в союзе с демократической партией и который, пока был commander in chief of all the armies, ⁴ своим непосредственным вмешательством препятствовал каждой военной операции, не только на Потомаке (где, пожалуй, так и надо было поступить), но на всех театрах войны, в частности на Западе. (Он же был и душой в высшей степени подлой интриги против Фремона.) Далее, этот же Мак, из-за esprit de corps ⁵ и из ненависти к civilians, ⁶ защищал всех изменников в армии, как, напр., полковника Мейнарда и генерала Стона. Арест последнего произошел через день или два после того, как Клелан был отставлен от должности commander in chief ⁷ соединенной армии.

Точно так же и бесстыжий Вашингтон, «representative» ⁸ «New-York Herald'a» был арестован в качестве spy ⁹ против воли Мак-Клелана и после того, как он накануне поил шампанским весь staff ¹⁰ Мак-Клелана.

Ты, наверное, помнишь, что я тебе с самого начала говорил, что из торговых надежд, связанных с Китаем, ничего не выйдет. Последний отчет Board of Trade ¹¹ подтверждает это.

	1860 г.	1861 г.
Китай	2 872 045	3 114 154
Гонконг	2 445 991	1 733 967
Всего	5 318 036	4 848 121

Таким образом, общая сумма вывоза уменьшилась. Увеличился прямой вывоз, уменьшился вывоз через Гонконг. А в это время русские вновь заняли один очень хороший остров у берегов Кореи. Прибавь к этому их новые «occupations»¹² на Яве, и ты увидишь, что им обеспечено господство над Northern Pacific.¹³ Насколько вся английская пресса руссифицирована под влиянием Пама, доказывает лучше всего ее глубокое молчание по поводу progress¹⁴ России в этой области, а также ее пассивное поведение vis-à-vis¹⁵ Польши.

А пророс. Будь так добр сообщить мне, наконец, что стало с предназначенными для моего двоюродного брата Филиппа сочинениями Лассалья, так как, за неизменением этих сведений, я не могу писать упомянутому кузену.

Привет.

Твой К. М.

¹ ломбард. ² судебного пристава. ³ письмо иностранного офицера. ⁴ главнокомандующий всеми армиями. ⁵ из корпоративного духа. ⁶ штатским. ⁷ главнокомандующего. ⁸ представитель. ⁹ шпиона. ¹⁰ штаб. ¹¹ департамента торговли. ¹² оккупацию. ¹³ северной частью Тихого океана. ¹⁴ успехов. ¹⁵ по отношению.

764.

5 марта 1862 г.

Дорогой Мавр!

При сем прилагается почтовый перевод на 2 фунта—Camden Town.

Книга давно отправлена, а именно 9 октября, на имя нашего агента Е. Шредера в Амстердаме; пакет этот был присоединен к баулу № 118 для фирмы Б. тер-Гаар и сын, находящейся там же. Шредеру я приложил тогда еще пару строк, прося его позаботиться о книге. Все было правильно адресовано твоему двоюродному брату, который, таким образом, может обратиться только к Шредеру, в случае если он книгу еще не получил.

Статью ты получишь. Южные хвастуны получают сейчас здоровые удары. В особенности хорош прием, оказанный им канонерками на реке Теннесси, на всем протяжении до Флоренса и Алабамы (где начинаются болота, прерывающие судоходность). В западном Теннесси, в равнине, также решительное большинство в союз. 15 000 пленных, в том числе лучший генерал конфедератов,

Джонстон, решивший исход битвы при Булль-Рёне своей быстрой концентрацией к центру, — это не шутка.

Сегодня вечером я увижусь с Лупусом. Если он сможет одолжить мне хоть немного до 1 июля, то я это тебе устрою. Я же сам до той поры сижу *an sec.*¹ Если в Америке будет мир или дело вообще придет к какому-нибудь концу, то весь мой доход с 1 июля 1861 г. до 1862 г. сведется к 100 фунтам, т. е. я окажусь в долгах. У нас масса товара, и мы ничего не можем продать; если товар этот у нас останется до тех пор, пока дела в Америке придут в порядок, то мы, может быть, потеряем всю прибыль, полученную нами до конца декабря. Впрочем, я думаю, что драка еще затянется надолго, я не вижу, каким образом эти ребята смогут заключить мир.

Что это за русский остров у Кореи? И какая это «оккупация» на Яве? (или в Японии?) *Je n'en sais rien.*² Как обстоит дело с «Free Press»?

Впрочем, судя по твоим данным, торговля с Китаем все же значительно увеличилась. Десять лет тому назад, насколько я помню, торговля колебалась от 1 до 3 млн.

Как здоровье Женнички? Сердечный привет ей, твоей жене и Лауре.

Твой Ф. Э.

¹ без денег. ² Я ничего об этом не знаю.

765.

6 марта 1862 г.

Дорогой Фредерик!

Большое спасибо за перевод и вино. Эта собака Коллер, имеющий от меня долговую расписку, уже вчера прислал мне напоминание.

При сем прилагаются три последних номера «Free Press». Самого Коллета я еще не видел. Он, наверное, сможет достать также и остальные номера.

В письме к тебе вместо Японии вышла Ява. Эти *facts*¹ я взял из «Трибуны», в которой напечатаны официальные русские извещения и отчеты американских консулов; в английской прессе все это было замолчано. Самые номера «Трибуны» я послал *Уркарту* и еще не получил обратно. Я использовал их сначала для *article*² в «Прессу» об успехах русских в Азии. Но эти ослы статьи не напечатали. Ты ведь знаешь, какая у меня плохая память на имена. Я поэтому не могу тебе сейчас назвать имен. Первый остров лежит как раз посередине между юго-западным концом Японии и Ко-

рейским материком. Он обладает большими гаванями, способными, по словам американского отчета, стать Севастополем № 2. Что касается других островов, принадлежащих непосредственно Японии, то среди них, если я не ошибаюсь, находится и Йево. Но я постараюсь получить обратно самые документы.

Китайская торговля, если сравнить ее с состоянием до 1852 г., конечно, увеличилась, но далеко не в той степени, как все другие рынки со времени калифорнийско-австралийских открытий. Кроме того, в прежних отчетах Гонконг фигурировал отдельно от Китая, как английское владение, так что вывоз под рубрикой «Китай» был всегда (начиная с сороковых годов) меньше, нежели весь вывоз. Наконец, прирост после 1859 г. в 1861 г. снова упал до прежнего уровня.

Отчет Board of Trade ⁸ за 1861 г. обнаруживает, уже вследствие американского кризиса, большое изменение в той роли, которую различные рынки играют для английского экспорта. Во главе списка стоит *Индия* с 17 923 767 фунтами (включая Цейлон и Сингапур, Индия одна — 16 412 020).

На *втором* месте — *Германия*, занимавшая обычно четвертое место. В 1860 г. — 13 491 523 фунтов, в 1861 г. — 12 937 073. (Сюда не включено все то, что идет через Голландию и, в меньшей степени, через Бельгию.) Принимая во внимание это экономическое значение Германии для Англии, какую дипломатию мы при других условиях могли бы повести по отношению к грубому Джону Буллю!

Франция в нынешнем году на пятом месте. В 1860 г. — 5 249 980; в 1861 г. — 8 896 282. Но сюда включена и Швейцария. Напротив, для Франции Англия является *первым рынком*.

Из общей суммы вывоза 125 115 133 фунтов (1861 г.) 42 260 970 фунтов приходится на английские «Possessions» ⁴ и «Colonies». ⁵ Если прибавить к этому все то, что Англия помимо этого вывозит в Азию, Африку и Америку, то остается максимум 23 — 24% на вывоз в европейские государства. Если Россия будет и впредь двигаться в Азии тем же бурным темпом, как и за последние десять лет, пока ей не удастся сконцентрировать все свои efforts ⁶ на Индии, то мировому рынку Джона Булля придет конец, и этот конец будет еще ускорен протекционистской политикой Соединенных Штатов, от которой последние теперь, наверное, не так легко откажутся, хотя бы в revenge ⁷ Джону. Кроме того, Джон Буль с ужасом открывает, что его главные колонии в Северной Америке и в Австралии становятся протекционистами в той самой мере, в какой он сам становится freetrader. ⁸ Самодовольная, тупая глупость, с

которой Джон восхищается «spirited policy»⁹ Пама в Азии и в Америке, обойдется ему дьявольски дорого.

Что southerners¹⁰ заключат мир до 1 июля 1862 г., это кажется мне не очень probable.¹¹ Когда northerners¹² 1) обеспечат за собой border states,¹³ — а о них в сущности идет речь с самого начала, — 2) захватят Миссисипи до Нового Орлеана и Техаса, тогда начнется новая фаза войны, во время которой northerners не будут делать никаких особенных военных усилий, а просто путем карантина принудят gulfstates¹⁴ к добровольному re-annexation.¹⁵

Поведение Булля во время этой войны, пожалуй, самое постыдное из того, что когда-либо происходило.

*Mexican Blue Book*¹⁶ превосходит в смысле жестокости английского поведения все, что до сих пор было известно в истории. По сравнению с сэром Ч. Леннон Уайком, Меншиков, кажется истинным джентльменом. Эта каналья не только проявляет самое необузданное рвение в выполнении тайных инструкций Пама, но и старается еще всяческой грубостью отомстить за то, что мексиканский министр иностранных дел (теперь в отставке) сеньор Цамакона, бывший журналист, все время превосходил его в дипломатическом обмене нот. Что касается стиля этого молодца, то привожу ниже несколько образцов из его депеши к Цамакона: «The arbitrary act of stopping all payments for the space of two years in depriving the parties interested of their money for *that space of time, which is a dead loss of so much value to them*». «A starving man may justify, in his own eyes, the fact of stealing a loaf on the ground that imperious necessity impelled him there to; but such an argument cannot, in a moral point of view, justify his violation of the law, which remains as positive, *apart from all sentimentality*, as if the crime had not had an excuse. *If he was actually starving*, he should have first asked the baker to assuage his hunger, but *doing so (starving?) of his own free will*, without permission, is acting exactly as the Mexican government has done towards *its creditors on the present occasion*». «With regard to the *light* in which you view the question, as *expressed* in your above named note, you will excuse me for stating that it *cannot be treated of partially, without also taking* into consideration the opinions of those who directly suffer from the *practical operation of such ideas as emanating from yourself*». «I had a full right to complain of having first of all *heard of this extraordinary measure by seeing it in printed bills placarded through the public streets*». «I have a duty to perform both to my own God and to that to *which I am accredited, which impels me etc.*». «I suspend all offi-

cial relations with the Government of this Republic until *that* of Her Majesty shall adopt such measures *as they* shall deem necessary». ¹⁷ Цамакона писал ему, что волнения в Мексике за последние 25 лет вызывались интригами foreign diplomatists. ¹⁸ Уайк отвечал ему, что «The population of Mexico is so degraded as to make them dangerous, not only to themselves, but to everybody coming into contact with them!» ¹⁹ Цамакона писал ему, что его предложение положить конец самостоятельности республики оскорбительно для всякого самостоятельного государства. Уайк отвечал: «Excuse me for adding that such a proposition as I have made to you does not necessarily become undignified and impracticable simply *because you, an interested person* (id est как министр иностранных дел Мексики), are pleased to say so». ²⁰ Однако satis superque. ²¹

Судя по письму Шили к Рейнлендеру дела в Париже идут весьма неважно, и Баденгэ без войны не продержится и года. Какое несчастье для него, что ему приходится править парижанами, а не восхищающимися им берлинцами.

Привет.

Твой К. М.

P. S. Как мне перевести по-немецки «gigs»?

Что такое feeders on circular frames?

Не можешь ли ты написать мне обо всех категориях рабочих (except the warehouse ²²), занятых, напр., на вашей фабрике, с указанием их взаимной пропорции? Мне для моей книги необходим пример, показывающий, что в механических заведениях не существует *разделения труда* в том виде, в каком оно является основой мануфактуры и описано А. Смитом. Положение это выведено еще Юром. Речь идет о любом примере.

Я должен написать этим типам в «Прессу», что необходимо новое соглашение. Меня не трогает, что они *не* печатают как раз самых лучших статей (хотя я *все время* пишу так, что они могли бы напечатать). Но с финансовой точки зрения невозможно, что они печатают только одну статью из четырех-пяти и только за одну платят. Это ставит меня ниже даже penny-a-liner. ²³

¹ факты. ² статьи. ³ департамента торговли. ⁴ владения. ⁵ колонии. ⁶ усилия. ⁷ в отместку. ⁸ фритредером. ⁹ энергичной политикой. ¹⁰ южане. ¹¹ вероятным. ¹² северяне. ¹³ пограничные штаты. ¹⁴ штаты, находящиеся на берегу залива. ¹⁵ обратному присоединению. ¹⁶ Мексиканская синяя книга. ¹⁷ «Произвольный акт, приостановивший на два года всякие платежи и лишаящий заинтересованные стороны их денег на этот период времени, что означает для них абсолютную потерю столь значительных ценностей». «Умиравший с голоду может в своих глазах оправдать кражу хлеба тем, что его принудила к этому повелительная необхо-

димось; но аргумент этот не может оправдать с моральной точки зрения нарушение им закона, которое имеет то же значение, *отвлекаясь от всякого сантиментализма*, как если бы преступление не имело извиняющего обстоятельства. *Если он действительно умирал с голоду*, то он прежде всего должен был попросить пекаря утолить его голод, но *поступать так* (умирать с голоду?) *по собственному усмотрению*, без разрешения, это значит поступить так, как поступило в данном случае мексиканское правительство *по отношению к своим кредиторам*. «Что касается той точки зрения, исходя из которой вы рассматриваете вопрос, как это выражено в вашей вышеупомянутой ноте, то уж простите меня, если я скажу, что *ее нельзя обсуждать односторонне без того*, чтобы не принять во внимание также и мнение тех, которым приходится непосредственно страдать от *практического применения этих исходящих от вас идей*». «Получив первым из всех *слух* по поводу этой чрезвычайной меры, я имел право выразить свое неудовольствие, *увидев* ее отпечатанной в объявлениях, расклеенных по многолюдным улицам...» «Мне необходимо исполнить долг как по отношению к моему собственному богу, так и по отношению к тому, к которому я прикомандирован. Этот долг побуждает меня и т. д...» «Я прерываю всякие официальные сношения с правительством этой республики до тех пор, пока *такое* (правительство) Ее Величества не примет всех тех мер, которые оно *найдет* нужными». ¹⁸ иностранных дипломатов. ¹⁹ «Население Мексики настолько выродилось, что представляет опасность не только для них самих, но и для всякого, кто приходит с ним в соприкосновение!» ²⁰ «Извините меня, если я прибавлю, что делаемые мною предложения не становятся еще непременно недостойными и невыполнимыми из-за одного того, *что вам, лицу заинтересованному* (т. е. как министру иностранных дел Мексики), угодно это утверждать». ²¹ довольно и дальше ²² исключая рабочих склада ²³ пишущих построчно.

766.

[Около 10 марта 1862 г.]

Дорогой Мавр!

Прилагаю при сем обещанное. Вторая статья следует в ближайшую неделю. Лупуса я еще не видал, сегодня вечером пойду к нему. Номера «Free Press» и твое письмо получились.

Знаешь ли ты прусского эмигранта по имени Зиппель, математика по специальности? Парень этот по слухам состоит домашним учителем в доме некоего Монтгомери в Гемпстеде и будто бы в предшествующее амнистии время был арестован вместе с этой семьей в Пруссии во время путешествия и после многих месяцев заключения был снова выпущен на свободу, а теперь добывается кафедры по математике в Бельфаустском университете. Один человек здесь желал бы иметь подробные сведения о сем муже. У него, как видно, какое-то дело есть к последнему.

Телеграммы в будущем адресуй: 7 South Gate St. Mary's Manchester.

Спешу.

Твой Ф. Э.

767.

15 марта 1862 г.

Дорогой Энгельс!

Ввиду того, что твоя статья не появилась, я не мог сегодня написать в Нью-Йорк. У меня сейчас не такие отношения с «Трибуной», что если я ей вместо продолжения (если она вообще напечатает эти статьи) пошлю something else,¹ то она это напечатает. Наоборот, я скорее уверен, что она снова собирается выкинуть меня за борт вместе со всеми другими европейскими корреспондентами. Ее формат уменьшен. Из трех статей она печатает, может быть, одну, а то и ни одной. Это обычные предвестники этого явления.

Пришли поэтому ко вторнику продолжение, а лучше даже и *конец*, ибо только заключительная часть, касающаяся будущего, может представлять для нее значительный интерес.

Моя книга не очень движется вперед, ибо работа затрудняется, т. е. прекращается иногда на целые недели, из-за домашних неурядиц. Женничка далеко еще не поправилась окончательно.

Привет.

Твой К. М.

¹ что-нибудь другое.

768.

28 апреля 1862 г.

Дорогой Фредерик!

Чувство такта подсказало моей жене не писать Дана. Каковы на самом деле были их намерения, теперь ясно видно из того, что эти молодцы не посылают мне даже «Трибуны».

При сем прилагаю письмо от Фридлиндера, полученное в субботу. Что за идеи у этих немцев! Я должен ему прислать статью об открытии выставки, которая, вместе с сезонным билетом, необходимым для этого, и костюмом, который я должен себе приобрести, и всякими другими побочными расходами, должна мне обойтись по меньшей мере, в 10 гиней; in exchange¹ за это мне дают надежду поместить от четырех до шести статей в общем на 8 ф. ст. (всего на-всего), или, в лучшем случае, на 12 ф. И так как у этих молодцов всегда приходится считаться с минимумом, то выйдет, что я к этим четырем статьям должен буду еще доложить свои деньги! Я написал ему, что мне нельзя выходить на улицу и что я поэтому не могу ему выслать в четверг нужную ему проповедь об открытии; но при случае я пришлю ему, в числе прочих, парочку статей и о выставке. Что касается «прочих» статей, то на поверку вышло, что речь идет об одной статье в неделю (по 1 ф. ст.),

да и это еще сомнительно. Но я, конечно, вынужден это принять и уже принял, ибо что-нибудь всегда лучше, чем ничего. Их особенно интересует Америка, и было бы хорошо, если бы ты прислал мне еще на этой неделе статью о ходе войны (я имею в виду битву при Коринфе) и вообще писал бы регулярно при каждом повороте военных дел. Это нужно хотя бы для одного того, чтобы распространять в Германии правильные воззрения на это важное дело. (Твои прежние статьи я уже обработал для них, и они уже напечатаны.)

В своей «Новой науке» Вико говорит, что Германия является единственной страной в Европе, где говорят еще «на героическом языке». Если бы этот старый неаполитанец когда-нибудь имел удовольствие ознакомиться с языком венской «Прессы» или берлинской «Национальной газеты», он живо отказался бы от своего предрассудка.

Вернувшись в Лондон, я нашел там письмо от моего домохозяина, который извещает меня, что посетит меня сегодня (28 апреля) в целях получения остатка долга в 20 ф. ст. Но он не сможет получить ни одного сантима. За время моего месячного отсутствия список долгов по предметам *immediate necessities*², естественно, увеличился. К тому же нужно уплатить два долга, которые еще меньше терпят отлагательства, чем долг хозяину. Это, во-первых, 7 ф. ст. учителю музыки, ибо жена должна была ему отказать при создавшихся *circumstances*,³ — а следовательно, ему необходимо заплатить. Во-вторых, надо выкупить на 10 ф. вещей из ломбарда, куда перешли не только вещи детей, но и вещи прислуги, вплоть до башмаков. Что касается хозяина, то я здесь еще для всех (*excerto*⁴ Боркгейма) инкогнито, моя жена скажет ему, что я еще не вернулся и постарается отложить дело *на неопределенное время*. Ибо ведь вся суть дела заключается в *shifting*.⁵

Боркгейм дал мне до сего дня 20 ф.; обещает дать остальное в начале этой недели.

Моя жена видела на улице Дронке с мадам и отпрыском. Он ее не заметил.

Что касается *Ариадны*, то *adhuc sub iudice lis est*.⁶ Речь идет именно о юридическом споре. У Диодора она фигурирует в качестве звезды. Созвездия я такого не нахожу. Но зато есть такая *малая планета*, № 43, таблица II, *Медлер*, последний выпуск, 5-ое издание (которое у меня имеется), Берлин 1861. Таким образом, эта баба во всяком случае на небе имеется. Остается лишь щекотливый юридический вопрос: кто из вас обоих выиграл пари—ты или Лупс. Твой общий тезис, что все лица, помещенные греками среди

звезд, продолжают существовать в астрономических таблицах, подлечит все же большому сомнению.

Что ты еще просил, кроме Estimates ⁷ английской армии? Как только я смогу «двигаться», я постараюсь это достать.

Кинкель уехал, имея вид побитой собаки. Он не отвечает. Вместо этого несколько строк от негодяя Беты, в котором последний уверяет, что лишь после настойчивых требований, в течение полугода, с его стороны Готффрид прислал ему нужные биографические данные (которыми этот же негодяй с давних времен регулярно пользовался каждые два года) и фотографию, согласно желанию Кейля, издателя «Gartenlaube». Но вся соль-то в том, что *после* истории с Макдональдом Кейль и Бета (соответствующее письмо последнего имеется у Юха и с его содержанием знаком Эйхгоф) отказывались выступить с этим делом, и Готффрид лишь с трудом добился, наконец, этого «выступления». Пишу, однако, Эйхгофу, чтобы он пока не начинал дела, так как в противном случае он лишь ослабит поражение Готфрида. Дело в том, что Юх слишком труслив, чтобы выступить с письмом Беты, иначе он бы уже сделал это по собственной инициативе в виде ответа на заявление последнего.

Привет.

Твой К. М.

Женничка все еще далеко не такова, какой ей следовало бы быть. Ребенок был серьезно болен, теперь выздоровел.

Прилагаемое собрание извлечений из Уркорта ты должен прочесть.

¹ в обмен. ² первой необходимости. ³ условиях. ⁴ за исключением. ⁵ увертли-
вости. ⁶ спор еще поныне продолжается. ⁷ бюджетов.

769.

5 мая 1862 г.

Дорогой Мавр!

На прошлой неделе у меня было очень много конторской возни, кроме того я был немного нездоров, отчего и не писал. Благородное письмо Фридендера посылаю при сем обратно. У этих людей странное представление о Лондоне!

Что касается «Трибуны», то в «Manchester Examiner» и в «Times» в literary gossip ¹ я нашел заметку, будто Дана уходит из «Трибуны» on account of differences of opinion with M-r Horace Greeley. ² Таким образом, повидимому, всему виной этот осел with the face angelic. ³ Но я на твоём месте неотпустил бы так просто этих господ, а, по

меньшей мере, потребовал бы у Дана объяснений, что все сие значит и кто теперь вместо него руководит «Трибуной», для того, чтобы знать, с кем теперь нужно иметь дело. Если они хотят порвать с тобой, то заставь их, по крайней мере, это заявить. Я бы не согласился так просто, без дальнейших разговоров, принять к сведению их косвенные намеки. Если ты потом уйдешь в другую нью-йоркскую газету, то они всегда смогут изобразить дело так, что это ты изменил им. А кроме того они должны же указать какую-нибудь причину.

Боркгейм пишет мне, что он выплатил тебе остаток денег; стало быть, ты теперь уже избавлен от ареста.

Ad vosем Ариадны, я безусловно прав. Старые изображения созвездий до сих пор еще существуют на современных картах. Утверждения Диодора не авторитетны. Он не был астрономом. Кроме того, важен буквальный текст. Я держал пари за созвездие. Что она фигурирует среди новооткрытых астероидов, это мне пришло в голову только потом, но это, разумеется, не имеет никакого отношения к делу.

Помимо Estimates of the War department ⁴ (за 1862 г.), мне нужен представленный парламенту paper, ⁵ в котором изложена новая организация *индийской туземной армии* (в том виде, как она существует сейчас, с 1861 г., т. е. число полков с их старыми и новыми названиями, поскольку они сейчас сохранились или наново перенумерованы).

Не можешь ли ты мне достать «Free Press» за апрель? За май я постараюсь ее сам раздобыть здесь.

Об Америке:

1) *Битва при Коринфе*. Стоит наравне со всеми большими, хорошо проведенными, современными сражениями, в которых силы обеих сторон приблизительно равны. Эйлау, Ваграм, Люцен, Бауцен (здесь французы были, правда, значительно многочисленнее, но у них не было кавалерии, и потому они были неспособны к преследованию), Бородино, Маджента, Сольферино. Битва, по выражению Клаузевица, горит медленно, как мокрый порох, изнуряет обе стороны, и, в конце концов, преимуществва, *определенно* завоеванные победившей стороной, носят более моральный, нежели материальный характер. Во всяком случае, те временные преимуществва, которые были завоеваны Борегаром в воскресенье, были гораздо интенсивнее и крупнее тех выгод, которых Грант и Бюль добились в понедельник. Масса трофеев осталась в руках конфедератов, хотя они, в конце

концов, и были побеждены, т. е. вынуждены отказаться от своего нападения и отступить. Это — что касается тактики. Что же касается стратегии, то она вот в чем:

Борегар сконцентрировал все доступные ему силы для того, чтобы разбить надвигавшиеся на него дивизии федералистов поодиночке. Это ему не удалось. Войска Гранта, Бюля и Уоллеса оказались достаточно сильными, чтобы его отравить. Если бы федералисты проиграли сражение, они вместе с тем потеряли бы и Теннесси, в данном же случае они его удержали за собой. Только своим укреплениям у Коринфа Борегар обязан тем, что сразу же не был вынужден отступить еще дальше к югу. Смогут ли эти укрепления защитить его против наступления Галлека (принявшего теперь командование), этого мы не можем знать. Столь же мало можно верить слуху, что он получил теперь колоссальные подкрепления из Миссисипи, Луизианы и Алабамы. Если это до известной степени и верно, то ведь это же сплошь рекруты, которые ему не только не помогут, но даже явятся для него помехой. С другой стороны, силы при Питсбург-Ландинге были так близки к равновесию, что *без подкрепленный* Галлек вряд ли сможет предпринять нападение на укрепленный лагерь или какие-либо иные крупные наступательные действия. Мы не знаем, какие еще войска, помимо пущенных в ход под Питсбург-Ландингом, имеются у федералистов в Теннесси и Кентукки, и мы поэтому не можем учесть шансов обеих сторон. Пока что унионисты перерезали как на востоке, так и на западе от Коринфа железнодорожную линию Мемфис-Чаттануга (т. е. дорогу на Ричмонд, Чарльстон, Саванну). Таким образом, у Борегара осталась одна только линия (на Мобиль и Новый Орлеан), и большой вопрос, сможет ли он долгое время прокормить свои войска в Коринфе.

2) *Виргиния*. Герой Мак-Клелан in a dead fix.⁶ Я полагаю, что он похоронит здесь свою неzasлуженную славу. Он заставил Мак-Дуэля уступить ему еще одну дивизию, но это ему мало поможет. Спасти его могут только *броненосцы*, из которых один «Галена» снова ушел в Монроэ. Об этом прочти американскую корреспонденцию в сегодняшнем «*Morning Star*», очень интересную для Австрии. Там ты найдешь также объяснение того, почему «Monitor» недавно спокойно остался на месте, когда «Мерримак», «Иорктаун» и т. д. увели три транспортных судна. Обстреливая реку справа и слева и действуя своим фланговым и кормовым огнем, эти суда могли вновь спасти осла или предателя, подобно тому как канонерские лодки спасли под Питсбург-Ландингом Шермана (у которого были сплошь молодые войска, не побывавшие еще в огне).

3) *Горный округ*. Фремон все еще сидит в Уилинге, а потому горная часть Южной Виргинии и Восточного Теннесси все еще находится во вражеских руках. Т. е. *самые лучшие области Союза*. Почему это так, нельзя объяснить. Во всяком случае, полк конфедератов, набранный еще в начале апреля в Ноксвилле, в Теннесси, наверное, перейдет при первом же выстреле.

Бонапарт опять интригует в Америке. Но он побоится влезть в это осиное гнездо. Еще до истечения года (см. «Morning Star») все его броненосцы, равно как и все торговые суда французов, исчезли бы с океана, и тогда прости-прощай!

Кстати. В сегодняшнем «Standard» (или в «Morning Herald») ты, наверное, прочитал, что *генерал Геккер* сделался главным ловцом негров (Мангаттан). *Сохрани этот номер газеты*.

Что ты скажешь по поводу прусских выборов? Поражение правительства так велико, что оно равносильно его решительной победе, ибо это побудит красавца-Вильгельма к самым крайним мерам. А теперь они шлют ему все сплошь демократов! Гамбургский корреспондент так и говорит уже, что на этом избирательном законе ничего нельзя построить и нельзя управлять. Достопочтенный Твестен снова окончательно впал в парламентский кретинизм и хочет предложить вотум недоверия министрам. Так или иначе, затруднения все увеличиваются, а волна все подымается.

Как обстоит дело с вином для Женнички? Напиши мне, какие сорта Аллен рекомендует больше всего? Я мог бы теперь послать и немного портвейну, который я бы *очень* рекомендовал: старый, легкий, без спирта; но его нужно сначала хорошо *профильтровать*, так как пробка недостаточно плотно входит.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

¹ отделе «литературные сплетни». ² из-за разногласий с мистером Горацем Грили. ³ с ангельским ликом. ⁴ смет военного министерства. ⁵ доклад. ⁶ в тушике.

770.

6 мая 1862 г.

Дорогой Фредерик!

Прилагаемое в высокой степени любопытное письмо, напечатанное jeunesse hongroise à Paris, ¹ — правда, в урезанном виде, — в «Siècle», «Temps» и «Progrès de Lyon» и присланное мне Шили, — будь добр отослать мне обратно, после того как покажешь его Лупусу.

Эта «jeunesse» ² собирается теперь выпустить памфлет о парижском триумвирате: Кошут-Клапка-Тюрр с интересными разоблачениями.

Кстати: facts,³ содержащиеся в этом письме, ты можешь сообщить Эйхгофу, 57 Ranelagh Street, Liverpool. Он может поместить это в «Zeitung für Norddeutschland» (Ганновер).

Шили пишет мне, что недавно в бернском «Bund» (Не можешь ли ты просмотреть в клубе?) было напечатано заявление одного венгерского эмигранта, в котором последний обзывает Фогта «откормленной свиньей Пале-Рояля», а Фази, Кошута, Клапку и Тюрра изображает как «мошенников и угрозов». Получил от собаки Коллера обратно 330 экземпляров «Фогта». Если бы только у меня была оказия! Теперь, может быть, как раз самый подходящий момент для того, чтобы вернуть себе 100% убытков. А именно в Женеве и Берне. Как это было бы сейчас кстати. «Presse» за апрель и май я тебе пришлю. Отныне ты ее будешь получать регулярно. То, что просишь, я тебе достану id est estimates⁴.

As to wine,⁵ то детям, разумеется, больше всего нравится пестрая смесь разных сортов. Аллен же считает, кажется, наиболее подходящими бордо и портвейн.

Дана я напишу еще раз. Особенно болезненно я ощущаю прекращение высылки «Трибуны». Это низость со стороны Грили и Мак-Эльрата. Из последних номеров «Трибуны» за март я узнал две вещи: во-первых, что Мак-Клелан восемью днями раньше *точно* знал об отступлении конфедератов; во-вторых, что Times'овский Россель воспользовался своими происками в Вашингтоне во время Трентского дела для игры на нью-йоркской бирже.

В Пруссии дело дойдет до coup d'état,⁶ хоть и не будет coup d'éclat.⁷

Нынешний маневр Бонапарта в Мексике (эта затея первоначально исходила от Пама) находит свое объяснение в том, что Хуарец признает лишь официальный долг Франции в 46 000 ф. ст. Но Мирамон и его банда выпустили, через посредство швейцарского банкира Иеккер и К^о на 52 000 000 долларов государственных облигаций (уплатив в этот счет всего about⁸ 4 млн. долл.). Эти государственные облигации, — Иеккер и К^о лишь hommes de paille, —⁹ перешли за гроши в руки Морни и К^о. И последние требуют от Хуареца их признания. Nunc illae lacrimae.¹⁰

Шурц состоит бригадным генералом у Фремона!!!

Твой К. М.

Б[оркгейм] выплатил мне оставшуюся сумму в прошлую пятницу.

¹ венгерской молодежью в Париже. ² молодежь. ³ факты. ⁴ т. е. бюджеты. ⁵ Что касается вина. ⁶ государственного переворота. ⁷ взрыва. ⁸ около. ⁹ подставные лица. ¹⁰ Вот откуда эти слезы.

771.

12 мая 1862 г.

Дорогой Мавр!

Спешу послать тебе 10 фунтов О/А 40 602, Manchester, 24 Jan. 1862), дабы ты мог успокоить мясника. Так как я приеду в Лондон в 5 ч. утра и в 7 ч. утра уеду дальше, то я тебя, к сожалению, не смогу повидать.

Что меня смущает у янки при всех их успехах, так это не военное положение само по себе. Последнее важно лишь постольку, поскольку оно является результатом вялости и тупости, обнаруживающейся на всем Севере. Где в народе революционная энергия? Они позволяют себя колотить и затем гордятся полученными колотушками. Укажи мне на всем Севере хотя бы один единственный признак, свидетельствующий, что они берут все это всерьез? Ничего подобного я не видел в Германии даже в самое худшее время. Янки, напротив больше всего, кажется, рады тому, как они потом объегорят своих государственных кредиторов. Au revoir.¹

Твой Ф. Э.

¹ До свиданья.

772.

[Около 18 мая 1862 г.]

Дорогой Мавр!

Ты должен извинить мое молчание. Мне никогда еще не приходилось принимать столько гостей, как на этой неделе. У меня перебивали австрийцы, гинтервальдцы, французы, а сегодня мне Боркгейм посылает на шею еще своего компаньона — милая перспектива! У меня уже голова идет кругом от всего этого. При этом еще приходится со всем этим сбродом таскаться по трактирам и быть любезным. Чорт бы побрал эту выставку!

Спешу.

Твой Ф. Э.

773.

19 мая 1862 г.

Дорогой Энгельс!

Неделю тому назад, в четверг, ты мне писал, что намерен прислать вино для Женни и компании. Я показал письмо детям. Но вино не прибыло, и они были очень разочарованы. А между тем, мне бы хотелось в данный момент доставить детям удовольствие, так как в нашем доме сейчас царит большое уныние.

Нет ничего фатальнее того гнета, который тяготеет над всем нашим домом.

Я, к счастью, ничего не видел и ничего не слышал о выставке и ее посетителях и надеюсь, что и впредь останусь «незатронутым» ею, так как я теперь абсолютно не в состоянии принимать реорле.¹

Как только ты найдешь время, напиши мне вкратце твое мнение о военных операциях в С[оединенных] Ш[татах], в частности о героических подвигах Мак-Клеллана. Salut.²

Твой К. М.

¹ людей. ² Привет.

774.

23 мая 1862 г.

Дорогой Мавр!

Вино задержалось по той же причине, по которой задержалось и письмо. В этих делах я должен сам обо всем заботиться, и пока купишь корзинку etc., случается много задержек. И на этот раз мне также пришлось отказаться от посылки портвейна, потому что он находится на моей квартире, и я не мог устроить, чтобы он был доставлен на склад. Корзина будет отправлена сегодня. Красное вино и гохгеймское 1846 года — специально для Женнички. Три бутылки с красной печатью и без этикетки содержат рюдесгеймское вино 1857 года (то самое, которое мы здесь пили). Для больных последнее является слишком возбуждающим напитком, для здоровых же людей оно, напротив, очень хорошо.

Штрон был здесь (как видишь, *cela ne finit pas*¹) с визитами. Он был в Берлине невадолго до роспуска и много бражничал с рейнскими депутатами. Они необычайно серьезно относились ко всему положению, верили в свое всемогущество и почти столь же сильно погрязли в парламентском кретинизме, как некогда в 1848 г. Красный Беккер, волосы которого за это время сильно побледнели, бегал целые дни в evening dress,² черный сверху донизу и во фраке. Его пузо сейчас больше, чем когда-либо.

Там шатался и господин Рудольф Шрамм, late of Striegau,³ и плакался всякому, кто хотел его слушать, по поводу того, что публика его нигде не хотела выбрать, чего он никак не мог понять. Однажды вечером Шрамм болтал ужасный вздор об Англии, на что Штрон ему сказал: «Послушайте, господин Шрамм, если бы я жил так долго в Англии, как вы, я бы стыдился молотить такую чепуху. Вы, как видно, все время там только то и делали, что спали». В ответ на это столь нахальный в других случаях Шрамм ему сказал: «Знаете, в Англии я вынужден был из-за моей жены вращаться в обществе, для которого я не подходил, и по той же причине не мог видеть тех людей, с которыми я охотно бы встретился!!!»

Мак-Клеелан продолжает все в том же духе. Конфедераты постоянно ускользают от него, ибо он никогда не обрушивается на них, что он объясняет тем, что они все время сильнее его, а *good deal*.⁴ Оттого-то они все время и удирают. Ни одна война еще не велась так, и он, в конце концов, получит за это вотум благодарности. Между тем, этих маленьких злосчастных арьергардных сражений и этого постоянного бегства достаточно, чтобы сильно деморализовать конфедератов, и это скажется, когда дело дойдет до решительного сражения.

Взятие Нового-Орлеана, это — ловкая штука со стороны флота. Великолепно в частности прохождение мимо фортов. После этого все остальное уже было просто. Моральное воздействие этого дела на конфедератов было, очевидно, огромное, да и материальный эффект уже, наверное, сказался. Борегару теперь нечего защищать в Коринфе. Эта позиция имела смысл лишь постольку, поскольку она защищала Миссисипи и Луизиану и в особенности Новый Орлеан. Борегар попал стратегически в такое положение, что проигранное сражение не оставляет ему иного выхода, как разбить свою армию на ряд партизанских отрядов, ибо, не имея в своем тылу большого города, в котором были бы сосредоточены железные дороги и ресурсы, он *не может* сосредоточивать больших масс.

Если конфедеральная армия в Виргинии будет разбита, то она после всех предшествующих деморализующих историй скоро сама распадется на ряд партизанских отрядов. Правда, эта армия находится в лучшем положении, потому что на пути ее отступления имеется ряд рек, текущих поперек, от горного хребта к морю, и потому что ее противником является этот осел Мак-Клеелан. Но сама природа вещей заставит ее либо принять решительный бой, либо же без боя распасться на банды. Совершенно так же, как русские были вынуждены биться под Смоленском и Бородино *против* воли правильно судивших генералов.

Если Борегар или виргинская армия даже выиграют сражение, хотя бы и самое большое, то это им мало поможет. Конфедераты не имеют возможности извлечь из этого хотя бы малейшую пользу. Они не могут продвинуться вперед на 20 английских миль, не застряв где-нибудь, и им, стало быть, придется ждать нового нападения. У них ничего нет. Впрочем, этот случай я считаю совершенно невозможным без прямого предательства.

Вся судьба конфедеральных армий зависит теперь, стало быть, от одной единственной битвы. Остается еще лишь исследовать шансы партизанской войны. В высокой степени удивительно, как мало участия принимает население в этой войне, точнее — не принимает

ровно никакого участия! В 1813 г. коммуникационные линии французов непрерывно разрушались и раздроблялись Коломбом, Люцовым, Чернышевым и десятками других партизанских вождей и казачьих атаманов; в 1812 г. в России население совершенно исчезло с пути французского продвижения; в 1814 г. французские крестьяне вооружились и убивали патрули союзников и отставших солдат. Здесь же ничего не делается. Они покоряются *судьбе больших сражений* и утешают себя мыслью, что *victrix causa diis etc.*⁵ Хвастали, что будут драться «до конца», а на поверку вышла чистейшая ерунда. И на такой-то почве разве мыслима партизанская война? Я, конечно, допускаю, что после окончательного разложения южных армий их «white trash»⁶ попытается устроить что-нибудь в этом роде, но я слишком сильно убежден в буржуазной природе плантаторов, чтобы сомневаться хоть на одно мгновение, что это их немедленно превратит в яростных сторонников союза. Как только те начнут свои brigandages,⁷ плантаторы повсюду станут встречать янки с распростертыми объятиями. «Bonfires»⁸ у Миссисипи основываются исключительно на двух кентуккийцах, приехавших будто бы из Луизвилля, а все не *на* Миссисипи. Пожар в Новом Орлеане было легко устроить, и это будет повторено в других городах; да и вообще будет много сожжено. Но эта история неизбежно приведет к окончательному split⁹ между плантаторами и купцами, с одной стороны, и white trash¹⁰ — с другой стороны, и тогда вся сецессия полетит к чорту.

Фанатическая преданность ново-орлеанских купцов конфедерации объясняется просто тем, что у них масса confederations-segip,¹¹ которые они вынуждены были принять вместо звонкой монеты. Я знаю здесь целый ряд таких случаев. Этого не следует забывать. Хороший принудительный заем, это — отличное средство приковать буржуа к революции и затемнить его классовый интерес его личными интересами.

Сердечный привет твоей жене и девочкам.

Твой Ф. Э.

У Лупуса был вновь очень сильный припадок подагры. Недель через пять он возвращается в Германию.

Ты, наверное, прочитал про Бернара, что они его упрятали в сумасшедший дом. Что, это верно или тут какое-нибудь foul play?¹²

¹ этому нет конца. ² в вечернем костюме. ³ прибывший только что из Стригау. ⁴ на много. ⁵ победа богам угодна. ⁶ белый сброд. ⁷ грабежи. ⁸ Иллюминация. ⁹ разрыву. ¹⁰ белым сбродом. ¹¹ федеральных бумажек. ¹² мошенничество.

775.

27 мая 1862 г.

Дорогой Фредерик!

Дети и whole family¹ шлют тебе благодарность за корвину со спиртным. Из прилагаемого письма Эйхгофа ты с умилением увидишь вновь тот род полемики, который любит поп Кинкель. Чем был бы Готфрид без его недержания мочи!

Д-р Клейн в Кельне выиграл 35 000 талеров в прусскую лотерею, я тебе об этом еще не писал. Его брак с г-жей Даниэльс становится теперь вероятным, если только он остался при своих прежних представлениях.

Бернар, всегда весьма эксцентричный, а в последние недели еще и сильно переутомившийся, действительно стал страдать «галлюцинациями». Мошенничество же заключается в том, что они моментально ухватились за этот повод, чтобы его упрятать, между тем как это было совершенно излишне, ибо та семья в Доркинге, в которой он давал урок, хотела взять на себя уход за ним и ответственность за него. То же самое и Ольсоп. Но присутствие последнего, давшего деньги на покушение Орсини, и его неоднократные встречи с Бернаром уже давно беспокоили бонапартовскую полицию, по поручению которой английская полиция уже давно следила за Бернаром.

В *прошлую субботу* я получил суммарное требование моего газового общества уплатить ему до *ближайшей субботы* 1 фунт 10 шилл., в противном случае (это последнее предостережение) мне «закроют» газ. Так как я sans sou,² то вынужден за этой мерзостью обратиться к тебе.

Раздуванье Мерримака кажется мне явной трусостью со стороны конфедеративных свиней. Они все же могли бы рискнуть. Какое это великолепное зрелище, когда «Times», с таким рвением отстаивавший Coercion bills³ против Ирландии, плачется по поводу того, что погибнет «свобода», если Север будет тиранизировать Юг. Хорош также и «Economist». В своем последнем номере он заявляет, что финансовое счастье янки — отсутствие обесценения бумажных денег — кажется ему непонятным (хотя на самом деле все это крайне просто). Он до сих пор все утешал своих читателей этим обесценением. Теперь же, признаваясь в том, что он ничего не смыслит в той области, которая является его специальностью, и в том, что он вводил своих читателей в заблуждение, он утешает их мрачными размышлениями по поводу «военных операций», в которых он уже официально ничего не понимает.

Обстоятельство, необычайно облегчившее янки их бумажные операции, заключалось в том (помимо главного пункта — веры в свое дело и доверия к своему правительству), что, благодаря расколу, Запад был совершенно лишен бумажных денег, т. е. вообще circulating medium.⁴ Все банки, главное обеспечение которых состояло в bonds of Slave States,⁵ потерпели банкротство. Кроме того, исчезло на много миллионов currency,⁶ циркулировавших на Западе в виде банковых билетов southern bancs.⁷ Затем, благодаря отчасти тарифу Морриля, а отчасти самой войне, почти совершенно прекратившей ввоз предметов роскоши, торговый баланс янки, т. е. их вексельный курс, все это время был благоприятен для них, а не для Европы. Неблагоприятный вексельный курс мог бы сильно поколебать патриотическое доверие филистеров к бумажным деньгам.

Да и вообще смешна эта тревога Джона Булля по поводу процентов по государственным долгам, которые «дяде Саму» придется выплачивать! Точно это не является безделицей по сравнению с государственным долгом самого Булля, не говоря уже о том, что Соединенные Штаты сейчас безусловно богаче, чем Буль в 1815 г. с его миллиардом долгов.

Не поддел ли уже Пам Бонапарта в Мексике?

Я сейчас, — с отчаяния, — эдорово засел за работу и пишу напропалую, т. е. по экономии. В «*Presse*» каждую неделю появляется моя статья. Я им только одну и посылаю, согласно письму Ф[ридендера].

Привет.

Твой *К. М.*

Мой привет г-же Бортман и сестре ее.

¹ вся семья. ² без гроша. ³ проекты принудительного закона. ⁴ средств обращения. ⁵ закладных бумагах рабовладельческих штатов. ⁶ денежных знаков. ⁷ южных банков.

Дорогой Мавр!

При сем почтовый перевод на 2 фунта. Выплата в Kentish Town, так как, если я не ошибаюсь, это — ближайшее от тебя отделение. У Зибеля радостное событие — родилась дочка.

Аннеке находится при армии Бюля и пишет с сегодняшнего дня в «Аугсбургской газете». Я, признаться, немного опасаюсь за армию Галлека; дело так затянулось, и не видно совершенно, чтобы он получил какие-либо подкрепления, хотя вранье Спенса в «*Times*»

ничего не доказывает. Виллих в чине полковника (the eternal colonel! ¹) командует 32-м Индианским полком.

История с Клейном меня радует; рад за этого беднягу.

Письмо Эйхгофа я отошлю тебе, как только прочту его Лупусу. Но я не могу сейчас к нему итти, так как по причине опухшей уже много дней миндалевидной железы я должен по вечерам сидеть дома.

Партизанская война как будто все-таки началась понемногу, но вряд ли в значительных размерах. Если будет победа, то прибывающие пополнения вместе с некоторой частью кавалерии справятся с этим. Если же будет поражение, то тогда, пожалуй, произойдет катастрофа.

Твой Ф. Э.

¹ вечный полковник!

???

4 июня 1862 г.

Дорогой Мавр!

Я надеюсь, что ты получил 2 фунта, посланные тебе почтовым переводом в прошлую пятницу на Kentish Town.

Итак, мы узнали наконец из письма Аннеке, что Галлек 26 апреля имел свыше 100 000 человек и 300 пушек, включая силы Попа и Митчеля, и что он ожидает прибытия Кертиса и Зигеля с дальнейшими подкреплениями. До 29 апреля состояние армии было, повидимому, довольно сносным; Аннеке не говорит ничего о болезнях, и я поэтому все эти разговоры о болезнях считаю целиком вымышленными. Надо, впрочем, признать, что Стэнтон и Галлек умеют настраивать недоверчиво прессу и публику; ведь это же действительно не так трудно иметь при каждой армии корреспондента, которому генерал указывает, что писать, для того, чтобы публика имела хоть какие-нибудь сведения. — Итак, великое сражение произойдет только тогда, когда придут Зигель и Кертис. Расчеты Спенса, что необходимо 120 000 человек, чтобы держать пограничные штаты в повиновении, просто смешны; в Кентукки, повидимому, нет ни одного человека (не считая учебного рекрутского лагеря под Луизвилем, из которого, вероятно, будет образован корпус Зигеля), а в Нэшвиле, по словам Аннеке, находятся только выздоравливающие etc.; а вообще, кроме армий Галлека и Мак-Клелана, в «пограничных» штатах стоят лишь Фремон (у которого, повидимому, еще вообще нет армии), Бэнкс (который, очевидно, весьма слаб) и Мак-Дуэль, но все они принадлежат к *действующей* армии. Зато Спенс ошибается и с другой стороны: во-первых, силы федералистов в данный момент безусловно не превышают в целом 500 000 человек, а

во-вторых, они, наверное, распределили не менее 90 000 по всему побережью. Я считаю так:

На побережьи	100 000 человек
Банкс и Фремон	30 000 »
Зигель и Кертис	30 000 »
Мак-Клелан	80 000 »
У Вашингтона	30 000 »
Мак-Доуэль	30 000 »
Галлек	100 000 »

всего, стало быть, 400 000; к этому надо прибавить около 60 000 человек рекрутов, выздоравливающих и маленькие отряды, рассеянные в Миссури, по обоим берегам Нижнего Огайо и Теннесси, а частью в городах Северо-востока, всего вместе, значит, 500 000 человек. В этом убеждении меня подкрепляет новый набор в 50 000 человек, за которым скоро, наверное, последует еще один в таких же размерах. Ясно, что армию хотят держать на нормальном уровне в 500 000 человек.

Было величайшей ошибкой со стороны Стэнтона, что он из чистого хвастовства приостановил набор. Это в материальном отношении принесло большой вред и было причиной всей потери времени у Коринфа и Ричмонда. А в моральном отношении нынешняя отмена приносит еще больший вред, не говоря уже о том, что теперь будет значительно труднее получить рекрутов. Вообще же людей достаточно; в северных штатах, благодаря иммиграции, имеется на 3 — 4% больше молодых людей в возрасте от 20 до 35 лет, чем в какой-либо иной стране.

Господин Аннеке, между прочим, представляется в своих письмах прежним брюзгливым хулителем и умничающим критиком, который в качестве масштаба при оценке берет не внешние обстоятельства и противника, а старые вышколенные европейские армии, да и эти последние не так, как они выглядят в действительности, а так, как они *должны быть*. Болван должен был бы вспомнить тот конфуз, который он сам, наверное, неоднократно испытывал на прусских маневрах.

Комедия в Берлине принимает очень веселый характер. Министерство уверяет палату в своем либерализме, а палата, в свою очередь, клянется королю в своем роялизме. *Embrassez-vous et que cela finisse!* ¹

Вообще же это безусловно прогресс, что эти люди так хорошо и быстро втянулись в парламентскую интригу; а конфликт уж произойдет. Очень хорошо при этом, что из всей кургессенской

истории ничего не вышло, пока курфюрст не нанес личного оскорбления красавцу-Вильгельму, а после этого уж тем более ничего не вышло.

Как поживает Женничка?

Сердечный привет твоей жене и детям. Прилагаю письмо Эйхгофа.

Твой Ф. Э.

¹ Поцелуйтесь, — и конец!

778.

[Около 6 июня 1862 г.]

Дорогой Энгельс!

Прости, что только теперь извещаю о получении двух фунтов. В течение этих восьми дней меня так замучили, что я совершенно не имел свободного времени. Домовладелец и полдюжины других чудовищ меня затравили.

Прилагаю два экземпляра произведения Лассалья (один для тебя, другой для Лупуса). Сообщи мне свое мнение о нем.

Получил письмо от Стеффена. Пошлю тебе его в ближайшие дни, как только отвечу на него. Он находится в Бостоне. Повидимому, очень хандрит. Вейдемейер — в чине подполковника.

Salut. ¹

Твой К. М.

¹ Привет.

779.

18 июня 1862 г.

Дорогой Энгельс!

Мне ужасно противно вновь занимать тебя моими влосчастиями, но *que faire?* ¹ Жена моя заявляет мне каждый день, что лучше бы ей с детьми лежать в могиле, и я, право, не могу на нее за это сердиться, ибо унижения, мучения и страхи, которые нам приходится переносить в этом положении, не поддаются описанию. Все 50 фунтов ушли, как тебе известно, на уплату долгов, из которых все же удалось уплатить меньше половины. 2 фунта ушло на газ, жалкие деньги из Вены получаются лишь в конце июля, и их будет адски мало, ибо эти собаки не печатают теперь и одной статьи в неделю. Сюда надо прибавить новые расходы с начала мая. Я не говорю уже о той, для Лондона вообще опасной ситуации, когда приходится семь недель существовать без единого гроша в кармане, — это у нас сейчас хроническое явление. Но ведь ты по собственному опыту знаешь, что имеются постоянно такие текущие

Wenn ich die ...

... die ...

... die ...

... die ...

ФАКСИМИЛЕ ЧАСТИ ПИСЬМА МАРКСА ЭНГЕЛЬСУ ОТ 18 ИЮНЯ 1862 Г. (О ДАРВИНЕ.)

расходы, по которым приходится платить наличными. Их мы покрыли тем, что вновь заложили вещи, взятые из ломбарда в конце апреля. Но этот источник за последние недели настолько иссяк, что моя жена предприняла даже на прошлой неделе «тщетную» попытку продать некоторые из моих книг. Бедных детей мне сейчас еще особенно жаль потому, что все это происходит во время «выставочного сезона», когда их знакомые так веселятся, а они живут в одном страхе, что к ним кто-нибудь придет и увидит всю эту мерзость.

В общем я теперь сильно работаю, и, как это ни странно, моя черепная коробка работает при всей этой нищете так хорошо, как не работала уже много лет. Я сильно увеличиваю этот том, так как немецкие собаки измеряют ценность книги ее кубическим объемом. Заодно я уже, наконец, раскусил окончательно и поганую земельную ренту (на которую я в *этой* части не хочу даже и *намекать*). У меня уже давно были сомнения относительно правильности рикардовской теории, а теперь я окончательно вскрыл обман. И, кроме того, я, с тех пор как мы не виделись, открыл ряд очень интересных и новых вещей, относящихся к этому тому.

У Дарвина, которого я теперь снова просмотрел, меня забавляет его утверждение, что он применяет «мальтусовскую» теорию *также* к растениям и животным, между тем как у господина Мальтуса вся суть в том-то и заключается, что его теория применяется им *не* к растениям и животным, а *только* к людям — с геометрической прогрессией — в противоположность растениям и животным. Замечательно, что Дарвин в среде животных и растений вновь открывает свое английское общество с его разделением труда, конкуренцией, открытием новых рынков, «изобретениями» и мальтусовской «борьбой за существование». Это — гоббсово *bellum omnium contra omnes*,² и это напоминает Гегеля в «Феноменологии», в которой гражданское общество изображается как «духовное царство животных», между тем как у Дарвина царство животных представляет собою гражданское общество.

Бокль сыграл с Руге скверную шутку: взял да и умер. Руге представлял себе уже в своей фантазии целую библиотеку, которую Бокль напишет, а он, Руге, «передает» по-немецки. *Roog*³ *Ruge!* И *roog* Бокль, которого сегодня еще в «Times» оклеветал некий «друг», выдал ему *testimonium pietatis*⁴.

Получили ли вы с Лупусом высланные мною вам два экземпляра «Юлиана Шмидта»?

Кстати! Если ты можешь сделать это совсем коротко, не напрягая себя, то я просил бы изготовить для меня образец итальянской

бухгалтерии (с объяснениями). Это бы мне пригодилось при освещении «Tableau économique»⁵ д-ра Кене.

У меня ни *одна* душа не бывает, и это меня радует, ибо здешнее человечество может меня... Сволочь!

Привет.

Твой К. М.

Лассаль написал мне письмо. Возможно, что он в июле будет здесь. В конце осени он начинает разработку своей «экономии», которая отнимет у него много времени. Он еще увидит!

¹ что делать? ² война всех против всех. ³ бедный. ⁴ свидетельство о благочестии. ⁵ «Экономической таблицы».

780.

[Около 3 июля 1862 г.]

Дорогой Мавр!

Так как начался новый деловой год, а Боркгейму его 50 фунтов я должен буду уплатить приблизительно через две недели, то мы можем снова повторить *сoup de main*.¹ Прилагаю посему 10-фунтовую бумажку.

Мошенничество на хлопковом рынке и следуемое за этим ежедневное повышение цен до такой степени отнимает у меня все мое время, что у меня голова кругом идет. Как только немного освожусь, напишу.

Как здоровье Женнички?

Твой Ф. Э.

¹ операцию.

781.

5 июля 1862 г.

Дорогой Энгельс!

Большое спасибо за 10 фунтов, первая половина которых сегодня получилась.

Слышал, что г. Гумперт был здесь; ко мне он не зашел. Well, I shall try to do without him.¹

Прилагаю «Прессу» и две очень умных «речи» Лассалья.

Прилагаемое письмо Лассалья привез мне австрийский «отставной капитан» Швейгерт, добрый, глупый парень. Суть вот в чем. Рюстов — при поддержке еще двух братьев Рюстовых — желал или желает использовать Национальный союз, Гимнастический союз etc. для того, чтобы хоть в маленьких государствах Гер-

мании иметь в решительный момент в своем распоряжении и под командой господина Рюстова гражданскую гвардию, способную противостоять армии. План этот адски глуп. И вот для этой цели они хотят, чтобы им из Лондона прислали денег! Не думаю, чтобы Лассаль разделял подобного рода иллюзии. Ему нужно было только поважничать перед Швейгертом etc.

Я надеюсь, что ты во всяком случае in the course of the season² побываешь в Лондоне. Женничка уже больше не больна, но она стала худенькой, больше чем ей полагалось бы по ее сложению. Надо будет непременно устроить ей морские купанья.

В Германии ли уже Лупус?

Как обстоит дело с «associates» of the British Association?³ Действительны ли еще старые карточки? Моя осталась у Лупуса.

Привет.

Твой К. М.

¹ Что ж, попробую обойтись без него. ² в течение сезона. ³ членами Британской ассоциации?

782.

11 июля 1862 г.

Дорогой Энгельс!

Вот уже два дня, как Лассаль здесь. Он собирается провести здесь несколько недель. Ты должен приехать сюда на несколько дней, он и без того очень «offended»¹ тем, что ты и Лупус ничего не написали ему по получении его сочинений. Ты ведь и без того собирался приехать сюда на пару дней на exhibition.²

Пишу тебе так мало, ибо работаю, как вол, над книгой.

Привет.

Твой К. М.

¹ обижен. ² выставку.

783.

21 июля 1862 г.

Дорогой Энгельс!

Был у Фрейлиграта, сошло прекрасно.

Итциг, — над тщеславием которого ты, наверное, очень посмеялся бы, — уезжает на будущей неделе. Если только можешь, приезжай в пятницу. Вчера у нас также был Рейнгард, который стал купцом.

Привет.

Твой К. М.

Что ты скажешь по поводу Мак-Клелана?

784.

30 июля 1862 г.

Дорогой Мавр!

Мне очень жаль, что я не мог приехать в пятницу. Ко всяким другим причинам прибавилось еще то, что я немного поругался с Эрменом, и мне нельзя было ни обратиться к нему за одолжением, ни просто уехать, не сказав ему ни слова. А то я безусловно приехал бы в пятницу, даже если бы мне грозила опасность пропустить что-либо существенное в субботу.

Дела в Америке идут плохо. Главная вина *after all*¹ ложится на Стэнтона, потому что он после взятия Теннесси из чистого хвастовства приостановил дальнейший набор рекрутов, т. е. осудил армию на постоянное ослабление как раз в тот момент, когда ей больше всего нужны были подкрепления для быстрого, решительного наступления. При непрерывном приливе рекрутов война, если и не была бы уже теперь выиграна окончательно, то конечный успех был бы вне всякого сомнения. Когда были постоянные победы, тогда и рекруты шли хорошо. Этот шаг был тем нелепее, что южане поставили под ружье всех мужчин от 18 до 35 лет, т. е. поставили все на карту. Вот эти-то мобилизованные и дают теперь конфедератам повсюду перевес и обесп.чивают им инициативу. Они задержали Галлека, вытеснили Кертиса из Арканзаса, побили Мак-Клелана и подали, под начальством Джексона, в долине Шенандоа сигнал к образованию партизанских отрядов, которые доходят теперь уже до Огайо. Трудно было поступить глупее, чем Стэнтон.

Затем, когда Стэнтон увидел, что ему никак не удалить Мак-Клелана от командования потомакской армией, он совершил другую глупость: чтобы ослабить его, он дал особые командные права Фремонту, Бэнксу и Мак-Доуэлю и таким образом *ради смещения Мак-Клелана раздробил силы*. Следствием было то, что не только был разбит Мак-Клелан, но и общественное мнение всю вину за поражение возлагает не на Мак-Клелана, а на Стэнтона. Поделом ему.

Все это не имело бы никакого значения и даже было бы полезно, если бы войне, наконец, был придан революционный характер. Но этого-то как раз и нет. Поражения не подхлестывают янки, а расслабляют их. Если уж дело дошло до того, что рекрутов надо завлекать обещанием взять их только *на девять месяцев*, то это обозначает

лишь следующее: мы уже дошли до конца, и нам нужна лишь показная армия как демонстративное средство во время мирных переговоров. Эти 300 000 добровольцев были пробным камнем, и Север, отказываясь их дать, этим заявляет, что ему, в конце концов, на всю эту историю наплевать. К тому же, что за трусость в Конгрессе и в правительстве! Боятся всеобщего рекрутского набора, решительных финансовых мер, нападений на рабство—словом, всего, что как раз крайне необходимо; дают всему идти как попало, и если та или иная мнимая мера проходит, наконец, через Конгресс, то доблестный Линкольн обставляет ее еще такой кучей оговорок, что от нее уже ровно ничего не остается. Эта дряблость, это свойство съезживаться, как лопнувший свиной пузырь, под гнетом поражений, уничтоживших самую лучшую и многочисленную армию и фактически обнаживших Вашингтон, это полное отсутствие эластичности в массах народа, — это служит для меня доказательством, *that it is all up.*² Эти несколько массовых митингов и т. д. ничего не говорят; они неспособны поднять даже до той степени возбуждения, которая бывает при президентских выборах.

К тому же полное отсутствие талантов. Один генерал глупее другого. Нет ни одного, который был бы способен к малейшей инициативе или к самостоятельным решениям. Вот уже три месяца, как инициатива опять совершенно в руках противника. Затем финансовые мероприятия, одно безумнее другого. Беспомощность и трусливость повсюду, кроме разве простых солдат. Таковы же и политики — так же абсурдны и растеряны. А *populus*³ еще беспомощнее, чем если бы он 3 000 лет провалялся под скипетром австрийской короны.

Южане же, — *it is no use shutting one's eyes to the fact,*⁴ — относятся к этому делу необычайно серьезно. Это доказывает уже одно то, что мы не получаем хлопка. Вторым доказательством является партизанская война в пограничных штатах. Тот факт, что земледельческий народ, в такой мере отрезанный от всего мира, в состоянии выдержать подобную войну и после тяжких поражений и потерь ресурсами, людьми и территориями оказаться снова победителем, грозя наступлением до самого севера, — это, по-моему, решает все дело. К тому же они превосходно дерутся, и все, что оставалось еще, помимо гор, от *union feeling,*⁵ будет теперь, при вторичном занятии Кентукки и Теннесси, безусловно потеряно.

Если они захватят Миссури, то в их руки попадут и *territories,*⁶ — и тогда дела Севера плохи.

Словом, если Север немедленно не станет действовать револю-

ционно, то его непоправимо побьют, и поделом. Кажется, что это так и будет.

Как здоровье Женнички? Привет твоей жене и детям.

Твой Ф. Э.

¹ после всего. ² что все кончено. ³ народ. ⁴ незачем закрывать глаза на факты. ⁵ сочувствия союзу. ⁶ территории.

785.

30 июля 1862 г.

Дорогой Энгельс!

Из прилагаемых бумажек ты отчасти увидишь, как меня терзают. Домохозяина пока что удалось утихомирить, ему я должен 25 ф. Фортепианщик, которому я плачу в рассрочку за рояль, должен был получить у меня 6 фунтов еще 30 июня, а это очень грубая скотина. Повестка на 6 фунтов налогов лежит у меня дома. Школьный счет приблизительно в 10 фунтов я, к счастью, оплатил, ибо я делаю все, чтобы избавить детей от прямого унижения. Мяснику я уплатил в счет долга 6 фунтов (это весь мой доход за четверть года от «Прессы»!), но он опять пристаёт ко мне, не говоря уже о булочнике, teagroses'e, ¹ greengroses'e ² и всяких других дьяволах.

Еврейский nigger³, Лассаль, к счастью, уезжающий в конце этой недели, снова благополучно потерял 5 000 талеров на какой-то спекуляции. Субъект этот готов скорее бросить свои деньги в грязь, чем дать их взаймы «другу» даже при условиях гарантии процентов и капитала. При этом он исходит из того взгляда, что должен вести образ жизни, подобающий еврейскому барону или баронизованному (вероятно, через графиню) еврею. Представь себе, что этот субъект, которому известна история с Америкой, следовательно известен кризис, в котором я нахожусь, имел наглость спросить меня, не согласился ли бы я отпустить одну из моих дочерей к графине Гатцфельд в качестве «компаньонки» и даже не попросить ли ему о покровительстве для меня у Герстенберга (!). Субъект этот отнял у меня много времени. Этот олух полагал, что так как у меня теперь нет никакого «дела», а я только делаю «теоретическую работу», то я с таким же успехом могу убивать свое время с ним! А ведь, чтобы соблюсти некоторый декорум по отношению к этому парню, моей жене пришлось снести в ломбард все до последней нитки.

Если бы я не был в таком ужасном положении и если бы меня не злило похлопывание этого выскочки по своей мошне, он бы мне доставил поистине царское развлечение. За этот год, что я его не

видел, он совсем с ума сошел. Его пребывание в Цюрихе (вместе с Рюстовым, Гервегом и т. д.), затем его поездка в Италию и, наконец, его «Юлиан Шмидт» и т. д. совершенно вскружили ему голову. Он убежден теперь, что он не только величайший ученый, глубочайший мыслитель, гениальнейший исследователь и т. д., но и, кроме того, Дон-Жуан и революционный кардинал Ришелье. При этом непрерывная болтовня фальшиво-взволнованным голосом, неэстетичные демонстративные движения, менторский тон!

Он сообщил мне и жене под величайшим секретом, что он посоветовал Гарибальди не идти на Рим, а отправиться в Неаполь, стать там диктатором (не трогая Виктора-Эммануила) и призвать народную армию к походу на Австрию. Лассаль полагал, что у него из-под земли вырастет армия в 300 000 человек и что пьемонтская армия несомненно присоединится. И после этого, — согласно плану, одобренному, по его словам, Рюстовым, — особый корпус должен будет перейти или, вернее, переправиться на адриатический берег (в Далмацию) и поднять восстание в Венгрии, в то время как главные силы под предводительством Гарибальди двинутся, пренебрегая «четыреугольником крепостей», из Падуи в Вену, где население немедленно восстанет. Все закончится в шесть недель. Рычаг движения — политическое влияние Лассалья в Берлине или его перо. А Рюстов должен примкнуть к Гарибальди во главе отряда немецких партизан. Бонапарт же должен быть совершенно парализован этим лассалевским *coup d'éclat*.⁴

Он был также и у Мадзини. Последний «также» одобрил сей план и «восхищен» им.

Он разговаривал с этими господами в качестве «представителя немецкого революционного рабочего класса» и заявил им (буквально!), что он предполагает, что им известно, что он (Итциг) своей «брошюрой об итальянской войне предотвратил вмешательство Пруссии» и на деле «руководил историей последних трех лет».

Лассаль приходил в бешенство, когда я и жена высмеивали его планы, дразнили его «просвещенным бонапартистом» и т. д. Он кричал, неистовствовал, вскакивал и, наконец, окончательно убедился в том, что я слишком «абстрактен», чтобы понимать что-нибудь в политике.

As to America⁵, то она, говорит он, совершенно неинтересна. У янки нет никаких «идей». «Индивидуальная свобода» есть лишь «негативная идея» etc. и тому подобный старый, давно истлевший спекулятивный хлам.

Я уже говорил тебе, что при других обстоятельствах (и если

бы он не мешал мне в работе), этот субъект меня в высшей степени забавлял бы.

К тому же что за неимоверное обжорство и распутная похотливость у этого «идеалиста».

Мне теперь совершенно ясно, что он, как это доказывают также строение его черепа и вид его волос, происходит от тех негров, которые присоединились к толпе, предводительствуемой Моисеем, при исходе ее из Египта (если только его мать или бабушка с отцовской стороны не согрешила с каким-нибудь негром).

Такое сочетание еврейства и германизма с негритянской субстанцией должно было дать своеобразный продукт. Навязчивость этого субъекта тоже чисто негритянская.

Если, между прочим, автором плана похода от Падуи на Вену является господин Рюстов, то и последний, как мне кажется, не в своем уме.

Твой К. М.

Одно из великих открытий нашего негра, — которое он, однако, сообщил лишь мне как своему «интимнейшему другу», — заключается в том, что пелазги происходят от семитов. Главное доказательство: в книге Маккавеев евреи отправляют послов в Грецию с просьбой о помощи, ссылаясь при этом на племенное родство. В Перуджии, кроме того, найдена этруская надпись, которую надворный советник Штюккер и один итальянец одновременно расшифровали, причем оба они, независимо друг от друга, истолковали этрусские буквы древне-еврейскими.

Для того, чтобы мы не могли ему больше тыкать в нос «Blue books», — он накупил себе (под руководством Бухера) на 20 ф. ст. «Blue books». ⁶

Он уверяет, что обратил Бухера в социализм. А Бухер — тонкий, хотя и нескладный человек, и я во всяком случае не могу поверить, чтобы он одобрил «внешнюю политику» Лассалья. Бухер, это — «Setzerweib» в «Юлиане Шмидте».

Если бы ты приехал сюда на несколько дней, ты бы запасся материалом для смеха на целый год. Вот почему мне так хотелось, чтобы ты был здесь.

Такие случаи бывают не каждый день.

¹ бакалейщике. ² веленщине. ³ негр. ⁴ переворотом. ⁵ Что касается Америки.

⁶ «синих книг».

786.

[31 июля 1862 г.]

Дорогой Мавр!

Ты понимаешь, что после крупных платежей прошлого месяца я не могу раздобыть теперь для тебя 25 фунтов. Я все свои собственные крупные платежи (landlady¹ и по счету за четверть года) отложил до августа; помимо этого я должен был из-за векселя выдать Боркгейму ордер, по которому уплата также предстоит в августе. Посмотри, не удастся ли что-нибудь сделать завтра. Затем я должен еще Лупусу 10 фунтов, и он потребует их сейчас же по своем возвращении, что может случиться каждый день. Подсчитай все это, да прибавь еще суммы, уплаченные за прошлый месяц, и ты увидишь, какая брешь пробита в балансе на будущий год. Впрочем, я сегодня вечером еще подсчитаю, сколько мне нужно платить и сколько я смогу ввиду этого тебе выслать.

Если бы я только знал, каков баланс и каково мое положение! Но Чарльз уезжает послезавтра в Варшаву, где у нас неприятный долг, и тогда дело вновь станет.

Твой Ф. Э.

¹ домовладелец.

787.

1 августа 1862 г.

Дорогой Мавр!

Прилагаемые 10 фунтов, это — все, что я тебе сейчас в состоянии послать. Дело обстоит так: прошлый месяц мне пришлось заплатить: за четверть года содержания лошади 15 фунтов; домохозяйке 25 (старик Гилль зачел это мне еще за июль, ибо я только вчера заплатил); Боркгейму 50 фунтов, тебе 10 фунтов, итого 100 фунтов. В течение этого месяца мне предстоит уплатить: Лупусу — 10 фунтов; Боркгейму за ордер 15 фунтов; книготорговцу около 10 фунтов (остаток с 1861 г.), затем мелочи: портному, сапожнику, рубахи и т. п., на сигары 25 фунтов и вышеупомянутые 10 фунтов тебе, итого 70 фунтов, или за 2 месяца 170 фунтов помимо current expenses.¹ Теперь ты видишь, в каком я положении. Кроме того, у меня имеется почти полная уверенность, что я в прошлом отчетном году впал в перерасход и что в этом году у меня будет очень малый доход. Я надеюсь, что тебе удастся еще на некоторое время удержать твоих кредиторов, я же этого никак не могу сделать со своими, ибо эта публика здесь имеет обыкновение присылать счета в контору, так что создается моральное принуждение платить после двух-трех calling.²

Если Лупусу не нужны до конца сентября те 10 фунтов, которые я ему еще должен, или если он согласен на уплату в рассрочку, то я, разумеется, пришлю их тебе.

История с Лассалем в высокой степени забавна. Его стратегический план, это — самое лучшее из того, что мне до сих пор удавалось услышать. Что Рюстов его одобрил, это вполне возможно; этот молодец столь же тщеславен, как и Итциг, и находится на верном пути к тому, чтобы стать таким же сумасбродом. Сравни его писания о кампании 1860 г. во втором томе «Демократических этюдов».

Автор «Европейской пентархии» разразился новым произведением: «Кабинеты и союзы Европы». Вот уж, подлинно, русские купили себе необычайного осла. Никогда еще не читал столь глупого и путанного произведения. Он особенно хорош в том месте, где теоретизирует о «праве народов» (международном праве). Он строит три или четыре различные теории, явно друг другу противоречащие. И все это в крайне «христианском духе», а лести по отношению ко всему русскому столько, что нельзя не посмеяться над тем, что русские потратили на него столько денег. К чести Германии надо сказать, что она не смогла купить ни одного порядочного человека, который писал бы за Германию, а когда они, наконец, одного купили, как, напр., Б. Бауэра, то он немедленно поглупел, как пробка. Главный план: русско-французский союз; Пруссия во главе Малой Германии; Австрии, перенесшей свою столицу в Будапешт, отдаются Придунайские княжества и вся область к северу от Балкан. Все это размазано пространнейшим образом на 300 страницах скучнейшей болтовни. Если тебе эта книга интересна, я тебе ее пришлю.

Твой Ф. Э.

¹ текущих расходов. ² напоминаний.

788.

2 августа 1862 г.

Дорогой Фредерик!

Большое спасибо за 10 фунтов.

Мне очень неприятно, что тебе из-за меня приходится стеснять себя в денежном отношении, но *que faire?* ¹ Кто может противостоять такому кризису, как американский? К тому же мне еще специально не повезло, что я связался с такой паршивенькой газеткой, как венская «Пресса». *Otherwise* ² она могла бы мне *to some extent* ³ заменить «Трибуну». Не думаешь ли ты, что теперь время обратиться к «*Evening Post*» (*abolitionist paper* ⁴ в Нью-Йорке) с предложением своих корреспондентских услуг?

Прямо чудо, что, находясь в таком положении, я все же еще могу заниматься теоретическими работами. Я все-таки намерен уже в этом томе дать в качестве вставной главы теорию ренты, *id est* ⁵ в качестве «иллюстрации» к выдвинутому уже раньше тезису. Хочу в двух словах изложить тебе эту в готовом виде *весьма странную и запутанную* историю для того, чтобы ты мог мне сообщить *свое мнение*.

Как тебе известно, я различаю в капитале две части: *постоянный капитал* (сырье, *matières instrumentales*, ⁶ машины etc.), стоимость которого *вновь проявляется* в стоимости продукта, и затем *переменный капитал*, т. е. капитал, затрачиваемый на заработную плату и содержащий меньшее количество овеществленного труда, чем рабочие отдают взамен его. Напр., если ежедневная заработная плата = 10 ч., а рабочий работает 12 ч., то он возмещает переменный капитал + $\frac{1}{5}$ последнего (2 часа). Этот избыток я называю *прибавочной стоимостью* (*surplus value*).

Предположим, что дана *норма прибавочной стоимости* (т. е. продолжительность рабочего дня и избыток прибавочного труда по сравнению с необходимым трудом, который рабочий должен совершить для воспроизводства *salaires works*), напр. = 50%. ⁷ В этом случае рабочий при рабочем дне в 12 ч. работал бы 8 ч. на себя, а 4 ч. (8 : 2) на хозяина. И предположим, что это отношение существует во всех отраслях *trades*, ⁸ так что некоторые колебания в *average working time* ⁹ являются лишь компенсацией за большую или меньшую трудность работы etc.

При этих условиях, при *равномерной* эксплуатации рабочих в различных *trades*, ⁸ различные капиталы, помещенные в различных отраслях производства, дадут, несмотря на *равные размеры*, весьма *различные amounts of surplus value* ¹⁰ и отсюда различные нормы прибыли, *since profit is nothing but the proportion of the surplus value to the total capital advanced*. ¹¹ Это будет зависеть от *организмического состава* капитала, т. е. от его деления на постоянный и переменный капитал.

Предположим, как мы сделали выше, что прибавочный труд составляет 50%. Значит, если, напр., 1 фунт = рабочему дню (все равно, если этот рабочий день длится даже целую неделю, etc.), рабочий день = 12 ч., а необходимое рабочее время (для воспроизводства заработной платы) = 8 ч., то заработная плата 30 рабочих (или рабочих дней) будет = 20 фунтам, стоимость же их труда = 30 фунтам; переменный капитал на одного рабочего (в день или неделю) = $\frac{2}{3}$ ф., а создаваемая им стоимость = 1 фунту. *Amount of surplus*

value,¹² производимая капиталом в 100 фунтов в different trades, ¹⁸ будет весьма различаться в зависимости от того отношения, в каком капитал в 100 фунтов делится на переменный и постоянный капитал. Назовем постоянный капитал C , а переменный V . Если, напр., в хлопчатобумажной промышленности состав капитала = C 80, V 20, то стоимость продукта = 110 (считая 50% прибавочной стоимости или surplus labor.¹⁴) Масса прибавочной стоимости = 10 и норма прибыли = 10%, ибо прибыль равняется отношению 10 (surplus value¹⁶) к 100 (общая стоимость of the capital expended¹⁶). Предположим, что в крупных портняжных предприятиях состав капитала такой: C 50, V 50, так что продукт = 125, прибавочная стоимость (при норме в 50%, как и выше) = 25 и норма прибыли = 25%. Возьмем другую отрасль промышленности, в которой существует соотношение: C 70, V 30, тогда продукт = 115, норма прибыли = 15%. Наконец, возьмем отрасль, в которой состав = C 90 V 10, тогда продукт = 105 и норма прибыли = 5%.

Таким образом, при одинаковой эксплуатации труда для капиталов равной величины, но приложенных в different trades,¹³ получаются очень different amounts of surplus value, and hence very different rates of profit.¹⁷

Возьмем все 4 вышеприведенных капитала вместе, и мы получим:

	Стоимость продукта	Процент	
1. C 80, V 20	110, норма прибыли =	10	} Норма прибавочной стоимости во всех случаях = 50%.
2. C 50, V 50	125, » » =	25	
3. C 70, V 30	115, » » =	15	
4. C 90, V 10	105, » » =	5	
Капитал = 400		Прибыль = 55	

Это дает на каждые 100 ф. норму прибыли в $13\frac{3}{4}\%$. Если рассматривать *общий капитал* (400) *класса*, то норма прибыли = $13\frac{3}{4}\%$. А капиталисты — братья. Конкуренция (transfer of capital or withdrawal of capital from one trade to the other¹⁸) приводит к тому, что капиталы *равной* величины *in different trades*, despite their different organic compositions, yield the same average rate of profit.¹⁹ Другими словами: average — прибыль, которую приносит капитал в 100 ф., напр. помещенный in a certain trade; ²⁰ эту среднюю прибыль капитал приносит не в качестве данного, специально помещенного капитала, а стало быть и не в зависимости от того отношения, в котором он сам создает себе прибавочную стоимость, но в качестве соответствующей части общего капитала всего класса капиталистов.

Это — пай, дивиденды на который уплачиваются пропорционально его размерам из общего фонда прибавочной стоимости (или неоплаченного труда), произведенной общим переменным (т. е. затраченным на заработную плату) капиталом всего класса.

Для того, чтобы в примерах 1, 2, 3, 4 получилась одна и та же средняя прибыль, они (фабриканты) должны, в каждой отрасли, продавать свои товары за $113\frac{3}{4}$ фунтов. 1 и 4 будут продавать их по цене *выше* их стоимости, 2 и 3 — *ниже* их стоимости.

Эта урегулированная указанным образом *цена* = *expendes of capital + average profit*, for instance 10%,²¹ и есть то, что Смит называет *natural price, costprice*²² и т. д. Это та *average price*, к которой конкуренция между *different trades* сводит цены *in different trades* путем *transfer of capital or withdrawal of capital*²³. Конкуренция, следовательно, сводит товары не к их стоимости, а к цене их производства, которая, в зависимости от органического состава их капиталов, может быть *выше, ниже или равна* их стоимости.

Рикардо смешивает *стоимость* с *ценой* производства. Он поэтому думает, что если принять существование *абсолютной ренты*, которая *не зависит* от степени плодородности различных сортов почвы, то придется допустить, что *agricultural produce*²⁴ и т. п. продаются всегда *выше своей стоимости*, ибо они продаются *выше цены* производства (*the advanced capital + average profit*²⁵). Это опровергало бы основной закон. Он таким образом отрицает абсолютную ренту и принимает только *дифференциальную ренту*. Но его отождествление *стоимости товаров* с *ценой товаров* в корне неправильно; он перенял это по традиции от Ад. Смита.

Факт таков:

Допустим, что *average composition*²⁶ всего *not agricultural capital*²⁷ есть *C 80, V 20*; тогда (при 50% норме прибавочной стоимости) продукт = 110 и норма прибыли = 10%.

Допустим далее, что средний состав сельскохозяйственного капитала = *C 60, V 40*. (Это соотношение для Англии, по данным статистики, довольно точно соответствует действительности; ренты скотоводов и т. д. в данном случае не играют роли, ибо они определяются не сами по себе, а посредством *cornrent*²⁸). Тогда продукт, — принимая ту же степень эксплуатации труда, что и выше, — будет = 120 и норма прибыли = 20%. Поэтому, если фермер захочет продавать *agricultural*²⁹ продукты по их *стоимости*, то он должен будет продавать их за 120, а не за 110 (цена производства). Но наличность *землевладения* мешает тому, чтобы фермер мог, подобно своим *brother capitalists*,³⁰ свести *стоимость* продукта к его *цене*

производства. Конкуренция капиталов перестает здесь действовать. Тут вмешивается землевладелец и присваивает себе *разницу между стоимостью и ценой* производства. Низкое соотношение между постоянным капиталом и переменным вообще является выражением низкого (или относительно низкого) уровня развития производительной силы труда в той или иной особой отрасли производства. Поэтому, если *average composition of agricultural capital* ³¹ равняется, примерно, $C\ 60, V\ 40$, в то время как средний состав *not agricultural capital* ³² = $C\ 80, V\ 20$, то это доказывает, что сельское хозяйство не достигло еще того уровня развития, что промышленность. (А это очень понятно, ибо, не говоря уже обо всем остальном, промышленность опирается на более старую науку — механику, а сельское хозяйство — на более молодые науки: химию, геологию, физиологию). Если соотношение в сельском хозяйстве поднимается до $C\ 80, V\ 20$ (в вышеприведенном примере), тогда *абсолютная рента* исчезает. И остается одна только *дифференциальная рента*, теорию которой я развиваю таким образом, что рикардовское предположение о непрерывном *deterioration of agriculture* становится *most ridiculous and arbitrary*. ³³

По поводу вышеприведенного определения *cost-price* ³⁴ в отличие от *value* ³⁵ нужно еще заметить, что кроме различия между постоянным капиталом и переменным капиталом, различия, вытекающего из *непосредственного процесса производства* капитала, имеется еще различие между *основным* и *оборотным* капиталом, вытекающее из *процесса обращения* капитала. Но формула сделалась бы слишком сложной, если бы я захотел и это ввести в вышеприведенные рассуждения.

Вот тебе, — *roughly*, ³⁶ ибо история эта довольно сложна, — критика рикардовской теории. Ты должен будешь признать, по крайней мере, одно, — что указание на *organic composition of capital* ³⁷ устраняет массу имевшихся доселе кажущихся противоречий и проблем.

Кстати! Для определенной цели, о которой тебе сообщу в следующем письме, мне было бы *очень приятно*, если бы ты прислал мне подробную военную критику (политическую я сделаю сам) лассалевско-рюстовских освободительных фантазий.

Привет дамам.

Твой К. М.

Имант предупредил о своем визите. Итциг уезжает в понедельник.

Ты увидишь, что в моем объяснении «абсолютной ренты» *земельная собственность* indeed (under certain historical circumstances ³⁸)

удорожает цены сырья. Это, с коммунистической точки зрения, может весьма пригодиться.

Если вышеизложенная точка зрения правильна, то нет абсолютно *никакой необходимости* принимать, что *абсолютная рента* уплачивается при всяких условиях со *всякого сорта почвы* (если даже принять предположенный выше состав земледельческого капитала). Ее не уплачивают там, где — по закону или фактически — *нет собственности на землю*. В этом случае земледелие не оказывает peculiar resistance to the application of capital.³⁹ И капитал движется в этой стихии столь же непринужденно, как и во всякой другой. И тогда продукты земледелия продаются, как это всегда бывает с массой продуктов промышленности, по цене производства, *ниже своей стоимости*. На деле *земельная собственность* может отпасть и тогда, когда капиталист и землевладелец — одно и то же лицо, и т. д.

Но не стоит останавливаться сейчас на этих деталях.

Дифференциальная рента в собственном смысле слова, — отнюдь не проистекающая от того, что капитал вложен on land instead of any other field of employment,⁴⁰ — не представляет собой в теоретическом отношении никаких затруднений. Она — не что иное, как surplus profit,⁴¹ существующая в любой отрасли промышленности для любого капитала, работающего в average conditions.⁴² Она только особенно прочно фиксируется в земледелии, ибо покоится там на столь солидной и (сравнительно) прочной базе, как different degrees of natural fertility⁴³ различных сортов почвы.

¹ что делать? ² Иначе. ³ до известной степени. ⁴ аболиционистской газете. ⁵ т. е. ⁶ вспомогательные материалы. ⁷ заработной платы. ⁸ производства. ⁹ среднем рабочем времени. ¹⁰ суммы прибавочной стоимости. ¹¹ ибо прибыль есть не что иное, как отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу. ¹² сумма прибавочной стоимости. ¹³ различных отраслях. ¹⁴ прибавочного труда. ¹⁵ прибавочная стоимость. ¹⁶ затраченного капитала. ¹⁷ различные суммы прибавочной стоимости, а следовательно и весьма различные нормы прибыли. ¹⁸ перевод капитала или отлив его из одной отрасли в другую. ¹⁹ в различных отраслях приносят, несмотря на их различный органический состав, одну и ту же среднюю норму прибыли ²⁰ в определенной отрасли промышленности. ²¹ издержкам капитала + средняя прибыль, например 10%. ²² естественной ценой, ценой производства. ²³ перенесения или отлива капитала. ²⁴ продукты сельского хозяйства. ²⁵ затраченный капитал + средняя прибыль. ²⁶ средний состав. ²⁷ не сельскохозяйственного капитала. ²⁸ хлебной ренты. ²⁹ сельскохозяйственные. ³⁰ капиталистическим братьям. ³¹ средний состав сельскохозяйственного капитала. ³² не сельскохозяйственного капитала. ³³ ухудшении сельского хозяйства становится крайне смешным и произвольным. ³⁴ цены производства. ³⁵ стоимости. ³⁶ в необработанном виде. ³⁷ органический состав капитала.

³⁸ конечно (при известных исторических условиях). ³⁹ особенного сопротивления применению капитала. ⁴⁰ в землю, вместо того, чтобы быть вложенным в другую отрасль. ⁴¹ сверхприбыль. ⁴² в обычных условиях. ⁴³ различная степень естественного плодородия.

789.

7 августа 1862 г.

Дорогой Энгельс!

Мой домохозяин явился ко мне в понедельник и заявил мне, что если я ему теперь не заплачу в самый короткий срок, после того как он так долго ждал, то он передаст это дело своему агенту. Это значит, что ко мне будет прислан broker. ¹ Вместе с тем — и, по странному стечению обстоятельств, в тот же самый день — я получил также повестку о немедленной уплате налога и письма от большинства знакомых с домохозяином *épiciers*, ² которые грозят подать в суд и прекратить доставку *provisions*. ³

Лассаль уехал в понедельник вечером. Я встретился еще с ним, после того как все эти *events* ⁴ произошли. Он сообразил по моему *dejected* ⁵ виду, что кризис, о котором он знал уже давно, привел к какой-то катастрофе. Спросил меня. Когда я ему рассказал, он заявил мне, что может прислать 15 фунтов до 1 января 1863 г.; он разрешил также учесть на его имя вексель на любую *amount*, ⁶ если ты или кто-либо иной обещает уплатить деньги свыше 15 фунтов. Больше он, дескать, сделать не может при своих стесненных обстоятельствах. (Этому я верю; ведь он здесь *ежедневно* тратит на одни лишь сигары и извозчиков 1 ф. 2 шил.)

Может быть, ты этим путем, привлеки Боркгейма в качестве дисконтера, смог бы что-нибудь устроить, чтобы отсрочить кризис? Из 10 фунтов я 6 уплатил фортепианщику; это грубое животное без всяких разговоров подало бы на меня в *county court*. ⁷ На 2 фунта я выкупил вещей из ломбарда, а остаток я отдал в распоряжение жены.

Я уверяю тебя, что если бы не *family difficulties*, ⁸ я предпочел бы переселиться в *model lodginghouse*, ⁹ нежели вечно тащить из твоего кошелька.

К этому присоединяется еще одно обстоятельство.

Д-р Аллен заявил мне, что Женничке абсолютно необходимо поехать хоть на две недели к морю. То же самое нужно и самой маленькой, у которой в прошлом году было нечто вроде желтухи и которая сейчас опять не совсем *all right*.

Итциг сказал мне еще, что он, может быть, создаст газету,

когда вернется в сентябре. Я ответил ему, что за *хорошее вознаграждение* я охотно стану английским корреспондентом, не принимая на себя никакой responsibility¹⁰ и не являясь политическим соучастником, так как мы политически решительно ни в чем не сходимся, кроме некоторых весьма отдаленных конечных целей.

Твой взгляд на American civil war¹¹ я не совсем разделяю. Я не думаю, that all is up.¹² Во главе северян с самого начала стояли представители border slaves states,¹³ которые и выдвинули на первое место Мак-Клелана, этого старого брекинриджского партизана. Южане же с самого начала действовали сплошной единой массой. Север сам превратил рабов в военную силу Юга, вместо того, чтобы направить их против последнего. Юг сваливает всю productive labor¹⁴ на рабов и может поэтому беспрепятственно бросить все свои силы на фронт. У него имеется единое военное командование, а у Севера нет. Что у последнего не было никакого стратегического плана, достаточно видно уже из всех маневров кентуккийской армии после взятия Теннесси. По моему мнению, вся эта история скоро take another turn.¹⁵ Север, наконец, начнет вести войну всерьез и прибегнет к революционным средствам, отбросив руководство border slaves statesmen.¹⁶ Один полк, составленный из негров, возымеет чудодейственное влияние на нервы южан.

Трудность получить эти 300 000 человек кажется мне чисто политической. Северо-запад и Новая Англия стремятся заставить и заставят правительство отказаться от своего прежнего дипломатического способа ведения войны и вырабатывают теперь terms on which the 300 000 men shall come forth.¹⁷ Если Линкольн не уступит (а он уступит), то произойдет революция.

Что касается недостатка военных талантов, то нынешний способ выбора генералов исключительно по дипломатическим и партийным интригам вряд ли особенно способствовал тому, чтобы выдвинуть таланты на первый план. Все же генерал Поп мне кажется энергичным человеком.

Что касается финансовых мероприятий, то они неискусны, как это и естественно для страны, в которой фактически (поскольку речь идет о военном государстве) до сих пор еще нет налогов, но далеко не так бессмысленны, как мероприятия. Питта и его сотоварищей. Теперешнее обесценение денег объясняется, на мой взгляд, не экономическими, а чисто политическими условиями, недоверием. Это, стало быть, изменится при изменении политики.

Коротко говоря, мне кажется, что подобную войну надо вести

революционно, янки же до сих пор пытались вести ее конституционно.

Привет.

Твой К. М.

Имандт — здесь. Значит, снова перерыв, столь неприятный в настоящий момент. Я думаю, что моя книга займет тридцать листов.

¹ судебный пристав. ² лавочников. ³ продуктов. ⁴ события. ⁵ расстроеному. ⁶ сумму. ⁷ суд графства. ⁸ семейные затруднения. ⁹ меблированные комнаты. ¹⁰ ответственности. ¹¹ гражданскую войну в Америке. ¹² что все кончено. ¹³ пограничных рабовладельческих штатов. ¹⁴ производительную деятельность. ¹⁵ примет другой оборот. ¹⁶ государственных деятелей из пограничных рабовладельческих штатов. ¹⁷ условия, на которых эти 300 000 человек явятся.

790.

8 августа 1862 г.

Дорогой Мавр!

Если я тебе прислал счет своих расходов, то отнюдь не для того, чтобы затруднить тебе, как ты выражаешься, дальнейшее «давление» на мой кошелек. Напротив того, я уверен, что мы и впредь будем друг другу помогать, совершенно независимо от того, кто из нас в тот или иной момент является «давящим» или «давимым», ведь роли могут снова перемениться. Единственной целью этой таблицы было доказать тебе невозможность для меня выслать тебе больше, чем 10 фунтов.

15 ф. Лассалья ты, конечно, немедленно взял наличными, или как иначе понимать выражение: «до января»? Может быть, он тогда только собирался их дать? Что касается векселей, то я вполне могу выдать на Лассалья, сроком на три, если можно и на четыре месяца, на сумму по-моему хоть в 40—45 ф. или 260—300 талеров, если Боркгейм возьмется их реализовать. Кроме того, я смогу выслать тебе еще 10 ф., если Боркгейм согласится обождать до сентября с уплатой тех денег, которые я ему должен за вино. Таким образом получилось бы: 10 ф. от меня, 45 за вексель, 15 от Лассалья, итого 70 ф. Я был бы тогда основательно истощен на довольно продолжительный срок, но это не имело бы никакого значения, если бы ты благодаря этому вылез из лужи и Женничка могла бы съездить на морской берег. Так как Боркгейму приходится покрывать платежи на континенте и так как он знает, что я во что бы то ни стало *должен* буду уплатить по его векселю, если только не

захочу окончательно подорвать свое положение здесь, то ты совершенно спокойно можешь сходить к нему и спросить его, удобно ли ему устроить нам это дело. Ты можешь ему сказать, что при нынешнем плохом состоянии хлопчатобумажного дела я чувствую себя обязанным брать как можно меньше денег у фирмы и предпочитаю поэтому указанный путь. Тебе в данном случае приходится еще меньше стесняться по отношению к нему, чем мне; отправляйся же к нему немедленно и устрой это дело для того, чтобы я сейчас же мог написать вексель на г-на барона.

Лупус приехал в понедельник, больной гриппом и ревматизмом, которые и приковали его в Лондоне на целый день к постели, на тот единственный день, который он там пробыл. Как только ему стало немного лучше, он приехал сюда. Этим объясняется, почему он не был у тебя. Ему теперь лучше, но *in monetibus*,¹ его дела совсем плохи, и он тотчас же заявился ко мне по поводу 10 фунтов.

Тебе необходимо немедленно снова устроить финансовый фокус, иначе я никак не могу себе представить, чем мы заполним пробел, оставшийся от «Трибуны». Остальные нью-йоркские газеты ни в какой мере не могут тебе заменить «Трибуну», но при случае не мешает все-таки попытаться, — авось что-нибудь перепадет. Книга, если считать даже 30 листов, в лучшем случае даст 70 ф., но как обстоит дело с Брокгаузом? Условился ли ты на этот счет с Лассалем? И как долго это будет еще тянуться? — С «*Allgemeine Militärzeitung*» я вновь завязал сношения и посмотрю, что из этого выйдет, но там можно помещать *maximum* одну статью в полтора месяца. Не можешь ли ты через своего «*mussures*»² или как-нибудь иначе устроить мне сотрудничество в военном отделе какой-либо лондонской газеты? Но это все мелочи, и если мы не придумаем способа делать деньги, то вряд ли тебе останется другой выход, как снова попытаться тем или иным путем выжать немного денег из своих родных. *Réfléchis là-dessus.*³

О военных планах Лассалья и о твоей теории ренты, причем мне далеко еще не ясно существование «абсолютной» ренты, — это ты еще должен доказать, — напишу на этих днях. У меня ужасный геморрой, и я не могу дольше сидеть.

Привет всей family.⁴

Твой Ф. Э.

¹ в отношении денег. ² [еврейское слово *m'schores*, что означает *помощник*, *фактотум*.] ³ Подумай об этом. ⁴ семье.

791.

9 августа 1862 г.

Дорогой Энгельс!

Итциг собирается внести 15 ф. только 1 января.

Я был у Боркгейма. Напиши вексель на 400 талеров на Лассала (я Боркгейму, конечно, ничего не рассказывал о Лассале as to the¹ 15 ф., которые Лассаль уплатит). Сроком на три месяца. А после этого вексель будет *возобновлен*, ибо я сказал Боркгейму, что платить буду только 1 января. (Срок, назначенный Лассалем.)

Главное, чтобы ты послал Боркгейму этот вексель.

Что касается *теории ренты*, то я, конечно, должен сперва дождаться твоего письма. Но для того, чтобы упростить «дебаты», как сказал бы Генрих Бюргерс, скажу следующее:

1) Единственно, что мне с теоретической точки зрения приходится доказывать, это *возможность* абсолютной ренты, не нарушающей закона стоимости. Это есть тот самый пункт, вокруг которого вертятся все *теоретические* споры от физиократов до наших дней. Рикардо отрицает эту возможность; я ее утверждаю. Я утверждаю в то же время, что его отрицание основывается на теоретически ложном догмате, перенятом от А. Смита, — а именно на предполагаемом тождестве *costprices*² и *values of commodities*.³ Я утверждаю далее, что во всех тех случаях, где Рикардо иллюстрирует вопрос *примерами*, он постоянно выбирает такие случаи, когда не существует капиталистического производства или *земельной собственности* (юридически или фактически). А ведь дело идет именно о том, чтобы исследовать закон при наличии этих вещей.

2) Что касается *существования* абсолютной земельной ренты, то это такой вопрос, который должен быть *статистически* разрешен для каждой страны отдельно. Но важность чисто теоретического решения вопроса явствует уже из того, что вот уже 35 лет, как статистики и практики вообще утверждают наличность абсолютной земельной ренты, а (рикардовские) теоретики пытаются ее устранить путем весьма насильственных и теоретически слабых абстракций. До сих пор я всегда убеждался, что в подобного рода *quarrels*⁴ теоретики всегда оказываются неправыми.

3) Я доказываю, что если даже допустить существование абсолютной земельной ренты, то из этого отнюдь не надо делать вывод, что наименее обработанный участок земли или самый скверный рудник *under alle circumstances*⁵ уплачивает ренту; из этого следует лишь то, а это очень возможно, что они, продавая свои

продукты по рыночной стоимости, вынуждены продавать их *ниже* их *индивидуальной стоимости*. Чтобы доказать противное, Рикардо все время предполагает, — и это теоретически неправильно, — что рыночную стоимость, *under all conditions of the market*, ⁶ определяет товар, произведенный при *самых худших условиях*. Против этого ты еще в «Немецко-Французских летописях» привел верные доводы.

Это я хотел добавить относительно ренты.

Что касается Брокгауза, то Лассаль обещает сделать все для него возможное, и я ему верю, ибо он торжественно обещал, что опубликует или возьмет в работу, — а это для него в действительности одно и то же, — свой *magnum opus* ⁷ о политической экономии лишь после того, как появится мое сочинение.

Привет.

Твой К. М.

Боркгейм дополнительно заявляет:

Напиши вексель на 400 талеров сроком на три месяца на Лассалья и возобнови его за две недели до 1 января 1863 г. Боркгейм позаботится о том, чтобы у Лассалья были эти деньги к первому сроку, на случай, если ты их частью не достанешь. Что касается «Evening Post», то мне было бы приятно, если бы ты составил мне это письмо, а то я очень плохо пишу на разговорном английском языке.

¹ относительно ² цен производства. ³ стоимости товаров. ⁴ спорах. ⁵ при всех обстоятельствах. ⁶ при всех условиях рынка. ⁷ великий труд.

792.

[Энгельс — Марксу.]

[Около 12 августа 1862 г.]

Прилагаю вексель на барона Ловкого. Ты *непрерывно* должен ему послать извещение, с указанием числа, дня платежа etc. Напиши ему также, что по истечении срока он получит деньги и должен будет продолжить вексель до 1 января, к каковому дню я ему выплачу разницу до 15 фунтов.

Твой Ф. Э.

[Надписано рукой Маркса: Подп. 12 августа 1862 г. на срок в три месяца.]

793.

[Энгельс — Марксу.]

[13 августа 1862 г.]

На прилагаемое письмо я не могу ответить, так как не знаю в подробностях, что ты сказал Боркгейму, и поэтому боюсь что-нибудь напутать. Я, разумеется, решил, что Лассаль вернулся в Берлин. Сходи сейчас же к Б[оркгейму] и посмотри за тем, чтобы вексель был отослан тебе обратно, а от тебя к Лассалю для акцепта. Без этого ничего, конечно, сделать нельзя. Как могло произойти такое недоразумение — мне совершенно непонятно.

Твой гемorroидарий

Ф. Э.

27 Crutched Friars, E. C. London,
12 августа 1862 г.

Дорогой Энгельс!

Маркс дал мне сегодня ваш вексель на Лассалья, по которому мне надлежит получить свыше 400 талеров. Я покуда дал ему за них 20 фунтов стерлингов. Через моих друзей вексель этот сегодня отправлен в Берлин. Но как обстоит дело с акцептом? — ведь Лассалья нет в Берлине. Позаботьтесь об этом, написав тотчас же, чтобы вексель был акцептован, потому что *до этого* я не могу потребовать денег от здешних моих друзей, а также, вследствие бедности, дать Марксу.

Привет от Дево и меня.

Ваш Боркгейм.

794.

14 августа 1862 г.

Дорогой Фридрих!

Только несколько строк, так как мне сегодня предстоит масса беготни по делам.

Все недоразумение заключается в том, что ни одно из твоих предположений не соответствовало действительности.

Я сказал Боркгейму до того, как я тебе писал, что я не знаю, находится ли Л[ассаль] в Берлине, что я, следовательно, не могу гарантировать немедленную акцептацию векселя. Б[оркгейм], несмотря на это, обещал дисконтировать, как только он получит твою подпись. Позже он снова раздумал. Он решил, вопреки своему первоначальному намерению, не самому учитывать, *but to have the bill discounted by one of his friends connected with Berlin.*¹

Для этого, естественно, ему требовался акцепт Лассалья. Последний, как я узнал вчера от Бухера, находится теперь в Вильд-

баде, где Лассаль senior ² лежит более или менее при смерти. Я немедленно написал барону Итцигу.

Salut. ³

Твой К. М.

¹ а дисконтировать вексель у одного из своих друзей, имеющего связи с Берлином. ² старший [т. е. отец]. ³ Привет.

795.

20 августа 1862 г.

Дорогой Энгельс!

С векселем у меня целый ряд приключений.

Сначала Боркгейм, у которого очень хорошие намерения, но который любит похвастать и *post festum* ¹ не во-время становится нерешительным, обещал, что он сам (из *своих средств*) учтет этот вексель. При этом он *знал*, что акцепт Лассалья можно будет получить лишь спустя некоторое время. После этого он, не говоря мне ни слова, отправляет вексель через Брукнеров (братьев) в Берлин, чтобы Брукнеры его там учли. Он притворяется, будто забыл об исходном пункте, — очевидно, он за это время испугался.

Во-вторых: ловкий барон, с которым я об этой операции условился еще в предпоследний вечер и который заявил, что он «готов на все», пишет мне *сегодня* из Вильдбада, куда я послал ему извещение, следующее:

«Для того, чтобы я мог акцептировать, мне нужно обязательство от самого Энгельса, что он обязуется доставить мне за *8 дней до истечения срока* нужную сумму на уплату по векселю. Мне это нужно, разумеется, не потому (!), чтобы я сомневался в том, что ты пишешь по его поручению, а просто потому, что раз я принимаю вексель, которого я не могу оформить, то я, по крайней мере, во избежание всяких непредвиденных случайностей и на случай смерти, должен иметь письменное обязательство того, кто может и будет по этому векселю платить».

В ответ на это я написал барону, который сейчас в Цюрихе (из Вильдбада он уехал) и через несколько дней, «может быть», уедет в Италию, весьма ироническое письмо и сообщил ему, что я немедленно попрошу тебя прислать ему это обязательство, каковое обещание сим и выполняю.

Боркгейм прочитал мне вчера свое письмо к тебе. Было бы хорошо, если бы ты написал ему частным образом, что ты просишь его постараться раздобыть для меня эти деньги, так как, с одной

стороны (что соответствует действительности), я в страшной нужде, а с другой — возвращение Лассалья из его полного приключений путешествия может затянуться.

(Я, впрочем, написал Итцигу, чтобы он сейчас же по получении твоего обязательства написал братьям «Мейером» в Берлине, что он акцептирует по своем возвращении в том случае, если он ни в одном месте не пробудет столько времени, чтобы успеть получить самый вексель для акцепта.)

Dear boy,² ты можешь говорить все, что тебе угодно, но мне действительно тяжело так много bother³ тебе причинять своими misères!⁴ Если бы я только мог приискать себе какое-нибудь business.⁵ Grau, teurer Freund, ist alle Theorie und nur das business ist grün.⁶ К сожалению, я слишком поздно пришел к этому убеждению.

Из тех 20 ф., которые Боркгейм выдал мне авансом, я прежде всего заплатил налоги, затем долг сапожнику, который грозил мне судом, etc. На 5 ф. я послал вчера свою family⁷ в Рэмсгейт, ибо Женничке нельзя было здесь дольше оставаться. Не знаю, как тебя и благодарить за то, что ты дал ей эту возможность. Это лучшее и способнейшее дитя в мире. А здесь она страдала вдвойне. Во-первых, чисто физически. А во-вторых, ее очень огорчали материальные troubles.⁸ Как я был сегодня рад, что жена и дети уехали и что им не пришлось пережить со мной вместе письмо Итцига!

Не можешь ли ты приехать сюда на несколько дней? Я в своей критике низверг так много старого, что мне хотелось бы предварительно посоветоваться с тобой относительно некоторых пунктов. Писать же обо всем этом скучно и мне, и тебе.

Один из таких пунктов, о котором ты, как практик, наверное, осведомлен, заключается в следующем. Предположим, что при открытии какого-нибудь предприятия стоимость его машин равна 12 000 ф. Они, on an average,⁹ изнашиваются в 12 лет. Если каждый год накидывать на товары по 1 000 ф., то цена машин окупается в 12 лет. Так говорит А. Смит и все его последователи. Но in fact¹⁰ это лишь average calculation.¹¹ С машиной, которой предстоит просуществовать 12 лет, дело обстоит приблизительно так же, как с лошадью, которой суждено прожить 10 лет или которая будет работоспособна 10 лет. Хотя ее через 10 лет придется заменить новой лошадью, но на деле все же было бы неправильно сказать, что она каждый год отмирает на $\frac{1}{10}$. Господин Нэсмит в одном из своих писем к factory inspectors¹² говорит, напротив, что машины (во всяком случае некоторые машины) на втором году better runs than in first.¹³ At all events,¹⁴ ведь не каждый же год из этих 12 приходится

замещать in natura ¹⁶ $1/12$ машин? Что происходит с фондом, предназначенным на возмещение каждый год $1/12$ машин? Не является ли он на деле аккумуляционным фондом для расширения воспроизводства, независимо от всех *conversion of revenue into capital*? ¹⁶ Не объясняет ли наличность этого фонда *отчасти сильное различие в норме накопления* капитала между нациями с сильно развитым капиталистическим производством, т. е. с большим *capital fixe*, ¹⁷ и нациями, у которых этого нет? Несмотря на геморрой, ты можешь на это вкратце ответить.

Что касается рютовско-лассалевского плана, то мне нужна твоя критика из-за Бухера.

Привет.

Твой *К. М.*

¹ потом. ² Дорогой мальчик. ³ страданий. ⁴ несчастьями. ⁵ дело. ⁶ [Пародия на известное место из «Фауста»]: Сера, дружище, всякая теория, и лишь... дело велено. ⁷ семью. ⁸ неприятности. ⁹ в среднем. ¹⁰ на самом деле. ¹¹ средний расчет. ¹² фабричным инспекторам. ¹³ лучше работают, чем в первом. ¹⁴ Во всяком случае. ¹⁵ в натуре. ¹⁶ превращений дохода в капитал. ¹⁷ недвижимым капиталом.

796.

[Около 22 августа 1862 г.]

Дорогой Мавр!

Прилагаю расписку для Лассалья. Не волнуйся так сильно из-за этих глупых выходов. Потребуй просто-напросто вексель обратно и пошли его для акцепта Лассалю; или распорядись, чтобы это было сделано прямо из Берлина. У Боркгейма, как ты сам понимаешь, я добьюсь не больше, чем ты, скорее меньше. Что он любит прихвастнуть, это я знаю.

Очень тороплюсь.

Твой *Ф. Э.*

797.

[Начало сентября 1862 г.]

Дорогой Мавр!

Погружен с головой в спекуляцию хлопчатой бумагой, принявшую колоссальные размеры. Тот, кто обладает смелостью, загребает большие деньги; к сожалению, однако, ни Э[рмен], ни Э[нгельс] такой смелостью не обладают — работы у меня при этом по горло; как только получу возможность, напишу тебе.

Твой *Ф. Э.*

798.

9 сентября 1862 г.

Дорогой Мавр!

Ты не имеешь ни малейшего представления, как здорово меня запрягли в последнее время. Эти проклятые хлопчатобумажные ткани поднялись в цене в среднем в пять раз, и ты себе представить не можешь, что это за работа извещать все время всех покупателей о последовательном повышении цен.

Надеюсь, что лассалиада с этим несчастным векселем уже улажена и что деньги уже у тебя. Я, наконец, добился того, что в пятницу смогу уехать в Германию на две недели; в Лондоне, к сожалению, не смогу остановиться, у меня слишком мало времени, а проклятая выставка мне и по насльшке так опротивела, что я страшно рад, что ее не увижу. Но напиши мне еще до моего отъезда несколько слов о том, как сошло дело с векселем и как здоровье Женнички.

Теория ренты показалась мне в этой хлопчатобумажной сутолоке слишком абстрактной; надо будет об этом подумать, когда у меня будет больше досуга. То же и относительно истории со снашиванием машин, хотя я и твердо убежден, что в данном вопросе ты на ложном пути. Период снашивания вовсе не одинаков для всех машин. Но об этом напишу подробнее, когда вернусь.

Некоторые молодцы заработали здесь огромные деньги во время этого повышения. У нас же ничего не останется, отчасти потому, что честный Готфрид все-таки трус, а отчасти оттого, что прядильщики вообще ничего не зарабатывают во время таких периодов. Весь заработок прикарманили себе комиссионные дома. Булль-Ренская история № 2 представляет собою великолепную штучку Джексона - «каменной стены» (Stonewall Jackson), который действительно является самым лучшим парнем в Америке. Если бы он был поддержан лобовой атакой главных сил конфедератов и если бы все было (хоть наполовину) согласовано, то мосье Попу пришел бы, по всей вероятности, конец. А сейчас все это ни к чему не привело, кроме как к большому моральному успеху конфедератов — уважению к их предприимчивости и к Джексону — да к выигрышу нескольких квадратных миль земли; зато это сильно ускорило соединение и концентрацию *всей армии союза* у Вашингтона. Следующий пароход привезет нам, наверное, дальнейшие известия о новых сражениях, в которых федералисты могли бы оказаться победителями, если бы их генералы не были так непроходимо глупы. Но что поделаешь с таким собачьим народом!

Поп — самый паршивый из всех, умеет только хвастать, отпираться, врать и скрывать поражения. Поистине, генерально-штабный хлыщ. Мак-Клелан вновь производит впечатление разумного человека. А к тому же еще приказ, чтобы все будущие генерал-майоры держали экзамен на прусского портупей-прапорщика. Это уже слишком жалко, и эти южные молодцы, которые, по крайней мере, знают, чего они хотят, кажутся мне прямо героями по сравнению с дряблыми северянами. Или ты все еще продолжаешь думать, что эти северные господа смогут подавить «мятеж»?

Прощай.

Твой Ф. Э.

799.

10 сентября 1862 г.

Дорогой Энгельс!

Моя family ¹ возвратилась из Рэмсгейта. Женничка очень хорошо поправилась.

Письмо Лассалья, в которое он вложил письмо с акцептом для братьев Мейер в Берлине, у которых находится вексель, получилось только вчера. А за это время Боркгейм уже успел уехать в отпуск. Он внес до сих пор по частям 40 ф., из коих последние 15 тринадцать дней тому назад, когда я *уезжал*. Дело в том, что я хотел насесть на своего дядюшку. Но последний сам оказался в отъезде на континент. Оттуда я (*passant par Cologne etc* ²) проехал к своей матери в Трир, но без успеха, что я и предвидел, не поймав дядюшки. 17-го мне нужно платить мяснику по векселю 6 фунтов, но Боркгейма к тому времени еще не будет, ибо он собирается шататься по Швейцарии и т. д. еще около месяца.

Что касается янки, то я попрежнему убежден, что, в конце концов победит Север; конечно, гражданская война может пройти еще через различные эпизоды, может быть и через перемирия, и может затянуться надолго. Юг может заключить или заключит мир только под условием, что он получит *border slaves states* ³. Тогда к нему перешла бы и Калифорния, а за ней последовал бы и весь Северо-запад, так что вся *federation*, ⁴ за исключением *New England States*, ⁵ снова образовала бы одно государство, но на сей раз уже под *acknowledged supremacy of the slave holders*. ⁶ Это означало бы реконструкцию Соединенных Штатов на основе, предлагаемой Югом. А это невозможно, и этого не случится.

С своей стороны, и Север может пойти на мир только в том случае, если *confederacy* ⁷ будет ограничена пределами старых рабовладельческих штатов, замкнутых между Миссисипи и Атлантиче-

ским океаном. Но в этом случае confederacy очень скоро бы тихо скончалась. Перемирия же etc. на основе status quo означали бы самое большое временные паузы в ведении войны.

Способ, которым Север ведет войну, таков именно, какого и следовало ожидать от *буржуазной* республики, в которой так долго и суверенно царил обман. Юг, олигархия, гораздо больше подходит для таких вещей, и именно такая олигархия, в которой весь производительный труд лежит на неграх, а 4 млн. white trash⁸ являются профессиональными флибустьерами. Несмотря на все это, я готов поручиться головой, что они будут разбиты, несмотря ни на каких Джексонов-«каменные стены». Возможно, конечно, что перед этим дело дойдет еще до своего рода революции на Севере.

Виллих — бригадный генерал, а теперь, как рассказал Капш в Кельне, и Стеффен собирается на войну.

Мне кажется, что твой aspect a little too much⁹ определяется чисто военным взглядом на вещи.

Что касается моей экономической ерунды, то не хочу тебя во время твоего путешествия «отягощать балластом».

Привет.

Твой К. М.

Но ты мог бы мне написать, где и когда ты будешь в Лондоне проездом. Если мне только будет возможно, я постараюсь тебя встретить.

Возможно (хотя это еще сопряжено с затруднениями), что я в начала будущего года получу место в английском железнодорожном бюро.

What about Garibaldi?¹⁰

¹ семья. ² через Кельн и т. д. ³ пограничные рабовладельческие штаты. ⁴ федерация. ⁵ Ново-английских штатов. ⁶ признанным верховенством рабовладельцев. ⁷ конфедерация. ⁸ белой сволочи. ⁹ взгляд немножечко слишком сильно. ¹⁰ Что слышно о Гарибальди?

800.

16 октября 1862 г.

Дорогой Мавр!

Всю прошлую и эту неделю я ежедневно собирался писать тебе, но мне помешали эти проклятые хлопчатобумажные истории. Ces messieurs¹ забросили во время моего отсутствия решительно все, что только было возможно, так что у меня теперь работы прямо по горло.

Лупус просит передать, что все, что было послано тобой, он получил. Случай — в высшей степени забавный. Бедные изолгавшиеся пруссаки, которые при каждом своем литературном выступлении срамятся!

Я надеюсь, что ты получил 10 ф., которые я тебе выслал в день своего отъезда. Я опять слишком долго застрял в Бармене и Энгельс-кирхене, так как целых две недели шатался по берегам Мозеля, Рейна и по Тюрингии. Через Брюссель и Люксембург я проехал прямо в Трир, а оттуда пошел пешком в Кохем и т. д. В Кельне я совсем не был.

Назначение Бисмарка было встречено буржуазией оглушительным смехом. И вообще эти господа были чрезвычайно уверены и даже до известной степени отважны. Они, наконец, ущемили честного Вильгельма в денежном вопросе и уверены, что он, в конце концов, должен будет им уступить. Но они чрезвычайно идиллически представляют себе ход дела и полагают, что если его некоторое время помучить, то он сам к ним придет. Но они разочаруются. Так или иначе дело весною дойдет до кризиса. А вообще же очень смешно, какое воодушевляющее влияние такого рода денежные вопросы оказывают на филистеров. Шульце-Делич с компанией становятся весьма забавными, и лишь один Вирхов остается «серьезным».

Но нет, не он один: на-ряду с ним держит себя с должным достоинством еще и Генрих Бюргерс в Веймаре, выступая за имперскую конституцию стародавних времен. Должен сказать, что Шульце-Делич, этот касса-сберегательный человек, бывший и стремившийся всегда быть только вонючим мещанином, кажется мне весьма достойным уважения по сравнению с собакой Бюргерсом или великим Микелем, которые в Веймаре спасают отечество при помощи «прусского верховенства».

Кинкель мне теперь также понятен. Он — настоящая карикатура одного обоищика в Кобленце, представляющего собой единственный в своем роде образец прирейнского жителя со всеми предрассудками и тупоумием, свойственными этой расе: прокликает пруссаков, ненавидит французов, симпатизирует австрийцам, одновременно католичен и демократичен, но прекрасный ходок. Парень этот был моим попутчиком при перевале через Кохемскую горную цепь. Если бы Кинкель видел этого парня, чьей карикатурой он является с ног до головы, он бы присел от страха.

Какого ты мнения об Америке? Финансовый крах, неизбежный при такого рода идиотских бумажных мерах, кажется мне уже близ-

ким. А в военном отношении Север, очевидно, теперь снова оправится.

Как поживает Женничка?

Сердечный привет твоей жене и девочкам.

Твой Ф. Э.

¹ Эти господа.

801.

29 октября 1862 г.

Дорогой Энгельс!

10 фунтов я получил.

Это не дело, что ты даже во время своих *holydays*¹ не можешь улучшить денек, чтобы побывать в Лондоне.

Женничке со времени пребывания на берегу моря значительно лучше, но она все еще не вполне оправилась. Вот уж год, как она убывает в весе, вместо того, чтобы прибавлять.

Лассаль, который очень зол на меня, сообщает мне, что деньги на уплату по векселю надо послать лично ему, по его берлинскому адресу (13, *Bellevuestrasse*), так как у него нет своего банкира. В этом месяце ему предстоит процесс из-за одной из его знаменитых речей.

Шили провел здесь восемь дней. Он имеет несчастный и болезненный вид. Зато друг его, Имандт, который также был здесь пред моим отъездом в Голландию и в Трир, страшно раздобрел. На его старой спине фюрменным образом выросла как будто новая спина.

Что касается Америки, то я полагаю, что *Maryland campaign*² имела решающее значение, поскольку она показала, что даже в этой наиболее «южно» настроенной части *border states*³ сторонников *confederates*⁴ очень немного. А ведь вся борьба ведется из-за *border states*.³ В чьих руках они будут, тот и будет господствовать над союзом. Что Линкольн издал свой многообещающий акт об эмансипации как раз в тот момент, когда *confederates*⁴ продвигались вперед в Кентукки, свидетельствует в то же время, что перестали считаться с *loyal slave holders in the border states*.⁵ Эмиграция рабовладельцев со всем их *black chattle*⁶ из Миссури, Кентукки, Теннесси на юг уже и сейчас огромная, и если борьба затянется еще на долгое время, — в чем нет сомнения, — то Юг потеряет там всякую опору. Он начал борьбу из-за «территорий». Война же оказалась средством для уничтожения его мощи в *border states*,³ связь которых с Югом и без того ослаблялась с каждым днем благодаря тому, что *breeding of slaves*⁷ и *internal slave trade*⁸ не находили себе больше рынка. Таким образом, по моему мнению, для Юга дело идет только об обороне. А между тем единственная возможность успеха была для него связана с наступлением. Если подтвердится известие, что Гукер получает активное

командование потомакской армией, Мак-Клелан «удаляется» на теоретический пост commander in chief, ⁹ а Галлеку дается командование на Западе, то это будет означать, что и война в Виргинии принимает более энергичный характер. А кроме того, самое удобное для confederates ⁴ время года уже gone. ¹⁰

С моральной стороны крах мэрилендского похода безусловно имел гигантское значение.

Что же касается финансовой стороны, то Соединенные Штаты знают со времени войны за независимость, а мы знаем из австрийского опыта, как долго можно держаться при помощи обесцененных бумажных денег. Факт тот, что янки никогда еще не вывозили в Англию столько зерна, как в нынешнем году, что теперешний урожай снова значительно выше average ¹¹ и что торговый баланс никогда еще не был для них так благоприятен, как в последние два года. Как только вступит в силу новая налоговая система (правда, весьма тривиальная и чисто-питтовская), начнется и reflux ¹² бумажных денег, которые до сих пор все только выпускались. Благодаря этому станет излишним дальнейшее расширение выпуска бумажных денег в теперешнем масштабе, а также дальнейшее depreciation is so checked. ¹³ Но даже и существующее обесценение менее опасно, чем оно было при аналогичных условиях во Франции или даже в Англии, ввиду того, что янки никогда не запрещали *двух цен*, gold price and paper price. ¹⁴ Настоящее зло во всем этом сводится к государственному долгу, за который никогда не было получено должного эквивалента, и к premium for jobbing and speculation. ¹⁵

Если англичане хвастают тем, что у них обесценение никогда не превышало 11½% (хотя по другим источникам оно during some times ¹⁶ превосходило эту цифру больше чем вдвое), то они изволят забывать, что они при этом не только продолжали платить все старые налоги, но еще с каждым годом платили все новые и новые, т. е. что был ранее обеспечен reflux ¹² бумажных денег, между тем как янки за последние 1½ года на деле обходились *без всяких налогов* (если не считать весьма упавшей ввозной пошлины) и вели войну исключительно при помощи все повторявшихся бумажных эмиссий. При наличности такого процесса, дошедшего теперь до поворотного пункта, обесценение является на деле сравнительно ничтожным.

Ярость, с которой южане встретили линкольнские акты, свидетельствует о важности последних. Все эти акты имеют вид расчетливо составленных и снабженных массой оговорок условий, посылаемых одним адвокатом другому, представителю противной стороны. Но это не лишает их исторического значения и очень

забавляет меня, когда я сравниваю их с теми драпировками, которыми Frenchmen ¹⁷ обвешивают самые незначительные вещи.

Я так же, как и все, вижу все отратительное в формах движения янки, но я нахожу это естественным ввиду «буржуазного» характера этой демократии. Тем не менее, происходящие там события носят мировой характер, и во всей истории нет ничего более отвратительного, чем отношение англичан к ним.

Кланяйся Лупусу. Привет.

Твой К. М.

¹ праздничных дней. ² Мэрилендская кампания. ³ пограничных штатов. ⁴ конфедератов. ⁵ лойяльными рабовладельцами в пограничных штатах. ⁶ черным имуществом. ⁷ выращивание рабов. ⁸ внутренняя торговля рабами. ⁹ верховного главнокомандующего. ¹⁰ прошло. ¹¹ среднего. ¹² обратный приток. ¹³ обеспечение так задерживается. ¹⁴ цены в золоте и цены в бумажных деньгах. ¹⁵ премии за торговлю деньгами и спекуляцию. ¹⁶ в течение некоторого времени. ¹⁷ французы.

802.

4 ноября 1862 г.

Дорогой Энгельс!

Только что вернулся от Фрейлиграта. Он пошлет эти 400 талеров Лассалю. А ты пошлешь ему 60 фунтов, и он тебе тогда пришлет курс etc.

Что касается возобновления, то на этот счет нет никаких затруднений. Ты можешь выписать вексель на 45 фунтов или на *any sum less than* ¹ 60 фунтов и прислать его мне для того, чтобы Лассаль сделал на нем передаточную надпись. Как только это будет сделано, его можно будет здесь учесть. Можешь написать его *на три месяца*. Но для возобновления необходима подпись Лассалья, следовательно, с этим платежом уже ничего не выйдет. После моего письма Лассаль сам ожидал возобновления. Напиши мне, что надо сделать.

Твой К. М.

¹ любую сумму меньше.

803.

5 ноября 1862 г.

Дорогой Мавр!

60 фунтов Фрейлиграту высылаю завтра. Что нужно предпринять для возобновления векселя, я смогу тебе сообщить только тогда, когда буду *уверен*, что можно будет учесть вексель, как только Лассаль его акцептирует, и буду знать, кто устроит этот учет. С одной стороны, бесполезно чрезмерно терзать Лассалья век-

селями, не приносящими тебе непосредственно никаких денег, а с другой стороны, и мне не очень выгодно, если Боркгейм (по отношению к которому действительны те же самые considerations ¹) станет мне присылать деньги in driblets. ² К тому же еще расходы.

Quant à l'Amérique, ³ то я также того мнения, что конфедераты получили в Мэриленде неожиданный моральный удар огромного значения. Я точно так же убежден, что *окончательный* захват border states ⁴ решит судьбу войны. Но у меня нет никакой уверенности, что дело произойдет в такой классической форме, как ты, повидимому, думаешь. Несмотря на весь крик, поднятый янки, нет никаких симптомов, которые бы доказывали, что они рассматривают это дело действительно как вопрос национального существования.

Напротив того, избирательные победы демократов показывают скорее, что партия людей, которым война надоела, все увеличивается. Если бы было хоть одно доказательство, хоть один симптом, что массы на Севере начинают действовать в том же духе, как французы в 1792—1793 гг., то все было бы прекрасно. Но единственная революция, которую можно ожидать, будет скорее всего демократическая контр-революция и худой мир, который поделит также и border states. ⁴ Что этим дело еще не будет закончено, согласен. Но пока что должен сознаться, что никак не могу проникнуться одушевлением за народ, который в таком колоссальном вопросе дает себя все время побивать одной четверти своего собственного населения и который в результате восемнадцати месяцев войны обогатился лишь открытием, что все его генералы — ослы, а все гражданские чиновники — мошенники и предатели. Нет, дело все-таки должно итти иначе, даже в буржуазной республике, если только она окончательно не погрязла в болоте. С тем, что ты говоришь по поводу подлого отношения англичан к этому делу, я совершенно согласен.

Distress ⁵ здесь постепенно начинает становиться острой. Гумперт рассказал мне, что все более серьезные заболевания в его больнице принимают тифозный характер и что число туберкулезных заболеваний, за последние 8—9 месяцев, сильно увеличивается. Я думаю, что через месяц рабочим надоеет состояние плаксивой пассивности, в котором они находятся сейчас.

Привет.

Твой Ф. Э.

Один копенгагенский немецкий коммерсант, экс-демократ 48-го года, посетил Фрейлиграта. Последний по поводу одной беседы о

Шлезвиг-Гольштинии посоветовал своему гостю познакомиться с Блиндом. Я сказал этому господину, что Блинд — сплетник.

Тороплюсь.

¹ сообщения. ² по мелочам. ³ Что касается Америки. ⁴ пограничных штатов. ⁵ Нужда.

804.

9 ноября 1862 г.

Дорогой Энгельс!

У Эккариуса от скарлатины умерли один за другим трое детей. К тому же ужасная нужда. Собери немного денег среди знакомых и пошли их ему по адресу: 22, Denmark Street, opposite St. Giles church.

Привет.

Твой К. М.

805.

14 ноября 1862 г.

Дорогой Энгельс!

Так как ты только-что послал денег Эккариусу, а кроме того уплатил огромную сумму по лассалевскому векселю, то ты, наверное, совсем «опустошен». Тем не менее я должен просить тебя прислать мне *к понедельнику* немного денег; мне надо закупить угля и провизии, так как éricier ¹ еще три недели тому назад отказал мне в кредите, и я, чтобы он не подал на меня в суд, вынужден покупать у этой свиньи за наличные.

Привет.

Твой К. М.

¹ лавочник.

806.

15 ноября 1862 г.

Дорогой Мавр!

Ты прав, я основательно «опустошен» и сильно занят сейчас вопросом о «бережливости», как прусское правительство. Но в надежде, что покрою сию сумму семейной жизнью на Hyde Road, все же высылаю тебе при сем 5 фунтов. Одновременно тебе высылается корзина вина per Chaflin and Horne, ¹ в которой дюжина бордо и две бутылки старого рейнского 1846 г. для Женнички, а остальные — рейнское 1857 г. Всего 24 бутылки.

С нетерпением ожидаю парохода, который должен привести известия о нью-иоркских выборах. Если демократы победят и в штате Нью-Йорк, то я уже и не знаю, что мне думать об этих янки. Никак

не могу понять того, каким образом народ, поставленный перед такой огромной исторической дилеммой, причем дело идет и о его собственном существовании, может после восемнадцатимесячной войны стать реакционным в своей массе и голосовать за малодушную уступчивость. Хотя это и хорошо, что буржуазная республика основательно скандалится в Америке, так что в будущем уже нельзя будет проповедывать ее *on its own merits*,² а придется говорить о ней только как о средстве и переходной форме к социальной революции, — мне все же досадно, что какая-то паршивая олигархия с населением в два раза меньше оказывается столь же сильной, как и неуклюжая, огромная, беспомощная демократия. Впрочем, если демократы победят, то это будет вода на мельницу бравого Мак-Клелана и западников, и всему этому великолепию скоро будет конец. Эти молодцы способны заключить мир, если Юг вернется в союз на таких *conditions*,³ что президентом должен быть всегда южанин и что Конгресс должен быть составлен из равного числа южан и северян. Они даже в состоянии немедленно объявить Джефферсона Дэвиса президентом Соединенных Штатов и отказаться от пограничных штатов, если иначе нельзя будет добиться мира. И тогда прощай Америка!

Линкольнская эмансипация до сих пор не имела никакого другого действия, кроме того, что Северо-запад голосовал за демократов из страха перед чрезмерным наплывом негров.

Переходя от самого крупного к самому мелкому, что ты скажешь о бравом Вильгельме? Он опять стал самим собой; покаялся в своих либеральных прегрешениях и сказал хромой Елизавете: *mater, recessavi*.⁴ За это господь даровал ему силу рассеять рахитичную рать либералов, и для этого, сказал Вильгельм, «мне нужны солдаты». Этот молодец так разъярен, что даже Бисмарк уже не кажется ему достаточно реакционным. Что ты, Шаппер, глуп — это мы знаем и это ты сам знаешь, но что ты *так* глуп *etc. etc.* Дела идут блестяще, и нельзя даже придумать ничего лучше, чем такое положение, при котором либеральная буржуазия через 14 лет после 1848 г. оказывается поставленной перед самой крайней революционной дилеммой из-за каких-нибудь дрянных 6 млн талеров, т. е. 850 000 фунтов. Только бы этот старый осел не сдал. Правда, он сейчас в прекрасном настроении, но у этих пруссаков нельзя полагаться ни на что, даже на их глупость. Если все и впредь пойдет так, то скандал совершенно неминуем, и когда дело дойдет до крайности, то Вильгельм еще увидит, в каком тоне начнут разговаривать «военные», а именно простые солдаты, которые постараются

его отблагодарить за то, что он заставляет их сражаться за трехлетний срок службы вместо двухлетнего.

Сердечный привет твоей жене и девочкам.

Кстати. Пришли мне последние четыре «Free Press». Я их никогда не могу получить, если не пойду за ними в тот же день; но об этом я всегда забываю.

Твой Ф. Э.

¹ от Чафлина и Горна. ² за ее собственные заслуги. ³ условиях. ⁴ мать, я согрешил.

807.

17 ноября 1862 г.

Дорогой Энгельс!

Большое спасибо за 5 фунтов.

Мне кажется, что ты обращаешь слишком много внимания на одну сторону американской распри. Я просмотрел в «American coffeehouse» массу южных papers ¹ и убедился, что Confederation ² в весьма затруднительном положении. Английские газеты замолчали битву при «Коринфе». А в южных газетах она изображается как самое крупное несчастье, которое с ними приключилось с самого начала войны. Штат *Georgia* объявил «акт о наборе», изданный Confederation, ² не имеющим законной силы. *Virginia* в лице Флойда the thief ³ оспаривает право «креатур Джефферсона Дэвиса» (буквально!) набирать в их штате солдат. Ольдгэм, представитель *Texas* на конгрессе в Ричмонде, протестовал против перевода «кадровых войск» с юго-запада на восток, т. е. в Виргинию. Из всех этих disputes ⁴ с полной очевидностью вытекают следующие две вещи:

что confederate government ⁵ слишком сильно перегнуло палку в своих насильственных стремлениях пополнить ряды армии;

что states ⁶ ссылаются по отношению к лиге на «права штатов», подобно тому как на эти же права ссылалась в свое время сама лига против союза.

Победы демократов на севере я рассматриваю как реакцию, которая была облегчена этому консервативному и blackleg ⁷ элементу дурным ведением войны и financial blunders ⁸ федерального правительства. Впрочем, это тот род реакции, который бывает в каждом революционном движении и который, напр., в эпоху Конвента был настолько силен, что считалось контр-революционным желание подвергнуть suffrage universel ⁹ вопрос о смерти короля, а во время директории даже так силен, что г. Бонапарту I пришлось обстреливать Париж из пушек.

С другой стороны, выборы, имеющие место до 4 декабря 1864 г.,

687

New-York 15 Nov 1862.

1862
41

Lieber Max

Die Zeit wird ich sein sehr blank abspülen
mich stark mit "Eigenschaften" wie die ganze Bewegung
in der Stellung durch fortwähren Leben in jeder Hinsicht
dieser Artfall zu denken. Hoffen ich die nicht die
früheren Jahre 1846-1848 ~~1848-1852~~ 1852

Kamer
Lieber

früherer Zeit in der Zeit, wie die ~~1846-1848~~ 1852
entstand, wie es in England, Frankreich & Spanien
ab 1848 in Spanien für den Kampf, der sich
ausgespielt, mit 1852 in Spanien. In Spanien 1852,
die rote mit England, auf dem ~~1846-1848~~ 1852
beide. Eigenschaften über die ~~1846-1848~~ 1852
hinge, dass die Demokratie in Staat N.Y. liegen,
so wird ich mich sehr sehr von dem Zustand
denken soll. Das ist ein Volk, das in ein großes
geschichtliches Moment getreten ist, wobei es sich
gegenüber dem neuen Epochen, nicht, nach der
unvollständigen Bewegung, in jeder Hinsicht, nach dem
Vorteil, es sind klein beigetragen kommen kann,
ich mich sehr sehr sehr sehr sehr sehr sehr sehr
sicher ist, dass die Bewegung, nicht, sich nicht
Anerkennung gründlich anerkennt, so dass sie in Zukunft
mit anderen ~~1846-1848~~ 1852 ~~1846-1848~~ 1852
sind und es ist nicht ein ~~1846-1848~~ 1852
Revolution, so zeigt es immer das, dass in der
Abgrenzung von ~~1846-1848~~ 1852 ~~1846-1848~~ 1852
sich zeigt wie die gleiche, große, ~~1846-1848~~ 1852
Vorteil, in jeder Hinsicht die Demokratie, so sind die

ФАКСИМИЛЕ ЧАСТИ ПИСЬМА ЭНГЕЛЬСА МАРКСУ ОТ 15 НОЯБРЯ 1862 Г.
(О БУРЖУАЗНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КАК ПЕРЕХОДНОЙ ФОРМЕ К СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.)

не имеют никакого влияния на состав Конгресса, служа, таким образом, лишь для подхлестывания республиканского правительства, над головой которого висит меч. И во всяком случае республиканский парламент лучше использует оставшееся ему время уже из одной ненависти к противной партии.

As to ¹⁰ Мак-Клелана, то в его собственной армии имеются Гукер и другие республиканцы, которые его немедленно арестуют по первому приказу правительства.

К этому присоединяется еще попытка французского вмешательства, которая вызовет реакцию против реакции.

Я поэтому не так мрачно смотрю на это дело. Что меня гораздо больше смущает, так это овецье поведение рабочих в Ланкашире. Such a thing has never been heard of in the world. ¹¹ Тем более, что эта фабрикантская сволочь даже не находит нужным лицемерить, будто она «приносит жертвы», а предоставляет всей остальной Англии честь содержать для них их же армию; другими словами, на остальную часть Англии возлагаются расходы по содержанию их переменного капитала.

Англия за это время оскандалилась в большей степени, чем any other country: ¹² рабочие — своей христианской рабьей покорностью, буржуа и аристократы — своим воодушевлением в пользу рабства in its most direct form. ¹³ Впрочем, оба эти явления дополняют друг друга.

As to our ¹⁴ «красавца - Вильгельма», то этот малый действительно хорош. Впрочем, министерство Бисмарка есть не что иное, как реализация благочестивой мечты *мало-германских* прогрессистов. Они восхищались «прогрессистом» Луи Бонапартом. Теперь они видят, что значит «бонапартистское» министерство в Пруссии. И Бисмарк ведь некоторым образом назначен Бонапартом (и Россией).

«Press» соберу тебе. Привет (также и дамам).

Твой К. М.

¹ газет. ² конфедерация. ³ вора. ⁴ споров. ⁵ конфедеральное правительство. ⁶ штаты. ⁷ предательскому. ⁸ финансовыми ошибками. ⁹ всеобщем у голосовании. ¹⁰ Что касается. ¹¹ Ничего подобного еще свет не видал. ¹² какая-либо иная страна. ¹³ в его самой неприкрытой форме. ¹⁴ Что касается нашего.

Дорогой Энгельс!

Спешу с благодарностью подтвердить получение первой половины 10-фунтового билета.

Если бы мексиканцы (*les derniers des hommes!*¹) хоть разок побили этих сгараудс!² Но эти последние — собаки! — даже в Париже говорят теперь о «*l'honneur du drapeau*»,³ а ведь это будто бы радикальные буржуа!

Если Спенс не справится с северянами, то ничто не поможет; даже *bad generalship*⁴ Мак-Клеллана!

Привет.

Твой К. М.

¹ эти последние из людей! ² филистеров. ³ чести внамени. ⁴ дурное ведение войны.

809.

24 декабря 1862 г.

Дорогой Энгельс!

С тех пор, как я от тебя уехал, я пережил а *most eventful time of it.*¹

В понедельник нагрянули манихейне, но не все явились согласно уговору. Разделил между ними 15 фунтов. Самому злостному из них я выдал вексель на 12 фунтов сроком на 6 недель (собственно говоря, 7 недель, так как я пометил вексель концом этого года), надеясь на *chapter of accidents.*²

В среду моя жена уехала в Париж, вчера она вернулась обратно. Все было бы *all right*,³ если бы Абарбанеля как раз перед ее приездом не хватил удар и он не лежал бы беспомощно в кровати, хотя и с ясной головой. Вообще же ей пришлось перенести целый ряд трагикомических злоключений. Сперва — сильная буря на море; ее корабль отделался благополучно, другой, по соседству (она ехала через Булонь), пошел ко дну. Абарбанель живет в окрестностях Парижа. Жена поехала к нему по железной дороге. Испортился локомотив, и ей пришлось два часа проторчать в пути. Затем свалился омнибус, в котором она ехала. А вчера в Лондоне каб, на котором она ехала, столкнулся с другим экипажем. Она слезла с извозчика и вернулась домой *per pedes*⁴ в сопровождении двух мальчиков, несших ее вещи. Впрочем, одно дело ей удалось в Париже, где она виделась с Массолем и др.: как только моя книга появится, она будет издана *по-французски*.

А теперь о самом большом несчастье. Марианна (сестра Ленхен), которую Аллен еще в прошлом году лечил от сердечной болезни, начала прихварывать как раз в день отъезда моей жены. Во вторник вечером, за два часа до приезда моей жены, она умерла. Мы вместе с Ленхен всю неделю за ней ходили. Аллен *had misgivings from the first day.*⁵ В *субботу* в 2 ч. дня состоится погребение

ние, и я должен буду заплатить за это 7 $\frac{1}{2}$ ф. Эти деньги надо достать. Хорошее рождественское развлечение для бедных детей.

Привет.

Твой *К. М.*

¹ весьма богатое событиями время. ² что события вывезут. ³ хорошо. ⁴ пешком. ⁵ выражал опасения с самого первого дня.

810.

26 декабря 1862 г.

Дорогой Мавр!

Лупус передал мне вчера твое письмо, и я посылаю тебе 5-фунтовый билет Английского банка и 5-фунтовый билет Бостонского банка, выплата по которому у Мастермэна в Лондоне. К сожалению, у старика Гилля нет 10-фунтового билета Английского банка, но и другой билет тоже cash. ¹

События в твоём доме и во время поездки твоей жены действительно удивительны и, что ещё важнее, свидетельствуют о каком-то *специальном невезении*. Зато очень хорошо, что имеются виды на французское издание. *How is this to be managed?* ² Имеешь ли ты какие-нибудь вести от Брокгауза?

Боюсь, что почтенный Бернсайд будет побит на Раппаганноке. Да он, должно быть, и стремится к этому, ибо не может решиться поставить на карту больше 40 000 человек. Меня удивляет, между прочим, что конфедераты приняли там бой и не отступили шаг за шагом к Ричмонду с тем, чтобы там принять бой.

Возможно, что это ещё случится. Привет.

Твой *Ф. Э.*

¹ деньги. ² Как это будет сделано?

811.

30 декабря 1862 г.

Дорогой Мавр!

В пятницу я послал тебе заказное письмо с 10 ф.: 5 ф. в виде билета Английского банка и на 5 ф. билет Бостонского банка, по которому выплачивает банкирская контора Мастермэн и К^о в Лондоне.

Так как ты мне с тех пор не писал, то я немного беспокоюсь.

Поражение Бернсайда страшно преувеличено. Ясно, что оно должно повлиять на дух войска, но далеко не так сильно, как если бы оно было нанесено в открытом поле. Тактические приготовления были, повидимому, очень плохи. Нужно было, очевидно, сперва

отбить фланговую атаку слева, прежде чем предпринять под начальством Семнера фронтальную атаку. Но это было совершенно проведено. Семнер, повидимому, сел уже глубоко в лужу, прежде чем Франклин успел начать серьезные действия. Затем Бернсайд, как кажется, никак не мог принять какое-либо определенное решение по отношению к своим резервам. Успехи левого крыла должны были бы его побудить направить туда хоть часть этих резервов, ибо ведь там должны были произойти решающие события. Вместо того он пустил их в центр, да и то слишком поздно, т. е. он послал их для смены разбитых войск Семнера, а не для поддержки последних, а во-вторых, он послал их незадолго до наступления темноты, так что наступила ночь, прежде чем половина их могла начать действовать. Это я все пишу на основании тех скверных материалов, которые имеются в американских газетах, и без знания местности. Только мне все же кажется, что Бернсайд мог бы прогнать этих каналий путем обхода, особенно если у него действительно было 150 000 человек против 100 000. Но убеждение, что Вашингтон может быть защищен лишь до тех пор, пока врагу будет пересечен путь, ему, очевидно, помешало в этом. Дать конфедератам месяц времени для того, чтобы они могли укрепиться на своих позициях, и затем предпринять против них лобовую атаку! — это такая глупость, которую можно критиковать только розгами. Мэри и Лицци кланяются.

Твой Ф. Э.

1863 год.

§13 .

2 января 1863 г.

Дорогой Фредерик!

С Новым годом!

У меня на этой неделе было столько беготни, — да и кроме того я был sick,¹ — что я не собрался подтвердить тебе получение денежного письма.

От Брокгауза все еще нет ответа. Впрочем, я слышал, что «главы дома», как выразился бы Баниа, сейчас нет в Лейпциге.

В Париже моя жена познакомилась через Абарбанеля с неким Реклю,² который занимает известное положение в экономической литературе и понимает также по-немецки. Этот Реклю хочет вместе с Массолем (посредником в этой сделке), который не понимает по-немецки, и некоторыми другими взяться за обработку. В Брюсселе они имеют в своем распоряжении какого-то книготорговца. В Париже в социалистической партии все еще господствует дух партийности и единения. Даже такие люди, как Карно и Гудшо, заявляют, что при ближайшем движении надо будет поднять на щит Бланки.

Бернсайд, повидимому, сделал много таких тактических ошибок во время битвы у Фредериксбурга. Он, очевидно, был слишком нерешителен в распоряжении такими большими массами. Что касается основного идиотства: 1) что они ждали целых 26 дней, то тут безусловно имело место прямое предательство в военном управлении в Вашингтоне. Даже нью-йоркский корреспондент «Times'a» подтверждает, что ряд вещей, обещанных Бернсайду немедленно, он получил лишь через несколько недель; 2) что он, несмотря на это, все же предпринял наступление, доказывает моральную слабость этого человека. Бравая «Трибуна» начала его заподозрывать и грозит ему отставкой. Эта газета причиняет большой вред благодаря своему энтузиазму и своему невежеству. Демократы и мак-келеланисты, понятно, единодушно кричали, чтобы преувеличить размеры несчастья. Слух о том, что Мак-Клелан — «Monk»³ «Times'a» — выслан в Вашингтон, обязан своим происхождением Рейтеру.

В «политическом» отношении это поражение было полезно. У них не должно было быть неудачи до 1 января 1863 г. Все подобное могло бы свести на нет «провозглашение».

«Times» и компания ужасно вляются по поводу рабочих митингов в Манчестере, Шеффилде и Лондоне. Это очень хорошо, что янки получают такого рода урок. Впрочем, Опдайк (майор из Нью-Йорка и экономист) уже заявил на одном митинге в Нью-Йорке: «We know that the English working class are with us and that the governing classes of England are against us». ⁴

Я очень сожалею, что в Германии не устраиваются подобного же рода демонстрации. Они ничего не стоят и очень выгодны в «интернациональном» отношении. Германия тем более имеет на это право, что она в этой войне делает для Америки больше, нежели Франция в XVIII столетии. Это старая немецкая глупость — не проявлять себя на мировой арене и не подчеркивать того, что она действительно делает.

От Итцига получил письмо вместе с брошюрой. Содержание письма — чтобы я ему отослал Рошера. *Содержание брошюры*: продолжение речи о прусской конституции. *Суть*: Лассаль величайший политик всех времен и в особенности — своего времени. Это Лассаль, and no mistake, ⁵ именно он открыл, и притом открыл, исходя из чисто беспредпосылочной и беспредпосылочно чистой теории, что действительной конституцией какой-либо страны является не писаная конституция, что действительная конституция определяется реальным «соотношением сил» и т. д. Даже «Новая прусская газета» и Бисмарк, и Роон — все они, как доказывается цитатами, являются приверженцами «его» теории. Его слушатели поэтому могут быть спокойны, что раз он открыл правильную теорию, то он найдет и правильное решение для данного «момента». И это решение состоит в следующем. «Так как правительство продолжает производить военные расходы etc. вопреки постановлению палаты etc., и так как благодаря этому существование конституционного правительства превращается в ложь etc., то палата прекращает свои заседания до тех пор, пока правительство не заявит, что оно прекращает свои расходы». В этом — сила «высказывания фактов».

Для сокращения работы он сразу же формулирует и декрет, который палата должна будет принять. Старый Гейман благополучно вернулся в лоно Авраамово.

Привет и compliments of the season to the ladies. ⁶

Твой К. М.

Я вижу, что цена на хлопчатобумажные изделия пала, но это, по-моему, временно.

¹ болен. ² [У Маркса ошибочно написано вместо Reclus — -Recluze]. ³ «Монк». ⁴ «Мы знаем, что английский рабочий класс с нами и что правящие классы Англии против нас». ⁵ и вне сомнения. ⁶ соответствующий сезону поклон дамам

813.

[7 января 1863 г.]

Дорогой Мавр!

Мэри умерла. Вчера вечером она рано пошла спать. А когда Лицци около 12 часов ночи собралась лечь в постель, то она уже была мертва. Совершенно внезапно, сердечная болезнь или удар. Узнал об этом только сегодня утром. В понедельник вечером она была еще совсем здорова. Не могу тебе описать, что у меня на душе делается. Бедная девочка любила меня от всей души.

Твой Ф. Э.

814.

8 января 1863 г.

Дорогой Энгельс!

Известие о смерти Мэри меня столь же поразило, сколь и потрясло. Она была очень добродушна, остроумна и была к тебе очень привязана.

Чорт знает что такое, но в нашем кругу теперь не бывает ничего, кроме несчастий. У меня вот тоже голова совсем кругом идет. Мои попытки достать немного денег во Франции и в Германии не увенчались успехом, и было ясно, что при помощи этих 15 фунтов мне удастся задержать лавину лишь на пару недель. Не говоря уже о том, что мне перестали отпускать в долг все, кроме мясника и булочника, да и те в конце недели тоже перестанут, — ко мне пристают с ножом к горлу из-за школы, из-за квартиры и т. д. Те несколько кредиторов, которые получили по паре фунтов в счет долга, деньги-то приняли, но стали наседать с еще большей силой. В придачу у детей еще нет ни обуви, ни платья, чтобы выйти на улицу. Словом, чорт сорвался с цепи, как я это и предвидел, когда я поехал в Манчестер и в виде последней *soup de désespoir*¹ послал жену в Париж. Если мне не удастся при помощи *loan society or life assurance*² (а на это никакой надежды; с первым обществом я уже тщетно пытался сговориться; оно требует поручителей, и ему нужно предварительно представить квитанции об уплате

квартирной платы и налогов, чего я сделать не могу) раздобыть сколько-нибудь значительную сумму, то мы здесь и двух недель не продержимся.

С моей стороны ужасно эгоистично, что я в такой момент занимаю тебя такими *hotteteurs*.³ Но это гомеопатическое средство. Одно несчастье рассеивает печаль по поводу другого. И *au bout du compte*⁴ что мне делать? Во всем Лондоне нет ни одного человека, с которым я мог бы хоть поговорить по душе, а у себя дома я играю роль молчаливого стойка, чтобы уравновесить бурные взрывы с другой стороны. Но работать *under such circumstances*⁵ совершенно невозможно.

Разве не могла бы моя мать, которая все равно влачит теперь существование, преисполненное всяких физических недугов, и уже достаточно пожила на своем веку, вместо Мэри...? — Ты видишь, к каким странным мыслям приходят «цивилизованные» под гнетом известных обстоятельств.

Привет.

Твой К. М.

Как ты думаешь теперь устроиться со своим *establishment*?⁶ Для тебя это большой удар, так как у Мэри у тебя был *home*,⁷ где ты всегда мог чувствовать себя свободным и далеким от всей человеческой грязи.

¹ отчаянной попытки. ² кредитного общества или страхования жизни. ³ ужасами. ⁴ в конце концов. ⁵ при таких условиях. ⁶ хозяйством. ⁷ свой дом.

815.

13 января 1863 г.

Дорогой Маркс!

Ты, конечно, поймешь, что на этот раз мое собственное несчастье и твое ледяное отношение к нему сделали для меня совершенно невозможным ответить тебе раньше.

Все мои друзья, в том числе и знакомые обыватели, выказали мне при этом случае, который меня не мог не задеть достаточно глубоко, больше участия и дружбы, чем я мог ожидать. А ты счел этот момент подходящим для того, чтобы проявить превосходство своего холодного образа мышления. * *Soit!*¹

Ты знаешь, в каком положении мои финансы, ты знаешь также, что я делаю все для того, чтобы вытащить тебя из беды. Но, как

* [В черновике этого письма стоит здесь еще: «Пользуйся своим козырем, его у тебя никто не оспаривает».]

тебе также должно быть известно, я теперь не могу достать той более значительной суммы, которая тебе нужна.

Имеются три пути:

1) Loan society.² Надо узнать, в какой мере мое поручительство может помочь; думаю, что весьма мало, ибо я не householder.³

2) *Страхование жизни*. Джон Уотс является manager⁴ общества «European Life & Guarantee Society», лондонское отделение которого ты найдешь по адресной книге. Не вижу, что бы могло помешать тебе застраховать свою жизнь в 400 ф. ст.; 200 под полис он безусловно даст, ведь он же этим живет. Если это не слишком ruinous⁵ (из-за процентов), то это безусловно самый лучший путь. Ты должен немедленно туда сходить, узнать все terms⁶ и сейчас же мне обо всем написать.

3) Если же все лопнет, то я в *феврале* — никак не смогу раньше — наскребу около 25 фунтов, а кроме того я готов подписать вексель на 60 фунтов, но только под условием, что уплата будет произведена *наверняка* после 30 июня 1863 г., т. е. что вексель *наверное* будет продолжен до этого срока. Это мне должно быть гарантировано надлежащим образом. Недостающую сумму тебе придется тогда уже непременно выколотить из своего голландского дядюшки.

Другого пути я не вижу.

Сообщи мне, какие шаги ты намерен предпринять, а я со своей стороны сделаю все, что смогу.

Твой Ф. Э.

¹ Да будет так! ² Кредитное общество. ³ домовладелец. ⁴ управляющим. ⁵ разорительно. ⁶ условия.

24 января 1863 г.

Дорогой Фредерик!

Я счел нужным переждать немного, прежде чем тебе ответить. Твое положение, с одной стороны, а мое — с другой, не давали возможности «спокойно» отнестись к ситуации.

С моей стороны было очень нехорошо, что я написал тебе то письмо, и я сейчас же пожалел об этом, как только отослал его. Но я поступил так отнюдь не вследствие своей бессердечности. Моя жена и дети засвидетельствуют, что при получении твоего письма (рано утром) я был потрясен так, как будто умер один из самых близких мне людей. А когда я вечером взялся за письмо к тебе, то я был под влиянием совершенно отчаянного положения. Дома

у меня сидел broker¹ от домовладельца, получился опротестованный вексель от мясника, в доме не было угля и провизии, и Женничка лежала больная в постели. В таких circumstances² я generally³ спасаюсь только при помощи цинизма. Что меня еще особенно бесило, так это то, что моя жена думала, что я тебе недостаточно точно изобразил истинное положение вещей.

С этой стороны мне как раз было приятно твое письмо, ибо оно ей ясно показало «поп possumus» («не можем!»). Ведь она знала, что я не нуждаюсь в твоём совете, чтобы обратиться к своему дяде; что я не могу обратиться в Лондоне к Уотсу, который вместе со своей конторой находится в Манчестере; что после того как Лассаль опротестовал вексель, я не могу больше выдавать в Лондоне векселей и что, наконец, 25 фунтов в феврале не могут нам ни помочь прожить январь, ни дать возможность предотвратить наступающий кризис. Так как ты не мог помочь нам, хотя я тебе сообщил, что мы находимся в положении манчестерских рабочих, то ей пришлось поверить в «поп possumus». А я этого и хотел, ибо тому состоянию, в котором мы пребывали до сих пор, этому поджариванию на медленном огне, — сжигающему голову и сердце, поглощающему сверх того драгоценное время и поддерживающему в детях вредные false appearances,⁴ — должен быть положен конец! Три недели, прожитые нами с тех пор, заставили, наконец, мою жену согласиться на то предложение, которое я ей давно уже сделал и которое, несмотря на все свои неприятные стороны, не только является единственным исходом, но и гораздо лучше той жизни, которую мы вели за последние три года, в особенности самый последний, и способно к тому же вновь восстановить наше self-esteem⁵.

Я напишу всем кредиторам (за исключением домохозяина), что если они меня не оставят в покое, то я, failing of a bill in the court of bankruptcy,⁶ добьюсь признания себя банкротом. Это, конечно, не относится к домохозяину, который имеет право на мебель, я ее ему и оставляю. Две старшие девочки получают через семью Кэннинггэм места в качестве governesses,⁷ Ленхен поступит на место в другой дом, а мы с женой и Туссенкой переедем в один из тех City model lodging houses,⁸ в которых жил в свое время «красный Вольф» со своей семьей.

Прежде чем прийти к этому решению, я писал еще, конечно, всяким знакомым в Германии, но, конечно, совершенно безрезультатно. Во всяком случае такой исход лучше, чем то положение, в котором мы находимся сейчас и которое совершенно не может быть

продолжено. Мне пришлось довольно долго повозиться, прежде чем, при помощи всяких унижений и ложных обещаний, удалось убедить хозяина и мясника убраться от меня вместе с broker'ом¹ и векселем. В школу я на новую четверть детей послать не мог, так как я не уплатил еще по старому счету, да и, кроме того, они в недостаточном презентабельном виде.

Благодаря изложенному плану я надеюсь, по крайней мере без всякого вмешательства третьих лиц, вновь иметь покой.

В заключение нечто, с предыдущим не связанное. Подходя к главе своей книги, трактующей о машинах, я оказался в большом затруднении. Мне никогда не было ясно, в чем селфакторы изменили процесс прядения, или, точнее, так как применение пара уже давно было известно, в чем выражается вмешательство движущей силы прядильщика, помимо силы пара? Был бы рад, если бы ты мне это разъяснил.

А ргорос!⁹ Моя жена без моего ведома обратилась к Лупусу за 1 фунтом на immediate necessities.¹⁰ Он прислал ей два. Мне это очень неприятно, но factum est factum.¹¹

Твой К. М.

Абарбанель умер. Умер также и Сазонов в Женеве.

¹ судебный пристав. ² случаях. ³ всегда. ⁴ ложные условности. ⁵ чувство самоуважения. ⁶ путем неплатежа векселя в конкурсном суде. ⁷ гувернанток. ⁸ меблированных домов в Сити. ⁹ Кстати! ¹⁰ необходимые текущие расходы. ¹¹ что сделано — сделано.

817.

26 января 1863 г.

Дорогой Мавр!

Большое тебе спасибо за твою откровенность. Ты сам понимаешь, какое впечатление на меня произвело твое предпоследнее письмо. Если так долго прожил с женщиной, то смерть ее не может не произвести потрясающего впечатления. Я чувствовал, что с ней вместе я похоронил последнюю частицу своей молодости. Когда получилось твое письмо, она еще не была похоронена. Должен сказать тебе, что это письмо целую неделю не выходило у меня из головы, я не мог его забыть. Never mind,¹ твое последнее письмо искупает его, и я рад, что одновременно с Мэри я не потерял и своего самого старого и лучшего друга.

Перейдем теперь к твоим делам. Сегодня же побывал у Уотса, о котором я думал, что он еще в Лондоне, — у него там кстати и

бюро есть, Pall Mall № 2. Но с ним ничего не вышло. Его общество больше не выдает ссуд. Он дал мне адрес другого. Тот готов это сделать, но требует, смотря по обстоятельствам, *двойного или даже большие sureties* ² за проценты, премии и возврат ссуды. А этого у нас, к сожалению, нет; к кому мы могли бы обратиться? Разумеется, к Гумперту, но его вряд ли примут. А так как мы оба люди без солидного положения, то от нас во всяком случае потребовали бы и третьего; наконец, все *expences* ³ по этой *loan* ⁴ вычитаются вперед из занятой суммы, так что в результате осталось бы очень мало.

Я сначала думал продать часть купленной для спекулятивных целей пряжи и послать деньги тебе, вместо того чтобы вернуть их Эрмену, которому они принадлежат. Это можно было бы сделать, ибо это могло бы обнаружиться только в июле, а к тому времени ведь многое может измениться. Но для нас по *chance*. ⁵ Рынок сейчас такой вялый, что я должен был бы продать не только без прибыли, но прямо в убыток, да и то я, вероятно, вообще не успел бы продать на этой неделе.

Взять просто деньги я не могу, Эрмен может мне в этом отказать, и по всей вероятности откажет, и я не могу подвергнуть себя этому. Занять здесь у третьего лица, у ростовщика, значило бы дать Эрмену самый лучший повод для того, чтобы порвать со мной договор. И все же я никак не могу примириться с тем, что ты выполнишь свой план, о котором ты мне писал. Я поэтому забрался к старику Гиллю, к его векселям, и взял оттуда прилагаемый вексель на 100 ф. на имя Джон Рапп и К^о, срок которому истекает 28 февраля, и сделал передаточную надпись на твое имя. Я думаю, что это не раскроется до июля, а тогда у нас опять будет отсрочка на короткое время. Это чрезвычайно рискованный шаг с моей стороны, ибо теперь у меня уже, наверное, будет дефицит, но приходится рискнуть. Уверяю тебя, что я бы на это не отважился, если бы Чарльз, который составил нечто вроде суммарного баланса за последние 6 месяцев, не заявил мне сегодня днем, что дело складывается для меня на 30 — 50 фунтов благоприятнее, чем я мог предполагать. Я за эти 6 месяцев заработал приблизительно 330 — 350 фунтов.

Но теперь уж ты и сам должен понять, что после тех необычайных усилий, которые я должен был употребить начиная с 30 июня 1862 г., я совершенно выжат, и что поэтому тебе до 30 июня не придется рассчитывать на какую-либо помощь с моей стороны, помимо разве каких-нибудь мелочей. Что будет после 30 июня, знает

сам чорт, — ведь мы теперь *ничего* не зарабатываем, потому что рынок больше не оживляется.

Вексель сам по себе так же хорош, как и cash. ⁶ Фрейлиграт учтет его тебе с наслаждением, лучших бумаг почти не бывает. Но будь столь добр и подтверди немедленно получение письма, теперь много крадут на почте, а так как ты в деловом мире неизвестен, то всякий сможет сойти за д-ра Карла Маркса.

Твой Ф. Э.

¹ Но все равно. ² обеспечения. ³ издержки. ⁴ операции. ⁵ нам не везет. ⁶ различные деньги.

818.

28 января 1863 г.

Дорогой Фредерик!

Целый ряд удивительных случайностей сделал для меня вчера решительно невозможным известить тебя о получении письма с векселем.

Я очень хорошо понимаю, как много ты *рискуешь*, оказывая мне этим путем столь большую и неожиданную помощь. Я не могу выразить, насколько я тебе благодарен, хотя *мне*, перед моим внутренним форумом, не нужно было *новых* доказательств твоей дружбы, чтобы знать, что она самоотверженна. Впрочем, если бы ты видел радость моих детей, это было бы для тебя хорошей наградой.

Могу тебе теперь также прямо сказать, что, несмотря на весь тот гнет, под которым я жил все последние недели, ничто меня и в отдаленной степени так сильно не угнетало, как боязнь, что в нашей дружбе образовалась трещина. Я много раз говорил своей жене, что для меня вся эта мерзость — ничто по сравнению с тем, что, благодаря всем этим житейским дрязгам и ее необычному возбуждению, мне пришлось вместо того, чтобы утешать тебя в такой момент, еще надоедать тебе своими частными делами. Consequently¹ этого домашний мир весьма пострадал, и бедной женщине пришлось пострадать за эту историю, в которой она была совершенно виновна; ведь женщины вообще привыкли требовать невозможного. Она, конечно, не имела ни малейшего представления о том, что я тебе пишу, но если бы она немного подумала, она могла бы рассчитывать, что выйдет нечто подобное. Женщины — курьезные создания, даже те из них, которые одарены большим умом. Утром моя жена так плакала над Мэри и над твоей потерей, что совершенно забыла свои собственные горести, которые как раз в этот день дошли до своего апогея, а вечером она была уверена, что кроме нас нет ни

одного человека, который мог бы страдать, если у него в доме нет broker'a ² и детей.

В прошлом письме я запрашивал тебя относительно сельфакторов. Вопрос в следующем: в чем заключалась работа так называемого прядильщика до изобретения сельфактора? Сельфактор-то я понимаю, но не понимаю того, что было до него.

Я пополняю сейчас главу о машинах. Есть ряд любопытных вопросов, которые я игнорировал при первой обработке. Для того, чтобы уяснить себе все это, я прочитал целиком свои тетради (выдержки) по технологии, слушаю практический курс для рабочих (чисто экспериментальный) профессора Уиллиса (на Jermynstreet, в Геологическом институте, где читал свои лекции и Гексли). С технологией у меня та же история, что и с языками. Математические законы я понимаю, но простейшая техническая реальность, связанная с наглядным представлением, дается мне труднее, чем самому большому тупице.

Ты знаешь, — а может быть, и не знаешь, ибо дело это само по себе не интересно, — что ведутся большие споры по поводу того, чем *машина* отличается от *инструмента*. Английские (математические) механики, следуя своей обычной грубости, называют tool a simple machine and machine a complicated tool.³ Английские же технологи, несколько больше считающиеся с экономией, — а за ними и многие, даже большинство английских экономистов, — различают их таким путем, что в одном случае motive power⁴ является человек, а в другом случае — natural force⁵. Немецкие ослы, которые в таких мелочах велики, сделали отсюда вывод, что *плуг*, напр., является машиной, а сложнейшая «Дженни» и т. д. — нет, раз она приводится в движение рукой. Но нет никакого сомнения, что если взять машину в самой *элементарной* форме, то промышленная революция исходит не из *движущей силы*, а из той части машины, которую англичане называют working machine.⁶ Т. е., напр., суть не в замене ноги, приводившей в движение прялку, водой или паром, а в изменении самого непосредственного процесса прядения и в вытеснении не той части человеческой работы, которая была направлена на exertion of power⁷ (как, напр., нажимание на педаль колеса), а той, которая касается обработки, непосредственного воздействия на подлежащие обработке материалы. С другой стороны, столь же очевидно, что если речь идет не об *историческом* развитии машины, а о машинах на основе нынешнего способа производства, то единственно решающей является *рабочая машина* (напр., у швейной машины), ибо раз этот процесс уже механизирован,

рован, то всякий понимает, что механизм этот, в зависимости от своих размеров, будет приводиться в движение рукой, водой или паром.

Для чистых математиков эти вопросы безразличны, но они становятся очень важными, когда речь идет о том, чтобы доказать связь между общественными отношениями людей и развитием материальных способов производства.

Перечитав вторично свои технологически-исторические выдержки, я пришел к выводу, что если оставить в стороне изобретение пороха, компаса и книгопечатания — эти необходимые предпосылки буржуазного развития, — то за все время от XVI до середины XVIII века, т. е. за весь период развившейся из ремесла мануфактуры до подлинно крупной промышленности, двумя материальными основами, на которых внутри мануфактуры строилась подготовительная работа для машинной индустрии, были *часы* и *мельница* (сначала зерновая мельница, в частности водяная), и оба эти механизма переняты у древности. (Водяная мельница была занесена из Малой Азии в Рим во время Юлия Цезаря.) Часы являются первым автоматом, созданным для практических целей; на них развилась вся теория о производстве *равномерных движений*. По своему характеру, они сами построены на сочетании полухудожественного ремесла с прямой теорией. Так, напр., Кардан писал (и давал практические советы) об устройстве часов. «Ученое (нецеховое) ремесло», — так немецкие писатели XVI века называли часовое ремесло, и на развитии часового дела можно было бы проследить, насколько соотношение между ученостью и практикой в эпоху ремесла разнится, напр., от этого соотношения в период крупного производства. Не подлежит также ни малейшему сомнению, что в XVIII веке часы впервые подали мысль применить автоматы (и в частности заводные, пружинные) к производству. Можно исторически доказать, что попытки *Вокансона* в этом отношении оказали большое влияние на фантазию английских изобретателей.

Что касается, с другой стороны, *мельницы*, то в ней с самого начала, т. е. с тех пор, как была создана водяная мельница, имелись все различные существенные составные части организма машины: механическая движущая сила. Во-первых, двигатель, которого она ждет; передаточный механизм; и, наконец, рабочая машина, захватывающая обрабатываемый материал; каждая из этих частей существует независимо друг от друга. Все учение о *трении*, а стало быть и все исследования о математических формах системы зубчатой передачи, зубцов etc. произведены над мельницей. Здесь

же впервые было разработано учение об изменении степени движущей силы, о лучших способах ее применения etc. Почти все великие математики, начиная с середины XVII столетия, исходят, поскольку они занимаются практической механикой и пытаются ее теоретизировать, из простой водяной мельницы для зерна. Отсюда и название: «мельница», mill,⁸ возникшее в эпоху мануфактуры, применяемое ко всякому механизму, употребляемому для практических целей.

Но в мельнице совершенно так же, как и в прессе, механическом молоте, плуге и т. п., собственная работа, т. е. битье, раздавливание, размалывание, раздробление etc., производится с самого начала без человеческого труда, хотя бы moving force⁹ и исходила от человека или животного. Оттого-то этот род машин, по крайней мере в своих начатках, очень древнего происхождения, и в них сперва применялась собственно механическая движущая сила. Оттого-то они и являются почти единственными машинами, которые мы встречаем в период мануфактуры. *Промышленная революция* начинается тогда, когда механизм впервые применяется там, где издревле для получения окончательного результата требовалась работа человека, а не там, где обрабатываемый материал *спокон веку никогда* не обрабатывался рукою человека, т. е. там, где человек по природе вещей не является с самого начала лишь простой силой. Если даже согласиться с немецкими ослиами, что применение животной power¹⁰ (а эта сила по существу является таким же *добровольным движением*, как и человеческая) является *машиной*, то применение этого рода двигателей во всяком случае гораздо древнее, нежели применение самых простых ручных орудий.

Итциг прислал мне — это было неизбежно — свою защитительную речь на суде (он осужден на 4 месяца). *Macte puer virtute!*¹¹ Во-первых, этот хвостун напечатал брошюру, — речь о «рабочем сословии», которая у тебя имеется, — вторым изданием в Швейцарии под громким заглавием: «Программа рабочих».

Ты знаешь, что это не что иное, как плохо сделанная вульгаризация «Манифеста» и других часто проповедуемых нами вещей, ставших уже до известной степени общим местом. (Этот парень называет, напр., рабочий класс «сословием».) Well.¹² В своей речи на суде в Берлине он имел бесстыдство заявить следующее:

«Я утверждаю далее, что эта брошюра не только является таким же научным произведением, как многие другие, произведением, излагающим уже известные результаты, но что она во многих отношениях является даже научным *открытием*, развитием новых на-

учных мыслей... Я напечатал ряд обширных трудов в самых различных и трудных областях науки, не жалея трудов и бессонных ночей, чтобы расширить пределы самой науки, и я, может быть, имею право сказать подобно Горацию: *Militavi non sine gloria!*¹³ Но я *сам* вам заявляю: никогда, ни в одном из своих обширных трудов я не написал *ни одной строки*, которая была бы по своему замыслу более строго научной, чем это произведение от первой строки до последней... Бросьте взгляд на содержание этой брошюры. Это содержание состоит не в чем ином, как в *философии истории*, сжатой на пространстве 44 страниц... Это есть развитие объективного разумного хода мыслей, лежащего вот уже более тысячи лет в основе европейской истории, развитие внутренней души... etc.»

Разве это бесстыдство не превосходит всякие пределы? Он, очевидно, думает, что он тот человек, которому суждено унаследовать наш инвентарь. При этом он еще так причудливо смешон!

Привет.

Твой К. М.

Возьми у Лупуса сегодняшний «Star» и прочти там перепечатанные письма по поводу «Times» и Дилейна из «Morning Herald».

¹ В результате. ² судебного пристава. ³ инструмент — простой машиной, а машину — сложным инструментом. ⁴ движущей силой. ⁵ сила природы. ⁶ рабочей машиной. ⁷ создание движущей силы. ⁸ мельница. ⁹ движущая сила. ¹⁰ силы. ¹¹ Да будет прославлена твоя доблесть, юноша! ¹² Хорошо. ¹³ Я боролся не без славы!

819.

13 февраля 1863 г.

Дорогой Фредерик!

Прилагаю различные уркартовские произведения. За последнее время эти молодцы особенно отличаются своей глупостью. Такова, напр., их «философия» по поводу движения в Соединенных Штатах.

Я бы написал тебе раньше, но вот уже почти 12 дней, как мне *совершенно и strictly*¹ запрещено писать, читать и курить. У меня было нечто вроде воспаления глаз, связанного с весьма отвратительными болями головных нервов. Я уже настолько поправился, что сегодня в первый раз отваживаюсь взять перо в руки. За время болезни я занимался всякими психологическими мечтаниями, как это, вероятно, бывает у людей, которые слепнут или сходят с ума.

Что ты скажешь по поводу польской истории? Ясно одно: в

Европе опять более или менее fairly opened the era of revolution.² И общее положение дел хорошее. Но наивные delusions³ и тот почти детский энтузиазм, с которым мы встретили эру революций в 1848 г., исчезли безвозвратно. Старые товарищи, как Веерт и др., умерли, иные отпали или погибли, а нового поколения все еще не видать. Кроме того, мы теперь уже знаем, какую роль в революциях играет глупость и как негодяи умеют ее эксплуатировать. Впрочем, «пруссские» поклонники национальной «Италии» и «Венгрии» уже попали в переделку. «Пруссаки» не откажутся от своего «руссачества». Будем надеяться, что лава потечет на сей раз с востока на запад, а не наоборот, так что мы избавимся от «чести» французской инициативы. Мексиканская авантюра является уже достаточно классическим развитием фарса «lower Empire»⁴.

«Герценовские» солдаты действуют, как обычно. Но отсюда еще нельзя сделать никаких выводов ни о массах в России, ни даже о главной массе русской армии. Мы знаем, что проделывали «интеллигентные штыки» французов и даже наши собственные рейнские бродяги в 1848 г. в Берлине. Но ты должен теперь внимательно watch⁵ за «Колоколом», ибо теперь Герцену и К^о представляется случай доказать свою революционную честность, хотя бы в той мере, в какой она совместима со славянскими predilections.⁶

Уркартисты, конечно, решат, что польское восстание нарочно вызвано петербургским кабинетом в качестве «диверсии» против задуманного Уркартом invasion of the Caucasus.⁷

В Соединенных Штатах дело подвигается чертовски медленно. Я надеюсь, что Дж. Гукер как-нибудь выкарабкается.

Напиши мне прежде всего, что ты теперь поделываешь в Манчестере. Ты, наверное, чувствуешь себя там чертовски одиноким. Знаю по себе, как меня до сих пор еще пугают окрестности Soho-square, когда я туда случайно попадаю.

Привет.

Твой К. М.

¹ решительно. ² широко открылась эра революций. ³ иллюзии. ⁴ Империи времен упадка [Франции]. ⁵ следить. ⁶ симпатиями. ⁷ вторжения на Кавказ.

Дорогой Фредерик!

Твое молчание меня действительно беспокоит. Надеюсь, что ты не болен. С другой стороны, я надеюсь, что не огорчил тебя как-нибудь опять malgré moi.¹ Если я в письме, подтверждавшем

получение 100 ф., писал тебе о машинах и т. д., то я это сделал для того, чтобы рассеять тебя и облегчить страдания.

Польская история и прусское вмешательство, это — такая комбинация, которая заставит нас сказать свое слово. Но не от нашего имени, чтобы не показаться конкурентами студюова Блинда и не закрывать себе дороги в Германию. И для этого подходит здешний рабочий союз. Необходимо — и *immediately*² — выпустить манифест от *его* имени. Ты должен написать *военную* часть, т. е. о военно-политической заинтересованности Германии в восстановлении Польши. Я напишу дипломатическую часть.

Отвечай же, *old boy*,³ и если у тебя есть что-нибудь на душе, *speak out like a man*⁴ и будь уверен, что ни один человек на свете не принимает так близко к сердцу все твои горести и радости, как

Твой Мавр.

¹ против своей воли. ² немедленно. ³ старина. ⁴ скажи открыто, как мужчина.

821

17 февраля 1863 г.

Дорогой Мавр!

Ты должен меня извинить за долгое молчание. Я был в очень тяжелом состоянии, из которого мне во что бы то ни стало надо было выбраться. Я взялся было за славянские языки, но одиночество было для меня невыносимо. Я решил рассеяться насильственно. Это помогло, и я теперь снова тот же.

Поляки — молодцы. И если они продержатся до 15 марта, то по всей России пойдут восстания. Вначале я страшно боялся, что дело пойдет плохо. Но сейчас шансы на победу уже почти превышают шансы поражения. Не надо забывать, что *молодая* польская эмиграция имеет свою собственную военную литературу, в которой все вопросы рассматриваются под углом зрения специально польских условий и в которой идея партизанской войны в Польше играет видную роль и очень подробно обсуждается. Характерно также, что единственными известными до сих пор вождями являются варшавский еврей Франковский и прусский лейтенант Лангевич. Господа русские при своей беспомощности, наверное, сильно страдают от партизанской войны.

Видел ли ты, что Бакунин и Мерославский ругают друг друга лжецами и дерутся из-за будущих русско-польских границ? «Колокол» я уже выписал себе и надеюсь найти в нем подробности об

этой истории. Впрочем, мне придется основательно подзаняться, прежде чем я снова овладею языком.

Подло, как всегда, ведут себя пруссаки. Мосье Бисмарк знает, что ему не сдобровать, если Польша и Россия будут революционизированы. Впрочем, с прусским вмешательством не будут торопиться. До тех пор, пока оно не необходимо, русские его не допустят. А когда оно станет необходимо, то Пруссия поостережется двинуться туда.

Если дело в Польше кончится плохо, то нам предстоит, очевидно, несколько лет острой реакции, ибо тогда «православный царь» * опять станет главой Священного союза, по сравнению с которым мосье Бонапарт покажется глупым французским обывателям большим и весьма национальным либералом. Как это курьезно, впрочем, что вся английская буржуазия стала ругательски ругать Бустану, с тех пор как Кинглак опубликовал маленькую, полупереваренную, полунедослышанную часть *тех* самых слухов о Наполеоне и его lot, ¹ которые мы повторяем уже 10 лет. И нам не хотели верить! Разоблачительная литература о парижском дворе пошла в ход, и г. Том Тэйлор в «Guardian» с важным видом преподносит публике все эти истории о Сольмсе, Бонапарте, Уайзе, Иеккере etc., которые мы гораздо точнее знаем в течение уже нескольких лет. Одно только интересно: Иеккер уже дал деньги для страсбургского или булонского заговора; для какого именно — Тэйлор не знает. Вот, значит, в чем дело.

В стране янки дела неважны. Правда, теперь, по обычной иронии мировой истории, по сравнению с филистерами, демократы уже стали *war-party*, ² и обанкротившийся поэт Ч. Макай снова здорово осрамился. Слышал также из частных нью-иоркских источников, что Север продолжает вооружаться в масштабе до сих пор неслыханном. Но, с другой стороны, с каждым днем все больше множатся признаки морального ослабления, и неспособность победить возрастает с каждым днем. Где та партия, победа и *avènement* ³ которой означали бы доведение войны à outrance, ⁴ и притом всеми средствами? Народ оплеван — вот в чем беда. Счастье еще, что мир сейчас физически невозможен, иначе они бы его давно заключили, чтобы только иметь возможность жить в мире и ради *almighty* ⁵ доллара.

Майор-конфедерат, принимавший участие в штабе Ли, в битвах у Ричмонда, рассказывал мне на-днях, что *rebels*, ⁶ — по бумагам,

* [У Энгельса так и написано по-русски.]

показанным ему самим Ли, — имели к концу этих битв не менее 40 000 stragglers. ⁷ В частности о западных полках федералистов он говорил с большим почтением; впрочем, в остальном он — осел. [Нет конца письма.]

¹ свите. ² военной партией. ³ приход к власти. ⁴ до победного конца. ⁵ всемогущего. ⁶ мятежники. ⁷ отставших.

822.

19 февраля 1863 г.

Дорогой Мавр!

По поводу Польши совершенно согласен с тобой. У меня в голове уже две недели бродит мысль о брошюре. Но лучше так, как ты предлагаешь, ибо тогда заодно войдет уже и дипломатическая часть, и вообще будет то преимущество, что мы эту вещь сделаем совместно.

Сколько листов должна занять вся штука, и сколько из них должно достаться, по-твоему, на мою долю? От этого более или менее зависит план. Кем это будет напечатано? Когда твоя часть будет готова к печати?

О машинах напишу на-днях.

Твой Ф. Э.

823.

20 февраля 1863 г.

Дорогой Фредерик!

Мне кажется, что с польской историей надо поступить таким образом.

Прокламация для обывателей, т. е. от имени Союза, должна содержать *максимум* один печатный лист, считая и военную, и политическую часть together. ¹ Поэтому напиши ты сначала, а я уже буду действовать сообразно этому. *Напечатает это Союз.*

Но в то же время будет хорошо, если мы осветим этот вопрос подробнее и в брошюре, и тут уже ты определи число листов сам, сообразуясь с материалом. Дипломатическая часть, к которой я ready ² всегда, будет лишь привеском. As to ³ издателя, то я напишу в Ганновер immediately, ⁴ как только ты мне сообщишь число листов.

Кстати! Пришли мне доверенность на имя Бухера по делу Дункера касательно «По и Рейн».

Твой К. М.

¹ вместе. ² готов. ³ Что касается. ⁴ немедленно.

824.

[Около 21 февраля 1863 г.]

Дорогой Мавр!

Эту штуку для манифеста я тебе пришлю, — совсем короткую, но в ней все же, наверное, будет кое-что, относящееся к твоему ведомству, — это уже тебе придется самому уладить.

Что касается брошюры, я думаю расположить материал следующим образом: 1) военное положение России по отношению к Западу и Югу *до* разделов Польши; 2) то же самое — *после* них; 3) то же самое — после 1814 г.; 4) позиция России и Германии после восстановления Польши. (Здесь нужно сказать кое-что о прусской Польше, о границе языков и статистических данных смешанного населения.) Все вместе максимум от трех до четырех листов. Заглавие: «Германия и Польша. Военно-политические размышления по случаю польского восстания 1863 г.». А тебе пришлось бы за это время перечитать свои заметки и все подготовить, так, чтобы ты сейчас же по получении манифеста мог вставить их в соответствующие места или прибавить в виде приложения и сослаться на них, где нужно. Если у тебя имеются еще какие-нибудь замечания, то напиши мне сейчас же, чтобы я их мог еще принять во внимание.

Твой Ф. Э.

825.

21 февраля 1863 г.

Дорогой Энгельс!

Когда кризис мой дошел до height ¹, я как-то написал Дронке. About a month after ² я получил от него письмо с сообщением, что он был в отъезде. Вчера он нагрязнул ко мне сюда, а сегодня он уже уехал, побывав у меня во второй раз.

Он сам, по своей *инициативе*, заявил, что желает помочь раздобыть крупную сумму для того, чтобы я мог спокойно работать целый год. Говорил затем о тебе. Я сказал ему (не считая, однако, нужным посвящать его в детали), что ты очень много сделал и что на несколько ближайших месяцев ты совершенно опустошен. На это он ответил: речь идет не о месяцах, а о годе или двух. Он лично снесется с тобой.

В какой мере это серьезно или хвастовство, ты решишь лучше всего сам. А ргоров. Моя «печень» очень опухла, и кроме того я чувствую колики во время кашля, чувствую себя также не совсем хорошо при надавливании. Спроси у Гумперта о каком-нибудь *домашнем средстве*. Если я пойду к Аллену, то последний предпишет мне

курсе лечения, для чего у меня сейчас, не говоря уже о других соображениях, нет времени.

Чего я больше всего боюсь в этой польской истории, так это того, что свинья Бонапарт придерется к какому-нибудь поводу, чтобы двинуться к Рейну и благодаря этому выкарабкаться из своего весьма незавидного положения.

Пришли мне (у тебя больше материала под рукой об этом) несколько заметок (точных) о поведении Фридриха-Вильгельма Справедливого в 1813 г. после несчастья с Наполеоном в России. Это мне нужно для того, чтобы произвести нападение на дом Гогенцоллернов. Я дал Дронке неясный ответ на то, готов ли к печати второй том или нет.

Привет.

Твой К. М.

Сейчас увидал из second edition³ «Times'a», что прусская вторая палата сделала, наконец, нечто хорошее. У нас скоро будет революция.

¹ высшей точки. ² Приблизительно месяц спустя. ³ второго издания.

826.

24 марта 1863 г.

Дорогой Фредерик!

Как тебе известно, я недели две почти совершенно не мог ни писать, ни читать из-за болезни глаз. Отсюда необходимость для меня наверстать упущенное время усиленной работой. Этим объясняется мое молчание.

Дронке перевел мне 50 фунтов.

Из прилагаемого письма д-ра Кугельмана, которое ты мне, пожалуйста, отошли, ты увидишь, что за путаники эти немецкие «товарищи по партии». Моя-де экономическая работа «не ко времени», но чтобы я, тем не менее, после того как выйдет первый том, непременно продолжал все это для теоретического успокоения некоторых прекрасных душ. Чем мне существовать в это время, занимаясь «несвоевременными работами», это, конечно, вопрос, над которым эти господа не задумываются ни одной минуты.

История с Лангевичем отвратительна. Но я надеюсь, что эта история еще не закончена даже временно. Я несколько медлил с польской работой, чтобы дать немного больше развиться events.¹

Политические выводы, к которым я пришел, суть следующие: Финке и Бисмарк на самом деле *правильно* представляют прусский

государственный принцип. «Государство» Пруссия (создание весьма отличное от Германии) не может существовать *без* теперешней России и *вместе* с самостоятельной Польшей. Вся история Пруссии приводит к этому заключению, которое уже давным-давно было усвоено всеми Гогенцоллернами (включая и Фридриха II). Это сознание отцов отечества стоит значительно выше «ограниченного разума подданных», разума прусских либералов. Так как существование Польши необходимо для Германии, но немыслимо на-ряду с государством Пруссией, то сие государство, Пруссию, надо уничтожить. Или польский вопрос является лишь новым поводом для того, чтобы лишний раз доказать, что невозможно осуществлять интересы Германии, пока существует гогенцоллернская вотчина? Лозунг: «долгой русскую гегемонию над Германией!» равнозначен лозунгу: «смерть исчадью старого грешника!»

Что я считаю чрезвычайно важным в новейшей американской истории, так это то, что они опять собираются заняться каперством. Это придает всей истории по отношению к Англии совершенно другой вид, и *under favourable circumstances*² может повести к войне с Англией, так что самодовольному Булю пришлось бы увидеть, как не только хлопок, но и хлеб *withdrawn*³ у него из-под носу. В начале *civil war*⁴ Сьюард имел наглость заявить на свой собственный страх и риск, что постановления Парижского конгресса 1856 г. *покамест* действительны и для Америки. (Это выплыло наружу при печатании депеш о триентском деле.) Вашингтонский Конгресс и Линкольн, взбешенные тем, что в Ливерпуле etc. происходит *outfitting of southern pirates*,⁵ положили этому конец. Это вызвало большой испуг на здешней бирже, но верные газетные псы, послушные приказу, не упоминают об этом в газетах.

Ты, наверное, уже с удовольствием заметил, что старый пес Пам дословно повторяет свою старую игру времен 1830 — 1831 гг. (я сравнил речи) и заставляет «Times» действовать в том же духе. На этот раз в этой истории *so far good*:⁶ Луи Бонапарт (а при несчастном Луи-Филиппе в 1831 г. это было вредно для всей Европы) должен втянуться в эту историю и попасть в *a very ugly dilemma with his own army*.⁷ Мексика и распаркивание перед царем в «Moniteur» (к чему Бустрапу побудил Пам) могли ему сломить шею. И вот он, испугавшись, распорядился напечатать депеши, доказывающие, что его добрая воля разбилась лишь о сопротивление Памы. (Несчастный Луи-Филипп, — хотя случай был *совершенно такой же*, — позволил еще бесстыжему Паму хвастливо заявить в парламенте: «If it were not for the *perfidy of the French* and the intervention of Prussia, Po-

land would still exist». ⁸ Этим он думал воздействовать на public opinion ⁹ Англии, точно для последнего не достаточно вполне успокоительных уверений Пама, что Бонапарт стремится к Рейну! И точно не сам Пам фабрикует три четверти этого public opinion! ⁹ У жалкого Плон-Плона нехватает мужества заявить, что Пам работает на Россию, и потому он говорит, что «злая Россия» хочет посеять вражду между Францией и Англией! В этом опять сказывается наш homme du Bas Empire, ¹⁰ жалкий трус, осмеливающийся устраивать свои coups d'état au delà des frontières ¹¹ лишь с *высочайшего разрешения Европы*. Если бы у этого несчастного хватило духу вывести Пама на чистую воду (или хотя бы пригрозить этим), то он мог бы спокойно предпринять прогулку на Рейн. Но сейчас он связал себя по рукам и ногам, всецело отдал себя в руки Пама, точь-в-точь как покойный Луи-Филипп. Ну, что ж, на здоровье!

Истории в Стэлибридже и Эштоне весьма утешительны. Наконец-то толстомордые и толстофузые лишили prolétaires ¹² своего «уважения». Джон Поттер весьма осрамился сегодня в «Times», который, при своей, приобретенной в последнее время столь обширные размеры непопулярности, pounces upon that ass, ¹³ чтобы catch ¹⁴ хоть на грош популярности.

Привет.

Твой К. М.

¹ событиям. ² при благоприятных условиях. ³ утаскивается. ⁴ гражданской войны. ⁵ снабжение военным снаряжением южных пиратов. ⁶ хорошо следующее. ⁷ весьма затруднительное положение по отношению к своей собственной армии. ⁸ Если бы не *вероломство французов* и не вмешательство Пруссии, то Польша бы существовала и поднесь. ⁹ общественного мнения. ¹⁰ деятель империи времен упадка. ¹¹ перевороты по ту сторону границ. ¹² пролетариев. ¹³ нападает на этого осла. ¹⁴ приобрести.

827.

8 апреля 1863 г.

Дорогой Мавр!

Вот уже шесть дней, как я все собираюсь написать тебе, но всякий раз мне кто-нибудь мешает. Больше всего мне мешал почтенный Эйхгоф. Беднягу так околпачили в Ливерпуле всякие бежавшие из Пруссии поручики и плуты-коммерсанты, что у него теперь около 100 ф. долгу, не считая капитала, растроченного не им, а его компаньоном. Он несомненно вернется сюда и, по его уверению, пробудет здесь некоторое время и охотно примет любое место, которое ему будет предложено; он тщательно скрывает то, что он здесь сейчас делает, etc. Скоро, однако, оказалось, что, вместо того чтобы подыскивать здесь службу, он занимался всякими таинственными

агентурными делами, и теперь мне ясно, что он здесь по поручению маленького Дронке, который основательно занялся этой отраслью, выполняет *blockado-running business to the Confederate states*.¹ Вот почему вся эта таинственность, которая благодаря *greenness*² нашего друга (превосходящей действительно все границы) каждую минуту выдает себя. *Enfin*³ парень теперь мало занят и все послеобеденное время торчит у меня. Так как он со мной не откровенен, то я, разумеется, не могу ничего для него сделать за исключением тех случаев, когда он спрашивает моего совета.

Боюсь, что польская история принимает плохой оборот. Поражение Лангевича начинает уже чувствоваться в королевстве. Литовское движение — сейчас самое важное, так как оно 1) выходит за границы конгрессной Польши, и 2) в нем принимают большое участие крестьяне, а ближе к Курляндии оно приобретает даже прямо аграрный характер. Если оно не будет благоприятно развиваться и не оживит вновь движения в королевстве, то я не думаю, чтобы были большие шансы на успех. Поведение Лангевича кажется мне весьма сомнительным. *Какая* партия первая нарушила союзный договор, абсолютно необходимый для успеха восстания, трудно установить. Но интересно было бы знать, насколько верны слухи, связывающие, с одной стороны, Мерославского, с другой стороны — Косцельского с Плон-Плоном. Что касается Браницкого, то, если я не ошибаюсь, он давно уже плон-плонист.

Этот бравый Кугельман имеет, повидимому, по отношению к тебе весьма благородные намерения. Что гениальным людям так же надо есть, пить, жить и даже платить за все, это для наших честных немцев такая прозаическая мысль, что она им даже в голову не приходит, и они готовы ее считать прямо оскорблением.

Хотелось бы знать, кто та умная голова, которая сообщила ему под секретом, что я отрекаюсь от своей книги. На этот счет ты должен дать ему нужные разъяснения. Что касается нового издания (которое, судя по их предпосылкам, все, что угодно, только не «своевременно»), то для этого данный момент, когда у английского пролетариата почти совершенно улетучилась революционная энергия и английский пролетарий совершенно примирился с господством буржуазии, является во всяком случае неподходящим.

Прочитал новые вещи Ляйэля и Гексли. Обе они очень интересны и хороши. У Ляйэля несколько больше фразы, но зато и несколько тонких шуток; так, напр., перебрав всех естествоиспытателей в тщетных поисках доказательств качественного различия между человеком и обезьяной, он цитирует, наконец, и архиепископа.

Кантерберийского, утверждающего, что человек отличается от животных благодаря своей религии. Впрочем, здесь сейчас со всех сторон сыплются нападки на старую религию. Скоро придется состряпать какую-нибудь раздутую, как пузырь, систему рационализма в защиту религии. В «Edinburgh Review» Оуэн заставлял кого-то отвечать Гексли. Ответ этот уступает по существу во всех пунктах и спорит лишь о выражениях.

Маленький Дронке считал большим героизмом со своей стороны, что по моему акценту хотел взять у своего банкира 250 ф. и даже согласился взять на себя все связанные с этим расходы и процент в размере около 15 ф. Ему показалось в высшей степени *mesquin*⁴ с моей стороны то, что я перед лицом такого героизма не хотел (ты лучше всех знаешь, почему я этого не мог) взять на себя обязательства раздобыть эти 250 ф. в течение года. Уверяю тебя, что если бы речь шла не о тебе, я бы дал пинка этому маленькому негодю. От досады я напился и написал тебе в пьяном состоянии свирепое письмо по этому поводу. Воображаю, что я там наплел, так как я решительно ничего не помню из того, что писал. Для того, однако, чтобы ты знал истинное положение вещей, я снова здесь напоминаю об этом.

Привет.

Твой Ф. Э.

¹ контрабандные дела для южных штатов. ² неопытности. ³ В конце концов. ⁴ мелочным.

828.

9 апреля 1863 г.

Дорогой Фредерик!

Туссенка была в восторге от письма и его содержания и не удержится от того, чтобы «лично» тебе не ответить.

О плон-плонизме Мерославского я знаю уже несколько лет во всех деталях от И.-Ф. Беккера и Шили. Впрочем, я его уже и до того открыл в его книге, вышедшей во время последней русско-турецкой войны. Сей благородный муж предложил, между прочим, разделить Германию на две части. Что же касается Косцельского, то это для меня ново. Относительно смешного тщеславия и безграничного легковерия Мерославского, если задето его тщеславие, — об этом мне Беккер написал в 1860 г. из Италии весьма занятный отчет.

Итциг выпустил еще две брошюры о своем процессе; к счастью, он мне их *не* прислал. Зато он прислал мне третьего дня свой открытый *ответ* на обращение центрального комитета по созыву лейпцигского рабочего (читай ремесленного) конгресса. Он держит

себя в этой брошюре, — с важным видом пользуясь заимствованными у нас фразами, — совсем как будущий рабочий диктатор. Спор между заработной платой и капиталом он разрешает «шутя» (*verbo tenus*¹). А именно: рабочие должны агитировать за *всеобщее избирательное право* и затем послать в парламент таких людей, как он, вооруженных «холодным оружием науки». Затем они соорудят рабочие фабрики, капитал для которых будет авансирован *государством*, и эти учреждения охватят *by and by*² всю страну. Это во всяком случае поразительно ново! Один абзац я тебе процитирую:

«Что в германском рабочем движении уже сейчас дискутируется вопрос о том, *следует ли понимать ассоциацию в его* (Шульце-Делича) *или моем смысле* — это является преимущественно *его* заслугой. И это является как раз его *истинной* заслугой, и эту заслугу нельзя оценить достаточно высоко... Горячность, с которой я признаю *эту заслугу*, не должна однако мешать нам».... и т. д. Ça ira!³

В то самое время, когда в Глазго был Пальмерстон, туда решил приехать еще один великий человек, студиозус *Карл Блинд*. Перед своим приездом туда он прислал в «North British Mail» в Глазго заметку, озаглавленную: «Г-н Карл Блинд», но в корень подкошенную роковой редакционной пометкой: *communicated*.⁴ Эта замечательная заметка, — написанная, как и все частные заметки о нем, *им самим* и доставленная в редакцию этим ослом Мак-Адамом, — начинается следующим, *единственным* в своем роде «введением»:

«At the present moment when a patriot exile is about to visit Glasgow for the purpose of bringing under public notice the merits of the polish question, it is fitting that a few remarks should be made upon his Political career, and more especially so from the *unfortunate fact* that he is *comparatively* unknown in Scotland. German by birth and German by exile, M. Karl Blind's efforts have not come *so prominently and so persistently before Europe* as to have gained for him *universal admiration* from the liberating party, or *universal execration* from the oppressing party. He has hitherto stood in that middle way, where *he has the honour of being both beloved and hated*; but in these *two contending ranks* which have rendered to him their tribute *after its kind the whole of Europe is not ranged*, M. Karl Blind having the *satisfaction of knowing* there is a *third section of his friends* who are simply indifferent. He therefore comes before the Scottish public with perhaps less prejudice against him than has been the *case* with most of the *distinguished exiles who preceded him*». ⁵

За этим следует краткая биографическая заметка о *great unknown*,⁶ в которой до сведения Шотландии и *the third section of mankind*⁷ доводится, что означенный «г-н Карл Блинд» *is a native of Baden and was originally, like Kossuth and Mazzini, trained to the law*,⁸ что «*Badish revolution*»⁹ [является] *the result of his propagandism*,¹⁰ что «*Governments of Baden and the Palatinate*»¹¹ послали его в июне месяце в Париж, «*in the capacity of diplomatic envoy*»¹² и т. д., что он работает «*in that spirit of cooperation which so distinguishes the more celebrated exiles*»!¹³ Что, хорошо?!

Жена моя уже две недели лежит больная и почти совершенно оглошшая. Отчего — неизвестно. У Женнички снова нечто вроде дифтерита. Если сможешь прислать мне немного вина для обеих (для Женнички Аллен хочет портвейна), то буду очень рад.

В Лондоне сейчас какой-то поп (в отличие от атеистов, проповедующих на Джонстрите) произносит деистические проповеди для граждан, в которых чисто по-вольтеровски высмеивает Библию. (Моя жена и дети были там раза два и хвалят его как юмориста.)

Я присутствовал на митинге, устроенном трэд-юнионами во главе с Брайтом. Он выглядел совершенно, как индипендент, и каждый раз, когда он восклицал: «*In the Un. St. no king, no bishops!*»¹⁴ — раздавалась *burst of applause*.¹⁵ Сами рабочие говорили превосходно, без всяких следов буржуазной риторики, и ни в малейшей степени не скрывая своего антагонизма по отношению к капиталистам (впрочем, и папаша Брайт обрушился на последних).

Скоро ли английские рабочие исцелятся от своей кажущейся буржуазной заразы, трудно сказать. В остальном, что касается основных пунктов твоей книги, то они до мельчайших деталей были подтверждены дальнейшим развитием после 1844 г. Я как раз снова сравнил твою книгу со своими заметками о последующем времени. Только наши маленькие немецкие мещанишки, меряющие мировую историю на аршин и измеряющие ее масштабом последних «интересных газетных сообщений», могут вообразить себе, что в подобных огромных процессах 20 лет означают нечто большее, чем один день, хотя после этого и могут снова наступить дни, в которые сконцентрируется 20 лет.

Когда я вновь перечитывал твою книгу, я с сожалением убедился, что мы старимся. Как свежо, страстно, смело заглядывая вперед, без ученых и научных сомнений написана еще эта вещь! И самая иллюзия, что завтра или послезавтра можно будет воочию увидеть исторический результат, придает всему так много теплоты

и жизнерадостности! Как невыгодно выделяется по сравнению с этим наша позднейшая манера письма — «серое по серому».

Привет.

Твой К. М.

¹ буквально. ² постепенно. ³ Это пойдет! ⁴ сообщено. ⁵ В настоящий момент, когда к нам в Глазго собирается приехать эмигрант патриот, с целью осветить перед публикой истинный характер польского вопроса, — уместно будет привести некоторые данные о политической карьере этого эмигранта, которого, к сожалению, сравнительно мало знают в Шотландии. Немец по рождению и немец в эмиграции, Карл Блинд не столь *постоянно* давал о себе знать *Европе*, чтобы стать предметом *всеобщего поклонения* со стороны партии свободы или *всеобщего проклятия* со стороны партии угнетения. Он до сих пор находился на той средней линии, на которой *имел честь быть и любимым, и ненавидимым*. Но не вся Европа разделилась на эти два лагеря, из которых каждый платит ему дань своего рода, а Карл Блинд имеет *удовлетворение* знать, что имеется и *третья группа его друзей*, которые просто остались равнодушными. Он поэтому появляется перед шотландской публикой при меньшем количестве предубеждений против него, чем их имеется по отношению к другим *выдающимся* эмигрантам, бывшим его *предшественниками*. ⁶ великом незнакомце. ⁷ третьей группы человечества. ⁸ родом из Бадена и первоначально, *подобно Кошуту и Мадзини, изучал право*. ⁹ «Баденская революция». ¹⁰ «результатом его пропаганды». ¹¹ «правительства Бадена и Пфальца». ¹² «в качестве дипломатического представителя». ¹³ «в том духе взаимной поддержки, который так отличает самых знаменитых эмигрантов». ¹⁴ «В Соединенных Штатах нет ни короля, ни епископов!» ¹⁵ буря аплодисментов.

829.

18 апреля 1863 г.

Дорогой Энгельс!

Прилагаемый листок с *подчеркнутыми красным карандашом местами* (это — газета Э. Мейена) Лассаль прислал мне неделю тому назад. Она получилась, стало быть, на следующий день после того, как я выслал тебе письмо с кратким содержанием последней брошюры Итцига. Он, очевидно, хочет, чтобы я за него вступился. Que faire? ¹

Твой К. М.

¹ Что делать?

830.

21 апреля 1863 г.

Дорогой Мавр!

Как поступить с Лассалем — сказать трудно. Après tout, ¹ думается мне, что было бы ниже достоинства великого Итцига пускать в ход тяжелое орудие опровергающих заявлений в ответ на мелочные сплетни Мейена. Пусть он сам расхлебывает заваренную им кашу; если он может что-нибудь сделать, то для этого ему не

нужно никаких удостоверений от тебя; и зачем тебе компрометировать себя, раз ты ему уже заявил, что он не может идти вместе с нами или мы вместе с ним. Как глупо уже одно то, что он вмешивается в эти дурацкие шульце-деличевские истории и пытается там создать себе партию как раз на основе наших прежних работ. Стремление Шульце-Делича в этот буржуазный период поднять *ремесленников* на высоту буржуазного мировоззрения является с нашей точки зрения только желательным, иначе нам пришлось бы заниматься этим делом во время революции; в Германии, где дух «мелкогосударственности» и без того необычайно осложняет все, нам могли бы противопоставить это лавочничество как нечто новое, практическое. А теперь со всем этим покончено, наши противники занимают как раз ту позицию, которую нам нужно, чтобы они занимали, а ремесленники осознали себя и перешли в лагерь мелкобуржуазной демократии. Но считать их представителями пролетариата — это мы предоставим Итцигу.

История со студивусом Блиндом весьма рассмешила нас с Лупусом. У Лупуса опять был тяжелый припадок подагры, осложненный его странной манерой выходить на улицу полу-вылеченным, бегать по урокам и звать доктора только тогда, когда уже слишком поздно и все лекарства истреблены. Но ведь с ним не говоришься: «Я пойду» — и все тут!

За последнее время занимался русской историей в обратном порядке, т. е. читал сначала о разделе Польши и Екатерине, а теперь читаю о Петре I. Должен сказать: увлекаться поляками 1772 г. может только буйвол. В большинстве европейских стран дворянство пало в ту эпоху с достоинством, частью даже с некоторым *esprit*,² несмотря на то, что его общей максимой было убеждение, что материализм состоит в том, чтобы есть, пить, совокупляться, выигрывать в карты или получать вознаграждение за совершенные мерзости. Но ни одно дворянство не поступило так глупо, как польская шляхта, усвоившая себе один метод — продаваться России. Вообще же общая продажность «жантильомов» во всей Европе являет собою зрелище весьма веселое. Затем меня очень заинтересовала история мосье Паткуля. Этот парень действительно является изобретателем всей русской дипломатии и заключает в себе *in pice*³ все уловки последней. Если ты не можешь достать его донесений русскому правительству, изданных в 1795 г. в Берлине, то надо попытаться приобрести хоть один экземпляр путем объявлений в «*Buchhändler-Börsenblatt*». Как мало нового внесли его последователи! Все те же приемы, все та же манера по отношению

к каждой стране. Впрочем, для этого и нужна была именно объективность лифляндца, у которого нет абсолютно никакого национального чувства, а имеются, самое большее, местные и частные интересы. Русский бы никогда не мог проделать всех этих историй.

Очень мила также история с переворотом Екатерины II, совершенным против Петра III. На этом опыте Бустрапа больше всего научился и взял себе за образец русскую низость в самых ее мельчайших деталях. Курьезно, как подобная дрянь всегда повторяется до мелочей.

Портвейну у меня сейчас нет и *on the spur of the moment*⁴ не предвидится. Впрочем, я еще поищу, а сейчас я отправляюсь в погреб за рейнским и бордо (первое — для здоровых, второе — для больных). Посему заканчиваю письмо, прилагая еще несколько марок для Туссеньки.

Твой Ф. Э.

Многие марки в двух экземплярах. Дублеты идут здесь на обмен. Итальянскими, швейцарскими, норвежскими и некоторыми немецкими марками могу служить в большом количестве.

¹ Впрочем. ² блеском. ³ в зародыше. ⁴ в ближайшее время.

831.

[Энгельс — Марксу]

20 мая 1863 г.

Moro viejo, Moro viejo,
El de la vellida barba.¹

Что с тобою приключилось, что ты ничего не пишешь ни о себе, ни о твоих делишках, ни о *rebus gestis*?² Болен ли ты или застрял в дебрях своей экономии? Или ты назначил Туссеньку своим секретарем для писания писем? *Oh how?*³

Что ты скажешь по поводу наших славных берлинцев, которые пришли к заключению, что еще неизвестно, имеет ли президент право призывать к порядку министра, заявляющего, что вся палата знает его насквозь. Еще ни один парламент не держался так упорно и столь не во время за принцип, что буржуазная оппозиция в своей борьбе против абсолютизма и юнкерской камарильи обязана получать пинки. Это все те же старые наши друзья 1848 г. А ведь сейчас совсем иные времена.

Лассалевские истории и скандал, вызванный ими в Германии,

начинают становиться неприятными. Уж действительно пора, чтобы ты закончил свою книгу, хотя бы для одного того, чтобы у нас появились популяризаторы иного рода. Вообще говоря, это недурно, что таким путем создается почва для антибуржуазных вещей; жалко лишь, что Итциг создает себе при этом положение. Впрочем, этому мы никак не можем помешать, как не можем помешать и Карлу Блинду становиться в героические воинственные позы против баденского герцога.

С каким трудом прокладывают себе дорогу новые научные открытия даже в совершенно неполитических областях, об этом лучше всего свидетельствует книга Ляйэлла «Antiquity of Man». ⁴ Еще в 1834 г. Шмерлинг нашел в Люттихе ископаемый череп из Энгиса и показал его Ляйэлли; тогда же он написал и свою толстую книгу. И несмотря на это до настоящего времени ни один человек не счел достойным труда хотя бы серьезно исследовать это дело. Точно так же Буше-де-Перт еще в 1842 г. нашел в Аббевиле каменные орудия соммского бассейна и правильно установил их геологический возраст; но лишь в конце пятидесятих годов его идеи нашли себе признание. Такие ничтожества являются блюстителем науки.

У Лупуса опять были сильные припадки подагры, но он уже оправился.

Я много занимаюсь сербским языком, в частности песнями, собранными Вуком Стеф. Караджичем. Он дается мне легче всех других славянских языков.

Прилагаю снова несколько марок. По этой части в конторе сейчас происходит большое воровство.

Твой Ф. Э.

¹ «Старый Мавр, старый Мавр с пушистой бородой» [испанская песенка].
² делах. ³ Или еще что? ⁴ «Древность человека».

832.

Британский музей, 29 мая 1863 г.

Дорогой Фредерик!

Ты поймешь *at once* ¹ мое долгое молчание, если представишь себе наглядно опухшую печень *with all its appurtenances*. ² За последние 12 недель мне пришлось из-за этой *nonsense* ³ перенести больше страданий, чем когда-либо раньше. И ты не поверишь, как сильно это действует на дух человека: эта дрянь в голове и паралич во всех членах. В частности, нельзя ни за что приняться, даже за писание писем. За последние две недели положение снова стало

сносным. Эта история сделала для меня настолько невозможным всякое писание, что я, несмотря на многочисленные попытки, *никак не мог изготовить* польской штуки; впрочем, сейчас мне только приятно, что так вышло, ибо иначе я отрезал бы себе возможность поехать в Пруссию, не принеся непосредственно никакою пользы.

Конечно, я за это время отнюдь не бездельничал, но я не мог работать. Я занимался тем, что старался заполнить свои пробелы (дипломатические, исторические) в русско-польско-прусской истории, а также и тем, что читал и делал выписки по истории литературы политической экономии в связи с написанной уже частью моей работы. Это я делал в Британском музее. А теперь, когда я снова сравнительно работоспособен, я хочу сбросить с себя, наконец, обузу и переписать политическую экономию *начисто* для печати (а также и отделать ее окончательно). Если бы я мог теперь уединиться, дело пошло бы у меня очень быстро. At all events,⁴ я рукопись в Германию отвезу сам.

Женничка не совсем здорова. Вот уже недели две как к ней привязался неприятный кашель.

Что касается Итцига, то он, — как мне по секрету сообщил Фрейлиграт (он показал мне и письмо Итцига), — попросил Фрейлиграта написать *стихотворение* в честь «нового» движения, сиречь воспеть Итцига. Но Фрейлиграт на это не пошел. В письме он между прочим пишет: «Сотни газет равносят ежедневно мое имя в отдаленнейшие уголки Германии». *«Мои пролетарии!»* и т. д. Так как Фрейлиграт его не воспел, то он нашел себе другого поэта. Вот образец:

Сюда, немецкий пролетариат,
Сюда! Привыв не оставляй бесплодным:
Ведь ты стоишь пред мужем благородным,
Который путь тебе расчистить рад.
Он не сидит в парламентском собраньи,
Чуждается крикливых излияний;
Дитя народа, Фердинанд Лассаль
Кует слова, могучие, как сталь.

«Довольно вы других обогащали,
За них обильно проливая пот,
Довольно роскошью их окружали,
А сами изнывали от забот!
Пусть впредь не илдеваются над вами:
Плоды трудов должны вкушать вы сами!»
Так говорит вам Фердинанд Лассаль,
И клич его ко всем несется в даль.

Macte puer⁵. Разве это не хорошо для клопов?

Мой наилучший привет Лупусу! Ты не воздавай мне равное равным, а напиши поскорее.

Привет.

Твой *К. М.*

¹ сразу. ² со всем, что с этим связано. ³ бессмыслицы. ⁴ Во всяком случае. ⁵ Хвала тебе, юноша.

833.

10 июня 1863 г.

Дорогой Энгельс!

В будущий понедельник (15 июня) истекает срок моему векселю (butcher'у¹) на 6 фунтов. Если ты пришлешь мне к сроку эти деньги, то я тебе их смогу вернуть, как только будет закончена операция с Дронке.

Привет.

Твой *К. М.*

Что ты скажешь по поводу La France², а? И Польши? И наших «храбрых земляков» в Берлине?

¹ мяснику. ² Франции.

834.

11 июня 1863 г.

Дорогой Мавр!

Прилагаю 5 ф. R/X 46 271, 31 Jan. 1862, Manchester, и 5 ф. S/R 92 394, 14 Oct. 1862, London, при помощи которых тебе, надеюсь, удастся утихомирить мясника. Так как я не сам сдаю это письмо на почту, то ты будь уж любезен подтвердить получение.

Твое продолжительное молчание меня очень тревожило, затем я слышал, что ты был болен. Теперь, надеюсь, это уже прошло? Что с кашлем Женнички?

Дела в Польше идут, повидимому, в последнее время уже не так хорошо. Движение в Литве и в Малороссии, очевидно, развивается слабовато, да и в самой Польше повстанцы не двигаются вперед. Вожди все погибают или попадают в плен и расстреливаются, что доказывает, повидимому, что им приходится самим сильно выдвигаться вперед для того, чтобы увлечь за собой своих людей. В качественном отношении повстанцы теперь уже не то, чем они были в марте и апреле: все лучшие люди уже погибли. Но поляки не поддаются никакому расчету, и дело может повернуться хорошо, хотя шансов теперь меньше. Если они еще продержатся некоторое время, то они все же могут попасть в общеевропейское движение,

которое их спасет. Зато, если дело не выгорит, то Польше лет на 10 капут; подобное восстание истощает боеспособное население на многие годы.

Европейское же движение кажется мне очень вероятным, ибо обыватель снова отделался от своего страха перед коммунистами и, в случае необходимости, готов пойти вместе с ними. Это доказывают французские выборы, равно как и прусские события со времени последних выборов. Но что движение начнется во Франции, в это я не верю. Выборы в Париже все же дали *слишком* буржуазные результаты; везде, где рабочие выставляли своих специальных кандидатов, они неизменно проваливались и не имели даже силы заставить буржуа голосовать хоть за радикалов. А кроме того Бонапарт знает метод, при помощи которого можно держать большие города в повиновении.

В Пруссии они продолжали бы болтать и дальше, если бы бра-вый Бисмарк им не помешал. Как бы там дело ни пошло дальше, периоду мирного конституционного развития приходит конец, и филистеры должны готовиться к драке. Это одно уже много значит. Как низко я ни ценю храбрость наших старых друзей, демократов, мне все же кажется, что здесь накопилось больше всего горячего материала, и так как вряд ли можно предполагать, что Гогенцоллерны не впутаются, в области *foreign policy*,¹ в самые idiotские истории, то очень легко может случиться, что войска, наполовину занятые на польской границе, наполовину рассеянные по Рейну, обнажат Берлин, и тогда произойдет взрыв. Достаточно скверно будет для Германии и Европы, если Берлин окажется во главе движения. Что меня больше всего удивляет, так это то, что в Великороссии не начинается крестьянское движение. Повидимому, польское восстание имело в этом смысле определенно неблагоприятное влияние.

В Америке происходят хорошие дела. Fighting Joe² поворно осрамился, несмотря на все свое бахвальство. Розекранс спит, и только один Грант оперирует хорошо. Его движение на Вискбург с юго-запада на северо-восток, способ, которым он отрезал армию, шедшую на выручку, и отбросил ее назад, затем его быстрое продвижение к Вискбургу и даже его безрезультатные энергичные атаки — очень хороши. В возможность своевременно собрать силы, достаточные для смены, я не верю. С другой стороны, мы так часто видели, как американские генералы недели две оперируют прекрасно, а затем вдруг начинают делать величайшие глупости, что совершенно ничего нельзя сказать об их будущих маневрах.

Стихотворение Лассалья (*genitivus objectivus*³) мне известно по

брошюре, присланной Зибелем. Очевидно, эта брошюра имеется и у тебя. Очень весело. Наш парень прямо работает теперь на Бисмарка, и в один прекрасный день может случиться, — если он Бисмарку надоест, — что он окажется в прусской тюрьме и сведет знакомство с прусскими законами, которые он, повидимому, все время смешивает с Code⁴. Впрочем, после его выступления in Vogtibus⁵ выходит очень мило, что он выступает под эгидой не только «Аугсбургской», но и «Kreuzzeitung».

Читаю сейчас Клингляка, который все больше убеждает меня, что у каждого англичанина в каком-то месте мозга заколочена доска, где все кончается.

Твой Ф. Э.

¹ внешней политики. ² Джо-борец. ³ родительный падеж, указывающий на объект [т. е. стихотворение о Лассале]. ⁴ Кодексом Наполеона I. ⁵ в деле Фогта.

835.

Британский музей, 12 июня 1863 г.

Дорогой Энгельс!

Подтверждаю с благодарностью получение 10 фунтов. Так как я не был уверен, что ты сможешь прислать деньги к *понедельнику*, и так как, с другой стороны, у меня в доме страшно бояться векселей, то я одновременно написал и Дронке.

Женничка снова стала кашлять вот уже четыре недели. Послал ее сегодня к д-ру Аллену.

Я сам также еще не вполне оправился, но главная болезнь уже прошла. Я in the meantime¹ пытался *серой*, что должно весьма обрадовать Фогта.

Итциг прислал мне (вероятно, также и тебе) свою речь на суде о *косвенных налогах*. Отдельные места хороши, но все в целом написано, прежде всего, невыносимо навойлливо, болтливо и с самыми смешными претензиями на ученость и важность. А кроме того это essentiellement² маэня «ученика», который изво всех сил торопится прокричать о себе как о «глубоко-ученом» человеке и самостоятельном исследователе. Его работа поэтому так и кипит историческими и теоретическими blunders.³ Вот, напр. (на тот случай, если ты сам не читал): желая импонировать суду и публике, он пытается дать нечто вроде ретроспективного исторического обзора возражений против косвенных налогов и при этом цитирует вкривь и вкось во всех направлениях, переходя от Буагильбера и Вобана к Боену etc. Тут-то и сказывается ученик. Он оставляет в стороне *физиократов*, ибо, очевидно, не знает, что все, что написано по

этому поводу у Ад. Смита etc., списано у них и что они вообще в этом «question»⁴ являются главными персонами. Столь же ученическим является его представление о том, что «косвенные налоги» являются «буржуазными налогами»; они были таковыми в средние века, но не теперь, по крайней мере не там, где буржуазия развита. Более подробные сведения об этом он может получить у господина Р. Гладстон и К⁰ в Ливерпуле. Осел этот, очевидно, не знает, что борьба против «косвенных» налогов является лозунгом английских и американских друзей «Шульце-Делича» и К⁰, а следовательно, не может служить лозунгом *против них*, т. е. против freetraders.⁵ И уже совершенно *ученическим* является применение одного положения Рикардо к прусскому земельному налогу [Grundsteuer] (т. е. в корне неверно [grundfalsch]).

Как трогательно то место, где он преподносит суду, в качестве «своих» открытий, добытых из глубочайших недр «науки и истины» путем ужасной работы в «бессонные ночи», следующие истины:

что в средние века господствовало «землевладение»,

в новое время — «капитал», а сейчас —

«*принцип рабочего сословия*», «*труд*», или «*нравственный принцип труда*».

И в тот же самый день, в который он сообщил о своем открытии ремесленникам, обер-правительственный советник Энгель, — не зная ничего о Лассале, — заявил то же самое более чистой публике в Певческой академии. Лассаль и Энгель письменно поздравили друг друга по поводу своих «одновременных» научных открытий.

«Рабочее *сословие*» и «нравственный принцип» действительно являются достижениями Итцига и правительственного советника.

С самого начала этого года никак не могу решиться написать этому человеку.

Начать критиковать его вещи — значит попрежнему терять время; и кроме того он немедленно присвоит себе каждое слово в качестве своего собственного «открытия». Попытаться ткнуть его носом в его плагиаты — смешно, ибо я вовсе не хочу отнимать у него наше в той форме, в которую он их переделал. А примириться с его хвастовством и *бестактностями* тоже нельзя. Он бы это немедленно использовал.

Поэтому не остается иного исхода, как обождать, пока не разразится его гнев. Если это случится, тогда я придержусь к тому, что он (подобно Энгелю) постоянно заявляет, что это не «коммунизм».

И я ему тогда отвечу, что если мне уж придется заняться его книгами, то эти неоднократные заявления заставят меня:

- 1) Показать публике, как и что именно у него списано у нас.
- 2) Как и в чем именно мы отличаемся от него.

И я ему объясню, что, не желая ни в чем поступиться по части «коммунизма», но и не желая обидеть его, я счел за лучшее совершенно его игнорировать.

Впрочем, парень этот подымает шум из одного лишь тщеславия. В течение 1859 г. он целиком принадлежал к прусской либеральной буржуазной партии. Теперь он, очевидно, считает более удобным для себя под auspices of government⁶ нападать на «буржуа», чем на «русских». Ругать австрийцев и обожать Италию было издавна такую же специальностью берлинцев, как и помалкивать насчет русских; наш храбрый юноша это и делает.

Привет.

Твой К. М.

¹ ва это время. ² по существу. ³ ошибками. ⁴ «вопросе». ⁵ фритредеров ⁶ надзором правительства.

836.

22 июня 1863 г.

Дорогой Энгельс!

«Малыш» [Дронке] пишет мне сегодня из Ливерпуля, что история с деньгами должна быть закончена, т. е. окончательно решена, *теперь же*, ибо он должен будет сделать это *лично*, а может случиться, что ему по делам в любой день придется уехать. Можешь мне поверить, что меня крайне тяготит мысль, что тебе из-за меня придется взять на себя *any obligation whatever*¹ по отношению к Малышу. *Mais que faire?*²

Я все время провожу в Британском музее, и так будет продолжаться до конца этого месяца, ибо я хочу, по возможности, избежать всяких домашних историй, вызываемых «pressure from without».³ Это мне нужно хотя бы уже из-за одной «печонки». Как только наступит спокойствие, я возьмусь за переписку начисто моей проклятой книжищи, которую хочу сам отвезти в Германию, и там сбыть. Когда это будет сделано, только тогда наступит время для того, чтобы снестись с Парижем и Лондоном насчет французского перевода или английской переработки. Ибо уже одного Итцига достаточно для того, чтобы не оставлять наш светильник под спудом.

Привет.

Твой К. М.

¹ некоторые обязательства. ² Но что же делать? ³ «давлением извне».

837.

24 июня 1863 г.

Дорогой Мавр!

Не имею ни малейшего представления, чего этот маленький busybody¹ в сущности хочет, почему он мне не пишет, как он теперь думает устроить это дело? Мне он написал в свое время, что *если я ему не отвечу*, то он выпишет вексель на меня, согласно условию. Так как у меня что условлено, то условлено, то я и не считал нужным за две недели до срока давать еще особые письменные заверения, что я выполню то, к чему обязался устно и письменно. Что же касается его письма к тебе, в котором он выдвигает совершенно иные мотивы, то я ему теперь написал все, что нужно. Мой акцепт будет на 250 фунтов. Смотри, чтобы он тебе прислал всю сумму, ибо он обязался взять на себя проценты и все издержки.

Кингләка прочитал. Никогда не видал ничего более поверхностного (несмотря на отчасти очень хороший, хотя и неполный материал), глупого и невежественного, чем описание битвы при Альме. Только la part des Français² изображено хорошо и верно, по крайней мере в общем. Но многое весьма комично для военного читателя.

В Польше дела плохи. Великий эффект польского правительства, массовое восстание в июне, разбился, очевидно, о недостаток оружия, и если не наступит каких-либо внешних осложнений, то постепенный упадок теперь неизбежен.

Твоя политика по отношению к Итцигу совершенно правильна. Чем поможет благодушное отношение к парню, который в решительный момент или будет вынужден обстоятельствами итти с нами, или же станет нашим открытым врагом. Давать этому дураку интеллектуально эксплуатировать себя в течение ряда лет и в благодарность за это получить обязательство заступаться за все его глупости, — это уж, действительно, слишком.

Меня зовут.

Твой Ф. Э.

¹ хлопотун. ² участие французов.

838.

6 июля 1863 г.

Дорогой Энгельс!

Прежде всего большое спасибо за 250 фунтов. Дронке прислал мне месяца четыре тому назад 50 фунтов, а сегодня 200.

Женничка все еще не в порядке. Капель еще не прошел, и она стала слишком «легкой». Я пошлю ее вместе с другими на ку-

панье, как только она закончит школьный год. Хотя я и питаю большое доверие к Аллену, но мне все же было бы очень приятно, если бы *Гумперт*, который, наверное, ведь поедет на каникулы на континент, осмотрел бы ее и сообщил бы свое мнение. Должен тебе открыто сознаться, что я очень опасаясь за этого ребенка. Такое заметное исхудание в этом возрасте внушает мне опасение.

Пальмерстон plays his old tricks¹ в польском вопросе. Ноты, доставленные русским, были в оригинале пересланы из Петербурга в Лондон. *Хеннесси* Пальмерстон *перекупил* у Уркарта, дав этому прландскому негодяю доходное место (синекуру) на одной из англо-французских железных дорог во Франции. *Продажность* здешних politicians² отодвигает на задний план все, что делается по этой части на континенте. Ни мы, ни французы не имеем и понятия об этом абсолютном безстыдстве. Что касается «count Zamoyski»,³ то я уже много раз говорил уркартистам, что он в 1830—1831 гг. предал поляков, направив нетронутый корпус не *против России*, а *через австрийскую границу*. А теперь и у них, наконец, зародились против него подозрения из-за его непрерывных личных пашней с Памом.

Экспедиция южан против Севера была, по моему мнению, навязана Ли криком Richmond papers⁴ и их supporters.⁵ Я рассматриваю это как soup de désespoir.⁶ Впрочем, эта война затягивается, и это с *европейской* точки зрения очень желательно.

Итциг прислал мне свою новую брошюру, свою речь во Франкфурте-на-Майне. Так как я теперь ex officio⁷ по 10 часов в день занимаюсь экономией, то от меня нельзя требовать, чтобы я свои немногие свободные часы убивал на чтение его ученических упражнений. Поэтому я до поры до времени отложил это ad acta.⁸ В свободное же время я занимаюсь дифференциальным и интегральным исчислением.

Кстати! У меня избыток книг по этому вопросу, и я готов послать тебе одну из них, если ты хочешь этим делом заняться. Я считаю это почти необходимым для твоих военных занятий. А кроме того это гораздо более легкая часть математики (поскольку речь идет о чисто технической стороне), нежели, напр., высшие отделы алгебры. Предварительных знаний, кроме обычных алгебраических и тригонометрических вещей, никаких не требуется, но необходимо общее знакомство с коническими сечениями.

Напиши мне более или менее мотивированный отзыв о прилагаемой брошюре «герцога Руссильонского», которого ты, наверное, помнишь под именем «Пи». Он каждый день пишет мне, прося моего «суждения».

Прилагаемую «Tableau économique», которую я ставлю на место таблицы Кенэ, ты будь добр рассмотреть повнимательнее, если ты сможешь сделать это в такую жару, и сообщить мне свои замечания. Она обнимает весь процесс воспроизводства.

Как тебе известно, А. Смит образует «natural» или «necessary price»⁹ из *salair*,¹⁰ прибыли (процента) и ренты, т. е. сводит ее целиком к *доходу*. Эту бессмыслицу перенял и Рикардо, хотя он и исключает из перечня ренту как нечто случайное. Почти все экономисты переняли это у Смита, а те, которые оспаривают это, выпадают в другое идиотство.

Сам Смит чувствует нелепость того, что *весь совокупный общественный продукт* рассматривается просто как *доход* (могущий быть потребленным каждый год), в то время как для *каждой отдельной отрасли производства* цена разлагается на *капитал* (сырье, машины etc.) и *доход* (заработная плата, прибыль, рента). Исходя из этого, пришлось бы принять, что общество каждый год начинает работать *de novo*,¹¹ *без капитала*.

Что же касается моей таблицы, фигурирующей в одной из последних глав моей книги в форме *сводной схемы*, то для ее лучшего понимания надо заметить следующее.

1) Числа безразличны, обозначают миллионы.

2) Под средствами потребления надо понимать *все*, что ежегодно входит в *фонд потребления* (или могло бы войти в этот фонд *без накопления*, исключенного из данной таблицы).

В классе I (средства потребления) *совокупный продукт* (700) состоит из *средств потребления*, которые, следовательно, по самой своей природе *не* входят в *постоянный капитал* (сырье, машины, здания и т. д.). Точно так же в классе II *совокупный продукт* состоит из товаров, образующих *постоянный капитал*, т. е. вновь входящих в процесс воспроизводства в виде сырья и машин.

3) *Восходящие линии* начерчены *пунктиром*, *нисходящие* — *непрерывной чертой*.

4) *Постоянный капитал*, это — та часть капитала, которая состоит из сырья и машин; *переменный капитал* — который обменивается на труд.

5) В сельском хозяйстве, напр., и т. д. одна часть какого-либо продукта (напр., пшеница) образует средства потребления, в то время как его другая часть (пшеница, напр.) в своем естественном виде (как семена, напр.) вновь входит в процесс воспроизводства в качестве сырого материала. Но это ничего не меняет в существе дела. Ибо подобные отрасли производства фигурируют в силу од-

ного свойства в классе I, а в силу другого свойства — в классе II.

б) Суть всей истории в следующем:

Категория I. Средства потребления. Рабочий материал и машины (т. е. та их часть, которая входит в годичный продукт в форме *dechet*;¹² не потребленная часть машин etc. вообще не фигурирует в таблице) равны, напр., 400 ф. Переменный обмениваемый на труд капитал = 100, воспроизводится как 300, из которых 100 возмещают в продукте заработную плату, а 200 представляют собою прибавочную стоимость (*неоплаченный прибавочный труд*). Продукт = 700, из которых 400 представляют собою стоимость постоянного капитала, перешедшего, однако, целиком в продукт и долженствующего поэтому быть возмещенным.

При этом соотношении переменного капитала и прибавочной стоимости принимается, что рабочий одну треть дня работает на себя, а две трети — на *his natural superiors*¹³.

100 (переменный капитал) выплачивается, как это указывает пунктирная линия, в деньгах, как заработная плата; на эти 100 рабочий покупает для себя (как показано нисходящей линией) *продукт* этого класса, т. е. средств потребления на 100. Таким образом, деньги притекают обратно к капиталистам класса I.

Прибавочная стоимость 200 в своей общей форме = прибыли, которая, однако, распадается на *промышленную прибыль* (включая и *торговую*), затем на *проценты*, которые промышленный капиталист выплачивает в денежной форме, и на *ренду*, которую он также уплачивает деньгами. Все эти деньги, уплаченные в виде промышленной прибыли, процентов, ренты, возвращаются обратно (как показано нисходящей линией) благодаря тому, что на них покупается продукт класса I. Следовательно, все деньги, истраченные промышленным капиталистом в среде класса I, возвращаются к нему обратно благодаря тому, что 300 из всего продукта 700 потребляются рабочими, *entrepreneurs, monied men and landlords*.¹⁴ Таким образом, в классе I образуется *избыток* продукта (в форме средств потребления) в 400 и *недостаток* постоянного капитала в 400.

Категория II. Машины и сырье.

Так как *весь продукт этой категории*, — не только та часть продукта, которая возмещает постоянный капитал, но и та, которая представляет собою эквивалент заработной платы и прибавочной стоимости, — состоит из *сырья и машин*, то доход этой категории может быть реализован не в своем собственном продукте, а лишь в продукте I категории. Но если, как я поступаю в данном случае, оставить в стороне накопление, то категория I может купить у

категории II лишь столько продуктов, сколько ей нужно для возмещения своего затраченного постоянного капитала, между тем как категория II может реализовать в продуктах категории I лишь ту часть своих продуктов, которая представляет собою заработную плату и прибавочную стоимость (доход). Таким образом рабочие категории II реализуют свои деньги = $133\frac{1}{3}$ в продукте категории II. То же самое имеет место и по отношению к прибавочной стоимости категории II, которая, как и в случае первом, распадается на промышленную прибыль, проценты и ренту. Таким образом к промышленным капиталистам категории I переходит от категории II 400 в форме денег, и она за это отпускает последней свой остаток продукта = 400.

На эти 400 денег класс I покупает у класса II все нужное для возмещения своего постоянного капитала = 400, и таким образом к этому классу II вновь возвращаются все деньги, истраченные на заработную плату и потребление (самого промышленного капиталиста, *monied men and landlords*¹⁵). Поэтому у категории II от ее совокупного продукта остается $533\frac{1}{3}$, посредством чего она возмещает свой собственный израсходованный постоянный капитал.

Движение, как внутри категории I, так и между категориями I и II, показывает в то же время, каким путем в руки соответствующих промышленных капиталистов обеих категорий возвращаются обратно деньги, которые они снова могут употребить на заработную плату, проценты и земельную ренту.

Категория III представляет собою процесс воспроизводства в целом.

Совокупный продукт категории II фигурирует здесь в качестве постоянного капитала всего общества, а совокупный продукт категории I — в качестве той части продуктов, которая возмещает переменный капитал (фонд заработной платы) и доходы классов, делящих между собою прибавочную стоимость.

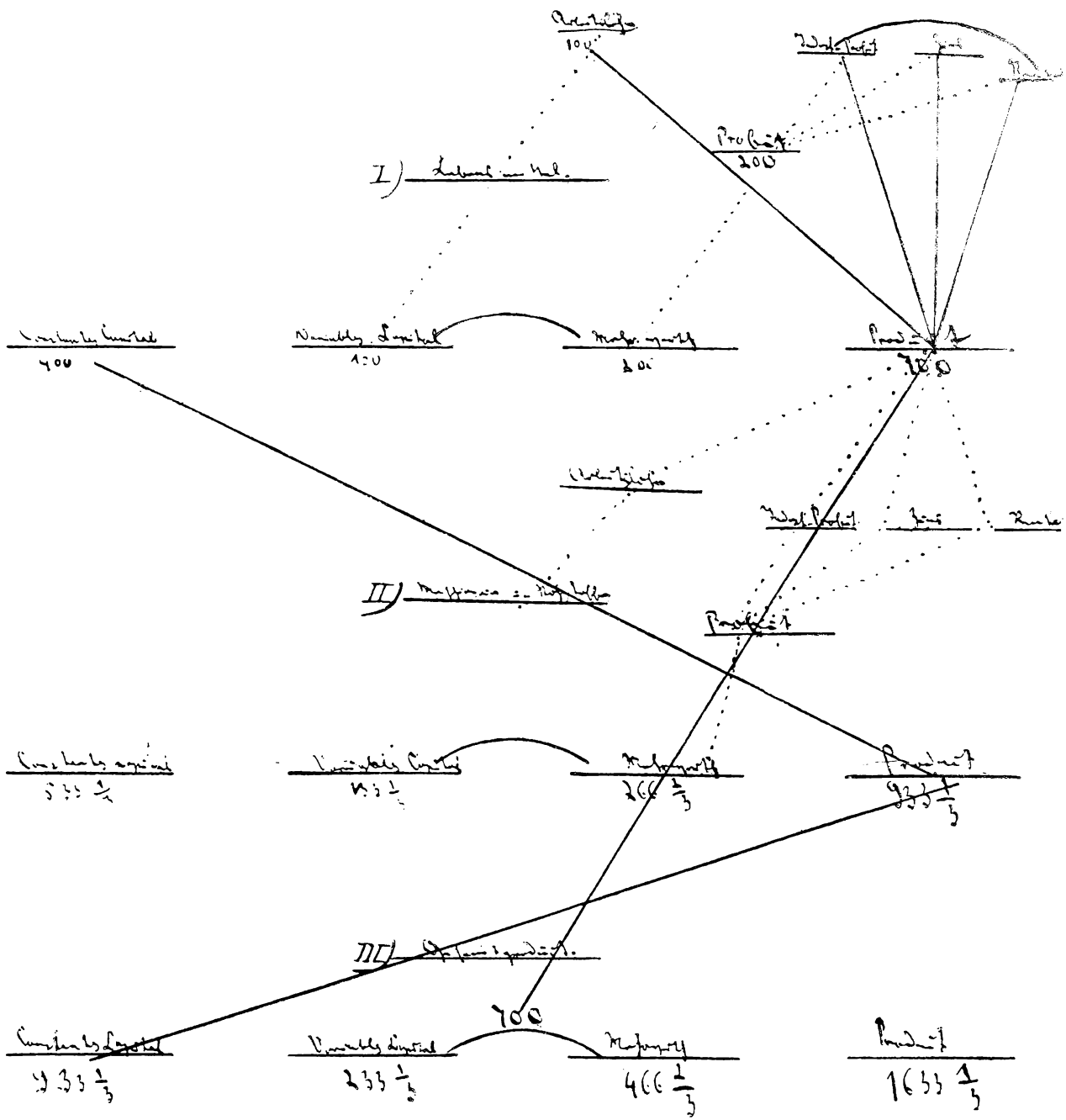
Под этой таблицей я поместил таблицу Кенэ, которую я в *some words*¹⁶ поясню в следующем письме.

Привет.

Твой К. М.

Кстати! Эдгар Бауэр получил место — в прусском департаменте печати.

¹ ведет свою старую игру. ² политиков. ³ графа Замойского. ⁴ ричмондских газет. ⁵ прихвостней. ⁶ акт отчаяния. ⁷ по долгу службы. ⁸ в сторону. ⁹ естественную [или] необходимую цену. ¹⁰ заработной платы. ¹¹ наново. ¹² снашивания. ¹³ свое естественное начальство. ¹⁴ предпринимателями, денежными людьми и землевладельцами. ¹⁵ денежных людей и землевладельцев. ¹⁶ немногих словах.

Gesamtwertung
 1000 Millionen
 1) 1 Million
 2) 1 Million
 3) 1 Million
 4) 1 Million
 5) 1 Million
 6) 1 Million
 7) 1 Million
 8) 1 Million
 9) 1 Million
 10) 1 Million
 11) 1 Million
 12) 1 Million
 13) 1 Million
 14) 1 Million
 15) 1 Million
 16) 1 Million
 17) 1 Million
 18) 1 Million
 19) 1 Million
 20) 1 Million
 21) 1 Million
 22) 1 Million
 23) 1 Million
 24) 1 Million
 25) 1 Million
 26) 1 Million
 27) 1 Million
 28) 1 Million
 29) 1 Million
 30) 1 Million
 31) 1 Million
 32) 1 Million
 33) 1 Million
 34) 1 Million
 35) 1 Million
 36) 1 Million
 37) 1 Million
 38) 1 Million
 39) 1 Million
 40) 1 Million
 41) 1 Million
 42) 1 Million
 43) 1 Million
 44) 1 Million
 45) 1 Million
 46) 1 Million
 47) 1 Million
 48) 1 Million
 49) 1 Million
 50) 1 Million
 51) 1 Million
 52) 1 Million
 53) 1 Million
 54) 1 Million
 55) 1 Million
 56) 1 Million
 57) 1 Million
 58) 1 Million
 59) 1 Million
 60) 1 Million
 61) 1 Million
 62) 1 Million
 63) 1 Million
 64) 1 Million
 65) 1 Million
 66) 1 Million
 67) 1 Million
 68) 1 Million
 69) 1 Million
 70) 1 Million
 71) 1 Million
 72) 1 Million
 73) 1 Million
 74) 1 Million
 75) 1 Million
 76) 1 Million
 77) 1 Million
 78) 1 Million
 79) 1 Million
 80) 1 Million
 81) 1 Million
 82) 1 Million
 83) 1 Million
 84) 1 Million
 85) 1 Million
 86) 1 Million
 87) 1 Million
 88) 1 Million
 89) 1 Million
 90) 1 Million
 91) 1 Million
 92) 1 Million
 93) 1 Million
 94) 1 Million
 95) 1 Million
 96) 1 Million
 97) 1 Million
 98) 1 Million
 99) 1 Million
 100) 1 Million

839.

15 августа 1863 г.

Дорогой Фредерик!

Чорт меня поberi, как говаривал Красный [Ф. Вольф], если я вот уже целую неделю не вставал ежедневно с твердым намерением написать тебе. Но как только я входил в рабочую комнату, я успокаивал свою совесть тем, что хотел прибавить всего лишь шесть строк к тому, что написал вчера. Но «в том и проклятье зла, что, множась беспрерывно, порождает одно лишь зло».

Семья моя уехала в прошлую пятницу в Гастингс. Отъезд их запоздал так из-за того, что Ленхен пришлось из-за семейных обстоятельств съездить на две недели в Германию.

За прилагаемыми фотографиями (меня дети заставили сняться) последуют вскоре фотографии Женни и Лауры.

Моя работа (подготовка рукописи к печати) в одном отношении подвигается хорошо. Вещи эти в окончательной обработке принимают, как мне кажется, довольно популярную форму, не считая некоторых неизбежных *D — T* и *T — D*. С другой стороны, несмотря на то, что я работаю по целым дням, дело все же не подвигается так быстро, как этого хочется моему столь долго испытываемому нетерпению. Во всяком случае это будет на 100% понятнее, нежели первая часть. Вообще же, когда я теперь смотрю на всю эту машину и вспоминаю, как мне пришлось решительно все опрокинуть и даже историческую часть обработать на основании частью совершенно не известного дотоле материала, то мне прямо смешно становится глядеть на Итцига, у которого «его» экономия уже в кармане. А между тем, из всего того, что он до сих пор написал, видно, что это — приголовишка, трескуче и болтливо преподносящий миру, — в качестве самоновейших открытий, — истины, которые мы уже 20 лет тому назад — и то вдесятеро лучше — пустили в оборот среди своих *partisans*¹ в качестве ходячей монеты. Тот же Итциг вообще собирает наши партийные экскременты, выделенные нами лет 20 тому назад, на своей фабрике *manure*,² которыми он хочет унавозить мировую историю. Так, напр., он напечатал в «Nordstern» приветственное письмо «Гервега» (который уж, конечно, сохранил свою платоническую приверженность к «принципу труда»). Эта «Nordstern» редактируется промотавшимся Вруном, которого Лассаль перекупил у Блинда. Так, Итциг назначил «Моисея Гесса» своим «наместником в Рейнской провинции» и т. д. И все еще никак не может отказаться от своей идеи — быть воспетым *Фрейлигратом*, хотя последний и не думает об этом. Он опять обратился по этому поводу через своего

лейпцигского «наместника» к Фрейлиграту, указывая ему на добрый пример Г. Гервега. Если бы он знал, как мы с Фрейлигратом смеялись над этим новым покушением!

O Itzig, Itzig! was hast du gedenkt,
Dass du dich an den Hervegh und den Moses Hess gehenkt! ³

Здесь филистеры очень сердиты на «*Times*» за то, что он их так здорово надул с confederate loan.⁴ Этим обывателям следовало бы знать, что «*Times*», как это разоблачил еще Коббет, является не чем иным, как «commercial concern»,⁵ которому наплевать на то, каков balance,⁶ лишь бы balance in its own favour.⁷ Молодцы из «*Times*», как, напр., Дж. Спенс (that man⁸ — как пишет «*Richmond Enquirer*», — whom we have paid in solid gold⁹), получили эти loan scrips¹⁰ частью даром, частью с 50% discount¹¹ с номинальной цены. И они сделали недурной гешефт, взвинтив курс при помощи рекламы до 105.

Я считаю очень важным для Соединенных Штатов, чтобы они прежде всего постарались овладеть оставшимися еще ports¹² (Чарльстон, Мобиль и т. д.); это нужно из-за того столкновения, которое они каждый день могут иметь с Бустрой. Этот царственный «Лазарильо де-Тормес» — карикатура теперь уже не только на своего дядю, но и на самого себя. Ибо suffrage¹³ в Мексике является великолепной карикатурой не только на то suffrage,¹³ которым он сделал французом самого себя, но и на то, при помощи которого он присоединил к Франции Ниццу и Савойю. Для меня не подлежит сомнению, что он на Мексике сломает себе шею, если еще до того не будет повешен.

Польская история совершенно испорчена тем же Бустрой и влиянием, которое получила партия Чарторыйского благодаря его интригам. Полковник Лапинский, который всего несколько дней тому назад возвратился из своих скитаний, начатых совместно с Бакуниным и столь великолепно прекращенных Пальмерстоном у шведского побережья, очень жалуется на то, что комитеты в Варшаве, Лондоне и Париже целиком находятся под бонапартистско-чарторыйским влиянием.

Наше отечество являет крайне жалкий вид. Без побоев извне с этими собаками ничего не поделаешь.

Кстати! Со времени выхода твоей книги об Англии только теперь появился второй «*Children's Employment Commission Report*». ¹⁴ Из него видно, что все мерзости, изгнанные из некоторых отраслей промышленности благодаря factory acts,¹⁵ ныне

с новой силой устремились в еще свободные области! Когда появится весь отчет полностью, из этого может выйти прекрасное дополнение к твоей книге.

Поздравляю Гумперта. Он во всяком случае позаботился о том, чтобы его брак не остался бездетным.

У Борхардта плоть, кажется, сильнее, чем это полагалось бы его священническому званию. Он вызовет ревность всех остальных еврейских женщин.

Вернулся ли Лупус? Если да, то передай ему от меня сердечный привет. Я ничего так сильно не желаю, как иметь тебя здесь денька на два, чтобы мы могли вместе с тобой выпить и поболтать. Мы уже так давно не были вместе.

Привет.

Твой К. М.

«Пи» я уже ответил. А propos! Среди курьезов, которые я нашел в Британском музее, следующий: «*Verum inventum, hoc est munera Germaniae, ab ipso primitus reperta, non ex vino, ut calumniator (некий англичанин) quidam sceptice invehit, sed vi animi et corporis et reliquo orbi communicata etc. Auctore Michaelo Maiero, Francofurti, 1619*». ¹⁶

Изобретения и munera Germaniae суть: «Римское императорское достоинство, порох, книгопечатание, улучшение религии, лекарства, найденные Теофрастом Парацельзом, таинства розенкрейцеров — изобретения в области политики, войны, литературы, теологии, медицины, химии».

¹ сторонников. ² удобрений. ³ О Итциг, Итциг, что ты себе воображал, когда связался с Гервегом и Моисеем Гессом. ⁴ конфедеральным займом. ⁵ коммерческим предприятием. ⁶ баланс. ⁷ баланс был в его пользу. ⁸ этот мужчина. ⁹ которому мы заплатили звонкой монетой. ¹⁰ облигации займа. ¹¹ скидки. ¹² гаванями. ¹³ голосование. ¹⁴ Отчет комиссии о детском труде. ¹⁵ фабричным законам. ¹⁶ «Истинное изобретение, т. е. вклады Германии, впервые найденные ею не благодаря вину, как скептически инсинуирует один клеветник, но благодаря физической и духовной мощи, и переданные ею всему остальному миру». Написал Михаил Майер. Франкфурт, 1619 г.

840.

12 сентября 1863 г.

Дорогой Фредерик!

About ¹ 10 дней тому назад вернулась домой моя семья. Женючка очень хорошо поправилась и перестала кашлять. Она принимает сейчас дома морские ванны, т. е. ванны с морской солью. Я также вот уже about ¹ двух месяцев стал принимать дома каждое

утро ванны и обливаться холодной водой с головы до ног и с тех пор чувствую себя лучше.

Самый интересный человек, с которым я здесь познакомился, это полковник *Лапинский*. Это безусловно самый умный поляк, — и притом *homme d'action*,² — из всех, которых я знаю. Все его симпатии на стороне немцев, хотя он по своим манерам и языку француз. Вместо национальной борьбы он признает лишь борьбу расовую. Он ненавидит всех «восточных людей», к которым он с одинаковой готовностью причисляет русских, турок, греков, армян и т. д. Некоторое время он здесь возился с *Уркартом*, но теперь не только считает его «шарлатаном», но даже — и совершенно напрасно — сомневается в самой его честности.

«Черкесские» князья, которых Уркарт и Лапинский показывали в Англии, были два лакея; Лапинский утверждает, что Уркарта водит за нос Замоийский, который, в свою очередь, является орудием Пальмерстона, следовательно косвенно орудием русского посольства. Хотя-де он сам католик, ему (Лапинскому) в высшей степени подозрительны отношения, существующие между Уркартом и католическими епископами в Англии. Когда нужно было «действовать», — напр., снарядить польский корпус для вторжения на территорию черкесов, — что и Лапинский считает лучшей диверсией, — Уркарт под влиянием Замоийского отказался содействовать этому предприятию. Он вообще только любит «болтать». Он «большой враль», и он (Лапинский) особенно ему не может простить, что он сделал его (Лап.), без предварительного его согласия, соучастником своей лжи. На территории черкесов никто не знает Уркарта, который без знания языка провел там 24 часа. Как пример уркартовской фантазии он мне привел тот факт, что Уркарт хвастал перед ним, будто он (Уркарт) убил чартизм в Англии!

В Варшаве опять произошла чистка национального правительства. Туда проникли в свое время, благодаря интригам Бонапарта-Пальмерстона, сторонники Чарторыйского. Трех из них теперь *закололи*, и это *pro nunc*³ запугало остальных. (Во главе этой партии Чарторыйского стоял Мелинский.) Насколько национальное правительство сильно, видно из того, что сам великий князь Константин принял от него *паспорт* для выезда за границу. Герцен и Бакунин, по словам Лапинского, совершенно *chop fallen*,⁴ ибо русские, если их немного поскрести, все-таки оказываются татарами.

Бакунин превратился в чудовище, а *huge mass of flesh and fat*,⁵ он с трудом может передвигаться. Кроме того, он бешено ревнует свою семнадцатилетнюю польку, которая вышла за него замуж в

Сибири из-за его мученичества. Сейчас он в Швеции и делает там «революцию» вместе с финнами.

Лапинский говорит, что крестьян, эту «насквозь реакционную сволочь», *de prime abord*⁶ пришлось оставить в покое. Но сейчас они уже созрели и, наверное, восстанут поголовно по призыву правительства.

По его словам, без Австрии движение давно уже погибло бы, и если бы Австрия серьезно закрыла свои границы, то все восстание было бы подавлено в три недели. Но Австрия ведет какую-то игру с поляками. Франц-Иосиф поехал во Францию только с отчаяния, зная, что ему грозит русско-сербско-румынско-итальянско-французско-венгерско-прусская бомба, и по той же причине и папа издал свое последнее послание за Польшу.

Лапинский заявил мне, что нет ни малейшего сомнения, что не только у Баниа, но и у Штейна, Тюрра, Клапки и Кошута существует соглашение с Россией.

Его целью в Лондоне является сейчас образование немецкого легиона, хотя бы в 200 человек, который выступил бы против русских в Польше под черно-красно-золотым знаменем, отчасти для того, чтобы «позлить» французов, отчасти же для того, чтобы попытаться хоть в последний раз «привести в чувство» немцев в Германии.

Нехватает только денег. Предпринимаются попытки использовать для этой цели все здешние немецкие фрейны и т. д. Ты лучше всех знаешь, можно ли сделать что-нибудь в этом *line*⁷ в Манчестере. А дело само по себе великолепное.

Привет Лупусу; скажи ему, что я его письмо к Эккариусу отправил.

Твой К. М.

¹ Около. ² человек дела. ³ на время. ⁴ приуныли. ⁵ какую-то огромную гору мяса и жира. ⁶ на первых порах. ⁷ направлении.

841.

24 ноября 1863 г.

Дорогой Мавр!

Так как твоя жена мне ничего не пишет, то я надеюсь, что тебе уже лучше и что ты уже покончил со своими нарывами. Продолжай только пить вино и есть мясо, — это самое главное. В последние дни мне сильно мешали по вечерам в конторе, а это единственное время, когда я могу заниматься частной перепиской. Если бы не это, я бы тебе написал уже давно.

В Германии дела принимают критический оборот. История с

Данией, с одной стороны, некстати, с другой же стороны, она может только ускорить кризис. Смешно только, как вся английская пресса сразу решила, что шлезвиг-гольштинский вопрос необычайно прост и ясен. И это после того, как они же все в течение ряда лет утверждали, что вопрос этот так запутан, что no fellow can understand that,¹ как говорит Дэндрери. Впрочем, уступки английской прессы для нас достаточны. Но каким мастерским ударом со стороны русских был протокол 1852 г.! Пока я читал об этом только в глупой «Free Press», я никак не мог догадаться, в чем тут дело; эти ослы обладают таким даром запутывать решительно все, что превосходят в этом отношении самого Дэндрери. Что Пруссия и Австрия подписали этот протокол, это такая мерзость, которой нет имени, и эти страны должны будут кровью поплатиться за это.

В высокой степени комично и то обстоятельство, что весь вопрос о престолонаследии сводится сейчас к тому, может ли августенбургец быть наследником несмотря на свое морганатическое происхождение.

В Пруссии бисмарковская наглость все же, повидимому, начинает немного сокращаться. Неодобрение, высказанное по поводу злоупотреблений ландратов во время выборов и взятие обратно закона о печати являются серьезными симптомами. *J'espère qu'ils ne reculent que pour mieux sauter.*² Лассаль играет некоторую роль и в прениях о свободе печати. Вагенер имел бестактность (по отношению к своему молчаливому союзнику Лассалю) сослаться на отзыв Лассалья о либеральной прессе для того, чтобы оправдать закон о печати. Оглушительный хохот и несколько плохих острот Вирхова и Гнейста были ему ответом. Лассаль основательно испортил себе свою кампанию, но это, конечно, ему не помешает начать ее сызнова. А ведь этот осел мог бы очень хорошо узнать из «Манифеста», как нужно держать себя в такое время по отношению к буржуазии.

Привет твоей жене и девочкам.

Твой Ф. Э.

¹ ни один человек не в состоянии его понять. ² Надеюсь, что они отступают только для того, чтобы лучше прыгнуть

Дорогой Фредерик!

Два часа тому назад получилась телеграмма, что моя мать умерла. Судьба требовала кого-нибудь из семьи. Я сам стоял у же

одной ногой в гробу. При данных обстоятельствах я все же нужнее старухи.

Из-за наследства мне необходимо съездить в Трир. Очень опасался, что Аллен мне не разрешит ехать, ибо я всего три дня тому назад стал выходить из дому на полчаса в день.

Но Аллен, снабдив меня на дорогу двумя огромными бутылками лекарства, даже нашел для меня полезным проехаться. Рана еще не отгноилась, но у меня на всем пути будет достаточно самаритянок, чтобы класть пластырь на нее.

Прошу тебя поэтому прислать мне с *обратной почтой* столько денег, чтобы я мог *немедленно* выехать.

Привет.

Твой К. М.

843.

3 декабря 1863 г.

Дорогой Мавр!

Прилагаю два пятифунтовых билета, U/0 16 055 и 56, всего на 10 фунтов, помеченных Манчестер, 13 января 1863 г., для твоей поездки в Трир. Надеюсь, что шлезвиг-гольштинский энтузиазм отечественных патриотов не слишком отравит тебе твое пребывание там. Я проштудировал весь этот вопрос и пришел к заключению:

- 1) что вся шлезвиг-гольштинская теория — ерунда;
- 2) что в Гольштинии августенбуржец совершенно прав;
- 3) что относительно Шлезвига трудно сказать, кому принадлежит право наследования, — но если мужская ветвь вообще имеет какие-либо права, то лишь в качестве *ленного вассала Дании*;
- 4) что лондонский протокол безусловно действителен в Дании и безусловно недействителен в Шлезвиге и Гольштинии, ибо там не были опрошены сословия;
- 5) что немецкие права на Шлезвиг ограничиваются только *югом*, который по своей национальности и по своему свободному волеизъявлению является немецким; таким образом, Шлезвиг должен быть разделен;
- 6) что в данное время единственная возможность для Германии освободить герцогства состоит в том, чтобы *начать войну против России за Польшу*. Тогда Луи-Наполеон становится нашим покорным слугой, Швеция сейчас же бросается в наши объятия, а Англия, *hoc est Ram*,¹ парализуется; тогда мы можем безнаказанно забрать у Дании все, что нам угодно.

Them is my sentiments.² У меня есть желание развить его в особой брошюре, если ты найдешь для нее в Германии издателя. Само собою разумеется, что я ее подпишу своим именем. Qu'en dis-tu?³

Лупусу лучше, но он все еще еле ходит. Сердечный привет твоей family.⁴ Ужасно был рад увидеть снова твою когтистую лапу.

Твой Ф. Э.

¹ т. е. Пам [Пальмерстон].² Таков мой взгляд. [Энгельс выражается на языке английских негров.]³ Что ты скажешь?⁴ семья.

844.

4 декабря 1863 г.

Дорогой Фредерик!

Большое спасибо за 10 ф., а также — с запозданием — за портвейн. Он совершил со мной чудеса. Кроме вина мне еще велено было выпивать в день по 1½ кварты крепчайшего лондонского stout.¹ Это может дать прекрасную тему для новеллы. Спереди человек, угощающий his inner man² портвейном, бордоским вином, пивом и грудями мяса. Спереди — кутила. А сзади на горбу outer man,³ распроклятый карбункул. Если бы чорт предложил кому-нибудь заключить с ним договор, обязавшись кормить на убой человека при *таких* обстоятельствах, — то чорт возьми чорта. Вообще же голова моя еще слаба, и колени еще трясутся, но я думаю, что мое путешествие ликвидирует все это. Туссенька сказала по поводу outer man:³ «But it is your own flesh!»⁴ Не могу достаточно похвалиться отношением ко мне д-ра Аллена. Впрочем, в связи с операцией он заявил, что German philosophers⁵ никогда себе не изменяют.

Что касается «омываемого морем», то я в общем и целом согласен с тобой. Само собою разумеется, что весь вопрос о праве наследования имеет только дипломатическое значение. As to Dane-mark,⁶ то я считаю, что лондонский договор для нее не обязателен, поскольку русские военные корабли терроризировали датский рейхстаг во время голосования. Прилагаю при сем уркартовскую чепуху, чепуху Р. Шрамма и, наконец, датский памфлет, который, по крайней мере, интересен в двух пунктах: 1) в отношении тех молодцов, которые первоначально подняли шлезвиг-гольштинское движение; 2) в отношении положения крестьян в Гольштинии.

В сегодняшнем «Times'e» ты под рубрикой «Шлезвиг-Гольштиния» найдешь статью д-ра Тудихума, чрезвычайно характерную для немецких «кропателей истории».

Издателя для тебя в Германии я найду наверное, так что ты сейчас же возмись за работу.

Как только приеду в Трир, напишу тебе несколько слов. Я должен буду также заехать в Голландию, так как мой дядя является моим *monster*⁷-кредитором.

Привет.

Твой К. М.

Не нужно только дразнить датчан. Они должны понять, что у немцев и скандинавов *одни и те же интересы* по отношению к России и что для них лучше всего выделить немецкий элемент.

¹ портера. ² своего внутреннего человека. ³ внешний человек. ⁴ «Но ведь это твоя собственная плоть!» ⁵ немецкие философы. ⁶ Что касается Дании. ⁷ самым грозным.

845.

Зальт Боммель, 22 декабря 1863 г.

Дорогой Энгельс!

Ты видишь по адресу, что я снова в Голландии, куда я вчера благополучно прибыл. В Трире, где оставшиеся после матери моей бумаги и вещи были опечатаны, нельзя было еще их распечатать, ибо не прибыли голландские доверенности, которым приходится проделывать весьма длинный путь по разным инстанциям. Я оставил для трирского суда доверенность на имя моего шурина Конради и отправился сюда, в «главный штаб», ибо мой дядя, во-первых, держит в своих руках самую важную часть состояния, а во-вторых, является душеприказчиком. Но пройдет еще по меньшей мере пять-шесть недель, пока мне выплатят мои деньги. Так как моей жене 10 января 1864 г. предстоит уплатить мяснику по счету (т. е. по *векселю*) 10 ф., то было бы очень хорошо, если бы ты мог об этом позаботиться.

Карбункула постигла судьба всех смертных, но моему горбу пришлось еще очень много перенести от фурункулов, так что я, напр., не мог сомкнуть глаз всю прошлую ночь, а было бы совсем не грешно поспать после путешествия из Франкфурта сюда. Муж моей кузины является здесь единственным врачом и городским лекарем, так что в медицинской помощи недостатка нет.

Во всей Рейнской провинции от Трира до Франкфурта-на-Майне, и оттуда через Гиссен до Кельна, до самой голландской границы только тем и занимаются, что ругают Пруссию. Мало, очень мало шлезвиг-гольштинизма. Последнее склонны считать «прусской штучкой».

Во Франкфурте (где мне нужно было навестить двух старых теток) я пробыл всего лишь один день и потому не мог повидать книгопродавцев. Но я говорил там с одним знакомым, который напишет мне *сюда* (после того как он, по моему поручению, переговорит с книгопродавцем). Если ты пишешь теперь свою брошюру, то надо вставить туда побольше относительно событий, не говоря уже о систематическом скандальном провале прусского правительства, прогрессистов и регулярных, неисправимых с 1815 г. шлеэвиг-гольштинских шарлатанов.

Привет.

Твой К. М.

Напиши мне пару слов. Адрес мой: Charles Marx, care of Mr. Lion Philips, Zalt Bommel Holland.

«Tu n'es pas un Yankee, s'écria le fanatique... Depuis que tu es ici, je t'observe. Dans la figure du Saxon il y a du taureau et du loup; dans la tienne il y a du singe et du chien. Tu as peur de la liberté, tu parles de ce que tu ne sais pas, et tu fais des phrases. Tu es un Français!» (р. 195, 196, «Paris en Amérique». Edouard Laboulay, Paris 1863.)¹

¹ «Ты не янки», — вскричал фанатик... Я наблюдаю тебя с тех пор, как ты здесь. В лице англо-саксонца есть нечто от быка и волка, в твоём же лице есть нечто от обезьяны и собаки. Ты боишься свободы, ты говоришь о том, чего не знаешь, ты говоришь пустые слова. Ты — француз!» (стр. 195, 196, «Париж в Америке». Эдуар Лабуле, Париж, 1863 г.)

846.

Зальт Боммель, 27 декабря 1863 г.

Дорогой Фредерик!

Прошлую среду я писал тебе о вновь появившихся у меня фурункулах и об «отчаянно» проведенной ночи. На следующий день доктор фон-Анрой обнаружил, что рядом с фурункулом образовался также и отвратительный карбункул, как раз под тем местом, где был прежний. С этого момента — независимо уже от неприятного морального впечатления от этого открытия — я до настоящего времени испытываю ужасные боли, особенно по ночам. Мой дядя, великолепный old boy,¹ сам прикладывает мне пластырь и припарки, а моя милая, остроумная кузина, наделенная бедовыми черными глазами, печется обо мне и ухаживает за мной на славу. Тем не менее, при таком положении я охотно поехал бы at home,² но об этом пока нечего и думать при моем физическом состоянии. Доктор

раскрыл мне приятную перспективу, что мне придется возиться с продолжением этой отвратительной болезни еще значительную часть января. Он скажет мне, когда состояние моего здоровья позволит мне собраться в Лондон. Пока что этот второй кошмар на моей спине далеко не так лют, как первый в Лондоне. Ты видишь это уже потому, что я могу писать.

Вот уже два с половиной месяца, как я прекратил курение; думаю, что вряд ли скоро начну снова.

Если хотеть дойти до такого отвращения к политике, чтобы стошнило, то нужно ее принимать ежедневно в форме тех телеграммных пилюль, которые преподносят читателю небольшие голландские газеты.

А между тем предстоит большой спектакль, и для Германии забавно, что он откроется движением в пользу «легитимного» герцога — шумно выраженным пожеланием получить тридцать шестого отца отечества.

Собаки парламентского кретинизма, собравшиеся во Франкфурте-на-Майне, отклонили без дебатов резолюцию, которую внес один немец из Познани и в которой true question³ о взаимоотношениях между Германией и Россией очень разумно изложен.

Мои самые лучшие пожелания к Новому году. Передай их также Лупусу.

Твой К. М.

P. S. Кстати! У моей кузины, как у всех здешних «dametjes»⁴, есть альбом, и я обещал ей помочь в собирании фотографий, между прочим, обещал и твою. Поэтому, если у тебя имеется под рукой фотография, будь добр приложить ее к письму, которое, я надеюсь, ты мне, наконец, напишешь сюда.

P. S. Только я хотел запечатать письмо к тебе, как вошел доктор и без дальних разговоров опять меня оперировал. Это было сделано in no time,⁵ и now things will go on swimmingly.⁶

¹ старик ² домой. ³ подлинный вопрос. ⁴ «дамочек». ⁵ в одно мгновение. ⁶ теперь дело пойдет, как по маслу.

1864 год.

847.

3 января 1864 г.

Дорогой Мавр!

Многочисленные christmas¹-попойки и вызванная ими последующая general unfitness for business² сделали меня совершенно неспособным ответить тебе раньше. К счастью, теперь уже все благополучно миновало.

Твоей жене посылаю условленное. Затем я очень рад, что твой второй карбункул оперирован и что тем самым миновал этот последний кризис. Ты отчаянно похудеешь из-за этой скучной истории.

Шлезвиг-гольштинское дело опять основательно запуталось. Если, как я думаю, дело дойдет весной до войны, то против нас будут Дания, Швеция, Франция и Италия, а возможно, что и Англия. В Венгрии и Польше в полном расцвете плон-плонизм, как уже его начал Кошут. Я вижу при этом лишь два исхода: 1) либо в Берлине начнется революция, как только оттуда уйдут войска, а в Вене соответствующее движение с достаточными уступками Венгрии, а может быть и Польше. Это было бы самым благоприятным исходом, и в этом случае нечего было бы опасаться. Но при существующей путанице это и наименее вероятный исход. Либо же 2) восстановление Священного союза, для которого, как всегда, связующим цементом явится раздел Польши (Россия заинтересована в Польше больше, чем в Дании, и, кроме того, у нее есть шансы к моменту заключения мира держать в своих руках Австрию и Пруссию и иметь таким образом возможность ставить свои собственные условия) — тогда русские сменили бы пруссаков в Берлине и сыграли бы роль полиции; тогда мы были бы выданы с головой, и Бонапарт стал бы главной персоной.

Показная война в Шлезвиге под начальством Врангеля не может долго продолжаться. Во-первых, датские укрепления делают уже первые сражения слишком кровопролитными, а затем Бустрапа слишком нуждается в популярной войне, чтобы не ухватиться за этот

случай. Может ли он желать большего, чем реставрации Священного союза и войны одновременно и из-за Рейна и за Польшу, имея к тому же на своей стороне Англию и Италию и все маленькие государства Европы.

Кстати! Наш бравый Фаухер, который в палате выступает как ярый шлезвиг-гольштейн-зондербург-августенбургец, пишет одновременно в «Manchester Guardian» противонемецкие статьи, пресмыкающиеся перед английскими псами из «Times». Не предпринять ли что-нибудь, чтобы разоблачить этого паршивца?

Если бы эти собаки в прусской палате имели теперь достаточно смелости, они могли бы устроить свое дело в течение шести недель. Ответ «красавца-Вильгельма» свидетельствует о том, как основательно правительство сидит на мели. Никто не даст взаймы, даже бравый фон-дер-Гейдт, и они знают, что *par force*³ они денег не получают.

Только-что за мной зашел Лупус, он тебе сердечно кланяется. Поправляйся же — и с Новым годом!

Твой Ф. Э.

¹ рождественские. ² полная неспособность к деловым занятиям. ³ насильно.

848.

Зальт Боммель, 20 января 1864 г.

Дорогой Фредерик!

Ты видишь, я все еще здесь, и «скажу вам больше»: я действительно *incapable to move about*.¹ Это истинно христианская вероломная болезнь. Когда я получил твое письмо, я сам себя поздравлял с излечением от старых ран, но еще в тот же вечер выскочил большой фурункул над моей левой грудью под шеей и другой — его антипод — на спине. Хотя это и тяжело, но это, по крайней мере, не мешало мне ходить, и я действительно делал прогулки за Рейн (Waal) пешком в сопровождении дяди и кузины. Но несколько дней спустя появился опять карбункул на правой ноге, как раз под тем местом, о котором у Гете говорится: «и если у него нет задней части, как этот благородный муж будет сидеть?» И вот этот-то нарыв оказался самым болезненным и неудобным из всех, которые у меня были до сих пор, и я надеюсь, что он, наконец, закончит собой серию. Пока что я не могу ни ходить, ни стоять, ни сидеть, и даже лежать мне чертовски трудно. Видишь, *mon cher*,² как меня испытывает мудрость природы. Не было бы ли разумнее, если бы эти испытания она ниспослала доброму христианину,

людям типа Сильвио Пеллико? Надо тебе сказать, что, кроме этого карбункула под задней частью, образовался новый фурункул на спине, а тот, что на груди, едва стал залечиваться, так что я, как настоящий Лазарь (иначе Лассаль), поражен сразу со всех сторон.

А ргорос, в связи с Лазарем я вспомнил о ренановской «Жизни Иисуса». В некотором отношении это просто роман, полный пантеистически-мистических видений. Все же эта книга имеет и некоторые преимущества по сравнению с ее немецкими предшественниками, и так как она не толстая, ты должен ее прочесть. Это, естественно, результат немецких работ. Весьма достопримечательно. Здесь в Голландии немецкое критически-богословское направление настолько *à l'ordre du jour*,³ что попы откровенно исповедуют его с амвонов.

Я надеюсь, что шлезвиг-гольштинская история поведет к конфликтам в самой Германии. Насколько Россия знает своих молодчиков, австрийцев и пруссаков, видно из того *cool impudence*⁴, с которым «Петербургская газета» в данный момент публикует Варшавский протокол.

Маленькие немецкие государи считаются с видимостью шлезвиг-гольштинского движения очень серьезно. Они, действительно, думают, что их в Германии все еще слишком мало и что она потому страстно жаждет посадить на трон еще тридцать пятого.

Я пишу тебе лишь несколько строк, да и это я делаю с большим напряжением, так как сидение доставляет мне муки. Но я жду от тебя немедленного ответа. Уже один вид твоего почерка меня *cheers up*⁵.

Не забудь приложить свою фотографию. Я обещал это моей кузине, а как она поверит в нашу дружбу Ореста и Пилада, если я не смогу тебя даже *сотточеге*⁶ прислать фотографию? Адрес прежний.

Привет тебе и Лупусу.

Твой К. М.

¹ не в состоянии двинуться с места. ² мой дорогой. ³ в порядке дня. ⁴ холодного бесстыдства. ⁵ ободряет. ⁶ побудить.

25 февраля 1864 г

Дорогой Фредерик!

Пока что ограничиваюсь этими строками, чтобы известить тебя о своем возвращении. Как только позволит погода, я приеду на два дня в Манчестер для того, чтобы повидаться с тобой лично и дать тебе отчет о своих *affairs*.¹

Я совершенно вылечился, и меня лишь a little ² стесняет последний процесс залечивания в некоторых местах (особенно наверху на ноге). Я не похудел, а, наоборот, потолстел несмотря на болезнь. Правда, курение пришлось совсем бросить.

Настоящей неожиданностью было внезапное появление здесь Пипера. Он привез сюда свою сестру в качестве governess.³ Четыре года подряд он был учителем в Бремене. Последний год «он ел хлеб Национального союза» и ездил даже на средства августенбургца в Италию. Он все такой же скучный болван.

Горячий привет тебе и Лупусу.

[К. М.]

¹ делах. ² немного. ³ гувернантки.

850.

Пятница, [11 марта] 1864 г.

Дорогой Фредерик!

Завтра в 10 часов утра я выезжаю отсюда со станции Euston, буду about 5 p. m. at Manchester¹.

Выждать дальше благоприятной погоды would be foolish.²

Что меня помимо этого задерживало during the two last weeks³, так это — some new and unexpected furuncles breaking through different parts of the body.⁴

Твой Маер.

¹ около пяти часов в Манчестере. ² было бы глупо. ³ в течение последних двух недель. ⁴ несколько новых фурункулов, неожиданно вскочивших на разных частях тела.

851.

1, Modena Villas, Maitland Park, Haverstockhill,
19 апреля 1864 г

Дорогой Фредерик!

Фурункул затянулся about ¹ до прошлой недели; это меня очень «раздражало», и лишь пару дней тому назад я получил опять возможность ввязаться за работу.

Привилегия первого дня апреля быть all fool's day² растянулась на сей раз, по крайней мере в Лондоне, на весь месяц апрель. Гарибальди и Пальмерстон увековечиваются for ever³ на London walls.⁴ Гарибальди у Пама, Кланрикарда и, прославленный английскими полисменами, в Хрустальном дворце! В Англии нет шпионов! Братья Бандьера могли бы об этом кое-что порассказать.

Гарибальди и «Карл Блинд»! Какой талант по части «задания форса» обнаруживает последний, эта вошь с головой, вздутой от водянки! «Мистер Карл Блинд,—сообщает «Атенеум»,— has joined the Shakespeare committee!»⁵ А ведь он не понимает ни бельмеса в Шекспире. Я вынужден был оказать большое сопротивление и, по видимому, целиком потерял уважение Вебера. Дело в том, что Рабочий союз (подстрекаемый Вебером) хотел, чтобы я составил адрес Гарибальди и пошел к нему с депутацией. I refused flatly.⁶

Когда ты сюда приезжаешь? Семья ждет тебя.

Завтра открывается конференция, и у тевтонов спадет с глаз повязка. Коллет просил принять его в четверг и при этом прислал мне целую lot⁷ немецких сочинений о шлезвиг-гольштейн-лауенбургской истории.— Я должен буду поэтому завтра серьезно проштудировать эту неприятную материю, чтобы подготовиться к разговору с этим молодцом, который знает наизусть всю генеалогию etc. Ты, быть может, заметил, что жалкий Дизраэли старается освободить Пальмерстона от труда отвечать на предстоящей конференции на запросы Осборна и Кинглэка о Шлезвиг-Гольштинии. Дизраэли вчера объявил, что он поставит previous question.⁸ Вот уже два-три года, как он при всех serious affairs⁹ (как, напр., в афганистанском деле) вывозит old¹⁰ Пальмерстона из «muddle».¹¹

До чего жалок (т. е. глуп) Гарибальди (впрочем, он наполовину killed¹² в embrace¹³ Джона Булля) — ты можешь судить по следующему факту, of course¹⁴ еще широко не известному:

На тайном конгрессе революционеров в Брюсселе (в сентябре 1863 г.)—с Гарибальди в роли номинального руководителя — было постановлено, чтобы Гарибальди отправился в Лондон, но инкогнито, захватив таким образом город врасплох. Затем он должен был come out¹⁵ в защиту Польши in the strongest possible way.¹⁶ А вместо этого он братается с Памом! Лучше было бы мне быть вошью в овечьей шерсти, чем проявлять такую храбрую глупость, говорит Шекспир в «Троиле и Крессиде».

Сердечный привет Лупусу и Лицци.

Твой К. М.

Женничка все еще кашляет, но, по-моему, она все-таки значительно поправилась. Новый дом ее действительно опять оживил.

¹ почти ² днем всех дураков. ³ навсегда. ⁴ стенах Лондона. ⁵ вступил в шекспировский комитет. ⁶ Я категорически отказался. ⁷ кипу. ⁸ предварительный вопрос. ⁹ серьезных делах. ¹⁰ старого. ¹¹ болота. ¹² погиб. ¹³ объятиях. ¹⁴ конечно. ¹⁵ выступить. ¹⁶ самым решительным образом.

852.

29 апреля 1864 г.

Дорогой Мавр!

Надеюсь, что ты, в конце концов, все же избавился от фурункулов. Лупус также отчаянно страдал от ревматических головных болей, которые у него начались, когда ты еще был здесь; с тех пор эти боли его не оставляли; напротив, они становились все хуже, так что он не спит, как следует, уже несколько недель. Ему опять пришлось несколько дней лежать в постели, а свинья Борхардт ничего не предпринимает против этого и лечит только колхикумом незначительную подагру, которая имеется у Лупуса в пальцах ноги (но *теперь* эта ломота его совсем не беспокоит, между тем как головные боли и бессонница положительно его губят), и даже не дает ему время от времени опиума. Я несколько раз говорил с Лупусом довольно серьезно о Борхардте, но ты знаешь, как мало это помогает. Он считает себя обязанным по отношению к Борхардту, и тут уж ничего не поделаешь. Единственно, что этот шарлатан сделал, это выпустил ему 10 унций крови! — третьего дня. Я сегодня вечером опять пойду к Лупусу и посмотрю, как обстоят дела. У меня тоже три недели тому назад был очень сильный и очень болезненный припадок ревматизма дыхательных мускулов, но Гумперт вылечил его в 24 часа.

Гарибальдиевщина получила достойное завершение. Способ, каким ему дали по шапке, после того как лондонские swells¹ разглядывали его в продолжение целой недели, уж очень хорош, и чисто английский. Для всякого иного человека, кроме Гарибальди, это было бы гибелью, но даже для него это совершенно исключительный позор — послужить для английской аристократии *nine days wonder*² и затем быть выброшенным за дверь. Они обращались с ним как с чистым романтиком. Как мог он только дойти до этого и как мог он иметь глупость видеть в этих Дэндрери английский народ! Как бы там ни было, кто уж теперь не понял совершенно буржуазного характера этого господина, тому уж ничего не выразишь. Ибо почтение к английской прессе, это еще, пожалуй, хуже, чем преклонение пред peelers.³ Но exit,⁴ exit превосходит все.

Наш Бисмарк тоже «светоч». Вот уже поистине: *n'est pas Soulouque qui veut*.⁵ Сперва он подражал Бонапарту в его предостережениях прессе, а теперь он посылает бравого капрала Вильгельма в Шлезвиг, чтобы заставить народ голосовать за присоединение к Пруссии! Этот осел, очевидно, вообразил себе, что Савойи

и Ниццы массами валяются на дороге и что их нужно только подбирать. Впрочем, «Dagblad» очень правильно говорит, что после взятия Дюппеля в прусской реакционной прессе царит такое воодушевление и они чувствуют себя до такой степени победителями, что можно с уверенностью рассчитывать на очень близкое и очень глубокое падение этой банды.

Признаться, немецкая армия меня удивила этим штурмом. Нападение было совершено четырьмя бригадами (24 батальона) против четырех датских бригад (16 батальонов); для такого штурма это отнюдь не является уж таким большим численным перевесом. Правда, датчане были очень пришиблены артиллерийским огнем, но ведь то же — и в еще большей степени — было и с русскими в Севастополе. Но то, что пруссаки в 20 минут взяли первые шесть укреплений и затем в продолжение двух часов, — *nota bene*,⁶ без приказа, так как бравый принц хотел этим удовлетвориться, — взяли весь полуостров, включая предместное укрепление, и причинили 13 000 датчанам потерю в 5 000 человек, — это больше, чем можно было ожидать от них. Как ты, наверное, помнишь, я всегда говорил, что прусское огнестрельное оружие — и ружья, и пушки — самое лучшее на свете, и это теперь подтвердилось. Но зато конференция скоро обнаружит, какими марионетками являются прусские дипломаты. Сдавленные между Россией, Бустропой и Пальмерстоном, отягченные «великой» политикой Бисмарка, они очень скоро получают «удар» по своему высокомерию. И как будет с деньгами? 22 миллиона, взятые из государственной казны, и 6 миллионов от железнодорожного займа, уже растранижены, а что будет дальше?

Нагряну к вам скоро в какую-нибудь пятницу вечером, но прежде, конечно, напишу тебе.

Напиши мне поскорей и кланяйся family.⁷

Твой Ф. Э.

¹ щеголи. ² чудом на девять дней. ³ полицейскими. ⁴ уход. ⁵ «Не всяк Сулук, кто хочет им быть». ⁶ заметь. ⁷ семье.

853.

Воскресенье, 1 мая, 6.50 вечера, 1864 г.

Дорогой Мавр!

Я только-что вернулся от Лупуса, где были Гумперт и Борхардт. Они не сходятся между собой в диагнозе, но пока что это не имеет значения, так как дело сводится к тому, чтобы прежде всего опять вернуть ему силы, и тут Гумперт тотчас же взялся более энергично

за дело. Еще вчера я спрашивал у Борхардта относительно портвейна, но он заявил, что лучше не давать ему портвейна, так как у Лупуса немного кружится голова, и еще сегодня утром он предложил поставить ему шпанскую мушку! А сегодня Лупусу дают через каждые два часа по стакану шампанского, и, кроме того, он получит еще и бранди в beeftea,¹ который дается ему в промежутках. А эта собака Борхардт еще в среду выцедил из него 10 унций крови!! Вообще дело обстоит очень печально, ибо какой бы диагноз ни был правилен, и тот, и другой одинаково скверны. Диагноз Борхардта — менингит, воспаление внутренних кожных покровов головы с тенденцией к выделению эксудата. Гумперт сегодня утром еще не мог поставить диагноза, но ему, кроме вышеупомянутого, приходит в голову еще уремия (проникновение мочи в кровь вследствие перерождения почек) или анемия с местным поражением нервной системы. Так как после консультации ему нужно было сделать еще один визит, я не мог с ним поговорить подробнее; как только я узнаю его мнение, я тебе напишу.

Не смог ли бы ты завтра приехать сюда на пару дней, мне бы очень хотелось этого. Я предвижу, что на этой неделе я буду очень сильно занят, а ведь необходимо, чтобы хоть кто-нибудь из нас обоих видался с врачами (раза два в день) и заботился о выполнении всего, что будет предписано. Да и кроме того мне это вообще было бы очень приятно. Если ты приедешь, телеграфируй мне с вокзала, с которого ты будешь садиться, по адресу 7 Southgate St. Marys, это стоит всего один шиллинг.

Я вынужден был вчера сказать Борхардту, для того, чтобы заставить его устроить консилиум, что ты питаешь к Гумперту такое же доверие, как и я, и что ты никогда не простишь мне, в случае смерти Лупуса, если бы я не привлек Гумперта к консилиуму. Это было ему очень тяжело, но ведь не допустим же мы убийства Лупуса, чтобы угодить тщеславию этого сукина сына.

Твой Ф. Э.

¹ крепкий мясной бульон.

Дорогой Мавр!

Положение Лупуса становится с каждым днем все печальнее. Бессознательное состояние становится все более хроническим. Он еще очень хорошо узнает людей, которые к нему приходят, но вдруг прерывает разговор совершенным *gambling*,¹ и моменты

просветления наступают лишь после сильного приема возбуждательных средств. Но и эти моменты становятся все туманнее и короче. У Гумперта осталось очень мало надежды; его диагноз гласит: размягчение мозга вследствие вызванных гиперэмией мозга упорных головных болей и связанной с этим бессонницы. О борхардтовском менингите больше нет и речи, он согласился с диагнозом Гумперта и вообще делает все, что Гумперт предлагает, но кажется, что у него лишь очень неясное представление о происхождении этих головных болей.

Каждый лишний день, проводимый Лупусом в этом бессознательном состоянии, — если только возбуждающими средствами не удастся привести его в себя, — ухудшает, конечно, его положение, и если ближайшие три-четыре дня не принесут никакого улучшения, то бедняга умрет от слабости или от апоплексического удара, а если он и выживет, то останется *идиотом*. Эта альтернатива — смерть или помешательство — слишком ужасна. Гумперт говорит, конечно, о своем коллеге очень осторожно, но для меня ясно, что Лупуса можно было бы спасти, если бы во-время были приняты меры против его головных болей и, особенно, если бы ему обеспечили *сон*. Но лишь в прошлый четверг, — после пятидневной бессонницы, — Борхардт согласился дать ему немного опиума. А к тому же еще это кровопускание в среду! Он все время продолжал его лечить против подагры и давал ему лишь колхикум и т. п. Лишь наступившая потеря сознания заставила его призадуматься.

Завтра в 9 часов утра опять состоится консилиум, я тоже пойду туда и посмотрю, как он поживает. Борхардт хочет взять к нему сиделку. Ах, если бы только бедняга выкарабкался из беды!

Твой Ф. Э.

¹ бредом.

855.

Понедельник [2 мая], 8.30 вечера [1864 г.]

Дорогой Маркс!

Дело с Лупусом развивается быстро. У него галлюцинации, он постоянно выскакивает из постели и т. д. Нам нехватает человека, который бы бодрствовал при нем и мешал ему причинить себе вред. Тут имеется только один профессиональный «брат милосердия», да и тот занят. Правда, Борхардт мог бы достать служителя из ближайшего дома умалишенных, но, пока не исчезла последняя надежда на выздоровление, он не хочет брать такого рода

людей, чтобы потом не пошли сплетни, которые могли бы навредить Лунусу. Поэтому он спрашивает, нет ли у тебя на примете заслуживающего доверия человека, которого ты мог бы завтра прислать сюда — ему не к чему быть профессиональным больничным служителем, даже лучше, если это будет не профессионал, а просто человек, заслуживающий доверия в том отношении, что он будет исполнять, что ему будет сказано, и не будет спать; пока мы обеспечены лишь до завтра, а *periculum in mora*. S'il s'en trouve,¹ пошли его немедленно к Борхардту, Rusholme Road, Манчестер.

Если же у тебя нет никого, то Борхардт все же просит тебя немедленно завтра утром ему протелеграфировать (стоит один шиллинг), чтобы ему и Гумперту знать, нужно ли искать кого-нибудь здесь.

Я только-что телеграфировал тебе в этом духе, но для понимания телеграммы необходимо это письмо.

Твой Ф. Э.

¹ опасность в промедлении. Если найдется [такой человек].

856.

[Маркс — Энгельсу]

i. Modena villas, Maitlandpark, Haverstockhill.

23 мая 1864 г.

My dear Sir!

I hereby request you and give you full power to act as my representative at, and take all the necessary steps for, the execution of the will of our common friend Wilhelm Wolff.

Karl Marx, Dr. Ph¹.

¹ Сим прошу и уполномочиваю вас принять все необходимые шаги к приведению в исполнение воли нашего общего друга Вильгельма Вольфа, действуя при этом в качестве моего представителя. Карл Маркс, д-р. фил.

857.

Четверг, 26 мая 1864 г.

Дорогой Фредерик!

К своему весьма «приятному» удивлению, я сегодня утром обнаружил у себя на груди два новых почтенных фурункула. (Я уже прошлую ночь не мог спать.) Спроси у Гумперта, что мне делать. Железа я не хочу теперь принимать, так как у меня и без того приливы крови к голове. К Аллену я тоже не хочу обращаться, так как я более всего боюсь начинать сызнова серьезное лечение,

которое теперь помешало бы мне в моих работах, а я ведь должен их когда-нибудь закончить. Вопреки тому, что мне говорили по поводу моего здорового внешнего вида, я все время чувствовал something wrong,¹ и то большое усилие, которое я вынужден был делать над собой при разработке более трудных тем, также, очевидно, вытекало из этого чувства неадекватности. You excuse this spinozistic term.² Посланы ли книги of our poor Lupus³ в Лондон? Меня беспокоит, что они еще не получились, ведь — если я верно понял — твои warehousemen⁴ должны были их выслать еще в четверг (прошлый).

What do you say of Grant's operation?⁵ «Times», of course,⁶ восхищается лишь стратегией Ли, скрывающейся за retreats.⁷ Тусси сегодня утром сказала: «It considers this very canny, I dare say».⁸ Я желаю лишь удачи Бутлеру. Это было бы великолепно, если бы он первым вступил в Ричмонд. Было бы печально, если бы Гранту пришлось отступить, but I think, that fellow knows what he is about.⁹ Во всяком случае первый поход в Кентукки, Висконсин и те удары, которые Брагг получил в Теннесси — являются делом его рук.

При сем записка от Джонса, ты можешь в связи с этим пригласить его for another day.¹⁰

Твой К. М.

Привет тебе от whole family.¹¹

¹ некоторое недомогание. ² Ты прости мне этот спинозистский термин. ³ нашего бедного Лупуса. ⁴ служащие на складе. ⁵ Что ты скажешь об операциях Гранта? ⁶ конечно. ⁷ отступлениями. ⁸ «Он считает это очень хитрым, сказала бы я». ⁹ но я думаю, что этот парень знает, что делать. ¹⁰ на другой день. ¹¹ всей семьи.

858.

30 мая 1864 г.

Дорогой Мавр!

Книги еще не отосланы; также и вино; все пойдет вместе. Не имел никаких сведений ни от Борхардта, ни от адвоката; послезавтра пойду к последнему и передам ему доверенность.

Гумперт говорит, чтобы ты против фурункулов ничего не предпринимал, если они являются лишь *последними отзвуками* прежних. Я говорил с ним и о Женничке; он сказал, что это состояние кажется ему бледной немочью; при этой болезни часто бывают внезапные астматические припадки, вызываемые нарушением кровообращения; против такого состояния можно принимать лишь общие

меры; он не находит нужным что-либо добавлять к лечению Аллена, да и вообще он отнюдь не придает этому серьезного значения.

Виргинская кампания характеризуется опять нерешительностью или, точнее говоря, трудностью вообще довести дело до какого-нибудь решения на этой территории. Известиям, полученным *per Scotia*¹ я не придаю значения, они говорят лишь о том, что длившийся неделю ливень спас Ли от дальнейшей необходимости давать непрерывные бои à la Сольферино. А это для него много значит. Еще две таких битвы, и его армия, которая должна была каждый вечер отступать на новые позиции, была бы во всяком случае в очень плохом состоянии и едва ли была бы способна задержаться еще где-либо до Ричмонда. Грант, конечно, тоже кое-что выгадал благодаря этой задержке, но не в такой степени. Получаемые им теперь подкрепления не будут иметь большого значения. Однако меня не удивит, если Ли сразу отступит к Ричмонду. Тогда там произойдет решительный бой.

Бисмарку, кажется, колоссально повезло; похоже на то, что будет заключен новый августенбургский мир. Я еще совершенно не могу этого понять, но сегодняшняя очень тревожная статья в «Morning Post» является для меня подтверждением этого. (Там сообщается, между прочим, будто *Шлезвиг* подлежит разделу, и река Эйдер должна образовать новую границу между датским и немецким Шлезвигом!) Несмотря на то, что все это кажется правдоподобным, я все же с трудом могу поверить, что русские так легко откажутся от всех своих успехов 1851—1852 гг., тем более, что для них не видно никакого эквивалента.

В твоём *Francoeur* я углубился в арифметику; ты, кажется, с нею в весьма далеких отношениях, судя по позорным неисправленным опечаткам в числах. Отдельные места весьма изящны; напротив, практическая часть арифметики постыдно плоха и плоско разработана; в любой немецкой школе можно найти лучший учебник. Я сомневаюсь также, практично ли даже в элементарной форме излагать такие вещи, как корни, степени, ряды, логарифмы и т. д. при помощи одних чисел (совершенно не прибегая к алгебре и *in fact*² не предполагая у читателей даже элементарных алгебраических познаний). Как ни хорошо пользоваться числовыми примерами для иллюстрации, мне все же кажется, что ограничиваться в данном случае числами является менее наглядным приемом, чем простое алгебраическое изложение при помощи $a + b$, именно потому, что общее выражение в алгебраической форме проще и нагляднее, а без общего выражения и здесь не обойтись. Правда, это как раз та часть

алгебры, которую математики *par excellence* считают ниже своего достоинства.

Датские газеты вышлю тебе завтра. Судя по ним, во многих городах Ютландии прусские офицеры весьма упирались, прежде чем выполнить приказ о наложении ареста; вообще на солдат нигде не жалуются, а лишь на генералов и их приказы. Ругань по адресу Англии в «*Dagblad*», пожалуй, еще резче, чем в Германии.

Так ничего нового, за исключением того, что отчаянно холодно. Сердечный привет твоей жене и девочкам. I hope, Tussy is content with the cotton.²

Твой Ф. Э.

¹ через Шотландию. ² фактически. ³ Надеюсь, что Тусси довольна нитками.

859.

3 июня 1864 г.

Дорогой Фредерик!

При сем:

1) бумажка, которую прислал мне сегодня под бандеролью из Брюсселя осел Кертбени;

2) вырезка из «Рейнской газеты» с некрологом о Лупусе, написанным Эльснером, который состоит теперь одним из редакторов «Бреславльской газеты», откуда «Рейнская» перепечатала это;

3) другая вырезка из «Рейнской газеты», в которой я обращаю твое внимание на статью «Феодальный социализм»;

4) письмо от некоего Клингса из Золингена к некоему Моллю. Чтобы ты мог понять это письмо, сообщаю следующее: Молль (и еще один его товарищ) — золингенский рабочий, скрывшийся (вместе с только-что упомянутым товарищем) от четырехмесячного тюремного заключения (последствия выступления Лассаля в прошлом году). Клингс, также рабочий, состоит уполномоченным барона Итцига для Золингена.

Оба бежавших золингенца явились ко мне с визитом; поделились со мной своим энтузиазмом по отношению к Итцигу и рассказали, что, когда он был последний раз в Золингене, рабочие выпрягли лошадей из его экипажа и повезли его на себе. Они считали само собой разумеющимся, что мы оба находимся в самом тесном согласии с Итцигом (который во время своего последнего пребывания в Эльберфельде произнес речь о Лупусе). Они заявили мне, что Клингс был членом союза, что такими же членами союза были все рабочие руководители итциговского движения в Рейнской провинции и что все они до настоящего дня являются нашими решитель-

ными сторонниками. Он познакомил меня также с письмом Клингса и я спросил его, не хочет ли он оставить это письмо у меня для пересылки тебе. Он согласился. Поэтому возвращать письма не нужно. Я, конечно, не считал нужным выяснять этим людям наши отношения с Итцигом или, вернее, отсутствие этих отношений, а сделал им лишь несколько очень отдаленных намеков.

Эти люди теперь выброшены на улицу. 50 талеров им присылают из Золингена, здешний рабочий союз дает им 2 фунта стерлингов, мы здесь еще что-нибудь соберем, и было бы хорошо, если бы и в Манчестере сколотили несколько фунтов. Этих молодцов придется послать в Америку, так как фабричные рабочие (золингенские ножовщики etc.) для лондонского ремесла совершенно непригодны.

«Что тут такое?» — спрашивал я себя неоднократно, прочитав итциговский «*Наемный труд и капитал*». Дело в том, что основные положения этой работы показались мне знакомыми от слова до слова (хотя и были разукрашены на итциговский манер), и однако это не было взято прямо из «Манифеста» etc. Но вот несколько дней тому навад я просмотрел случайно серию моих старых статей о наемном труде и капитале в «Новой рейнской газете» (1849), которые являются простым изложением в печати лекций, читанных мною в 1847 году в «Брюссельском рабочем союзе». Здесь-то я и нашел непосредственный источник вдохновения моего Итцига. Из чувства особенной дружбы к нему я в приложении к моей книге напечатаю, как *примечание*, всю эту штуку из «Новой рейнской газеты». Конечно, on false pretences,¹ без малейшего намека на Итцига. Вряд ли ему это понравится.

Книги получились, также и вино, за что приносится сердечная признательность. Тусси поручает мне «to give you her love and to tell you that your cotton has somewhat improved».²

Боркгейм, — покровительствуемый *Оппенгеймом*, «евреем Зюсом» из Египта, — заработал about 2 000 фунтов стерлингов. Оппенгейм, — у которого он, по его собственному описанию, играл в стране пирамид роль шута, — хотел его там непременно задержать у себя. Но европейцы там мрут, как мухи, и Боркгейм поэтому предпочел время от времени принимать те или иные поручения от Абул-Хаима, как арабы называют Оппенгейма. В конце лета он опять едет в Константинополь с этой целью.

Девицы и мадам сердечно тебе кланяются.

My compliments to Lizzy. Salut.³

Твой К. М.

А propos! Наш друг Фрейлиграт не может, конечно, отсутствовать там, где воздаются почести. Смотри некролог Эльснера. Вспомни о речи Гарни на могиле Шрамма. И... теперь появляется в Нью-Йорке очень дорогое издание «Record of the Revolution», выпущенное одним нью-йоркским обществом; в этой книге собраны все events,⁴ документы и т. д. нынешней гражданской войны, начиная с самого начала. Well!⁵ Этот журнал разослан бесплатно приблизительно 25 — 30 лицам (в том числе различным европейским библиотекам), среди них queen of England,⁶ Джону-Стюарту Миллю, Кобдену, Брайту и Фрейлиграту. Он сообщил мне об этом, говоря, что янки его «очень сильно обрадовали и оказали ему честь»; дал мне прочесть сопроводительное письмо и приложенный к нему печатный список ошастливленных. Хотелось бы знать, что он такое сделал для янки или что он может сделать или хочет сделать. Но loi générale⁷ таково: Фрейлиграту должны быть воздаваемы почести за немецкую нацию, ибо сей благородный гражданин столь благородно держится нейтралитета, «а в общем он ничему не научился».

¹ под фальшивым предлогом. ² передать тебе сердечный привет и сказать тебе, что твои нитки стали несколько лучше. ³ Поклон Лици. Привет. ⁴ события. ⁵ Ладно! ⁶ английской королеве. ⁸ общее правило.

860.

3 июня 1864 г.

Дорогой Мавр!

Почтительнейше подтверждая свое последнее письмо, могу тебе сегодня сообщить, что завещание Лупуса прошло третьего дня через court of probate,¹ и я уже имею в своих руках соответственный документ. Я предъявил его уже также в банке и дал зарегистрировать, и в понедельник или во вторник я получу деньги (я могу это сделать совсем самостоятельно, без Борхардта) и переведу их тебе. Это составит всего около 230 фунтов стерлингов. Я постараюсь завтра или в понедельник повидать Борхардта и сделаю все возможное, чтобы ускорить дело. Приблизительную сумму наследственного налога, 120 фунтов,* я оставляю здесь, а также еще кое-что для уплаты lawyer'у³ и т. д. Последний сказал мне, что для того, чтобы обеспечить себя от всяких возможных позднейших исков, нужно приблизительно через месяц после вступления завещания в силу, следовательно начиная с 1 июля, поместить три раза подряд в «Times»

* [Очевидная описка.]

и в местных газетах обращение к неизвестным кредиторам с назначением срока для вызова. Это вызывает еще некоторое замедление в окончательном оформлении. К сентябрю поступит требование об уплате налога, стало быть до того нужно спасти проценты с этой суммы, затем мы произведем окончательный расчет с Вудом и уплатим деньги, и тогда дело может быть окончательно ликвидировано.

Я нашел субъекта, у которого Лупус снимался, у него сохранился и негатив; я велел сделать 24 карточки, из коих четыре прилагаю; ты можешь дать Пфендеру и Эккариусу по одной, а если тебе нужны еще, то можешь получить. При этой оказии я также снялся; результат сего прилагаю при сем здесь; говорят, что вышло очень хорошо.

«Free Press» с благодарностью получил. Что теперь будет делать бедный Коллет, лишившись профессии Отелло? А бедное умное дитя, посвященное во все тайны высшей дипломатии?!

Сердечный привет. Как поживают фурункулы?

Твой Ф. Э.

¹ Палату для утверждения завещаний. ² адвокату.

861.

7 июня 1864 г.

Дорогой Фредерик!

Твою фотографию, равно и карточки Лупуса получил. Последних мне нужно еще at least 4 copies. ¹ Твоя карточка очень хороша. Дети говорят, что ты на ней являешь собой «приятный предмет». Так как предполагавшаяся новая съемка еще не осуществлена, то Женничка послала тебе вчера дагерротипию. «Dagblad» with thanks ² получил.

Прилагаемое письмо Либкнехта, которое я вчера получил, в некотором отношении тебя заинтересует. Ты должен его включить в архив, как и другие письма этого рода, которые я тебе посылаю. Либкнехту я тотчас же ответил, похвалив его в общем за его поведение; побранил его только за вздорное условие, которое он поставил, когда речь шла о предполагаемом издании лассалевского органа, — наше сотрудничество; от этой идеи ныне уже благополучно отказались. Объяснил ему, что хотя мы и находили политическим до поры до времени не мешать Лассалю действовать, все же мы никоим образом не можем отождествлять себя с ним... Я пошлю ему (Либкнехту) в течение этой недели немного денег. Дела у бедняги,

кажется, идут преотвратительно. Он держал себя молодцом, и его постоянное пребывание в Берлине очень для нас важно.

Боркгейм показал мне письмо великого Оргеса, находящегося сейчас в Вене. Оргес указывает, что «размягчение мозга» в «Аугсбургской всеобщей газете» «победило», что в газете господствует «партикуляризм» вместо «германского духа», что один из четырех владельцев газеты подверг его («великого Оргеса») почти личным нападкам, что у него долгое время были связаны руки, но что теперь он, наконец, выступил etc. *Serves Orges right.*³ Этот субъект держал себя крайне низко по отношению к нам в деле Фогта.

Боркгейм сообщил мне очень точные, проверенные на месте письменные детали о ходе работ Суэцкого канала. Я пошлю об этом заметку Дауд-паше [Уркарту].

Что касается датских дел, то положение русских очень тяжелое. Они при помощи самых заманчивых обещаний толкнули Пруссию в войну и открыли перед ней большие виды на Шлезвиг-Гольштинию в качестве эквивалента за все продолжающуюся прусскую помощь в польских делах. От «красавца»-Вильгельма теперь, когда он выступает в роли *William the Conqueror*,⁴ нельзя будет, конечно, отделаться так же легко, как от его гениального предшественника. У Пальмерстона, с другой стороны, связаны руки из-за королевы. Бонапарт, которого русские и их Пам хотели выдвинуть в качестве козла отпущения против немцев, *has reasons of his own*⁵ притворяться глухонемым. Вообще, независимо от возможного тайного договора с Пруссией, русские все равно прежде всего должны добиваться «немецких симпатий». Поэтому возможно, что они *under such circumstances*⁶ «пожертвуют» Шлезвиг-Гольштинией, как Екатерина II в свое время объявила большой жертвой со своей стороны, что она предоставила Пруссии во время третьего раздела Польши нынешнее царство Польское, конечно, с оговоркой, что оставляет себе право в свое время отобрать назад эту жертву. Чрезвычайный шаг, который русские совершили теперь на Кавказе и к которому Европа присматривается с идиотским равнодушием, почти принуждает их закрывать глаза на то, что делается на другой стороне и облегчает им эту возможность. Эти два дела: подавление польского восстания и завоевание Кавказа я считаю самыми серьезными европейскими событиями со времени 1815 года. Пам и Бонапарт могут теперь сказать, что они не напрасно правили, и если шлезвиг-гоольштинская война послужила только для того, чтобы запорошить Германии и Франции песком глаза и помешать им увидеть эти крупные события, то она эту задачу в отношении русских

Ф. Энгельс в 1862 г.

выполнила в совершенстве, каков бы ни был исход лондонской конференции. Из письма Либкнехта ты видишь, что прусские либеральные газеты слишком трусливы, чтобы констатировать тот факт, что Пруссия непрерывно выдает беглецов из Польши. Шлезвиг-гольштинским делом Бисмарк совершенно закрыл им рот.

American news⁷ кажутся мне очень хорошими, особенно меня позабавила сегодняшняя передовица «Times», в которой доказывается, что Гранта все время бьют и что за свои поражения он будет, вероятно, наказан взятием Ричмонда.

Привет.

Мавр.

¹ по крайней мере 4 экземпляра.² с благодарностью.³ Оргесу поделом.⁴ Вильгельма Завоевателя.⁵ имеет свои собственные основания.⁶ при таких обстоятельствах.⁷ Американские новости.

862.

9 июня 1864 г.

Дорогой Мавр!

Телеграмму получил, и при сем следует другая половина пятифунтового билета. Дагерротипию я немного почистил и нахожу ее теперь очень хорошей; я покажу ее сегодня Гумперту и его супруге.

То, что Либкнехт находится в Берлине, имеет для нас во всяком случае огромное значение, так как это даст нам возможность захватить Итцига врасплох и в подходящий момент разъяснить рабочим нашу позицию по отношению к нему. Мы должны его непременно там удержать и оказать ему некоторую поддержку. Если ты ему пошлешь теперь деньги, это очень его ободрит, а если ты думаешь, что нужно еще что-нибудь сделать, напиши мне, и я тебе вышлю для него пятифунтовый билет.

По поводу некролога о Лупусе. Мы должны составить нечто вроде биографии; я думаю — ее позволят напечатать в Германии в виде брошюры, с приложением всего парламентского отчета. Не будем этого дела затягивать.

Как же обстоит теперь дело с Суэцким каналом по сведениям Боркгейма? Действительно ли уже сделано что-нибудь, что дало бы возможность надеяться на скорое окончание?

Ужасно любопытно, как пойдет дело в Виргинии. Силы все еще, кажется, почти равны, и незначительный случай, возможность разрозненно разбить какой-нибудь отдельный грантовский корпус, может опять дать Ли перевес. Борьба у Ричмонда может уже произойти при совершенно иных условиях, ибо Бутлер, несомненно,

слабее Борегара, иначе он не позволил бы навязать себе тактику обороны; а если даже они оба одинаково сильны, то все же в Ричмонде, благодаря соединению с Борегаром, Ли станет сильнее Гранта, несмотря на соединение последнего с Бутлером; дело в том, что Ли из своего укрепленного лагеря может бросить все свои силы на любую сторону реки Джемс, между тем как Грант должен от своих сил отрядить часть (к южной части реки). Но я надеюсь, что Грант все же сделает свое дело; во всяком случае, несомненно, что после первой битвы в Вильдернессе Ли проявлял мало охоты давать решающие бои в открытом поле, напротив, свою главную силу он постоянно держал в укрепленных позициях и решался лишь на короткие наступательные удары. Мне нравится также методический ход грантовских операций. Для данной территории и для данного противника это единственно правильный метод.

Для волингенцев здесь ничего нельзя будет сколотить при помощи сборов: с другой стороны, само собой разумеется, что я тебе для них что-нибудь вышлю. Когда дело дойдет до этого, дай мне знать, сколько у вас собрано на их поездку и сколько она будет стоить.

Наш старый Гилль четвертого дня, наконец, сдал свою кассу, но все еще никак не может совсем расстаться с конторой; он по-прежнему еще приходит сюда каждый день, совсем как встарь. И лишь сегодня он отсутствовал, по крайней мере первую половину дня; но после обеда он уж не мог больше выдержать и пришел.

Привет всем.

Твой Ф. Э.

863.

16 июня 1864 г.

Дорогой Фредерик!

Спасибо за «Dagblad».

Прежде чем приступить к письму, задам тебе — чтобы не забыть — вопрос: имеют ли any value ¹ следующие сопоставления слов, найденные мною у одного бельгийского этимолога?

Санскритское wer (couvrir, protéger, respecter, honorer, aimer, chérir, ² прилагательное: wertas (excellent, respectable), ³ *готское* Wairths, *англосаксонское* weorth, английское worth, литовское werthas, *алеманское* Werth.

Санскритское wertis, *латинское* virtus, *готское* wairthi, *германское* Werth.

Санскритское wal (couvrir, fortifier ⁴), valor, value???

Штрон здесь. Вчера приехал. Завтра опять уезжает в Брэд-

форд. Мне кажется, он очень поправился. И у него также больше plusku.⁵

Для обоих золингенцев я вместе с еще несколькими другими лицами путем самообложения собрал столько, что нехватает всего лишь еще 2 фунтов стерлингов для того, чтобы эти парни получили возможность отправиться отсюда с парусным судном в Нью-Йорк и прибыть туда также с не совсем пустыми карманами. Я даю им с собой записку к д-ру Якоби. Кстати узнаем, что теперь представляет собою этот маленький скромник.

Получил от Либкнехта прилагаемое письмо с прибавлением извлечения из «Grenzboten» о Лупусе. Либкнехт получит теперь мое второе письмо с «реальным знаком внимания» (как господин Паткуль называет это в своих секретных депешах).

Русские, кажется, потребуют Шлезвиг-Гольштинию для себя под фирмой Ольденбургской династии, а Пруссии дадут за это какое-нибудь «возмещение». Эта transaction would be too clever.⁶

Один голландский ориенталист, профессор Дози из Лейдена, выпустил книгу, в которой доказывает, что «Авраам, Исаак и Иаков» являются фантастическими образами; что евреи были идолопоклонниками; что они таскали с собой «камень» в «кивоте»; что колено Симона (изгнанное при Сауле) перекечовало в *Мекку*, выстроило здесь языческий храм и поклонялось камням; что Эзра после освобождения из Вавилонского пленения сам составил все предание, начиная с сотворения мира и до Иисуса Навина, и затем написал законы и догматы для приготовления реформы, монотеизма и т. д.

Так пишут мне из Голландии, а также и то, что книга эта вызывает среди тамошних богословов большую сенсацию особенно потому, что Дози — самый ученый ориенталист в Голландии и к тому же — профессор в Лейдене! Во всяком случае, за пределами Германии (Ренан, Коленсо, Дози и т. д.) происходит замечательное движение против религии.

Дети кланяются тебе сердечнейшим образом, а жена, кроме того, напоминает относительно ее цепочки.

Привет.

Твой К. М.

(Напиши мне свой «private address⁷» на случай, если мне нужно будет тебе что-нибудь сообщить еще в субботу вечером.)

Пришли мне адрес Эрнеста Джонса.

¹ какую-либо ценность. ² покрывать, покровительствовать, уважать, почитать, любить, ласкать. ³ превосходный, почтенный. ⁴ покрывать, укреплять. ⁵ бодрости. ⁶ сделка была бы уж чересчур ловкой. ⁷ домашний адрес.

864.

1 июля 1864 г.

Дорогой Фредерик!

Получил ли ты письмо, которое я послал тебе about¹ две недели тому назад с приложением письма Либкнехта *sic.*?

От Эльснера еще нет ответа.

Вот уж около десяти дней, как я снова лечусь, и, кроме того, у меня еще сегодня нечто вроде инфлуэнцы. Поэтому я not able to-day for better writing.²

Thanks for «Dagblad».³ Привет.

Твой К. М.

¹ приблизительно. ² не в состоянии сегодня лучше писать. ³ Спасибо за «Dagblad».

865.

4 июля 1864 г.

Дорогой Фредерик!

3 июня ты писал мне, что ты на следующий же день сможешь settle¹ денежные дела с Борхардтом. Есть три основания, по которым я хотел бы, чтобы с этим делом было покончено.

1) Из-за Борхардта.

2) Я не знаю, откуда обо мне пошла молва (возможно, что из Германии, из *Трира*), как о «наследнике». Присылаемые мне счета, начиная с ancient times² (включая период «Новой рейнской»), принимают сказочные размеры.

3) Если бы эти деньги были у меня в течение последних десяти дней, я выиграл бы много денег на здешней бирже. Теперь опять настало время, когда при wit and very little money³ можно в Лондоне сделать деньги.

По этим основаниям я хотел бы завершения дела, deducted, of course,⁴ деньги для покрытия налога, гонорара для lawyer'a⁵ etc.

You will much oblige me by settling this things before July 15.⁶ Ты извини меня, что я надоедаю тебе, несмотря на то, что ты так charged of business, but there are very serious interests at stake.⁷

Сердечнейшее спасибо за завершение фрейлигратовского дела. Портрет, который он тебе послал, ведь это тот самый — фаустовско-мрачный, который имеется у Женнички в альбоме?

Моя жена, купившая на аукционе еще недостававшие ей вещи, приобрела для тебя carving knife and fork;⁸ она их тебе сегодня отошлет. Я ей как-то сказал, что как раз этого недостает в твоём хозяйстве.

Привет от Emperor of China et Co.⁹

Твой К. М.

Все еще инфлуэнца, вплоть до носа, рта и т. д., так что я потерял и обоняние и вкус.

За это время своей полной неработоспособности я прочел физиологию *Карпентера*, *Лорда* — то же, учение о тканях *Келликера*, анатомию мозговой и нервной системы *Шпуцгейма*, о клетках — *Шванна* и *Шлейдена*. В «Popular Physiology» Лорда имеется хорошая критика френологии, хотя субъект этот и религиозен. Одно место напоминает гегелевскую феноменологию, а именно следующее:

«They attempt to break up the mind into a number of supposed original faculties, such as no metaphysician will, for a moment, admit; and the brain into an equal number of organs, which the anatomist in vain asks to be shown and then proceed to attach one of the former unadmitted suppositions as a mode of action to one of the latter undemonstrated existences»¹⁰.

Ты знаешь, что, во-первых, все у меня приходит поздно и что, во-вторых, я всегда следую по твоим стопам. Поэтому я в ближайшее время думаю много заниматься анатомией и физиологией и, кроме того, буду посещать лекции (где предмет демонстрируется ad oculos¹¹ и анатомируется.

¹ упорядочить. ² древнейших времен. ³ при уме и небольших деньгах. ⁴ за вычетом, конечно. ⁵ адвоката. ⁶ Ты очень обяжешь меня, если покончишь со всем этим к 15 июля. ⁷ завален работой, но тут стоят на карте очень серьезные интересы. ⁸ ножик и вилку для жаркого. ⁹ китайского императора и К^о [дочь Маркса, Тусси]. ¹⁰ Они пытаются растворить дух в ряде предполагаемых изначальных свойств, которые ни один метафизик ни на один момент не согласится признать; точно так же они пытаются разложить и мозг на равное число органов, которые анатом тщетно просит ему указать; а затем они переходят к тому, чтобы связать одну из вышеупомянутых не признанных предпосылок, в качестве модуса для действия с только что упомянутыми, не доказанными существованиями». ¹¹ наглядно.

866.

5 июля 1864 г.

Дорогой Мавр!

Когда я 3 июня писал тебе, что 4-го я упорядочу денежные дела, я мог иметь в виду только деньги, лежащие в *банке*; их я немедленно и упорядочил. Что ты хотел получить сразу большую сумму денег, этого я не знал. Ведь было же условлено, что если ты хочешь получить больше, ты должен мне об этом написать; поэтому я преспокойно оставил деньги у филистера Штейнталя, который платит 5%.

Но settled¹ все наследство за один день — с 3 до 4 июня, — это больше, чем я или кто-либо иной мог тебе обещать. Я, кажется,

даже писал тебе, что это может еще очень долго затянуться, так как это зависит от выполнения целого ряда формальностей (вызов по advertising² неизвестных кредиторов Лупуса, уплата наследственного налога и т. д.), которые так быстро не делаются. С моей стороны, конечно, будет сделано все, чтобы дело покончить возможно быстрее.

Но это нисколько не мешает тебе получить приблизительную сумму твоей доли наследства, лишь только ты этого пожелаешь. На твою долю придется минимум 600 фунтов стерлингов, пожалуй, даже больше; мы можем, стало быть, послать тебе еще около 350 фунтов стерлингов, и я позабочусь, чтобы ты их получил еще *на этой неделе*. Я потороплю также и Борхардта, чтобы он скорее представил свой счет, так как и его вина в том, что не все еще в порядке.

Если бы ты написал мне об этом раньше хоть два слова, я мог бы тебе всегда раздобыть эти 350 фунтов стерлингов немедленно, т. е. в несколько дней. Сегодня я этого уже не могу сделать. Я весь день проработал в конторе, дебатировал с адвокатами и Г. Эрменом (deed of partnership³ еще не готовы, а до той поры Г. Эрмен не хочет признавать за мной права выступать в качестве компаньона), и к тому же у меня был здесь Дронке. Теперь почти 7 часов, а я все еще не обедал и еще не покончил с делами. Ты видишь, как я живу.

Привет всем.

Твой Ф. Э.

¹ привести в порядок. ² объявлению. ³ документы об участии в деле.

Дорогой Фредерик!

Ты видишь по адресу, что я уже несколько дней нахожусь в Рэмсгэте.

К моему далеко не приятному удивлению, оказалось, что у меня не фурункул, а скорее злокачественный карбункул, бесстыдно развивающийся у самого penis'a. Таким образом, я принужден был целые десять дней пролежать в кровати — и это в такую жару! Рана здесь быстро залечивается, тем не менее я действительно теряю всякую надежду, раз возможен неожиданный рецидив болезни в такой злокачественной форме.

Женни и Тусси здесь у меня; Лаура приезжает послезавтра и about¹ через 8—10 дней мы отправляемся в Голландию, а моя жена поедет к берегу моря. Кстати! *Не забудь* отослать ей ее цепочку, она ей нужна будет на морском берегу для ее часов. Она говорит, что тебе нужно для этого лишь уложить ее в маленькую коробочку и сдать на почту, так что отправка не может причинить тебе много хлопот.

Я надеюсь, что с Эрменом ты теперь покончил и что адвокаты тебе больше не надоедают.

Относительно шлезвиг-гольштинской истории я еще не вполне уверен, что это дело не кончится личной унией герцогств с Данией. Соперничество между Пруссией и Австрией и между обеими вместе и Германским союзом, спор между Августенбургом и выдвигаемым Россией Ольденбургом etc. все еще делают такое разрешение вопроса в данный момент, по меньшей мере, возможным. Впрочем, Пальмерстон как-то en passant² и как pis aller³ предложил еще в 1851 году герцога Ольденбургского в качестве кандидата для Шлезвиг-Гольштинии.

Я напишу Лауре, чтобы она послала тебе «Free Press».

Тут царят развлекающиеся филистеры и еще в большей степени их лучшие половины и женское offspring.⁴ Почти грустно смотреть, как старику Океану, этому первобытному титану, приходится позволять этим человечешкам плясать у себя на носу и служить им для их времяпрепровождения.

Женни и Тусси шлют best compliments.⁵ На обеих жизнь у моря действует превосходно. Addio.

Маер.

¹ приблизительно. ² мимоходом. ³ меньшее зло. ⁴ потомство. ⁵ наилучшие пожелания.

Дорогой Фредерик!

Сегодня ровно три недели, как я вернулся из Рэмсгэта. Из поездки в Голландию ничего не вышло, так как в доме моего дяди одна девушка внезапно заболела оспой.

У моей жены последнюю неделю был сильный припадок холеринины, который один момент, казалось, становился опасным. Вчера она (solo) уехала в Брайтон.

У меня здесь имеются различные письма от Либкнехта, но я их не посылаю, ибо не знаю, в Манчестере ли ты. Прилагаемая

коллетовская записка тебя позабавит, а если тебя нет, то это ему тоже не повредит. Наивность Коллета действительно велика: «после того как», выражаясь по-австрийски, я написал для него большую статью о Russian claims,¹ которую он не напечатал, он считает, что я должен интересоваться его ерундой. Прилагаемое письмо Эльснера есть ответ моей жене, которая просила у него биографических заметок о Лупусе.

Уже несколько дней, как я опять взялся за работу. До этого времени меня все еще мучило нездоровье, и я был incapable.² Если ты еще не уехал, дай нам немедленно знать. Мы во всяком случае надеемся увидеть тебя при твоём проезде. Дети сердечно тебе кланяются. Женни никак не может дожидаться показать тебе свою Green House.³

Шлезвиг-гольштинская история мне все еще не ясна, нужны еще дальнейшие факты, чтобы разобраться. Возрождение Священного союза ты предвидел верно; Бонапарт, кажется, имеет большое «стремление at least»⁴ быть «четвертым в союзе». Все убожество этого субъекта с самого начала польской революции до настоящего момента проявилось в самом ярком и чистом виде.

Мне попала в руки «Correlation of Physical Forces» Грове. Это, несомненно, наиболее философский натуралист из числа английских (а также и немецких!) естествоиспытателей. Наш друг Шлейден имеет врожденное предрасположение к безвкусице, хотя, благодаря какому-то недоразумению, он и открыл клетку. Прилагаемое извещение Пипера по ошибке попало в руки Либкнехта, он мне его отослал.

Привет.

Твой К. М.

Будь добр прислать мне манчестерский адрес Эрнеста Джонса — don't forget.⁵

¹ русских требованиях. ² неработоспособен. ³ оранжерею. ⁴ по меньшей мере. ⁵ не забудь.

2 сентября 1864 г.

Дорогой Мавр!

После твоего последнего письма я был уверен, что ты сидишь где-нибудь глубоко в голландских болотах. Этим и объясняется мое упорное молчание. Твой голландский же адрес я никак не мог

найти. Я послал твоей жене часы и цепочку 6 августа почтой в заказной коробочке и надеюсь, что они получились.

В ближайший четверг 8-го или в субботу 10 сентября я рассчитываю поехать из Гулля в Гамбург, несколько присмотреться к our new property¹ в Шлезвиге и Гольштинии и в случае, если не будет никаких паспортных затруднений, отправиться также из Любека в Копенгаген. Я не вернусь раньше конца сентября, и, если только можно будет, я на обратном пути остановлюсь на один день в Лондоне.

История с моим partnership,² наконец, улажена; контракты подписаны, и я надеюсь, таким образом, с этой стороны быть спокойным на целые пять лет.

Мы бросили свою квартиру на Tennant Street и две недели тому назад переехали приблизительно на пятьсот шагов дальше в несколько больший дом с двумя жилыми комнатами внизу; мы этим достигли приблизительно такого же улучшения, как ты своим последним переездом. Адрес: 86 Mornington Street, Stockport Road. Письма, как всегда, на мое имя.

Адрес Джонса: 52 Cross Street, Manchester.

Датчане думают или, вернее, все еще боятся, что будет восстановлена личная уния, и так как редакторы Билле из «Dagblad» и Плюу из «Fädrelandet» оба депутаты и, конечно, имеют хорошие источники информации, а нынешние министры также «хорошие русские», то я убежден, что Россия ведет в этом направлении сильную интригу. Мосье же Бисмарк имеет, конечно, в виду нечто совершенно иное, и для того, чтобы добиться положительных результатов, т. е. присоединения Шлезвиг-Гольштинии, он, мне кажется, чрезвычайно нуждается в Августенбуржце. Во всяком случае ясно одно, что прусская традиционная политика с разделом Германии по линии Майна еще никогда не проповедывалась так нагло, как теперь, а между тем либеральная сволочь относится к этому, кажется, весьма терпимо. Если это так, — а я уж это сам увижу в Германии, — тогда прусская буржуазия дает нам в руки редкое оружие для ближайшей set-to.³ Я, впрочем, убежден, что Эльснер прав и что в старых провинциях, по крайней мере, ликование по поводу победы прямо невыносимо. — Я бы не хотел поехать туда. Даже на Рейне будет достаточно скверно.

Что мосье Бонапарт выражает чрезвычайно сильное желание вступить в Священный союз, об этом я сказал bravому Готфриду, к его величайшему ужасу, в тот самый день, когда эта история сделалась известна. Парень скверно кончит. Вечное ломание себе

головы над «делами» очень старит, как я это вижу на Готфриде, который ведет приблизительно такую же линию в торговле, как Бонапарт в политике, и обладает аналогичным ходом мыслей. С годами приходит желание удалиться на покой, а если этого нельзя сделать, то страдает здоровье. *N'est pas Palmerston qui veut.*⁴ *Se cher*⁵ Бонапарт, сдается мне, сильно *on the decline*.⁶ Тем лучше; когда он, наконец, ослабнет, он быстро пойдет ко дну.

Сердечные поклоны девочкам. Почему ты не написал мне хоть слово о том, что ты не едешь в Голландию и что твоя жена больна?

Твой Ф. Э.

¹ нашим новым владениям. ² компаньонством. ³ борьбы. ⁴ Не всяк Пальмерстон, кто хочет им быть. ⁵ Наш дорогой ⁶ катится под гору.

870.

2 сентября 1864 г.

Дорогой Фредерик!

Вчера после обеда я получил письмо от Фрейлиграта, копию коего я ниже привожу; из этого письма ты видишь, что Лассаль получил опасную для жизни рану на дуэли в Женеве. Я в тот же вечер отправился к Фрейлиграту. Но последний не получал никаких новых телеграмм. Тут же он сообщил мне — *entre nous*,¹ — что в его банке кризис, вызванный женевской историей и ролью в ней Фази.

Привет.

Твой К. М.

Дорогой Маркс!

Я получил только-что письмо от Клапки из Женевы с печальным сообщением, что Лассаль смертельно ранен на дуэли, состоявшейся в Женеве 30 августа между ним и каким-то валахским псевдо-князем. Вот подробности из письма Клапки.

У Лассалья была здесь любовная история, но совершенно безупречная, так как он хотел жениться на этой девушке, дочери баварского посланника фон-Деннигеса. Отец воспротивился этому браку, девушка же обманывала бедного Лассалья; ее прежний жених, вышеупомянутый лже-князь, приехал из Берлина, дело дошло до объяснений, до неприятного обмена письмами и до вызова. Секундантами Лассалья были полковник Рюстов и мой земляк, генерал граф Бетлен. Лассаль держал себя, как и нужно было ожидать от человека с его репутацией и его политическим положением, мужественно и с полным достоинством. Пуля попала ему в живот, и теперь он лежит в гостинице «Виктория» в борьбе между жизнью и смертью. К его несчастью, пуля засела глубоко в теле, поэтому раны очень легко могут перейти в воспаление. Я посетил его немедленно после моего приезда, застал его диктующим завещание, но вообще спокойным и готовым к

смерти. Мне бесконечно жаль его; часто научаешься узнавать человека лишь в его последние минуты. Будем надеяться, что несмотря на скверные отзывы врачей, он счастливо переживет кризис.

Так пишет Клапка.

[Фрейлиграм.]

¹ между нами.

871.

86 Mornington Street, Stockport Road,
4 сентября 1864 г.

Дорогой Мавр!

Твоя телеграмма получилась вчера, еще прежде, чем я вскрыл твое письмо, так как меня все отвлекали разного рода дела. Ты можешь себе представить, как это известие меня поразило. Каков бы Лассаль ни был как личность, как литератор, как ученый, но как политик это был несомненно один из самых значительных людей в Германии. Он был для нас в настоящем очень ненадежным другом, в будущем — довольно несомненным врагом, но все же становится очень больно, когда видишь, как Германия губит всех сколько-нибудь дельных людей крайней партии. Какое ликование будет теперь в лагере фабрикантов и прогрессистских собак, ведь в самой Германии Лассаль был единственным человеком, которого они боялись.

Но что это за оригинальный способ лишиться жизни! Серьезно влюбиться в дочь баварского посланника — он, would-be ¹ Дон-Жуан! — желать на ней жениться, вступить в конфликт с отставленным соперником, к тому же еще валахским мошенником, и дать себя убить. Это могло случиться только с Лассалем благодаря той удивительной смеси фривольности и сантиментальности, жидовства и рыцарских замашек, которая была характерна лишь для него одного. Как мог такой политический деятель, как Лассаль, стреляться с каким-то валахским авантюристом!

Насколько быстро распространилось это известие, ты можешь судить по тому, что о его смерти уже было в четверг вечером напечатано в «Кельнской газете», которая пришла сюда вчера днем — на четыре часа позже твоей телеграммы.

Что ты думаешь об американских делах? Ли мастерски использовал свой укрепленный лагерь у Ричмонда; ничего удивительного, это уже третья кампания, вращающаяся вокруг этого места. Он удерживает относительно незначительными силами большие массы Гранта и употребляет большую часть своих солдат для наступления в Западной Виргинии и для угрозы Вашингтону и Пенсильвании. Вот великолепный образец для пруссаков, которые

могли бы на нем изучить вплоть до деталей, как нужно вести поход, опираясь на укрепленный лагерь в Кобленце, но они, конечно, слишком высокомерны, чтобы чему-нибудь учиться у этих импровизированных генералов. Грант, — лейтенант, шесть лет тому назад уволенный из армии за пьянство, а затем спившийся инженер в С.-Луи, — обладает *unity of purpose*² и большим презрением к жизни своего пушечного мяса; у него, кажется, много данных для небольшой стратегии (т. е. для движений, рассчитанных на короткий срок), но я напрасно ищу признаков того, что у него имеется достаточный кругозор, чтобы охватить всю кампанию в целом. Кампания против Ричмонда, кажется, начинает терпеть неудачу; нетерпение, с которым Грант производит нападения то в одном, то в другом месте, но ни в одном месте не может продвинуться вперед прочно при помощи *sapre and mine*,³ — плохой признак. Инженерное дело, повидимому, вообще плохо поставлено у янки; кроме тероетических познаний, для этого нужны также традиции и практика, которую не так легко заменить импровизацией. — Сомнительно, справится ли Шерман с Атлантой, однако я полагаю, что у него больше шансов. Партизанские и кавалерийские набеги у него в тылу вряд ли сильно ему повредят. Падение Атланты было бы тяжелым ударом для Юга, вместе с ней тотчас же пал бы и Ром, а там находятся их пушечные заводы и т. д.; к тому же они потеряли бы железнодорожную линию между Атлантой и Южной Каролиной. Фаррагут все тот же. Этот-то знает, чего он хочет. Но падет ли и сам Мобиль, весьма сомнительно. Город этот очень сильно укреплен и, насколько мне известно, может быть занят лишь со стороны суши, так как глубоко сидящие корабли не могут подойти достаточно близко к берегу. Но какая глупость раздроблять наступающие на побережье силы; хотят непременно и Чарльстон, и Мобиль взять в одно и то же время, вместо того, чтобы брать эти города один за другим, но зато каждый раз всеми силами.

Разговорам о мире, которые теперь так широко распространяются, я не придаю большого значения. Не верю даже тем прямым переговорам, которые Линкольн будто бы ведет. Я считаю все это избирательным маневром. Пока что переизбрание Линкольна мне кажется более или менее обеспеченным.

Моя мать в Остенде и в субботу возвращается домой; получив это известие, я изменил свой план поездки, и еду в четверг вечером в Остенде. Я боюсь, что приеду в Лондон лишь с ночным поездом, который приходит туда около 6 часов утра. Но если я смогу, я поеду в 4.15, так что в 9.15 я буду на Euston Station, и тогда или проеду в Дувр (*s'il y a moyen*⁴), или заночую в гостинице на

Handwritten text, likely a facsimile of a letter from Karl Marx to Friedrich Engels, dated September 7, 1864. The text is written in German and is heavily obscured by ink bleed-through from the reverse side of the page. The date "7. Sept. 1864." is visible in the upper right quadrant. A handwritten number "231" is present in the top right corner. The text is written in a cursive script and is mostly illegible due to the bleed-through.

ФАКСИМИЛЕ ЧАСТИ ПИСЬМА МАРКСА ЭНГЕЛЬСУ ОТ 7 СЕНТЯБРЯ 1864 Г.
(ОЦЕНКА ЛАССАЛЯ ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ.)

станции London Bridge. В последнем случае я напишу тебе заранее, чтобы мы могли встретиться. Напиши мне, что ты думаешь об Америке.

Сердечный привет девочкам.

Твой Ф. Э.

¹ мнѣмый. ² ясным сознанием цели. ³ сапы и мин. ⁴ если это будет возможно.

872.

7 сентября 1864 г.

Дорогой Фредерик!

Несчастье с Лассалем мучило меня все эти дни. Он ведь все же принадлежал еще к *vieille souche*¹ и был врагом наших врагов. Притом же все это произошло так неожиданно, что трудно поверить, что этот шумливый, *stirring*,² *pushing*³ человек замолк навеки и не скажет уже никогда больше ни одного слова. Что касается обстоятельств, вызвавших его смерть, то ты совершенно прав. Это одна из многочисленных бестактностей, которые он совершил в своей жизни. *With all that*⁴ мне больно, что в последние годы наши отношения были омрачены,— правда, по его вине. С другой стороны, мне очень приятно, что я не поддался подстрекательствам с различных сторон и ни разу не выступил против него во время его «года торжества».

Чорт возьми, кучка становится все меньше, новые не прибывают. Впрочем, я убежден, что если бы Лассаль, будучи в Швейцарии, не вращался в среде *military adventurers*⁵ и *révolutionnaires en gants jaunes*,⁶ дело никогда не дошло бы до этой катастрофы. Но его все время роковым образом тянуло в этот Кобленц европейской революции.

«Дочь баварского посланника» — не кто иная, как дочь берлинского Деннигеса, сотоварища по университетской демагогии Рутенберга и компании, принадлежавшего сперва к *jeunes gens*⁷ или, точнее, так как они не были подлинными джентльменами, к *jeunes gens*⁷ маленького гриба Ранке, которых он заставлял издавать ужасные анналы немецких императоров. То, что танцующий карлик Ранке считал делом «духа», — собрание анекдотов и сведение всех великих событий к мелочам и пустякам, — было этим *young men from the country*⁸ строжайше воспрещено. Они должны были придерживаться «объективного» и область духа предоставить своему наставнику. Наш друг Деннигес считался до некоторой степени красномольником, так как он оспаривал у Ранке монополию духа, по

крайней мере фактически, и различным способом *ad oculos* доказывал, что он не в меньшей степени, чем Ранке, является рожденным «камердинером истории».

Теперь мне любопытно, что станет из сколоченной Лассалем организации. Гервег, этот платонический друг «труда» и практический друг «муз», не тот человек, который здесь нужен. Вообще все, игравшие у него роль помощников, представляют собой rubbish.⁹ Либкнехт пишет мне, что в берлинском союзе Шульце-Делича насчитывается только сорок members.¹⁰ Каково там общее положение, ясно из того, что наш многоуважаемый Вильгельм Либкнехт является там a consequential political personage.¹¹ Если бы смерть Лассалья подала таким субъектам, как Шульце, повод к наглым выступлениям против покойного, то хорошо было бы, если бы официальные приверженцы Лассалья держали себя так, чтобы, if necessary,¹² можно было за него заступиться. Я теперь наведу справки, кто унаследовал его письма. Я сейчас же наложу injunction,¹³ чтобы не была напечатана ни одна строчка моя или твоя. Дело в том, что вокруг этого наследства вертится мелкая и жадная сволоочь, Людмила и т. д. В Пруссии этого можно добиться, в случае необходимости, и судебным порядком.

Что касается Америки, то, говоря откровенно, я считаю настоящий момент весьма критическим. Если это кончится большим поражением Гранта или большой победой Шермана, то это еще all right.¹⁴ Опасен непрерывный ряд маленьких неудач, как раз теперь во время выборов. Я вполне с тобой согласен, что пока переизбрание Линкольна совершенно обеспечено, *все еще 100 против 1*. Но выборный период в этой классической стране демократического мошенничества полон случайностей, которые совершенно неожиданно могут перевернуть весь «разум событий» (выражение, которое великий Уркарт считает столь же нелепым, как выражение justice of a locomotive¹⁵). Юг, кажется, очень нуждается в перемирии, чтобы спастись от полного истощения. Он первый дал этот лозунг не только в своих северных органах, но и непосредственно в ричмондских газетах, хотя теперь, когда этот cry¹⁶ нашел отклик в Нью-Йорке, «Richmond Examiner» приписывает его, издеваясь, янки. Весьма характерно, что мистер Дэвис решил рассматривать негритянских солдат как «военнопленных» — последний официальный приказ его военного министра.

Линкольн располагает большими средствами для проведения выборов. (Мирное предложение с его стороны является, конечно, mere humbug¹⁷). Выбор кандидата враждебной партии повел бы,

вероятно, к подлинной *революции*. Но при всем этом нельзя упустить из виду, что в ближайшие восемь недель, в течение которых дело должно разрешиться в первую очередь, многое зависит от военных случайностей. Это, несомненно, самый критический момент с начала войны. Если этот момент благополучно shifted,¹⁸ то старик Линкольн может и дальше blunder on¹⁹ сколько его душевныке угодно. Впрочем, старик совсем не умеет «делать» генералов. Министров он уже лучше выбирает. Но confederate papers²⁰ столь же ожесточенно нападают на своих министров, как янки на вашингтонских. Если Линкольн на этот раз пройдет, — что весьма вероятно, — то на основе гораздо более радикальной platform²¹ и при совершенно changed circumstances²². Поэтому, следуя своей манере юриста, старик решит тогда, что более радикальные средства не противоречат его совести.

Я надеюсь завтра тебя повидать. Поклон мадам Лицци. При сем фотография Лауры. Фотография Женни, которую я ожидаю с часу на час, еще, к сожалению, не получена.

Привет, old boy.²³

Твой К. М.

¹ старой гвардии. ² мятежный. ³ стремительный. ⁴ Несмотря на все это. ⁵ военных авантюристов. ⁶ революционеров в желтых перчатках. ⁷ молодым людям. ⁸ молодым людям из деревни. ⁹ отбросы. ¹⁰ членов. ¹¹ значительной политической персоной ¹² в случае необходимости. ¹³ запрет. ¹⁴ хорошо. ¹⁵ справедливость локомотива. ¹⁶ лозунг. ¹⁷ простым маневром. ¹⁸ минет. ¹⁹ совершать ошибки. ²⁰ газеты конфедератов. ²¹ платформы. ²² изменившихся обстоятельствах. ²³ старина.

873.

2 ноября 1864 г.

Дорогой Энгельс!

Твое долгое молчание меня беспокоит. Я предполагаю, что ты уже вернулся. Отчего от тебя ни слуху, ни духу?

Мне необходимо сообщить тебе много важного, что я немедленно сделаю, как только ты подашь признаки жизни.

Salut.¹

Твой К. М.

¹ привет.

874.

2 ноября 1864 г.

Дорогой Мавр!

Кризис и бесчисленные хлопоты пусть послужат мне извинением, что я не написал тебе раньше. Столько жидовских интриг одновременно, как в этот раз, я еще не имел во всю свою жизнь. и ты можешь себе представить, какую переписку это вызывает.

Еще на этой неделе я пойду к Борхардту и покончу историю с лупусовским наследством, она теперь готова к завершению.

Мое путешествие простерлось до Зондербурга, в Копенгаген я не поехал, отчасти за неимением времени и паспорта, отчасти же потому, что редактор «Dagblad'a», Билле, как раз приехал в Любек, когда я был в Киле, и у меня, таким образом, не было во всем Копенгагене никаких связей, так как других газет я нигде не видел.

Шлезвиг любопытная страна — восточный берег очень красив и богат, западный берег тоже богат, а в середине луга и пустоши. Бухты все очень красивы. Население, несомненно, составляет одну из самых рослых и грузных человеческих рас на земле, особенно фризцы с западного побережья. Достаточно поехать по стране, чтобы убедиться, что основное ядро англичан произошло из Шлезвига. Ты знаешь голландских фризцов, особенно колоссальных фризянок с их красивым свежим румянцем (он преобладает и в Шлезвиге). Это прототип северных англичан; особенно колоссальные женщины, встречающиеся здесь, в Англии, имеют ярко выраженный фризский тип. Я уверен, что «юты» (Eotena суп — по-англо-саксонски), перекочевавшие в Англию вместе с англами и саксами, были фризами, а датская иммиграция в Ютландию и Шлезвиг начинается лишь с VII или VIII века. Доказательством этого служит сам нынешний ютский диалект.

Эти молодцы — большие фанатики и потому очень мне понравились. Ты, наверное, кое-что читал об оригинальном «докторе К.-И. Кlemente из северной Фрисландии». Этот парень типичен для всей расы. К борьбе с датчанами они относятся чрезвычайно серьезно, она является для них задачей всей их жизни, а шлезвиг-гольштинская теория является для них не целью, а средством. Они считают себя расой, стоящей выше датчан и в физическом, и в моральном отношении, и это соответствует действительности. Со стороны Бисмарка было действительно великолепной иллюзией представлять себе, что с такого рода людьми можно справиться его способами. «Мы пятнадцать лет выдерживали борьбу против датчан и укрепились на своей территории. Неужели мы дадим завладеть собою этим прусским бюрократам?» Так говорили эти молодцы.

Взаимоотношение языков и национальностей очень своеобразно. Во Фленсбурге, где — по датским данным — вся передняя часть, особенно у гавани, датская, все дети, массами игравшие у гавани, говорили на нижне-немецком наречии. Напротив, к северу от Фленсбурга народным языком является датский, т. е. нижне-датский диалект, из которого я не понимал почти ни слова. В Зундевите в хар-

чевне крестьяне говорили разное: на датском, ниже-немецком и немецком языках; и там, и в Зондербурге, где я обращался к людям по-датски, я всегда получал ответ на немецком языке. Северный Шлезвиг во всяком случае сильно онемечен, и его очень трудно было бы сделать опять датским, безусловно труднее, чем немецким. Я предпочел бы, чтобы он стал датским, так как впоследствии ради приличия здесь все равно придется уступить кое-что скандинавцам.

Я в последнее время немного занимался фризско-англо-ютско-скандинавской филологией и археологией, и на основании этого изучения прихожу к выводу, что датчане — настоящий народ адвокатов; ради партийных интересов они *лгут прямо и сознательно* даже в научных вопросах. Свидетельство — книга г-на Ворсо *on the Danes etc. in England.*¹ С другой стороны, если ты сюда скоро приедешь, я покажу тебе очень хорошую по существу книгу неистового Клемента из северной Фрисландии о Шлезвиге и иммиграции в Англию с шестого до восьмого столетия. При всех его странностях, это — очень основательный паренъ. Но мне кажется, что он очень сильно пьян.

У пруссаков в Шлезвиге, к моему удивлению, очень хороший вид, особенно у вестфальцев, которые рядом с австрийцами выглядят гигантами, но они зато гораздо более неуклюжи. Вся армия ходит совершенно небритой, расстегнутой и вообще очень распушена, так что зашнурованные австрийцы почти играют здесь роль пруссаков. Среди прусских офицеров-артиллеристов и инженерных войск я встретил несколько очень порядочных парней, которые рассказали мне ряд интересных историй; но пехота и кавалерия отступали с «достоинством» и были также у населения на очень плохом счету. Командование принца Фридриха-Карла здесь не вызвало решительно никакого воодушевления, а его способ распределения наград порицали все без исключения, даже те, которые были удостоены их. Унтер-офицеры вели себя прилично по отношению к более старым солдатам и вообще в обществе; с другой стороны, я видел бранденбургского сапера, обучавшего в Зондербурге рекрутов, — совсем старый мерзкий пруссак. Впрочем, замечательно, до чего в этом отношении различный тип царит в третьем и седьмом армейском корпусах. Местное племя, употребляя выражение Георга Юнга, допускает по отношению к себе самое грубое обращение, между тем как у вестфальцев (которые с правой стороны сильно смешаны с жителями Рейнской области) унтер-офицеры держат себя с солдатами по большей части *d'égal à égal.*²

Что ты думаешь о торговом кризисе? Мне кажется, что он уже

миновал, т. е. самая худшая его часть. Жаль, что такие вещи теперь никогда не дозревают.

Что значит: Rüm Hart, klar Kimmang?

Сердечный привет твоей жене и девочкам.

Твой Ф. Э.

¹ о датчанах и пр. в Англии. ² по-товарищески.

875.

4 ноября 1864 г.

Дорогой Фредерик!

Мне было очень приятно опять получить от тебя весточку.

Здесь все в порядке. Так обстояло дело с того момента, как ты отсюда уехал, и до третьего дня, когда у меня опять появился новый карбункул под правой грудью. На этот раз, если он быстро не пройдет и не останется изолированным, я хочу прибегнуть к гунпертовскому методу лечения мышьяком.

Твои руны Rüm Hart и т. д. я перевел бы, исходя из голландско-фризского, так: большое сердце, ясный горизонт. Но я боюсь, что за этим скрывается нечто совсем иное, и поэтому отказываюсь гадать.

Прилагаемые бумаги ты должен будешь мне отослать обратно немедленно по прочтении. *Они мне еще нужны.* Для того, чтобы не забыть ничего из того, что я хотел сообщить, я начну по пунктам:

1) Лассаль и графиня Гатифельд.

Этот пространный документ представляет собой копию циркуляра, посланного женой Гервега (*honny soit qui mal у pense*¹) Эммой в Берлин немедленно после катастрофы, для того, чтобы в газетах были помещены extracts² из него. Ты увидишь из этого документа, как ловко Эмма сумела вставить себя и своего губошлепа Георга в начале, в середине и в конце сообщения; затем рассказ обходит два важных пункта: во-первых, встречу Рюстова с Деннигесом и его дочь, во время которой последняя, очевидно, *отказала* Лассалю еще до того, как произошла описанная Эммой сцена. Во-вторых: как дело дошло до дуэли. Лассаль написал оскорбительное письмо, но после этого произошло что-то, о чем *не* рассказано, и что непосредственно повело к дуэли.

Скрывание двух столь важных решающих пунктов вызывает критическое сомнение в верности рассказа.

Письмо Гатифельд. При ее приезде в Берлин я отправил ей от себя через Либкнехта небольшое соболезнующее письмо. Либкнехт написал мне, что она жалуется, что «я покинул Лассалья в беде»; будто я мог этому человеку оказать большую услугу, чем молчать

и предоставить ему свободу действий. (В его последней речи перед дюссельдорфским судом он сыграл роль маркиза Позы по отношению к «красавцу-Вильгельму» в роли Филиппа II, стремясь побудить его к уничтожению нынешней конституции, к прокламированию всеобщего избирательного права и к союзу с пролетариатом.) Ты понимаешь, что скрывается за ее письмом, и чего она от меня хочет. Я ответил ей в очень дружеском тоне, но все же дипломатическим отказом. Современный спаситель! Она сама и сикофанты, ее окружающие, совсем взбесились.

А propos! Случайно мне подвернулись под руку несколько numbers³ «Notes to the people» Эрнеста Джонса (за 1851, 1852 гг.), которые, поскольку дело идет о статьях по экономическим вопросам, в основном печатались под моей редакцией, а отчасти были написаны и при моем прямом сотрудничестве. Well!⁴ И что же я там нахожу? Что мы тогда вели против кооперативного движения, — поскольку оно, в своей нынешней тупо-ограниченной форме, претендует на то, чтобы быть *последним словом*, — ту самую полемику, — но только лучше, — которую спустя десять-двенадцать лет Лассаль вел в Германии против Шульце-Делича.

Лассаль завещал пост президента Всеобщего германского рабочего союза Бернгарду Беккеру — тому самому несчастному субъекту, который был одно время у Юха подставным редактором «Hermann'a», — «завещал», как правящий государь. Съезд союза состоится в течение этого месяца в Дюссельдорфе, и на нем будто бы предвидится сильная оппозиция этому «распоряжению» путем завещания.

При сем также письмо одного зюлингенского рабочего, Клингса, фактического тайного руководителя рейнских рабочих (бывший член союза). *Этого письма не отсылай, но сохрани в документах.*

2) Workingmens International Association.⁵

Некоторое время тому назад лондонские рабочие послали парижским рабочим по поводу Польши адрес, приглашая их к совместным действиям в этом вопросе.

Парижане прислали, со своей стороны, депутацию, во главе которой стоял рабочий, по имени *Толен*, рабочий кандидат на последних выборах в Париже, очень славный парень (и товарищи его были тоже славными ребятами). На 28-е сентября 1864 года был назначен митинг в St. Martins Hall Оджером (сапожником, председателем местного Совета лондонских профсоюзов и, в частности, также председателем Trades Unions Suffrage Agitation Society⁶, находящегося в связи с Брайтом) и mason⁷ Кремером

(секретарем mason union⁸); эти двое устроили большой митинг под председательством Брайта в пользу Северной Америки в St. James Hall, также манифестацию в честь Гарibaldi. Ко мне был прислан некий Ле-Любе с вопросом, не приму ли я участия pour les ouvriers allemands,⁹ и, в частности, не сумею ли я прислать на митинг оратора из немецких рабочих и т. д. Я направил Эккариуса, который очень удачно справился с делом, а я присутствовал тоже, как немая фигура, на платформе. Я знал, что на этот раз здесь фигурировали действительные силы как с лондонской, так и с парижской стороны, и потому решил отказаться от своего обычного правила to decline any such invitations.¹⁰

(Ле-Любе молодой француз, — т. е. лет 30, — который, однако, вырос на Джерси и в Лондоне, прекрасно говорит по-английски и очень хороший посредник между французскими и английскими рабочими. Учитель музыки и lessons of French¹¹).

На митинге, который был переполнен до духоты (ибо there is now evidently a revival of the working classes taking place¹²), майор Вольф (Турн-Таксис, адъютант Гарibaldi) представлял лондонский Italian Working Mens Society.¹³ Было решено основать «Working Mens International Association»,¹⁴ которое имело бы свой General Council¹⁵ в Лондоне и являлось бы «посредником» между рабочими обществами в Германии, Италии, Франции и Англии. Также должен был в 1865 г. быть созван в Бельгии общий Working Men's Congress.¹⁶ На митинге был выбран временный комитет Оджер, Кремер и многие другие, — отчасти старые чартисты, старые оуэнисты и т. д., — для Англии; майор Вольф и др. итальянцы — для Италии, Ле-Любе и т. д. — для Франции; Эккариус и я — для Германии. Комитету было дано право привлечь столько людей, сколько он сочтет необходимым.

So far so good.¹⁷ На первом заседании комитета я присутствовал. Была избрана *подкомиссия* (и я в том числе), чтобы составить déclaration des principes¹⁸ и временный устав. Нездоровье помешало мне присутствовать на заседании подкомиссии и на последовавшем затем пленарном заседании комитета.

На этих двух заседаниях — подкомиссии и последовавшего за ним пленарного комитетского, — на которых я отсутствовал, произошло следующее:

Майор Вольф предложил новой ассоциации воспользоваться статутами *итальянских рабочих обществ* (у них имеется центральная организация, но, как потом обнаружилось, это в сущности объединенные benefit societies).¹⁹ Я потом видел эту штуку. Это

Verant in bezondering opzamen o. die zucht Oprekking van de
 heden heden "Wetgeving" bevestiging
 bevestiging van heden v. een wetten in bezondering belang van
 opzamen heden in bezondering, de Mynstrer van Buitenland. (Wet van 1863
 de heden) Deze wet heeft met zinsin, welken ook in de heden
 v. ~~de heden~~ Wetgeving's International Association.

Verant in bezondering opzamen o. die zucht Oprekking van de
 heden heden "Wetgeving" bevestiging
 bevestiging van heden v. een wetten in bezondering belang van
 opzamen heden in bezondering, de Mynstrer van Buitenland. (Wet van 1863
 de heden) Deze wet heeft met zinsin, welken ook in de heden
 v. ~~de heden~~ Wetgeving's International Association.
 Verant in bezondering opzamen o. die zucht Oprekking van de
 heden heden "Wetgeving" bevestiging
 bevestiging van heden v. een wetten in bezondering belang van
 opzamen heden in bezondering, de Mynstrer van Buitenland. (Wet van 1863
 de heden) Deze wet heeft met zinsin, welken ook in de heden
 v. ~~de heden~~ Wetgeving's International Association.

ФАКСИМИЛЕ ЧАСТИ ПИСЬМА МАРКСА ЭНГЕЛЬСУ ОТ 4 НОЯБРЯ 1864 Г.
 (ОБ ОСНОВАНИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА.)

evidently ²⁰ произведение Мадзини, и ты поэтому можешь себе уже заранее представить, в каком духе и с помощью какой фразеологии там трактуется действительный вопрос, рабочий, и каким образом туда были вдвинуты nationalities. ²¹

Кроме того, бывший оуэнист Уэстон, — теперь сам manufacturer, ²² очень милый и дельный мужчина — составил программу, полную самой отчаянной путаницы и неописуемо длинную.

Следующее общее собрание комитета уполномочило подкомиссию видоизменить программу Уэстона, а также и вольфовские статуты. Самого Вольфа не было, он уехал, чтобы принять участие в съезде Italian Workingmens Association ²³ в Неаполе и склонить ее присоединиться к Лондонскому центральному товариществу.

После этого снова состоялось заседание подкомиссии, но я в нем опять не участвовал, ибо был слишком поздно извещен. В этом заседании Ле-Любе предложил изготовленную им déclaration des principes ²⁴ и переделку вольфовских статутов, и подкомиссия постановила предложить их пленарному комитету. Пленарное заседание состоялось 18 октября. Так как Эккариус написал мне, что periculum in mora, ²⁵ то я пришел и действительно ужаснулся, услышав прочитанное добрым Ле-Любе ужасно фразистое, плохо написанное и совершенно незрелое préambule, pretending to be a declaration of principles; ²⁶ во всем проглядывал Мадзини, еле прикрытый самыми туманными отрывками французского социализма. Кроме того, в него был в общем и целом включен итальянский устав, который, независимо от всех своих других недостатков, ставил себе фактически совершенно невозможные задачи, а именно создание чего-то вроде центрального правительства (конечно, с Мадзини на заднем плане) рабочего класса Европы. Я стал мягко «делать оппозицию», и после долгих разговоров было принято предложение Эккариуса, чтобы подкомиссия подвергла это произведение вторичной «редакции». Зато были проголосованы и приняты sentiments, ²⁷ заключающиеся в декларации Ле-Любе.

Два дня спустя у меня в доме собрались: Кремер от англичан, Фонтана (Италия) и Ле-Любе (Уэстону что-то помешало прийти). До этого момента у меня не было документов (Вольфа и Ле-Любе) под рукой, и я не мог, таким образом, ничего приготовить; но я твердо решил по мере возможности не оставить в этих произведениях not one single line. ²⁸ Чтобы выиграть время, я предложил: прежде чем «редактировать» préambule, ²⁸ «обсудить» rules. ²⁹ Так и было. Был уже час ночи, когда был принят первый пункт из 40. Кремер сказал (*и к этому-то я и стремился*): нам нечего будет предложить

комитету, заседание которого должно состояться 25 октября. Мы должны его отложить до 1 ноября. Соответственно с этим подкомиссия может вновь собраться 27 октября и постараться достигнуть окончательных результатов. Это и было принято, и «документы» были мне «оставлены» для ознакомления.

Я видел, что из этой вещи ничего нельзя сделать. Чтобы оправдать тот оригинальный способ, которым я собирался редактировать проголосованные sentiments,²⁷ я написал «An Address to the Working Classes»³⁰ (что не входило в первоначальный план, — a sort of review of the adventures of the working classes since 1845.³¹) Под предлогом, что весь фактический материал заключается в этом обращении и что не к чему говорить о тех же вещах трижды, я изменил все préambule,²⁸ выбросил déclaration des principes²⁴ и, в заключение, вместо 40 rules составил 10. Поскольку в «Адресе» говорится об international politics,³² я говорю о countries,³³ а не о nationalities,³⁴ и разоблачаю Россию, а не minores gentium.³⁵ Все мои предложения приняты подкомиссией. Меня только обязали в préambule к статутам внести две фразы о duty³⁶ и right,³⁷ точно так же вставить truth, morality and justice,³⁸ но это в таком контексте, что не может принести никакого вреда.

В заседании главного комитета мое обращение и т. д. было принято с большим энтузиазмом (unanimously).³⁹ Дебаты о способе напечатания etc. состоятся в ближайший вторник. Ле-Любе взял копию «Адреса» для перевода на французский язык, а Фонтана для перевода на итальянский. Прежде всего это появится в еженедельнике, called⁴⁰ «Beehive», который выходит под редакцией тред-юниониста Поттера, нечто вроде «Moniteur'a». Перевести на немецкий взялся я сам.

Было очень трудно изложить эту вещь так, чтобы наши воззрения приняли форму, acceptable⁴¹ для нынешней стадии рабочего движения. Эти же люди через несколько недель будут вместе с Брайтом и Кобденом устраивать митинги в защиту избирательного права. Необходимо время, чтобы вновь возродившееся движение сделало возможным прежний смелый язык. Необходимо быть «fortiter in re, suaviter in modo»⁴². Как только эта штука будет напечатана, ты ее получишь.

3) *Бакунин* просит тебе кланяться. Он сегодня уехал в Италию, где он и живет (Флоренция). Я вчера увидел его в первый раз после шестнадцати лет разлуки. Должен сказать, что он мне очень понравился, больше, чем прежде. По поводу польского движения он говорит следующее: русскому правительству это движение было

необходимо, чтобы удержать в спокойствии самое Россию, но оно никоим образом не рассчитывало на восемнадцатимесячную борьбу. Оно само спроводировало эту историю в Польше. Польша потерпела неудачу из-за двух вещей: из-за влияния Бонапарта и, во-вторых, из-за того, что польская аристократия медлила с самого начала с ясным и недвусмысленным провозглашением *крестьянского социализма*. Он (Бакунин) теперь, после случая с польским движением, будет участвовать исключительно в социалистическом движении.

В общем это один из тех немногих людей, которые, по-моему, за эти шестнадцать лет не пошли назад, а, наоборот, еще развились. Мы с ним говорили также по поводу инсинуаций Уркарта. (Кстати! Международное товарищество приведет меня, очевидно, к разрыву с этими друзьями!) Он очень справлялся о тебе и о Лупусе. Когда я сообщил ему о смерти последнего, он сказал, что движение потеряло незаменимого человека.

4) *Кризис*. На континенте он еще далеко не закончился (особенно во Франции). Впрочем, частое повторение кризисов возмещает отчасти их недостаточную интенсивность.

Привет.

Твой К. М.

¹ да будет стыдно тому, кто об этом плохо подумает. ² извлечения. ³ номеров. ⁴ Ну, хорошо! ⁵ Международное товарищество рабочих. ⁶ общества трудюнионов для агитации за избирательное право. ⁷ каменщиком. ⁸ союза каменщиков. ⁹ в качестве представителя немецких рабочих. ¹⁰ отклонять все подобные предложения. ¹¹ французского языка. ¹² очевидно, что в рабочих классах теперь происходит процесс возрождения к жизни. ¹³ Союз итальянских рабочих. ¹⁴ Международное товарищество рабочих. ¹⁵ Генеральный совет. ¹⁶ Рабочий конгресс. ¹⁷ Пока хорошо. ¹⁸ декларацию принципов. ¹⁹ общества взаимопомощи. ²⁰ очевидно ²¹ национальности ²² фабрикант. ²³ итальянских рабочих союзов. ²⁴ декларацию. ²⁵ промедление опасно. ²⁶ введение, претендующее на то, чтобы быть декларацией принципов. ²⁷ положения. ²⁸ ни одной строки. ²⁹ устав. ³⁰ «Обращение к рабочему классу». ³¹ своего рода обзор судеб рабочего класса с 1845 г. ³² международной политике. ³³ странах. ³⁴ национальностях. ³⁵ мелкие государства. ³⁶ обязанностях. ³⁷ правах. ³⁸ право, нравственность и справедливость. ³⁹ единогласно. ⁴⁰ называемом. ⁴¹ приемлемую. ⁴² быть сильным в деле и умеренным в форме.

876.

7 ноября 1864 г.

Дорогой Мавр!

Фризская задача разрешена тобой правильно, исключая лишь одно слово. *Kimrang* значит по северно-фризски: взгляд глаз. У этих фризов натура умозрительная, и они поставили *внутренний*

горизонт на место внешнего, вроде того как Вагенер теперь требует «внутреннего Дюпеля». Это — старинное матросское выражение.

При сем возвращаю тебе писания г-ж Гервег и Гатцфельд. Что это за дальнейший вызов, который Лассаль бросил валаху и о котором Эмма умалчивает? Лассаль, очевидно, погиб из-за того, что не повалил эту бабенку в пансионе немедленно на кровать и не задал ей хорошей трепки. Ей нужна была не его красивая душа, а его еврейский ремень. Это опять-таки история, которая могла произойти только с Лассалем. Что он принудил валаха к дуэли — вдвойне бессмысленно.

Идея старой Гатцфельд, чтобы ты написал *апофеоз* современному спасителю, прямо великолепа.

Письмо эолингенского рабочего не было приложено к твоему письму.

Я с любопытством ожидаю «Address»¹ к рабочим; после того, что ты мне пишешь об этих людях, это должно быть настоящим шедевром. Хорошо, что мы опять связываемся с людьми, которые представляют, по крайней мере, свой класс; в конце концов, это самое главное. Особенно важно влияние на итальянцев, тут все же имеются шансы на то, что лозунгу «*Dio e popolo*»² будет положен конец среди рабочих; для бравого Джузеппе это явится неожиданностью. Впрочем, я полагаю, что эта новая ассоциация очень скоро расколется на теоретически-буржуазные и теоретически-пролетарские элементы, лишь только вопросы будут немного уточнены.

Относительно наследства Лупуса у нас сегодня было заседание у адвоката. Причитающаяся тебе еще сумма составит несколько больше 200 фунтов стерлингов; как только я получу эти деньги, я вышлю тебе большую их часть. Мы еще не знаем точно отдельных деталей и поэтому еще не можем совершенно закончить подсчета. Податная палата требует списка всех книг и указания ценности оставленных Лупусом часов. Будь добр, пришли мне что-нибудь в этом роде, особенно отметь более крупные вещи, затем *so many pamphlets etc.*,³ все *in one heap*.⁴

Я должен кончать, так как мне нужно идти на заседание правления шиллеровского общества, где я, как ты знаешь, к досаде Борхардта, состою председателем. Пиво там уже, к счастью, введено.

Много раз кланяюсь твоей жене и девочкам.

Твой Ф. Э.

¹ «Адреса» ² бог и народ. ³ столько-то брошюр и т. д. ⁴ вместе.

877.

9 ноября 1864 г.

Дорогой Мавр!

При сем прилагаю в счет наследства еще 200 фунтов стерлингов в виде половинок двух банковских билетов по 100 фунтов. Если дело пойдет хорошо, получится еще около 40 ф. Лишь только ты подтвердишь мне телеграфно получение, я вышлю тебе другие две половинки.

Номера «Dagblad'a» с пресловутой статьей ты, верно, уже получил. Я, к сожалению, не могу найти второй части этой статьи, но в ней ничего нет.

Дело под Ричмондом близится, повидимому, к концу. Но пока Ли не будет вынужден ограничиться одной обороной и стянуть к себе таким образом все войска из долины Шенандо, и пока Ричмонд не будет *совершенно окружен*, все продвижение Гранта к укреплениям Ричмонда или Петербурга очень мало значит. Так же было при Севастополе, где тоже не было полного окружения. — Любопытно, что сможет сделать мосье де-Борегар; наверное, не больше, чем Гуд до него, да вряд ли даже столько. Я не питаю ни малейшего доверия к этому сильно раздутую герю.

Я посылаю тебе вчерашний «Guardian», ты должен просмотреть в нем отчет Relief Comitee,¹ чтобы понять, какая разница между ateliers nationaux² господина Мари и мастерскими господ англичан. В первых производились работы сомнительной полезности, но большая часть израсходованных денег попадала все же в руки безработных рабочих. Здесь также производятся работы сомнительной необходимости (но, в конце концов, несомненно полезные для буржуа), но из 230 000 фунтов стерлингов в руки factory operatives³ попадает всего лишь 12 100 фунтов, а именно лишь то, что предназначено для unskilled labor,⁴ а между тем ведь все эти деньги предназначены для них. Закон for the relief of the distressed factory operatives⁵ превратился, таким образом, в закон for the relief of the undistressed middle classes,⁶ которые при этом экономят на коммунальных налогах. Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

[Надпись Маркса:] Отосли мне это письмо, так как я хочу его сохранить из-за замечания в конце.

¹ Комитета помощи. ² национальными мастерскими. ³ фабричных рабочих.

⁴ неквалифицированных рабочих. ⁵ о помощи нуждающимся фабричным рабочим.

⁶ помощи не нуждающимся средним слоям.

878.

14 ноября 1864 г.

Дорогой Энгельс!

Почти целую неделю мне пришлось провести *в постели* из-за карбункула. Он теперь *залечивается*. Все же необходимость нагибаться стесняет меня, так как карбункул находится как раз под грудью. Пишу поэтому лишь самым кратким образом:

1) Верни мне *прилагаемые* при сем письма (и Швейцера, и Либкнехта) и ответь мне *немедленно*, так как наш ответ им необходим возможно скорее.

Мое мнение таково, что мы должны *обещать* наше сотрудничество от случая к случаю, время от времени. Для нас важно иметь орган в Берлине, специально ради того общества, в создании которого я принял участие в Лондоне, и ради книги, которую я хочу издать. Далее важно, чтобы то, что мы делаем, мы делали *сообща*.

Если ты со мною согласен, то ты можешь *вложить* в письмо ко мне записочку для этих фруктов или же напиши в нескольких словах, что именно мне написать от твоего имени.

2) Через несколько дней ты получишь «Address»¹ и provisional rules.² Дело было не столь трудно, как ты думаешь, так как все же ведь имеешь дело с «рабочими». Единственный literaryman³ в этом обществе, это — англичанин Питер Фокс, журналист и агитатор, принадлежащий в то же время к числу людей из «National Reformer» (атеизм, но антихолизм). Посылаю тебе его очень дружеское письмо, которое он прислал мне по поводу «Address».¹ Мадзини rather disgusted,⁴ что его люди тоже подписались под адресом, но он вынужден faire bonne mine au mauvais jeu.⁵

3) Твой отрывок из «Guardian» очень важен для меня. Я уже составил себе сводку по поводу этого свинства на основании factory reports,⁶ но лишь с большим трудом и отрывочно.

4) Получил от манчестерского solicitor'a⁷ два экземпляра для подписи и т. д. Через день-другой я пошлю тебе их с подписью и с перечислением (инвентарем) и т. д., которое ты должен будешь вписать. Я, конечно, не в состоянии перечислить по памяти и оценить все то, что мы оставили в квартире и т. д.

Старый шарлатан Мак-Куллох умер. Я надеюсь, что Британский музей купит его economical library.⁸ Но Эдинбург, пожалуй, предупредит.

Привет.

Твой К. М.

Как раз подвернулось письмо от Питера Фокса, я его прилагаю, а ты его отошлешь, лишь только у тебя найдется время посмотреть его.

¹ «Адрес». ² временный устав. ³ литератор. ⁴ несколько недоволен. ⁵ делать вид, что он доволен. ⁶ фабричных отчетов. ⁷ адвоката. ⁸ экономическую библиотеку.

879

16 ноября 1864 г.

Дорогой Мавр!

Рад, что карбункул благополучно залечивается. Надеюсь, что это последний. Но принимай мышьяк.

Подтверждение в получении от твоего любезного личного секретаря с благодарностью получил.

При сем несколько строк для Швейцера. Очень хорошо, что у нас опять будет орган, и очень хорошо, что Либкнехт (если он только не создает себе иллюзий) будет соредактором; это все же дает некоторые гарантии. Все же нам лучше не обнаруживать своей ревности, так как 1) Либкнехт не дипломат и на его *clairvoyance*¹ не очень можно рассчитывать, 2) графиня захочет, чтобы в этой газете прежде всего спереди, сзади и посредине господствовал тот самый «апофеоз», и 3) нам все же нужно заранее знать, к кому еще эти люди обратились. Ты, быть может, лучше осведомлен, чем я, но в посланных тобой письмах Либкнехта не было ни слова ни о газете, ни об этом Швейцере, и поэтому мне все это очень неясно. Поэтому-то я и просил разъяснить мне, в какой компании мы будем фигурировать. Можно допустить, что придется работать рядом с Карлом Грюном или подобной ему сволочью.

Но что это за дурацкое название: «Социал-демократ!» Почему не назвать его прямо: «*Пролетарий*»?

При сем с благодарностью прилагаю обратно документы. Почему ты не посылаешь обещанного зюлингенского письма?

Из белиберды, состряпанной Эммой Гервег, мне вспоминается еще следующая попытка сделать из Лассалья полубога: только, мол, благодаря своей исключительной натуре он мог еще так долго жить; всякий другой умер бы через два часа после поранения; — так вот спроси-ка при случае Аллена о ходе воспаления брюшины (*peritonitis*), и ты услышишь от него, что через два часа воспаление почти что и не начинается еще, и смерть от воспаления почти никогда не наступает раньше, чем через двадцать четыре часа, а в большинстве

случаев еще позже. Но эти люди как будто для того и родились, чтобы кого-нибудь обоготворять.

Шаффаузен прочитал в Бонне прекрасный доклад о человеке и обезьяне; он указал в нем, что азиатские антропиды, как и тамошние люди, круглоголовы, а в Африке и те, и другие длинноголовы, и заметил при этом, что при нынешнем состоянии науки это является самым сильным аргументом против идеи единства человеческого рода. Посмел бы это кто-нибудь сказать в Англии на собрании естествоиспытателей!

Мне очень нравится, как Мюллер и поп Капшель еще у подножья виселицы срамили Кинкеля, Юха и К⁰. Такого нелепого поведения, как у этих господ, мне уже давно не приходилось встречать. И везет же Готфриду с теми людьми, за которых он застуается. Сначала Макдональд, потом Мюллер. Важничание этих господ тотчас же породило сплетню о том, что укукошен и второй парень в зарослях Темзы. Того и жди, что они при этом случае откроют целую кучу *magie's nests*², которые им и во сне не снились.

Сердечный привет твоим.

Твой Ф. Э.

¹ дальновидность ² нелепостей

Дорогой Фред!

1) Посылаю тебе списки для адвоката. Ты должен снять копию с приложенного инвентарного списка и затем действовать по своему усмотрению. (Список книг и т. д. из наследства Вольфа.)

2) Ad vosем *Золинген*. Я это письмо имел ready¹ и положил куда-то при отправке моего *предпоследнего* пакета к тебе; «с тех пор его больше не видно». Я полагаю, что оно застряло в какой-нибудь тетради и в один прекрасный день снова turn up.²

3) Ad vosем *Швейцер*. Он — dr. juris, прежде жил во Франкфурте-на-Майне. Опубликовал в 1859 году путанный памфлет *против* Фогта. Затем написал социальный роман, мне не известный. Очень горячо стал на сторону Лассалья. Позднее, еще при жизни Лассалья, в бытность свою в Берлине изучал у Либкнехта различные наши произведения и передал мне уже тогда через Либкнехта, как его поразило, что все, что ему понравилось у Лассалья, плагиат.

Я тоже, как и ты, написал, чтобы они указали *список сотрудников*. Послал также одновременно Либкнехту для помещения в газете немецкий перевод «Адреса международного комитета». (Он выйдет сегодня или завтра и будет тебе прислан.)

Что касается апофеоза Лассалья, то этому попрежнему исключительно посвящена гамбургская «Nordstern», редактируемая ослом Вруном (который в то же время попрежнему печатает глубокомысленные упражнения *Гейнцена*), и «Социал-демократ» вряд ли сможет конкурировать с ним в этом отношении.

Старуха Гатцфельд, повидимому, все же была очень разочарована моим очень мягко и осторожно составленным ответом на ее «покушение». С тех пор она молчит.

Социал-демократ — плохое название. Но незачем сразу отдавать самые лучшие названия газете, которая может наделать много failures³.

Как ты можешь убедиться по берлинской корреспонденции в «Morning Star», Вильгельм Либкнехт является среди берлинских рабочих великим человеком.

Боюсь только, что его скоро прогонят к чорту.

4) *Ad vocem peritonitis*⁴ я читаю у *Андраля: Clinique Médicale*:⁵ «*La péritonite aiguë*:... en certains cas un petit nombre d'heures s'écoulent entre l'époque de l'invasion de la maladie et celle de la mort, tandis que d'autres fois la péritonite toujours aiguë par ses symptômes ne devient mortelle qu'au bout de 30 à 40 jours...»⁶, а под рубрикой: «*Péritonite par violence extérieure*»⁷ рассказывается случай с одним парижским рабочим, получившим удар лошадиным копытом в живот в области пупа. В больницу он был доставлен лишь на следующий день: «offre to us les symptômes d'une phlegmasie aiguë du péritonite»,⁸ что было подтверждено затем вскрытием. Больной умер с 5-го на 6-й день. А в примечаниях к этому случаю говорится: «jusqu'au dernier moment on n'observe aucun trouble des facultés intellectuelles et sensoriales».⁹

Прилагаемую памятку о студии Блинде в грязном листке, в котором он сам себя рекламирует самым усердным образом, начиная с 1859 г., *сохрани тщательно*. Этот «*Beobachter*» «est le «grand» organe de la démocratie suabaise!»¹⁰

5) Профессор Губер устроил свой «рабочий съезд» с участием почти 100 рабочих обществ. Он консервативен в политике, но сторонник кооперации in political economy.¹¹ На его *лейпцигском съезде* дело дошло почти до избиения Губера и его товарищей, так как значительное большинство объявило себя политически радикальным.

6) В Манчестере местный комитет выпустил, кажется, различные вещи о cotton famine¹² — меня это интересует in regard to the workingmen.¹³ Не можешь ли ты раздобыть это для меня?

7) Я все еще испытываю боли, когда пишу и наклоняюсь вперед грудью. Этим объясняется мое «нумерованное» письмо.

Привет Гумперту. А также мадам Лицци.

Твой К. М.

[Список того, что осталось после В. Вольфа.]

Silver watch ¹⁴	2 ф.
Books: ¹⁵	
Шлоссер, Всемирная история	1 ф. 10 ш.
Шлейден, Этюды	3 »
Сочинения Шиллера	10 »
Дуллер, История немецкого народа	5 »
Дункер, История	1 ф. —
Моммзен, История	10 »
Шеман, Греческие древности	5 »
Ланге, Римские древности	3 »
Преллер, Греческая мифология	5 »
Нессельт, Всемирная история	4 »
Вельтер, География	5 »
Мортимер Терно, Histoire de la Terreur ¹⁶	5 »
Араго, Astronomia popularis ¹⁷	10 »
Мюллер, Физика	3 »
Бэр, Магнетизм	1 »
Фигье, Appée scientifique, 3 vols ¹⁸	5 »
Минье, Révolution française ¹⁹	5 »
Эгли, Торговая география	2 »
Риттер, Европа	3 »
Котта, Геологические письма	2 »
Гарридо, Испания	1 »
Фрейтаг, Картины из народной жизни	2 »
Моляшотт, Учение о предметах питания	3 »
Гартинг, Мощь малого	1 »
Грубе, Биографии из области природоведения	1 »
Путешествия Марко Поло	1 »
Киссельбах, История мировой торговли	1 »
Якобс, Эллада	1 »
Смит, Английско-латинский словарь	5 »
Рост, Греческо-немецкий словарь	5 »
Гибель, Млекопитающие	5 »
Чуди, Жизнь альпийских животных	5 »
Фрейтаг, Актив и пассив	2 »
Паули, Картины из жизни Англии	1 »
Овербек, Помпея	10 »
Гуль, Жизнь греков и римлян	10 »
Лау, Сулла	1 »
Маколей, История Англии	10 »
Франкенгейм, Народоведение	1 »

Штилер, Учебный атлас	10 ш.
Бергауз, Школьный атлас по физике	5 »
Шпрунер, Исторический школьный атлас	5 »
Мозен, Dictionnaire ²⁰	i ф. —
55 памфлетов	10 »
102 elementary schoolbooks ²¹	31 ф. —

Вся эта дребедень слишком высоко оценена в сравнении с той суммой, которую можно будет выручить за нее при продаже по существующим в Англии ценам на secondhandbooks ²². С другой стороны, недостает кое-чего, чего я не могу вспомнить, так что имеет место компенсация. Если ты хочешь что-нибудь прибавить относительно другого скарба, то сделай это.

¹ наготове. ² вынырнет. ³ ошибок. ⁴ По вопросу о перитоните [воспалении брюшины]. ⁵ «Медицинская клиника». ⁶ «Острый перитонит... в некоторых случаях протекает лишь несколько часов между моментом возникновения болезни и моментом смерти, между тем как в других случаях такой же острый по своим симптомам перитонит становится смертельным лишь по истечении 30 или 40 дней... ⁷ «Перитонит, причиненный внешним поранением». ⁸ «обнаруживает все симптомы острого воспаления брюшины». ⁹ «до последнего момента не замечается ослабления умственных способностей или органов чувств». ¹⁰ «великий» орган швабской демократии». ¹¹ в политической экономии. ¹² хлопчато-бумажном годе. ¹³ с точки зрения рабочих. ¹⁴ Серебряные часы. ¹⁵ Книги. ¹⁶ История террора. ¹⁷ Популярная астрономия. ¹⁸ Научный год, 3 тома. ¹⁹ Французская революция. ²⁰ Словарь. ²¹ школьных учебников. ²² малозначительные книги.

881.

22 ноября 1864 г.

Дорогой Мавр!

Сегодня я получил прилагаемое письмо от Швейцера. Итак, Гервег и Гесс — прекрасное общество! Положение, в котором дело находится сейчас, и недостаточное мое знакомство с ближайшими обстоятельствами дела, делает необходимым, чтобы ты ответил этому человеку *от нашего общего имени*, так как он ждет немедленного ответа. А Моисей-то!

Отшли мне это письмо и сообщи, что ты решил, а я затем дополнительно подтвержу написанное тобой. Адвокатские штуки получил. Сердечнейший привет.

Твой Ф. Э.

882.

[24 ноября 1864 г.]

Дорогой Фредерик!

При сем прилагаю письмо старухи Гатцфельд; я хотел бы получить его *немедленно* обратно.

Прилагается также вынырнувшее опять на свет божий письмо волингенца и письмо Швейцера.

Послал тебе сегодня три «Адреса»: для тебя, для Гумперта и для Эрнеста Джонса. Если ты можешь где-нибудь раздать большое количество экземпляров (бесплатно), то можешь их получить.

Что касается Швейцера, то я написал не ему, а Либкнехту, что общество это нам обоим не нравится, но что мы for the поспе ¹ готовы сделать *bonne mine au mauvais jeu*; ² но мы немедленно их *dé-завуируем*, лишь только они сделают глупость. Я спросил также, почему там нет Бухера и особенно *Родбертуса!*

Впрочем, Моисей и Гервег (впрочем, in a literary sense ³ это еще крупные величины по сравнению с Бернгардом и Филиппом Беккером) в глазах немцев не так низко пали, как в наших глазах. Во всяком случае мы открыто не можем о них сказать, как о Грюне и К^о, что они прохвосты. Тороплюсь.

Привет.

Твой К. М.

Я должен был только-что написать длинное письмо старухе, чтобы как-нибудь выкарабкаться из приписанного мне дела Блинда. Студиос Блинд не упустил, конечно, случая в целях саморекламы опубликовать «протест» от имени республики и процитировать несколько мест из речей Лассалья, которые действительно имеют неприятный роялистский привкус. Кроме того, мне нужно было ответить ей впредь помещать подозрительные портреты ее врагов.

¹ на этот раз ² вид, что мы довольны. в литературном отношении.

25 ноября 1864 г.

Дорогой Фредерик!

При сем возвращаю письмо В[ейдемейера] (как удивительно, что его мнение совпадает с взглядами графини!) и письмо Швейцера, которое я вчера забыл приложить.

«Вырезка» мне еще нужна.

Дело обстоит теперь так:

1) Блинд, как я это увидел лишь после моего письма к тебе, послал под видом «д-ра Броннера» (конечно, аноним, но с датой Брэдфорд; письмо, конечно, написано самим Блиндом) в «Schwäbischer Beobachter» ответ, в котором он, во-первых, доказывает, что своим влиянием на «7» миллионов немцев Блинд фактически руководил американской политикой; во-вторых, он имеет наглость

утверждать, что дело Фогта ликвидировано всесторонними разъяснениями. Я, таким образом, получаю здесь повод ответить и сослаться на «свидетельские показания», а если привести еще к тому же извлечение из письма Вейдемейера, то можно одним ударом убить двух мух: во-первых, разоблачить истинную степень влияния Блинда в Америке и, во-вторых, дать старой графине своего рода удовлетворение за Лассалья.

2) «Республиканский протест» от того же числа, который Блинд послал в Сен-Луи, во Франкфурт-на-Майне и в лондонский «Hermann», идентичны лишь по своей общей тенденции. В своей мавне в «Hermann» и во «Frankfurter Journal» (я их отыщу и еще сегодня пошлю тебе) этот *баденский трактирщик* просто собрал те места, которые и для нас самих были *весьма тяжелы*; по ту сторону океана он держится еще наглее и прямо лжет во-всю.

Но *подлинная «соль»*, характерная для того способа, которым фабриковались его листки, заключается в следующем: В *европейском* издании он говорит, что этот протест составлен *американскими и европейскими республиканцами*, в американском издании он призывает к протесту *американское правительство*. Тут мы можем изловить этого пса in flagranti.¹

3) Так как Лассаль мертв и сам не может больше вредить, то необходимо, — конечно, в пределах возможности, — т. е. так, чтобы самих себя не компрометировать, — защищать его против этих мелкобуржуазных каналов.

У меня ввиду этого следующий план: ответить (кратко) в «Schwäbischer Beobachter»: 1) разъяснением относительно *«всесторонних разъяснений»* в деле Фогта; 2) извлечением из письма Вейдемейера относительно влияния Блинда в Америке; 3) разоблачением этого молодца путем сопоставления его европейского и американского издания «республиканского протеста»; наконец, 4) закончить тем, что not worth while² защищать Лассалья против такой комичной фигуры.

Если тебе это кажется подходящим, телеграфируй, чтобы я завтра мог с этим покончить и чтобы, с другой стороны, «старуха» нас, наконец, оставила в покое. Я, впрочем, написал ей, что Лассаль сам виноват в выступлении этого осла, так как, несмотря на мое настойчивое и неоднократное приглашение, он не предал в Германии широкой публичности моего разоблачения Блинда в «Господине Фогте». Привет.

Твой К. М.

¹ с поличным. ² не стоит труда.

884.

2 декабря 1864 г.

Дорогой Фред!

Спасибо за «Guardian».

Я послал Эрнесту Джонсу дополнительно еще несколько экземпляров «Адреса» и написал ему при этом, что первый экземпляр он, вероятно, получит от тебя. Сегодня он пишет мне, что ничего от тебя не получил. Его адрес 55, а не 52 Cross street. Он пишет, что по окончании сессии он оснует в Манчестере среди своих знакомых секцию.

Не можешь ли раздобыть адрес музыканта *Петцлера* (быть может, в манчестерском адрес-календаре или в шиллеровском обществе)? У него *много* связей среди манчестерских рабочих, и без any intervention on your part¹ я мог бы его *отсюда* связать с Эрнестом Джонсом. У тебя только и будет дела, что прислать мне адрес Петцлера.

При такой агитационной работе скверно то, что участие в ней у тебя отнимает много времени. Напр., теперь была речь об адресе Линкольну, и я опять должен был его составить (что гораздо труднее, чем написать содержательную работу) — для того, чтобы те несколько фраз, к которым сводятся подобного рода сочинения, по крайней мере отличались от демократической вульгарной фразеологии. К счастью, польскую штуку делает господин Фокс; поводом для нее послужит день 29 ноября — годовщина польской революции 1830 года.

Ввиду того, что адрес Линкольну нужно передать Адамсу, *часть* англичан в комитете, ссылаясь на то, что это, дескать, custom² — хотела, чтобы во главе депутации стал a member of Parliament.³ Но континентальные представители, при поддержке большинства англичан, единогласно отвергли это нелепое предложение и, больше того, разъяснили, что old English customs ought to be abolished.⁴ С другой стороны: Ле-Любе, в качестве настоящего сарауд,⁵ хотел, чтобы адрес был обращен не к Линкольну, а к American people.⁶ Я высмеял его должным образом, а англичанам объяснил, что french democratic etiquette⁷ ни на грош не лучше monarchical etiquette⁸.

A propos!⁹ Движение не может, конечно, здесь существовать, не имея органа печати. Поэтому «Beehive» (еженедельник; орган традиционистов) объявлен органом Товарищества. Благодаря какой-то роковой случайности, которая часто бывает у рабочих, в нем засел какой-то негодяй, Джордж Поттер (он писал в «Times» о building strikes,¹⁰ но выступал только в качестве чужого «mouthpiece»¹¹ со

статьями, которые писал не *он*, а *другие*), с кликой акционеров — он manager, ¹² — которые и имеют сейчас большинство. Поэтому-то наш комитет, большая часть английских членов которого состоят пайщиками «Beehive» (пай стоит лишь пять шиллингов, и никто не может иметь больше пяти голосов, даже если он владеет 5 000 паев; таким образом каждому паю принадлежит от одного до, максимум, пяти голосов), и постановил основать здесь паевой фонд, который дал бы нам возможность создать новых пайщиков и to swamp the old majority. ¹³ Мне было бы очень приятно, если бы ты тоже сделал взнос с этой целью. Вся эта операция, конечно, должна быть произведена среди более близких друзей, членов комитета, так как иначе с другой стороны своевременно (т. е. пред имеющим в недалеком будущем состояться general meeting ¹⁴ пайщиков) будут предприняты контр-шаги.

Рядом с «Негманп'ом» существует здесь еще другой листок, «Londoner Anzeiger» почтенного книгопродавца и еврея Бендера. Этот листок старается развиться в орган, способный конкурировать с «Негманп'ом», причем редакцию взял на себя некий Л. Отто фон-Брейдтшвердт, который, однако, в литературе называет себя Л. Отто. Прямое участие в нем я вряд ли приму, так как с меня достаточно было «Volk», но полезно будет иметь его для напечатания в Лондоне различных заявлений, как, напр., против Блинда, после того как они появятся в немецких газетах.

Этот Отто прежде всего познакомился с Эккариусом, по предложению которого он стал немецким членом international committee ¹⁵. Он шваб, родился в Штутгарте. Совсем молодой парень, лет 27 — 28. Очень похож на старшего брата моей жены. Сперва он был кадетом в австрийской армии, где изучил разные языки и где его всесторонне вышколили. Затем он учился в Тюбингене. Он лично очень милый, остроумный парень, с хорошими манерами. У него в голове еще много мелко-швабского и глупо-немецкого. При всем том у него очень хорошие задатки и данные. Но к журналистике, мне кажется, у него больше влечения, чем призвания, он какой-то тускло-доктринерский. В качестве посредника для связи с южной Германией и специально с Швабией он хорош. Время от времени он пишет также в «Аугсбургской», что, впрочем, с фогтовской точки зрения, само собой разумеется.

Клингсу я написал, что очень трудно и совершенно бесполезно выбирать между Моисеем и Бернгардом. Оба они честны и — бесталанны. В настоящий момент все равно, кто будет президентом. В нужный же момент найдутся и нужные люди.

Я в ужасе, я снова чувствую на правом бедре начинающийся карбункул. Аллен об этом ничего не знает, так как с некоторого времени я обходился без его помощи. Если я теперь приду к нему из-за истории с мышьяком, который ведь все же нельзя начать принимать без врача и прописать который он еще, пожалуй, не согласится, он меня будет ужасно ругать за то, что я так долго без его ведома вожусь с карбункулами!

Твой К. М.

В своем ответе швабскому Майеру (через подставного Броннера) Блинд заявляет, что Линкольн и Фремон дрались из-за его голоса, как имеющего решающее значение на выборах. А в американской газете «Radical-Democrat» он пишет, что это он совершил польскую революцию.

¹ всякого вмешательства с твоей стороны. ² принято. ³ член парламента. ⁴ старые английские обычаи должны быть отменены. ⁵ филистеры. ⁶ американскому народу. ⁷ французский демократический этикет. ⁸ монархического этикета. ⁹ Кстати. ¹⁰ стачках строительных рабочих. ¹¹ рупора. ¹² секретарь. ¹³ забаллотировать прежнее большинство. ¹⁴ общим собранием. ¹⁵ международного комитета.

885.

8 декабря 1864 г.

Дорогой Энгельс!

При сем ты получаешь:

1) «Free Press».

2) «Schwäbischer Beobachter». У последнего я добился хоть того, что он, по крайней мере, опять принимает по отношению к Блинду иронический тон, в то время как после письма Броннера он был так подавлен хвастовством Блинда (я переслал эту чепуху Вейдемейеру), что совсем спрятал свои когти и стал рассыпаться в комплиментах этому *«великопленному человеку»*. Впрочем, его редактор — *hinc illae lacrimae*¹ — упомянутый мною в «Господине Фогте» болтливо-длиннохвостый шваб Карл Майер, а кроме того он сын того шваба Майера, которого так упорно преследовал Гейне.

3) При сем письмо красного Беккера. Я послал в «Рейнскую газету» копию разъяснения. Письмо Беккера ты должен мне вернуть.

По поводу Либкнехта. Ввиду приближающегося конца года он находится, конечно, в очень стесненном положении. В течение этого полугодия я ему несколько раз посылал деньги и хочу теперь, когда я знаю, что нужда исключительно остра, послать что-нибудь его жене в форме рождественского подарка для детей. Мне было бы

очень приятно, если бы и ты к этому присоединился. Ты должен только мне написать как можно скорее, так как *periculum in mora*.² Я тогда сразу вышлю все это госпоже Либкнехт.

Привет.

Твой К. М.

¹ отсюда наши слезы. ² промедление опасно.

386.

10 декабря 1864 г.

Дорогой Фред!

My compliments to Mrs Lizzy.¹

Ты уже прежде дал мне свой частный адрес, но не указал, что под ним нужно писать «фирму». Я рад, что теперь имею этот адрес, так как часто бывает нужно написать тебе несколько слов в субботу.

5 фунтов стерлингов для Вильгельма уже сегодня уходят в Берлин.

Беккера ты не вернул. Письмо «Красного», как бы ловко, по его мнению, он ни вывернулся из этого дела, — является документом, *which one fine morning he may find to turn up*² в целях, которых заранее даже нельзя предвидеть. Старуха Гатцфельд, впрочем, позаботится о том, чтобы это заявление дошло до него.

What about Shermans expedition?³

Кстати! Ваш Пёрди из Poor House⁴ опубликовал, говорят, во время *cotton famine*⁵ позорнейший документ, в котором, ссылаясь на улучшение в состоянии *health*⁶ у *cotton operatives*,⁷ рекомендовал свести помощь к минимуму; вследствие этого будто бы в восточном Ланкашире вспыхнули *famine diseases*.⁸ (Это было будто бы в начале *cotton famine*.⁵) Знаешь ли ты что-нибудь об этом? И не мог ли бы ты вообще раздобыть для меня имеющиеся в Манчестере *official papers*⁹ (комитета и т. д.), имеющие отношение к хлопковому голоду?

Лотарио Бухер, которого Лассаль назначил своим душеприказчиком и которому он оставил годовую ренту в 150 фунтов стерлингов, перешел, как ты уже, вероятно, знаешь, в лагерь Бисмарка. Возможно, что барон Итциг, этот маркиз Поза укермаркского Филиппа II, и сам сделал бы то же самое, — но в качестве «министра труда», а не *in the small way of Lothario*,¹⁰ с которым Гатцфельдша порвала и который может теперь пожать руку Эдгару Бауэру и прусскому консулу в Милане, господину Рудольфу Шрамму. Пруссаки искали для почтенного Шрамма такого поста, при котором

«не нужно экзамена». Господин Родбертус, кажется мне, тоже замышляет какую-то «пакость», так как он хочет *«совершенно отделить социальный вопрос от политики»*, верный признак министерского зуда. Что за мерзавцы вся эта сволочь из Берлина, Марки и Померании!

Мне кажется, что между Пруссией, Россией и Францией имеется *secret understanding for the war against Austria in next spring*.¹¹ *War cry*¹² дает, конечно, Венеция. Австрийцы проявляют непроходимую трусость и глупость. Это объясняется тем, что Франц-Иосиф самолично вмешивается в австрийскую политику. Буоль-Шауэнштейн и т. д., все разумные *hommes d'état*¹³ должны держать язык на привязи, а главными руководителями являются русские агенты, такие клейменные субъекты, как нынешний австрийский *Foreign minister*.¹⁴ При всем том поведение австрийцев все же является непонятным, если только не предположить, что они или доверились коварным обещаниям пруссаков, или решили согласиться на давно обещанные компенсации в Турции.

Что ты скажешь о глубоких открытиях Коллета, — по Уркарту, — о Навуходоносоре и происхождении русских от ассирийцев и о дальнейшем его открытии, — которое приводится как «уркартовское», — что *in Italy the Pope is the only real thing*¹⁵.

Сегодняшний номер «*The Miner and Workmens Advocate*» — официальный орган шахтеров в Англии и Уэльсе — приводит полностью мой «Адрес». Лондонские «*bricklayers*»¹⁶ (свыше 3 000 человек) заявили о своем присоединении к Международному товариществу; эти парни до сих пор никогда не примыкали ни к одному движению.

В последний вторник было *заседание подкомиссии*, на котором Питер Фокс (его настоящее имя Питер Фокс Андре) прочел нам свое обращение к полякам. (Такого рода вещи всегда прежде всего обсуждаются в подкомиссии, прежде чем они переходят на рассмотрение *General Committee*.¹⁷) Эта вещица недурно написана, и Фокс постарался в данном случае применить в общем чуждый ему метод сведения к «классам», хотя бы в разбавленном виде. Его специальность собственно — *foreign policy*,¹⁸ и с *working classes as such*¹⁹ он встречался лишь в качестве атеистического пропагандиста.

Но насколько легко проводить рациональные вещи, когда имеешь дело с английскими рабочими, настолько же нужно держать себя на-чеку, лишь только в движении начинают участвовать литераторы, буржуа или полулитераторы. У Фокса, как и у его друга

Бивли (профессор политической экономии в лондонском университете; он председательствовал на учредительном собрании в зале св. Мартина) и у других демократов, имеется, в противовес тому, что они не без основания называют английской аристократической традицией, и в качестве продолжения того, что они называют английской демократической традицией 1791 — 1792 гг., фанатическая «любовь» к Франции; в области внешней политики они простирают эту свою любовь не только на Наполеона I, но даже на Бустропу. Well! ²⁰ Господину Фоксу мало было указать в своем обращении (оно мыслилось, впрочем, не как Адрес всего Товарищества, а только как Адрес ее *английской* части по польскому вопросу с санкции всего комитета) к полякам то, что соответствует действительности, а именно, что по отношению к ним у французского народа лучшие традиции, чем у англичан, — господин Фокс winds up his address ²¹ тем, что утешает поляков главным образом возникшим у English working classes ²² глубоким расположением к французским демократам. Я этому воспротивился и развил исторически неопровержимую картину систематической измены французов полякам, начиная с Людовика XV вплоть до Наполеона III. Я обратил вместе с тем их внимание и на нечто совершенно *недопустимое*, а именно на то, что в качестве «ядра» *Интернациональной* ассоциации выдвигается *англо-французский* союз, но лишь в демократическом издании. В конце концов адрес Фокса был подкомиссией принят с тем условием, что он изменит его tail ²³ в соответствии с моими предложениями. Юнг, Swiss secretary ²⁴ (из французской Швейцарии), заявил, что в качестве представителя minority ²⁵ он предложит в General Council ²⁶ отклонить этот адрес как altogether ²⁷ «буржуазный».

Наш майор Вольф заключен пьемонтцами в крепость Александрию.

Луи Блан написал генеральному секретарю *Кремеру*, что он одобряет «Адрес» и сожалеет, что не имел возможности принять участие в митинге в зале св. Мартина и т. д. Altogether ²⁸ его письмо имеет своей единственной целью добиться того, чтобы его привлекли в общество в качестве honorary member ²⁹. Предвидя, что могут быть сделаны подобного рода попытки, я, к счастью, уже до этого успел провести by-law, ³⁰ что никто не может быть *приглашаем* (за исключением рабочих обществ) и что ни один человек не может быть почетным членом.

Привет.

Твой К. М.

Гумперт получит фотографию, лишь только он пришлет мне давно обещанную карточку своей жены.

¹ Привет мистрис Лицци. ² с которым он в один прекрасный день может снова встретиться. ³ Что слышно об экспедиции Шермана? ⁴ Дома для бедных. ⁵ хлопкового голода. ⁶ здоровья. ⁷ рабочих хлопчатобумажной промышленности. ⁸ заболевания от голода. ⁹ официальные документы. ¹⁰ в мелком стиле Лотара. ¹¹ секретное соглашение относительно войны против Австрии будущей весной. ¹² Военный пароль. ¹³ государственные люди. ¹⁴ министр иностранных дел. ¹⁵ в Италии папа является единственной реальностью. ¹⁶ каменщики. ¹⁷ главного комитета. ¹⁸ внешняя политика. ¹⁹ рабочим классом как таковым, ²⁰ Отлично! ²¹ заканчивает свой адрес. ²² английского рабочего класса. ²³ конец. ²⁴ секретарь для Швейцарии. ²⁵ меньшинства. ²⁶ Генеральном совете. ²⁷ насквозь. ²⁸ В конце концов. ²⁹ почетного члена. ³⁰ дополнительный статут.

887.

22 декабря 1864 г.

Дорогой Фредерик!

Очень спешу. Пришли мне обратно письмо Беккера; надеюсь, что ты его не потерял.

С Новым годом!

Твой К. М.

1865 год.

888.

25 января 1865 г.

Дорогой Фредерик!

При сем письма 1) от Вейдемейера, 2) от Шили, 3) от Либкнехта (все три я должен получить обратно), 4) от Швейцера и 5) заметка о Фогте, которую я тоже хочу получить обратно.

Для уразумения писем 2, 3 и 4 прибавлю следующее: не знаю, получаешь ли ты «Социал-демократа» (или подписался на него; если ни то, ни другое, тогда Бендер, заказавший шесть номеров с целью продажи, может тебе посылать один экземпляр отсюда).

В «Социал-демократе» была помещена корреспонденция осле Моисея Гесса, в которой он рассказывает, что мы обратились к «L'Association» (газете парижских ассоциаций) с просьбой поместить перевод нашего «Адреса» (наоборот, Массоль *предложил* это Шили) и примкнуть к нашей Ассоциации; но те будто бы это отклонили из-за того, что *мы* сначала обратились к Толену и т. д., которые являются плон-плонистами. Толен будто бы это сам признал и т. д.

Я нашел эту заметку через день после моего возвращения из Манчестера. Я написал бешеные письма в Париж и в Берлин. Из писем Шили и Швейцера видно, что все это возникло благодаря глупости (быть может, соединенной с некоторой хитростью) Гесса и глупости *toute pure*¹ Либкнехта.

Это вызвало вчера большой скандал в здешнем комитете. Ле-Любе, ставший целиком на сторону Толена, объявил все это клеветой, так как в комитете «Association» сидят такие субъекты, как Горн (Эйнгорн, раввин) и нудный Жюль Симон (из «Liberté»). Все же, по моему предложению, было постановлено не посылать в Париж 500 cards of membership,² пока Шили не пришлет дальнейших сведений из Парижа.

Общество великолепно преуспевает. На устроенном им вечере, на котором я *не* был, было около 1 200 человек (у них было бы в три

раза больше, если бы вал мог вместить); это принесло нашей весьма оскудевшей кассе около 15 фунтов стерлингов.

Письма о присоединении получились из Женевы и из different parts of England. ³

В защиту поляков в течение февраля состоится собрание, в частности для того, чтобы собрать немного денег для новой эмиграции (ввиду чего chairman'ом ⁴ выбран лорд Таунсэнд); устраивает его (английская) Polish league, ⁵ местное польское общество и наше Товарищество.

Что ты скажешь о «завещании» Лассаля, которое сообщено Либкнехтом. Не есть ли это его собственный Зикинген, который хотел принудить Карла V «стать во главе движения»?

В ответ на бурные требования Швейцера (а также, чтобы умягчить его за то, что я обругал его вместо Либкнехта за blunder ⁶ в «Социал-демократе»), я послал ему вчера статью о Прудоне. Ты заметишь в этой статье, что некоторые весьма чувствительные удары, предназначенные якобы для Прудона, на самом деле метят и попадают в нашего «Ахиллеса».

Кстати. Каждый секретарь нашего Товарищества получит на будущей неделе пачку cards of membership ² (конечно, Товарищества, а не «Комитета») для распространения (1 шиллинг — годовой взнос, 1 — пенни за карточку). Ты должен будешь несколько штук сбыть в Манчестере. Много я тебе не пошлю, но напиши мне все-таки, how many ⁷ мне тебе послать! Это in fact one of the ways and means of the Association. ⁸

My compliments to Mrs. Burns. Will she, perhaps, become a member? Ladies are admitted. ⁹

Yours truly. ¹⁰

К. М.

P. S. Я забыл в твоём доме на Doverstreet пару вишних туфель, ditto пару новых чулок, а также два шелковых носовых платка. Упоминаю об этом для того, чтобы ты «при случае» проронил об этом слово своим квартирным хозяевам и чтобы они видели, что за ними присматривают.

Профессору Тиндалю удалось путем прямо гениального опыта разделить солнечные лучи на тепловые, которые расплавляют даже платину, и на холодные, совершенно лишенные тепла световые лучи. Это one of the finest experiments of our days. ¹¹

Либкнехт прислал мне еще одну записку, в которой редакция настойчиво просит у тебя статьи. Она имеет прежде всего в виду или yankee war, ¹² или прусскую реформу армии, так как эту газету

лица всевозможных званий читают больше than any other Berlin paper.¹³

Что касается yankee war,¹² то ты уже мне объяснил, что она не подходит для «Социал-демократа».

Что же касается прусской армейской реформы, то это очень подошло бы для этого органа. У меня только возникает вот какой question:¹⁴ не привело ли бы тебя изложение этого вопроса в нежелательный в данный момент и в данной области односторонний конфликт с прогрессистами, так как ведь король объявил, что он ни в одном пункте не пойдет на уступки; таким образом, он во всяком случае сделал этот вопрос острым конституционным вопросом? Или ты можешь, в соответствии с твоими военными взглядами, трактовать этот вопрос таким образом, чтобы бить сразу *обоих*? Это было бы наиболее желательно.

Во всяком случае, раз я послал теперь в эту газету статью за своей подписью, то и ты можешь там печататься. И ты должен это сделать, пока еще имеется орган.

¹ чистой. ² членских карточек. ³ различных частей Англии. ⁴ председателем ⁵ Лига в защиту Польши. ⁶ промах. ⁷ сколько. ⁸ это фактически один из финансовых источников Товарищества. ⁹ Привет миссис Бернс. Не хочет ли она вступить в члены? Дамы принимаются. ¹⁰ Искренно твой. ¹¹ один из самых тонких опытов нашего времени. ¹² американскую войну. ¹³ чем какую-либо другую берлинскую газету. ¹⁴ вопрос.

889.

27 января 1865 г.

Дорогой Мавр!

Письма я отошлю тебе завтра или в воскресенье, так как я вынужден разбирать этот ужасный почерк и бледные чернила при дневном свете; вчера вечером я мог их лишь бегло просмотреть.

Бестактность Моисея (причем здесь, несомненно, было некоторое злорадство со стороны главы партии) и, в особенности, Либкнехта действительно чрезвычайна. Меня, впрочем, удивляет, что последний не наделал еще больше таких ошибок,— это всегда было его особенностью.

Я посылаю им маленькую датскую народную песню о тидмане, которого старик убивает на народном собрании за то, что он налагает на крестьян новые подати. Это революционно и все же не наказуемо, и прежде всего это направлено против феодального дворянства, против которого газета безусловно должна выступить. Я к этому делаю несколько соответственных примечаний. Статью о реорганизации

армии я, вероятно, смогу составить, лишь только у меня будут новые военные проекты и т. д.; я пишу им, чтобы они мне их прислали, при этом я пишу также, что я выступаю столь же резко против правительства — *past and present*,¹ — как и против прогрессистов, и чтобы они статью не печатали, если первое для них неприемлемо.

Что касается американской войны, то возможно, что позже об этом можно будет кое-что написать — сейчас же нет налицо какого-либо законченного периода; царящее теперь спокойствие, говоря словами Я. Гримма, какое-то «неорганическое».

Благородный Лассаль разоблачается все в большей и большей степени как совсем обыкновенный прохвост. В оценке людей мы никогда не исходили из того, чем они себя хотели показать, а из того, чем они были в действительности, и я не вижу, почему мы для покойного Итцига должны сделать исключение. Субъективно его тщеславие могло ему представить дело приемлемым, объективно это было подлостью и предательством в пользу пруссаков всего рабочего движения. При этом глупый парень, повидимому, не потребовал даже со стороны Бисмарка какой-либо компенсации, чего-либо определенного, не говоря уже о гарантиях; он, очевидно, просто полагался на то, что он непременно *должен* надуть Бисмарка, точно так же, как он был уверен, что непременно застрелит Раковица. В этом — весь барон Итциг.

Впрочем, скоро настанет время, когда станет не только желательным, но и прямо *необходимым* опубликовать всю эту историю. Нам это может принести только пользу. И если дело с Союзом и с газетой продержится в Германии, то необходимо, даже возможно скорее, выбросить наследников этого парня. Однако пролетариат Германии скоро увидит, чего ему ждать от Бисмарка.

Поклон всем лэди.

Твой Ф. Э.

Я смогу распространить лишь около полдюжины билетов, пусть Джонс об этом позаботится, у меня очень много работы.

¹ прежнего и настоящего.

Дорогой Энгельс!

Tout d'accord.¹ Что касается опасений относительно конфискации, то ты должен в качестве предисловия к первой статье указать очень кратко, что ты собираешься, во-первых, осветить этот

вопрос с военной точки зрения, во-вторых, критиковать буржуа и, в-третьих, реакцию и т. д. и выяснить позицию Рабочей партии в этом вопросе и т. д., причем в нескольких штрихах может быть уже намечена или предуказана *тенденция*. Но уже *de prime abord*² это затруднит правительству конфискацию. Если же оно это все-таки сделает, то тем самым «Социал-демократ» будет брошен в новую фазу (ибо теперь эти господа не могут произвести конфискации без того, чтобы потом или не снять запрет с конфискованного, или не предать дела суду); вместе с тем, ты должен себе оставить копию рукописи третьего номера. Не будет ничего легче, как напечатать ее в одной из двух *местных* немецких газет и затем послать ее оттиски в Гамбург и т. д., где тогда та или иная буржуазная газета безусловно это перепечатает.

Шили, по-моему, просто одурачен Моисеем Гессом. Это видно из всех посланий Моисея в «Социал-демократ». (Cf., for instance,³ только-что прибывший № 15 «Социал-демократа», который вообще полон самого отвратительного «лассальянства». Изверлонцы говорят о «Лассале-Линкольне»). Моисей — наш противник, он не забыл нам ни «высылки из Брюсселя», ни «изгнания из Кельна» и всегда будет ценить в Лассале то, что он обладал столь необходимым для «народного вождя» «тактом» — принимать всерьез Моисея Гесса.

Впрочем, являясь органом «Всеобщего германского рабочего союза», «Социал-демократ» вряд ли сможет освободиться от этой атмосферы апофеоза.

Так как мы, кроме того, теперь знаем, что Итциг (что нам в *такой форме* никак не было известно) намерен был продать рабочую партию Бисмарку для того, чтобы приобрести славу «Ришелье пролетариата», то я теперь не поколеблюсь намекнуть *достаточно ясно* в предисловии к моей книге, что он просто плагиатор.

Не исходят ли «стихотворения»: «Мы хотим быть лассальянцами» и другие глупости, которые присылают «Социал-демократу» непосредственно *рабочие*, прямо или косвенно от «старухи» [гр. Гатцфельдт]? Во всяком случае, я уже несколько раз письменно заявлял редакции, что с этой ерундой необходимо покончить.

Что за народ наши прогрессисты, это обнаружилось опять из их поведения в вопросе о свободе коалиций, (*En passant*, прусский закон против союзов, как и все аналогичное континентальное законодательство, ведет свое начало от декрета *Assemblée Constituante*⁴ от 14 июня 1791 г., в котором французские буржуа очень сурово, — например, потерей гражданских прав на один год, — карали всякого рода рабочие ассоциации, под тем предлогом, что они представляют

собой *восстановление цехов* и противоречат *liberté constitutionnelle*⁵ и «*droits de l'homme*».³ Весьма характерно для Робеспьера, что в то время, когда «конституционность» в духе Собрания 1789 считалась преступлением, достойным гильотины, все законы этого собрания *против* рабочих продолжали сохранять свою силу.)

Господин Брайт опять испортил себе здесь в Лондоне у рабочих все дело своей *speech*⁷ против распространения закона о десятичасовом дне на бирмингамскую *trades*.⁸ Такого рода буржуа — *incogitables*.⁹ И этот субъект делает это в такой момент, когда он хочет при помощи рабочих разбить олигархов!

Кстати! Так как я уже дважды заявлял «Социал-демократу», что они должны возможно основательнее и возможно быстрее освободить свой листок от детского «апофеоза», было бы весьма не вредно, если бы ты, посылая свою статью, сделал редакции аналогичное замечание. Если мы даем им свои имена, мы можем также требовать, чтобы *сейчас*, когда им известно о предполагавшейся измене Лассалья, при помощи этих имен не пускали рабочим пыль в глаза или не превращали самих себя в орудие любой глупости.

Привет.

Твой К. М.

¹ Вполне согласен. ² с самого начала. ³ См., напр. ⁴ Учредительного собрания. ⁵ конституционной свободе. ⁶ правам человека. ⁷ речью. ⁸ промышленность. ⁹ несправимы.

391.

1 февраля 1865 г.

Дорогой Фредерик!

Прилагаемое при сем письмо Штрона ты должен мне вернуть и вместе с тем написать мне, что ты думаешь об этой издательской афере.

«Зибольд» (о котором идет речь), это, несомненно, — пеннотвинный Зибольд, *no doubt about that*.¹ Я боюсь, что он не только нашел очень сухим мой прием по отношению к его искрящемуся воодушевлению, но *that he caught some queer words at Gumpert's door, as I told you at the time*.² Во всяком случае, очень красиво со стороны этого субъекта и весьма характерно для поведения вояжера-винооторговца, что от нас он прошел прямо к Карлу Блинду и поехал в Гамбург в качестве его посланца. Не действовало ли, может быть, «пенистое вино» по директиве Блинда, и не обещал ли последний сверх того свое всемилолюбивейшее покровительство за «вскипание». Я надеюсь, к чести винной пены, что Зибольд не является столь продажной пеной, хотя нельзя было

не замечать, что в то время как один его глаз сверкал восторгом, другой had an eye to business.³ Что касается Фрейлиграта, то я feel sure,⁴ что он too cautious,⁵ чтобы в каком-либо виде *публично* (in partibus⁶ это, само собой разумеется, возможно) обещать Блинду свое сотрудничество. However, I shall try to ascertain the fact.⁷ Во всяком случае очень хорошо, что Штрон так ловко помешал Руге и Блинду. Я сегодня послал ему еще несколько специально предназначенных для Мейснера саркастических заметок об этой благородной паре друзей-врагов.

Английскую окрошку в моем послании ты должен извинить тем, что вчера было sitting of the Council,⁸ продолжавшееся до one o'clock.⁹ («Жидкости» и «дым» *исключены* из этих «sittings». ¹⁰) Прежде всего получилось ответное послание Линкольна, которое ты, возможно, завтра найдешь в «Times», во всяком случае в «Daily News» и в «Star». В то время как в напечатанном вчера в «Evening Star» ответе лондонскому «Emancipation Society» (в котором участвуют такие сиятельные особы, как сэр Чарльз Ляйэлль и «всемирно-исторический», сиречь «К[арл] [Блинд]») старик отделяется от этих субъектов очень сухо и двумя формальными фразами, как он поступил также и в своем прежнем ответе манчестерскому отделению «Эмансипационного общества», — его письмо к нам заключает в себе действительно все, на что можно было претендовать, вплоть до наивного уверения, что *Соединенные Штаты* не могут непосредственно заняться «пропагандизмом». Во всяком случае это до сих пор единственный более чем строго формальный ответ on the part of the old man.¹¹

Во-вторых, был делегат от поляков (аристократов), связанных с «Литературным обществом». Эти господа, имея в виду предстоящий польский митинг, поручили ему торжественно заявить, что они *демократы* и что *теперь* каждый поляк — демократ, так как аристократия слишком незначительна, и она должна была *обезуметь*, чтобы не видеть, что восстановление Польши без крестьянского восстания *немыслимо*. Верят ли эти господа в то, что они говорят, или нет, во всяком случае последний урок прошел, кажется, для них не совсем бесплодно.

В-третьих, поступили заявления от разных трэд-юнионов об их присоединении. Точно так же от одного общества в Брюсселе, которое обещает учредить секции по всей Бельгии.

Затем я вручил пришедший лишь вчера номер «Daily St.-Louis Press» с передовой статьей о нашем «Address to the Workingmen»¹² и составленное, повидимому Вейдемейром, извлечение оттуда.

Но затем самое любопытное.

Кремер, our honorary General Secretary,¹³ получил письменное приглашение для «Совета» (и, кроме того, у него еще были по этому поводу и с частным визитом) от одного provisional committee,¹⁴ который в ближайший понедельник будет иметь *частное* заседание в «Лондонской таверне». Цель: грандиозный митинг в защиту Manhood suffrage.¹⁵ *Председатель* — Ричард Кобден!

Соль вот в чем: эти молодцы, как мне уже сообщил Эрнест Джонс, в Манчестере совершенно провалились; поэтому они приняли a broader platform,¹⁶ в которой, однако, вместо Manhood suffrage¹⁶ фигурировало — *registration* в «for paying roograte».¹⁷ Так напечатано в присланном нам печатном циркуляре. Но так как на основании различных признаков им все же стало ясно, что помимо Manhood suffrage¹⁶ ничто не может привлечь к cooperation whatever on the part of the working classes,¹⁸ то они заявили, что готовы принять это требование. *Большая* демонстрация в Лондоне повлекла бы за собой аналогичные в провинции, — так пишут «со всех сторон» провинциалы, которые «уже давно» пришли к заключению, что они неспособны to set the ball a going.¹⁹

Главным предметом вчерашнего обсуждения было следующее: должно ли наше society,²⁰ т. е. council,²¹ в соответствии с желанием этих господ (среди которых находятся все старые sham²²-агитаторы, как Самюэль Морлей и т. д.) послать несколько делегатов для присутствия в качестве «наблюдателей» при переговорах их временного комитета? Второе: если эти господа *прямо* обяжутся выставить своим лозунгом избирательное право для всех мужчин и созовут public meeting²³ на этой основе, должны ли мы в этом случае обещать им поддержку? Последнее имеет для этих господ столь же решающее значение, как в американской истории. Без трэд-юнионов невозможен массовый митинг, а без нас они не могут получить трэд-юнионов. Вот настоящая причина того, почему они обращаются к нам.

Мнения по этому вопросу *сильно* разошлись, чему много способствовала последняя глупость *Брайта* в Бирмингеме.

По моему предложению было постановлено: 1) послать делегацию в качестве простых «наблюдателей» (в моем предложении я исключал из ее состава foreigners,²⁴ но Эккариус и Любе были также избраны в качестве «англичан» и *немых* свидетелей); 2) so far as the meeting is concerned,²⁵ действовать совместно с ними, если, *во-первых*, в их программе будет прямо и официально прокламировано manhood suffrage,¹⁵ *во-вторых*, *избранные нами люди*

войдут в *решающий* комитет для того, чтобы они могли следить за этими молодцами и скомпрометировать их при их *новой* измене, которую они, как я всем выяснил, безусловно замышляют. Я сегодня пишу об этом Эрнесту Джонсу.

Твой К. М.

¹ нет сомнения в том. ² что он подслушал несколько слов у дверей Гумперта. как я уже тебе в свое время говорил. ³ не терял из виду гешефта. ⁴ считаю несомненным. ⁵ слишком осторожен. ⁶ за рубежом. ⁷ Все же я постараюсь проверить факты. ⁸ заседание Совета. ⁹ часу ночи. ¹⁰ «заседаний». ¹¹ со стороны этого старика. ¹² Обращении к рабочему классу. ¹³ наш почетный генеральный секретарь. ¹⁴ временного комитета. ¹⁵ избирательного права для мужчин. ¹⁶ более широкую платформу. ¹⁷ внесение в списки плательщиков «ялалого для бедных». ¹⁸ участием на их стороне рабочий класс. ¹⁹ сдвинуть дело с места. ²⁰ общество. ²¹ совет. ²² показные. ²³ митинг. ²⁴ иностранцев. ²⁵ по сколькою дело идет о митинге.

892.

3 февраля 1865 г.

Дорогой Фредерик!

При сем: 1) Письмо от Зибеля, в котором он дает отчет о своем свидании с Клингсом, которое он имел с ним согласно «моему распоряжению». Прибавлю к этому, что я в это дело больше не буду вмешиваться. Если Клингс — без нашего содействия — совместно со старушенцией добьется устранения Бернгарда Беккера и аннулирования предоставленной ему завещанием роли, то я буду доволен. С Рабочим союзом в том виде, какой ему придан согласно завещанию барона Итцига, каши не сварить. Чем скорее он будет распущен, тем лучше.

2) «Рейнскую газету» с передовицей, написанной, повидимому, красным Беккером. Это призыв *ad misericordiam* ¹ со стороны «прогрессистов».

Мое мнение таково, что *мы оба* должны сделать заявление и что этот кризис даст нам как раз удобный повод опять занять свою «подлинную» позицию. Дней десять тому назад я писал Швейцеру, что он должен повернуть фронт против Бисмарка, что должна быть устранена даже видимость заигрывания рабочей партии с Бисмарком и т. д. В виде признательности (за совет) он «уже» стал кокетничать с Бисмарком более чем когда-либо.

«И опять же» в № 16 «Социал-демократа», в котором помещена испещренная опечатками моя статья о Прудоне, Моисей Гесс «уже» во второй раз доносит на «Международное товарищество». Я написал вчера по этому поводу сердитое письмо Либкнехту и

заявил ему, что это теперь наше самое последнее предостережение, что я ни в грош не ставлю «добрые намерения», которые исполняют обязанности дурных; что я никак не смогу втолковать здешним членам «International Committee»,² что подобные вещи происходят без «злого умысла», по одной лишь глупости; что их жалкая газета, продолжая прославлять Лассалья, хотя теперь они знают, какую имену он замышлял, и трусливо кокетничая с Бисмарком, имеет в то же время бесстыдство давать возможность плон-плонисту Гессу обвинять нас в плон-плонизме и т. д.

Я думаю, что теперь надо поступить так: придраться к доносу или подозрению, высказанному Моисеем, чтобы раньше всего объявить войну Бонапарту Плон-Плону, не забывая попутно и приятеля Моисея, раввина Эйн-Горна. Затем воспользоваться этим, чтобы выступить также против Бисмарка и тем самым против тех подлецов или дураков, которые мечтают или болтают о союзе между ним и рабочим классом. Во всяком случае, в заключение следовало бы заявить этим свиньям прогрессистам, что они, с одной стороны, загубили дело своей политической трусостью и беспомощностью, и, с другой, что если они желают союза с рабочим классом против правительства, — а это было бы в данный момент единственно правильным, — то они должны сделать рабочим хотя бы те уступки, которые соответствуют их собственному принципу «freetrade»³ и «democratism»,⁴ а именно, уничтожение всех исключительных законов против рабочих, к которым, помимо законов о коалициях, относится в особенности нынешнее прусское законодательство о печати. Они должны были бы также, по крайней мере в качестве тенденции, высказаться за восстановление всеобщего избирательного права, уничтоженного *coup d'état*⁵ в Пруссии. Вот тот минимум, которого от них следует ждать. Надо было бы, пожалуй, еще кое-что вставить и о военном вопросе. Во всяком случае, это нужно сделать быстро. И ты должен набросать на бумаге свои «идеи» относительно этого обращения. Я присоединю тогда свое, слажу все это вместе, пошлю тебе все это еще раз и т. д. Настоящий момент мне кажется благоприятным для такого рода «*coup d'état*».⁵ Мы не можем упустить этот момент для *restitutio in integrum*⁶ ни из-за Либкнехта, ни из-за any body else.⁷

At the same time⁸ ты должен также so soon as possible⁹ послать в «Социал-демократ» свою статью о военном вопросе.

Я написал бы им при этом, — в виде заявления, — что если они сами немедленно ее не напечатают, то она появится в других органах.

Если же они ее примут, то отлично, и не страшно будет даже,

если это взорвет их на воздух. (Хотя в данный момент Бисмарк будет остерегаться насильственных мер.) Если же они статей не примут, то у нас будет удобный предлог для того, чтобы от них избавиться. Во всяком случае атмосфера должна быть очищена, а партия избавлена от оставленной Лассалем вони.

Твой К. М.

¹ к состраданию. ² Международного комитета. ³ свободы торговли. ⁴ демократизма. ⁵ государственным переворотом. ⁶ восстановления себя во всех правах ⁷ кого-либо иного. ⁸ В то же время. ⁹ как можно скорее.

893.

Mornington Street, 5 февраля 1865 г.

Дорогой Мавр!

Совершенно согласен с тобой относительно заявления. Но ты должен его написать сам, иначе я не управлюсь с военной статьей. Я боюсь, что эта штука станет такой длинной, что сможет пойти лишь как брошюра. I и II готовы (но еще не просмотрены), III — еще нет. Мне много мешали, здесь был Бланк и т. д., и т. д. Итак, ты составь заявление. К исключительному закону относится также ограничение в праве союзов и собраний, все законодательство о *дорожных книжках* и, наконец, статья 100 Уголовного уложения: подстрекательство граждан государства к ненависти и неуважению (тоже штука, унаследованная от Наполеона). Затем, если удастся, надо указать также на то, что в такой преимущественно земледельческой стране, как Пруссия, низко нападать от имени промышленного пролетариата исключительно на буржуазию и на-ряду с этим ни единым словом не упоминать о патриархальной палочной эксплуатации сельского пролетариата со стороны крупного феодального дворянства. О военном вопросе не так важно говорить, зато надо выдвинуть *бюджетный вопрос*: к чему рабочим парламент, избранный на основании всеобщего избирательного права, если он будет таким бессильным, каким Бисмарк хочет сделать нынешний буржуазный парламент, — преемником которого этот новый парламент должен быть, — и если он не может даже отклонить новых налогов?

Вот мои мысли *ad hoc*. Итак, за дело и пришли мне немедленно это заявление.

Мейснер. So far so good.¹ Но тебе, конечно, нужно будет самому туда отправиться. *Conto a metà*² имеет свои преимущества, если ты в договоре оговоришь за собой право осмотра книг и документов и если Мейснер согласится две трети причитающегося

тебе гонорара выдать тебе в форме немедленной беспроцентной ссуды. Из письма Штрона, повидимому, следует, что Мейснер would rather not part with any money if he could help it.³ Во всяком случае, ты должен будешь сам туда съездить с рукописью и покончить.

Впрочем, действуй теперь быстро. Время теперь для книги очень благоприятное, и наши имена опять пользуются у публики почетом. Ты знаешь, как в Германии принято затягивать с печатанием. Итак, не упускай момента, — это может повести к колоссальной разнице в смысле воздействия.

Зибольд. Я тебе заранее говорил, что на таких парней полагаться нельзя, и был с самого начала убежден в том, что он в Лондоне пойдет к Блинду. В предположении о замечаниях, подслушанных у дверей Гумперта, нет никакой необходимости. Субъект этот всегда так поступал и всегда будет так поступать. Но хорошо то, что он «уже» находится под нашим надзором.

Лассалевский союз, как я вижу из письма Зибеля, которое я сохраняю у себя, очень скоро погибнет вследствие воровства и растрат чиновников, и очень хорошо, что «дело так обстоит». Остальное доделает старая свинья со своими интригами. Чем меньше мы будем путаться в это грязное дело, тем лучше. Let it rot and be dam'd to it.⁴

«Социал-демократик» становится мне с каждым днем противнее. Этот дрянной Гесс, принимающий по отношению к нам покровительственную мину действительного тайного лассалевского чиновника; глубокомысленные статьи господина Швейцера об энциклике и Бисмарке, кокетничающие со всякой дрянью и ругающие лишь буржуазию; полная дряблость и бесталанность и даже отсутствие всякого здравого человеческого смысла, — всего этого для меня более чем достаточно. Три раза в неделю воскуривание фимиама Лассалу — это не всякий выдержит, и хорошо, что наступает кризис. Я это также выскажу этим господам в моем ближайшем письме. До сих пор у меня лишь не было случая. Кстати, по какому адресу ты пишешь *Либкнехту*? Мне тоже время от времени хочется дать ему нагоняй или же подбодрить, s'il y a lieu.⁵

Теперь я должен кончать. Привет всем! Заявление пришли *немедленно*. Статья будет у меня готова к среде или четвергу.

Твой Ф. Э.

Пробовал выпытать у моего шурина сведения о Зибеле, но ничего не мог узнать, за исключением того, что он «вечно пьян»,

штается с актрисами и что его жена намерена развестись с ним.
 My best compliments to the ladies.⁶

¹ Пока что хорошо. ² Участие на паевых началах. ³ предпочитает не расставаться со своими деньжками, если это возможно. ⁴ Пусть оно сгниет, и будь оно проклято ⁵ если есть за что. ⁶ Мой сердечный привет дамам.

894.

6 февраля 1865 г.

Дорогой Энгельс!

В получившемся сегодня «Социал-демократе» напечатан, к счастью в фельетоне, — после моей статьи, осуждающей даже всякую «видимость компромисса», — твой призыв к смертельной борьбе против дворянства.

Я считаю поэтому пока более целесообразным послать, вместо предполагавшегося ранее заявления, нижеследующие несколько строк. Они, несомненно, подадут повод к дальнейшему заявлению. Но по зрелом размышлении, мое «эстетическое» чутье подсказывает мне, что последнее еще пока неуместно, потому что оно появилось бы через *слишком* короткий срок после воззвания Беккера. Напротив, эти несколько строчек *безусловно* вызовут склоку между Швейцером и Красным Беккером и т. д., в которую мы сможем вмешаться и заявить о нашей политике кратко, ясно и *без всякой игры в прятки*.

Я прилагаю при сем письмо несчастного Либкнехта и записку к нему от старухи Гатцфельд, которая считает, что в газете все еще не достаточно «Лассалья».

Насчет Клингса я ничего не отвечаю. Пусть они сами устраиваются, как знают.

Письмо от Шили только-что получил (смогу тебе послать его лишь через несколько дней), из него вытекает:

1) что инсинуации Моисея были просто высосаны из пальца, 2) что наш план «чрезвычайно» понравится в Париже и что тамошние рабочие нисколько не считаются с «L'Association», в которой господин А. Горн, Леб Зоннеман и остальная шайка «напускают на себя важность».

Если прилагаемое заявление тебе нравится, перепиши его и подпиши. Отошли его затем сюда. Я тогда тоже подпишу и отошлю его в Берлин.

Кстати! Ответ Линкольна нам помещен сегодня в «Times».

К. М.

В редакцию «Социал-демократа».

Заявление.

В номере 16-м Вашей газеты господин М. Гесс из Парижа ставит под подозрение совершенно ему не известных *французских членов Лондонского центрального комитета* Международного товарищества рабочих, заявляя следующее: «Действительно нельзя понять, какое кому дело до того, что некоторые друзья Пале-Рояля состоят также в Лондонском обществе; ведь оно публичное и т. д.». В прежних номерах, в своей беседе о газете «L'Association», тот же господин М. Г. пустил в ход аналогичные инсинуации против *парижских друзей* Лондонского комитета. Мы объявляем его инсинуации вздорной клеветой.

Вообще же мы рады, что этот инцидент подтвердил наше убеждение, что парижский пролетариат, как и прежде, непримиримо враждебен бонапартизму в обоих его видах — и в образе Тюльери, и в образе Пале-Рояля — и что ни на один момент у него не появлялась мысль продать свою историческую честь (или, может быть, надо сказать вместо *«свою историческую честь»* — «свое историческое право первородства в качестве носителя революции»?) за чечевичную похлебку. Мы рекомендуем этот пример немецким рабочим.

Лондон и Манчестер.

895.

7 февраля 1865 г.

Дорогой Мавр!

При сем заявление. Камнем преткновения может послужить то, что мы *называем* Моисея, что может быть рассматриваемо как нарушение редакционной тайны. Не забудь дать по этому поводу Либкнехту инструкции, чтобы из-за такого более или менее обоснованного формального вопроса дело опять не затянулось.

Либкнехт становится все глупее. Он называет лишь компромиссом, если мы не только молча санкционируем все глупости, которые пишутся в этой газете, но если мы еще примиримся с тем, что она, вопреки всяким приличиям, набрасывает тень на наши собственные дела и агитационные кампании. Но мы имеем значительное число уполномоченных, и мы, конечно, не будем такими ослами, как Лассаль, чтобы «завещать» им что-нибудь, *s'il y avait de quoi*.¹

Если история в Берлине не пойдет на лад, то для [Либкнехта] было бы лучше всего приехать сюда, оставив семью в Берлине. Мы тогда увидим, что можно сделать. Он может здесь в Шиллеровском институте быстро приобрести знакомства, и все остальное, что можно для него сделать, будет сделано. Я полагаю, что таким путем ему, пожалуй, удастся устроиться здесь, а если нет, то он ничего не теряет. В случае удачи он может выписать сюда семью. Если же он сразу возьмет семью с собой, то он здесь *наверное* пропадет, ибо расходы его так возрастут, что продолжать здесь поиски работы он не сможет. Уроки, как их давал Лупус, трудно будет достать, однако пусть попробует все, что можно.

Бендер за мой абонемент на «Социал-демократик» посчитал мне 5 шилл. — за четверть года, что мне представляется слишком высокой ценой.

Чорт его знает, как здесь мешают работать! Вчера было снова заседание комитета Шиллеровского общества, так что я после пятницы лишь сегодня вечером могу снова приняться за статью о военном вопросе.

Итак, попытка Гатцфельд и Клингса выбросить Бернгарда Бекера кончилась полной неудачей, и выброшенным оказался Клинге. Будем держаться ради всего на свете в стороне от этого грязного дела. Положение таково, что к нему применимы слова, сказанные в 1848 г. рабочим в Гюрценихе: они могут падать, как хотят, сверху лежать всегда будет прохвост.

Что за дикий немецкий язык у Швейцера «как такового»! Вторая передовица о министерстве Бисмарка до невероятности высокопарна и замысловата, хотя прямого заигрывания с Бисмарком уже нет, и хорошо, что он определяет прусскую политику как прямо *противогерманскую*. Но как наивно со стороны Либкнехта требовать, чтобы мы им разъяснили, как им себя вести по отношению к правительству, между тем как ему следовало бы прежде всего добиться от господина Швейцера категорических разъяснений, *как он намерен себя держать по отношению к правительству*.

Мне кажется, что в Пруссии дело теперь весьма близко к компромиссу, причем палата сохранит свое бюджетное право, *но уступит во всем остальном*. Серьезно оспаривать бюджетные права Бисмарку вообще не приходит в голову, так как такая тактика не может дать ему ни денег, ни кредита, а он очень нуждается и в том, и в другом. Вся эта история еще может потерпеть неудачу из-за различных мелочей.

Начало ричмондовской кампании в Америке в марте-апреле, вероятно, разрешит судьбу всего года. Если Гранту удастся отогнать оттуда Ли, тогда Confederacy played out,² армии ее распадутся и единственным врагом, как сейчас в Западном Теннесси и почти во всех других местах, останутся бандитские отряды. Армия Ли уже теперь реально является единственной, находящейся в распоряжении южан; от ее гибели зависит все. Мы уже теперь можем считать, что область, из которой Ли черпает свои вспомогательные средства, ограничивается Южной Виргинией, Каролиной и, самое большее, еще частью Георгии. Привет.

Твой Ф. Э.

¹ если бы и было что. ² игра конфедерации проиграна.

896.

9 февраля 1865 г.

Дорогой Мавр!

При сем рукопись, которая разбухла до размеров настоящей брошюры и теперь, конечно, совершенно не подходит для этой газетки. Просмотрел я ее очень поверхностно и должен буду просмотреть еще раз. В связи с военным вопросом нужно еще сделать статистическое дополнение относительно боееспособного населения; в заключение необходимо еще дополнение о мелкой буржуазии, о которой я «в пылу сражения» совершенно позабыл. Впрочем, ты сам видишь, что эта вещь состряпана без каких-либо литературных пособий, просто из головы, так как ее необходимо было скорее сделать. Я жду теперь твоих замечаний.

Но что теперь с этим делать? Послать рукопись Либкнехту или Зибелю, чтобы найти издателя? Как ты думаешь? Лучше всего было бы издать ее за пределами Пруссии, или ты думаешь, что там нет ничего, грозящего конфискацией? Я потерял всякое представление о положении прессы в Пруссии. Сообщи мне свое мнение также и об этом пункте, т. е. о возможности напечатать ее в Пруссии.

Только-что опять получился номер «S. D.» (Saudreck).¹ Что за жалкий лепет о позиции партии! Ни рыба, ни мясо. Все время открыта задняя дверь, ведущая к Бисмарку. Мирно итти вместе! И вдобавок еще Моисей, пришедший к убеждению, что во Франции буржуазия и правительство соревнуют между собой в стремлении завоевать *расположение* рабочих. Настоящий рай для Моисея эта Франция! Это даже самому Швейцеру показалось слишком нелепым, и он поставил рядом знак вопроса.

Оставить ли мне в главе III место о современном рабочем движении?

Речь Роона, кажется мне, весьма склоняется к компромиссу. Этот человек готов пойти на переговоры. Поэтому моя вещь должна появиться *быстро*. Напиши же скорее, что ты думаешь относительно издателя.

Твой Ф. Э.

¹ [непереводимая игра слов: «Saudreck» значит дрянь и состоит из двух слов с начальными буквами S. D.]

897.

10 февраля 1865 г.

Дорогой Фредерик!

Вещь хороша, было бы бессмыслицей сейчас заняться оттачиванием и отделыванием, хотя стиль кое-где и небрежен, ибо прежде

всего важно выступить in the nick of time ¹, так как разрешение столкновения «уже» у порога.

Мой совет поэтому таков:

Послать этот памфлет прямо к Мейснеру в Гамбург и написать, что самое главное, это — напечатать как можно скорее; пусть он тебе сейчас же ответит (гонорар пусть определит он сам), берет ли он это, так как в таком случае ты заранее мог бы обратиться на эту брошюру внимание берлинских и рейнских газет.

Для «Социал-демократа» эта вещь слишком велика и при нынешних условиях слишком «дерзка». Я же, с своей стороны, постарался бы поместить краткие заметки в «Социал-демократе» (через Эккартуса), и в «Диссельдорфской газете» — при посредстве Зибеля; я даже послал бы, быть может, заметку и в «Рейнской газете» с сообщением, что там-то и там-то выходит в свет твоя брошюра, в которой ты по этому специальному вопросу, наряду с обсуждением purely military question, ² выражаешь нашу позицию по отношению к реакции, прогрессистам и лассальянцам.

Если тебе еще нужно сделать кое-какие дополнения, то ты все же пошли все это immediately ³ Мейснеру (в Гамбург), сообщив ему, что к таким-то и таким-то страницам (ты можешь их отметить знаками) будет прислано еще несколько дополнений. Несколько больше внимания следовало бы уделить сельскому населению, которое немецкий рабочий слишком охотно трактует как несуществующее. Судя по последнему письму Штрона, его, вероятно, опять нет в Гамбурге, так что рукопись не может быть послана ему, а должна идти прямо к Мейснеру.

В Берлине сейчас дует скверный примирительный ветер, идущий на этот раз со стороны России и усиливаемый неудачным ходом дел с Австрией. «Петербургская газета» советует безусловно уступить палате в вопросах об установлении бюджета и о двухгодичной военной службе. Она, между прочим, говорит: «Настоящее положение если и не внушает нам беспокойства, то все же кажется нам серьезным, и если наступят не вполне благоприятные обстоятельства, то можно опасаться, что будущее будет мрачно. А в моменты нужды и опасности, — история вполне это доказала, — лишь редко оказывается достаточной одна только строгая дисциплина в армии и среди чиновников. Тогда как, вообще говоря, при всех условиях, подлинная сила государства в гораздо большей степени зиждется на единстве правительства и народа. Хотя мы и не недооцениваем ту примирительную форму, в которой правительство в течение сессии этого года шло навстречу народному представительству, мы все же, принимая во внимание вышесказанное, не можем

не подчеркнуть свое желание, чтобы это примирительное настроение сказалось *и на деле*. Московиты, повидимому, нуждаются в «своих» пруссаках для возвещенного в «*Московской газете*» предстоящего поворота *против Галиции-Австрии*. В той же «*Московской газете*» говорится, что *этим* последним покорением Польши, — при условии беспощадного продолжения муравьевской политики, — «*пробита брешь в сердце Германии*». Наши добрые «прогрессисты» и не менее добрые «лассальянцы» все это проспали.

При сем письмо от Шили.

К великому огорчению Моисея, «Международное товарищество» делает большие успехи среди парижских рабочих. Вследствие глупости Моисея, Толен подал в отставку (мы формально *не* приняли его отставки). Г. Лефор (редактор «*Avenir*» etc.), входящий также в редакционный комитет «*L'Association*», взял на себя по своему желанию обязанность literary defender (attorney general) ⁴ *нашего* Товарищества в Париже. В настоящее время последнее подверглось нападению со стороны Горна (один параграф статуты). Этот жид Горн скоро почувствует, что кроме Моисея Гесса имеются еще и другие немцы. Фрибур открыл для нас bureau de renseignement; ⁵ третьего дня ему посланы были cards of membership. ⁶

На подготовительном заседании к польскому митингу я видел опять old ⁷ Оборского, он тебе *не* кланяется. Привет.

Твой К. М.

A propos! То обстоятельство, что нам Линкольн ответил так вежливо, а буржуазному «Эмансипационному обществу» так грубо и чисто формально, так возмутило «*Daily News*», что эта газета *не* напечатала ответа к нам. Но так как она увидела, к своему огорчению, что «*Times*» это сделал, она должна была *дополнительно* поместить его в «*Express*». *Леви* также пришлось проглотить эту горькую пилюлю. Различие в ответе Линкольна нам и буржуа произвело здесь такой эффект, что в вест-эндских «клубах» по этому поводу покачивали головами. Ты понимаешь, как нашим это приятно.

¹ своевременно. ² чисто военного вопроса. ³ немедленно. ⁴ литературного защитника (главного адвоката). ⁵ бюро справок. ⁶ членские карточки. ⁷ старого.

Дорогой Фредерик!

Так как сегодня суббота, то я полагаю, что ты сегодня еще не отправишь рукописи и что еще не поздно сделать следующие изменения:

1) В том месте, где ты задаешь вопрос, *чего же хотят рабочие*, я не ответил бы, как у тебя, что рабочие Германии, Франции и Англии требуют того-то и того-то. Это выглядит так, или, по крайней мере, будет *так истолковываться*, будто бы мы принимаем лозунги Итцига. А я бы сказал так: «Повидимому, выставляемые в настоящий момент передовыми рабочими *Германии* требования сводятся к следующему и т. д.» Таким образом, ты себя ничем не связываешь; это и лучше, так как в дальнейшем ты сам критикуешь всеобщее избирательное право, если оно не сопровождается соответствующими условиями. (Слово «прямые», кроме того, не имеет для Англии, напр., и т. д. смысла и противопоставляется лишь изобретенному пруссаками «непрямому избирательному праву».) Форма, в которой эти господа в Германии представляют себе государственное вмешательство à la Lassalle, такова, что нужно остерегаться *anyhow*¹ солидаризироваться с «таковой». Будет лучше (и вернее), если ты *предоставишь* этим молодцам *самим сказать*, чего они хотят. (Я говорю «молодцы», потому что они, собственно, умничающие лассальянцы.)

2) Я не сказал бы, что движение 1848 — 1849 гг. потерпело неудачу, потому что буржуазия противилась *всеобщему, прямому избирательному праву*. Более того: франкфуртцы декларировали его как «истинно-германское» право, и оно прокламировалось также на все лады и имперскими регентами. Я придерживаюсь также того взгляда, что когда этот вопрос станет в Германии серьезно, то нужно будет рассматривать это избирательное право как уже законно существующее. Так как там нет места для слишком пространных объяснений, то я отделался бы фразой, что буржуазия тогда предпочла спокойствие, соединенное с рабством, одной только *перспективе* борьбы, соединенной со свободой, или нечто в этом роде.

В общем эта штука очень хороша, и «мне» особенно нравится тот пункт, где говорится, что *in fact*² нынешнее движение существует лишь *par la grace de la police*.³

Очень спешу. Привет.

Твой К. М.

Я зачеркнул то место, где ты, *I don't know why*,⁴ утешаешь реакционера тем, что ведь солдат не становится реакционером на третьем году службы, — или ненадолго становится им, — хотя позже ты говоришь как раз обратное.

¹ в какой бы то ни было мере. ² фактически. ³ милостью полиции. ⁴ не знаю почему.

899.

13 февраля 1865 г.

Дорогой Мавр!

Твои suggestions ¹ успели вчера как раз во-время и были использованы. Насколько необходима была в особенности поправка о требованиях рабочих, снова доказывают полученные сегодня номера «Социал-демократа», 20-й и 21-й.

Впрочем, наше поведение, кажется, все же начинает давать свои плоды. В номере 21-м взят до известной степени более революционный тон, которого прежде совершенно не было. Я, впрочем, написал Либкнехту, что незначем чересчур шуметь, пусть они только перестанут кокетничать с реакцией и воздадут share ² также и дворянству и реакции, а специально *ругать* и их, и буржуазию в мирные времена излишне. Но теперь уже ясно, что Итциг придал движению *toxy chartist* ³ характер, который трудно будет уничтожить, и создал в Германии такое течение, которое до сих пор нигде среди рабочих не было известно. Везде сквозит это отвратительное пресмыкание перед реакцией. We shall have some trouble with that. ⁴ Увидишь, рабочие будут говорить: чего хочет этот Энгельс, что он сделал за все это время, как смеет он говорить от нашего имени и указывать нам, что мы должны делать; этот субъект сидит в Манчестере и эксплуатирует рабочих и т. д. Хотя мне на это наплевать, но это безусловно будет, и этим мы обязаны барону Итцигу.

Твой Ф. Э.

¹ поправки. ² должное. ³ торийско-чартистский. ⁴ Будут у нас с этим хлопоты.

900.

1, Modena Villas, Maitlandpark, Haverstockhill,
13 февраля 1865 г.

Дорогой Энгельс!

Из прилагаемого ты увидишь, как обстоит дело с нашим заявлением, касающимся Моисея. Одновременно ты прочтешь моисеево писание в последнем номере «Социал-демократа».

На этот раз я полагаю, что прав Либкнехт. Господин фон-Швейцер притворился, будто усматривает в нашем заявлении лишь личную выходку против Моисея; выпад против бонапартизма и т. д. он «проглядел», — вероятно, отлично понимая, what he is about. ¹ Для Швейцера было бы, быть может, довольно удобно, если бы открытый *разрыв* (кто знает, не наделал ли он уже таких дел, которые должны будут вскоре вызвать такой разрыв?) последовал

в связи с делом Моисея, *а не из-за Бисмарка*. Я по этому поводу написал ему письмо (копию я сохранил), в котором d'abord² подвожу итоги нашим отношениям до настоящего момента и спрашиваю его, в чем мы перешли «меру»? И снова разбираю case³ с Моисеем. Затем я указываю, что благодаря последней мазне Моисея наше «заявление» to a certain degree⁴ устарело и что поэтому все дело можно бросить. Что касается *другого* пункта заявления — кивка в сторону рабских — то мы в *каком-либо ином месте* выскажемся подробно об отношении рабочих к прусскому правительству. Я воспользовался заодно уже этим случаем, — связав это с помещенной сегодня в «Times» телеграммой о прусской министерской декларации, — чтобы еще раз открыто высказать господину фон-Швейцеру наше мнение о взаимоотношениях между Бисмарком и Лассалем.

Я в самом деле нисколько не удивился бы, если бы Бисмарк *наотрез отказался* отменить закон о коалициях в том виде, в каком теперь требует вынужденная к этому часть прогрессистов. Право коалиций и все, что с ним связано, слишком сильно расходится с полицейским всевластьем, с «положением о челяди», со звериной грубостью сельского дворянства и бюрократической опекой вообще. Поэтому, лишь только бюргеры (или часть их) покажут вид, что принимают все это всерьез, правительство тотчас же обратит это в шутку и сделает volte-face.⁵ Прусское государство *не* может допустить коалиций и профессиональных союзов. Это не подлежит сомнению. Напротив, *правительственная поддержка* жалких кооперативных обществ как раз подходит для всей их системы. Расширение сферы вмешательства чиновников, контроль над «новыми» деньгами, подкуп более живой части рабочих, оскотление всего движения! Все же при нынешней большой нужде прусского правительства в деньгах вряд ли имеется основание так сильно опасаться этого плана, как блаженной памяти «ордена лебедя»!

Между прочим, Лассаль был *против коалиционного движения*. Либкнехт вызвал его среди берлинских книгопечатников против воли Лассалья. (Отсюда и возникла вся эта история, которую теперь хочет присвоить себе шут Беккер.)

Пока что, по моему мнению, надо вести себя по отношению к «Социал-демократу» «сдержанно». Это значит — *ничего* не писать (кроме Эккариуса). Скоро придет момент, когда мы или должны будем *открыто* порвать, или сможем вместе с ним прилично работать. А наказание Моисея нужно будет отложить до следующего удобного случая.

Meanwhile⁶ мне *очень приятно*, что ты опять вошел в колею.

Твое умение быстро работать естественно опять вернется. Пришло ли еще мое письмо во-время?

До тех пор, пока лассальянская дрянь будет преуспевать в Германии, для «Международного товарищества» там не будет места. Что же, нужно вооружиться терпением. Прусское правительство быстро покончит с этим гнилым болотом итциговщины.

Кстати! При сем вырезка из последнего номера «Негманн'а». Я дам Эккариусу для помещения в его «Londoner Korrespondenz» еще несколько сомнительных остроумий по поводу этого заявления господ Блинд-Вольфсон. Из-за этой несчастной переписки с Берлином (не говоря уже совершенно об огромной неизбежной потере времени, вызываемой «Международным товариществом»), мне так много мешали, что мне безусловно необходимо наверстать время.

Тиндалю удалось простым механическим действием разложить солнечный свет на тепловые лучи и чисто световые лучи. Последние холодны. На первых ты можешь непосредственно закуривать сигары, а сквозь зажигательное стекло они плавят платину и т. д.

My best compliments to Mrs. Burns. I am indeed very glad to hear that the «o» was an inorganic intrusion upon her name, and that she is a namesake of the great poet. If Mrs. Gumpert declines becoming a member of a *Workingsmen's* association, I hope Mrs. Burns will not follow that example, but will believe with her namesake, that «a man is a man for all that».⁷

Привет.

Твой К. М.

Have an eye upon Jones! He is a fellow «too clever by half»!⁸

Кстати! Я думаю, что во вторник я уже смогу тебе послать членские карточки. Я пошлю две дюжины; но тебе нет необходимости распространить их сразу. Часть из них дай Эрнесту Джонсу.

Он написал мне письмо по поводу предвыборной агитации (на это я ответил, чтобы он прислал мне второе письмо, которое я смог бы прочитать в комитете; он так и поступил). Но о «Международном товариществе» он ничего не пишет. Так как он лиса, — а мне непременно хочется его заполучить, — то ты должен настоять на том, чтобы он немедленно основал филиальное отделение (число членов пока что безразлично) и вместе со своими друзьями взял членские карточки. Они должны понять, что именно «Интернационал» является действительным способом для восстановления сотрудничества (политического) между Лондоном и провинцией!

Относительно билетов у нас приняты следующие постановления: *Существующие общества* (профессиональные союзы и т. д.), которые

пожелают присоединиться, должны в качестве таковых взять лишь *билеты для общества*. За это они ничего не платят или платят, сколько хотят. Напротив, *каждый член* такого общества, который пожелает *индивидуально* стать членом Товарищества, должен уплатить за свой годовой билет 1 шиллинг 1 пенс. Во Франции и Бельгии, благодаря тамошнему законодательству, «стало» так, что все они *должны* стать «индивидуальными» членами английского общества, так как обществами они не могут присоединяться. Всякое филиальное или присоединившееся общество *вне* Лондона и его окрестностей избирает секретаря для сношений с нами. Неудобных нам лиц мы можем «отклонить».

¹ с чем он имеет дело. ² прежде всего. ³ случай. ⁴ до известной степени. ⁵ поворот в другую сторону. ⁶ Пока что. ⁷ Мои лучшие пожелания миссис Бернс. Я, конечно, очень рад был узнать, что «о» неорганически вошло в ее фамилию и что она тезка великого поэта. Если миссис Гумперт отказывается стать членом *рабочего* союза, то я надеюсь, что миссис Бернс не последует этому примеру, а поверит своему тезке, что «человек есть человек, несмотря ни на что». ⁸ Следи за Джонсом! Этот парень чересчур умен.

901.

16 февраля 1865 г.

Дорогой Фредерик!

Джонс написал мне, чтобы я прислал ему *about one dozen cards*¹; посылаю тебе одну дюжину для него и одну для тебя. То, что вы не успеете распространить *within a reasonable*² промежутка времени, вы можете отослать обратно: 1 шиллинг 1 пенс за карточку.

Я напоминаю тебе *again*,³ что, по-моему, для *этого дела* очень может пригодиться *Петцлер*. Он в продолжение нескольких лет имел *personal relation*⁴ (в качестве *singmaster*⁵ и социалиста) с манчестерскими рабочими.

Прилагаемое письмо (к Лесснеру) ты по прочтении должен мне вернуть. Как, по-твоему, следовало бы *manage*⁶ это дело? Я, конечно, молчу, но *Лесснер* ведь не может молчать.

Я очень обрадовался, увидав сегодня в «Times», что Прусская палата приняла предложение, направленное *против* закона о коалициях. Правительство теперь провалит его в *палате господ*. Красный Беккер, —наверное, под влиянием твоего фельетона, —ввел дополнение о сельском населении.

Привет!

Твой К. М.

¹ около дюжины билетов. ² в течение определенного, ³ еще раз. ⁴ личные сношения. ⁵ учителя пения. ⁶ устроить.

902.

18 февраля 1865 г.

Дорогой Фред!

При сем два письма от Либкнехта: одно к тебе и другое ко мне. Также одно, *более раннее*, от Швейцера.

Мой взгляд таков:

Раз уж Либкнехт сделал предупреждение, *il faut en finir*.¹ Если бы он это отсрочил, мы также могли бы отсрочить, так как твоя брошюра еще в работе.

Я считаю Швейцера неисправимым (у него, вероятно, тайное соглашение с Бисмарком).

Подтверждение этому я вижу в следующем:

- 1) в подчеркнутом мною месте его прилагаемого письма от 15-го;
- 2) во *времени*, когда появился его Бисмарк III.

Для того, чтобы ты мог оценить и то, и другое, я *списываю* для тебя *буквально* место из моего письма к нему от 13 февраля:

«...так как, вследствие корреспонденции Моисея Гесса в получившемся сегодня номере 21-м, наше заявление отчасти устарело, то пусть дело пока на этом закончится. Но наше заявление заключало в себе еще и другой пункт — похвалу антибонапартистской позиции парижского пролетариата и указание немецким рабочим, что они должны следовать этому примеру. Это было для нас важнее, чем выпад против Гесса. Но свой взгляд на отношение рабочих к прусскому правительству мы подробно выскажем где-нибудь в другом месте.

В вашем письме от 4 февраля говорится, будто я сам предостерегал Либкнехта не слишком зарываться, чтобы его не погнали к чорту. Совершенно верно. Но вместе с тем я писал ему также, что можно сказать *все*, если найти для этого подходящую форму. Форма полемики *против* правительства, «возможная» даже под берлинским меридианом, конечно, весьма отличается от заигрывания или даже видимости компромисса с правительством! Я писал вам лично, что «Социал-демократ» должен избегать даже тени этого. Судя по вашей газете, министерство, желая выиграть время, высказывается об отмене закона против коалиций двусмысленно. Между тем в телеграмме в «Times» сообщается, что оно высказалось одобрительно по поводу предполагаемой государственной поддержки кооперативных обществ. Меня несколько не удивит, если окажется, в виде исключения, что «Times» один раз в своей жизни дал правильные телеграфные сведения!

Коалиции и вырастающие на их почве профессиональные союзы являются не только чрезвычайно важным средством организации

рабочего класса для борьбы с буржуазией, — серьезность этого средства сказывается, между прочим, в том, что даже рабочие Соединенных Штатов, несмотря на существующее там всеобщее избирательное право и республику, не могут без него обойтись, — но, кроме того, в Пруссии и в Германии вообще право коалиций является прорывом полицейского всевластия и бюрократизма; оно разбивает «закон о челяди» и дворянское хозяйство в деревне; словом, это такая мера превращения «подданных» в совершеннолетних граждан, на которую, если только исключить безумие, стократ скорее согласится прогрессистская партия, т. е. любая буржуазная оппозиционная партия в Пруссии, чем прусское правительство, да еще правительство Бисмарка! Зато, с другой стороны, правительственная королевско-прусская поддержка кооперативных обществ, — а всякий, знакомый с положением дел в Пруссии, представляет себе уже заранее ее неизбежно карликовые размеры, — экономическое мероприятие, равное нулю, а между тем она расширяет систему опеки, подкупает часть рабочего класса и оскопляет движение. Так же, как буржуазная партия в Пруссии опозорила себя и дошла до нынешнего жалкого состояния главным образом благодаря тому, что серьезно поверила, будто вместе с «новой эрой» к ней милостью принца-регента перейдет и правительственная власть, так еще гораздо больше скомпрометирует себя рабочая партия, если она вообразит, что благодаря эре Бисмарка или какой-либо иной прусской эре ей, милостью короля, полетят в рот «жареные рябчики». Не подлежит ни малейшему сомнению, что неизбежно наступит разочарование в злосчастной лассалевской иллюзии относительно возможности социалистического вмешательства со стороны прусского правительства. Логика вещей будет говорить сама за себя. Но *честь* рабочей партии требует, чтобы она разоблачила подобного рода миражи еще до того, как их призрачность будет обнаружена опытом. Рабочий класс революционен или он — ничто».

Well!² Так вот на это мое письмо от 13-го он отвечает своим письмом от 15-го, в котором он требует моего подчинения *его* тактике во всех «практических» вопросах, и своим *Бисмарком III* в качестве нового опыта этой тактики! И мне теперь действительно кажется, что та *дерзкая* манера, с которой он поставил вопрос о доверии по поводу нашего заявления против Гесса, вызывалась не нежностью по отношению к Моисею, а твердым *решением ни при каких обстоятельствах* не помещать в «Социал-демократе» нашего предостережения немецким рабочим.

Так как в силу этого разрыв с этим субъектом является

неизбежным, то пусть он произойдет уж теперь, сразу. Что касается немецких ремесленников, пусть они кричат, сколько им угодно. Ведь рано или поздно лучшая их часть все же должна будет сплотиться вокруг нас. Если приводимое ниже заявление кажется тебе подходящим, перепиши его, подпиши и пришли мне. Так как оно было написано наспех, то измени то, что тебе кажется неподходящим, или напиши заново, как тебе угодно.

Твой К. М.

В редакцию «Социал-демократа».

Нижеподписавшиеся обещали свое сотрудничество в «Социал-демократе» и решили опубликовать свои имена в списке сотрудников лишь под тем ясно оговоренным условием, что орган будет редактироваться в духе сообщенной им краткой программы. Они ни на минуту не игнорировали тяжелого положения, в котором находится «Социал-демократ», и поэтому ни разу не предъявляли требований, не соответствующих берлинскому меридиану. Но они неоднократно требовали, чтобы по отношению к министерству и к феодально-абсолютистской партии говорили, по крайней мере, языком столь же смелым, как по отношению к прогрессистам. Тактика, которой придерживается «Социал-демократ», делает невозможным для них дальнейшее сотрудничество в нем. Взгляд нижеподписавшихся на прусско-королевский правительственный социализм и на правильную позицию рабочей партии по отношению к такому миру был уже подробно развит в № 73 «Deutscher Brüsseler Zeitung» от 12 сентября 1847 г., в ответ на № 206 выходившего тогда в Кельне «Rheinischer Beobachter», в котором был предложен союз «пролетариата» с «правительством» против «либеральной буржуазии». Под каждым словом *нашего* тогдашнего заявления мы подписываемся еще и сегодня.

Вейдемейера я отсылаю тебе завтра. Что ты скажешь о «фрей-лигратовско-блиндовской» «Eidgenossenschaft»?³

Уже несколько дней у меня карбункул в самом неприличном месте и фурункул на левом бедре. Тоже удовольствие.

¹ нужно покончить с этим. ² Ладно. ³ «федерации».

903.

20 февраля 1865 г.

Дорогой Мавр!

Прилагаю письмо от Матцерата.

Quant à¹ Петцлер, то фотограф — совсем другой Петцлер, а не тот. Фотографа я как раз видел третьего дня на научном вечере Шиллеровского общества; этот субъект, по крайней мере, на двадцать лет моложе и совершенно иначе выглядит. Что случилось с музыкантом, чорт его знает.

Твой Ф. Э.

Вчера совсем забыл сдать письмо. No answer yet from Hamburg. ²

¹ Что касается. ² Из Гамбурга еще никакого ответа.

904.

22 февраля 1865 г.

Дорогой Мавр!

Очень спешу послать тебе заявление. Письмо Швейцера «препоганое». Его задача сводится к тому, чтобы нас скомпрометировать, и чем дольше мы с ним будем путаться, тем глубже увязнем в грязи. Поэтому чем скорее, тем лучше. Письма Либкнехта и Швейцера также отсылаю обратно. Ты, очевидно, здорово выругал Либкнехта, если мое письмо показалось ему «любезным»!

Прилагаю письмо от Мейснера. На этот раз печатание все же подвигается быстро, а это главное. На его предложение — самому фиксировать количество экземпляров, я ответил: согласен, но пусть он тогда мне сообщит, сколько экземпляров будет в издании; за два луидора он получит только *первое*. (N. В. Пока что он, очевидно, уже решил и закончил печатание.) Спешу.

Твой Ф. Э.

905.

24 февраля 1865 г.

Дорогой Мавр!

Твое молчание сегодня немного меня беспокоит, так как ты что-то писал о фурункулах и карбункулах в самых интересных местах (или, скорее, в наиболее заинтересованных). Я надеюсь, что ты не laid up. ¹

Я был тем более разочарован, что я надеялся получить — наряду с Вейдемейером — разъяснение по поводу того колоссального свинства, которое парни из «Социал-демократа» проделали с твоей речью на празднике Лондонского рабочего союза. По их изложению выходит, что ты говорил как чистый «социал-демократ». Эккартус им этого, наверное, никогда не писал. Эта подлость и перепечатка в следующем номере статьи из «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» под предлогом всеобщего избирательного права, о котором там нет ни единого звука, служат для меня доказательством, что этот субъект просто продался и имеет задание нас скомпрометировать. Я надеюсь, что заявление отправлено. Не нужно этого больше оттягивать ни на один момент.

Но quelle bête notre ami ² Либкнехт, который обязан был наблюдать за газетой, *но из принципа* никогда ее не читает.

Твой Ф. Э.

¹ в постели. ² какой дурак наш друг.

906.

25 февраля 1865 г.

Дорогой Фред!

Я совершенно забыл to send back ¹ письмо Вейдемейера — you must excuse me. ² I enclose it. ³ Прилагаю теперь точно так же письмо от д-ра Кугельмана with enclosure of wiseacre Miquel's letter. ⁴ Затем рецепт Кугельмана, который по странному совпадению получился как раз после нового приступа болезни. (То место в письме Кугельмана, где я писал, что хочу защищать Лассаля, относилось к нападению *Блинда*. Теперь я сказал ему — Кугельману — всю правду; верни мне письма Кугельмана и Микеля.) Я заказал этот рецепт, уже принял порошок, но все же хочу знать об этом мнение Гумперта. Это очень тяготит меня. Но по сравнению с прошлым годом разница в том, что голова *не* болит и что я вполне работоспособен (*поскольку чисто физически не становится невтерпезим продолжительное сидение*). Я ощущаю, впрочем, во всем теле, что эта дрянь опять вскочит повсюду.

Сюда приезжал Штрон. Он был еще в Гамбурге, когда получилась твоя рукопись, и у него хватило времени, чтобы посоветовать Мейнеру взять ее. Рукопись Рюстова на ту же тему, как слышал Штрон, отклонена. А rgoros! ⁵ Предпринял ли ты сам шаги в газетах по отношению к своему памфлету или am I to do it? ⁶ На этот раз Эккариус сам совершил эту непонятную blunder. ⁷ Когда получилась его статья, я написал ему немедленно (22 февраля) с запросом, не *исказил* ли этой вещи Швейцер? Quod non. ⁸

При пересылке нашего заявления ослу-Вильгельму (23 февраля) я написал ему:

«В нескольких кратких извлечениях, сделанных Эккариусом из моей речи в Рабочем союзе, заключаются места, *содержащие мысли, прямо противоположные тому, что я на самом деле сказал*. Я об этом написал ему, предоставляя ему самому решить, исправить ли это в следующей корреспонденции или нет, так как при *нынешних* обстоятельствах это не имеет большого значения».

Мои письма к Эккариусу и Либкнехту написаны с той целью, чтобы в *случае надобности*, т. е. если бы Швейцер (который из полученного им от меня незадолго до этого частного письма very well

knew what he was about ⁹⁾ пожелал воспользоваться blunder ⁷ Эккариуса для своей самозащиты, — отрезать ему эту возможность отступления. Meanwhile I have told Eccarius privately, ¹⁰ чтобы он не подымал из-за этой ерунды никаких историй, пока этого не потребует поведение Швейцера. Эккариус был очень нездоров, и этим объясняется вся эта чепуха. С другой стороны, я полагаю, что Швейцер, имеющий уже в руках отставку Вильгельма и затем подготовленный уже к заявлению и с нашей стороны, с наслаждением принял корреспонденцию для того, чтобы 1) местом о Пруссии показать, что за *экстравагантные* вещи мы от него требовали, 2) а заключением корреспонденции доказать, что фактически мы все же придерживаемся *его* взглядов. Но этот джентльмен забывает, что я оставил у себя копию моего *частного письма к нему*.

Я сообщил Либкнехту, чтобы он, в случае отказа Швейцера принять заявление, поместил его в берлинской «Reform» и сообщил об этом одновременно Швейцеру; кроме того, что я одновременно послал наше «Заявление» в две рейнские газеты, так что на этот раз Швейцеру не удастся *оттянуть дело*. Я действительно послал две копии Зибелю с поручением, спустя *два дня после получения моего письма*, поместить «заявление» в «Рейнской газете» и в «Дюссельдорфской газете» (последняя — рабочий орган) и прислать нам, буде таковые появятся, отзывы местной прессы. Таким образом, на этот раз Швейцер не может уже ничего в этом деле изменить. Меня несколько не удивит, если лассальянцы, особенно в гамбургской «Nordstern», заявят, что мы *продались буржуазии*. But never mind! ¹¹

«Международному товариществу» удалось так составить большинство в комитете по образованию новой «Лиги реформ», что *все руководство* находится в наших руках. Более подробно я написал об этом Эрнесту Джонсу.

В Париже возник такой раскол в среде наших собственных уполномоченных, что мы послали туда Любе для выяснения положения и умиротворения. Шили даны credentials ¹² в качестве помощника Любе, и я дал ему частные инструкции. Мы смогли бы продать в Париже 20 000 карточек, но так как одни обвиняют других, что позади них стоит Плон-Плон и т. д., то пришлось пока что приостановить распространение карточек. При существующем военном деспотизме неизбежна вызываемая им величайшая подозрительность (мне кажется, что в данном случае обе стороны одна к другой несправедливы), и люди не способны путем собрания или печати прийти к какому-нибудь соглашению. К этому присоединяется еще

одно обстоятельство: рабочие как будто сосредоточили все свое внимание на *исключении* всех literary men¹³ и т. д.; но ведь это бессмыслица, ведь они в них нуждаются для прессы; хотя, с другой стороны, это простительно при непрерывных изменах literary men.¹³ С другой стороны, последние относятся подозрительно *ко всякому рабочему движению*, которое себя им противопоставляет.

(В связи с этими literary men¹³ я вспоминаю, что при предстоящей через три месяца реорганизации «Beehive» *английские* рабочие хотят *назначить меня* редактором и уже сообщили мне об этом. Но я со всех двадцати четырех сторон обдумываю это предложение, прежде чем предприму какой-либо шаг в ту или другую сторону.)

Ведь вот и в Париже стоят на одной стороне *Лэфор* (literary men,¹³ да вдобавок еще состоятельный человек, т. е. «буржуа», но чистейший человек и, поскольку речь идет о la belle France,¹⁴ подлинный основатель нашего общества), а на другой — *Толен, Фрибур, Лимузен* и т. д., рабочие. Well,¹⁵ о результатах я тебе сообщу. Во всяком случае, один из моих знакомых, Вольф, только-что вернувшийся из Парижа, сообщает мне, что интерес к «Международному товариществу» intens.¹⁶ Вмешались в эту историю и «Débats».

Что касается лондонских юнионов, то каждый день следуют новые adhesions,¹⁷ так что мы by and by¹⁸ становимся силой.

Но отсюда вытекает и трудность. В члены нашего Совета уже предложил себя м-р Бильс, the registering barrister¹⁹ из *Миддлсекса*, сейчас один из *популярнейших* людей в Лондоне, президент «Польской лиги», основатель «Новой лиги реформ», in fact the go between²⁰ между workingmen²¹ и middle class;²² к тому же еще человек *честный* и *благomyслящий*. Поводом к этому послужило то, что мы вместе с ним в качестве подкомиссии должны были подготавливать к будущей среде польский митинг (под председательством маркиза Таунсенда). Мне было очень неприятно. Я, конечно, мог этому помешать *насилно*, так как все континентальные представители голосовали бы вместе со мной. But I did not like any such division.²³ Поэтому путем частных писем к principal English members²⁴ я довел дело до того, что proposer²⁵ Бильса *не* поддержал своего предложения. В качестве «*официального*» основания было указано, 1) что во время предстоящих парламентских выборов Бильс будет stand for²⁶ в округе Мэрильбон и что наше общество всячески должно избегать видимости, будто оно serves the interests of any parliamentary ambition;²⁷ 2) что Бильс и мы сможем лучше помогать друг другу, плавая на разных судах. Таким образом, пока что эта опасность устранена. Впрочем, другие парламентарии, как Тэйлор и т. д.

(господа, связанные с Мадзини), осмелились нас известить, что теперь время для польского митинга *не подходящее*. Я ответил через наш Council, ²⁸ что working class ²⁹ имеет its own foreign policy ³⁰ и отнюдь не руководствуется тем, что middle class ³¹ считает подходящим или неподходящим. Буржуазия всегда считала правильным to goad on the Poles at the beginning of a new outbreak, to betray them during its progress by their diplomacy, and to desert them when Russia had thrown them down. ³² В действительности целью митинга является прежде всего денежная поддержка. Неужели эти несчастные эмигранты (*на этот раз в большинстве workingmen and peasants* ³³ п потому не получающие никакой поддержки от принца Замоиского и К⁰) обязаны умирать с голоду, потому что English middle class just now кажется inopportune to mention even the name of Poland? ³⁴

При сем вырезка *господина Блинда* из «Morning Star». Мадзини, который заявил Фонтана, что Блинд *лжеец*, все же был взбешен, что его здешнее *итальянское рабочее общество* разослало мой «Адрес» на итальянском языке, не сделав *категорически* потребованных господином Мадзини поправок, напр. изъятия некоторых мест против middle class. ³¹

Твой К. М.

A propos. Несколько бутылок портвейна и Claret были бы мне не лишни under present circumstances. ³⁵

¹ вернуть. ² ты должен меня извинить. ³ Я прилагаю его. ⁴ с приложением письма чересчур умного Микеля. ⁵ Кстати! ⁶ это должен сделать я? ⁷ ошибку. ⁸ Оказывается нет. ⁹ очень хорошо знает, как было дело. ¹⁰ Пока что я частным образом сказал Эккариусу. ¹¹ Но не будем обращать внимания на это. ¹² полномочия. ¹³ журналистов. ¹⁴ прекрасной Франции ¹⁵ Ладно. ¹⁶ интензивен. ¹⁷ присоединения. ¹⁸ постепенно. ¹⁹ нотариус. ²⁰ фактический посредник. ²¹ рабочими. ²² буржуазией. ²³ Но я не хотел такого разделения ²⁴ главным английским членам. ²⁵ предложивший. ²⁶ кандидатом от. ²⁷ служит в интересах какого-нибудь парламентского честолюбия. ²⁸ Совет. ²⁹ рабочий класс. ³⁰ свою собственную иностранную политику. ³¹ буржуазия. ³² подстрекать поляков в начале каждого их нового восстания, предавать их путем своей дипломатии в течение этого движения и покидать их в беде, когда Россия их подавляла. ³³ рабочие и крестьяне. ³⁴ английской буржуазии как раз теперь кажется неудобным упоминать даже самое имя Польши. ³⁵ при теперешних обстоятельствах.

907.

27 февраля 1865 г.

Дорогой Мавр!

Так как ты мне *положительно* обещал при утвердительном ответе Мейснера *немедленно* предпринять шаги по отношению к:

газетам, то я полагал, что это сделано. Все же я сегодня послал необходимое Зибелю, Либкнехту и Клейну в Кельн (в связи с «Рейнской газетой»), так как нельзя терять времени. Если у тебя имеются еще какие-нибудь люди, которые могут что-либо сделать в этом направлении, напиши им; — perhaps,¹ Кугельман? Его письмо возвращаю при сем; точно так же письмо Микеля, чье хитроумное приспособление теории для пьедестала к бургомистрскому чину и дружбе с буржуазией меня очень позабавило. Приблизительно так будет себе представлять мир Генрих Бюргерс, если ему когда-нибудь суждено будет стать бургомистром где-нибудь в Ниппесе или Кальшейрене.

У Джонса опять sessions,² я еще не мог его повидать. Завтра напишу подробнее. Уже бьет 7 часов, и я должен сдать письмо.

Твой Ф. Э.

Портвейна на моем складе нет, я должен его сначала приобрести, что немедленно и последует.

¹ может быть. ² судебная сессия.

908.

3 марта 1865 г.

Дорогой Мавр!

Ты должен извинить меня за мою небрежность в переписке на этой неделе. Здесь был Боркгейм и отнял у меня очень много времени; сегодня вечером он уехал. К тому же — cotton panic¹ вследствие успехов Шермана и бесконечная переписка и напрасные старания сбуть наш stock.² Я думаю, что недели через две Ричмонд будет очищен, а через четыре недели произойдет последнее решительное сражение, если Ли каким-нибудь чудом не добьется новой краткой отсрочки на два-три месяца.

Я должен теперь идти домой, писать письма Мейснеру и Зибелю; последний очень старается — говорит, что послал тебе «заявление». Я рад, что это, наконец, опубликовано. В проклятом «S-D.» от 1 марта еще *ничего нет* — он, видно, попытался отменить? У меня как камень с сердца свалился, что наконец-то произошел разрыв с этим сбродом. Теперь, значит, последует большая заключительная статья о Бисмарке, которая должна все загладить. O jerm, jerm, jerm!³

Твой Ф. Э.

Я до сих пор не мог найти порядочного портвейна, но кларет я вчера послал. А портвейн я еще поищу.

¹ хлопковая паника. ² залежавшийся на складе товар. ³ [Искажение слова Jesus [Иисус]; начало студенческой песни: O jerm, jerm, jerm! O quae mutatio jerm!].

909.

4 марта 1865 г.

Дорогой Фред!

Сегодня в «S. D.» помещено наше заявление. Господин Швейцер под тем предлогом, что заявление этих «господ» не нуждаются в дальнейших комментариях, посвятил нам все же — под *прикрытием анонима* — одну из своих «глубокомысленно-высиженных» передовиц. Лассаль и Бернгард Беккер, этот «президент человечества», for ever!¹ Во всяком случае у меня в руках очень смиренное приглашение господина Швейцера etc. Зибель прислал пять газет («Барменскую», «Эльберфельдскую», «Дюссельдорфскую», «Рейнскую», «Новую франкфуртскую») с «Заявлением». Прилагаемая вырезка сделана из «*Эльберфельдской*». Мне очень приятно, что мы, во-первых, «вышли оттуда» и, во-вторых, что мы были там. Без последнего мы никогда не проникли бы в «Mystères»² Лассалья.

По поводу твоего памфлета (он производит в печати *очень хорошее* впечатление; при втором издании, если оно появится, нужно было бы лишь изменить отдельные предложения) я написал Кугельману (верни мне его рецепт). Не можешь ли ты прислать мне еще два экземпляра? Я хотел бы через посредство Эккариуса поместить две краткие заметки в поганой газетке Бендера (Лондон) и в «Hermann», но без посылки туда двух экземпляров это едва ли удастся.

«*Польский митинг*» (wednesday³) сошел очень хорошо и был *переполнен*, несмотря на то, что буржуа, объявившие его «inopportune»,⁴ сделали все для того, чтобы ему помешать.

Французские дела очень запутаны. Сообщение об этом, как и отчет Шили (из которого я еще должен сегодня перевести выдержки и сделать сообщение в подкомиссии), ты получишь в следующем письме. В данный момент могу лишь сообщить, что теперь происходит а fight⁵ между нашими первоначальными рабочими агентами и политически-социальными господами (включая главарей ассоциаций, вызывающих такой восторг Моисея) относительно того, *кто* должен поддерживать сношения с нами. Французские, специально *парижские*, рабочие (хотя у нас уже имеются связи и в 25 других французских городах) рассматривают лондонский совет буквально как рабочее правительство по «иностранным делам».

Майор Вольф, отсидев свой срок в Александрии, вернулся. А рггорс, сообщил ли я тебе, что Мадзини все же тайком передал Фонтана о своем «неудовольствии» (он предпочитает К. Блинда, несмотря на то, что он сам назвал его лжецом). Твое вино пришло

вчера, получено с thanks.⁶ Уже неделя, как мой шурин с мыса Доброй Надежды снова здесь; в будущий вторник он уезжает. С ним приехала моя племянница из Маастрихта (дочь моей сестры, вдовы Шмальгаузен), которую я должен доставить домой in about a week later.⁷ Меня опять терзает в различных чувствительных и «неудобных» частях старая болезнь, так что мне трудно сидеть.

А пророс! Разве лупусовская история еще не вполне закончена? Мне господин Борхардт также ни разу не написал о деньгах, которые он собирался еще взыскать. Из прилагаемой бумажки ты увидишь, как ко мне предъявляются всевозможные претензии, совершенно уже изгладившиеся из памяти. Эта претензия — последняя, выплывшая из времен блаженной памяти «Новой рейнской газеты». Я должен отнестись к этому с возможным вниманием, так как иначе эти субъекты устроят мне публичный скандал.

С confederacy,⁸ кажется, покончено.

Привет.

Твой К. М.

Не мог ли бы ты прислать мне документы манчестерского журнализма, относящиеся к хлопковому кризису?

¹ навеки. ² «Тайны». ³ в среду. ⁴ «неудобным». ⁵ борьба. ⁶ благодарностью. ⁷ приблизительно через неделю. ⁸ конфедерацией.

910.

6 марта 1865 г.

Дорогой Мавр!

Получил твоё позавчерашнее письмо, а сегодня «S. D.» с комичной статьей, в которой нас подвергают отлучению. Это действительно весело.

Сегодня я из-за гриппа провел большую часть дня дома, но лишь только мне можно будет, я схожу к адвокату по поводу дела Лупуса. Все в порядке. Как только парень закончит баланс, я ему уплачу 100 фунтов для Борхардта (т. е. за вычетом тех сумм, которые он собрал); точно так же будут выданы мной 100 фунтов Шиллеровскому обществу. Далее, я дал около 150 фунтов адвокату для покрытия налогов и жду лишь представления счета с его стороны, чтобы выслать тебе немедленно затем остаток. Временный подсчет я приготовлю тебе через несколько дней, чтобы ты видел, в каком положении дело.

Посылаю вещи от Зибеля и некоего Ланге. Qu'en penses tu? ¹ Отошли мне все это обратно вместе с письмом *Мейснера*, так как

оно мне нужно при переписке с ним. Вырезки я посылаю ему, чтобы он видел, что у нас тоже имеются люди, которые этому содействуют.

«Кельнская газета» также поместила наше «заявление», но лишь до слов, что тактика «S. D.» исключает наше дальнейшее сотрудничество.

Бруга прилагаю. How the hell came you to owe that fellow any brass? ² Напиши, сколько это составляет, я тебе немедленно вышлю.

Посылаю при этом два экземпляра брошюры. Это последние. Но я опять заказал несколько. Объявление о брошюрах помещено в «Кельнской газете».

Что это за «papers ³ манчестерского журнализма, относящиеся к хлопковому кризису», о которых ты пишешь? Имеешь ли ты в виду Relief Committee? ⁴ Я уже давно не видал Маклюра; как только я его увижу, я поговорю с ним об этом.

Гумперт не очень высокого мнения о фосфорно-кислой извести Кугельмана. Во всяком случае она не является специфическим средством. Он говорит, что ты должен жрать мышьяк. Прилагаемое прошу вернуть.

Сейчас мне нужно идти в Шиллеровское общество, председательствовать в Комитете. Кстати, один из тамошних господ, химик, объяснил мне недавно опыт Тиндаля с солнечными лучами. Это великолепно.

Твой Ф. Э.

¹ Что ты думаешь об этом? ² Что за чорт, каким образом оказалось, что ты должен этому субъекту деньги? ³ документы. ⁴ Комитет помощи.

911.

10 марта 1865 г.

Дорогой Фред!

Сегодня могу написать лишь несколько слов, так как я сильно занят.

Заявление Гервега и Рюстова хорошо. Наглость господина Швейцера, который ведь знает, что мне стоит лишь опубликовать его собственные письма, прямо невероятна. Но что этой собаке делать?

Заметка, которую он цитирует из «Новой франкфуртской газеты», принадлежит, как ты уже, вероятно, догадался, студиозу «Блинду». Посылаю тебе первый номер этого «лакея» свергнутых королей демократов и «selfadvertisers» ¹ и «puffers» à la Holloway. ²

Ты должен послать несколько анекдотов об этом субъекте Зи-белю, а тот пусть со своей стороны пустит их в различные газеты.

Если новая брошюра доживет до второго издания, нужно будет в кратком предисловии констатировать в нескольких словах официально *нашу* позицию по отношению к лассалевщине и к «Социал-демократу». Было бы, конечно, *ниже* нашего достоинства возиться с этой сволочью в маленьких газетках.

Привет.

Твой К. М.

¹ самореклаμισтов. ² самохвалов на манер Holloway [название фабрики пилюль, отличавшейся невероятной рекламой].

912.

11 марта 1865 г.

Дорогой Мавр!

Бесстыдство Швейцера доходит прямо до смешного, но оно показывает, что его глубоко задел наш выход и что он прекрасно понимает, как *много* это *значит* для его листка. Вполне возможно, что Гервег и Рюстов *присоединятся* к *нашему* заявлению. Швейцер же очень скоро заметит, особенно на Рейне, какое значение имеет его хвастовство. Зибель великолепно распространил брошюру. «Бонская газета» уже дважды поместила большие выдержки и напечатает еще. В «Рейнской» также появилась длинная выдержка. При нашей популярности среди рейнских рабочих агитация против нас не поможет.

Вырезку из «Новой франкфуртской газеты» Зибель уже послал мне. Студиовус Блинд верен себе. Несколько фраз Лассалья ему хватит на целый год. «Лакея» я еще не получил.

Дело о наследстве закончено, на будущей неделе lawyer пошлет счет; ему следует, или с него надо получить, около 10 фунтов стерлингов, он точно не помнит. Таким образом, я смогу тебе в понедельник послать деньги. Пока что прилагаю *мой* счет, по которому тебе еще следует около [цифра пропущена].

Какое, однако, у Либкнехта представление о Манчестере! Человеку жрать нечего, а он спрашивает меня, сколько может стоить здесь дом «с садом»! Парень вообще окончательно поглупел. По мнению Либкнехта, Швейцер потому *не мог* продаться Бисмарку, что он *должен был бы* это сделать через посредство этой старой бабы!

Вообще же это новое движение заставляет меня отчаянно потеть. Ну его к лешему! После целого дня корреспондирования для предприятия пиши еще вечером, до часа-двух ночи, для партии, издателя и т. д.

Зибель прислал мне брошюру Ланге. Путаник, помесь мальтувианства с дарвинизмом, строит главки по всем направлениям, но все же есть несколько дельных мест против Лассалья и буржуавных кооператоров. Я пошлю тебе ее на-днях.

Возвращаю также письмо Шили, оно меня очень повабавило. Наш старый товарищ отлично справляется со своими дипломатическими функциями. Как вы это уладили?

С Джонсом ничего не поделаешь. Едва кончилась сессия, начались заседания присяжных. The trade in crime seems highly flourishing. ¹

Addios, сердечный привет дамам.

Твой Ф. Э.

По делам душеприказчика В. Вольфа:

Дебет:

По счету Steinthal & С ² , включая проценты	£ 1083. 9. 3
» » Heywood Brothers » »	» 234. 14. 9
» » долги, полученные через д-ра Б.	» 66.13
	<u>£ 1384.17.—</u>

Кредит:

По счету Маркса	£ 234.14. 9
» » »	» 350.—.—
» » »	» 200.—.—
» » »	» 40.—.—
	<u>£ 824.14. 9</u>
» » Борхардта	£ 100.—.—
» » Шиллеровского общества	» 100.—.—
» » Энгельса	» 100.—.—
» » адвоката Вуда	» 150.—.—
Через Борхардта уплачено домохозяйину	» 13. 4. 9
» » расходы по погребению	» 57.11.—
» » 2 счета	» 1. 2. 4
» » штемпельный сбор	» 30.—.— 1376.12.10
	<u>Остаток . . . £ 8. 4. 2</u>

Сюда еще относятся проценты, которые я должен тебе возместить за срок с 9 ноября (когда я получил от Штейнтала остаток приблизительно в 633 фунта, а тебе послал вначале лишь 200 фунтов; втягивал я также и другие платежи). Этого я сегодня не могу выяснить, так как кассир уже ушел и вапер нужную книгу; ты получишь это

вместе со счетом от Вуда; но это составит немного. Главное процентное наращение вызвано тем, что эти 633 фунта оставались у Штейн-таля с мая до ноября, и это составило около 16 фунтов излишка.

¹ Торговля преступлением, кажется, процветает.

913.

13 марта 1865 г.

Дорогой Энгельс!

В денежном счете у тебя следующие ошибки: 8 июня ты послал мне 235 фунтов, в начале июля 350 фунтов (дата отправления не указана в письме, при котором деньги были посланы, но я сужу об этом по письму от 5 июля, в котором ты предупреждаешь об их отсылке) и 9 ноября 1864 г. 200 фунтов; напротив, о последних приведенных в счете 40 фунтах ты предупредил, как о возможных (в прилагаемом письме от 9 ноября), но ты их не послал. Я надеюсь, что, просмотрев еще раз свои книги, ты в этом убедишься и в таком случае вышлешь мне эти деньги немедленно, до моего отъезда на континент с моей племянницей, который, наверное, состоится в конце этой недели.

Что касается *швейцеровской наглости*, то я на этот счет принял другое решение. Бывают вещи, которые охотно разъясняешь публике, но это можно сделать лишь в виде *ответа на прямой вызов*, когда нужно не пропустить *opportune time of reply*¹. Так обстоит дело с примечанием Швейцера, связанным с блиндовской пакостью. Я хочу ответить в «Дюссельдорфской газете», хотя и за нас обоих, но за одной лишь моей подписью, так как *было бы смешно делать и тебя ответственным за «Ахиллеса»* и так как вообще (лишь по моему плану, конечно) письма Швейцера относятся ко мне.

Итак, вот мой план:

Швейцер перепечатывает из «Новой франкфуртской газеты» ложь, заведомую для него ложь. (Была ли эта статья в газете редакционной или нет?) А именно: во-первых, присланный нам и «напечатанный на правах рукописи проспект» не содержит в себе ни имени Лассалья, ни одного слова о нем. (Этому помешал Либкнехт.) Во-вторых, по поводу того, что он бесстыдно использовал место из частного соболезнующего письма, чтобы предпослать его своей апологии Лассалья, Швейцер смиреннейше просит у меня прощения в записке от 30 декабря. В-третьих, путем кратких извлечений из писем Швейцера с 30 декабря 1864 г. до 15 февраля 1865 г. (его последнее письмо), я докажу, что конфликт по поводу «тактики» был перманентным,

начиная с *первого* пробного номера вплоть до нашего заявления об уходе, а совсем не возник так себе, здорово живешь, как это изображает почтенный Швейцер, подтверждая блиндовские сплетни. Вместе с тем, эта краткая мозаика извлечений из писем Швейцера покажет, как *заискивающе* к нам относился этот самый субъект, который, внезапно получив пинок ногой, стал *наглым*. Это весьма полезно почитать и буржуа, и рабочим, и Рюстову. Вообще это хорошее *введение* к разрыву с «лассальянством», который неизбежен. (Разумеется, по отношению к какому-нибудь студиозу Блинду, если этот гад снова *come outs*,² я всегда буду трактовать Лассалья как мертвого льва по отношению к живому ослу. Прямо неприлично, чтобы «такой непросвещенный» баденский трактирщик вообще ставил себя на одну доску с человеком, изучавшим Гераклита и римское наследственное право).

Напиши немедленно, одобряешь ли ты мой план, так как я не хочу терять времени. (Не забудь также написать, в каком виде появилась блиндовская мазня в «Новой франкфуртской газете». Это мне необходимо).

Хотя я и не имею удовольствия, как ты, переписываться с Ловким и не имею удовольствия обливать его грязью, все же я в последнее время, не говоря уже о продолжающихся фурункулах, дьявольски завален работой; вчера, напр., я лег лишь в 4-м часу утра. На-ряду с моей работой над книгой невероятно много времени отнимает у меня Международное товарищество, так как фактически я являюсь его *head*.³ И что за потеря времени! (Как раз теперь, когда одновременно происходит история с французами, выборная кампания здесь и т. д.) Вот, например, французская ку-терьяма:

28 февраля. Приехали из Парижа Толен и Фрибур. Происходит заседание Центрального совета, пред которым они дают свои объяснения и грызутся с Ле-Любе до 12 часов ночи. После этого еще ночное заседание в боллетеровском кабачке, где мне пришлось подписать около 200 карточек. (Я теперь изменил этот идиотский порядок таким образом, чтобы наши подписи вошли в самое клише, так что лишь генеральному секретарю придется подписывать собственно-ручно. Но имеющиеся еще 1000 карточек, остаток of the old edition,⁴ приходится еще подписывать *in the old style*.)⁵

1 марта. Польский митинг.

4 марта. Заседание подкомиссии по французскому вопросу до часу ночи.

6 марта. Заседание подкомиссии по тому же поводу до часу ночи.

7 марта. Заседание Центрального совета до 12 ночи. *Принятие*

решений. (Я прилагаю эти решения вместе с частной инструкцией, которую Центральный совет посылает Шили; последний, как ты видишь из резолюции V, назначен делегатом (послом) Центрального совета в Париже.)

(Это заседание от 7 марта, на котором Ле-Любе был совершенно *culbuté*,⁶ было очень мучительно, бурно и произвело, в особенности на англичан, впечатление, *that the Frenchmen stand really in need of a Bonaparte!*⁷ А тут еще *беготня* ко мне и от меня людей по поводу конференции с Брайтом и т. д., которая состоялась в субботу, 11 марта. Я написал о ней критический отчет Джонсу (он запрашивал меня об этом заранее, в пятницу) и поручил ему передать тебе это письмо.

Well, mon cher, que faire?⁸ Приходится говорить Б, раз сказал А.

Из прилагаемой «Nordstern» (see the 2 first leaders⁹) ты видишь, что Брун, несмотря на всю свою ненависть к нам, из *зависти* к Швейцеру также выступил *против* него. Это очень важно, так как орган Бруна самый старый; таким образом, *во всяком случае* вызван раскол в лагере самих этих молодых.

На этой неделе появится краткая заметка о твоей брошюре в «Anzeiger'e» Бендера. «Негмапп'у» (Юху) я послал ее: пусть-де он судит о ней согласно своим взглядам и т. д. Это будет сделано. Я выбрал эту форму, так как я постоянно издевался над присылаемыми «Негмапп'у» заявлениями от Блинда, для Блинда, о Блинде, и на нас обоих смотрят здесь, как на одно лицо.

Привет.

Твой К. М.

I резолюция. Так как гражданин Толен неоднократно вручал свою отставку, а Центральный совет каждый раз отказывался ее принимать, то Совет предоставляет отныне гражданину Толену и парижскому правлению еще раз обсудить, является ли при нынешних обстоятельствах такое освобождение от должности целесообразным. Центральный совет заранее утверждает всякое решение, к которому правлению угодно будет прийти по этому пункту.

II резолюция. Принимая во внимание пожелания 32 членов Международного товарищества рабочих, выраженные на собрании, состоявшемся в Париже 24 февраля, и верный основным принципам верховенства и самоуправления народа, Центральный совет отменяет свое постановление о назначении официального защитника для французской прессы. Вместе с тем Совет пользуется этим случаем, чтобы выразить свое глубокое уважение специально гражданину Лефору как одному из основателей Международного товарищества рабочих и вообще за его испытанный политический характер; — далее Совет протестует против того принципа, будто только *ouvrier* может быть признаваем в качестве должностного лица в нашем обществе.

III резолюция. Совет постановляет утвердить состав нынешнего правления с присоединением гражданина Вансара.

IV резолюция. Центральный совет серьезно предлагает парижскому правлению прийти к соглашению с гражданами Лефором и Белюзом, так, чтобы и та рабочая группа, которую они представляют, была представлена в правлении тремя своими членами. Однако, выражая это свое пожелание, Совет не имеет ни права, ни намерения его навязывать.

V резолюция. Так как парижское правление выразило свою готовность признать прямого представителя Центрального совета, Центральный совет назначает гражданина Шили своим делегатом при названном правлении.

Частная инструкция Шили.

Совет заявляет, что в случае, если соглашение не будет достигнуто, группа Лефора имеет право, согласно нашим статутам (см. § 7), *получив членские билеты, образовать местное филиальное общество.* Это постановление сообщать в виде угрозы, но конфиденциально, Фрибуру и К^о., чтобы побудить их сделать необходимые уступки при условии, если Лефор и Белюз (директор Народного банка) искренно постараются побудить свою группу стать членами.

¹ подходящий момент для ответа. ² появится, ³ руководителем. ⁴ прежнего издания. ⁵ попрежнему. ⁶ опрокинут. ⁷ что французы действительно нуждаются в Бонапарте. ⁸ Ну, ладно, мой милый, что же делать? см. две первых переделки.

914.

14 марта 1865 г.

Дорогой Мавр!

Дело с 40 фунтами стерлингов сводится исключительно к восстановлению того, что мною было проделано в ноябре; там 40 фунтов фигурируют у меня как «cash»,¹ выданные тебе, но без обозначения числа выдачи. Мне самому все время казалось, будто я тебе эти 40 фунтов *еще не* посылал, но так как у меня не было никакого повода для проверки, я мог придерживаться только того, что записано в моей памятной книжке. Я сегодня проверил свой счет в главной книге, но и там не мог найти ничего относящегося к этим деньгам. Но раз ты этих денег не получил, а мне также мерещится, что это так, то этого достаточно, и я уже отдал распоряжение кассиру приготовить на завтра деньги.

Относительно разъяснения в «Düsseldorfer Zeitung» я вполне согласен с тобой. Как мне в общем ни наплевать на то, позволил ли себе господин Швейцер бесстыдство по отношению к нам или нет, меня все же злит, что этот жалкий субъект может безнаказанно действовать против нас подобным образом. Важно также и то, что если не опубликовать его подобострастных писем *теперь*, то позже их совсем нельзя будет использовать. И вообще хорошо, когда время от времени такому субъекту достается по башке. Итак, сделай это

немедленно и попроси Дреземана послать два экземпляра, чтобы я мог получить один из них.

Спешу.

Твой Ф. Э.

¹ наличные.

915.

18 марта 1865 г

Дорогой Фред!

Мне нужно написать тебе о многом и отчасти очень важном. Но так как у меня а very great deal of business¹ в связи с завтрашним отъездом, то я ограничиваюсь следующими фактическими сообщениями:

Вторые половины банковских билетов получил.

Почтовый перевод можешь прислать моей жене.

Записку от Бендера, в которой он просит 50 экземпляров и т. д. твоей брошюры и т. д., я сам послал О. Мейснеру, так как мне необходимо ему сегодня написать. Возможно, что ответ Мейснера мог бы прийти *слишком поздно* для *будущего* номера «Londoner Anzeiger». Но так как Бендер лучше всех умеет распространять в Англии подобного рода вещи, то пошли ему *непосредственно*, если можешь (т. е. если сам это знаешь), *указание относительно цены брошюры*. Он тогда тотчас же объявит ее в ближайшем номере. Его адрес: 8 Little Newportstreet, Leicester Square.

Я послал Бендеру краткую, весьма суммарную статейку, которая, казалось мне, подходит к его органу, нечто вроде перечня содержания; Юху же «с другой стороны» послал лишь твою брошюру с приглашением дать о ней отзыв в своем духе и со своей точки зрения. В ответ я получил от Юха прилагаемую записку (*сохрани ея!*). Для критики уже совершенно не оставалось времени. Я поэтому послал Юху заметку, первоначально предназначавшуюся для Бендера (сегодня она помещена в «Neumann»). (Бендеру же, с другой стороны, послал прилагаемые несколько слов.) Одновременно я написал Юху, — дипломатия становится все более необходимой, — что из-за своего отъезда я не мог выполнить его желания; пусть он даст большие выдержки в одном из дальнейших номеров; по возвращении в Лондон я поговорю с ним о его нужде в сотрудниках. (Я думаю ввести Эккариуса туда вместо «Социал-демократа».) Я послал ему также копию моего заявления против Швейцера (послано одновременно также в «Reform» в Берлине и в «Düsseldorfer Zeitung»); но она может там появиться в «Neumann» лишь в будущую субботу; в экземпляре для «Neumann» ничего не изменил, добавил лишь шпильку против Блинда.

Бендер пишет мне также: «Премного обязан за присланную заметку; но теперь нам нужна еще и рецензия». Я поручил Эккариусу составить ее.

Прилагаю также присланный Либкнехтом номер «Рейнской газеты» с his speech.² Его жена написала моей; им живется отвратительно. Он остался еще должен пять фунтов стерлингов «Социал-демократу», и т. д. В данный момент я ничего не могу ему послать.

При сем — «Nordstern». Ты должен этот документ *сохранить*. Ты видишь, что эти господа хотят теперь придать делу такой оборот, что будто бы влосчастный Швейцер совершенно *искажил* Лассалья. Поэтому мое заявление против Швейцера, в котором, хотя и в очень косвенной форме, отвергаются взгляды и самого Лассалья, приходится теперь весьма кстати. Дело постепенно выяснится.

Из прилагаемого письма Бруна видно, что я был прав по отношению к Фришу.

Я ему послал 6 талеров (вместо 60!), хотя я этому не верю; одновременно писал ему, что относительно 50 я буду продолжать «расследование» и т. п.

Привет.

Твой К. М.

Α γρογορ! ³ *Клингс* был здесь по пути в Америку. Он рассказал много интересных вещей. Настоящий «рейнский» рабочий! 5 марта *кельнская* секция *Всеобщего рабочего союза* постановила послать протест (в духе нашего заявления) против «Социал-демократа», но также и *против Бернгарда Беккера*, являющегося своего рода Бискампном номер второй. Они stopped the money supplies⁴. А этот отказ в уплате взносов заразителен.

¹ масса дел. ² его речью. ³ к стати. ⁴ приостановили выплату денег.

Дорогой господин Энгельс!

Сердечно благодарю за ваше письмо и за газетную вырезку, которую при сем возвращаю. Самое скверное в той пакости, в которую вновь втянул вас с Мавром «Вильгельмчик», это то, что я не имею понятия, где в настоящий момент находится Мавр. О нем ни слуху, ни духу, — я не знаю, в Германии он или в Голландии. Всю газетную дрянь я послала ему на-авось. Почти невозможно затевать газетную борьбу с таким созданием, как Беккер, и все же facts¹ должны быть представлены в истинном свете, принимая вс-

внимание легковерие филистеров. Самое смешное и раздражающее во всей этой истории — выслушивать от таких людей, как Рейше, что «Лассаль тоже с уважением отзывался о Марксе». Лассаль, который списывал у моего мужа все, даже его mistakes,¹ который в течение 15 лет был его другом и учеником, — он, видите ли, тоже с уважением отзывался о нем. И свидетельство о благосклонном отношении дают люди, которые лишь за последние два года подружались с Л[ассалем], в период, когда он уже стал на скверный путь, приведший его в лагерь Бисмарка, в министерство, как друга Бухера, или к последнему отступлению в Италию. Этим «борцам за свободу», упомянутым в завещании, важно, разумеется, спасти своего Лассалья. Но ведь эти социалнегодяи лишь следуют за своим великим агитатором. Господин Рейше, подобно своему господину и учителю, только и делает, что обворовывает моего мужа, он повторяет одну строчку за другой из «Господина Фогта» — вот и в своем последнем произведении он берет у Карла фразу о «нелепом шуте, за которым не стоит ничего, кроме его собственной тени» (направлено против Карла Блинда). Благородная защита, которую дарит Мавру этот триумvirат, раздражает больше всего. Впрочем, уважение Лассалья к старику Ф. Беккеру уже не столь давнего происхождения. Еще в августе 1862 г. он его считал агентом, получающим жалованье, не знаю от кого, и не хотел иметь с ним никакого дела. К тому же в один из своих шумных припадков, при которых его голос всегда был out of tune,² он объявил мне, что парижский Моисей ни к чему не пригодная и путанная голова и он не желает поддерживать с ним отношения. Я защищала плон-пловпа как честного конфузионария. Каждый день надеюсь получить от Карла известия; это состояние неведения терзает меня больше, чем вся остальная дрянь.

Все у нас здоровы и шлют вам сердечный привет.

Ваша Женни Маркс.

¹ факты. ² ошибки. ³ не в порядке.

917.

11 апреля 1865 г.

Дорогой Фред!

Вернулся сутки тому назад. Поэтому ограничиваюсь пока этим уведомлением.

При сем письмо от Вильгельмчика. Я послал ему просимые stamps.¹

Что касается Бернгарда Беккера, то я увидел его свинство лишь по прибытии сюда. Но все же счел необходимым написать ответ. (Рюстов и Гервег ответили за «Гатцфельд» в «Nordstern». Рюстов называет Бернгарда Беккера *шпиком*.) Послал свой ответ в «Рейнскую» и «Дюссельдорфскую» [газеты]. Лишь только получатся экземпляры, pošлю тебе.

Сегодня вечером я в первый раз после трех недель буду присутствовать на заседании «Интернационала». За это время произошла революция. Ле-Любе и Денуаль ушли, Дюпон appointed French

secretary. ² Вследствие интриг Ле-Любе и особенно майора Вольфа, являющегося а tool ³ в руках Мадзини, выступили итальянские уполномоченные Лама и Фонтана. Повод: Лефёр (который пока что заявил в газете «L'Association» о своем уходе) должен сохранить свой пост defender general in the Paris press. ⁴ Итальянский working men's club ⁵ не вышел из «Товарищества», но не имеет больше представителя в Совете. Пока что я при посредстве Бакунина подведу во Флоренции контр-мину против господина Мадзини. Английский союз сапожников, насчитывающий 5 000 членов, за время моего absence, ⁶ вступил в Товарищество.

Что слышно с cotton crisis? ⁷ I want information on that point. ⁸ Очень спешу.

Твой К. М.

¹ марки. ² назначен французским секретарем. ³ орудием. ⁴ всеобщего защитника в парижской прессе. ⁵ рабочий клуб. ⁶ отсутствия. ⁷ хлопковом кризисе? ⁸ Мне необходимы сведения об этом.

918.

12 апреля 1865 г.

Дорогой Мавр!

Хорошо, что ты опять здесь. Но драка, надеюсь, все равно скоро закончится. При сем письма от Дронке и Боркгейма. Последнему я сказал: как это можно сотрудничать в великогерманском органе Колачека, в котором защищается господство Австрии над Венгрией, Польшей и Италией; ведь мы немедленно восстановили бы против себя всех друзей в других странах; этим и объясняется неясность его ответа.

Я так и думал, что пора наивного «братания» в Интернационале не долго будет длиться. Если бы здесь было активное *политическое* движение среди рабочих, то происходили бы те же splits. ¹ Это дело еще пройдет через целый ряд подобных фаз и отнимет у тебя много времени. Все же это нечто совсем иное, чем лассалевский союз.

Я не мог не смеяться, увидев из письма Вильгельмчика, что *официальный* берлинский отдел этого союза состоит из пяти человек, так как недавно в «Социал-демократе» очень серьезно давался отчет о заседании этих людей, на котором они поздравляли друг друга с тем, что их собралось *так много*.

В области хлопкового кризиса здесь дело обстоит очень весело. Цена хлопка (middling Orleans) была в июле 31 ³/₄, прошлый четверг было нотировано 14 ³/₄, а если его продавать сегодня, то он

оценивается едва в 14. Таким образом, цена упала более чем на половину. 30 декабря она еще равнялась 27; таким образом, за три месяца она упала на $12\frac{1}{2}$ — 13! Такое же падение цен льна, шерсти, сахара и вообще всех привозных товаров, что составляет, по крайней мере, потерю в 40—50 млн. фунтов стерлингов. Ты понимаешь, что при такого рода положении у филистера делается полно в штанах. В Ливерпуле *уже больше не банкротятся*. Кто становится неплатежеспособным, отправляется к своим кредиторам (обычно их всего 2 — 3), объявляет им об этом и предлагает им столько-то и столько-то; те на это всегда немедленно соглашаются, ибо рады-радешеньки получить хоть *что-нибудь* и стремятся избежать всякого скандала для того, чтобы не обвалилось все прогнившее здание. Говорят, что такие тихие соглашения производятся сотнями; а сегодня будто бы уже и здесь один из самых крупных стокпортских фабрикантов, владеющий тремя фабриками и заработавший, говорят, в последние годы на одной только спекуляции с хлопком 200 000 фунтов стерлингов, только-что заключил такого рода соглашение. Это еще все ничего. Векселя, выданные в Индии за белый хлопок, будут просрочены в ближайшие шесть недель, и кроме Джойса вылетят в трубу еще многие другие. В Шотландии также уже много народу вылетело в трубу, в один прекрасный день дойдет очередь до банков, и тогда все готово. При этом прядильщики и фабриканты в Австрии банкротятся дюжинами — во всей Богемии еще держится только «великий Либих», все остальные уже капут, — а в Польше история еще только начинается.

Промышленность сама мало затронута. Мелкие промышленники по большей части уже давно погибли или совсем незаметно испарились, но крупные, поскольку они вообще получают заказы, могут теперь опять работать с некоторой прибылью. Из них гибнут лишь те, у кого плохие машины или которые не могут развязаться с хлопком. На складах пряжи и ткани теряют все. И мы также могли бы на это пожаловаться; для меня же лично это вдвое хуже, чем если бы это все произошло в прошлом году. Вот тебе и прелести компаньонства.

Блестяща теперь также «нравственность» в торговле. Сегодня покупают товар, а к моменту доставки цена падает уже на 3, 4, 5%. Начинаются всевозможные придирки и протесты, имеющие единственной целью лишь как-нибудь избавиться от убыточного договора, а это создает бесконечную склочную и ругательную переписку. Мне уж эта дрянь надоела по горло. Ты и представления не имеешь, сколько приходится писать и злиться.

Твоя жена, наверное, получила 3 фунта стерлингов? При сем окончательный расчет; 12 шиллингов я пошлю на-днях, сегодня слишком поздно для почтового перевода.

Сердечные поклоны.

Твой Ф. Э.

¹ расколы.

919.

16 апреля 1865 г.

Дорогой Мавр!

Отсылаю тебе при сем номера «Nordstern».

Какую забавную собаку Дидо приобрели себе Гервег и Рюстов в лице Рейше. Парень со своими торжественными заявлениями в высшей степени забавен. Клятва у гроба Лассалья, без чего дело никогда не обходится, является прекрасным pendant к «Яблоне» Виллиха. Истинное счастье, что этот сорт людей так далеко живет и что в своих попытках сблизиться с нами они все еще соблюдают известную сдержанность.

Я не получил № 43 «S. D.» Если там есть что-нибудь, достойное внимания, то пришли мне его при случае.

Твой Ф. Э.

Что скажешь о Ричмонде? Я ожидал, что Ли будет действовать, как солдат, и, чтобы, по крайней, мере обеспечить армии лучшие условия, капитулирует, вместо того, чтобы бежать. Однако хорошо, что вышло так. Он теперь кончает, как прохвост. Трагедия имеет комический финал.

920.

22 апреля 1865 г.

Дорогой Фред!

При сем вырезка из «Рейнской газетъ». Завтра напишу тебе подробно. Я сегодня устал, как собака, отчасти от поздней ночной работы (не практической), отчасти от всей этой дряни.

Дронке был бы all right,¹ если бы я, как он, делал из меди золото. As it is² необходимо использовать момент, когда буржуазные органы соревнуют между собой в печатании заявлений против slander,³ которые они, быть может, пожелают иметь в своем распоряжении завтра, когда борьба станет серьезной.

Привет.

My compliments to Mrs Lizzy.⁴

Твой Мавр.

¹ доволен. ² Во всяком случае сейчас. ³ клеветнических сплетен. ⁴ Привет миссис Лицци.

921.

1 мая 1865 г.

Дорогой Фред!

Ты должен меня извинить, что я пишу только сегодня, нарушая таким образом свое last promise.¹ Это произошло не потому, что «слишком приятно нарушить слово», но потому, что я действительно был overworked,² так как я был до чрезвычайности занят, с одной стороны, подготовкой книги, с другой — «Международным товариществом».

Сегодня день рождения Женнички, и сегодня вечером у меня будут Эрнест Джонс вместе с Оджером, Кремсером, Фоксом и Юнгом, так что день рождения будет отпразднован политически.

Лаура отвергла предложение некоего Карла Маннинга, уроженца Южной Америки. Отец его — англичанин, мать — испанка. Он богат и во всех отношениях милый нарень, но Лаура к нему равнодушна. Что касается южной страстности, то Лаура уже познала, как эту страстность подавлять. Но так как моя девочка дружна с его сестрами, а он ужасно in love,³ то это a disagreeable case.⁴

Посылаю «куръез». Корректурa «Nordstern» превращает ее в достойный орган немецкого менцаства.

Прилагаю при сем также the latter end⁵ одного письма Шили, рассказ которого о Моисеихе тебя позабавит.

Вот успехи «Международного товарищества».

«Лига реформ», это — our work.⁶ В более узком бюро из двенадцати человек (шесть middleclassmen⁷ и шесть workingmen⁸) workingmen — all members of our Council⁹ (среди них Эккарнус). Все попытки буржуазии to mislead the working class we have baffled.¹⁰ Движение в провинции на этот раз совершенно зависит от лондонского. Напр., Эрнест Джонс был in dispaired till we set the ball a gcing.¹¹ Если это возрождение political movement of the English working class¹² кончится удачно, тогда without making any fuss¹³ можно сказать, что наше Товарищество уже сделало для европейского рабочего класса больше, чем это можно было сделать in any other way.¹⁴ А для успеха имеются все основания.

Ты знаешь, что не итальянское общество выступило из Товарищества, а лишь его представители вышли из Совета. Вместо них туда вошли теперь испанцы. One Roman nation for the other.¹⁵ Если эти молодцы не назначат сейчас же новых представителей, как мы им предложили, тогда Бакунину придется позаботиться for some life Italians.¹⁶

Вебер младший выброшен из здешнего рабочего союза за лживые отчеты в «Социал-демократе» и за сплетни в руководимом двумя фанатичными пруссаками, по имени Клинкнер, филиальном союзе «Тевтония».

Наше общее заявление, сверх всяких ожиданий, имело действительно большой успех. Мы не только взорвали «Всеобщий германский рабочий союз», поскольку он является органом прусского правительства, но мы вообще *in six words*¹⁷ развеяли роялистский угар у немецких рабочих. Нынешний *раскол в партии прогрессистов* был тоже непосредственным результатом нашего выступления.

The chivalry of the South¹⁸ получило достойное завершение. При этом assassination¹⁹ Линкольна было величайшей глупостью, какую они только могли совершить. *Джонсон is stern, inflexible, revengeful*²⁰ и, как бывший *poor white*,²¹ смертельно ненавидит олигархию. Он будет менее церемониться с этими молодцами, и благодаря этому убийству общественное temper²² на Севере будет соответствовать его намерениям.

Видел ли ты, как подпись Блинда красуется впереди всех в соболезующем письме, подписанном «влиятельными» немцами? Блинд в своем роде гений. *In the very nick of time*:²³ он не только бежит к Фрейлиграту etc., но сохраняет достаточно присутствия духа, чтобы сообразить, что если расположить подписи в алфавитном порядке, то список должен начаться с Берндеса. Он бежит, таким образом, сначала к Фрейлиграту etc. и дает сперва ему подписаться; под этим почтенным человеком (который теперь живет душа в душу с Руге) он группирует известных других influentials,²⁴ чуть ли не сказал infinitesimals,²⁵ вроде Гейнцмана, Кинкеля, и ставит себя «алфавитно» впереди всех. Затем он бежит к Берндесу и открывает новый столбец рядом с собой. В этом столбце за Берндесом следуют опять-таки другие, Трюбнер и пр. В таком виде дело появляется в «Times». В тот же день в «Morning Star» второй столбец оказывается уже в хвосте, и Блинд оказывается at the top of the whole,²⁶ имея позади себя своего footman²⁷ Фрейлиграта и т. д. Но Блинду и этого мало, и по его побуждению «Star» в том же номере на первой странице указывает в специальной заметке, что «Карл Блинд возглавляет etc.».

Это ли не гений? Привет.

Твой К. М.

¹ последнее обещание. ² перегружен работой. ³ влюблен. ⁴ неприятный случай. ⁵ конец. ⁶ наше дело. ⁷ буржуа. ⁸ рабочих. ⁹ все рабочие — члены нашего

Совета. ¹⁰ повести рабочий класс по ложному пути мы отразили. ¹¹ в отчаянном положении, пока мы не двинули дело. ¹² политического движения английского рабочего класса. ¹³ без всякого преувеличения. ¹⁴ каким-либо иным путем. ¹⁵ Одна романская нация вместо другой. ¹⁶ о нескольких живых итальянцах. ¹⁷ несколькими словами. ¹⁸ Рыцарство южных штатов. ¹⁹ убийство. ²⁰ суров, непреклонен, мстителен. ²¹ белый бедняк. ²² настроение. ²³ Как раз во время. ²⁴ влиятельных лиц. ²⁵ бесконечно-малых величин. ²⁶ во главе всего. ²⁷ ливрейного лакея.

922.

Манчестер, 3 мая 1865 г.

Дорогой Мавр!

Я поздравляю Женничку, с запозданием, с ее — двадцатым? — днем рождения. The other affair looks exactly like Laura all over¹. Об этом можно сказать словами приговора Relybridge Jury: serves him right.²

Отошлю тебе все через два-три дня. Я очень обрадовался, прочитав в «Nordstern», что в Золингене, наконец, тоже началось движение против Беккера и Швейцера. Так как со времени *твоего отъезда* я об этих вещах читал лишь в «S. D.» и в двух письмах Либкнехта, то мне совершенно неясно, что в этой области произошло на Рейне, и лишь по печальному молчанию в «S. D.» относительно событий во «Всеобщем германском рабочем союзе» я мог *заключить*, что дела этих господ весьма печальны. Но, понятно, мне очень важно знать, как обстоят дела на Рейне, особенно потому, что эти каналы там с самого начала имели временный успех. Если у тебя есть по этому поводу материал, пришли его мне, я тебе все верну и вообще в будущем буду тебе, как правило, отсылать все документы, так как теперь важно, чтобы ты весь этот хлам имел при себе.

Подписался ли ты на «Nordstern»? Это было бы хорошо, ведь мы должны знать, что происходит.

Необходимо иметь на Рейне некоторые связи среди рабочих, чтобы в будущем мы уже заранее могли отражать такого рода интриги.

А рггос. С Клингсом, повидимому, произошли странные истории. Какой-то осел дал ему мой адрес 58, Dover St. Клингс отправляется туда, естественно меня не находит и уезжает в Ливерпуль к Роде. Последний же рассказывает Эйхгофу, будто я спрятался от Клингса, не захотел его видеть, что сие означает и т. д. — нельзя так поступать с таким человеком, как Клингс, который ведь в Америке «организует все дело» вместе с Вейдемейером и другими (какими?) и т. д., и т. д. При этом господин Роде, которого я никогда не видел, выражает свое удивление по поводу того, что я

«еще» не прислал ему до сих пор экземпляра моей брошюры. Принимаешь ли ты что-нибудь в этом?

Заявление против «президента человечества» очень хорошо. Как раз то, что нужно, и ни на йоту больше.

Самое худшее то, что публика в Германии потребует теперь, чтобы кто-нибудь стал во главе их, а кто это может сделать? Эккартус подходил бы для этого, но он не захочет уехать из Лондона.

Международное товарищество действительно в короткое время и без большого шума завоевало большую территорию. Но хорошо, что оно теперь занято английскими делами, вместо того, чтобы вечно возиться с французскими дрявгами. Все же ты имеешь награду за потерянное время.

Как обстоит дело с книгой?

Грант при Ричмонде в точности повторил битву при Иене — в стратегическом отношении — и с тем же результатом: окружением всей вражеской армии. Ему только не пришлось так далеко маршировать, чтобы пожать плоды.

Теперь сдался и Джонстон, и я этим выиграл пари, на которое я пошел два месяца тому назад: а именно, что к первому мая у южан уже больше не будет армии. С теми, которые теперь будут оказывать сопротивление, будут поступать, как с партизанами, и с полным правом. Джонстон будет во всяком случае настаивать на конфискации крупной земельной собственности и тем несколько ускорит покорение и реорганизацию Юга. Линкольн едва ли настаивал бы на этом.

Southern sympathisers³ утешали себя здесь за тот лицемерный вой, который они вынуждены были поднять по поводу убийства, — пророчеством, что через четыре недели уже будут говорить: Грант I, король Америки. Эти ослы здорово провалились!

«Августейшие особы», наверное, очень злятся, что убийство Линкольна произвело такой колоссальный эффект во всем мире. Такой чести еще никто из них не имел.

Сердечный привет твоей жене и девочкам.

Твой Ф. Э.

¹ По поводу другого дела можно сказать, что оно касается только Лауры.
² Релибриджского суда: так ему и следует. ³ Друзья южан.

Дорогой Фред!

Мой шурин уезжает сегодня обратно на Мыс Доброй Надежды.

Я должен его проводить на пароход. Поэтому у меня нет времени, и я могу сообщить вкратце лишь следующее:

1) *Ad voset Bruhn*.¹ Один парижский рабочий получил письмо от одного рабочего из Гамбурга, в котором сообщается, что Брун распространяет про нас всякую клевету. Прежде всего будто бы я должен ему 60 талеров, которых еще не вернул. Во-вторых, будто бы ты и я продали прусскому правительству, иначе «полицейскому советнику Штиберу», рукопись об эмигрантах. Парижский рабочий переслал письмо Лесснеру, Лесснер мне. Я немедленно ответил Лесснеру с просьбой сообщить парижскому рабочему следующее: «Я никогда не имел (так мне тогда казалось) никаких денежных дел с Вруном и вообще считаю Мюнхгаузениадой, будто Брун когда-либо обладал шестьюдесятью талерами». Далее: я даю там объяснения по поводу дела Баниа с рукописью, ссылаясь при этом на наше заявление от января 1852 года, опубликованное в «New-Yorker Criminal Zeitung», и на соответствующие страницы в «Господине Фогте». Well!² После этого получилось письмо Б[руна]. Я перетряхнул всю свою память и как будто вспомнил следующее: весной 1849 года я прибыл в Гамбург, чтобы раздобыть там денег для «Новой рейнской газеты». В кармане у меня было денег ровно столько, чтобы доехать до Гамбурга. Там же я прожил 14 дней в первоклассной гостинице. Барону Фришу, который выразил готовность оказать нам денежную поддержку, я сказал, что нуждаюсь в деньгах для расплаты по счету гостиницы и на обратный проезд. И вот мне мерещится, будто ввиду того, что я не хотел брать у него этих денег в качестве «подарка», а он, со своей стороны, не хотел их получать обратно, мы сошлись тогда на том, чтобы их получил *Брун*, который тогда был прохвостом и теперь им остался. Я совершенно забыл об этой ерунде, Бруну же я теперь написал, что не припоминаю никаких денежных сделок с ним. Так как по моем возвращении из Гамбурга в Кельн «Новая рейнская газета» была закрыта, а я был выслан из Пруссии, то я в водовороте событий мог обо всем этом забыть. Странно лишь то, что он ждал с 1849 до 1865 года, чтобы напомнить мне об этом. Дело, между тем, просто. Пусть он мне напишет, сколько ему, по его мнению, причитается и пусть пришлет адрес Грюбеля. Я тогда сам напишу Грюбелю. Если последний подтвердит его утверждение, то его требование будет удовлетворено. Такой путь безусловно необходим, так как я до настоящего момента не совсем уверен в том, что дело именно обстоит так, а подобными требованиями из меня действительно высасывают все соки.

2) Из прилагаемого письма от Шили ты видишь, что произошло в Париже, куда мы послали Ле-Любе, чтобы уладить возникшие там споры. (Шили также получил от нас full power³ для переговоров, так как нам известно было пристрастие Ле-Любе к Лефору. Замечу кстати, что Белюз, президент Народного банка, руководящий немногочисленными парижскими ассоциациями, и их газета «L'Association» стоят за Лефора.) О дальнейшем, — что будет решено, поскольку речь идет о наших действиях, лишь сегодня вечером, — сообщу в следующем письме.

3) Возвращаю полученное от Зибеля. Я нахожу очень неудобным, что он пометил Лондоном заметку, посланную в «Дюссельдорфскую газету»; таким путем он разоблачает меня в качестве вероятного автора.

4) Прилагаю письмо от Либкнехта.

5) Копию циркуляра Женевской секции Товарищества.

6) Письмо Мейспера.

7) Ланге: не нужно его сразу ошарашивать. Напиши ему, чтобы он посылал тебе эти вещи почтой по два экземпляра, из которых один ты каждый раз будешь посылать мне. Он-де сам понимает, что мы на основании последнего опыта должны пока что воздерживаться от сотрудничества в любом немецком органе. Он, конечно, имеет такое же право, как и всякий другой редактор любого периодического издания, давать какие ему угодно выдержки из твоего памфлета.

Привет.

Твой К. М.

Первые номера (два листа) блиндовского «Eidgenosse» появились лишь со статьями Блинда, Струве, Раша. Пошлости. На виньетке рука с кинжалом для умерщвления «тирана».

¹ В отношении Бруна ² Ладно. ³ неограниченные полномочия.

Дорогой Фред!

Ты не должен ничего отсылать (кроме письма Шили). Сохрани только все это. Прилагаю один номер «Free Press» (queer article о «Reconstruction of Italy»¹ принадлежит самому High Priest,² Уркарту), затем два номера (один более старый) «Nordstern». На последнюю я подписался, а на «Социал-демократа» больше нет. Как дело обстоит на Рейне, ты видишь отчасти из последней.

«Nordstern». Впрочем, *общее количество* верных, которыми Бернгард Беккер еще повелевает, составляет едва 1 000 человек.

Чтобы не забыть: В прусской палате депутатов было сделано много намеков на твою брошюру. *Гнейст*, напр., сказал: Военный министр нас не переубедит, если бы даже его статистика говорила «языком Энгельса». * (Смех.) (Так было напечатано в берлинской «Reform».)

Как повсюду, так и среди лондонских рабочих имеется а knot of asses, fools and rogues, rallying³ вокруг одного мошенника. Этим мошенником в данном случае является «Джорж Поттер», а rat of a man supported⁴ продажным, но остроумным и опасным в качестве stump-orator⁵ ирландцем *Конолли*. Хотя буржуа и ненавидят почтенного Поттера как главного руководителя стачек, они все же поддерживают его против наших людей, потому что чувят в нем venality,⁶ между тем как о наших людях они знают, что они true men.⁷ Влияние Поттера проистекает в особенности из того, что он presently⁸ является manager⁹ «Beehive», официального органа трад-юнионов, хотя он и использует его против Official Council¹⁰ этих юнионов, находящегося в наших руках. Но так как это паевой орган, то нужно теперь распространить как можно больше паев (пай стоит 5 шиллингов) среди наших рабочих; я, со своей стороны, обаялся собрать деньги приблизительно за 30 паев. Я при этом рассчитываю на 5 фунтов стерлингов от тебя (single handed¹¹ или вместе с друзьями), об 1 фунте стерлингов я пишу Дронке, а остальное я внесу сам. (Хотя мое участие в Центральном совете и без того стоит мне для моих средств довольно много.) Еще на *этой* неделе деньги должны быть at hand,¹² так как на будущей состоится общее собрание shareholders.¹³ Если мы только будем достаточно сильны (а Оджер, напр., поручился за 50 паев) для того, чтобы избрать *наблюдательный совет*, то этот мошенник Поттер окажется under our thumbs¹⁴ (он только manager⁹). Это имеет серьезное, решающее значение для всего движения.

Эрнест Джонс был здесь; он очень любезен, socially speaking.¹⁵ Но, между нами говоря, он старается использовать наше Общество *лишь* для выборной агитации. Из двенадцати карточек, которые я ему послал, он вернул одиннадцать, не продав ни одной, между тем как роог¹⁶ Шили, напр., уплатил сам за 24. Я сказал ему, чтобы он карточки оставил у себя и что я позже распоряджусь на их счет, сейчас же я не могу выступить перед английскими рабочими с

* [Игра слов: Engelszunge — язык ангелов и язык Энгельса.]

такими сведениями. By and by he will find out,¹⁷ что уже из одного расчета ему следовало относиться к делу не так легко и rather contemptibly.¹⁸ Я напишу ему, чтобы он передал «Адреса» тебе. Ты их как-нибудь уже раздашь. А у него они лежат мертвым балластом. Впрочем, не нравится мне также, что он приезжал сюда для того, чтобы путем интриг получить у сэра Г. Грея должность городского судьи.

Сегодня я должен предложить «Адрес» президенту Джонсону. Господин Ле-Любе хочет опять войти в Совет в качестве уполномоченного от Дептфорда; это тот самый парень, который вышел из Совета в качестве *Delegate for France*; but his admittance (we have to confirm the delegates) will not run quite so smoothly as he seems to fancy.¹⁹ Мне бы хотелось, чтобы ты организовал в Манчестере объединение хотя бы шести членов и дал бы себя выбрать в качестве их корреспондента для сношений с Лондоном. Дело в том, что корреспонденты eo ipso²⁰ становятся members of the Central Council²¹ и получают право заседать в нем и голосовать when at London²².

В Лионе, Невшато (департамент Вогезов) и Сен-Дени образовались новые секции. Французские секции (кроме парижской), ввиду существующих там законов, связаны не с Парижем, а непосредственно с Лондоном.

Я надеюсь, что, несмотря на все перерывы, моя книга будет окончательно готова к 1 сентября. Дело идет хорошо, хотя я все еще не вполне здоров.

Твой К. М.

¹ комичная статья о «восстановлении Италии». ² Первосвященнику ³ компания ослов, дураков и шутов, группирующихся. ⁴ мерзавец, поддерживаемый. ⁵ массового оратора. ⁶ продажность. ⁷ честные люди. ⁸ в настоящее время. ⁹ редактором. ¹⁰ Официального совета. ¹¹ единолично. ¹² на руках. ¹³ пайщиков. ¹⁴ в нашей власти. ¹⁵ разговорчив в компании. ¹⁶ бедный. ¹⁷ Постепенно он придет к убеждению. ¹⁸ сверху вниз. ¹⁹ делегата для Франции, но его допущение (нам принадлежит право утверждения делегатов) не пройдет так гладко, как он воображает ²⁰ тем самым. ²¹ членами Центрального совета. ²² когда они в Лондоне.

Дорогой Мавр!

Возвращаю при сем письмо Шили. Милая картина семейной жизни Моисея и Моисеихи очень забавна.

Большое спасибо за «Nordstern». Имеющиеся в ней сведения

подтверждают отрицательную характеристику «Социал-демократа», на который я подписался до июня (а если его в Лондоне нельзя получить нигде в удобном для тебя месте, то я мог бы его и повже продолжать получать; нельзя знать, что́ будет).

Впрочем, этот дрянной листок, т. е. «S. D.», так захирел, что прямо жалость берет. Героическая душа бедного Швейцера находится при последнем издыхании. Все обрывки чужих мыслей и крохи с чужого стола использованы и в запасе уже нет ничего, что можно было бы предложить читателям. Даже «Маузес» [Моисей Гесс] ничем больше не может служить — Маузес, последняя надежда новой «партии». Отдел «Из жизни союза» совершенно пуст, фельетон — перепечатка из «Аугсбургской всеобщей газеты». После четырех месяцев редактирования в одну из наиболее бурных эпох, какие мы пережили со времени 48-го года, эта мокрая курица окончательно выдохлась, и это те самые господа, которые одним ловким ходом собирались аннектировать весь немецкий пролетариат.

По поводу Поттера: Прилагаю 5 фунтов, так что ты можешь взять паи частью, т. е. пять на мое имя и пять на имя Сэмюэля Мура; я хотя еще его не видел, но он, наверное, сколько-нибудь возьмет. Мы пошлем тебе полномочия для общего собрания. Если Гумперт тоже захочет пять паев, ты можешь ему передать из двадцати вышеупомянутых — таким образом пять для меня, пять для Мура, остальные десять раздели между другими, но, если это люди *не вполне надежные*, не забудь обеспечить за собой право получить их обратно.

Что касается предложения, чтобы я создал здесь отделение Международного товарищества, то это совершенно не подходит. Кроме Мура и Гумперта я здесь не нахожу ни одного человека, так как с Кильманами я не могу устраивать таких дел, — у нас тогда немедленно началась бы грызня. К тому же моя должность лондонского корреспондента наложила бы на меня всевозможные неисполнимые обязательства, лишь только здесь нашлись бы или установились бы действительные пункты связи с рабочими. Et à quoi bon? ¹ Ведь я несколько не смог бы этим облегчить твое бремя.

А прогроз. Моисей продолжает в «S. D.» свои выпады против Международного товарищества. Если ты этой газеты не читаешь, то я вышлю ее тебе.

На банковском чеке обозначено: В/С 48498, Манчестер, 4 января 1864.

«Энгельсовский язык» и т. д. относится не ко мне, как я сам вначале было подумал, а к статистику, тайному советнику *Энгелю* из Берлина, подготовившему Роону те вещи, которые я *критиковал*.

Джонса нужно оставить в покое. Он, кажется, вообще уже не очень верит во все пролетарское движение. Мне, впрочем, никогда не удастся его здесь повидать, его никогда не застанешь.

¹ И зачем это?

Твой Ф. Э.

926.

13 мая 1865 г.

Дорогой Фред!

5 фунтов стерлингов с благодарностью получил. Они будут употреблены так, как ты этого пожелал.

Относительно комитета в Манчестере ты прав.

Что касается Эрнеста Джонса, то необходимо пока что идти вместе с ним. Он будет вместе со своими фигурировать на ближайшей манчестерской конференции (next Tuesday¹) вместе с нашими делегатами (Оджер и Кремер on the part of the International Association²), Гоуэлль в качестве секретаря Лиги реформ (bricklayer, one of the members of our Council³), Бильс и Мэзон Джонс в качестве буржуазных представителей той же Лиги.

Без нас эта «Лига реформ» никогда не создалась бы или попала бы в руки middle class.⁴ Блестящий провал Baines's bill⁶ (что повлечет за собой change of ministry⁶ и coming⁷ власти к ториям), первоначально supported by the government, which wanted some such small measure for the hustings,⁸ произошел в Нижней палате под непосредственным воздействием выставленных недавно working class⁹ (т. е. our men¹⁰) «экстравагантных» требований.

Как мне пишет Дронке, Рейнак I, нынешний глава Швейцарского банка, собирается ликвидировать лондонское бюро, причиняющее одни лишь расходы. Рейнак I, конечно, не связан теми политическими и личными соображениями, какие были у Фази и Клапки.

Опять выскочил отвратительный карбункул на левом бедре near inexpressible part of the body¹¹.

Поклон мистрис Лици. Привет.

Твой К. М.

A propos. Господин Ле-Любе, который просчитался относительно своей собственной важности и опасности, wants now to return to the Central Council in the capacity of a representative «for Greenwich». ¹² Мы ему ответили, что d'abord¹³ необходимо выждать прибытия писем, которые он писал во Францию в момент конфликта. Я сомневаюсь, чтобы «Социал-демократ» просуществовал еще 3 месяца.

«Моисей» был уверен, что его положение вполне прочное, и ни за что не хотел отказаться от всей важности чина действительного тайного лассалевского уполномоченного. *Le pauvre diable!*¹⁴

Завещание Лассалья теперь признано. Он *ничего* не завещал Б. Беккеру, кроме его «назначения», сопровождаемого «строгим и повелительно» продиктованными правилами поведения.

¹ в будущий вторник ² от Международного товарищества. ³ каменщик. один из членов нашего Совета. ⁴ буржуазии. ⁵ законопроекта Бэнса. ⁶ смену кабинета ⁷ переход. ⁸ поддержанного правительством, которое нуждалось в таком небольшом мероприятии для избирательной кампании. ⁹ рабочим классом. ¹⁰ нашими людьми. ¹¹ близ невыразимой части тела. ¹² желает теперь вернуться в Центральный совет в качестве представителя Гринвича. ¹³ сначала. ¹⁴ Бедняга!

927.

20 мая 1865 г.

Дорогой Фред!

Прилагаю вырезку с моим «Адресом» Джонсону.

Новое появление Эдгара, of course,¹ очень нас поразило. Он *quite the fellow I thought him*,² и карьера его совсем такова, как я ее себе представлял. *It is a pity*,³ что он не всегда был секундантом Гарибальди. Он превосходно подошел бы ему. Но бедняга все еще очень слаб. Он останется здесь на более продолжительное время, и в связи с этим ты совершил бы а *good work*,⁴ если бы поспособствовал восстановлению моего *винного погреба*.

Я работаю здесь, как лошадь, так как я должен использовать время, пригодное для работы, а карбункулы все еще имеются, хотя они мешают мне теперь лишь местной болью, не влияя на мозг.

В промежуточные часы, — ибо нельзя же все время писать, — я занимаюсь дифференциальным исчислением $\frac{dx}{dy}$. У меня не хватает терпения читать что-либо иное. Всякое иное чтение гонит меня обратно к письменному столу.

Сегодня вечером экстренное заседание «Интернационала». Старый добряк, старый оуэнист Уэстон (carpenter)⁵ выставил два положения, которые он постоянно защищает в «Beehive»:

1) что а *general rate in the rise of the rate of wages*⁶ не может принести рабочим никакой пользы;

2) что вследствие этого трэд-юнионы *вредны*.

Если бы оба эти тезиса, в которые в нашем обществе верит лишь *он* один, были приняты, мы оказались бы в смешном положении

как в отношении здешних трэд-юнионов, так и в смысле *infection of strikes*,⁷ которая царит теперь на континенте.

Он получит в этом отношении поддержку — на это заседание будут допущены и не-члены — со стороны одного коренного англичанина, написавшего в том же духе брошюру. Публика ждет, конечно, возражений с моей стороны. Мне собственно следовало бы к сегодняшнему вечеру приготовить свое возражение, но я нашел более важным продолжать писать книгу и должен поэтому полагаться на импровизацию.

Я, разумеется, знаю заранее, к чему сводятся оба основных пункта:

- 1) что *заработная плата* определяет стоимость товаров;
- 2) что если капиталисты платят сегодня 5 шиллингов вместо 4, то они будут завтра (благодаря возросшему спросу) продавать свои товары за 5 шиллингов вместо 4.

Как все это ни плоско и ни поверхностно, все же не легко выяснить круглым невеждам все связанные с этим экономические вопросы. *You can't compress a course of Political Economy into one hour. But we shall do our best.*⁸

Эдгар считает *good omen*,⁹ что он встретил в Англии прежде всего тебя. Лицци очень ему понравилась.

Привет.

Твой К. М.

Поразительная ирония судьбы, что этот Эдгар, который никогда не эксплуатировал никого другого, кроме себя самого, и был всегда *workman*¹⁰ в самом строгом смысле этого слова, участвовал в *a war of and with starvation*¹¹ на стороне рабовладельцев. Оба шурина в настоящее время разорены американской войной.

¹ конечно. ² совершенно тот парень, каким я его себе представлял. ³ Жаль. ⁴ благое дело ⁵ плотник. ⁶ общая норма при повышении нормы заработной платы. ⁷ эпидемии стачек. ⁸ Нельзя изложить курс политической экономии в течение одного часа. Но я постараюсь сделать все возможное. ⁹ хорошей приметой. ¹⁰ рабочим. ¹¹ голодной войне и войне с голодом.

Дорогой Фред!

Ты должен извинить меня за мое долгое молчание. Я все это время непрерывно страдал разлитием желчи (вероятно, из-за жары) и вообще имел много воэни. К тому же все то время, что я

был работоспособен, я использовал для работы над книгой. Ты знаешь ведь, что в таком состоянии постоянно собираешься отправить письма, но никогда до этого не приходишь.

Нового могу сообщить мало. «Nordstern» больше не выходила с тех пор, как я тебе в последний раз отправил номера, вероятно из-за недостатка средств. Сегодня я ее опять получил, но в ней нет ни слова о том, что, собственно, произошло в промежутке. Листок этот, как ты увидишь, есть свалочное место обывательщины. Эти молодцы объявляют — в своем протесте против Б. Беккера — изменником всякого, кто осмеливается усомниться хотя бы в одной букве открытой Лассалем истины. Пока что господин Бернгард Беккер временно уступил свою президентскую власть пошляку Фритче (из Лейпцига) и перенес свою резиденцию в Берлин, чтобы иметь возможность непосредственно вести дела с господином Бисмарком.

В какую милую пакость выродилось все движение барона Итцига? Парень, однако, обладал верным инстинктом насчет того, как надо вести себя, чтобы стать спасителем немецких простофиль! Между тем, неверная живет в свое удовольствие в качестве боярыни со своим валахом в Бухаресте.

От Либкнехта я уже некоторое время совершенно не получал писем. Но это, очевидно, объясняется тем, что я долго не отвечал на почти ежедневно получавшиеся от него записки, в которых ничего не было; при этом каждая последующая отрицала предыдущую.

В связи с «Международным товариществом» могу сообщить лишь следующее:

Господа итальянцы *вернулись* и в прошлый вторник объявили нам, что они опять назначили майора Вольфа своим делегатом. Господин Мадзини, очевидно, убедился, что он в нас, быть может, будет нуждаться, между тем как мы им не интересуемся ни на грош.

Один янки, по имени Леон Льюис (в данный момент он в Париже), стал американским секретарем. Он, по-моему, ничего не стоит, хотя у него много денег и еще больше амбиции. Этот субъект вообразил себе, что он сможет — созданием газеты «The Commoner» — революционизировать Англию в 24 часа или, по меньшей мере, в шесть месяцев. Он предложил нам в качестве органа эту имеющую выйти газету, но нашел, что мы ему ставим слишком практические и отнюдь не свидетельствующие об энтузиазме условия, и поэтому «пока что» уехал во Францию вместе со своей женой, тоже большим политиком; полагаю, для того, чтобы посмотреть, нельзя ли будет там приложить свой «lever»¹ с большим успехом.

Я хотел бы выслушать твое мнение по следующему вопросу:

Я прочел в Центральном совете а рарег² (которая составила бы в печати около двух листов) по вопросу, поставленному Уэстоном: как повлияет а *general rise of wages*³ и т. д. Первая часть это, — ответ на уэстоновскую ерунду; вторая часть — теоретическое рассуждение, насколько это возможно было по данному поводу.

И вот это хотят напечатать. Это, с одной стороны, быть может, было бы полезно, так как они связаны с Джоном Стюартом Миллем, профессором Бизли, Гаррисоном и т. д. С другой стороны, у меня следующие сомнения:

- 1) иметь своим противником «М-ра Уэстона» не слишком лестно,
- 2) во второй части эта вещь заключает в чрезвычайно сжатой и все же *relatively popular form*⁴ много нового, взятого из моей книги, между тем как по необходимости она все же должна скользить по поверхности многого. Спрашивается, целесообразно ли такое предвосхищение?

Я думаю, что ты сможешь разрешить этот вопрос лучше меня, так как ты будешь судить из спокойного далека.

Мне стоило также больших трудов, вопреки настояниям Шили, И.-Ф. Беккера и отчасти парижского комитета, *to put off*⁵ назначенный на этот год *congress*. Все же мне удалось, — что имело решающее значение — склонить здешний Совет в пользу того, чтобы, принимая во внимание предвыборную агитацию и т. д., в этом году состоялась лишь предварительная (частная) *конференция в Лондоне*, на которую *Central Foreign Committees*⁶ пошлют по одному делегату (не *affiliated societies*, but *their administrative committees*).⁷ Я уверен, что брюссельский конгресс провалился бы. Дело еще не созрело для этого.

Наш Эккариус стал главным лондонским выборным агитатором, и, если бы как раз теперь не был разгар портняжного сезона, он согласился бы поехать в агитационную поездку по стране (с еженедельным окладом в 2 фунта). У него своеобразная сухо-юмористическая манера речи, особенно нравящаяся англичанам.

Эдгар уже поправился. Курьезный чудака, у которого фактически все вращается вокруг еды и элегантной одежды; эгоистичен, как собака или кошка, *but a kind natured one*.⁸ Его мозг опять начал проявлять некоторую активность.

Политика Джонсона не нравится мне. Смешные припадки строгости против отдельных лиц; но до сих пор весьма *vacillating*⁹ и слаб на деле. Реакция в Америке уже началась и скоро очень усилится, если этой халатности немедленно не будет положен конец.

Что ты скажешь о дебатах в прусской палате? Во всяком случае разоблачения о положении юстиции и т. д., следовавшие удар за ударом, были очень хороши. Точно так же хорош был открытый удар, полученный великопруссачеством Национального союза, что особенно обнаружилось в дебатах по польскому вопросу.

По поводу *Польши* я с большим интересом прочитал сочинение *Эмиаса Реньо* (того самого, который составил *histoire des principautés danubiennes*)¹⁰ «La Question Européenne, faussement nommée la Question Polonaise».¹¹ Я вижу из этой книги, что догма Лапинского, будто великороссы *не славяне*, отстаивается господином *Духинским* (из Киева, профессор в Париже) самым серьезным образом с лингвистической, исторической, этнографической и т. д. точек зрения; он утверждает, что настоящие московиты, т. е. жители бывшего Grand Duchy of Moscow,¹² большей частью монголы или финны и т. д., как и расположенные дальше к востоку части России и ее юго-восточные части. Из этой книги я вижу, во всяком случае, что это дело очень беспокоило петербургский кабинет (ибо оно положило бы решительно конец *панславизму*). Всех русских ученых заставили писать ответы и возражения, но последние оказались бесконечно слабыми. Аргумент о чистоте великорусского диалекта и его близости к церковнославянскому в этих дебатах свидетельствовал больше как-будто в пользу польской концепции, чем московитской. Во время последнего польского восстания Духинский за свои «открытия» получил от национального правительства премию. Точно так же было доказано с геологической и гидрографической точек зрения, что к востоку от Днепра начинаются большие «азиатские» отличия, по сравнению с местами, лежащими к западу от него, и что *Урал* (это утверждал еще Марчизон) никоим образом не составляет границы. Выводы, к которым приходит Духинский: Русь, это — имя, узурпированное московитами. Они не славяне и вообще не принадлежат к индогерманской расе, они *des intrus*,¹³ которые должны быть опять прогнаны за Днепр и т. д. Панславизм в русском смысле, это — кабинетное измышление и т. д. Я бы хотел, чтобы Духинский оказался прав и чтобы *at all events*¹⁴ этот взгляд стал господствовать среди славян. С другой стороны, он объявляет не славянами и некоторые другие народы Турции, которые до сих пор считались славянскими, как, напр., болгар.

Привет.

Твой К. М.

Филистер Фрейлиграт с женой и дочерью заявился к нам с визитом недели две тому назад. Его непосредственным начальником.

является теперь Рейнак, который приехал сюда для «контроля» над ним и порядком его мучит.

¹ рычаг. ² записку. ³ общее поднятие заработной платы. ⁴ относительно популярной форме. ⁵ отсрочить. ⁶ иностранные центральные комитеты. ⁷ примкнувшие общества, а их административные комитеты. ⁸ но добродушен. ⁹ неустойчив. ¹⁰ историю дунайских государств. ¹¹ Европейский вопрос, ошибочно называемый польским вопросом. ¹² Великого княжества Московского. ¹³ втируши. ¹⁴ во всяком случае.

929.

15 июля 1865 г.

Дорогой Мавр!

Либкнехт выслан из Пруссии; писал ли он тебе с той поры и сообщил ли свой адрес? Бедняга, наверное, будет нуждаться в деньгах, и несколько фунтов имели бы для него в данный момент большее значения, чем когда-либо. Но куда послать?

Политика м-ра Джонсона мне тоже все меньше нравится. Все резче выступает ненависть к неграм, а в отношении старых лордов Юга он проявляет полное бессилие. Если дело пойдет так дальше, то через шесть месяцев в вашингтонском Конгрессе будут заседать все прежние мошенники-сецессионисты. Без coloured suffrage ¹ тут не обойтись, а разрешение этого вопроса Джонсон предоставляет побежденным, рабовладельцам. Это слишком нелепо. Все же нужно полагать, что события разовьются иначе, чем это представляют себе господа бароны. Они в большинстве разорены и должны будут продавать землю переселенцам и спекулянтам с Севера. Те тотчас же появятся там и многое изменят. Я думаю, что mean whites ² станут постепенно вымирать. С этой расой ничего больше не поделаешь; те, что уцелеют после двух поколений, сольются с переселенцами в совершенно новую расу. Негры, вероятно, станут мелкими squatters, ³ как на Ямайке. Таким образом, в конце концов олигархия все же погибнет, но этот процесс, который теперь мог бы быть закончен одним ударом, в данном случае станет затяжным.

Я не думаю, чтобы ты себе добыл много лавров в чернильной войне против м-ра Уэстона, а в качестве дебюта в английской экономической литературе это несомненно было бы нехорошо. А так я не вижу особого вреда в том, чтобы предварительно использовать отдельные части книги; разумеется, если ты ее действительно теперь закончишь. — Как обстоит с этим дело? 1 сентября был самый последний срок, и, как ты знаешь, это будет стоить двенадцати бутылок вина.

Во время выборов здесь Джонс body and soul ⁴ работал для Хейвуда, а тот в качестве «teetotaler and permissive bill's man» ⁵ не имеет успеха среди рабочих. Мур также сильно поработал. Джемс доставит удовольствие манчестерским снобам; он хочет стать judge, ⁶ и больше ничего. Выборы влетят ему в копеечку, если даже считать одно только шампанское, выпитое его комитетом и соратниками. Talk about bribery, corruption and treating; ⁷ такие субъекты, как толстый Ноульс, являлись дюжинами в Queens Hotel, где помещалась главная квартира, обжирались и лакали шампанское ведрами, и все это делалось по записочке, на которой член комитета писал: действительно на 2 luncheons и 3 bottles Champaign. ⁸ В Ланкастере все три кандидата вместе израсходовали 20 000 фунтов стерлингов, целую неделю во всех трактирах поили народ даром. В пять часов после обеда я был здесь в Queens Hotel; изящный smoking room ⁹ выглядел, как старая конура на Windmillstreet, и вместо barmaids ¹⁰ в атласных платьях прислуживали cellar boys ¹¹ в белых нарукавниках и передниках. Вся компания была пьяна, и в половине седьмого хозяину гостиницы пришлось очищать помещение при содействии полиции. Моя обязанность состояла в том, чтобы так наугощать людей из комитета Джемса, чтоб они стали неспособными нести свою службу; это мне, сверх ожидания, по отношению к ряду лиц и удалось.

Пережил в конторе очень трудное время; Чарльза не было, Франца Эрмена также; к тому же было невероятно много работы. Сейчас лучше. Я изучаю теперь сказки Гримма, германские героические саги, древне-фризское право и т. д. Лишь только я с этим несколько справлюсь, я серьезно перейду к древне-норвежскому языку. Поэзия там чрезвычайно трудная вследствие умышленной туманности и многоименной мифологии, и я вижу, что изучать попутно это по use; ¹² я должен буду как-нибудь потратить исключительно на это недели четыре, когда буду меньше занят.

Привет дамам.

Твой Ф. Э.

Мур спрашивает меня насчет акций «Beehive'a». Как обстоит дело с этим? And how did you get on with Potter? ¹³

¹ избирательного права для цветных. ² опустившиеся белые. ³ колонистами. ⁴ душой и телом. ⁵ трезвенника и сторонника запретительного билля. ⁶ судьей. ⁷ Говорят о подкупах, подлогах и угощениях. ⁸ два завтрака и три бутылки шампанского. ⁹ курительный зал. ¹⁰ кельнерш. ¹¹ половые. ¹² невозможно. ¹³ И что вы успели предпринять насчет Поттера?

930.

25 июля 1865 г.

Дорогой Мавр!

Как тебе нравятся наши прусские Мирабо в... *Зоологическом саду*? Гаркорт и его соратники в роли диких зверей — этого не придумал бы сам Бисмарк.

Впрочем, я уверен, что мосье Бисмарк непременно хочет конфликта. Самым ярким доказательством этого служит для меня поведение грязного Швейцера, которого теперь ежедневно конфискуют. Рабочие, по его мнению, должны теперь вдруг выступить в защиту депутатов, — это после того, как в продолжение шести месяцев их призывали к спокойствию; происходят будто бы массовые митинги и т. д., на которых ведется энергичная агитация против правительства. За это говорит также единодушный рефрен реакционной прессы, сравнивающий банкет с февральскими банкетами в Париже, и, наконец, все поведение правительства, бесполезные провокации и т. д. Однако можно было предвидеть, что Бисмарк провалится. Уж очень глупо было подстроено.

С другой стороны, Швейцер-Беккер хотят, кажется, воспользоваться случаем для приличного отступления. «Социал-демократ» и Союз будто бы закроют специально для того, чтобы обелить этих господ. Впрочем, с первого числа текущего месяца я больше не читаю этого листка. Бисмарку, очевидно, надоело платить за него и мне также. Поэтому, если бы что-нибудь произошло, я рассчитываю на твою информацию.

В Германии 32 градуса по Реомюру в тени! Говорят, что люди живут еще только в погребах. Здесь тоже тропическая жара.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

931.

31 июля 1865 г.

Дорогой Энгельс!

Мое продолжительное молчание, как ты, быть может, и сам уже догадался, вызвано не столь приятными причинами.

Вот уже два месяца, как я живу исключительно ломбардом, и требования ко мне становятся с каждым днем все чаще, невыносимее и бурнее. Этот факт не должен будет тебя удивить, если ты примешь во внимание: 1) что за все это время я не мог заработать ни гроша, 2) что одна только выплата *долгов* и устройство дома

поглотили до 500 фунтов стерлингов. Я поэтому записывал в своей книге пенни за пенни (as to this item),¹ так как мне самому казалось невероятным, что деньги так быстро исчезают. Дело дошло до того, что из Германии, где обо мне распространяли бог весть какие слухи, ко мне стали поступать всевозможные требования из допотопных времен.

Сперва я хотел приехать к тебе, чтобы поговорить об этом лично. Но в данный момент потеря времени для меня невознагражима, так как я никоим образом не могу прервать своей работы. В последнюю субботу я заявил подкомиссии «Интернационала» о своем отъезде, чтобы иметь у себя в распоряжении для pushing on² работы, по крайней мере, две недели, совершенно свободных для беспрепятственных занятий.

Уверяю тебя, что я лучше дал бы себе отсечь большие пальцы, чем написать тебе это письмо. Это может прямо довести до отчаяния — мысль, что полжизни находишься в зависимости от других, Единственная мысль, которая меня при этом поддерживает, это то, что мы оба ведем дело на компанейских началах, причем я отдаю свое время теоретической и партийной стороне дела. Я, правда, занимаю квартиру слишком дорогую для моего положения, да и кроме того мы этот год жили лучше, чем когда-либо. Но это единственный способ дать детям возможность поддерживать такие связи и отношения, которые могли бы обеспечить их будущее, не говоря уже о необходимости хоть на короткое время вознаградить их за все то, что они выстрадали. Я думаю, что ты сам будешь того мнения, что если даже рассматривать это с чисто купеческой точки зрения, то теперь был бы неуместен чисто пролетарский образ жизни, который был бы очень хорош, если бы мы были с женой одни или если бы мои девочки были мальчиками.

Что касается моей работы, то я сообщу тебе об этом чистую правду. Осталось еще написать три главы, чтобы закончить теоретическую часть (первые три книги). Затем еще нужно будет написать четвертую книгу, историко-литературную; это для меня относительно наиболее легкая часть, так как все вопросы разрешены в первых трех книгах, а последняя является скорее повторением в исторической форме. Но я не могу решиться что-нибудь отослать, пока все в целом не будет лежать передо мной готовым. Whatever shortcoming they may have,³ одно является достоинством моих сочинений: они представляют собою художественное целое. А этого можно достигнуть только при моем способе — не приступать к печатанию, пока сочинение не будет лежать на столе *готовым*. Методом

Якова Гримма этого не достигнешь; он больше подходит к сочинениям, не представляющим собой диалектически-расчлененного целого.

Иначе будет обстоять дело с *английской* обработкой. Фокс нисколько не сомневается, что он раздобудет для меня издателя, лишь только я получу обратно первые корректурные листы. Я тогда договорился бы с Мейснером, чтобы, кроме корректур, он присылал мне также чистые оттиски каждого листа, так, чтобы корректура немецкого текста и перевод на английский язык происходили одновременно. При последней работе я рассчитываю во всяком случае на твое содействие. Настоящей оплаты за работу я жду от английского издателя.

С «Интернационалом» дело обстоит так:

Я передал Кремеру 5 фунтов стерлингов для покупки паев «Beehive». Но так как Кремер, Оджер и т. д. уехали тогда в Манчестер, дело кончилось ничем, и Поттер had the better of it.⁴ Они постановили отложить дело до ближайшего собрания пайщиков (собственно годовичного). Но я не верю, чтобы из этого что-нибудь вышло. Во-первых, так как за это время ссора между Оджером и Поттером превратилась в публичный скандал. Во-вторых, так как нам предложила свои услуги газета «*Miner and Workingsmens Advocate*». (Кстати! При недавней встрече с «*Miner'om*» мы обязались доставлять ему бесплатные корреспонденции. Поэтому, если у тебя время от времени найдется досуг, чтобы изредка написать маленькую статейку о *foreign politics*,⁵ о *прусских* делах и т. д., посылай мне для помещения в этом органе.)

Согласно нашим статутам в этом году должен был в *Брюсселе* состояться публичный конгресс. Парижане, швейцарцы и часть здешних добивались этого всеми средствами. Я считаю, что при нынешних обстоятельствах это бы нас только скомпрометировало — особенно при отсутствии у меня даже времени приготовить для Центрального совета нужные документы. Несмотря на усиленное сопротивление с другой стороны, мне удалось заменить публичный конгресс в Брюсселе *private prealable Conference*⁶ в Лондоне (25 сентября), на которую придут только *delegates of the administrative committees*⁷ и на которой будет *подготовлен* будущий конгресс. В качестве *официальных* мотивов отсрочки конгресса приводится следующее:

1) Необходимость *prealable understanding*⁸ между *executive committees*.⁹

2) Препятствия к пропаганде общества, созданные *strikes in*

French,¹⁰ выборами, reform movement¹¹ и workingmen's exhibition's¹² в Англии.

3) Alienbill, recently pressed,¹³ в Бельгии, делающий невозможным назначение Брюсселя местом для интернационального Workingmen's Congress.¹⁴

Я больше не вижу «Социал-демократа», так как Рабочий союз тоже отказался его получать. «Nordstern» я тоже больше не получаю, но вижу ее время от времени в Союзе. Рейнские организации по основному вопросу отошли от Бернгарда.

При теперешних обстоятельствах Эдгар для нас очень дорого обходящийся гость и, очевидно, он отнюдь не расположен to decamp.¹⁵

Вследствие жаркой погоды и связанного с этим состояния желчи у меня опять вот уже три месяца почти ежедневная рвота, как когда-то в Брюсселе.

Привет.

Твой К. М.

¹ все, что относится к этому. ² ускорения ³ Каковы бы ни были их недостатки. ⁴ победил. ⁵ внешней политике. ⁶ частной, предварительной конференцией ⁷ делегаты руководящих комитетов. ⁸ предварительного соглашения. ⁹ исполнительными комитетами. ¹⁰ стачками во Франции. ¹¹ движением за реформу. ¹² рабочими выставками. ¹³ Закон об иностранцах, недавно принятый. ¹⁴ рабочего конгресса. ¹⁵ убраться.

932.

5 августа 1865 г.

Дорогой Энгельс!

My best thanks for the ¹ 50 фунтов стерлингов и за ту быстроту, с которой ты пришел на помощь.

Меня очень позабавила та часть твоего письма, в которой говорится об имеющем быть созданным «произведении искусства». Но ты меня не понял. Единственно, что является point in question,² это — переписать ли часть рукописи и послать издателю или прежде закончить все? По многим причинам я предпочел последнее. Это совершенно не привело к потере времени, поскольку речь идет о *самой работе*, а создало, может быть, лишь замедление в печатании; но, с другой стороны, раз к нему приступили, то оно уже никоим образом не может быть прервано. А в остальном, принимая во внимание состояние термометра, дело пошло вперед так быстро, как вряд ли бы пошло у другого, даже оставляя в стороне все художественные соображения. Так как, besides,³ мне поставлены максимальные пределы в шестьдесят печатных листов, то мне абсолютно необходимо иметь перед собой всю книгу в целом, чтобы знать, где и сколько

нужно вычеркнуть для того, чтобы равномерно и пропорционально развить отдельные части в рамках указанных мне пределов. А так ты можешь быть совершенно спокоен: делается все, чтобы *по возможности скоро закончить*, так как эта история давит меня, как кошмар. Это не только мешает мне заняться чем-либо другим, но также *damnably*⁴ тяжело, когда публику в большей или меньшей степени приходится кормить будущими лавровыми венками (правда, я этого не делаю, но это делают Либкнехт и другие). А я к тому же еще знаю, что времена не всегда будут такими спокойными, как теперь.

Эйхгоф написал мне несколько строк, но не был у меня, будучи очень занят делами. В своем письме он извещает о предстоящем визите Дронке (который вчера был здесь), но в такой путаной форме, что ничего нельзя понять. «Рефераты» так же тесно срослись с нашим мавром Эйхгофом, как и его кожа, и никакой операцией нельзя будет их отделить от него. Что скажешь о патриотически-либерально-поэтических произведениях Зибеля? Вся эта дребедень, как видно, писалась в состоянии тяжелого похмелья. Это чистейшая бессмыслица и оставляет позади себя *everything*,⁵ содеянное нашим другом раньше.

Попытка «Социал-демократа» переметнуться на сторону буржуазии — признак полнейшего фиаско, хотя я разделяю твой взгляд, что первые движения в Берлине произошли не без толчка со стороны министерства. Впрочем, и другая секта лассальянцев, которая под влиянием нашего «Заявления» сделала *volte-face*⁶ против «Социал-демократа», также ничтожная шайка. Они не только спорят с Бернгардом Беккером и его соратниками по поводу того, кто является обладателем истинной веры в Лассалья, но различные их организации напечатали инспирированную *old*⁷ Гатцфельд и направленную прямо против нас фразу, что *изменником* «народу» будет объявлен всякий, кто попытается опровергнуть или изменить хотя бы одну ноту в истинах, данных откровением Лассалья.

Либкнехту я уже очень давно не отвечал, несмотря на записочки, которые он мне посылал; теперь я все же хочу это сделать. Он теперь пока-что в Ганновере, а его жена еще в Берлине. Мое молчание отчасти объяснялось тем, что я был очень занят, и кроме того у меня было достаточно возни с собственными домашними *troubles*.⁸ С другой стороны, я действительно был зол на него за ту чепуху, которую он устроил мне в берлинском лассальянском Союзе и о которой написано в памфлете некой старой свиньи Шиллинга (Фартинг было бы для него более подходящим именем *) об исключении Бернгарда Беккера из вышеупомянутого Союза.

* [Игра слов: фартинг — мелкая английская монета, дробная часть шиллинга.]

Со свойственным ему талантом не быть из-за лени знакомым с фактами парень мелет величайший вздор о рукописи Баниа, о моем посредничестве в пользу Беккера в отношении венского «*Beobachter*» etc. И кроме того вся его манера, с которой он выступает в качестве моего «патрона» и просит за меня у берлинских простофилей «прощения» в том, что *они* не знакомы с моими работами, и вообще действует так, как будто я в активном мире ничего не сделал. Я поэтому отложил свой ответ на некоторое время, чтобы не наговорить ему грубостей, а себя успокоить тем, что Либкнехт должен действовать как Либкнехт и что намерения его при этом были «хороши». 30 000 членов берлинского «Союза старых подмастерьев», а также местный Союз печатников устроили ему при его высылке своего рода овацию. Со своим обычным оптимизмом Вильгельм видит «берлинский пролетариат у моих (т. е. его) и наших (ты и я) ног». А тем не менее, он не смог образовать в Германии для Международного товарищества хотя бы одну секцию из шести человек, хотя этот сангвиник должен был понимать, что не могу же я англичанам выдавать его *delusions*⁹ за чистую монету. Он тоже постоянно писал мне о моей «книге». Но каждый раз, когда я в ответ на его сангвинистические требования посылал ему «книги» (сперва все оставшиеся экземпляры «*Фогта*», затем весь остаток «*Процесса коммунистов*»), он, получив их, мне больше об этом не писал ни слова. Господин *Гроге*, прогрессистский депутат из Дюссельдорфа, написал ему, что его выступления в Берлине принесли больше пользы, чем работа сотни прогрессистских депутатов.

Эдгар в последнее время схватил простуду, которая перешла на нос, выглядящий вследствие этой оказии совершенно, как у Бардольфа.

Когда было тепло, я днем и ночью работал при открытом окне. Результат: ревматизм в правой руке, больше всего в лопатке; это причиняет мне сильную боль и затрудняет писание, особенно *каждое приподнимание* руки. Насколько это отвратительно, ты можешь судить по тому, что я инстинктивно начинаю кричать, когда, забывая, подымаю ночью в кровати руку. Не знает ли Гумперт какого-либо *postum*¹⁰ против этого?

Ты, конечно, знаешь, что достойный Готфрид Кинкель на празднике любителей гимнастики в Париже отклонил преподнесенную ему председательствовавшим на этом празднике евреем лавровый венок со словами: «Я не желаю никакого венка, даже и лаврового», но одновременно он дал понять в недвусмысленных выражениях, что он ни в коем случае не отказался от своих притязаний

на президентство немецкой республики, как на пост, принадлежащий ему по праву. «Nordstern» хорошо высмеяла его как за этот мелодраматизм, так и за весь его подлейший speech.¹¹ Праздник начался с провозглашения тоста за Баденгэ.

Где Штрон?

Не забудь, когда у тебя будет время и охота, послать мне что-нибудь о континенте для «Miner».

Сердечный привет тебе от всей моей family¹² и от меня мистрис Лицци.

Твой *К. Маркс*.

¹ Большое спасибо за. ² сомнительным пунктом. ³ к тому же. ⁴ дьявольски. ⁵ все. ⁶ поворот фронта. ⁷ старой. ⁸ заботами. ⁹ иллюзии. ¹⁰ средства. ¹¹ речь на празднике. ¹² семьи.

933.

7 августа 1865 г.

Дорогой Мавр!

Против твоего ревматизма у меня есть средство, которым Гумперт однажды вылечил меня в 24 часа, притом от гораздо более сильного приступа. Закажи себе два больших фланелевых мешка такой величины, чтобы они полностью прикрывали больные места и даже несколько больше, мешки эти наполни отрубями и согревай их время от времени в печке до такой температуры, какую ты только в состоянии выносить; эти мешки нужно все время прикладывать, меняя их возможно чаще. При этом ты должен оставаться в кровати, тепло укрывшись; ты очень скоро почувствуешь значительное облегчение, но это не должно тебя удерживать от того, чтобы продолжать эту операцию, пока ты совсем не перестанешь ощущать какую-либо боль (24 — 36 часов).

Эйхгоф был только-что здесь, он вошел в Лондоне в Правление одного Limited Company.¹ Из всего этого для меня ясно, как день, что его опять собираются здорово надуть, но этому субъекту, с его манерой видеть все в розовом свете, абсолютно ничем не поможешь. Он уже дошел до того, что уверен, что в Англии торговля шелком уже никоим образом не может производиться без него.

Я очень рад, что дело с книгой быстро подвигается вперед, ибо некоторые обороты речи в твоём прошлом письме действительно возбудили у меня подозрение, что ты опять неожиданно стал перед каким-то поворотным пунктом, который грозит затянуть все на неопределенное время. В день, когда рукопись будет отослана, я

напьюсь самым немилосердным образом; отложу это только в том случае, если ты приедешь сюда на следующий день и мы сможем это проделать совместно.

Большое спасибо за номера «Free Press».

Наш почтенный Либкнехт не может раз навсегда отказаться от бестактности и бесцельных писаний. В течение десяти месяцев из двенадцати на него всегда придется сердиться, если он будет работать один и действовать на свой страх и риск. Однако, *que veux-tu?*² Такова его либкнехтовская природа, и тут не поможет никакая досада и никакое ворчанье. А в конце концов он в настоящий момент — единственная надежная связь, которую мы имеем в Германии.

Рабочий конгресс в Брюсселе был бы при настоящих условиях несомненно большой глупостью. Вспомни-ка о наших собственных испытаниях в этом ничтожном государстве. Такую вещь можно устроить только в Англии, и французам следовало бы это знать. Попытка устроить нечто подобное в Бельгии означала бы простую потерю денег, времени и труда.

Имеешь ли ты памфлет Шиллинга о Бернгарде Беккере? Ты мог бы прислать его мне на несколько дней. Я не знаю, находится ли Штрон в Гамбурге или в Брэдфорде. Я в течение долгого времени ничего не слышал о нем.

Рейнские филистеры, говорят, очень взбешены против Бисмарка; очень хорошо, что этим ослам «историческое развитие на легальной почве» предстало в таком великолепном виде. Заметил ли ты последнюю уловку Бисмарка для того, чтобы раздобыть денег? Кельнско-минденской железной дороге, которая все время взамен государственной гарантии процентов предоставляла государству право *выкупа* *à la pari* (акции в 100 талеров дошли теперь до 200), он теперь это право продал за 13 млн. талеров, и «Кельнская газета» высчитывает, что ему *очистится от этого*, включая продажу принадлежавших государству акций и т. д., *30 млн. талеров*. Теперь весь вопрос в том, уплатит ли кельнско-минденская дорога эти деньги без утверждения договора палатой? Если она это сделает, тогда Бисмарк опять на коне на долгие годы, а филистеры отчаянно влопались. Это скоро выяснится.

Лицци утверждает, что Эдгар, наверное, не носил своей тexasской шляпы, иначе он не мог бы простудить носа.

Твой Ф. Э.

¹ акционерного общества. ² чего ты хочешь?

934.

9 августа 1865 г.

Дорогой Фред!

При сем письмо господина Зибольда. Возвращать его не нужно. Во-вторых, я посылаю тебе гатцфельдовскую дрянь. Этого тоже не возвращай, но сохрани. Не показывай этого *никому*. К счастью, эта дрянь прошла не замеченной для немецкой прессы. Единственное, что появилось в газетах по этому поводу, это было заявление *Метцнера* (бывшего уполномоченного берлинского отдела) и *Фогта* (состоящего еще их кассиром), скрепленное подписью *В. Либкнехта*, в котором они заявляют:

1) что Шиллинг искажил отчет, утаив некоторые постановления и обратив другие в их прямую противоположность;

2) что старуха Гатцфельд могла бы воздержаться от своих замечаний, так как Союз запретил ей всякое вмешательство.

Это было напечатано в «Reform» и в «Volkszeitung».

Я лечусь уже несколько дней и совсем никуда не годен, совершенно не работоспособен. Аллен все же говорит, что через несколько дней я вновь оправлюсь. Это опять связано с желчью и является результатом напряженной умственной работы в жаркую погоду. *Официально* я теперь числюсь в *отъезде*; это—из-за «*Интернационала*».

Эдгар живет растительной жизнью. В своем уединении он усвоил себе самый узкий вид эгоизма, а именно привычку с утра до вечера думать о том, что необходимо для чрева. Но так как он от природы добродушен, то его эгоизм похож на эгоизм ласковой кошки или доброй собаки. Чорт возьми всякое отшельничество. Даже от женщин он отвык, и его половой инстинкт перешел в чрево. При этом постоянный страх за свое драгоценное здоровье — и это у того самого парня, который привык чувствовать себя в «безопасности» среди змей, тигров, волков и леопардов.

Он теперь снова стремится вернуться в Техас, но столкновения с *cher frère*¹ нельзя будет избежать.

О его примитивно-лесных представлениях ты можешь судить по тому, что если его заветной мечтой является теперь открытие склада сигар или вин, то только потому, что за этой мечтой скрывается задняя мысль — обеспечить себе таким путем более верный доступ к сигарам и к вину.

Он любит «выставлять» себя старым джентльменом, который покончил счеты с жизнью и которому ничего больше не остается делать, как заботиться о «своем здоровье».

Кроме того, он еще занят своим туалетом, и «old gentlemen»² в Роттен Роу доставляют ему много огорчения в силу того, что он не может им подражать. Удивительный чудак! Лаура, которая just now has³ маленький карбункул на левой щеке, says, that «her mother's brother is an *exceedingly bright* fellow». ⁴ Тусси, that she likes him, because he is *so funny*,⁵ а Женничка думает, что Лина Шелер и он могут взаимно поздравить друг друга «to have safely got rid of each other». ⁶ Well, they are a bad lot. ⁷ Девочки меня также severely cross examined as to the «Mrs. Burns». ⁸

Привет.

Твой К. М.

¹ дорогим братцем. ² старые джентльмены. ³ как раз теперь имеет. ⁴ говорит, что «брат ее матери в высшей степени славный парень». ⁵ что она его любит потому, что он очень забавен. ⁶ «с тем, что они благополучно избавились друг от друга». ⁷ Да, это злая банда. ⁸ неоднократно подвергали перекрестному допросу относительно «миссис Бернс».

935.

16 августа 1865 г.

Дорогой Мавр!

Мазня Гатцфельд — подлинная мазня со всем тем, что в ней написано: ниспосылающим благодать Лассалем, Либкнехтом и т. д. Бравая Библиотека [Либкнехт] на сей раз больше, чем обычно, проявила себя по части слабости и полного отсутствия мыслей и памяти, если только отчет не является фальсификацией. Чорт бы побрал такого адвоката!

А заодно и вдохновленного шампанским Зибольда. С какой уверенной наивностью этот молодец делает попытку «примиришь» тебя с Блиндом! К тому же еще эти интересные «старые шведы», о которых никто ничего не знает и с которыми нужно списаться, чтобы найти «связи». Совсем в духе Гарро Гарринга. Я все больше прихожу к заключению, что, начиная с самых южных широт северной Фрисландии, все, что выходит за пределы буржуазной и крестьянской политики, является чистейшим Гарро Гаррингом. Этот верблюд, однако, ежегодно насаждает на тебя.

На будущей неделе (около пятницы, 25-го) мы с Муром отправляемся на две недели в Германию и Швейцарию, а если окажется возможным, то заглянем «мимоходом» и в Италию. Если только удастся, то на обратном пути заявлюсь на короткое время и в Modena Villas.

28-го этого месяца, т. е. в понедельник на будущей неделе, состоится общее собрание кельн-минденских акционеров, которое

вынесет решение, определяющее политику Пруссии на несколько лет вперед. Я не могу себе представить, чтобы эти типы оказались такими ослами и выплатили Бисмарку наличными 13 миллионов талеров, не имея на это согласия палат. Но рейнский либеральный буржуа способен на многое, если он только может при этом напасть на государство и при этом рассчитывает, что потом, будучи депутатом, сам сможет вознаградить себя за потерянное. Но если этот договор провалится или если принятие его будет обусловлено согласием палат, тогда песенка мосье Бисмарка будет, пожалуй, спета; подобного поражения в области финансов, да еще после такой отчаянной попытки, не выдержит даже этот авантюрист. То обстоятельство, что он в настоящий момент снова ищет соглашения с Австрией, доказывает, что он интеллектуально и морально находится *au bout de son latin*.¹ Он слишком хорошо знает, что он не может начать войны без того, чтобы немедленно не быть свергнутым, и вот он продолжает бросать громкие фразы, прикарманивать маленькие завоевания и делать Германию смешной в глазах всего мира. Но филистеру он уже импонирует почти столь же сильно, как Бустрада. Филистер теперь уже не требует от своих идолов немедленных успехов, ему довольно того, что они хвастают ими. Таким же путем стал кельнским идолом Классен-Капфельман лишь потому, что в решающий момент он сбежал.

Недурно также со стороны Зибольда, что он рекомендовал в Копенгагене Х.-В. Римстада, человека из «Dagblad'a». Так называемый «Рабочий союз», это — учреждение для пропаганды скандинавских датчан с Эйдера и министерства Галла.

Что-то папаша Уркарт скажет в будущем месяце насчет прусских коронных юристов? Ну и парни!

Сердечный привет дамам и Эдгару.

Твой Ф. Э.

¹ в безнадежном положении.

Дорогой Фред!

Так как ты отправляешься в путь, то я *вынужден* тебе сообщить, что 28 августа я должен уплатить моему мяснику по счету 10 фунтов стерлингов; домовладелец также становится очень настойчивым. Между прочим, английское государство, как видно, находится в очень тяжелом финансовом положении. По крайней мере, сборщики налогов были в этот месяц настойчивее, чем когда-либо, и неожиданно меня «облегчили».

Я все еще sick,¹ хотя Аллен устранил боль в печени. Но тут появилось нечто вроде инфлуэнцы; он обещал мне, что она окончится через пять-шесть дней, а в действительности это наиболее тяжелая история, as far as mental activity is concerned.² Я надеюсь зато, что этим я окончательно уплатил my debt to nature.³

Лаурочка тоже не совсем здорова. В этом году она похудела больше, чем следует. Но она своенравный ребенок, и лишь сегодня решилась пойти с моей женой к врачу. I hope it is nothing serious.⁴ Женничка и Тусси совершенно здоровы (точно так же сильно улучшилось состояние здоровья Эдгара). Моя жена вырвала себе два передних зуба в середине нижней челюсти, и ей были зато вставлены вчера четыре зуба. Вот приблизительно те «события», которые произошли у нас.

Вследствие своего нездоровья я могу писать лишь немного и лишь by fits and starts.⁵ В промежутках занимаюсь пустяками, хотя даже читать нельзя как следует при инфлуэнце. «Пользуясь случаем», я между прочим опять «подзаялся» немного астрономией. И тут я хочу упомянуть об одной вещи, которая для меня была нова, но ты, быть может, знаешь о ней уже давно. Ты знаешь теорию Лапласа об образовании celestial systems⁶ и как он объясняет вращение различных bodies⁷ вокруг своей оси и т. д. Исходя из этого, один янки, Кирквуд, открыл своего рода закон различия вращения планет, которое до той поры казалось не поддающимся никаким нормам. Этот закон гласит: «The square of the number of times that each planet rotates during one evolution in its orbit is proportioned to the cube of the breadth of a diameter of its sphere of attraction».⁸

Между каждыми двумя планетами имеется такая точка, где сила их притяжений уравнивается; таким образом, всякое тело, помещенное в этой точке между ними, должно было бы оставаться неподвижным. Напротив, тело, помещенное по любой стороне от этой точки, упало бы на одну или на другую планету. Эти точки образуют таким образом limit⁹ для sphere of attraction¹⁰ планеты. Эта sphere of attraction¹⁰ является в свою очередь мерой ширины gaseous ring,¹¹ из которого, по Лапласу, образовалась планета во время ее первого отделения от general gaseous mass.¹² Отсюда Кирквуд пришел к заключению, что если гипотеза Лапласа верна, то должно существовать известное соотношение между velocity of the planet's rotation¹³ и breadth of the ring,¹⁴ из которого она образовалась, или ее sphere of attraction.¹⁰ И в вышеупомянутом законе он и выразил это, доказав это аналитическими вычислениями.

Старик Гегель сделал несколько очень остроумных замечаний по поводу «внезапного превращения» центростремительной силы в центробежную как раз в тот момент, когда одна сила получает «перевес» над другой; напр., вблизи солнца сила центростремительная достигает наибольших размеров; *таким образом*, говорит Гегель, наибольшей является и сила *центробежная*, так как она превосходит *максимум центростремительной силы*, — и обратно. Затем эти силы находятся в состоянии *равновесия* на среднем отдалении от апсидов. *Таким образом*, они *никогда больше* не могут выйти из состояния этого равновесия и т. д. Впрочем, в целом полемика Гегеля сводится к тому, что Ньютон своими «доказательствами» ничего не прибавил нового к Кеплеру, у которого есть «понятие» движения, что, впрочем, теперь считается общепризнанным.

Ты знаешь, что *председателем* Швейцарского банка теперь является господин *Карл Фогт*, который предал своего друга Фази, лишь только тот оставил Женеву, и стал промышлять вместе с Рейнаком (acting director¹⁵). Я спросил Фрейлиграта, каким образом господину Фогту, имеющему в Швейцарии репутацию плохого финансиста, удалось занять такой почетный пост. *Ответ*: швейцарцы больше не имеют почти ни одной акции в Швейцарском банке. Решающее слово принадлежит берлинским и франкфуртским евреям. А эти стоят за Фогта. Рейнак же так издевается над нашим роог¹⁶ Фрейлигратам, что тот написал ему, что даже прусская полиция никогда его так не преследовала. Говорят, будто Фази надул банк на полтора миллиона франков.

Несколько недель тому назад профессор Бизли напечатал в «Fortnightly Review» статью о Катилине, в которой последний изображается как революционер. Там есть много некритического (как и следовало ожидать от англичанина; напр., неверное изображение отношения Цезаря к тому времени), но очень хороши яркая ненависть к олигархии и к «достопочтенным», а также его удары по профессиональному английскому «dull littérateur». ¹⁷ В том же «Review» господин *Гаррисон* напечатал статью, в которой доказывается, что «политическая экономия» *ничего* не может возразить против коммунизма. Мне кажется, что в английских умах замечается *теперь* большее movement,¹⁸ чем в немецких. Последние в достаточной степени заняты чествованием Классена-Каппельмана.

Привет мистрис Лицци. Дети надеются, что на своем обратном пути ты не минуешь Лондона.

Твой К. М.

Ты не имеешь даже самого отдаленного представления об абсолютной чепухе, заключающейся в Parliamentary Reports¹⁹ о банковском деле и т. д. за 1857 и 1858 гг., в которые я недавно опять должен был заглянуть. Как в монетной системе, капитал равен золоту. Попутно стыдливые воспоминания из А. Смита и ужасающие попытки примирить галиматью moneymarket²⁰ с его «просвещенными» представлениями. Особенно отличается проделавший теперь, наконец, путь всего земного Мак-Куллох. Этот субъект, очевидно, получал солидные douceurs²¹ от лорда Оверстона; он вынужден поэтому провозглашать его facile maximus argentariorum²² и всячески его выгораживать. Критику всей этой прелести я могу дать лишь в каком-нибудь из последующих сочинений.

¹ болен. ² поскольку дело идет об умственной работе. ³ свой долг природе. ⁴ Я надеюсь, что ничего серьезного. ⁵ при настроении и досуге. ⁶ небесной системы. ⁷ тел. ⁸ «Квадрат числа кругооборотов каждой планеты в течение одного пробега вокруг своей орбиты пропорционален кубу широты сферы ее притяжения». ⁹ пределы. ¹⁰ сферы притяжения. ¹¹ газового кольца. ¹² общей газообразной массы. ¹³ быстротой круговращения планеты. ¹⁴ широтой кольца. ¹⁵ главным директором. ¹⁶ бедным. ¹⁷ скучному литератору. ¹⁸ движение. ¹⁹ Парламентских отчетов. ²⁰ денежного рынка. ²¹ чаевые. ²² величайшим из денежных людей.

937.

21 августа 1865 г

Дорогой Мавр!

При сем 20 фунтов стерлингов — первая половинка, В/Г 56 794, Manchester, 9 января 1864 г.; лишь только ты известишь меня о получении, последует вторая половинка. Больше я не могу послать, пока не узнаю, каков наш баланс, а это я узнаю лишь после своего возвращения или еще позже.

История с законом Кирквуда была нова и для меня, и для Мура. Но действительно ли это доказано, не является ли это простой гипотезой? Ведь это же можно проверить.

Надеюсь, что вы все теперь снова в добром здравьи. История с Лаурой представляет собой, пожалуй, нечто столь же мало серьезное, как тогда с Женничкой. Но нелепо с твоей стороны дать такому процессу развиваться. Ты должен в таких случаях действовать, как семейный тиран. От своей инфлуэнцы ты уже, вероятно, избавился благодаря теплой погоде. Такая вещь, конечно, в настоящий момент фатальна, однако легко излечима.

Только-что пришли старухи подметать контору и прогоняют меня с моего места; я должен поэтому немедленно закончить.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

938.

22 августа 1865 г.

Дорогой Фред!

Best thanks¹ за 20 фунтов, first half² которых получил. Я безусловно не утруждал бы так тебя, но на меня сильно давит конец четверти года, на которую и были отсрочены все счета.

Что касается закона Кирквуда, то не подлежит никакому сомнению, что этот закон объясняет разницу в числе оборотов, напр., Юпитера и Венеры и т. д., что казалось случайным. Но *каким образом* он установил самый этот закон и как он его обосновывает, этого я не знаю, но при ближайшем посещении Британского музея я постараюсь отыскать оригинал работы и сообщу тебе тогда подробности. Единственной «задачей» в этом деле мне кажется математическое определение sphere of attraction³ каждой планеты. *Гипотетическим* является, вероятно, принятие за исходную точку зрения лапласовской теории.

Моя инфлуэнца так ударила меня в нос, что он стал похож на «носик» Texan boy.⁴ Она сопровождается отчаянным чиханием и таким туманом в голове, какой должен быть в лапласовской огненной туманности.

Члены и друзья «Интернационала» все-таки пронюхали, наконец, что я *не* уехал, и потому я получил summons to attend⁵ сегодня на заседании подкомиссии. Четыре недели, которые я отсутствовал, были мне total spoilt⁶ докторскими рецептами.

Среди книг, доставшихся мне по наследству от Лупуса, имеется также «Новая торговая география» Эгли. Этот швейцарец говорит в предисловии, что он там и сям «между торгово-географическими биографиями» вплетает картину жизни, картину, в содержании которой душа на мгновение утопает, находит приятное отдохновение... вплетены жанровые картинки... Кусок жизни должен развернуться перед нашими глазами. Только из жизни развивается жизнь.

Что этот наивный швейцарец подразумевает под «картинами жизни», ты можешь видеть из нижеследующего:

«Марьгрефлер растет на залитых солнцем холмах Мюльгейма и Баденвейлера. Недаром милый Гебель пел:

Z'Mülle-n-i der Post
Tausig Sappermost!
Trinkt mae nit e guete Wii!
Goht er mit wie Baumöli
Z'Mülle-n-i der Post!»

Этот же наивный швейцарец в доказательство того, как «серьезно я отнесся к своей задаче», указывает на список использованных им сочинений. Этот список содержит ровно двадцать номеров, между которыми рядом с наивными «книгами для детей,» вроде «книги об изобретениях» и т. д., имеются два сочинения того же самого господина Эгли.

Сердечный привет от whole family. ⁷

Твой К. М.

¹ Большое спасибо. ² первую половину. ³ сферы притяжения ⁴ техасского мальчика [т. е. Эдгара фон-Вестфалена.] ⁵ приглашение. присутствовать. ⁶ совершенно испорчены. ⁷ всей семьи.

939.

4 октября 1865 г.

Дорогой Мавр!

Из моих лондонских планов у меня никогда ничего не выходит. Я встретил свою мать всего за три дня до моего возвращения сюда и именно в Остенде; и я не мог, конечно, урвать ни одного дня для приезда в Лондон. Раньше я ее не мог встретить, так как ни она, ни я не знали, где она должна была быть 2 — 3 дня тому назад. 15 же сентября я должен был быть здесь, так как в этот день должен был уехать Чарльз, что и произошло. За то время, что меня не было, как и каждый раз, когда я возвращаюсь из поездки, — точно чорт проехался по хлопковому рынку; и мне пришлось делать всю работу и за Чарльза, и за себя; а это не шутка, когда за две недели хлопок поднялся с 18 до 24¹/₂ пенсов за фунт, а пряжа с 8 до 9 пенсов за фунт, и посыпался дождь всевозможных телеграмм. Я надеюсь, что теперь это уже миновало, затем в начале будущей недели возвращается Чарльз, так что я, наконец, опять приду в себя. Эта ужасная гонка положительно не давала мне возможности написать тебе хотя бы два слова; вообще с тех пор, как я здесь, я не мог написать ни строчки по частным делам. Лишь только представится малейшая возможность, я напишу подробнее, только дай мне пока что знать, каковы ваши дела и что слышать с «книгой». Я думаю, что мне удастся как-нибудь съездить к вам дня на три, когда я здесь все устрою. Но наша контора превратилась в свиной хлев, Готффрид нанял мне трех парней, которые никуда не годятся, и, опираясь на контракт, заставляет меня учить их. Таковы дела. Парочку я должен буду прогнать.

Твой Ф. Э.

Сердечный привет всем. Был также «всеконечно» у швабов, но они теперь уже не творят поэтических школ, а прядут хлопок или эмигрируют.

940.

19 октября 1865 г.

Дорогой Фред!

Завтра около 4.40 пополудни я буду в Манчестере и направлюсь на твою официальную квартиру.

Твой К. М.

941.

1, Modena Villas, Maitland Park, Haverstockhill,
8 ноября 1865 г.

Дорогой Фредерик!

Я приехал сюда в пятницу вечером. Штрон настойчиво приглашал меня провести у него несколько дней, но я не был спокоен. Я знал, что дела в Лондоне обстоят скверно, и хотел поэтому быть на месте.

В disappointments,¹ которые мистрис Лици мне напророчила, недостатка не было. D'abord² при прибытии в Kings Cross не оказалось моего сундука, и я не получил его еще до настоящего момента, что особенно печально, так как там находились «документы», за которые я отвечаю. Затем я нашел ребенка еще очень нездоровым. Наконец, здесь был домовладелец, грозил, и моя жена успокоила его лишь указанием на *мой приезд*. Этот молодец говорил о присылке в дом broker'a³ и, кроме того, об уничтожении lease,⁴ на что он по контракту во всяком случае имеет право. Следом за домовладельцем появилась затем и вся другая сволочь, частью лично, частью через угрожающие письма. Я нашел свою жену в таком отчаянии, что у меня *нехватало смелости* познакомиться ее с true state of things.⁵ И я действительно не знаю, что делать! А к тому же еще нужен уголь и т. п. На-ряду с этим disappointments¹ — one good news.⁶

Умерла одна из двух франкфуртских теток (73-летняя, другая на два года моложе), ab intestato⁷ (так как она боялась, что умрет, если составит завещание). Я поэтому должен буду делиться с другими наследниками, чего не было бы в случае завещания, так как к другим она не испытывала никаких чувств. И при этом еще то приятное обстоятельство, что придется дожидаться доверенности от господина Юты с Мыса Доброй Надежды!

Все эти приятные обстоятельства «ударили меня некоторым

образом в живот», так что я должен был здесь немедленно заказать себе лекарство Гумперта. Привет (также и мистрис Лицци).

Твой *К. М.*

¹разочарованиях. ²Прежде всего ³судебного пристава. ⁴контракта. ⁵истинным положением вещей. ⁶одна хорошая весть. ⁷не оставив завещания.

942.

13 ноября 1865 г.

Дорогой Мавр!

Одновременно с этим ты получишь заказное письмо с 15 фунтами стерлингов, которые я приготовил в пятницу и передал для отправки нашему курьеру. Я не получил от тебя в воскресенье никакого ответа, что меня несколько удивило, но я вспомнил, что этот парень не отдал мне в субботу утром квитанции на письмо. Когда я сегодня навел справку, обнаружилось, что этот мошенник забыл обо всей истории и ходил с письмом в кармане. Это переполнило чашу его беспорядочности, и он был прогнан. Мне это чрезвычайно тяжело, так как ты пока что должен был думать, что я спокойно спрятал твое последнее письмо и не обратил на него никакого внимания, даже не написал тебе ни слова.

Твой *Ф. Э.*

Уехал ли Эдгар?

943.

15 ноября 1865 г.

Дорогой Фред!

Ты должен меня извинить, что я лишь сегодня с глубокой благодарностью извещаю тебя о получении 15 фунтов. — Напишу же тебе лишь *завтра*. Я так задержан, что сегодня никак не смогу этого сделать.

У Женнички дифтерит, но я надеюсь, что он скоро пройдет.

Прилагаемое письмо, которое по своей манере и стилю очень выгодно отличается от писем рейнских рабочих, верни мне, пожалуйста, немедленно по прочтении. Вежливость требует, чтобы я на него ответил. Привет.

Твой *К. Маркс.*

944.

17 ноября 1865 г.

Дорогой Мавр!

Твое письмо мне передали лишь вчера вечером, и я произведу расследование, каким образом это могло случиться.

Я надеюсь, что Женничка уже all right ¹ и что во всяком случае кризис и тем самым опасность миновали. Для укрепления деятельности сердца я посылаю ей сегодня вечером ящик портвейна, шерри и кларета. Я порядком испугался, прочитав слово дифтерит; с этой штукой шутки плохи.

Письмо берлинцев меня, действительно, чрезвычайно поразило. Оно, очевидно, написано человеком, у которого больше смысла в голове, чем у Вильгельмчика, и который, повидимому, не без иронии говорит о последнем. Но это письмо безусловно писано не рабочим, об этом свидетельствует хотя бы строго выдержанная гриммовская орфография, и я не вполне уверен в подлинности этого дела. Во всяком случае нужно было бы собрать дальнейшие справки о трех подписавшихся ², Вильгельмчик должен их во всяком случае знать, если это написано bona fide. Мои подозрения основываются скорее на форме письма; содержание как будто бы решительно говорит об обратном. Так как ты не собираешься отправиться в Берлин, чтобы основать там новую организацию, то не имеет никакого значения, если ты напишешь этим людям. Письмо возвращаю.

Что ты скажешь относительно восстания негров на Ямайке и о жестокостях англичан? «Telegraph» сегодня пишет: «We should be very sorry if the right was taken away from any British officer to shoot or hang all and every British subject found in arms against the British Crown!» ³

Твой Ф. Э.

¹ поправилась. ² [Август Фогт, Зигфрид Мейер и Теодор Метцнер.] ³ «Мы были бы очень опечалены, если бы у британских офицеров было отнято право расстреливать или вешать всякого британского подданного, который будет захвачен с оружием в руках против британской короны.»

945.

20 ноября 1865 г.

Дорогой Энгельс!

Женничка вновь выздоравливает и сердечно благодарит тебя за вино.

Относительно денежных дел излишне было бы обращаться к Дронке. Для того, чтобы обеспечить себе спокойствие от домовладельца, — а это основное, — я убедил последнего принять вексель (сроком на середину февраля), так как я ему должен за текущий квартал две трети. Что касается других кредиторов, то 15 фунтами я удовлетворил наиболее навойливых, а сейчас ломаю себе голову над тем, как раздобыть еще какую-нибудь сумму для того, чтобы дать все же хоть немного и другим кредиторам. Твое предложение

очень великодушно. Как только моя работа будет готова и выйдет в свет, остальное придется раздобыть при помощи других работ; или же, если это, *вопреки моим ожиданиям*, не удастся, то нам придется переехать в более дешевое место, например в Швейцарию.

Берлинское письмо — настоящее. Через несколько дней после его прибытия я получил по сему поводу письмо от Либкнехта, состоящего с берлинцами в постоянных связях. Из письма Либкнехта видно также, что эти собаки из «Социал-демократа» более чем охотно опять завязали бы с нами сношения. Каким иллюзиям Либкнехт все время предается, ты можешь видеть из следующей фразы: «The people that have applied to you from Berlin, are *our* friends. If you could come, show yourself but once — the gain would be immense. Come if it is possible».¹ Ведь Либкнехт должен был бы знать, что если бы я даже мог at present² поехать в Берлин, то я мог бы это сделать лишь в качестве visitor,³ должен был бы там вести себя совершенно незаметно и в качестве частного лица, а не произносить речи в рабочих клубах!

Либкнехт пишет также:

«Профессор Эккардт из Маннгейма (это теперь «глава» радикалов на юге, как видно из одного письма Штумпфа из Майнца) places the «*Wochenblatt*» at our disposal. He would be delighted if you and Engels were to write for it a few articles, but *not too strong*».⁴

«*Workmans Advocate*» попрежнему слаб. А между тем он, повидимому, расходится, так как на прошлой неделе он вышел в увеличенном формате. Деталей я не знаю, так как завтра я впервые буду опять присутствовать на заседании Товарищества. Парижане опубликовали отчет о *конференции* вместе с составленной нами *программой* ближайшего конгресса. Это появилось во *всех* либеральных, quasi-либеральных и республиканских органах Парижа. Как благосклонно это принято, ты увидишь из следующего отчета Фокса о последнем заседании нашего Совета, который я вырезаю тебе из «*Workmans Advocate*». Наши парижане несколько смущены тем, что параграф о России и Польше, которого они *не* хотели, как раз производит наибольшую сенсацию. Я надеюсь, что в свободные часы ты время от времени будешь писать на какую-либо тему для «*Advocate*».

Парижское издание освобождает меня от труда писать французский отчет.

Ямайская история характерна для подлости «true Englishmen».⁵ Им не в чем упрекать русских. — «Но эти damned rogues,⁶ — заявляет честный «*Times*», — enjoyed all the liberties of an Anglo-

Saxon Constitution». ⁷ Иначе говоря, они enjoyed the liberty ⁸ быть обложенными непомерными налогами, чтобы доставлять плантаторам средства привозить кули и сокращать таким образом до минимума свой собственный рабочий рынок. И эти нежные английские собаки кричали о beast Butler ⁹ за то, что он приказал повесить *одного* человека и не позволил желтым, увешанным бриллиантами бывшим плантаторшам плевать в лицо Federal soldiers! ¹⁰ Для полного разоблачения английского hypocrisie ¹¹ нехватало только — после американской войны — ирландской истории и Jamaica butcheries! ¹²

Не забудь раздобыть мне у Ноульса (и *возможно скорее*) нужные данные. Average weekly wages ¹³ mule ¹⁴-прядильщика или throstle ¹⁵ прядильщицы; *сколько* пряжи или *хлопка* (включая dechet, ¹⁶ пропадающие при прядении) в on average ¹⁷ average number ¹⁸ (или какого угодно номера) вырабатывается *еженедельно* одним человеком; кроме того, какую-нибудь (соответственно заработной плате) *цену хлопка и цену пряжи*. Я не могу переписать вторую главу, пока у меня не будет этих деталей.

Адрес Эрнеста Джонса теперь 47, Princess Street.

Привет.

Твой К. М.

¹ Люди, обратившиеся к тебе из Берлина, *наши* друзья. Если бы ты мог приехать или хоть показаться здесь, — приобретение было бы огромное. Приезжай, если возможно. ² в настоящее время ³ посетителя. ⁴ предоставляет [«Wochenblatt»] в наше распоряжение. Он был бы очень рад, если бы ты и Энгельс пожелали написать для него несколько статей, но *не слишком* резких. ⁵ истинных англичан. ⁶ проклятые мошенники. ⁷ пользовались всеми свободами англо-саксонской конституции. ⁸ пользовались свободой. ⁹ звере Бутлере. ¹⁰ федералистским солдатам. ¹¹ лицемерия. ¹² Ямайской бойни. ¹³ еженедельная средняя заработная плата. ¹⁴ машинного. ¹⁵ ручной. ¹⁶ Отбросы. ¹⁷ в среднем. ¹⁸ среднего номера.

946.

1 декабря 1865 г.

Дорогой Мавр!

Посылаю в счет наступившего месяца два пятифунтовых билета, о получении коих прошу известить меня по адресу 86 Mornington Street или, если возможно, телеграфировать завтра утром 7 Southgate, так как я не хочу сдавать это письмо заказным, чтобы не обращать внимания.

Профессор Эжкардт, насколько я могу судить по немецким газетам, — южно-германский демократ, один из отколовшихся от национального союза швабов и баварцев. Как мы сможем с ним вместе работать, мне неясно, это нечто вроде Колачека.

То, что господа из «Социал-демократа» непрочь снова связаться с нами, характерно для этой банды. Они всех считают такими же балдами, как они сами. Бисмарк, повидимому, убедился в их бессилии, и поэтому он их прогнал; этим вызваны и процесс и осуждение Швейцера на один год и арест. А тут еще и Бернгард Беккер отрекся от Швейцера и отказался от своего поста президента человечества; словом, все теперь в состоянии распада; взорвало весь этот хлам не наше вмешательство, а наше невмешательство. Этим самым официальный лассальянизм достиг своей последней фазы.

Каждая следующая почта приносит все более безумные вести об ужасах на Ямайке. Письма английских офицеров об их геройских подвигах против безоружных негров великолепны. Дух английской армии сказался здесь, наконец, хоть раз без всяких стеснений. «The soldiers enjoy it». ¹ Даже «Manchester Guardian» вынужден на этот раз выступить против официальных властей Ямайки.

Я постараюсь сделать что-нибудь для «Workmans Advocate», а пока-что высылай мне эту газету. Ты даже не знаешь, как тут трудно и хлопотно добывать эти penny weekly papers, ² которые не оплачивают труда news agents. ³ Их нельзя получить, если даже заказать и внести деньги вперед. Или запиши мистрис Бернс в качестве абонентки, распорядившись высылать орган по почте.

Сердечный привет мистрис и девочкам.

Твой Ф. Э.

G/P 62 563, London, 4 Aug. 1865—5 фун. и E/M 35 757, Liverpool, 15 Mai 1865—5 фун.

На какую сумму вексель, выданный тобой, и когда его срок?

¹ «Солдат это забавляет». ² пенсовые еженедельники. ³ газетчиков.

947.

[3 декабря 1865 г.]

Дорогой Фред!

Только-что вернувшись домой (я был в Музее, где должен был кое в чем порыться), я нашел твое письмо. Тороплюсь известить тебя и поблагодарить за получение 10 фунтов стерлингов. О дальнейшем напишу тебе завтра.

Привет и почтение мистрис Лицци.

Твой К. М.

948.

26 декабря 1865 г.

Дорогой Фред!

Извини меня, что я лишь сегодня благодарю тебя от имени своей семьи за рождественский подарок и что вообще я так долго совсем ничего не писал тебе. All that time over¹ у меня было столько забот, и у меня уходило столько времени на беготню, переговоры направо и налево, чтобы удовлетворить А. и зато попасть в когти Б. и т. д., что работать мне большей частью удавалось лишь по ночам, а благое намерение на следующий день непременно заняться корреспонденцией каждый раз оставалось без осуществления.

Международное товарищество и все, что с ним связано, душит меня поэтому, как ночной кошмар, и я был бы рад возможности сбросить с себя это бремя. Но как раз теперь это невозможно. С одной стороны, различные буржуа — во главе с мистером Гьюз, членом парламента — пришли к мысли превратить «Workmans Advocate» в настоящую *обеспеченную* газету, и для того, чтобы не было foul play² я должен в качестве одного из directors³ следить за всеми переговорами. С другой стороны, «Лига реформ», одно из наших созданий, имела чрезвычайный триумф на митинге в зале св. Мартина, самом большом и наиболее рабочем по своему составу митинге из всех, которые происходили за время моего пребывания в Лондоне. Во главе всего стояли люди из *нашего* комитета, которые и говорили в нашем духе. Если бы я устранился от дел, буржуазный элемент, с неудовольствием взвирающий на наше (foreign infidels⁴) закулисное влияние, получил бы преобладание. Ввиду полного краха рабочего движения в Германии рабочие элементы Швейцарии тем усиленнее стали группироваться вокруг местных секций Международного товарищества. В середине текущего месяца в Женеве появился первый номер «Journal de l'Association Internationale des Travailleurs — Section de la Suisse Romande»,⁵ и скоро там появится также и немецкий орган под редакцией Беккера; ввиду смерти «Nordstern» и дискредитирования «Социал-демократа» этот орган имеет большие шансы на существование. (Старый Беккер пристаёт насчет статей и уполномочил меня написать об этом *немедленно* и тебе, так как в данный момент у него еще нет *никаких* сотрудников.) Наконец, и во Франции, при отсутствии всяких других центров движения, Товарищество пользуется большим успехом. Итак, если бы я при данных обстоятельствах устранился, я причинил бы величайший вред делу; и все же, с другой стороны, при теперешнем недостатке времени для личных дел это вовсе не шутка, что every week⁶

приходится бывать на трех заседаниях в Вест-энде или в Сити, затем на заседании Интернационального совета, потом Standing Committee,⁷ Directors,⁸ или Shareholders⁹ «Workman's Advocate»! А вдобавок еще всякого рода переписка.

От Либкнехта я получил несколько слов. Он живет в Лейпциге, 2 Gerichtsweg, адресовать: J. Müller. Esquire. Ему, кажется, по обыкновению живется скверно, но все же у него имеется надежда устроиться в качестве лексикографа, получить также право гражданства в городе Лейпциге и стать подданным Бейста.

Получил также письмо и от д-ра Кугельмана. Преемник Юстуса Мезера, нынешний оснабрюкский городской голова, господин Микель, стал уже открытым ренегатом; пока что в буржуазном духе, но «уже» с уклоном в сторону аристократии. Некий Ведекинд, бывший прежде где-то консулом, богатейший человек и пылкий член Национального союза, сделал его в награду за его заслуги своим зятем. Кугельман видел в Кельне «кроткого Генриха». Он теперь хорошо устроившийся редактор «Рейнской газеты». Он жаловался на меня, что я не посетил его в мою бытность в Кельне, что я смотрю на него, как на «отступника» и т. д. А он, дескать, всегда «остается верным делу» и работает теперь вместе с буржуазией против аристократии лишь для того, «чтобы способствовать развитию и выяснению *классовых противоречий* и т. д.» (а всего лишь год тому назад в одной из своих речей в Кельне объявил эти противоречия nonexistent).¹⁰

Положение Бонапарта мне кажется менее устойчивым, чем когда-либо. Студенческая история является симптомом наличности противоречия в самой армии, но самое главное — это мексиканская афера и наследственные грехи Нижней империи, *долги!* За истекший год этому молодцу не удалась ни одна из его штук! И он уже пал настолько низко, что Бисмарк фигурирует в качестве его соперника!

Тут несомненный толчок дала смерть Пальмерстона. Если бы он еще жил, губернатор Эйр получил бы тогда орден «pour le mérite»!¹¹

Фрейлиграт тоже заканчивает этот год с большой бедой. Жид Рейнак, специально ради этого приехавший в Лондон, с большим треском закрыл здесь дело. При этом с Фрейлигратом, и без того задолжавшим банку деньги, случилось еще то несчастье, что за три дня до агивал¹² могущественного Рейнака сбежал другой конторщик со 150 ф. ст. Но у старика имеется, с другой стороны, и сильная протекция, to fall back upon¹³. Его бонапартистские друзья в Па-

риже (напр., бывший полковник Киш, женатый на дочери французского экс-министра Тувенеля, миллионера, стоящего теперь во главе огромнейшей акционерной компании) найдут уже для него как-нибудь новое дело.

Желаю счастья на Новый год! Также и мисстрис Липци.

Твой *К. М.*

¹ За все это время. ² обмана. ³ директоров. ⁴ неверных иностранцев. ⁵ Журнал Международного товарищества рабочих, секция Романской Швейцарии. ⁶ каждую неделю. ⁷ Постоянного бюро. ⁸ собрании директоров. ⁹ собрании пайщиков ¹⁰ не существующими. ¹¹ «за заслуги». ¹²прибытия. ¹³ на которую он может опереться.

1866 год.

949.

4 января 1866 г.

Дорогой Мавр!

Посылаю 10 фунтов в двух билетах Английского банка. Как обстоит дело с векселем домовладельцу? Укажи мне сумму и срок, чтобы я мог этим руководствоваться.

Злобная сводка скандальных историй «Социал-демократа», помещенная в шульце-деличской брошюре, была уже прислана мне неизвестным лицом из Берлина. Всегда хорошо иметь такого рода сводки с выдержками. Шульце-Делич напечатал объявление, что он на-днях выпустит в свет ответ Лассалю, в котором он его уничтожит.

Что Раковиц умер от чахотки — это ты, конечно, уже знаешь. Mamselle¹ Деннигес, таким образом, снова in the market, if ever she was fairly out of it.²

Прислана мне также из Берлина речь господина Гельда; настоящая берлинская каналья.

Мосье Бонапарт решительно идет под гору. Истории в армии в связи с Мексикой очень серьезны и студенческие беспорядки в Париже также. Очень важно, что парижские студенты на стороне пролетариата, какая бы путаница ни царила при этом в их головах. Ecole Polytechnique³ скоро также присоединится. Было бы бесподобно, если бы этот мошенник дождался до собственного downfall;⁴ а теперь дело весьма смахивает на это. И у Бисмарка дела идут с каждым днем все хуже, и если бы кельнские свиньи не помогли ему выпутаться, он уже, наверное был бы конченный человек.

Я с нетерпением жду ближайшего парламента, ведь теперь кризис старых партий должен быстро подвинуться вперед. Джон Брайт is evidently bidding for office⁵ — его вчерашней речи я еще, правда, не читал.

Читал ли ты Тиндаля: «Heat considered as a mode of motion»?⁶ Если нет, то сделай это обязательно. В этой области чрезвычайно много сделано, и дело начинает приобретать рациональный облик;

теория атомов доведена уже до такой крайности, что она скоро должна будет рухнуть.

Не забудь послать мне «Workmans Advocate» и «Free Press».

Сердечный привет и пожелания к Новому году твоей семье.

Твой Ф. Э.

¹ Мамвель... попала на рынок, если она вообще когда-либо исчезала с него. ² Политехническая школа. ⁴ падения. ⁵ очевидно заглядывается на местечко в министерстве. ⁶ «Теплота как род движения».

950.

5 января 1866 г.

Дорогой Фред!

Очень спешу.

Большое спасибо за 10 фунтов.

Срок векселя истекает 18 февраля, а сумма составляет 48 фунтов. Я хотел, чтобы он включил плату лишь за две четверти, а не за три, ибо третья истекает лишь в конце января. Но домовладелец настоял на своем.

Составилась интрига против Международного товарищества, и я нуждаюсь в твоём содействии. Подробнее об этом напишу позже. Пока ограничусь следующим: господин Ле-Любе и Везинье (последний знает, что производится inquiry¹ о его прошлом; он опять в Брюсселе) имеют здесь французскую секцию (в действительности секцию оппозиции), в которую входит также Лонге, редактор «Rive sauche» и с которой связана также вся банда прудонистов в Брюсселе. Сначала Везинье печатает в «Echo de Verviers», of course anonymously,² длинную рацею против нас. Затем лондонская секция публикует в том же органе заявление, распространяющее slanders³ о нашем Товариществе (превращая, между прочим, Толена и Фрибура в бонапартистов) и заключающее в себе программу, проект будущих статуты, которые они, истинные, собираются предложить конгрессу.

Подлинным нервом всей полемики является польский вопрос. Все эти господа примкнули к прудоновско-герценскому московитизму. Я поэтому пошлю тебе прежние статьи этих оракулов в «Tribune du Peuple» против поляков, и ты составишь контр-статью для наших Женевских органов («немецкого») или для «Workmans Advocate». Господа русские нашли новейшего союзника в прудонизировавшейся части «Jeune France». ⁴

Твой К. М.

¹ расследование. ² конечно, анонимно. ³ клеветнические сплетни. ⁴ «Молодой Франции».

951.

15 января 1866 г

Дорогой Фред!

Лаура забыла послать тебе приготовленные мной еще неделю тому назад номера «Tribune». Она сегодня исправит упущенное. То же и относительно номера «Workman's Advocate».

Я вкладываю в это письмо:

- 1) письмо из Вены от книгоиздателя. (Это ты должен вернуть.)
- 2) письмо от д-ра Кугельмана.
- 3) письмо от Мейера из Берлина. (Я ответил им лишь сегодня. Совершенно не было времени.)

Пока что мы окончательно раздавили жалкую интригу Везинье в Бельгии и Ле-Любе в Лондоне. Редактор «Rive Gauche» и друг Рожара — Лонге — затем господин Креспель, два наиболее интеллигентных члена основанной Ле-Любе секции, стали членами нашего Центрального комитета. Его секция высказалась против него, за нас. Центральный комитет has summoned¹ от Везинье, чтобы он «to substantiate his accusations, or to be expelled». ² Этот субъект упрекает нас, между прочим, в «Echo de Verviers» в следующем:

«Этому комитету были доверены величайшие интересы человечества, а он с легким сердцем отказался от этой возвышенной цели для, того чтобы выродиться в комитет национальностей на буксире у бонапартизма».

И это наше вырождение сказалось в нашей декларации за Россию, против Польши.*

«Cédant à des influences fâcheuses»³ (этот осел воображает, что польский параграф программы исходит от парижских делегатов, между тем как те всячески старались его устранить, как «неудобный»), он включил в программу женевского конгресса вопросы, лежащие за пределами цели Товарищества и противоречащие праву, справедливости, свободе, братству, солидарности народов и рас, как, например «уничтожение русского влияния в Европе» и т. д., и это в тот самый момент, когда Россия освобождает русских и польских крепостных, между тем как польские дворяне и ксендзы постоянно отказывались дать свободу своим собственным крепостным. По меньшей мере, нужно согласиться, что момент выбран неудачно. Прежде чем одобрить эти статьи, английские члены комитета должны были себя спросить, не является ли столь же неотложной задачей — положить конец ужасающему росту английского пауперизма, проституции

* [Очевидная ошибка, должно быть: за Польшу, против России.]

рабочниц и нищете рабочих Великобритании, голоду и обезлюдению Ирландии и т. д.! Что касается немецкой части комитета, то пусть они нам скажут, не является ли столь же необходимым уничтожить влияние политики господина Бисмарка в Европе; разве Пруссия и Австрия не являются соучастниками разделения Польши и не несут одинаковую с Россией ответственность за преступление против этого несчастного народа; что же касается мнимых делегатов от Парижа, то они призваны заклеить русское влияние, в то самое время как солдаты Бонапарта заняли Рим, подвергнув его бомбардировке, перебили защитников мексиканской республики, после того как они уничтожили республику в самой Франции. Если сравнить ошибки и преступления, совершенные этими правительствами, то необходимо прийти к заключению, что ни один народ не должен быть подвергнут проклятию человечества из-за злодеяний его угнетателей и что обязанностью Центрального комитета было прокламировать солидарность и братство всех народов, а не подвергать отлучению Европы один из народов.

К этому он присоединяет следующую ложь:

«Эта колоссальная ошибка имела у нас свои роковые последствия: поляки массами устремились в комитет, и через короткое время они окажутся там в огромном большинстве. (В комитете всего-навсего один единственный поляк, капитан Бобчинский; Гольторпа считать нечего, он сам конспирирует с Ле-Любе.) Они говорят правду, заявляя, что они воспользуются Товариществом для того, чтобы помочь восстановлению своей национальности, не интересуясь вопросом об освобождении рабочих».

Поляки — они как раз прислали к нам депутацию — громко расхохотались, когда были прочитаны эти места. 23 января мы чувствуем их революцию.

Тебя, наверное, позабавит сочиненная wiseacre⁴ Дени «*Заключительная молитва к Прудону*». Этот «sensational writer»,⁵ с его полуученостью, с его лассалевской рисовкой ученостью, о которой он понятия не имеет, с его мнимым критическим превосходством над socialist sectarians,⁶ наделал много бед.

Ле-Любе — нуль. Фокс правильно называет его «le père enfantin»,⁷ но Везинье — вполне подходит для русских. В качестве писателя он не многого стоит, как доказывает его «*Vie du nouveau César*»⁸ и другие памфлеты, направленные против Бонапарта. Но он талантлив, обладает большой rhetorical power⁹; у него много энергии и — главное — он совершенно бессовестен. Привет.

Твой К. М.

¹ потребовал. ² «доказал свои обвинения, или он будет выброшен». ³ уступая недостойным влияниям. ⁴ хитроумным. ⁵ «сенсационный писатель». ⁶ социалистическими сектантами. ⁷ [игра слов:] ребячливый отец. ⁸ «Жизнь нового цезаря». ⁹ силой красноречия.

952.

26 января 1866 г.

Дорогой Мавр!

Вот что меня останавливает: у меня нет никакого материала, и у меня почти ничего не сохранилось в памяти относительно того, как в конце концов было в России проведено освобождение крепостных, какую землю получил крестьянин, кто за нее заплатил, каково теперь его фактическое положение по отношению к помещику и т. д. Прежние проекты дворянства и царя я видел, но закона в окончательном виде не видал. Есть ли у тебя материал об этом?

Твой Ф. Э.

NB. Я не буду *прямо* ссылаться на статью в «Трибуне» за 1864 г., cela serait lui faire trop d'honneur.¹

¹ это было бы слишком много чести для нее.

953.

10 февраля 1866 г.

Дорогой Фриц!

На этот раз дело шло о жизни. Моя семья не знала, насколько случай был sérieux.¹ Если эта история повторится еще в той же форме три-четыре раза, то я готов. Я отчаянно похудел и дьявольски ослабел, т. е. не голова, а бедра и ноги. Врачи совершенно правы, главная причина этого рецидива *чрезмерная ночная работа*. Но я не могу сообщить этим господам — да это было бы совершенно бесцельно — о причинах, *вынуждающих* меня к этой экстравагантности. В данный момент у меня еще имеются на теле всевозможные маленькие прыщи, это больно, но уже никоим образом не опасно.

Самым тяжелым была для меня необходимость прервать мою работу, которая с 1 января, когда исчезли боли в печени, великолепно подвигалась вперед. О «сидении», конечно, не могло быть речи. Это для меня и сейчас еще затруднительно. Но лежа я все же продолжал работать, хотя и очень немного. Собственно теоретическая часть не могла у меня подвигаться вперед. Для этого моя голова была слишком слаба. Но я исторически развил отдел о «Рабочем дне», что не входило в мой первоначальный план. Мой

теперешний «вклад» представляет собой дополнение (*эскизное*) к твоей книге до 1865 года (о чем я и говорю в примечании) и полное оправдание различия между твоей оценкой будущего и действительным положением вещей. Лишь только появится моя книга, необходимо второе издание твоей книги, что кстати и очень легко сделать. Нужную теоретическую часть дам я. Что же касается дальнейшего исторического дополнения, которое ты должен дать в качестве приложения к своей книге, то *весь материал*—настоящий хлам, и его нельзя научно использовать за исключением «Factory Reports»,² «Children's Employment Commission Report»³ и «Board of Health Report».⁴ С обработкой этого материала ты, с твоей не подточенной карбункулами трудоспособностью, легко справишься в три месяца.

Что касается *России*, то у меня нет *никакого* материала. Лишь только мое состояние позволит мне, я схожу ради этого в Музей и поищу у поляков. В «Workmans Advocate» был большой кризис. Он появится завтра как «Commonwealth»; это превращение проведено буржуазными элементами и объясняется *моим* отсутствием в Совете. Все же, лежа в постели, я путем письменных угроз настолько парализовал интригу, что *редактором стал Эккариус* вместо какого-то нон-конформистского господина, и назначена Editorial supervision committee,⁵ собирающаяся еженедельно. Она состоит из меня, Фокса, Гоуэлля, Уэстона и Миалья (publisher-editor⁶ «Nonconformist», а now⁷ и наш publisher),⁸—четыре атеиста против одного «протестанта». Теперь роог⁹ Эккариусу *спешно* необходима *твоя* статья (так как интриги принимают массовый характер, и я не могу его поддержать; время, которым я располагаю для писания, принадлежит целиком моей книге).

Твое вино совершает теперь со мной чудеса. В разгар моей болезни я должен был пить плохой портвейн, так как только это вино допускается при остром состоянии карбункулеза. Кстати! Как я вижу из последних «Factory Reports», Джон Уоте выпустил памфлет «On machinery».¹⁰ Попроси его от моего имени прислать мне эту вещь.

Вильгельму я напишу несколько громовых строк по поводу его тряпичности. Чего мы желаем — это именно гибели «Социал-демократа» и всей лассалевской затеи.

Лион (тамошние рабочие) прислал восемь фунтов стерлингов Генеральному совету.

Привет.

Твой *Мавр*.

¹ серьезен. ² «Отчеты фабричных инспекторов». ³ «Отчета комиссии о дет-

ском труде». ⁴ Отчета медицинского ведомства. ⁵ Наблюдательная редакционная комиссия. ⁶ издатель-редактор. ⁷ в настоящее время. ⁸ издатель. ⁹ бедному ¹⁰ «О машинах».

954.

10 февраля 1866 г.

Дорогой Мавр!

Я только-что говорил с Гумпертом и обсуждал с ним твое теперешнее состояние. Он настаивает на том, чтобы ты принимал мышьяк. Он применял его в одном случае с карбункулами и в одном случае сильного фурункулеза и почти в три месяца достиг полного излечения. Теперь он дает его трем женщинам и пока с прекрасными результатами, они полнеют и жиреют. Он дает solution ¹ Фаулера, кажется, три раза в день по три капли (точно я этого уже не помню), это все же в целом выходит *около грана мышьяка в день*. Принимая во внимание специфическое действие мышьяка при всех кожных заболеваниях, можно и тут также рассчитывать на благоприятное действие. Он думает, что железо может действовать лишь симптоматически и укрепляюще. К тому же при мышьяке не нужно соблюдать никакой специальной диеты, а надо *просто хорошо питаться*.

Ты, действительно, должен в конце концов предпринять что-нибудь разумное, чтобы избавиться от этой карбункульной пакости, даже если бы из-за этого пришлось отсрочить книгу еще на три месяца. Дело, действительно, становится чересчур серьезным, и если, как ты сам говоришь, твой мозг не на высоте для теоретических работ, так дай же ему немного отдохнуть от высокой теории. Брось на время работать по ночам и веди несколько более регулярный образ жизни. Когда ты опять оправишься, приезжай на две недели, или на сколько хочешь, сюда, чтобы создать некоторую перемену обстановки, и привези с собой достаточно тетрадей, чтобы ты мог здесь немного поработать. Впрочем, 60 листов ведь и так составляют два толстых тома. Не мог ли бы ты так устроить, чтобы, по крайней мере, сперва послать в печать первый том, а второй несколькими месяцами позже? Так можно удовлетворить и издателя, и публику, а по существу это совершенно не связано с потерей времени.

Прими также во внимание, что при теперешнем положении вещей на континенте могут наступить быстрые изменения. В Пруссии дело подвигается с сказочной быстротой. Бисмарк форсирует и обостряет его. Сперва постановление о Верховном трибунале, затем угроза автентичной интерпретации конституции со стороны короля. Последние иллюзии филистеров о возможности мирного исторического развития пошли к черту. Первый встречный повод, пусть

одно лишь даже серьезное осложнение из-за Шлезвиг-Гольштинии, может довести дело до столкновения, раз солдаты сосредоточены на границе; хотя я сам считаю маловероятным, чтобы что-нибудь произошло без какого-либо более общего повода, но такая возможность все-таки имеется. Какой же толк в том, что будут готовы несколько глав в конце твоей книги, когда нельзя будет сдать в печать первого тома из-за внезапно наступивших событий? Во Франции тоже каждый день может что-нибудь произойти, а в Австрии попытка примирения с Венгрией должна будет повести к еще более резкому расколу.

Итог: постарайся выздороветь и ради этого сделай попытку с мышьяком.

Твой Ф. Э.

Сердечно кланяюсь madame и young ladies. ²

¹ раствор. ² жене и молодым лэди.

955.

13 февраля 1866 г.

Дорогой Фред!

Скажи или напиши Гумперту, чтобы он прислал мне рецепт с указанием, как принимать. Так как я только ему доверяю, то он уж ради одной «политической экономии» обязан оставить в стороне профессиональную этику и лечить меня из Манчестера.

Вчера я опять лежал в постели, так как вскочил злокачественный карбункул на левом бедре. Если бы у меня было больше средств, т. е. > — 0 для моей семьи, и если бы моя книга была готова, мне было бы совершенно безразлично, буду ли я сегодня или завтра выброшен на живодерню, иначе говоря, околею. Но при вышеупомянутых условиях мне этого нельзя.

Что касается «проклятой» книги, то дело обстоит так: она была готова в конце декабря. Один только отдел о земельной ренте, предпоследняя глава, составляет, в теперешнем виде, почти книгу. Днем я ходил в Музей, а по ночам писал. Новая земледельческая химия в Германии, специально Либих и Шенбейн, которые важнее для этого дела, чем все экономисты, вместе взятые; с другой стороны, огромный материал, созданный французами со времени моих последних занятий этим предметом, — все это мне пришлось теперь проштудировать. Я закончил свои теоретические расследования земельной ренты два года тому назад. А как раз за это время появилось много нового, вполне, впрочем, подтверждающего мою теорию. Тут важны были также данные о раскрывшейся для Европы Японии

(так я вообще никогда не читаю описаний путешествий, если меня не вынуждает к этому профессиональная обязанность). Поэтому я сам к себе применил «*shifting system*»¹ в том виде, как ее применяли английские фабричные псы к *одним и тем же лицам* на протяжении 1848 — 1850 годов.

Теперь рукопись готова, но имеет такие гигантские размеры и находится в таком виде, что ее никто, кроме меня, даже ты, не в состоянии издать.

Я начал ее переписывать и *исправлять стиль* как раз 1 января, и дело очень быстро подвигалось вперед, так как для меня, конечно, было только приятно вылизывать дитя после стольких родовых мук. Но тут опять появился карбункул, так что я не мог подвигаться дальше, а фактически выполнял лишь то, что уже было готово по плану.

Вообще же я вполне согласен с тобой и отправлю первый том Мейснеру, лишь только он будет готов. Но для того, чтобы его приготовить, я должен, по крайней мере, иметь возможность *сидеть*.

Не забудь написать Уотсу, так как я теперь дошел до своей главы о машинах.

Не мог ли бы ты под рубрикой *Берлин* послать быстро набросанную статью о Пруссии для «*Commonwealth*»? Подумай, как важно для нас упрочиться в Лондоне. Статьи о Польше могут потерпеть. Но, имея в своем распоряжении немецкие газеты, ты можешь шутя составить эту статью о Пруссии. Мое влияние здесь отчасти зависит от того, что люди, наконец, видят, что я не совсем одинок.

Политические дела меня не столько беспокоят (не меня лично, а в связи с книгой), как *экономическое* положение, которое проявляет все более и более угрожающие признаки кризиса.

Привет.

Твой К. М.

Поклон «ирландской» подруге. Ирландки, специально О'Донован Росса и т. д., благодарили за воззвание в нашей газете и за статью Фокса.

¹ работу сменами.

Дорогой Фред!

Большое спасибо за первую половину 50-фунтового билета.

«Венцу» я уже давно предложил написать тебе. Я изъявил ему свою полную готовность дать статью для первого номера, если я только окажусь к этому способным *under present circumstances*.¹

Проклятый карбункул не унимается, но я все же надеюсь через несколько дней от него избавиться.

В Пруссии отчаянная кутерьма. Однако терпение наших друзей велико. Если Бисмарк отправит их по домам, то в данный момент все закончится банкетами и Капшель-Классенманом. [Классен-Капшельман]. Напротив, дальнейшее существование палаты может иметь скверные последствия.

Привет.

Твой К. М.

¹ при данных обстоятельствах.

957.

19 февраля 1866 г.

Дорогой Мавр!

Прилагаемый десятифунтовый билет был у меня в кармане приготовлен для тебя, но я вчера не мог с тобой поговорить наедине. Я надеюсь, что сегодняшний срок векселя миновал благополучно, не вызвав неприятностей из-за небольшой недохватки до полной суммы.

Я все забыл — «Маленького Цахеса», оставленного в твоей комнате в книжном шкафу, что у твоей кушетки, на ряде стоящих книг, Factory Report ¹ и «Commonwealth». Пошли мне экземпляр последнего, чтобы я мог прочитать статью Фокса.

Как обстоит дело с верхним карбункулом и с нижним на бедре? Гумперта я еще не мог повидать.

Твой Ф. Э.

Сердечный привет дамам и особенно Туссичке от ее шимпанзе.

¹ Отчет фабричной инспекции.

958.

22 февраля 1866 г.

Дорогой Мавр!

Благодарю за «Маленького Цахеса» и т. д., я считаю это доказательством, что ты получил 10 фунтов стерлингов.

Я только-что вернулся от Гумперта, с которым, из-за того, что хворал гриппом и неоднократно не заставал его дома, я встретился лишь сегодня вечером. Он за то, чтобы ты немедленно начал принимать мыйшьяк. Это тебе никоим образом не может повредить, а лишь принесет пользу. То, что Аллен говорит, будто для тебя это не годится, глупости. Затем он считает также нелепым применение

припарок; они вызывают лишь *воспаление кожи*, с которым как раз необходимо бороться, и нисколько не способствуют в то же время нагноению. Гораздо лучше были бы холодные компрессы, но пока ты находишься в руках Аллена, они могли бы быть применимы, лишь если бы он их прописал. Но прежде всего морской воздух, чтобы ты опять набрался сил. Следовало бы выбрать место на южном побережье, так как в это время года там лучше погода, чем здесь, но если ты предпочитаешь быть поблизости от Гумперта, то имеется достаточно мест и здесь на берегу, *within an hour's ride from Manchester*.¹

Ты видишь, мне удалось так повлиять на Гумперта, что он теперь настаивает на том, чтобы ты сейчас же стал принимать мышьяк, даже в то время как Аллен подвергает тебя наружному лечению, между тем как прежде он и слышать не хотел об этом по соображениям этикета. Но теперь сделай мне одолжение, начни принимать мышьяк и приезжай сюда, лишь только тебе позволит твое состояние, чтобы ты, наконец, мог поправиться. Этим вечным промедлением и откладыванием ты губишь лишь себя самого; ни один человек не в состоянии долго выдержать такого хронического заболевания карбункулами, не говоря уже о том, что может, наконец, появиться карбункул в такой форме, что ты от него отправишься к праотцам. Что тогда будет с твоей книгой и с твоей семьей?

Ты знаешь, что я готов сделать все возможное, и в данном экстренном случае даже больше, чем я имел бы право рискнуть при других обстоятельствах. Но будь же и ты благоразумен и сделай мне и твоей семье единственное одолжение — *позволь себя лечить*. Что будет со всем движением, если с тобой что-нибудь случится? А если ты так будешь вести себя, ты *неизбежно* доведешь до этого. В самом деле, у меня нет покоя ни днем, ни ночью, пока я не выпарапаю тебя из этой истории, и каждый день, когда я от тебя ничего не получаю, я беспокоюсь и думаю, что тебе опять хуже.

NB: Впредь не допускай того, чтобы карбункулы оставались не вскрытыми; они должны быть вскрыты. Это очень опасно.

Поклон лэди.

Твой Ф. Э.

¹ на расстоянии часа езды от Манчестера

Дорогой Фред!

Дело близится теперь к своему концу. Я думаю, что завтра, самое позднее послезавтра, я не только встану с постели, но даже

смогу выходить и что for this season¹ серия карбункулов закончилась этим злокачественным псом. Я и в общем чувствую себя гораздо лучше. Этот последний приступ был ужасен. Он не только положил конец всякой работе, но даже всякому чтению, за исключением Вальтер-Скотта.

Вначале мышьяк был мне совсем не неприятен (когда от него пахло cinnaмон²). Теперь этот специфический привкус начинает мне становиться противным. Впрочем, я думаю, что влияние его хорошо. С самого начала я принимаю его три times a day.³

Как обстоит дело с твоими статьями для «Commonwealth»?

И с книжкой «On Machinery» Джона Уотса?

Диван, на котором я лежу прикованным уже девятый день, стоит в моей рабочей комнате, но возле самого окна, так что в определенное время дня, как, например, в данный момент, я вдыхаю очень живительную струю воздуха.

Тебе незачем больше беспокоиться за меня, и as far as actual outbreaks are concerned,⁴ ты можешь считать дело поконченным.

Тусси «sends her best compliments to her chimp».⁵

Привет.

Твой К. М.

¹ для этого сезона. ² корицей. ³ раза в день. ⁴ поскольку речь идет о действительных приступах. ⁵ «шлет сердечный привет своему шимпанзе».

360.

5 марта 1866 г.

Дорогой Мавр!

Гумперт *décidément*¹ того мнения, что лишь только твое состояние тебе это позволит, ты должен минимум на четыре недели отправиться к морю и во всяком случае переменить воздух. Как же быть? Хочешь ли ты отправиться сюда, где-нибудь поблизости на морские купанья (по-моему Lytham, или Blackpool, или New Brighton) или на южный берег? Сообщи свое мнение и в первом случае приезжай сюда. Деньги для этого я раздобуду, и, как я тебе обещал, даже несколько больше. Этим вечным рецидивам карбункулов нужно, наконец, положить предел, иначе ты не можешь ни работать, ни вообще что-либо делать. Итак, принимай решение.

Мои статьи для «Commonwealth» ты сам погубил, так как кроме польских дел ты еще хотел получить статью о Пруссии. Благодаря этому я первую статью прервал, а вторую еще своевременно не закончил. Денежные сборы для Шиллеровского общества, о которых

я тебе рассказывал, неожиданно приперли меня к стене, и на прошлой неделе я был из-за этого занят каждый вечер, да и сейчас опять должен туда бежать. Через две недели я надеюсь от этого освободиться, но на этой неделе я во всяком случае пошлю одну статью о поляках.

Хороши разоблачения о Ямайке. И компрометация «Times'a» при этом, и отречение Росселя. Газета очень быстро идет down.²

Если можешь, прочитай заявление кельн-минденской дирекции об этом некрасивом деле. Поскольку она в нем принимает участие, это имеет лишь *частно-правовой характер*; но лишь только король его ратифицирует, ему придется иметь дело и с государственно-правовым вопросом. Иными словами, кельнские буржуа сами не хотят никакой конституции.

Привет лэди.

Твой Ф. Э.

¹ решительно. ² под гору.

961.

6 марта 1866 г.

Дорогой Фред!

Раз я должен отсюда уехать, то я думаю, что лучше всего было бы отправиться в Маргейт. Воздух там исключительно хорош. Кроме того, близко к Лондону, на случай, если бы что-нибудь произошло. Хотя последний карбункул уже исчез, но рана все еще не зажила, так что более далекое путешествие по железной дороге было бы для меня тяжело. Что же мне делать в дальнейшем по предписаниям Гумперта?

Я сегодня в первый раз выхожу опять на свежий воздух.

Привет.

Твой К. М.

962.

[Энгельс — Марксу.]

[Около 10 марта 1866 г.]

Confidential: ¹

Выдержка из письма к Фрейлиграту, который наводит у меня справку об одном коммерсанте и в то же время выражает в нескольких доброжелательных замечаниях свое сожаление по поводу твоей болезни.

«Марксу нужен отдых от ночной работы и от забот, при этом морской воздух и спокойная жизнь. Все это его живо поставит на ноги. У разжиревших мещан вроде Блинда таких вещей не слу-

чается. Зато этого беднягу преследует несчастье в том смысле, что о нем, несмотря на все приведенные в движение рычаги и пружины, никто не желает говорить, кроме самого Блинда. У таких господ карбункулы бывают на внутренней стороне черепа. Но довольно об этом «*deliberate liar*». ²

«Как ты поживаешь вообще? Я слышал, что банк в Лондоне закрылся. В конце концов, это тебе на пользу. Связь с Фази и К^о могла бы тебя когда-нибудь впоследствии сильно скомпрометировать. А приличную должность ты, конечно, скоро опять получишь».

Твой Ф. Э.

¹ Конфиденциально. ² «отъявленном лгуне».

963.

10 марта 1866 г.

Дорогой Фред!

Получил ли ты мои несколько строк от прошлого вторника? Я это должен знать, чтобы иметь уверенность насчет того, перлюстрируются ли мои письма или нет. Письмо было адресовано г-же Бернс.

Если мне вообще следует отправиться к морю, то это нужно сделать сейчас же, так как я не хочу терять времени. Я писал тебе в своем последнем письме, что в таком случае я хотел бы поехать в Маргейт, и тогда нужно было бы предпринять все необходимое для этого. Я спрашивал тебя также в этом письмеце, что Гумперт понимает под «лечением»? Нужно ли продолжать принимать мышьяк и т. д. или что-либо иное?

В Генеральном совете и в управлении газетой царит невероятная неразбериха и обнаруживается большое желание восстать против отсутствующего «тирана», но вместе с тем и пустить к черту всю *boutique*. ¹ Моя рана (от последнего карбункула) настолько залечилась (и пока что новые не появляются), что я в будущий понедельник или вторник покажусь людям; но, с другой стороны, я еще вряд ли смогу выносить поздние заседания в уголке на Fleet-street, и, что еще хуже, я настолько нервно раздражен, что вряд ли смогу удержать все эти бури в «границах чистого разума»; напротив, я, вероятно, слишком бурно разражусь, а это было бы нецелесообразно.

Когда же, наконец, получится первая статья о поляках?

Твой К. М.

¹ лавочку.

964.

15 марта 1866 г.

Дорогой Фредерик!

Предъявитель этих строк — гражданин Орсини, брат бессмертного мученика и один из членов нашего общества. Он покидает Англию, чтобы отправиться в Соединенные Штаты, откуда он собирается вернуться через несколько месяцев. Твой совет в коммерческих делах, может быть, окажется полезным для него. Во всяком случае ты будешь рад лично познакомиться с ним.

Преданный тебе

К. Маркс.

Г-ну Фридриху Энгельсу, 7 Southgate, St. Mary's, Manchester.

P. S. Я знаю, что Бредлоу — честный человек и занимает почетное положение в Сити в качестве стряпчего.

965.

5 Lansell's Place, Margate [15 марта 1866 г.]

Дорогой Фред!

Я приехал сюда вчера вечером. Сегодня (приняв теплую морскую ванну) я целый день гулял на воздухе и только что вернулся домой (квартира прямо у моря), чтобы еще до отхода почты послать тебе свой адрес. Завтра ты получишь более подробное письмо. Твоя первая статья о Польше появится не на этой неделе, но на будущей. Воздух здесь удивительный.

Привет.

Твой *К. М.*

966.

5 Lansell's Place, Margate, 24 марта 1866 г.

Дорогой Фред!

Запоздалое получение этого письма покажет тебе, что я провожу здесь время, как «профессиональный больной». Я ничего не читаю, ничего не пишу. Уже для трехкратного приема в день мышьяку необходимо распределять время принятия пищи и время шатаний по берегу моря и по ближайшим hills¹ таким образом, что не остается ни «малейшего времени» для других дел. А к вечеру так устаешь, что не можешь делать ничего другого, как спать. В общем погода здесь несколько суровая, а именно часто дует восточный ветер, somewhat chilling², но и к этому скоро привыкаешь. Как хорошо я поправился, можешь видеть из того, что в последнее

воскресенье я проделал пешком путь в Кентербери (семнадцать миль отсюда) менее чем в четыре часа. Что касается общества, то его, конечно, здесь нет. Я могу распевать вместе с miller of the Dee: «I care for nobody and nobody cares for me».³

Третьего дня вечером я вынужден был поехать в Лондон, чтобы присутствовать на «вечере» у своих дочерей. Дядя прислал им к Рождеству 5 фунтов стерлингов, но они были «позаимствованы» для «general purposes»⁴ и возвращены им только после того, как получены были деньги от тебя. Они пригласили свою ежегодную «party»⁶ и бомбардировали меня письмами, приглашая меня «махнуть» в Лондон, как любил выражаться господин Нотьюнг. Но на следующее же утро (то-есть вчера) я возвратился сюда, в свою келью.

До своего приезда сюда (что имело место в среду 14 марта) я, хотя находился тогда в очень плохом состоянии, вынужден был присутствовать 12 и 13 марта подряд на вечерних заседаниях: в первый раз на заседании shareholders⁶ «Commonwealth» и второй раз, 13-го, в Генеральном совете.

На первом заседании господин Кремер сделал все приготовления, чтобы «выставить» Эккариуса, что в случае моего отсутствия и произошло бы. Но результатом заседания было только то, что Кремер «добровольно» выступил из редакции. Я не знаю, как дело пойдет дальше, так как все было решено только «временно», на одну неделю, и общее shareholdersmeeting⁷ отложено на 19 марта. Но и здесь окажется верным, что «beati possidentes»,⁸ а в результате этого заседания possidens⁹ оказался именно Эккариус.

Интрига в Генеральном совете находилась в тесной связи с rivalries and jealousies¹⁰ в деле с журналом (господин Гоуэлль хотел сделаться editor in chief¹¹ и господин Кремер тоже). Господин Ле-Любе воспользовался этим для того, чтобы подрвать German influence,¹² и в заседании 6 марта имела место отлично и секретно подготовленная сцена. А именно неожиданно появился майор Вольф и от имени своего, Мадзини и итальянского союза произнес торжественную речь против ответа на нападки Везинье, который Юнг от имени Центрального совета послал в «Echo de Verviers». Он очень сильно нападал на Юнга и implicite¹³ на меня. Старый мадзинизм Оджера, Гоуэлля, Кремера и т. д. нашел себе выход. Ле-Любе раздувал огонь, и была at all events¹⁴ принята резолюция, содержащая более или менее amende honorable¹⁶ для Мадзини, Вольфа и т. д. Как видишь, дело было серьезно («Foreigners»¹⁶ было a few present,¹⁷ и ни один из них не голосовал.) Это был бы недурной ход со стороны Мадзини — дать мне так много поработать над

Обществом, а потом присвоить его себе. Он требовал от англичан признания его главою континентальной демократии, как будто господа англичане имели право назначать *нам* главарей!

В субботу (10 марта) foreign secretaries¹⁸ Общества собрались у меня для военного совета (Дюпон, Юнг, Лонге, Лафарг, Бобчинский). Решено было, что я во всяком случае должен явиться во вторник (13-го) на заседание Совета и *протестовать* от имени *всех* foreign secretaries¹⁸ против этих proceedings.¹⁹ А proceedings¹⁹ эти были незаконны, так как Вольф перестал быть member of the Council²⁰, а потому в его присутствии не могла быть принята резолюция по вопросу, в котором он был лично заинтересован. Далее, я должен был выяснить отношение Мадзини как к нашему Обществу, так и к continental workingmen's parties²¹ и т. д. Наконец французы должны были привести Цезаря Орсини (между прочим, это личный друг Мадзини), который дал бы evidence²² о Мадзини, Вольфе и state of «socialism»²³ в Италии.

Против всякого ожидания, дело сошло хорошо; жаль только, что слабо был представлен английский элемент (из-за возни с «Лигою реформ»). Ле-Любе я устроил головоломку. Во всяком случае англичанам (на самом деле и здесь речь идет лишь о меньшинстве) стало ясно, что весь континентальный элемент, как один человек, стоит на моей стороне и что здесь никоим образом не идет речь о German influence,²⁴ как инсинуировал господин Любе. Любе пытался показать им, что я в качестве leader of English element²⁵ Совета подавляю остальной «continental element's»;²⁶ но господа англичане убедились теперь, напротив, в том, что я всецело держу их в руках при помощи континентального элемента, как только они делают глупости. Подробнее об этом в будущий раз.

До приезда сюда я, разумеется, заплатил дома наиболее вопиющие debts,²⁷ ибо иначе я не имел бы здесь ни одного спокойного часа. Было бы недурно, если бы ты мог прислать мне в конце этого месяца еще немного денег. Тем временем получится, наконец, уверенность с Мыса Доброй Надежды, и в моей кассе все же прибавится некоторая — хоть и незначительная — сумма.

My compliments to Mrs. Lizzy.²⁸

Твой К. М.

¹ холмам. ² слегка холодный. ³ мельником с Ди: «Мне нет дела ни до кого, и никому нет дела до меня». ⁴ «общих нужд». ⁵ «компанию». ⁶ акционеров. ⁷ собрание акционеров. ⁸ «блаженны имущие». ⁹ имущим. ¹⁰ соперничеством и завистью. ¹¹ главным редактором. ¹² влияние немцев. ¹³ тем самым. ¹⁴ на всякий случай. ¹⁵ почетную сатисфакцию. ¹⁶ иностранцев. ¹⁷ мало налицо. ¹⁸ секретари иностранных секций. ¹⁹ действий. ²⁰ членом Совета. ²¹ континентальным рабочим партиям.

²² показания. ²³ состоянии «социализма». ²⁴ немецком влиянии. ²⁵ лидер английского элемента. ²⁶ «континентальный элемент». ²⁷ долги. ²⁸ Привет мистрис Лицци.

967.

27 марта 1866 г.

Дорогой Мавр!

Я как раз собирался написать тебе поздравительное письмо по случаю твоего добросовестного бездельничания, — о чем я заключил из твоего молчания, — когда получилось твое письмо. Оно несколько успокоило меня, а то я уже начал строить предположения: не мог ли послужить причиной упорного молчания какой-нибудь новый карбункул. Гуляй же много на свежем воздухе и продолжай *per pedes*¹ наносить визиты архиепископу Кэнтерберийскому; это вырвет болезнь с корнем. В этой истории, как и в других, важнее всего подольше выдержать скучное однообразие морского берега; ты должен по возможности оставаться там весь апрель, дабы основательным образом вылечиться от этой дряни.

Только-что пришел старик Гилль и помешал мне. Итак, на сегодня я должен прервать. При сем 10 фунтов стерлингов.

Твой Ф. Э.

¹ пешком.

968.

5 Lansell's Place, Margate, 2 апреля 1866 г.

Дорогой Фред!

D'abord¹ — получил с благодарностью 10 фунтов.

Во время моего отсутствия в «Commonwealth» произошла перемена декораций или, вернее, дирекции; эта перемена вступит в силу в течение ближайшей недели. *Оджер* — редактор; *Фокс* — помощник редактора; «son of toil»² приглашен доставлять еженедельно статью за 10 шиллингов; Кремер без места и подал также в отставку от должности генерального секретаря «Международного товарищества». В общем я ничего не имею против перемены. Вряд ли Эккариус мог (или, по крайней мере, он не должен был) вообразить, что когда газета завоюет себе положение, за ним оставят главное руководство. Напрасно предостерегал я его. С моей стороны было «политическою» ошибкою, что я уступил его настояниям и в одном письме предложил его на этот оставленный им теперь пост. Если бы я не был болен, то он бы напрасно добивался этого. Я заранее знал, что дело ляжет на мои плечи. Само собою разумеется, что для нас важнее избегать всякой видимости личных намерений или злоупотребления

личным влиянием в тайных целях и поддерживать доброе согласие с англичанами, чем давать удовлетворение более или менее справедливой амбиции Эккариуса.

Такие сухие натуры, как Эккариус, обладают также некоторым сухим эгоизмом, который легко вводит их в заблуждение. Когда «Reform Ligue»³ решила устроить большой митинг в зале св. Мартина, Council of Ligue⁴ назначил его одним из public speakers.⁵ Молодцы из клики Поттера протестовали против него как против иностранца. Я прямо предостерегал его, советуя не принимать «brief». ⁶ Но он надеялся преодолеть все препятствия и тешил себя важную ролью в metropolitan movement.⁷ Но оказалась a dead failure.⁸ Конечно, этот бедный малый проделал жизнь, полную disappointments,⁹ и почетные должности вице-президента «Интернационала» и т. д., предложенные ему англичанами по их собственному побуждению, настолько обманули его, что он теперь надеялся взять сразу реванш за все свое прошлое. Если бы он слушался меня, действовал медленно, держался скромно, все шло бы отлично. Если я, несмотря на его недисциплинированность и своенравное поведение, ради него даже сам впутался в эту грязную историю, то я исходил именно из того соображения, что он всегда работал с нами и никогда не пожинал плодов. Но всегда делаешь blunders,¹⁰ когда поддаешься подобного рода соображениям.

Что касается газеты, то вследствие недостаточности фонда опасность заключается в усиливающемся натиске и перевесе клики нонконформистов.

Проклятый традиционный характер всех английских движений проявляется снова в Reform movement.¹¹ Те самые instalments,¹² которые с величайшим негодованием были отвергнуты народной партией несколько недель тому назад — они отвергли даже ультиматум Брайта об household suffrage¹³ — рассматриваются теперь как достойный результат борьбы. И почему? Потому что тории кричат караул. Этим молодцам недостает mettle.¹⁴ старых чартистов.

Что ты думаешь об австрийско-прусских неурядицах? Я не читаю ни одной континентальной газеты. Но, тем не менее, мне ясно, что за спиною пруссаков стоит Россия и что австрийцы, которые знают это, polens-volens¹⁵ утешают себя помощью Франции. Превосходнейшая игра этих отцов отечества! Это вечная дилемма, к которой постоянно сызнова толкает нас немецкий филистер. Действительно, для Бонапарта настоящая civil war¹⁶ в Германии была бы прямо godsend.¹⁷

Разумеется, все еще возможно, что в один прекрасный день

дело закончится просто отставкою достойного Бисмарка. Но со времени Дюпеля «Вильгельм Завоеватель» верит в непобедимость своего «храброго воинства», и при внутреннем конфликте второй Ольмюгтц должен показаться рискованным даже ему.

Вот уже несколько дней, как погода здесь стала очень плоха, как будто это сделано специально по заказу для лондонцев, которые приехали сюда на пасхальные праздники. *Как долго* надо принимать мышьяк?

My compliments to Mrs. Burns. ¹⁸

Твой К. М.

Мой друг Кауб пишет мне из Парижа, что некий господин Ребур открыл такой способ разложения воды на водород и кислород, при котором расходы будут составлять 2 су в день for a fire to melt iron with. ¹⁹ Но пока он еще держит это дело в секрете, так как одно изобретение было у него раньше украдено и патентовано в Лондоне. Qui vivra, verra. ²⁰ Ты знаешь, как часто мы оба мечтали о дешевом способе превращения воды в огонь.

¹ Прежде всего. ² сын труда. ³ «Лига реформ». ⁴ Совет Лиги. ⁵ ораторов. ⁶ «полномочия». ⁷ лондонском движении. ⁸ полная неудача. ⁹ разочарований. ¹⁰ ошибки. ¹¹ реформистском движении. ¹² частичные платежи ¹³ избирательных правах для квартиронанимателей. ¹⁴ пыла. ¹⁵ волей-неволей. ¹⁶ гражданская война. ¹⁷ находкой. ¹⁸ Привет мистрис Бернс. ¹⁹ на поддержание огня, на котором плавится железо. ²⁰ Поживем — увидим.

969.

2 апреля 1866 г.

Дорогой Мавр!

Я надеюсь, что ты получил 10 фунтов стерлингов, посланных мною тебе в Маргейт. Я провел праздники в Уэльсе и сегодня наконец собрался написать тебе.

Орсини был у меня, но, к сожалению, я ничего не мог сделать для него; у меня нет в Нью-Йорке больше никаких связей, а здесь совершенно невозможно найти кого-нибудь, кто сделал бы с ним dodge ¹ насчет гуано и дал бы для этого деньги. Он очень славный парень.

Статья о Польше № 3 будет приготовлена завтра вечером, если за это время ничто не случится. Я пошлю ее прямо Эккариусу, по адресу редакции «Commonwealth». К сожалению, корректура отвратительна, и пора также прекратить еженедельную перепечатку статей из «Nonconformist'a». Право, со стороны Миалья это бесстыдство — так открыто выставлять газету как простой привесок к «Nonconformist'у».

Что ты скажешь о Бисмарке? Теперь как будто кажется, что он толкает к войне и тем дает Луи Бонапарту наилучшую возможность получить без всякого труда кусок левого берега Рейна и благодаря этому упрочить свое положение на всю жизнь. Хотя каждый, кто виновен в этой войне, — если до нее дойдет дело, — заслуживает быть повешенным, и я с полным беспристрастием желаю распространения этого также на австрийцев, но все-таки мое первое желание — чтобы пруссаков здорово вздули. В этом случае мыслимы следующие возможности: 1) австрийцы в двухнедельный срок диктуют мир в Берлине; этим предотвращается прямое вмешательство заграницы и одновременно делается невозможным теперешний режим в Берлине, начинается другое движение, которое с самого начала отрицает специфически прусский дух; или же 2) в Берлине происходит переворот до прихода австрийцев, и тогда тоже начинается движение.

С точки зрения военной я полагаю, что обе армии приблизительно одинаковы по своей численности, и сражения будут очень кровопролитными. Но, конечно, Бенедек лучший генерал, чем принц Фридрих-Карл, и если Франц-Иосиф не будет помогать Бенедеку или если Фридрих-Карл не будет иметь способных и влиятельных штабных офицеров, то, как я полагаю, пруссаки будут побиты. Уже одно самохвальство после Дюппеля указывает на Иену.

Если первое сражение кончится решительным поражением пруссаков, ничто не помешает австрийцам двинуться на Берлин. Если же победит Пруссия, у нее после этого нехватит сил предпринять наступление на Вену через Дунай, а тем более через Пешт. Если их предоставить самим себе, то Австрия может принудить к миру Пруссию, но Пруссия Австрию — нет. Поэтому каждый успех Пруссии будет поощрять Бонапарта к вмешательству. Вообще же обе эти немецкие собаки, наверное, уже и теперь стараются перегнуть друг друга, предлагая наперебой третьему французскому псу германские области.

Твой Ф. Э.

¹ дельце.

6 апреля 1866 г.

Дорогой Мавр!

Мне тоже с самого начала казалось очень вероятным, что за спиною пруссаков стоят русские. Уже одно то обстоятельство, что австрийские бумажные гульдены снова стоят почти par и их поэтому снова приходится понижать, возбуждало подозрение, но еще более подозрительной казалась одновременная история с Кузой, и, конечно,

«дорогой» Бисмарк не так зарвался бы, если бы не имел за свою спиною русских. Возможно, что эта история уже зашла так далеко, что от Бисмарка или старого осла Вильгельма уже ничего больше не зависит, и вопрос о том, быть ли войне или миру, будет разрешен целиком усмотрением петербуржцев. Но как неуклюже действует этот Бисмарк! Забавно, когда он выставляет бедных австрийцев нападающею стороною. Но еще лучше, что он серьезно думает о том, чтобы соввать *на 1 июня* германский парламент для реформы союзной конституции. Это должно послужить противодействием мелким государствам: против правительств он, Бисмарк, апеллирует к народу. Это вызвало всеобщую веселость даже в среде немецких филистеров.

После происшедшей перемены в «Commonwealth» я вообще уже не мог своевременно доставлять редакции требуемые статьи, так как они должны были идти обходным путем через Маргейт, поэтому посылаю их тебе для ближайшего номера. Соответствующие данные об освобождении крепостных в России я нашел в одной статье Мазада в «Revue des deux Mondes».

Как же обстоит дело с твоим здоровьем? Не было ли у тебя новых карбункулов или небольших фурункулов? И как вообще, полнеешь и крепнеешь ли ты? Совершаешь ли еще прогулки *per pedes*¹ к старому «Кантерберийцу»? Мышьяк необходимо принимать, по меньшей мере, три месяца, вообще же он не может тебе повредить.

В остальном здесь ничего нового, кроме подлого восточного ветра и массы пыли.

Как долго думаешь ты остаться в Маргейте? По меньшей мере, ведь до конца этого месяца?

Движение в пользу реформы — всеобщее признание всеобщей вялости. Что за ничтожный instalment.²

Твой Ф. Э.

¹ пешком. ² платеж по частям.

971.

5 Lansell's Place, Margate, 6 апреля 1866 г.

Дорогой Фред!

Я здесь очень хорошо поправился, и нет ни малейших признаков возвращения проклятых карбункулов. Только на том месте, где был последний и самый злокачественный, еще слегка чувствуется боль. Возможно, что рана зажила слишком быстро и под затянувшуюся кожу еще имеется частица гноя. Но в таком случае при

теплых морских ваннах и rough ¹ полотенце, которым я обтираюсь, эта дрянь, наверное, вскрылась бы; и, действительно, вот уже два дня, как и эта последняя ранка, повидимому, исчезает. Единственная drawback, ² это — возобновившийся здесь болезненный ревматизм в правом плече, который мне очень мешает спать. Я здесь вот уже скоро четыре недели и жил только для своего здоровья. Пора бы бросить это.

Наши письма в дороге встретились, но тем не менее ты как будто отвечаешь на мое письмо. Ты упускаешь из виду возможность итальянской диверсии в пользу Пруссии.

Нет ни малейшего сомнения в том, что за спиною пруссаков стоит Россия, хотя она позволяет Бонапарту играть на авансцене роль arbiter. ³ Не следует (выражаясь стилем Гегеля) упускать из виду того, что Danubian mine was sprung ⁴ одновременно с выступлением Бисмарка.

Даже предполагая, что прусские собаки пойдут на попятный, — что вероятно, — все же ясно и должно стать ясным даже для немецких филистеров, что *без революции* в Германии собаки Гогенцоллерны и Габсбурги гражданской (династической) войною отбросят нашу страну на 50 — 100 лет назад.

Я должен откровенно сказать тебе, что дела с «Интернационалом» обстоят очень скверно, тем более, что вследствие нетерпеливости французов конгресс назначен на *конец мая*.

The fact is this, ⁵ что лондонские английские лидеры после того, как мы им создали положение, очень *охладели* к нашему более узкому movement ⁶ (сюда присоединяется неспособность каждого англичанина заниматься сразу двумя делами). Мое отсутствие в течение почти трех месяцев *чрезвычайно повредило*. Что делать? Во Франции, Бельгии, Швейцарии (также в некоторых местах Германии, а спорадически даже в Америке) движение сделало большие и прочные успехи. В Англии же движение в пользу реформы, вызванное к жизни нами, почти killed ⁷ нас. Это ничего не значило бы, если бы женеvский конгресс не был назначен на конец мая и если бы парижане, — для которых это движение *единственно возможное*, — благодаря своему собственному журналу «Le Congrès» не сделали отсрочку конгресса почти невозможным. Англичане сами увидели бы через короткое время жалкий характер движения в пользу реформы в его теперешнем виде. И после моего возвращения угроза заигрывания с кликою Поттера и т. д. скоро опять привела бы все в нормальную колею. Но теперь there is no time. ⁸ Для англичан даже failure ⁹ конгресса — пустяки. Но для нас! *Это европейский скан-*

дам! Действительно, я почти не вижу никакого выхода. Англичане упустили все возможности, чтобы придать конгрессу более или менее приличную форму. *Que faire!*¹⁰ Думаешь ли ты, что мне *следует поехать в Париж*, чтобы там доказать, как *невозможен* теперь конгресс? Отвечай немедленно. Только в соглашении с парижанами вижу я возможный выход. С другой стороны, я знаю, что, если конгресс не состоится, само их положение подвергается опасности. *Que faire!*¹⁰ Господин *Везинье* вызвал на *дуэль* наших парижан. Они, по его мнению, должны поехать в Бельгию, чтобы стреляться с ним. *L'imbécile!*¹¹ *As to*¹² Орсини, то я знал, что ты ничего не можешь сделать. Но я не мог отказать ему в рекомендации к тебе.

Твой *К. М.*

¹ мохнатом. ² оборотная сторона. ³ третейского судьи. ⁴ дунайская мина взорвалась. ⁵ Факт тот. ⁶ движению. ⁷ погубило. ⁸ уже нет времени ⁹ провал ¹⁰ Что делать! ¹¹ Дурак! ¹² Что касается.

972.

10 апреля 1866 г.

Дорогой Мавр!

Как видно, русские *хотят* войны; их цель, повидимому, — восстановление Польши под русским господством и, по возможности, аннексия Молдавии. «Кельнская газета», которая, разумеется, испытывает суеверный страх перед войною, послала своего специалиста по военным делам И. фон-Викедде в Богемию, дабы убедиться в производящихся там будто бы австрийских вооружениях. Он приезжает туда 3 апреля, т. е. через две недели после ноты Бисмарка, и находит повсюду глубочайшее спокойствие, лишь несколько *богемских* полков переведены в западные округа, дабы можно было быстрее мобилизовать их. Ни один находящийся в отпуску не призван обратно, ни одно укрепление не приведено в боевую готовность, ничего. Итак, весь скандал *нарочно спровоцирован Бисмарком*.

Далее: русские концентрируют войска на австрийской и *прусской* границах Польши, и солдаты совершенно открыто говорят, что как только прусские войска выступят против австрийцев, стоящие на прусской границе русские войска прежде всего займут *Познань*. Не говоря уже о том, что русские немедленно обеспечат здесь за собою остаток прусской Польши, они будут также призваны подавить возможные революционные движения в Берлине. Однако вероятнее всего, что этот расчет окажется ошибочным и, во всяком случае, сделает Гогенцоллернов невозможными на будущее время.

Наконец, сегодняшняя передовица в «Times»; она — глупая, путанная, неуклюжая, но она решительно становится на сторону Пруссии и считает Австрию нападающею стороною. Она написана по приказу.

Поэтому война кажется мне несомненною и ввиду новой австрийской ноты, апеллирующей к Союзу (германскому), и ввиду предложения господина Бисмарка относительно германского парламента — каким он должен быть ослом, чтобы верить, что это поможет ему хоть на иоту; война кажется мне неизбежною также по причинам, лежащим в самой Германии. Австрийская нота, повидимому, исходит из того, что все равно дело дойдет до потасовки, в противном случае они оставили бы хоть какую-нибудь лазейку, чтобы облегчить пруссакам отступление ценою отставки Бисмарка. Но раз они апеллируют к Союзу, это теряет значение; всякое другое прусское министерство тоже не подчинится большинству Союза.

Бонапарт будет, конечно, держаться смирно, по крайней мере на ближайшее время. Бисмарк уже предложил ему Саарбрюкен и т. д. и в случае нужды преподнесет ему баварский Пфальц. Зная, что русские на стороне Пруссии, он не решится на какой-либо рискованный шаг. Если дело, действительно, дойдет до потасовки, то в первый раз в истории развитие событий будет зависеть от поведения Берлина. Если берлинцы выступят во-время, дело может пойти хорошо — но кто может на них положиться?

Что касается конгресса Интернационала, то мне не совсем ясно, как вы собираетесь обойтись без него. Я также не думаю, чтобы дальнейшая отсрочка значительно улучшила дело. *Après tout*¹ всякая подобная демонстрация явится в известном смысле скандалом — по крайней мере, по отношению к нам самим. Но перед лицом Европы? Я полагаю, что этого можно избежать даже в данном случае. Ведь держать все дело в своих руках будут, благодаря своему знанию многих языков, немцы, а немцы — как раз наши сторонники. Вынесет ли конгресс какие-либо дельные *постановления*, это вопрос второстепенный, если только можно будет избежать всякого скандала; а в настоящем случае это вполне достижимо. Общие постановления теоретического характера или относящиеся к международной поддержке стачек и т. д. можно ведь будет принять без всякого риска. Однако ты должен знать это лучше меня, так как я, сидя здесь, не могу так хорошо судить об этом. Но я на твоём месте никоим образом не поехал бы из-за этого в Париж. Ты не находишься под чьей-либо защитой, и поэтому полиция тебя без всякого стесне-

ния задержит, ведь ты — эмиссар открытого общества рабочих с явно революционной тенденцией, за которую ведь легко могут скрываться другие тайные вещи — *cela suffit*.² Но эта история, правда же, не стоит такого риска.

Лучше останься-ка еще на некоторое время в Маргейте, пока последнее залечиваемое местечко не сделается совершенно нечувствительным, и побольше гуляй на свежем воздухе. Кто знает, может, скоро тебе опять понадобится крепкое тело. Атмосфера очень насыщена электричеством, и, быть может, мы скоро будем опять в грове; это поможет также в затруднениях с конгрессом.

Немного денег я вышлю тебе, как только смогу. Я постараюсь также увидеть Гумперта, чтобы спросить его об окончании морского лечения и о том, принимать ли тебе после него еще мышьяк.

Твой Ф. Э.

¹ В конце концов. ² этого достаточно

973.

13 апреля 1866 г.

Дорогой Мавр!

Так как я не уверен, что ты находишься еще в данный момент в Маргейте, я посылаю сегодня твоей жене

E/R 63 430, Manchester, 21 Jan. 1865, 10 ф., и E/P 43 331, Manchester, 20 Jan. 1865, 10 ф. = 20 ф.

и сообщаю ей, что уведомил тебя об этом.

Итак, *suffrage universel coup*¹ Бисмарком все-таки сделан, хотя и без его Лассалья. Повидимому, немецкий обыватель, немного поупрямившись, пойдет на это, так как бонапартизм — истинная религия современной буржуазии. Мне становится все яснее, что буржуазия неспособна сама непосредственно управлять, и потому во всех тех случаях, где олигархия не может, как здесь в Англии, принять на себя, за хорошее вознаграждение, управление государством и обществом в интересах буржуазии, — нормальной формой является бонапартовская полудиктатура; существенные материальные интересы буржуазии она проводит даже против воли самой буржуазии, но ей самой не оставляет никакого участия в господстве. С другой стороны, сама эта диктатура в свою очередь вынуждена против своей воли защищать эти материальные интересы буржуазии. Так, господин Бисмарк принял теперь программу Национального союза. Конечно, ее проведение в жизнь совсем другое дело, но Бисмарк вряд ли потерпит крушение из-за сопротивления

немецкого обывателя. Только-что возвратившийся сюда немец рассказал, что он видел уже многих, которые клюнули на эту удочку; по сообщению Рейтера (смотри ниже), жители Карльсруэ уже соглашались на эту историю, и безграничное замешательство «Кельнской газеты» по поводу нее ясно указывает на предстоящий поворот.

А что Бисмарк вступил в прямое соглашение с русскими, доказывается, во-первых, тем фактом, что не только «Times», но и *Рейтер* начинает, совсем против своего обыкновения, лгать в пользу Пруссии. В погрешностях перевода, которыми телеграммы кишат теперь больше, чем когда-либо раньше, есть известный смысл: до недавнего времени *против* Пруссии, теперь против Австрии. Рейтер телеграфирует: Австрия согласна на этот план лишь при том условии, если будут представлены *все* австрийские провинции (т. е. *не-немецкие*). В немецком оригинале говорится только: при условии представительства также австрийских земель. Далее: по словам «*Bromberger Zeitung*» и «*Ostsee Zeitung*» (это русский орган), русские сосредоточивают все большие количества войск в юго-западных провинциях Царства Польского вплоть до Прута, и притом очень медленно и секретно; солдаты думают, что им придется выступить вместе с Пруссией против Австрии, а стоящие на Варте повторяют, что они предназначены для занятия Познани, для того, чтобы пруссаки могли оттуда уйти.

Вообще, русские уже могли бы предоставить пруссакам на время Шлезвиг-Гольштинию, так как благодаря Венскому миру и аннексии для них обеспечено главное: Лондонский договор и тем самым порядок престолонаследия в *Дании*. Имея Зунд, какое им дело до Киля?

Во всяком случае лучше всего будет, если ты останешься в Маргейте, пока ты уже *ничего* более не будешь чувствовать в соответствующем месте и вообще пока ты не констатируешь решительной перемены к лучшему.

Напиши поскорее.

Твой Ф. Э.

¹ ход с всеобщим избирательным правом.

Дорогой Фред!

Мое долгое молчание объясняется просто плохим настроением, вызванным не прекращающеюся вот уже более двух недель зубною

болью и ревматизмом. Сегодня, однако, повидимому, наступила перемена.

Так как ревматическая боль, особенно сильная ночью, в результате которой у меня несколько раз была рвота, мешала мне и моей семье спать, то я счел нужным прекратить, вернее приостановить, прием мышьяку. Теперь (когда, действительно, наступила перемена) я буду опять продолжать. Отсутствует даже малейший след фурункульных или карбункульных явлений, и я несколько не сомневаюсь в том, что по устранении этих случайных заболеваний, которые больше зависели от погоды, я совсем поправлюсь. Но, право, уже пора, я ведь потерял столько времени!

С «Интернационалом» дело обстоит так: со времени моего возвращения дисциплина целиком восстановлена. Кроме того, успешное вмешательство «Интернационала» в стачку портных (при помощи писем секретарей секций Франции, Бельгии и т. д.), произвело сенсацию среди здешних трэд-юнионов. Относительно женевского конгресса я решил содействовать здесь, поскольку я смогу, его успеху, но сам я туда не поеду. Этим я сбрасываю с себя всякую личную ответственность за руководство им.

Что касается «Commonwealth», то encroachments¹ Миаля и К⁰ было бы более сносно, если бы оно основывалось, по крайней мере, на действительно значительной денежной помощи. Но эти господа очень щедры на добрые советы и на брюзжание и очень скупы на cash,² так что газета живет только с недели на неделю. С каждою неделю расширяется круг читателей, но Penny-paper³ необходимо авансировать, по меньшей мере, на один год вперед, в более короткий срок она совершенно не может начать self supporting.⁴ Если газета пока еще не хуже, чем она есть, то этим она обязана только Фоксу, которому приходится вести постоянную борьбу.

В нашем отечестве, повидимому, дело все-таки пока еще не доходит до потасовки. Пока-то еще пруссаки хвастуны решатся извлечь меч! Во всяком случае мы увидим, как Пруссия оскандалится и внутри страны, и за границею. При всем том, повидимому, все еще неизвестно, не может ли в один прекрасный день дело дойти до войны. Русские (хотя они на самом деле уже многое выиграли и выигрывают от одного только конфликта и угрозы войны в Германии) хотят войны, да и для Бонапарта она была бы настоящею god-send.⁵ Во всяком случае, господин Бисмарк опять открыл в Германии «движение».

После фазы гражданской войны Соединенные Штаты только теперь вступили в революционную фазу, и европейские wiseacres,⁶

которые верят во всемогущество господина Джонсона, будут скоро разочарованы.

В Англии тории и пальмерстоновские виги поистине заслуживают благодарность за то, что они сводят на-нет росселевский settlement.⁷ В одном из последних заседаний сам господин Гладстон высказал свое «меланхолическое» убеждение в том, что теперь, в полной противоположности с его оптимистическими ожиданиями, предстоит «длинный ряд войн».

Что скажешь ты о «восьмом» мудреце мира — *Милле*?

Привет мистрис Лицци.

Tout à vous⁸

К. М.

¹ вмешательство. ² звонкую монету. ³ газету за пенни. ⁴ оплачивать себя. ⁵ находкою. ⁶ мудрецы. ⁷ урегулирование избирательной реформы. ⁸ Весь ваш.

975.

1 мая 1866 г.

Дорогой Мавр!

Надеюсь, что ты благополучно покончил с своим ревматизмом и зубною болью и опять прилежно сидишь над *книгой*? Как обстоит с нею дело, когда будет готов первый том? Вообще, ты должен продолжать прием мышьяка, его необходимо принимать, по крайней мере, в течение трех месяцев, он не стоит абсолютно ни в какой связи с ревматизмом и т. д. Возможно, что история с печенью, путем расстройства пищеварения или кровообразования, содействовала появлению карбункулов, и именно поэтому ты должен и впредь ежедневно совершать регулярные прогулки в течение нескольких часов и отказываться от ночной работы, дабы все опять привести в полный порядок. Там, где тенденция к гиперемии печени проявилась в такой классической и систематической форме, как у тебя, она, разумеется, не исчезает так сразу.

Хорошо, что тебе не приходится в дальнейшем заботиться о конгрессе и Международном товариществе. Кстати, в Эдинбург ввезен транспорт из 57 *немецких портных* с целью to put down a strike,¹ и ожидаются еще два других транспорта. Вероятно, из Гамбурга. Не можете ли вы узнать в Эдинбурге подробности и помешать этому?

Бисмарк *хочет* войны à tout prix,² и после того, как он потерпел неудачу в Богемии, ему, кажется, дело удастся в Италии. Я надеюсь, что если это удастся, берлинцы выступят. Если они провозгласят там республику, то переворот может быть произведен во всей

Европе в течение двух недель. Да, но выступают ли они? Как обстоит дело с нашими тамошними связями?

Видел ли ты, как Луи Бланчик в качестве хорошего *императорского демократа* заявляет теперь в «Temps», что если Пруссия поглотит мелкие германские государства, то Франция должна получить, *по меньшей мере*, левый берег Рейна? Вот это настоящие революционеры!

На-днях я, желая опять немного подхлестнуть свою старую злобу, прочел книгу Рекеля, дрезденского заключенного 1849 года, об обращении с ним в тюрьме. Подлости саксонцев превосходят все, что мне известно. Необходимо будет нарядить строгий суд над очень многими канальями. Старая эпоха до 1848 года совсем не знала подобных свинств, и прусские тюрьмы тогдашнего времени показались бы раем.

Эти адулламиты — величайшие ослы, что так выступают против жалкого билля о реформе, этого самого консервативного мероприятия, которое когда-либо проводилось здесь. Но *quem deus vult perdere etc*³.

Уже три недели, как я послал в «Commonwealth» свою третью статью о Польше и просил отослать мне ее обратно, если она запоздала для *этой* недели. На это я получил через неделю ответ от Фокса, что она могла бы появиться только в *прошлом* номере; одновременно он отослал мне статью. В среду я опять послал ее, но слишком поздно. Ты был тогда еще в Маргейте. Следующие номера я опять пошлю тебе, если только за недостатком времени не придется их немедленно отослать прямо туда.

Наилучший привет твоей жене и девочкам.

Твой Ф. Э.

¹ подорвать стачку. ² во что бы то ни стало. ³ кого бог хочет покарать и т. д.

Дорогой Мавр!

Ты беспокоишь меня своим молчанием; я стал почти бояться, что опять что-нибудь стряслось с твоим здоровьем. Ведь не появились же у тебя снова карбункулы?

Что это за странная история со слепым Когеном, который пять раз стреляет, ни разу не может попасть в долговязого Бисмарка и даже дает ему арестовать себя. Большого одолжения Бисмарку нельзя было сделать.

It strikes me,¹ что в своей мобилизации пруссаки отстали от австрийцев на две недели и раньше конца этого месяца не смогут начать наступление. Если австрийцы это используют, они смогут выиграть крупное сражение и быть в Берлине еще до концентрации пруссаков.

Твой Ф. Э.

¹ Меня удивляет.

977.

10 мая 1866 г.

Дорогой Фред!

No carbuncles whatever!¹ Но проклятый ревматизм и зубная боль были тоже очень мучительны, пока, наконец, первый начал, повидимому, поддаваться под влиянием втираний чистого спирта. Я должен также откровенно сказать тебе, что я все еще чувствую некоторую *слабость* в голове, и работоспособность возвращается лишь *очень медленно*. Возможно, что это объясняется перерывом в лечении мышьяком, которое я опять начал, следуя твоему последнему письму.

Коген был очень хороший (хотя и не особенно одаренный) юноша, к которому я чувствую особенную симпатию как к старому другу моего Муша. Вчера Фрейлиграт немедленно бросился, разумеется, к Блинду и от него пришел к нам. Меня не было дома. Фрейлиграт более всего огорчился тем, что Блинд испортит репутацию ему и другим (номинальным сотрудникам «Eidgenosse»), символом которого была рука с кинжалом и девизом: «haec manus tyrannus» etc². Он-де не был у него вот уже девять месяцев. Эту историю нельзя даже будет никак «извинить». Словом, он на самом деле беспокоился только о возможном впечатлении, которое эта история произведет на лондонских филистеров. Вообще же баденская лисица опять здорово надула его. Он принял вид совершенно сокрушенного человека и не дал своему другу Фрейлиграту заметить, что свежее горе не мешает ему сохранить присутствие духа настолько, чтобы в различных лондонских журналах использовать этот трагический случай как рекламу для себя самого и своей семейки. Always an eye to business.³ Жена его, конечно, безутешна; комично во всей этой истории то, что Блинд своею идиотскою болтовнею об убийстве тиранов принес в жертву на алтарь свободы не своего собственного сына, но Исаака старого Когена.

В результате печального опыта 1859 года австрийцы находятся в таком проклятом положении, что вряд ли используют благоприятный момент, и, хотя обстоятельства насильно навязывают им *ини-*

циативу, они не смогут взять ее в свои руки или, по меньшей мере, замедлят сделать это. Of course, «public opinion»⁴ Европы не приносит им пользы ни на грош и требует от них нелепостей. Те же либеральные ослы, которые теперь признают, что Австрия спровоцирована и что против нее существует систематический *conspiracy*,⁵ завтра же (включая английских лордов) поднимут страшный вой, если Австрия ударит первая и не будет спокойно ждать, пока ее враг первый подаст сигнал.

Как ни противен мне Бонапарт, но его выступление в Оксерре доставило мне большое удовольствие. Старый осел Тьер и аплодирующие ему *les chiens savants du corps législatif*⁶ вообразили себе, что они могут безнаказанно играть в луи-филипповщину! *Les imbéciles!*⁷

Русские, как всегда, проводят свою роль недурно. Подстрекнув храбрых пруссаков, они выступают миротворцами и третейскими судьями Европы, но вместе с тем у них хватило ума сообщить господину Бонапарту, что на возможном будущем конгрессе о Польше не может быть, конечно, и речи,—словом, что Россия может вмешаться в европейские дела, но Европа не должна вмешиваться в русские.

Ввиду ввоза в Эдинбург немецких и датских портных мы, во-первых, командировали в Эдинбург одного немца и одного датчанина (оба они портные), которые уже разрушили согласие между *importers*⁸ и *imported*;⁹ во-вторых, я от имени Международного товарищества опубликовал предостережение немецким портным в Германии. В Лондоне эта история принесла нам чрезвычайно много пользы.

Очень неприятна была для меня необходимость сразу внести плату за ученье в размере 25 фунтов стерлингов. Эта плата за три четверти года не могла быть дольше отсрочена, так как Женни и Лаура выходят из школы; последняя не берет *вне* школы никаких уроков, а первая берет только один урок в неделю по музыке (Баумер ушел из школы).

«Commonwealth» быстро развивается и, наверное, стал бы оплачивать себя по истечении года. Но из-за недостатка денег мы должны будем, вероятно, скоро прекратить издание.

Привет.

Твой К. М.

¹ Нет больше карбункулов! ² «эта рука грозит тиранам» и т. д. ³ Он никогда не упускает из вида дела. ⁴ Конечно, общественное мнение. ⁵ заговор. ⁶ дрессированные собаки законодательного корпуса. ⁷ Дураки! ⁸ ввозящими. ⁹ ввезенными.

978.

16 мая 1866 г.

Дорогой Мавр!

История с Фрейлигратам очень забавна и доставляет удовольствие. Поделом ему за то, что он льнет к респектабельным членам эмиграции и отрекается от «партии». Что касается Блинда, то, принимая во внимание его: *manus haec inimica tyrannis*¹, ему придется объяснить, что дети не должны играть с огнестрельным оружием. Вообще же из этой истории вполне ясно, что Бисмарк носит панцирную рубашку. Все выстрелы, наверное, попали в него; они сами признают, что три последних выстрела попали прямо в цель, и так как револьвер был устроен так, что не мог совсем плотно закрываться, то всякая другая возможность исключена. Эти вещи делают теперь очень тонкими и все-таки крепкими. Его друг Бонапарт, наверное, уже доставил и рекомендовал ему такую штуку.

Господин Бисмарк, очевидно, жестоко обманулся в маленьких государствах, отсюда угроза имперской конституцией и Беннигсеном. Имели место, вероятно, также и финансовые неудачи. Но можно ли представить себе что-нибудь забавнее того, что тот же Вильгельм, который в 1849 году в качестве верховного генерала хоронил имперскую конституцию, теперь хочет или, вернее, вынужден снова вызвать ее к жизни. Бисмарк в роли реставратора «основных прав германского народа» — это же чересчур потешно. С ландвером и мобилизованными резервистами дело, повидимому, тоже обстоит не совсем блестяще: в Герлице была среди них большая буча, линейные войска вынуждены были выступить и отступить назад, так как эти молодцы не хотели допустить подобного вмешательства. Если эти люди будут стоять в бездействии под ружьем еще три-четыре недели, они будут способны на все. И так как ни Пруссия, ни Италия не готовы к выступлению, то они должны будут стоять так, по меньшей мере, до конца мая.

Несомненно, что господин Бисмарк ввязался в историю, которая не по силам ни ему, ни всему теперешнему режиму. Если дело закончится по-хорошему, то он истратит имеющиеся в его распоряжении фонды и уже поэтому не сможет больше помочь себе; если же будет война, то он должен будет *Acheronta movere*², которые, наверное, его поглотят. При таких обстоятельствах даже прямая победа граждан-депутатов имеет революционный характер и должна вести дальше.

Несмотря на все это, я все еще не могу себе представить, что в середине девятнадцатого века Северная и Южная Германии высту-

пят одна против другой только потому, что это нужно Бисмарку в интересах России и Бонапарта. Но если дело дойдет до драки, пруссакам может прийтись плохо. Повидимому, на этот раз австрийцы намерены напрячь все силы до крайности, и если даже их хвастливые заявления о 900 000 солдат — нелепость, то все же возможно, что они выступят в Саксонии с значительно превосходными силами. Рейнскими и вестфальскими корпусами Пруссия совсем не может располагать против Австрии, саксонскими лишь отчасти. Остаются остальные шесть армейских корпусов, которые выступят против врага вряд ли в количестве большем, чем 240 000 человек. Если австрийцы, как говорят, будут первое время держаться в Италии оборонительно, то им потребуются там только 150 000 человек, и они легко смогут послать против Пруссии 300 000 — 350 000 человек, если только Россия не вынудит их занять значительными силами Галицию. Тогда решающая битва могла бы разыграться при 180 000 пруссаках против 240 000 — 280 000 австрийцев; это была бы почти неминуемая Иена и повела бы она прямо в Берлин.

Но трудно строить предположения на этот счет, так как у австрийцев войска всегда значительно сильнее на бумаге, чем на деле, а сейчас вообще особенно сильно привирают.

К сожалению, нет господина Чарльза с главною книгою, в которой имеется мой счет, так что в данный момент я не могу судить, в каком положении мои дела; так как через шесть недель заканчивается отчетный год и к тому времени я должен иметь в деле определенный капитал, то я должен с этим считаться. Как только я смогу, я подведу свой итог и, при первой возможности, пошлю тебе немного денег. Ты можешь, во всяком случае, рассчитывать, что в первых числах июля, по окончании отчетного года, я немедленно вышлю тебе 50 фунтов.

Интересно читать «Kreuzzeitung», которая выступает за всеобщее избирательное право, бонапартизм Виктора-Эммануила и т. д. *Этим* господам приходится поглощать не мало всякой гадости.

Наилучший привет твоей жене и девочкам.

Твой Ф. Э.

¹ «Эта рука грозит тиранам». ² привести в движение подземные силы.

Дорогой Фред!

Как обстоит дело со *статьями о Польше*? Будет ли газета выходить или нет, но ты должен давать, сколько можешь. Здесьние.

поляки ожидают продолжения и *bother me*¹ запросами. Вообще статьи обратили на себя внимание. *Фоксик*, который раньше похвалил их, третьего дня в Центральном совете напал на то место, где ты приписываешь раздел Польши коррупции польской аристократии. Между прочим он специально напал на немцев, которые сами разрушили Польшу при помощи саксонской династии и т. д. Я кратко ответил ему.

Конечно, хвастуны пруссаки склонны пойти на попятный, и Бисмарк наталкивается на сильное противодействие также со стороны Вильгельма. Но в Италии вряд ли возможно отступление, а это может опять подействовать на Пруссию. Какая потеря для Итцига, что он умер! Теперь Бисмарк позволил бы ему играть роль. Бисмарк, наверно, проклиняет нас (и считает австрийскими агентами) за то, что мы испортили ему игру с рабочими.

С начала этой недели у меня, наконец, опять пошла работа. Недурно будет, если ты сможешь прислать мне немного вина; внезапное воздержание от него может повредить.

Господин Мадзини не успокоился до тех пор, пока не образовал против нас «интернационального республиканского комитета». В нем принимают участие осел Гольторп, Лангевич, Ледрю-Роллен, Кинкель, Блинд, также, полагаю, Боллетер! Наше Товарищество с каждым днем расширяется. Только в Германии ничего нельзя сделать из-за осла Либкнехта (*good fellow as he is!*)²

Теперешний кризис кажется мне только преждевременным частным финансовым кризисом. Он мог бы приобрести большое значение только в том случае, если бы дела пошли плохо в Соединенных Штатах, но для этого вряд ли уже наступило время. Как влияет это на вас, *cotton lords*,³ и как повлияло падение цен на хлопок?

Привет.

Твой К. М.

¹ мучают меня. ² хотя он и отличный парень! ³ хлопковых лордов.

Дорогой Мавр!

Паника началась, во всяком случае, слишком рано и, быть может, испортит нам настоящий солидный кризис, который без этого наступил бы в 1867 или 1868 годах. Если бы случайно одновременно не наступило сильное падение цен на хлопок, то мы здесь почти не были бы затронуты кризисом. Этот крах *limited liability*¹ и *finan-*

cing² мошенничеств уже давно предвиделся и почти не затронул нашей trade.³ Но наступившие одновременно колоссальные убытки на хлопке угрожают придать здесь делу серьезный оборот; многочисленные местные и ливерпульские торговые дома запутаны в эту историю через свои отделения в Бомбее и т. д.; так как это наступает одновременно с money panic⁴ и установлением 10 процентов за учет, то это может очень серьезно кончиться для тех, кто имеет большое количество хлопка. Во всяком случае, здесь эта кутерьма еще далеко не прошла.

Если у австрийцев хватит ума не наступать, то в прусской армии, наверное, начнется катавасия. Они никогда еще не были настроены так мятежнически, как при этой мобилизации. К сожалению, узнаешь лишь ничтожнейшую часть того, что происходит на деле, но и этого достаточно для того, чтобы убедиться, что с такою армиею невозможна наступательная война. Если этих парней теперь сконцентрируют массами, и они начнут подчитывать своих и находить, что три четверти армии одинаково настроены; если, далее, во время конгресса им придется в бездействии стоять под ружьем три-четыре недели, то это неизбежно поведет к кризису, и в один прекрасный день они откажут в повиновении. Повод для этого уж найдется; и в такой армии, если начнет *один* батальон, это распространится подобно пламени. Но если даже открытого восстания и не произойдет, то несомненно, что *эта* армия в таком моральном состоянии и со старым Вильгельмом в роли главнокомандующего, Фридрихом-Карлом и кронпринцем в роли его помощников будет немедленно и наголову разбита разъяренными австрийцами с главнокомандующим Бенедекком, который запретил навязывать ему эрцгерцогов и вмешиваться в назначение его штаба; а он имеет в своем распоряжении 300 — 360 000 человек. Это известно также старому ослу, и я убежден, что, если только он сможет, он повернет назад именно из-за этого настроения армии. Полностью подтвердилось то, что я говорил в своей прошлогодней брошюре о характере *мобилизованной* прусской армии.

Мне очень нравится затруднительное положение деятелей Национального союза с тех пор, как Бисмарк украл у них их программу; теперь этим молодцам приходится выступать против своих собственных великопрусских фраз, как «Kreuzzeitung» против своих собственных феодальных фраз.

Лондонский корреспондент «Manchester Guardian» передает, что при этой истории Луи Бонапарт выговорил себе в виде вознаграждения за свое согласие:— Италии — Сардинию, от Пруссии от

Люксембург, Саарлуи и Саарбрюкен (он забывает только при этом Ландау) — и это как минимум.

Я посмотрю, смогу ли завтра приготовить свои статьи о Польше. Говоря по совести, с моей стороны жертва — печататься вслед за статьями для этого осла Миалья и каждый раз читать примечание, что редакция-де не ответственна за помещаемую ниже корреспонденцию, но ответственна за все идиотства, помещенные впереди нее.

Если бы я заранее знал, как будут обращаться с нашими статьями в газете, которая все же является как бы нашею, — по крайней мере, газетою рабочей партии, — и что нас будут там только терпеть, и мы, так сказать, еще должны быть за это благодарны, то я не написал бы ни одной строчки. Но ты был тогда болен, и я не хотел делать ничего такого, что могло помешать твоему лечению. Но это меня злило. Однако А уже сказано, и необходимо сказать также Б. Наилучший привет.

Твой Ф. Э.

¹ акционерных обществ ² финансовых. ³ торговли. ⁴ денежной паникой.

981.

7 июня 1866 г.

Дорогой Фред!

Я в очень затруднительном положении, так как закладывать больше нет возможности, а ко мне пристают с ножом к горлу. Что касается физического состояния, то, к счастью, признаки карбункулов больше не появляются. Но зато я вынужден ходить к Аллену по поводу болезни печени, так как Гумперта здесь нет и такую болезнь нельзя лечить на расстоянии. Я имею еще почти целую bottle¹ мышьяку, но вот уже несколько недель не принимаю его, так как мой теперешний образ жизни для этого не подходит.

Пострадали ли и вы также от Соединенного банка? Третьего дня был здесь доктор Роде и с влорадством рассказывал, что Дронке понес значительные убытки от краха Барнетта.

Итак, война все-таки будет, если не случится какое-нибудь чудо. Пруссакки раскаются в своем хвастовстве, и во всяком случае идиллии в Германии наступил конец. Прудоновская клика среди парижских студентов («*Courrier Français*») проповедует мир, объявляет, что война устарела, что национальности — чепуха, нападает на Бисмарка, Гарибальди и т. д. Как полемика против шовинизма, их выступление полезно и понятно. Но они производят странное впечатление в качестве прудоновских правоверных (мои здешние добрые приятели

Лафарг и Лонге тоже принадлежат к ним), которые полагают, что вся Европа должна и будет смиренно ожидать, пока эти господа уничтожат во Франции «la misère et l'ignorance»,² под властью которого (невежества) они работают, вопреки всем своим разглагольствованиям о «science sociale».³ В их статьях о present agricultural crisis⁴ во Франции их «ученость» проявляется поразительным образом.

Русские ведут всегда свою старую игру, натравливают европейских ослов друг против друга и становятся то partner A., то partner⁵ B.; в последнее время они несомненно подстрекали австрийцев, 1) потому что Пруссия еще не сделала достаточной уступки в вопросе об Ольденбурге, 2) дабы связать австрийцам руки в Галиции и 3) наверное, по той причине, что господин Александр II, подобно Александру I (в его последние годы), находится по случаю покушения в консервативно-мрачном настроении, а его дипломаты должны прибегать к уловкам, по меньшей мере, «консервативным», союз же с Австрией носит также консервативный характер. Когда придет удобный момент, они покажут backside⁶ медали.

Официальный тон Пруссии, этой державы «blood and iron»,⁷ обнаруживает большую робость. Они расточают теперь комплименты даже французской революции 1789 года! Они жалуются на австрийскую раздражительность!

Лучшее, что было здесь в жалких парламентских дебатах, это список грехов, который Дизраэли предъявил несчастному Кларендону.

Привет.

Твой К. М.

Итальянский энтузиазм получит скоро ушат холодной воды. Даже мелодраматическая сторона, вообще соответствующая народному характеру, была бы терпима, если бы на самом заднем плане не скрывалась надежда на Баденгэ. Я не могу забыть своего Итцига. Какой скандал учинил бы он, если бы был жив!

¹ бутылку. ² нищете и невежество. ³ социальной науке. ⁴ теперешнем сельскохозяйственном кризисе. ⁵ компаньоном. ⁶ оборотную сторону. ⁷ «крови и железа».

Дорогой Фред!

Большое спасибо за 10 фунтов.

Независимо от натиска событий, моя работа со времени моего возвращения из Маргейта плохо подвигалась вперед вследствие чисто-физического состояния. В последние недели я был так слаб,

что не мог более посещать даже Международное товарищество. Вчера я заказал рецепт Гумперта (для печени), так как рецепты Аллена нисколько не помогли мне. Кроме того, я дал кырвать себе зуб, дабы положить конец зубной боли, и, вероятно, за ним должен будет последовать еще второй.

Если твой запас вин тебе позволяет (то есть если тебе не придется делать для этого новых закупок), то пришли мне, пожалуйста, сюда немного вина, так как мне теперь совершенно нельзя пить пива. Стихи ждут твоего «Комментария». В моих руках они ничто.

Сегодня вечером я вынужден пойти на заседание «Directors and friends»¹ «Commonwealth». Это дело дышит на ладан. Не говоря уже о крайних финансовых затруднениях, имеются еще внутренние политические. Так как этот осел, брэдфордский фабрикант м-р Келль (он дал 50 фунтов стерлингов, его брат тоже и обещали больше) целиком подчинил себе Миалья, то д-р Бридж, профессор Бизли, Гаррисон (контисты) угрожали не только своим уходом, но также публичным заявлением об уходе.

Мне эти истории надоели, и я сегодня вечером предложу этим господам *продать* их обанкротившееся дело Келлю и компании и положить конец смехотворному положению вещей, когда брэдфордский manufacturer² руководит лондонскую «рабочую газетой». Если они не согласятся, я во всяком случае подам в отставку. На собственные средства газета не может держаться еще долгое время; таким образом, она будет в зависимости от буржуазных средств и тем самым потеряет свой характер. Я обнаружил в этой истории много терпения, потому что все еще надеялся, что сами рабочие приложат достаточные усилия для того, чтобы продолжать дело самостоятельно; и, с другой стороны, потому, что не хотел играть роль помехи.

Господин Готфрид Кинкель назначен профессором в Цюрихе.

С тех пор как начался военный шум, «саксонские» рабочие в большом числе примкнули к «Международному товариществу».

Привет.

Твой К. М.

Compliments to Mrs. Lizzy.³

Кстати! Лафарг сказал мне, что вся новая французская школа физиологов-микроскопистов, во главе с Робеном, высказывается против Пастера, Гексли и т. д. в пользу «generatio aequivoca»⁴. Он назовет мне некоторые новые сочинения по этому вопросу.

¹ «Директоров и друзей». ² фабрикант. ³ Привет мистрис Лици. ⁴ самопроизвольного зарождения.

983.

11 июня 1866 г.

Дорогой Мавр!

Сегодня вечером тебе высылается ящик с бордоским вином. Это очень хорошее вино от Боркгейма. Я послал бы тебе его раньше, но мои молодцы здесь запоздали отчасти из-за переобремененности делами. Написанный мною адрес уже давно лежал у них.

Надеюсь, что это вино и регулярные прогулки помогут тебе. Как ты думаешь, не приехать ли тебе сюда на недельку, — а потом ты в начале июля поехал бы уже домой с деньгами? При этой okazji ты мог бы, наконец, основательно посоветоваться с Гумпертом.

Серия банковских крахов прошла здесь мимо нас, не причинив нам ущерба. Дронке сам сказал мне, что крах Барнетта его задел, но больше благодаря необходимости менять своего банкира. Он имел там кредит на 3 000 фунтов, однако он был также акционером этого банка и в этом отношении он теряет. Эйхгофу также досталась эта честь, так как его банкир обанкротился, и он влопался с шестнадцатью фунтами. Этого субъекта указанное обстоятельство мало трогает, так как если он не может платить по подлежащему уплате векселю, то он просто отказывается платить.

Господин Г. Кинкель ежегодно распространял слух, что приглашен на кафедру в Цюрихе, неужели цюрихцы должны в конце концов в это поверить?

В Германии события принимают, повидимому, с каждым днем все более революционный характер. В Берлине и Бармене безработные ходят толпами по улицам с угрожающим видом. Г. Эрмен, который возвратился в пятницу из Германии, рассказал мне, что в Кобленце на рейнском мосту он разговорился с каким-то прусским лейтенантом о войне; тот считал исход событий очень сомнительным, но признал превосходство австрийских солдат и командования, и на вопрос Г. Эрмена, что будет в случае поражения пруссаков, ответил: «Тогда у нас будет революция». Как рассказал мне другой филистер, он слышал в Кельне из хорошего источника, что ландвер должен быть распределен частями среди линейных войск и в свою очередь ландверные полки должны быть пополнены линейными солдатами; приказ об этом будто бы уже вышел. Во всяком случае, армия, повидимому, в таком состоянии, что надеяться на успех можно только в том случае, если австрийцы *первыми* перейдут границу, но, кажется, на этот раз они решительно не хотят этого. Но именно потому пруссаки тоже не хотят выступать. Таким

образом, это положение может продолжаться еще неделю, пока ситуация не сделается настолько напряженной, что взрыв произойдет сам собою.

Удивительную роль в жизни Бисмарка играет ирония истории! В тот момент, когда он произносит либеральные фразы, он должен прибегать к абсолютистским действиям. Он хочет провозгласить германскую имперскую конституцию и вместе с этим собирается приостановить прусскую конституцию (приказы уже готовы). Недурная идея — стремиться разыграть по отношению к буржуазии роль Бонапарта, опираясь на юнкеров вместо крестьян!

В этой войне ландвер будет для пруссаков столь же опасен, как в 1806 г. поляки, которые тоже составляли свыше одной трети армии и еще до сражения дезорганизовали все дело, но с тою разницею, что ландвер, вместо того, чтобы дезертировать после поражения, устроит мятеж.

Весь левый берег Рейна обнажен от войск, в Люксембурге стоят только два ландверных полка, а крепость, как говорят, втихомолку уже очищена; в Саарлуи стоит только один неполный ландверный батальон. Фон-дер-Гейдт будто бы закончил через посредство Оппенгейма переговоры о саарбрюкских копиях и государственной железной дороге, с целью получить деньги; точно так же и вестфальская железная дорога будто бы продается берго-маркской железной дороге. Бумаги сберегательных касс переданы Прусским банком государству в виде аванса под его *кельн-минденские акции*; никакой другой цели эта история не имела. При этом все берлинские банкиры действуют сообща с правительством.

Я думаю, что через две недели в Пруссии дело начнется. Если эта возможность будет упущена и наши люди допустят это, тогда мы можем спокойно уложить свои революционные пожитки и погрузиться в чистую теорию.

Штибер назначен начальником полевой полиции; он организует «заговор Блинда» и послал для этой цели вновь в Лондон нашего приятеля Грейфа. Нельзя ли устроить так, чтобы его там вдули?

Наилучший привет.

Твой Ф. Э.

984.

20 июня 1866 г.

Дорогой Фред!

Отвратительная погода действует особенно фатально sur mon physique; ¹ вот почему я не известил тебя о получении «вина» и вообще не написал. Поехать в Манчестер мне нельзя, так как в present

state ² я не могу уехать из дому; кроме того, я должен быть здесь ради Интернационала, где мои French friends ³ уже однажды воспользовались моим отсутствием, чтобы при данных trying circumstances ⁴ делать глупости от имени Интернационала.

Что касается здешних газет, то, по-моему, если это не выгорит в Манчестере, будет лучше всего, если ты пошлешь крепкую military article ⁵ в «Times», которому ты можешь отрекомендоваться английским корреспондентом «Darmstädter Militärzeitung». Политические соображения не играют при этом роли, так как все лондонские газеты одинаково плохи, и речь идет о том, чтобы получить доступ к широкой публике.

Ты должен теперь «критически» держать меня au courant des affaires ⁶ в Италии и Германии.

Вчера в Совете Интернационала происходили дебаты о теперешнем военном положении. Об этом было объявлено заранее, и наша room ⁷ была полна народу. На этот раз господа итальянцы прислали делегатов. Как можно было предвидеть, дискуссия свелась к «question of nationality» ⁸ и о позиции, которую мы должны занять по отношению к ним. Эта тема отложена на ближайший вторник.

Французы, представленные в очень большом числе, *проявили* свое «сердечное» нерасположение к итальянцам.

Вообще представители «Jeune France» (*нерабочие*) настаивали на том, что и национальность, и сами нации — «des préjugés surannée». ⁹ Это — прудонизированное штирнерианство. Разложить все на маленькие «groupes» ¹⁰ или «communes», ¹¹ которые снова образуют «союз», но не государство. И это «индивидуализирование» человечества и соответствующая «mutualisme» ¹² должны происходить таким образом, чтобы во всех остальных странах история приостановилась и чтобы весь мир ждал, пока французы созреют для совершения социальной революции. Тогда они проделают этот эксперимент, и весь мир, побежденный силою их примера, сделает то же. Точь-в-точь, как Фурье со своим phalanstère modèle. ¹³ D'ailleurs ¹⁴ все, кто обременяют «социальный» вопрос «суеверными идеями» старого мира, — реакционеры.

Англичане очень смеялись, когда я начал свою speech ¹⁵ с указания, что наш друг Лафарг и т. д., оправдывавший национальности, обращался к нам на «французском» языке, т. е. на языке, которого девять десятых аудитории не понимали. Далее я указал, что он совершенно бессознательно под отрицанием национальностей понимал, повидимому, их растворение в образцовой французской нации.

Вообще положение очень трудное, так как необходимо одинаково

выступать как против глупого английского итальянофильства, так и против ложной французской полемики с ним и, в частности, избегать всякой демонстрации, которая придавала бы нашему Товариществу одностороннее направление.

Привет.

Твой К. М.

¹ на мое физическое состояние ² теперешнем состоянии. ³ французские друзья. ⁴ обостренных обстоятельствах ⁵ военную статью. ⁶ в курсе текущих событий. ⁷ комната. ⁸ вопросу о национальностях. ⁹ «устаревшие предрассудки» ¹⁰ группы. ¹¹ коммуны. ¹² взаимная поддержка. ¹³ образцовым фаланстером ¹⁴ Вообще же. ¹⁵ речь.

985.

4 июля 1866 г.

Дорогой Мавр!

При сем прилагаю вторую половину банковского билета. К сожалению, твоя телеграмма получилась *после двенадцати часов*, так что я не мог послать с первой почтой.

Что скажешь ты о пруссаках? Они с невероятною энергиею использовали первые успехи, и, не будь этой стремительности, Бенедек, вероятно, спокойно отступил бы к Ольмюцу; но, как известно, он вчера был вынужден принять сражение, и после всего происшедшего в результате нельзя было сомневаться. Еще не случалось, чтобы такое решительное сражение было закончено в восемь часов; при других обстоятельствах оно продолжалось бы два дня. Но-гольчатое ружье — страшное оружие, и к тому же эти молодцы, действительно, дерутся со смелостью, которой я никогда не видел в таком мирном войске. Трудность положения штурмующих уравновешивается превосходством их вооружения, и в этом отношении пруссаки, повидимому, тоже сделали очень много. Бенедек со своим глубоким «планом» оказывается на поверку не только «ослом», но и козлом. Как хорошо мог бы он, при достаточных силах, захватить этих молодцов в горах!

Во всяком случае, Бисмарк попытается теперь осуществить свою германскую империю, а в последнюю войдет и Богемия, которую он собирается отнять у австрийцев; этим он хочет восстановить связь между Силезией и Баварией. В договоре с Италией он выговорил себе «un territoire autrichien équivalent à la Vénétie».¹

Берлин ведет себя опять с обычною подлостью и в конце концов на вчерашних выборах выбрал одних только министров. Что скажут теперь наши прогрессистские верблюды!

Недурна комедия на Северо-Западе, а теперь она скоро будет недурна и на Юге.

Единственная гарантия против предательства, устроенного Бисмарком и Бонапартом, это совершенно неожиданный размер успехов. Теперь ему трудно будет сделать большие уступки, и бельгийцам придется, вероятно, кое-что вытерпеть.

Наилучший привет дамам.

Твой Ф. Э.

¹ австрийскую территорию, равноценную Венеции.

986.

7 июля 1866 г.

Дорогой Фред!

D'abord ¹ сердечнейшая благодарность за калифорнийскую посылку. Однако я все же не мог заплатить домохозяину, которому я должен уже за две четверти года. Я должен был прежде всего уплатить часть долга другим субъектам, которые терзают меня ежедневно и ежечасно.

Что касается состояния моего здоровья, то я за последние две недели опять *здорово подзанялся* и надеюсь к концу августа закончить первый том, который хочу выпустить отдельно, если только состояние здоровья останется таким же. Однако я вынужден по-прежнему принимать ежедневно гумпертовское печеночное лекарство, так как иначе я не мог бы работать. Вопрос: совместим ли с этим *мышьяк* (который я уже много недель *не принимаю*)? Я спрашиваю об этом, так как четыре дня тому назад снова появились признаки карбункулов выше правой грудной кости. Больше чем всем рецептам я обязан бордоскому вину. Вообще же я работаю только днем, так как спорадические попытки (однажды или дважды) работать ночью немедленно вызвали неблагоприятные результаты.

Прежде чем перейти к общим вопросам, переведи мне на немецкий «put stretches upon the mule» и скажи мне, что значит «picks» в ткацком деле и «flyer» в прядильной машине.

Демонстрации лондонских рабочих, — сказочные по своим размерам, если сравнить их с тем, что мы видели после 1849 года, — исключительно дело рук «Интернационала». Например, м-р Люкрафт, сыгравший главную роль на Трафальгарской площади, is one of our Council. ² Здесь обнаруживается разница между теми, кто *действует* за кулисами и публично стушевывается, и демократами с их манерою публично пыжиться и *ничего не делать*.

Дни «Commonwealth» сочтены. На будущей неделе Фокс уходит оттуда. Кстати! Штумпф пишет мне из Майнца, что спрос среди рабочих на твою книгу «Положение рабочего класса в Англии» усиливается с каждым днем и что ты непременно должен выпустить второе издание хотя бы в интересах партии. Вместе с тем он полагает на основании своих личных наблюдений, что в Германии сейчас же после войны «рабочий вопрос» выступит на передний план с необычайной силой.

Фрейлиграт выпустил маленькую лирически-грустную песенку о братской войне; в сегодняшнем номере «Атенеума» его дочь Кэт перевела эту песенку на английский язык.

На-ряду с большим поражением пруссаков, которое, быть может (уж эти берлинцы!), повело бы к революции, ничто не могло быть лучше, чем их безмерная победа. Бонапартовскую политику содействия «созданию» Пруссии Тьер равоблачил с таким успехом (ибо на-ряду с англичанами француз, собственно говоря, ненавидит только пруссаков), что Бустрада вынужден был изменить октроированную французам конституцию и par ordre du «Moniteur»³ «отменить» дебаты по поводу Адреса. (При сем прилагаю речь Ж. Фавра о Мексике и плохие шуточки Глэ-Бизуэна, дабы ты видел, каково было положение Бустраты до начала войны.) Господин Бонапарт рассчитывал, что в борьбе между пруссаками и австрийцами чашка весов будет склоняться то на одну сторону, то на другую, так что в конце концов он сможет выступить между ними, утомленными, в роли Юпитера Скапена. Успех пруссаков подвергнет его режим во Франции смертельной опасности (это его второй крупный просчет со времени американской гражданской войны), если ему не удастся диктовать условия мира. С другой стороны, тот же успех (мы ведь уже не живем в 1815 году) не даст прусской династии возможности поставить другие условия, чем такие, которые Австрия должна будет отвергнуть, не говоря уже о невозможности для красавца-Вильгельма, этого второго Александра Великого, уступить Франции германские области. Решение Пруссии будет зависеть от петербургского «племянника». Трудно сказать, что сделает последний, так как для этого необходимо иметь в своих руках материалы русского министерства иностранных дел. Но что касается меня, то я никак не могу понять, каким образом русские, еще оскорбленные отказом Австрии от их помощи, могут дать Австрии возможность снова получить передышку и упустить благоприятный момент для своих дунайско-турецких маневров. Господин Виктор-Эммануил тоже в затруднительном положении. Венеция принадлежит те-

перь Бонапарту. Если он примет ее от него в виде подарка, его династия погибла. Но, с другой стороны, *что* может он предпринять против Франции и *где ему* теперь нападать на Австрию?

Но что ты скажешь о нашем *Фоксике*, который третьего дня вошел в наш дом, запыхавшись, с восклицанием: «Бонапарт спас Германию!» Таково мнение Бизли, Гаррисона и т. д. и всей клики контистов. Напиши мне поскорее, так как в это eventful period ⁴ личное общение должно быть заменено чернилами и бумагою.

Наилучший привет мистрис Лицци.

Женничка хочет знать, как поживают твои «африканцы».

Привет.

Твой К. М.

Разумеется, Бонапарт не хочет войны, пока он не ввел needle gun ⁶ или другое ружье, равносильное ему. Как уверяет меня один прусский эмигрант-офицер (Вильке), какой-то *американец* предложил здесь военному министерству ружье, которое по абсолютной простоте конструкции, отсутствию нагреваемости, меньшей потребности в чистке и дешевизне настолько же превосходит игольчатое ружье, насколько последнее превосходит «Old Bess». ⁶

Возможно ли лучшее подтверждение нашей теории, что *организация труда* определяется *средствами производства*, чем развитие промышленности, направленной на истребление людей? Поистине, тебе стоило бы написать об этом что-нибудь (мне недостает для этого знаний), и я мог бы включить это в виде приложения под твоим именем в мою книгу. Подумай об этом. Если это будет сделано, то непременно *pour le premier volume*, ⁷ где я разбираю *ex professo* ⁸ эту тему. Ты понимаешь, какую большую радость доставит мне, если и в моем главном сочинении (до сих пор я писал только незначительные вещи) ты будешь фигурировать прямо в качестве соавтора, а не только в цитатах!

Я мимоходом изучаю теперь Конта, так как англичане и французы так много кричат о нем. Что подкупает их в нем, так это его энциклопедичность, его синтез. Но по сравнению с Гегелем это нечто жалкое, хотя Конт превосходит его в качестве специалиста-математика и физика, т. е. превосходит в деталях, в целом же Гегель бесконечно выше даже здесь. И этот ординарный позитивизм появился в 1832 году!

¹ Прежде всего. ² один из членов нашего Совета. ³ по приказу. ⁴ богатое событиями время. ⁵ игольчатое ружье. ⁶ [винтовка старого образца.] ⁷ для первого тома. ⁸ специально.

987.

9 июля 1866 г.

Дорогой Мавр!

История, т. е. мировая история, становится все более иронической. Что может быть лучше, чем это практическое издевательство над Бонапартом его ученика Бисмарка, который, несмотря на то, что он чистой воды юнкер, внезапно перерос своего учителя и ясно показал всему миру, что этот *arbitre de l'Europe*¹ существует только, поскольку его терпят. А затем сам же Бисмарк, чтобы получить возможность управлять внутри страны несколько месяцев феодальным и абсолютистским образом, проводит *with a vengeance*² во-вне политику буржуазии, подготавливает господство буржуазии, избирает пути, по которым можно двигаться только при помощи либеральных, даже революционных средств, и при этом заставляет своих собственных юнкеров фактически идти против своих собственных принципов. Те, которые преподносят почетный щит Францу Бомбе, заключают союз с Гарибальди, а защитники теории монархизма божией милостью поглощают земли против воли Виктора-Эммануила! Не может быть ничего более интересного, чем «*Kreuzzeitung*» в течение последних четырех недель, а исторически-феодальная партия, основание которой стоило таких усилий и трудов блаженному гению Фридриха-Вильгельма IV, давится теперь той грязью, которую она вынуждена пожирать по приказу своего собственного вождя.

Дело очень просто: Пруссия имеет 500 000 игольчатых ружей, а весь остальной мир не имеет и 500. Раньше двух-трех, может быть, пяти лет ни одна армия не может быть вооружена подобными ружьями. А до того времени преимущество на стороне Пруссии. Думаешь ли ты, что Бисмарк не использует этого момента? Конечно, использует. Бонапарт не решится начать ссору, а что касается русских, то, правда, они очень грубо ворчат в «*Journal de S.-Petersbourg*», но в военном отношении они теперь менее страшны, чем раньше. Я не сомневаюсь, что неожиданное, непомерное увеличение могущества Пруссии объединит воедино Бонапарта и русских и что первым их усилием будет воспрепятствовать всякому дальнейшему усилению Пруссии. Но они не решатся довести дело до войны; что касается Франции, то ее активное вмешательство было бы лучшим средством окончательно бросить южных немцев в объятия Пруссии и заставить забыть гражданскую войну. А что касается русских, то мосье Бисмарк не постесняется угрожать им

новым польским восстанием, и они знают, что он достаточно бессовестен, чтобы это сделать. Вообще Бисмарк слишком хорошо знает свою силу и знает также, что она будет стоять на этом уровне лишь несколько лет, и поэтому я думаю, что он использует ее до последней возможности. К тому же Бонапарта можно в конце концов всегда купить Бельгией, и незадолго до войны между Гольцем, Бонапартом и голландским кронпринцем велись «беседы» по поводу плана раздела Бельгии между Францией и Голландией, которая должна в этом случае уступить Франции Люксембург. Я думаю, что война еще далеко не закончена и что еще может случиться многое.

Повидимому, русские, действительно, с некоторого времени повернули в сторону Австрии, и громадные успехи Пруссии делают для них невозможным всякий возврат к старому. Тем более, что Австрия будет теперь достаточно подготовлена для того, чтобы дать навязать себе Боснию или Валахию взамен Венеции, в то время как Россия возьмет себе Молдавию.

Вообще ты видишь, как правильно судил я о прусской армии, утверждая все время, что она заключает в себе нечто большее, чем обыкновенно хотели признавать. После этих успехов и после безусловно блестящих действий армии ее самосознание и одновременно ее боевой опыт настолько выросли, что она сможет завтра же померяться силами и с французами, если бы даже последние также имели ружья прусского образца: французский штык уже сыграл роль, как некогда испанская пика. При всеобщем распространении игольчатых ружей, кавалерия снова займет свое место.

Женни я должен, как уже давно намереваюсь, дать полный отчет об африканцах.

Наилучший привет.

Твой Ф. Э.

¹ третейский судья Европы. ² с яростью.

12 июля 1866 г.

Дорогой Мавр!

Я написал о твоей истории Гумперту, который находится в Уальсе. Так как я не знаю его адреса, то письмо должно сперва пойти на его здешнюю квартиру; отсюда, конечно, некоторая проволочка. Как только получу ответ, напишу тебе, но пока я советовал бы немедленно принимать мышьяк, пренебрегши всем остальным,

дабы приостановить проклятый карбункул. Во что бы то ни стало покончи с *этой* дрянью.

План Бонапарта и его вмешательство являются отчасти результатом его прежнего уговора с Бисмарком, но, наверное, повлиял также и новый Рейнский союз и т. д., т. е. угрозы по адресу последнего. Но как можно быть *настолько* глупым, чтобы оглашать такого рода план — это выше моего разума. Как у Шаппера — до *такой степени* глупым и т. д. Ведь это толкает всю Южную Германию в объятия Пруссии и приводит здесь в бешенство даже старых биржевых филистеров. Один старый франкфуртец сказал мне: «Это значит для Пруссии больше, чем армия в 100 000 человек».

Ты видишь, что глупые южные германцы дают себя разбивать поодиночке, не давая себе даже труда объединиться. Скоро повторится та же история: нас предадут, нас хотят вести на бойню! Как в 1849 году. А жаль этих парней, они хорошие солдаты. Теперь только начинаешь понимать, каким образом французы могли иметь такие успехи против «империи», но нельзя все-таки понять, каким образом империя могла еще так долго держаться против такой централизованной монархии, как Франция.

Об «индустрии убийства» я постараюсь написать тебе.

Наилучший привет.

Твой Ф. Э.

989.

21 июля 1866 г.

Дорогой Фред!

Карбункул, к счастью, прошел сам собою. Но тяжелые страдания приходилось и приходится мне переносить в теперешнюю жару от печени. При всем том работа хорошо подвигается вперед и будет так же подвигаться, если продолжится теперешнее состояние. Мне, разумеется, крайне мучительно, что я вынужден опять стеснять тебя, но, как видишь из прилагаемой записки (которую ты должен отослать мне обратно), *periculum in mora*.¹ Я с трудом достал взаймы до ближайшего вторника. Из твоего последнего письма мне не ясно, находишься ли ты в Манчестере. Я не получал также более ни одного номера «Manchester Guardian». Или там твои статьи больше не появлялись?

От всяких суждений о теперешнем положении дел необходимо воздержаться до тех пор, пока не получатся известия либо о перемирии, либо о решительном сражении под Веною. Во всяком

случае, ход событий показал чрезвычайную гнилость австрийской системы.

Пока же наши англичане, как всегда, прославляют победителя. Великий Арнольд Руге также две недели тому назад совершил свое пронунциаменто в пользу Пруссии, а великий Кинкель сделал это еще раньше. Если пруссаки будут побеждать до конца, какой поток искателей мест и спасителей отечества устремится во Франкфурт!

«Homme-prestige»,² «Юпитер Скапен», «grotesque providence of Europe»³ во всяком случае потрясен и даже обойден Бисмарком. Это утешительно.

Здесь появился несколько дней тому назад пятый «Report of Children Employment Commission»⁴ Он содержит анкету о мануфактурах, и дополнительно появится еще только отчет об «organised gangs»⁵ женщин и детей, которые спорадически применяются в сельском хозяйстве. Со времени 1850 года буржуазный оптимизм не мог получить более жестокого удара, чем от этих пяти Blue books.⁶ Кроме того, несколько дней тому назад издан восьмой отчет «Board of Health»,⁷ который содержит очень подробную анкету о жилищных условиях пролетариата.

Привет.

Твой К. М.

¹ промедление опасно. ² Человек-престиж. ³ «причудливое провидение Европы». ⁴ «Отчет комиссии о детском труде». ⁵ «организованных группах». ⁶ Синих книг. ⁷ «Медицинского департамента».

990.

25 июля 1866 г.

Дорогой Мавр!

Я надеюсь, что ты на сей раз правильно получил банковые билеты; очевидно, я по рассеянности вложил вместо них записку, на которой я отметил себе номера. Самые же билеты я сунул под крышку своего бювара, где и нашел их, после того как пришел в себя от первого изумления, вызванного твоею телеграммою. Надеюсь, что они получились еще во-время.

Положение дел в Германии кажется мне теперь очень простым. С того момента, как Бисмарк провел малогерманский план буржуазии при помощи прусской армии и с таким колоссальным успехом, развитие Германии так решительно пошло вперед в этом направлении, что мы, как и другие, вынуждены признать этот fait accompli,¹ we may like it or not.² Что касается национальной стороны дела, то Бисмарк во всяком случае создаст малогерманскую

империю в размерах, которые буржуазия имела в виду, т. е. включая Южную Германию; ибо фразы о линии Майна и предоставлении Южной Германии права образовать свой собственный союз пишутся только для французов, в то время как пруссаки продвигаются к Штутгарту. Немецкие провинции Австрии в очень недалеком будущем тоже достанутся этой империи, так как Австрия должна сделаться теперь венгерскою, и немцы будут в империи на положении третьей нации — даже ниже славян.

В политическом отношении Бисмарк будет вынужден опереться на буржуазию, которая нужна ему как противовес имперским князьям. Может быть, еще не в данный момент, ибо пока еще достаточно престижа и армии. Но уже для того, чтобы добиться от парламента необходимых условий для центральной власти, он должен дать что-нибудь буржуа, и естественный ход вещей всегда заставит его или его преемников опять апеллировать к буржуа; так что, если даже в настоящий момент Бисмарк, возможно, даст буржуа не больше того, что он *вынужден* дать, то все-таки обстоятельства будут все более и более толкать его в сторону буржуазии.

Эта история имеет ту положительную сторону, что она упрощает положение и тем облегчает революцию, устраняет драку маленьких столиц и, во всяком случае, ускоряет развитие. В конце концов, германский парламент ведь совсем другое дело, чем прусская палата. Все маленькие государства будут вовлечены в движение, прекратятся самые худшие локализирующие влияния, и партии станут, наконец, действительно национальными, а не чисто местными.

Главный отрицательный результат, — а он имеет очень большое значение, — заключается в том, что Германия будет неизбежно затоплена пруссачеством. Затем, — отделение в настоящий момент немецкой Австрии, что будет иметь своим последствием немедленное усиление славян в Богемии, Моравии, Каринтии. Но против обоих этих явлений, к сожалению, ничего не поделаешь.

Итак, по-моему, мы не можем делать ничего другого, как просто принять факт, не одобряя его, и использовать, поскольку возможно, возникшие теперь большие возможности для *национальной* организации и объединения германского пролетариата.

Штумпфу незачем было писать мне, что brother³ Либкнехт ударился в фанатическую приверженность к Австрии, — это и не могло быть иначе. Несомненно, именно он писал в «Новую франкфурцкую газету» яростные корреспонденции из Лейпцига. Эта блиндовская, смерть государям несущая, «Новую франкфурцкую газету» зашла

так далеко, что бросила Пруссии упрек в позорном обращении с «почтенным курфюрстом Гессенским» и увлеклась бедным слепым вельфом.

В «Guardian» я больше не писал.

Наилучший привет дамам.

Твой Ф. Э.

¹ совершившийся факт. ² нравится он нам или нет. ³ брат.

991.

27 июля 1866 г.

Дорогой Фред!

Большое спасибо за 10 фунтов. Они поспели как раз еще во время.

Штумпфу я не писал, так как он требовал правил «поведения», а мое мнение было, что лучше всего, если он вообще не будет «вести» себя, пока не решат события. Это мнение я считал более удобным не давать ему в письменной форме. Теперь Майнц, насколько мне известно, все еще блокирован, и таким образом почтовые сношения тоже, наверное, прерваны. Писал ли ты Штумпфу?

Франкфуртская комедия немного вознаграждает за «аромат победителей». Ай вей! 25 миллионов! И господин бургомистр повесился! А пруссаки, со своей стороны, официально заявляют, что Франкфурт должен раскошелиться, так как его газеты «оскорбили» его величество Вильгельма Завоевателя. В конце концов Штибер, должность которого в Брюнне носит только временный характер, сделается еще чего доброго бургомистром Франкфурта-на-Майне, жителей которого, к слову сказать, я всегда считал отчаянными канальями. И Эдгар Бауэр будет им октроирован в качестве верховного цензора. А что касается Эшенгеймской улицы, то тайный советник Дункер..., но он ведь правит в Касселе.

Я вполне согласен с тобою, что необходимо принять эту дрянь в том виде, как она есть. Но все-таки приятно оставаться в отдалении в это время первой любви. Наглость пруссаков, глупость «красавца Вильгельма», который думает, что со времени его мечтаний о победах ничто не изменилось, кроме того, что он стал великодержавным государем и т. д., — все это уже окажет свое действие. Австрийцы находятся теперь в таком положении, какого хотели славянские фанатики Праги в 1848 году. Однако потеря ими Венеции и вынужденная концентрация их сил пока совсем не благоприятны для русских. Как панславистская империя, Австрия становится теперь еще более враждебной москвитам. Правда, при

чрезвычайном упадке Габсбургов можно опасаться, что они снова и снова дадут русским увлечь себя для общего нападения на Турцию.

Разумеется, для рабочих благоприятно все, что централизует буржуазию. Во всяком случае мир, если даже он будет заключен завтра, будет иметь еще более временный характер, чем заключенный в Виллафранке и Цюрихе. Как только с различных сторон будут предприняты «реформы вооружения», дело опять дойдет до «драки», как выражался Шаппер. Во всяком случае, Бонапарт тоже получил удар, хотя образование справа и слева милитаристских королевств соответствует плон-плонистскому плану «*de la démocratie générale*». ¹

Здесь правительство чуть не довело дело до мятежа. Конечно, англичанин нуждается в революционном воспитании, но для этого было бы достаточно двух недель, если бы сэру Ричарду Майну было дано право абсолютно всем распоряжаться. Действительно, дело висело на волоске. Если бы для нападения на полицию и для защиты против нее были пущены в ход railings, ² — а до этого уже доходило, — и были убиты человек 20 полицейских, то войска должны были бы «вмешаться», а не только парадировать. И тогда дело началось бы всерьез. Но несомненно, что эти упрямоголовые Джоны Булли, черепа которых как будто нарочно сфабрикованы для bludgeons ³ полицейских, ничего не добьются без действительно кровавых столкновений с властью имущими.

Трогательные сцены между старым ослом Бильсом и таким же старым ослом Вальполем, и затем этот тонкоголосый, назойливый, пыжающийся Холиок, который в своем стремлении «к истине» всегда как-то попадает в «Times», — все сплошь только мир и распущенность. Но в то время как эта компания угощает друг друга комплиментами и плевками, собака Нокс, полицейский магистрат Мэрилебона, огрызается так решительно, что совершенно ясно, как было бы, если бы Лондон был Ямайкою.

Дизраэли поставил себя в очень смешное положение, во-первых, своим элегическим заявлением в Нижней палате, что он не знает, «принадлежит ли еще ему его дом», во-вторых, тем, что посадил в том же доме сильный воинский отряд, хотя, в-третьих, толпа (заранее наученная членами «Лиги реформ») нарочно не тронула дома господина «Вивьена Грея». Ни один волос не упал с головы этого дома. Но зато тем больше пострадали оконные стекла Эльхо. Я намекнул Кремеру и другим вожакам, не следует ли нанести визит газете «Times»? Так как мой намек не был «понят» или они не хотели понять его, то я к этому больше не возвращался.

Холера очень серьезно засвидетельствовала нам (я подразумеваю: лондонцам) свое почтение; отчет д-ра Хентера о «Housing of Poor»⁴ в VIII докладе «Board of Health»,⁵ появившемся на прошлой неделе, может послужить мадам Холере путеводителем, который укажет ей, куда ей являться со своими визитами.

My best compliments to Mrs Lizzy.⁶

Твой К. М.

¹ всеобщей демократии. ² прутья от решетки. ³ дубин. ⁴ «жилищах бедняков». ⁵ Медицинского департамента. ⁶ Наилучший привет мистрис Лицци.

992.

6 августа 1866 г.

Дорогой Мавр!

Юмор твоего последнего письма позволяет мне заключить, что твоя печень очень поправилась, хотя ты об этом не пишешь. Что касается франкфуртцев, то ты должен был бы послушать «воплъ», поднятый здешними господами, которых здесь легион и которые получили от своих братьев и т. д. ужасающие письма. Конечно, прусский лейтенант вел себя в этом случае с присущей ему грацией, но заранее можно было ожидать, что эти господа будут *more frightened than hurt*.¹ В остальной Южной Германии, где франкфуртцев тоже не особенно любят и упрекают в том, что они сидели меж двух стульев, тоже радовались тому, что им влетело. Я сам видел подобные письма.

Итак, Бисмарк победил, и Вильгельмчик обратился с примирительным словом к своим сиятельствам, дворянам и верноподданным, но одновременно с этим он уверял, что если ему будет опять отказано в деньгах, то «неизбежно» придется, к сожалению, расходовать деньги и без согласия. Как можно разрешить конфликт даже и при этой палате, это для меня еще не ясно. К тому же германский или, вернее, северо-германский парламент, о возможном положении которого или хотя бы полномочиях, по крайней мере, господин Эйленбург категорически отказался дать какие-либо сведения, — все это уже заранее рисует, какая кутерьма подыметса в ближайшем будущем. Сам Бисмарк постарается, наверное, избежать борьбы, он не так глуп, но старая гогенцоллерновская скотина, наверное, заупрямится, и тогда он получит не мало сюрпризов от своих интеллигентных штыков.

Что скоро дело опять дойдет до драки, достаточно ясно. Я думаю, что дело начнется с французов. Бонапарт достаточно умен, чтобы стараться избегать этого, пока возможно, но масса французов, в частности буржуа, со своим недоброжелательством ко всякому

усилению Германии, слишком ограничена и фанатично настроена из-за того, что для нее закрыта теперь возможность *expansion de la France qui ne peut avoir lieu que du côté de l'Allemagne*,² и война против Пруссии популярна также среди крестьян и наиболее глупых рабочих; поэтому нельзя сказать, как скоро дойдет дело до потасовки.

Венер, только-что возвратившийся из Ганновера, рассказал мне, что прусские офицеры уже успели возбудить там сильную ненависть к себе; также бюрократы и полицейские.

В этом году я, наверное, недолго пробуду в Германии. На севере «аромат победителей», на юге — рев республиканцев, вдохновляющихся курфюрстом гессенским, куда тут деваться? Я попытаюсь добраться обходным путем в Гарц, так как там, к счастью, нет никаких гарнизонов.

«Кельнская газета» с пеной у рта распинается теперь за исключение Южной Германии. Это пароль, данный Бисмарком, чтобы облегчить Бонапарту его отступление, и «Кельнская газета» «старается» и в этом направлении с таким бешеным рвением, что сейчас же видно, в чем дело. Не было еще газеты подлее этой. Будучи сначала ярой поборницей мира, она затем, увидав, что Бисмарк не дает себя поколебать, сразу повернула, выкинув пароль: «Австрия хочет войны! Так бей ее!», и с тех пор она сделалась лучшей подругой Бисмарка — правда, не по своему умению, но зато по усердию. Сволочная газета!

Если новое ружье, предложенное здешнему правительству американцем, есть система Снайдер-Энфильд, то оно не многого стоит. Но, вероятно, то, о котором ты писал, другое. Вообще большая быстрота сравнительно с игольчатым ружьем не имеет особого значения, так как на практике эта разница почти сводится к нулю; напротив, теперь становится все важнее точность и меткость стрельбы. Я опять перечитываю тактику Гризгейма — как устарело в ней теперь почти все!

Наилучший привет дамам.

Твой Ф. Э.

¹ более напуганы, чем поражены. ² расширения Франции, которое возможно только в сторону Германии.

Дорогой Фред!

Из моего последнего письма ты правильно заключил, что состояние моего здоровья улучшилось, хотя оно и колеблется со дня на день. Но чувство, что ты опять работоспособен, *does much for*

а мап.¹ К сожалению, меня постоянно отрывают social troubles,² и я теряю много времени. Сегодня, например, мясник перестал отпускать мясо, и даже запас моей бумаги иссякнет к субботе.

Со вчерашнего дня Лаура наполовину помолвлена с господином Лафаргом, моим медицинским креолом. Она относилась к нему, как к остальным, но свойственная креолам несдержанность чувств, некоторая боязнь, что молодой человек (ему 25 лет) наложит на себя руки и т. д., некоторая склонность к нему, холодная, как все у Лауры (он красивый, интеллигентный, энергичный парень, отличный гимнаст), повели более или менее к компромиссу. Первоначально этот юноша привязался ко мне, но скоро перенес свою привязанность со старика на дочь. Его материальное положение средней руки, так как он — единственный сын бывшего плантатора. Он *gagé de l'université de Paris pour deux ans*³ за Congrès à Liège,⁴ но хочет сдать экзамен в Страсбурге. Как мне кажется, он имеет исключительный талант к медицине, к которой он, однако, относится гораздо более скептически, чем наш друг Гумперт. Повидимому, медицинский скептицизм в Париже в моде среди профессоров и студентов. Пример тому Мажанди, который заявляет, что при теперешнем состоянии науки всякая терапия есть шарлатанство. Но, как всегда, этот скептицизм не только не исключает суеверий, но предполагает их. Лафарг, например, верит в громадную лечебную силу алкоголя и электричества. К счастью, он имеет хорошего руководителя в лице профессора Каррера, эмигранта (высшая математика, физика и химия), и практически сможет многому научиться в лондонских госпиталях. Я доставил ему возможность доступа туда через посредство третьего лица.

Очень хорошая книга, которую я пошлю тебе (но под условием возврата, так как она не моя), как только сделаю себе необходимые заметки, это Р. Trémaux, «*Origine et transformations de l'Homme et des autres Êtres*; Paris 1865». *

При всех замеченных мною недостатках, это очень *значительный прогресс* по сравнению с Дарвином. Его два главных положения: *croisements*⁵ порождают не различия, как обыкновенно полагают, но, наоборот, — типическое единство вида. Напротив, геологические наслоения *создают различия* (не сами по себе, но в качестве главной основы). Прогресс, — у Дарвина чисто случайный, — здесь вытекает с необходимостью, на основе периодов развития земного шара; *dégénérescence*,⁶ которого Дарвин не может объяснить, здесь

* [И. Тремо, Происхождение и развитие человека и других существ, Париж 1865 г.]

объясняется просто; так же просто объясняется быстрое исчезновение чисто переходных форм сравнительно с медленным развитием типа есрёсе,⁷ так что пробелы палеонтологии, которые Дарвину мешают, здесь необходимы. Такою же необходимостью является постоянство (не говоря об индивидуальных и т. п. отклонениях) однажды сложившегося есрёсе.⁷ Создание смешанных форм, столь затрудняющее Дарвина, здесь, напротив, является опорой системы, так как указано, что на самом деле есрёсе⁷ конституируется только после того, как croisement⁵ с другими перестает давать потомство или делается невозможным и т. д.

Применение к истории и политике лучше и содержательнее, чем у Дарвина. Для некоторых вопросов, как, напр., национальность и т. п., здесь впервые дана естественная основа. Например, он исправляет поляка Духинского, — теорию которого о геологических различиях между Россией и западно-славянскими землями он в общем подтверждает, — доказывая ошибочность его мнения, будто русские не славяне, а скорее татары и т. д.; по его словам, преобладающая в России формация славян татаризировалась и монголизировалась; он же доказывает (он долго жил в Африке), что общий тип негра есть лишь результат дегенерации более высокого типа. «Человеческие проекты, не считающиеся с великими законами природы, приносят только несчастье; доказательством являются усилия царей превратить польский народ в московитов. На основе одной и той же формации всегда возникнут одни и те же характеры, одни и те же особенности. Дело разрушения не может продолжаться вечно, восстановление же вечно... Истинною границею между славянскими и литовскими расами, с одной стороны, и московитами — с другой, служит великая геологическая линия, проходящая через северную часть бассейнов Немана и Днепра... К югу от этой великой линии задатки и типы, свойственные этой области, отличаются и всегда будут отличаться от задатков и типов, свойственных России».

Привет.

Твой К. М.

¹ очень много значит для человека. ² общественные неприятности. ³ исключен на два года из Парижского университета. ⁴ Конгресс в Льеже ⁵ скрещивания. ⁶ вырождение. ⁷ вид.

10 августа 1866 г.

Дорогой Мавр!

Я не знаю, должен ли я полностью, наполовину или совсем не поздравлять по случаю «полупомолвки» Лауры. Но, в каком бы

количестве ни разрешалось поздравление, это ведь не касается его качества, а потому поздравляю от всей души.

Сколько приблизительно стоит книга Тремо? Если она не очень дорога из-за иллюстраций или по другой причине, то я ее приобрету, и тогда тебе не надо будет присылать.

Чтобы смягчить гнев свирепого мясника и обновить запас бумаги, посылаю тебе два билета по 5 фунтов, итого 10 фунтов. Я рад был бы гарантировать тебе больше 200 фунтов в год, но, к сожалению, не могу этого сделать. Если бы дела шли хорошо, я мог бы, конечно, достать на 50 фунтов больше, но хлопок падает теперь в цене, а бонапартовская нота относительно границ 1814 года приводит филистера в ужас, что отражается на балансах.

Повидимому, эта нота Бонапарта показывает, что между ним и Бисмарком произошла hitch.¹ В противном случае это требование не было бы, конечно, предъявлено так грубо и внезапно и как раз в наиболее неудобное для Бисмарка время. Несомненно, что Бисмарку ничего не стоило бы выполнить его, но как может он сделать это теперь? Что скажет победоносное воинство? А германский парламент, а палаты, а южные немцы? А старый осел, который теперь, конечно, имеет точно такой же глупо-счастливым вид, как моя черно-белая собака Дидо, когда она наестся до отвалу; что он скажет после того, как он заявил, что не уступит ни одной пяди немецкой земли и т. д.?

Депеша Бонапарта — большая глупость с его стороны, но крики оппозиции и, вероятно, также армии, наверно, заставят его форсировать дело. Это может иметь очень опасный для него исход.

Либо Бисмарк постарается устроить так, чтобы ему уступили, и тогда он будет вынужден при первой возможности начать с Бонапартом войну, чтобы получить реванш; либо же он не сможет уступить, и тогда война произойдет еще раньше. В обоих случаях Бонапарт рискует быть вынужденным вести войну против своей воли и без надлежащей дипломатической подготовки, без обеспеченных союзников, войну ради явно завоевательных целей. Впрочем, Бисмарк уже много лет тому назад сказал ганноверскому министру Платену, что он подчинит Германию прусской каске, а потом, что, «сковав ее воедино», поведет против Франции.

Здесь циркулируют циркуляры с приглашением принять участие в празднике, подготовленном Лешпоком, в «честь Кинкеля», «великого поэта и великого человека», по поводу отъезда благочестивого

Готфрида в Цюрих. Я заявил о своей готовности участвовать в сумме до одного фартинга.

Наилучший привет твоей жене и девицам.

Твой Ф. Э.

¹ замянка.

995.

13 августа 1866 г.

Дорогой Фред!

В субботу Ленхен, опоздав на почту, не успела отослать тебе мою записку, в которой я благодарил за 10 фунтов стерлингов.

Ты должен извинить, что я *совсем* не пишу тебе сегодня. У меня полон рот неотложных хлопот. Сегодня я написал Лафаргу длинное французское письмо и сообщил ему, что, раньше чем продолжать это дело или закончить, я должен получить от его семьи des renseignements positifs¹ относительно его материального положения. Письмо одного знаменитого парижского врача, которое он сообщил мне вчера, говорит в его пользу.

Заглавие книги: «P. Trémaux. Origine et transformations de l'Homme et des autres Êtres, première partie, Paris, Librairie de L. Nachelette 1865». Вторая часть еще не вышла. В книге нет никаких planches.² Геологические maps³ имеются в других сочинениях того же автора.

При сем письмо от Либкнехта. Посылаю тебе также его газеты, которые не стоят ломаного гроша. Я получу также основную работу упомянутого выше парижского врача и по прочтении пришлю тебе ее.

Привет.

Твой К. М.

¹ положительные указания. ² таблиц. ³ карты.

996.

23 августа 1866 г.

Дорогой Фред!

Сегодня лишь несколько строк. Дело с Лафаргом зашло так далеко, что его старик написал мне из Бордо, прося для своего сына титул promesso sposo¹ и поставив очень благоприятные экономические условия. Кроме того, само собою разумеется, что Лафарг jeune,² раньше, чем думать о свадьбе, должен сдать свой докторский экзамен в Лондоне, а потом в Париже. So far the thing is settled.³ Но я еще вчера сообщил нашему креолу, что если он не умерит своих манер до уровня английских, Лаура без всякого

стеснения выставит его на улицу. Он должен вполне уяснить себе это, иначе из этого дела ничего не выйдет.

Он — отличный парень, но *enfant gâté*⁴ и слишком «дитя природы».

Лаура заявляет, что до формального обручения должно быть получено твое согласие.

Там и сям у меня появляются новые признаки карбункулов; они каждый раз исчезают, но заставляют меня строго ограничивать свои рабочие часы.

Наилучший привет Лицци.

Salut.

Твой К. М.

¹ обрученного. ² молодой. ³ в известной мере это дело уже слажено. ⁴ избалован.

997.

26 сентября 1866 г.

Дорогой Фред!

При сем квитанция для Мура (вчера только получил квитанцию от Дулля).

Господин Лойер, владелец дома, написал мне письмо, что 2 октября истекает срок платежа за три четверти года (46 фунтов). Из Голландии я не получил еще ни одного фартинга и потому не могу рассчитывать на эти деньги.

В виде демонстрации против господ французов, — которые намеревались исключить всех, кроме «*travailleurs manuels*»,¹ сперва из числа членов Международного товарищества, а затем, по меньшей мере, из числа лиц, имеющих право быть избираемыми в качестве делегатов на конгресс, — все англичане предложили *меня в председатели Генерального совета*. Я заявил, что *ни при каких* обстоятельствах не могу принять это предложение, и, с своей стороны, предложил *Оджера*, который и был после этого дважды избран, — хотя некоторые, несмотря на мое заявление, все-таки голосовали за меня. Дюпон вообще дал мне разгадку к поведению Толена и Фрибура. Они намерены выступить в 1869 году в качестве *рабочих* кандидатов в *Corps législatif*,² исходя из того «принципа», что только *рабочие* могут представлять рабочих. Поэтому им крайне важно, чтобы этот принцип был провозглашен конгрессом.

Во вчерашнем заседании Генерального совета были равного рода драматические сцены. Кремер, напр., точно с неба упал, когда генеральным секретарем был назначен вместо него Фокс. Лишь с очень большим трудом сдержал он свою ярость. Другая сцена была, когда

надо было официально объявить господину Ле-Любе об его исключении из Центрального совета *par décret* ³ конгресса. Свою потрясенную душу он излил в часовой речи, в которой ядовитую слюною оплевал парижан, говорил о себе самом с удивительно глубоким уважением и бормотал что-то об интригах, при помощи которых исключаются из конгресса дружественные ему национальности (бельгийцы и итальянцы). В заключение он потребовал вотума доверия от Центрального совета — это будет обсуждаться в ближайший вторник.

Привет.

Твой К. М.

¹ «работников физического труда». ² Законодательный корпус. ³ по постановлению

998.

1 октября 1866 г.

Дорогой Энгельс!

Не знаю, писал ли я тебе в последний раз, что я должен уплатить *по векселю* (он уже не находится в руках владельца дома) арендную плату. Лойер сообщил мне, что срок векселя истекает 2-го сего месяца, т. е. завтра. Вчера я зашел к нему, так как по моему расчету срок может быть только 3 октября, ибо я выписал вексель 1 июля сроком на три месяца, и сюда прибавляются три льготных дня. Оказалось, что я прав. Сумма составляет 46 фунтов (за *three quarters*), ¹ а я вот уже много недель сижу *sans sous*, ² так как прекратился приток *small sums*, ³ которые еще можно было получать из ломбарда.

Так как, кроме того, я теперь *hard pressed* ⁴ опять накопившимся за последние месяцы ежедневным «подвозом» и так как при теперешних обстоятельствах (Лафарг) я должен больше, чем когда бы то ни было, избегать всякой огласки, то я немедленно поехал бы на континент посмотреть, не смогу ли я там «лично» чего-нибудь добиться. Однако я должен отложить это до окончания своей рукописи, дабы захватить ее с собою и вторично не прерывать работы.

Прости, что я постоянно надоедаю тебе и терзаю своими личными делишками. Я слишком понадеялся на получение денег из Голландии.

Какого ты мнения о Муалене?

Твой К. М.

¹ три четверти. ² без гроша. ³ маленьких сумм. ⁴ очень угнетен.

999.

2 октября 1866 г.

Дорогой Мавр!

Ты не говорил мне, что подписал вексель на 46 фунтов; благодаря этому получилось, что вчера я послал тебе только половину билета на 40 фунтов, сегодня последует вторая половина и еще один пятифунтовый билет — I/F 98 815 Manchester, 30 Jan. 1865. Другого пятифунтового билета у нашего кассира нет, итти на почту слишком поздно, так что я не могу приложить недостающего соверена; однако *это* препятствие ты, вероятно, сможешь преодолеть.

О Муалене и Тремо я на этих днях напишу более подробно; книгу последнего я прочел еще не всю, но пришел к убеждению, что вся его теория никуда не годится уже потому, что он не знает геологии и неспособен к самой простой литературно-исторической критике. Истории же о негритянской богоматери и о превращении белых в негров могут вызвать лишь гомерический хохот. Предания сенегальских негров заслуживают — по его словам — безусловного доверия *именно потому, что они не умеют писать!* Кроме того, как умно сводить различия между басками, французами, бретонцами и эльзасцами к наслоениям почвы, которые, разумеется, виноваты также в том, что люди говорят на четырех различных языках.

Как объяснит себе автор, что мы, жители рейнских провинций, с нашими промежуточными породами девонской эпохи (которые еще вадолго до образования угля уже не были под морем) уже давно не сделались идиотами или неграми; может быть, он объяснит это во втором томе или объявит, что мы действительно негры.

Книга ничего не стоит, это — чистая конструкция, которая вопиюще противоречит всем фактам; каждое доказательство, которое автор приводит, ему следовало бы еще скрепить новым доказательством.

Наилучший привет дамам.

Твой Ф. Э.

1000.

3 октября 1866 г.

Дорогой Энгельс!

Из прилагаемого векселя ты можешь увидеть, какие похождения пережил я вчера и сегодня. Срок еще не наступил вчера, как говорил Лойер. При других обстоятельствах отсрочка на один день была бы приятна, но при данных обстоятельствах — опасна.

Получив вчера твое письмо и не имея что заложить, я немедленно отправился к нашему булочнику Уиверсу и занял у него 1 фунт. Но вот сегодня утром получается вексель, и оказывается, что он на 48 фунтов стерлингов 11 пенсов вместо 46 фунтов, как я думал раньше. Разумеется, то была моя ошибка, что я не отметил себе сумму. Я полагал, что Лойер отсчитал подомовый налог (по закону падающий на него), уплаченный мною и не отсчитанный также при уплате прошлого векселя. Но дело оказалось не так (это будет отсчитано с него при платеже за ближайшую четверть года). Отсюда моя ошибка с 46 фунтами. Сегодня в 9 часов утра вексель был уже предъявлен, и я с ужасом открыл, что мне нехватает 2 фунтов 15 пенсов. *Que faire?*¹ Предъявителю векселя я сказал, что он должен обождать немного, пока я пойду разменять деньги. Ничего не оставалось делать, как пойти опять к нашему честному булочнику; он соорил очень кислую мину, так как я не мало задолжал ему за его поставки натурою. Однако он принял все же во внимание обстоятельства.

Теперь о Тремо. Твой отзыв о том, что «вся его теория никуда не годится уже потому, что он не знает геологии и неспособен к самой простой литературно-исторической критике», ты можешь найти почти буквально у Кювье в его «Discours sur les Révolutions du globe», направленном против учения о *variabilité des espèces*.² Там он, между прочим, высмеивает немецких естественников-фантазеров, которые вполне ясно *высказали* основную идею Дарвина, хотя и не смогли *доказать* ее. Однако это не помешало тому, что Кювье, который был великим геологом и редким среди натуралистов литературно-историческим критиком, оказался неправ, а правыми оказались люди, высказавшие новую идею. Основная идея Тремо о *влиянии почвы* (хотя он, разумеется, не принимает во внимание исторические видоизменения этого влияния; к этим историческим видоизменениям я причисляю также химическое изменение верхнего слоя почвы вследствие агрикультуры и т. п., далее различное влияние, которое при различных способах производства оказывают такие вещи, как залежи каменного угля и т. п.), является, по-моему, такой идеей, которую нужно только *высказать*, чтобы она навсегда завоевала себе право гражданства в науке, и это совершенно независимо от изложения Тремо.

Привет.

Твой К. М.

¹ Что делать? ² изменчивости видов.

1001.

5 октября 1866 г.

Дорогой Мавр!

Меня очень развеселила та наивность, с которой ты выдаешь вексель, не зная даже его суммы; хорошо, однако, что разница не оказалась большей и что под рукою был добрый булочник. Для того, чтобы ты мог немедленно вернуть ему соответствующую сумму и тем сохранить кредит, прилагаю тебе при сем 5 фунтов, J/F 59 667, Manchester, 30 Jan. 1865, вместе с возвращаемым оплаченным векселем.

Теперь о Тремо. Когда я писал тебе о нем, я прочитал только одну третью часть книги, и притом самую плохую (начало), вторая часть, критика школ, значительно лучше; третья же, выводы, опять очень плоха. Автор имеет ту заслугу, что умно, т. е. умнее, чем это делали раньше, подчеркнул влияние «почвы» на образование рас и, следовательно, видов, и, во-вторых, что он развил более правильные взгляды на влияние скрещивания, чем его предшественники (хотя, по-моему, тоже очень односторонне). В *одном* отношении Дарвин тоже прав в своих взглядах на *изменяющее* влияние скрещивания, как это молча признает и Тремо, когда он, там, где ему удобно, также рассматривает скрещивание как средство для изменений, хотя в конце концов и выравнивающее. Дарвин и другие тоже не отрицали влияния почвы, и если они специально не подчеркивали его, то только потому, что они ничего не знали о том, *как именно* эта почва влияет — за исключением того, что плодородная почва действует благоприятным образом, неплодородная — неблагоприятным. Но не на много больше этого знает и Тремо. Гипотеза, что почва новейшего происхождения вообще более благоприятна для развития высших видов, имеет в себе нечто очень правдоподобное и может быть верною или неверною; но когда я вижу, какими смехотворными доказательствами Тремо пытается обосновать ее — доказательствами, из которых девять десятых покоятся на неверных или извращенных фактах, а последняя десятая часть вообще ничего не доказывает, то я поневоле переношу свою большую подозрительность по отношению к автору гипотезы на самую гипотезу. Когда же он далее объявляет влияние более новой или старой почвы, корректируемое скрещиванием, *единственною* причиною изменения органических видов, а стало быть и рас, то я, во всяком случае, не вижу никаких оснований следовать так далеко за автором, а, напротив, — имею много возражений против этого.

Ты говоришь, что Кьюе тоже бросал немецким натурфилософам, утверждавшим изменчивость видов, упрек в незнании геологии,

и, тем не менее, они оказались правы. Но тогда этот вопрос не имел никакого отношения к геологии; но совсем другое дело, когда кто-нибудь строит теорию изменчивости видов *исключительно на геологии* и при этом делает подобные геологические промахи, *извращает* геологию целых стран (напр., Италии и даже Франции), а остальные свои доказательства берет из таких стран, о геологии которых мы почти ничего не знаем (Африка, центральная Азия и т. п.). Что касается специально этнологических примеров, то те из них, которые относятся к известным нам странам и народам, почти все без исключения ложны либо по своим геологическим предпосылкам, либо по выводам из них; многочисленные же противоречащие его теории примеры автор совершенно упускает из виду, напр. аллювиальные местности внутренней Сибири, громадный аллювиальный бассейн реки Амазонки, аллювиальную область к югу от Ла-Платы почти до самой южной оконечности Америки (к востоку от Корлильер).

Что геологическая структура почвы тесно связана с тою «почвою», на которой вообще что-либо произрастает, это старая история, как и то, что эта почва, способная производить растительность, оказывает влияние на растительные и животные виды, находящиеся на ней. Верно также и то, что до сих пор это влияние почти не было исследовано. Но отсюда до теории Тремо — дистанция огромного размера. Во всяком случае, его заслуга в том, что он подчеркнул сторону, которая до сих пор оставлялась без внимания; и, как я уже сказал, гипотеза о том, что почва, в зависимости от степени древности своего геологического происхождения, влияет на *ускорение* развития, — *в известных пределах*, может быть, и верна (а может быть, и нет); но все дальнейшие выводы, делаемые им, я считаю либо совершенно неправильными, либо безнадежно-односторонне преувеличенными.

Книга Муалена очень заинтересовала меня именно в вопросе о результатах, достигнутых французами при помощи вивисекции; это единственный путь для установления функций определенных нервов и результатов их расстройства; эти молодцы довели свое мучительство животных, повидимому, до высокой степени совершенства, и я отлично могу объяснить себе лицемерную ярость англичан против вивисекции: здешним ночным колпакам эти эксперименты часто очень неприятны, они опрокидывают их спекулятивные построения. Что же касается нового в теории воспаления, то я не могу судить об этом (я хочу дать книгу Гумперту), но, как мне кажется, вся эта новая французская школа носит несколько залихватский.

характер, она очень многое утверждает и менее серьезно относится к доказательствам. Что касается лекарства, то в этой теории нет ничего такого, чего не знал бы и с чем не соглашался бы любой разумный немецкий врач; Муален забывает только, что часто необходимо избрать меньшее зло, лекарство, чтобы устранить большее, а именно симптом, который сам по себе создает прямую опасность, подобно тому как хирургическим путем разрушают ткани, если нет другого средства; и что, во-вторых, приходится прибегать к лекарствам, пока нет ничего лучшего. Как только Муален будет в состоянии лечить сифилис при помощи своего электричества, ртуть исчезнет, но вряд ли раньше. Вообще пусть теперь никто не говорит мне, что одни только немцы умеют «конструировать» системы: the French beat them hollow at that.¹

Наилучший привет.

Твой Ф. Э.

¹ французы основательно побили их в этом.

1002.

8 ноября 1866 г.

Дорогой Энгельс!

Мое молчание, наверное, удивило тебя. Мне казалось, что тебя уведомили о получении 5 фунтов, так как Лаура взяла на себя это, но, как потом оказалось, забыла. Вообще же писать мешало мне отчаянное положение дел. Как тебе известно, 10 фунтов, посланных тобою до твоего отъезда, предназначались только для уплаты налогов, а следующие 50 фунтов для квартирной платы. Таким образом, вот уже несколько месяцев как я сижу без гроша. Так называемое наследство было разделено, по меньшей мере, между двадцатью лицами, и на мою долю в начале лета пришлось — 80 талеров! Все мои попытки достать деньги в Германии или Голландии потерпели крах. Ломбард (моя жена до такой степени заложила все, что ей, пожалуй, уже не в чем будет даже выйти на улицу) напоминает о себе только тем, что надо вносить проценты. Поэтому мне приходилось, как в худшие времена эмиграции, занимать небольшие суммы направо и налево в Лондоне, — и это в ограниченном кругу людей, которые сами без средств, — дабы оплатить хотя бы необходимейшие наличные расходы. С другой стороны, домашние поставщики заняли угрожающую позицию, и некоторые из них объявили о прекращении кредита и угрожали судом. Это положение тем более убийственно, что Лафарг (до своего отъезда в Бордо несколько дней

назад) все время был в доме и real state of things ¹ необходимо было самым тщательным образом скрывать от него. Благодаря всему этому я не только очень часто прерывал свою работу, но, стараясь наверстать по ночам потерянное днем время, опять нажил себе чудный карбункул недалеко от репиз'а. Я отлично знаю, что ты делал все в пределах своих сил, и больше того. Но необходимо что-нибудь придумать. Нельзя ли устроить loan ² или что-нибудь подобное?

Привет.

Твой К. М.

¹ настоящее положение вещей. ² заем.

1003.

10 ноября 1866 г.

Дорогой Энгельс!

Сердечная благодарность за скорую помощь и также за портвейн. Я отлично знаю положение твоих дел, и потому для меня вдвойне мучительно — производить на тебя pressure.¹ Разумеется, эта история должна, наконец, когда-нибудь прекратиться, но это станет возможным только после того, как я поеду на континент и смогу лично действовать.

На будущей неделе, наконец, Мейснеру отправляется первая часть манускрипта. Поистине, проволочка этим летом и осенью была вызвана не теорией, а физическим и экономическим состоянием. Теперь как раз три года, как был оперирован первый карбункул. С тех пор эта история прекращалась только на короткие промежутки, и, как подтвердит тебе и Гумперт, из *всех* работ чисто-теоретические являются наименее подходящими, когда имеешь в организме эту дрянь.

Что касается теперешнего карбункула, то он будет залечен приблизительно в двухнедельный срок. Я теперь отлично знаю, как с ним обращаться, и уже опять начал принимать мышьяк.

Очень тороплюсь.

Твой К. М.

¹ давление.

1004.

86, Mornington Street, 11 ноября 1866 г.

Дорогой Мавр!

Сердечнейшая благодарность за «Free Press». Не можешь ли прислать мне номера за август и сентябрь? Я их не получил.

При сем вторая половина билета на 30 фунтов. Я хотел бы послать тебе больше, но, право, не могу. Посмотрю, смогу ли по-

слать что-нибудь в течение ближайшего месяца, а 31 декабря мы опять подведем баланс. Если он окажется благоприятным, можно будет, конечно, еще кой-что сделать.

При известии, что рукопись отослана, у меня точно гора с плеч свалилась. Вот, наконец, commencement d'exécution,¹ как говорит Code pénal.² По этому поводу я подымаю особый бокал специально за твое здоровье. Книга в большой степени послужила причиной твоих бедствий; как только ты ее стряхнешь с себя, ты опять станешь другим человеком.

Надеюсь, что Бирх еще вечером отослал портвейн, но я не совсем уверен в этом, во всяком случае он, наверное, получится в понедельник вечером или во вторник утром.

Пруссаки остаются пруссаками. За то, что Твестен и Френцель голосовали в пользу неприкосновенности, они преданы суду за свои речи в палате. Такую глупость нельзя понять, но она превращается в принцип. Ярость франкфуртских «граждан» еще продолжается, они подражают теперь полякам. Носят траур и галстуки цвета франкфуртской области. В Саксенгаузене один прусский лейтенант вошел в ресторан, где все места были заняты. В одном углу кто-то поднялся и ушел; его сосед указывает лейтенанту на освободившееся место, но тот отказался сесть: он-де не любит садиться на теплый стул. «О, сказал тот, этого вы можете не опасаться, с тех пор как пруссаки находятся здесь, у всех нас под задом точно льдины плавают».

О том, как империя вела войну, я слышал здесь от очевидцев удивительнейшие истории. Ничего подобного еще никогда не бывало. Напр., под Гехстом наассауцы получили приказ навести мост через Майн. После того как в первый раз они не сделали этого из-за *бури* (буря на Майне!), они при вторичной попытке открыли вдруг, что у них *слишком мало понтонов* и что они поэтому могут навести мост лишь до *середины* Майна. Поэтому они написали в Дармштадт, прося дать им на время понтоны; в конце концов последние прибыли, и тогда мост через этот «страшный» поток был наведен. Немедленно после этого наассауцы получают приказ отступить к югу. Они оставляют мост без всякой охраны и поручают его лишь попечению старого рыбака, который должен следить за тем, чтобы он не был унесен вниз течением. Через несколько дней пришли пруссаки, овладели готовым мостом, укрепили его и переправили через него войска!

Твой Ф. Э.

¹ начало выполнение. ² Уголовное уложение.

1005.

8 декабря 1866 г.

Дорогой Фред!

Мейснер еще не приступил к печатанию, он хочет покончить раньше с другими делами. В ближайший понедельник я ожидаю от него письма. В общем проволочка отнюдь не была мне неприятна, так как я избавился от карбункульной мерзости всего лишь несколько дней тому назад, и, кроме того, господа кредиторы травят меня, действительно, поучительным образом. Я только жалею о том, что частные лица не могут таким же приличным манером, как купцы, *can file their bills for the Bankruptcy Court*¹.

Несколько времени тому назад в «Kladderadatsch» в плохом пасквиле на «The Woman in White»² Коллинса появилась жирно напечатанная выходка против «банды поджигателей». Автор этой мерзости — жалкий Бетцих, и я не удивился бы, если бы оказалось, что это сделано по приказу Кинкеля или Гатцфельд. Я не сомневаюсь также в том, что эта свинья была причиною ареста Либкнехта.

Прусские свиньи ведут себя именно так, как мы должны были бы желать. Без отрубания голов дело не обойдется.

Привет.

Твой К. М.

¹ объявлять о своем банкротстве перед конкурсным судом. ² «Женщина в белом».

1006.

Лондон, 12 декабря 1866 г.

Дорогой Фред!

Ты, вероятно, заметил, что estimate¹ стоимости cotton² основывается на сравнении экспорта с импортом для 1862, 1863, 1864 гг. *Конечный вывод* о наличном запасе raw cotton³ плюс cotton manufactures⁴ (в письме к тебе я, кажется, забыл последнее) в United Kingdom⁵ на 1 января 1862 г. зависит, таким образом, всецело от правильности предпосылок. Данные основываются на отчете фирмы Эллисон и Хейвуд.

Голые цифры следующие:

*Статистика ввоза и вывоза хлопка в Соединенном королевстве
в 1862, 1863 и 1864 гг.*

	1862 г.	1863 г.	1864 г.	За три года
Ввоз (в тысячах англ. фунтов)				
Хлопок-сырец, ввоз	533 176	691 847	896 770	
» » вывоз	216 963	260 934	247 194	
Предназнач. для потребления . .	316 213	430 913	649 576	
Отбросы при прядении	53 756	64 637	90 940	
Производство пряжи	262 457	366 276	558 636	
Всего	—	—	—	1 187 369
Вывоз (в тысячах англ. фунтов)				
Пряжа	88 554	70 678	171 951	
Ткань в кусках	324 128	321 561	332 048	
Всего	412 682	392 239	403 399	1 208 920

Мышьяк действует превосходно. Ты знаешь, что около шести недель тому назад я почувствовал что-то вроде карбункула и с тех пор опять начал принимать мышьяк и до сих пор продолжаю. И, действительно, дело ограничилось маленькими прыщами, которые все время появляются и скоро исчезают. В продолжение нескольких лет эта история всегда начиналась в октябре и в январе достигала полного расцвета. Повидимому, на этот раз я избегну этого, и *признаки* болезни появляются лишь в той мере, сколько требуется, чтобы побудить меня принимать мышьяк.

В своей последней речи в Эдинбурге, где Гексли выступил в более материалистическом духе, чем в последние годы, он опять оставил себе лазейку. Пока мы действительно наблюдаем и размышляем, мы не можем выйти за пределы материализма. Но все это верно лишь в применении к причине и действию, а «ваш великий соотечественник Юм» ведь уже доказал, что эти категории не имеют никакого отношения к вещам в себе. Итак, вам предоставляется верить всему, что вам угодно. Q. e. d.!⁶

Привет!

Твой К. М.

¹ оценка. ² хлопка. ³ хлопка-сырца. ⁴ хлопок переработанный. ⁵ Соединенном королевстве. ⁶ Что и требовалось доказать!

1007.

14 декабря 1866 г.

Дорогой Мавр!

Ты даже не поверишь, сколько ко мне сейчас бегают народа всякого рода. Молодые люди, рекомендуемые клиентами и ищущие здесь места; агенты или желающие стать таковыми; к тому же на этой неделе еще мой милый племянник Бланк, обосновавшийся в Лондоне; — все это совершается беспрерывно, и ты понимаешь, как трудно при таких условиях засесть за письма. В промежутках иной раз еще забегает кто-либо вроде автора прилагаемого письма и пристаёт с ножом к горлу. Прочтя письмо, я немедленно узнал, кто навязал мне на шею этого обывателя, а именно д-р Роде, и когда этот добряк явился ко мне с визитом, он также подтвердил это. Этот бесстыдный Роде позволяет себе по отношению ко мне удивительные вещи. Сперва он подстроил мне отвратительную ссору с Клингсом, после пребывания последнего здесь, а после этого позволяет себе посылать ко мне подобных господ, указывая им на меня как на кассира всей эмиграции. Если этот молодец позволит себе что-либо подобное, он может быть уверен, что ему от меня влетит. Почему он не оставляет меня в покое, ведь я даже незнаком с ним.

Прусские свиньи действуют, конечно, превосходно. Столь глупыми я их все-таки не считал, но, действительно, трудно представить себе, до чего они глупы. Тем лучше. Ведь дело уже пошло в ход, тем скорее начнется революция, и на этот раз она, наверное, не обойдется без отрубания голов, как ты писал.

Контора закрывается, и я должен тоже закончить. При сем два билета по пяти фунтов:

J/S 38969 }
J/S 62239 } Manchester, 28 Jan. 1866.

Рискнуть послать больше я не могу, пока не знаю, в каком положении мои дела; а последнее я не могу знать, пока не будут подведены итоги в книге.

Наилучший привет твоей жене и детям.

Твой Ф. Э.

1008.

17 декабря 1866 г.

Дорогой Фред!

Thanks for the ¹ 10 фунтов.

Что касается Роде, то у него мания завязывать политические связи и напускать на себя важность. Так как эта мания для тебя неприятна — и justly, ² напиши ему при первой возможности, что

ты не имеешь чести быть с ним знакомым и не можешь позволить подобных liberties ³ по отношению к себе.

«Revue des deux Mondes» и «Revue Contemporaine» напечатали две подробные статьи об Интернационале, в которых рассматривают последний и его конгресс как одно из наиболее значительных событий в этом столетии; то же самое и в «Fortnightly Review». Однако фактически мы не можем действовать by want of funds ⁴ и даже of men, ⁵ так как все англичане целиком поглощены движением в пользу реформы. Французское правительство (heureusement ⁶) начинает относиться к нам враждебно. Одним из наших сомнительных acquisitions ⁷ было вступление (в Нью-Йорке) headcentre ⁸ Стефенса.

Разве не превосходно обращение папы к французским офицерам? Только итальянский поп мог под видом благословения надавать Бонапарту таких пинков ногою на глазах у всей Европы.

Крайне характерно для положения вещей, что у Бонапарта и у Вильгельма Завоевателя — у обоих не совсем ладно в голове. Последний верит в особую миссию, возложенную на него сверху самим богом, а первого Мексика и Бисмарк совсем turned topsyturvy, ⁹ так что по временам он положительно не в своем уме.

Не думаешь ли ты также, что мир продолжится, по меньшей мере, еще один год (не говоря о случайностях вроде смерти Бонапарта и т. п.)? Ведь всем этим молодцам нужно время для conversion and production of arms ¹⁰.

От господина *Мейснера* — ни звука. Я предполагаю, что теперь, к концу года, он очень завален делами. Впрочем, договор обеспечивает меня против всевозможных неожиданностей. В своей второй, исправленной и окончательной форме договор не содержит no stipulation whatever as to the term for which the manuscript is to be ready. ¹¹ Если, однако, до завтрашнего дня не получится ответ, я опять напишу.

Так как ты, вероятно, пользуешься кредитом у какого-нибудь книгопродавца, а я в настоящий момент не могу истратить на книги ни одного фартинга, то ты очень обяжал бы меня, если бы доставил по возможности скорее книгу: J. E. Th. Rogers, «A History of agriculture». * Я обязательно должен просмотреть эту книгу, так как в одной главе оставил из-за нее пропуск. Прошло уже много времени, а ее все еще нет в библиотеке. Нет ее также у Мюди, как уверял Эккариус, для которого «Commonwealth» взял там абонемент.

Привет.

Твой К. М.

* [Дж.-Е.-Т. Реджере, История земледелия.]

¹ Спасибо за. ² правильно. ³ вольностей. ⁴ из-за отсутствия средств. ⁵ людей. ⁶ к счастью. ⁷ приобретений. ⁸ центральной организации. ⁹ сбили с панталыку. ¹⁰ реорганизации и изготовления вооружения. ¹¹ никаких постановлений о сроке, к которому рукопись должна быть готова.

1009.

21 декабря 1866 г.

Дорогой Мавр!

Я тоже полагаю, что западно-европейские господа сделают с своей стороны все возможное для того, чтобы сохранить мир в течение будущего года до всеобщего вооружения новыми ружьями. Но другой вопрос, не сочтут ли русские как раз это время подходящим для того, чтобы с помощью Бисмарка смирить Австрию, аннектировать Галицию и разложить Турцию на массу маленьких славянских государств. Во Франции тоже может случиться, что война окажется необходимою — из-за реорганизации армии, так как без войны наш бравый Бустрада не проведет ее. В результате последней войны этот молодчик стоит перед забавной дилеммою: либо он оставит все по-старому, и тогда уже не сможет тягаться с Пруссией, либо он проведет это дело, и тогда сломает себе шею, во-первых, вследствие своей колоссальной непопулярности, и, во-вторых, потому, что совершенно «разбонапартит» армию. Как только во Франции будет введено нечто вроде всеобщей обязательной воинской повинности, преторианство прекратится само собою, и 25—30 процентов вновь enlisted fellows,¹ которые служат теперь во французской армии, в большинстве своем исчезнут. Но так как сохраняется заместительство, то Бонапарт окажется на этот раз в комическом положении, будучи вынужден опереться на *буржуазию* против *крестьян*. Но ход исторических событий, действительно, бесстыдно беспощаден по отношению к этому благородному рыцарю, и приходится прощать ему, если он совсем теряет веру в бога и людей. Надеюсь, что он, подобно мне, читает для развлечения Горация: *justum ac tenacem propositi virum*² и т. д. Старик Гораций напоминает мне местами Гейне, который многому у него научился, а в политическом отношении был по существу таким же прохвостом. Представьте себе этого честного человека, бросающего вызов в *vultus instantis tyranni*³ и ползающего на брюхе перед Августом. Помимо этого старый похабник все же бывает очень милым.

Книгу я доставлю тебе по возможности на будущей неделе. Статьи в «*Revue des deux Mondes*» и «*Fortnightly Review*» я еще не

мог прочесть, но их появление очень приятно. «Revue Contemporaine» здесь не получается.

Венер, который был недавно в Германии, передает следующий анекдот, рассказанный самим Беннигсеном (членом Национального союза): Когда Беннигсен имел перед войною свидание с Бисмарком, последний изложил ему свою германскую политику совсем в духе Национального союза; после этого Беннигсен спросил его, каким же образом случилось, что для выполнения этого он избирает сложный путь войны, вместо того, чтобы, как гласит либеральная фраза, просто «опереться на народ»? Бисмарк с изумлением смотрел на него несколько секунд, и, наконец, сказал: «А вы могли бы перепрыгнуть через ров на разбитой кляче»?

Он сообщил также, что несчастный наследник престола, который раньше так либеральничал, со времени войны стал большим сумасбродом, чем старик, что во всяком случае чрезвычайно отраднo.

Дабы ты не остался на время праздников совсем без денег, посылаю тебе при сем еще два билета по пяти фунтов:

U/W 34 768, London, 12 Okt. 1866,

J/S 49 080, Manchester, 26 Jan. 1866,

в надежде, что баланс в конце года не пострадает из-за этого.

Наилучший привет дамам.

Твой Ф. Э.

¹ зарегистрировавшихся. ² честный человек, придерживающийся своих принципов [Гораций]. ³ лицо присутствующего тирана [Гораций].

1010.

31 декабря 1866 г.

Дорогой Фред!

С Новым годом! Также и madame Лицци! Пусть Новый год отправит к дьяволу русских, пруссаков, Бонапарта и British Jurymen. ¹

Кстати! Французское правительство арестовало и захватило для полицейского архива предназначенные для нас бумаги и рукописи, которые после Женевского конгресса были перевезены через границу его французскими членами. Мы заявили через лорда Стенли, Foreign minister, ² претензию на эти вещи, как на British property. ³ И действительно, роо⁴ Бонапарту пришлось возвратить нам все via Foreign office. ⁵ Недурно? Он опростоволосился и сам не знает, что делать.

Я получил сегодня очень печальное известие о смерти моего дяди, превосходного человека. Он скончался достойно, быстро, окруженный всеми своими детьми, в полном сознании, изливая на попа тонкую иронию вольтерьянца.

Вся семья посылает тебе новогодние поздравления!

Привет.

Твой *К. М.*

¹ британских присяжных. ² министра иностранных дел. ³ британскую собственность. ⁴ бедному. ⁵ через посредство министерства иностранных дел.

1867 год.

1011.

19 января 1867 г.

Дорогой Энгельс!

Мейснер, после долгого молчания, которое он объясняет переобремененностью делами, написал мне, что мой план ему «не по душе».

1) Он хочет сразу иметь в своих руках оба тома в готовом виде;
2) он не хочет печатать по частям, но намерен давать печатный лист в день и предоставить мне лишь последнюю корректуру.

Я ответил ему, что пункт 2-й для меня безразличен, так как он может получить через короткое время всю рукопись первого тома. Мне безразлично, если он начнет печатать позднее и будет печатать быстрее. Но он должен, однако, подумать, возможен ли желательный ему способ корректирования без многочисленных опечаток в книге с большим числом выписок на различных языках. Пункт 1-й же вызовет большое замедление, кроме того, он отнюдь не оговорен в нашем договоре. Я изложил ему целый ряд оснований, но еще не получил ответа.

Не говоря уже о замедлении, я тем менее могу рассчитывать на второй том, что после появления первого я должен буду сделать перерыв ради здоровья и вообще отправиться на континент, чтобы попытаться как-нибудь урегулировать свои дела. Они с каждым днем становятся все хуже и хуже и угрожают мне настоящим крахом. Одному только булочнику причитается 20 фунтов стерлингов, а тут еще все прочие черти — *grocer, taxes*,¹ мясник и т. п. В довершение всего я получил некоторое время тому назад письмо от некоего м-ра Бертон из Торкуэя, который уведомляет меня, что он купил у Лойера дом и 1) требует у меня невнесенной арендной платы за последнюю четверть года и 2) ввиду истечения в марте моего контракта просит меня сообщить, намерен ли я дальше арендовать дом либо на более продолжительный *lease*,² либо на год. Сперва я просто не ответил. Но вчера получил второе письмо о

том, что я непременно должен уведомить его о своих намерениях, ибо в противном случае его «агенту» придется предпринять шаги для сдачи дома в аренду другим лицам. Вот я in a fix.³

Что касается физического состояния, то оно вот уже несколько недель лучше, на левом бедре есть несколько маленьких карбункулов, но это не имеет значения. Лишь страшная бессонница совсем не дает мне покоя, но, конечно, она больше объясняется психическими причинами.

Спасибо за Роджерса. Там очень много материала. Что касается вопроса о стачке или, по меньшей мере, dispute⁴ с weavers⁵ в Манчестере, то, пожалуйста, сообщи мне точно о state of affairs,⁶ так как я еще могу включить это в книгу.

Политика замерзла и слишком холодна даже для русского медведя. Пруссаки со своим черно-бело-красным знаменем превосходны.

Наилучший привет госпоже Лицци.

Что говорит Гумперт о Муалене?

Твой К. М.

¹ лавочник, налоги. ² срок. ³ в тисках. ⁴ конфликта. ⁵ ткачами. ⁶ положении дел.

1012.

29 января 1867 г.

Дорогой Мавр!

У меня было сегодня утром такое множество визитеров-филистеров, что я не успел послать тебе с первой почтой вторую половину билета, она прилагается при сем.

Мейснер, конечно, согласится с твоим мнением. Во всяком случае ясно, что после первого тома ты должен отдохнуть месяца полтора и постараться сделать что-нибудь на континенте насчет звонкой монеты. Я полагаю, что когда ты лично привезешь ему последнюю часть рукописи, дело уже устроится.

История с workingmen and manufacturers¹ такова: Индия и Китай, Левант и пр. страшно завалены товарами; вот уже полгода, как миткаль почти не покупается. Отсюда слабые попытки фабрикантов отдельных округов ввести short time.² Но эти попытки остаются единичными и постоянно терпят крушение. Между тем фабриканты отправляют товары, которых здесь никто не хочет покупать у них, в Индию, Китай и т. д., и тем увеличивают glut.³ Но и это не помогает, и, наконец, они предлагают своим рабочим reduction of wages⁴ на пять процентов. На это со стороны hands⁵ следует контр-предложение работать только четыре дня в неделю. Агитация хозяев терпит крушение. Наконец, в течение последних

двух недель постепенно — а теперь в последние дни повсюду — на ткацких фабриках и на прядильнях, которые работают на них, вступил в силу *short time* ² — четыре рабочих дня в неделю, — и притом частью с понижением заработной платы на пять процентов, частью *без* такого понижения. Итак, рабочие были правы теоретически, и практически они тоже оказались правы.

Прохвост Бисмарк ловко надул прохвоста Бонапарта при Пражском мире, подобно тому как Бонапарт надул австрийцев при Виллафранке по вопросу об изгнанных итальянских князьях, *qui rentreront dans leurs états*, ⁶ но без чужих войск. Подобно этому Бисмарк говорит: южно-германские государства *auront une existence internationale indépendante*, ⁷ но лишь пока они *сами того хотят*; с того момента, как они *хотят* присоединиться к нам, они в праве это сделать, ибо в противном случае они ведь *не были бы indépendants!* ⁸ Роог ⁹ Бонапарт не состоял студентом-корпорантом германского университета и на традиционных попойках не проходил искусства интерпретации, в этом он далеко уступает доблестному Бисмарку. В Ганновере господствует страшная ярость против пруссаков, и не только в самом городе, но еще больше среди крестьян, которые массами приходят к королеве и предоставляют в ее распоряжение все свое состояние.

В этом много комичной сентиментальности, смешанной с ненавистью к лейтенантам и жандармам; напр., те же люди сами говорят, что управление значительно улучшилось и т. п., но пруссаки и здесь сохранили свой талант — возбуждать к себе ненависть. Это я узнал от двух господ, которые недавно были там и которые сами аннексионисты и ганноверцы.

Если будет возможно, я в конце этой или будущей недели приеду на несколько дней, т. е. от пятницы до воскресенья вечером. Только чтобы опять не ударили морозы.

Наилучший привет дамам.

Твой Ф. Э.

¹ рабочими и фабрикантами. ² сокращенное рабочее время. ³ завал. ⁴ понижение заработной платы. ⁵ рабочих. ⁶ которые *возвратятся* в свои владения. ⁷ будут занимать *независимое* международное положение. ⁸ *независимыми* ⁹ Бедный.

Дорогой Энгельс!

Я откладывал письмо со дня на день, но теперь не могу медлить ни одной минуты. В субботу (послезавтра) меня будут

описывать по претензии одного grosseg'a,¹ если я не уплачу ему, по меньшей мере, 5 фунтов. Я имел экстраординарные расходы: во-первых, 2 фунта на шампанское (маленькая бутылка) — это лечение было предписано Лауре, а во-вторых, я должен был отнести плату вперед в гимнастическую школу, куда я ее должен был послать по совету врача.

Работа будет скоро закончена и была бы готова уже сегодня, если бы в последнее время меня не так много терзали.

Из прилагаемой записки, присланной мне д-ром Кугельманом (она мне неприятна ввиду предполагаемой мною поездки), ты увидишь руку Штибера.

Твой *К. М.*

¹ лавочника.

1014.

25 февраля 1867 г.

Дорогой Фред!

Best thanks for 20 фунтов.¹

При сем письмо д-ра Кугельмана.

В настоящий момент я могу написать тебе лишь эти несколько строк, так как у меня сейчас сидит агент домохозяина, и я должен играть по отношению к нему роль Меркаде из комедии Бальзака. Кстати о Бальзаке: советую тебе прочесть его «Le chef d'oeuvre inconnu»² и «Melmoth réconcilié».³ Это два маленьких шедевра, полных прелестной иронии.

Привет.

Твой *К. М.*

² Большое спасибо за. ² «Неведомый шедевр». ³ «Примирившийся Мельмот».

1015.

13 марта 1867 г.

Дорогой Мавр!

Я не писал тебе отчасти из-за того, что мне мешали, отчасти же нарочно, желая дать пройти сроку, когда должна была быть закончена «книга»; я надеюсь, что она уже готова. Итак, когда же ты поедешь к господину Мейснеру? Я дам тебе тогда доверенность на получение гонорара за мои прежние брошюры.

Кстати об этих брошюрах. Господа лассальянцы могли теперь убедиться в справедливости моих слов о влиянии всеобщего избирательного права и о той власти, которую оно дает землевладельческому дворянству. Лассальянцы не могли провести даже *двух депутатов*: оба саксонских рабочих депутата, которые прошли, очень подозри-

тельны и, повидимому, принадлежат к компании Вуттке. Но в общем выборы все-таки показали, что в Германии с ними далеко нельзя делать того, что проделывают с ними во Франции, и это все-таки хорошо. Я убежден также, что каждые новые выборы в Германии дадут тем более враждебные правительству результаты, чем более бюрократия будет вмешиваться, и что правительственные выборы пятнадцать лет подряд, как во Франции, у нас невозможны.

Благородный парламент, конечно, весьма хорош. Они без особого ропота, с кисло-сладкою миною продадут те несколько жалких гарантий, которые еще имелись в прусской конституции, за косвенное аннектирование шести миллионов граждан маленьких государств, которые ведь фактически аннектированы и медиатизированы без всякой конституции. Au fond¹ совершенно безразлично, что именно состряпают эти господа; теперь, когда филистер поклоняется Бисмарку, они выражают буржуазное общественное мнение и творят лишь его волю. Честные буржуа, повидимому, решили не иметь более никаких конфликтов. Движение, — как внутреннее, которое ведь скоро оживет, так и европейское, — быстро перейдет через всю эту дрянь к своим очередным задачам.

На выборах прохвост Швейцер выставлял свою кандидатуру в четырех местах, но повсюду провалился. Из Бармена мне прислали два печатных произведения о нем, из которых одно прилагаю при сем, а другое — поменьше — пришлю потом: у меня нет его при себе. Прилагаемое явно исходит от компании Гатцфельд.

Штибер снова задирает нос в «*Volkszeitung*» по поводу писаний Эйхгофа в «*Hermann's*»; Коллер там тоже фигурирует. См. «*Hermann*».

Умеренный результат всеобщего избирательного права в Германии, во всяком случае, содействовал тому, что здесь в официальных кругах неожиданно становится популярным *household suffrage*.² Было бы недурно, если бы благодаря этому прошло *household suffrage*,² тогда многое здесь быстро изменилось бы, и движение стало бы на ноги.

*Trade here*³ все еще в крайнем застое. Индия и Китай завалены товарами благодаря отправка фабрикантиков, в Стокпорте *strike*⁴ 20 000 человек. Распространяется *short time*,⁵ и если это скоро не изменится, то в мае у нас будет сильнейший кризис перепроизводства. *Радикальному* движению в пользу реформы это может только содействовать.

«*Diplomatic Review*» на этот раз превосходно. Как только старик Д. У[ркарт] получает в руки *facts*,⁶ он опять *all right*;⁷ но странные маневры Бейста меня лично уже давно заставили

насторожиться. Несмотря на то, что саксонцы (ср. роль господина фон-Зеебаха в Крымской войне) всегда заигрывали с русскими и что Бейст во время датской войны послал русским свою знаменитую грубо-вызывающую депешу, я все еще не решаюсь сказать, *действительно ли* этот подлец *куплен* или же он перешел на их сторону безвозмездно и бессознательно. Мне кажется, что безграничное тщеславие этого маленького саксонца одно уже достаточно объясняет всю эту историю — конечно, русские уже know how to improve the occasion.⁸

Чтобы лучше познакомиться с вульгарной демократией, я в эти дни...

[Конец письма оторван].

[Ф. Э.]

¹ По существу. ² избирательное право для всех квартиронанимателей. ³ Дела здесь. ⁴ стачка. ⁵ сокращенное рабочее время. ⁶ факты. ⁷ хорош. ⁸ знают, как испльзовать положение.

1016.

27 марта 1867 г.

Дорогой Энгельс!

Я решил не писать тебе до тех пор, пока не смогу сообщить тебе об окончании книги, что и делаю теперь. Также не хотел я повторять тебе скучную историю о причинах вторичного опоздания, о карбункулах на задней части и вблизи *repis'a*, последние остатки которых теперь отцветают и при которых я мог сидеть (а следовательно писать) лишь ценою больших страданий. *Мышьяка* я не принимаю, так как он туманит мне мозг, а мне необходима была свежая голова, по крайней мере на то время, когда можно было писать.

На будущей неделе я должен сам поехать с рукописью в Гамбург. Тон последнего письма господина Мейснера мне не понравился. К тому же, я получил прилагаемую записку от Боркгейма. Я имею все основания полагать, что «континентальный друг», это — господин тайный советник Бухер. Дело в том, что Боркгейм написал ему письмо, — которое он мне прочитал, — по поводу своей поездки в Силезию, где он хочет заняться семейными делами. Бухер немедленно ответил ему. Поэтому я за всеми этими *canards*¹ чую интригу и должен лично пристать к Мейснеру с ножом к горлу. В противном случае он может задержать мою рукопись (по моему расчету, с лишком двадцать пять печатных листов) и *не печатать* сейчас под предлогом, что он хочет «обождать» второго тома.

Теперь *d'abord*² я должен вынуть из ломбарда свое платье и часы.

Не могу также оставить мою семью в теперешнем положении sans sou, ³ в то время как кредиторы с каждым днем все больше наглеют. Наконец, чтоб не забыть. Деньги, предназначавшиеся Лауре на шампанское, приказали долго жить. Ей необходимо сейчас красное вино, но лучше того, какое я в состоянии заказать. *Voilà la situation.*

Наш Интернационал торжествовал большую победу. Бастующим парижским рабочим бронзового производства мы достали денежную поддержку от английских трэд-юнионов. Увидев это, хозяева немедленно уступили. Эта история наделала много шума во французских газетах, и теперь мы во Франции — признанная сила.

Люксембургская афера была, повидимому, условлена между Бисмарком и Бонапартом. Возможно, но невероятно, что первый не может или не хочет сдержать свое слово. *Русское* вмешательство в германские дела ясно, как день:

1) из того, что вюртембергский договор с Пруссией был заключен уже 13 августа, раньше всех других;

2) из выступления Бисмарка относительно Польши.

Русские деятельнее, чем когда-либо раньше. Между Францией и Германией они заварили недурную кашу. Австрия сама по себе достаточно бессильна. А господам англичанам они заварят кашу в *United States.* ⁵

Привет.

Твой К. М.

¹ утками. ² прежде всего. ³ без гроша. ⁴ Вот какое положение. ⁵ Соединенных Штатах.

1017.

4 апреля 1867 г.

Дорогой Мавр!

Ура! От этого восклицания я не мог удержаться, когда, наконец, прочитал черным по белому, что 1-й том *готов* и что ты хочешь немедленно поехать в Гамбург. Дабы у тебя не было недостатка в *percus regim*,¹ посылаю тебе при сем 7 половинок пятифунтовых билетов, итого 35 фунтов, а вторые половинки выпшлю немедленно по получении обычной телеграммы. Бумажонка Бухера, — она исходит *несомненно* от него, — не должна тебя огорчать. Это — прусская полицейская болтовня и литературные сплетни типа новейших рассказов о приключениях путешественников в Польше. Прилагаю тебе записку к Мейснеру, дабы ты мог получить также и мой гонорар.

В наличности союза между Бисмарком и русскими уже нет более ни малейшего сомнения. Но никогда еще русским не приходилось

покупать свой прусский союз такой дорогой ценою; они вынуждены были принести в жертву всю свою традиционную политику в Германии, и если они, по обыкновению, вообразят себе и на этот раз, что это «лишь на время», то они адски ошибутся. Вопреки всем завываниям об «империи» и пр., единство Германии, повидимому, начинает перерастать и Бисмарка, и всех пруссаков. Тем быстрее, казалось бы, должны были бы они, — т. е. русские, — действовать на Востоке; теперешнее благоприятное положение, наверное, продолжится недолго. Но как велики, очевидно, финансовые затруднения в России и как труден промышленный прогресс, — *s'il y en a*,² — если и теперь, спустя 11 лет после Крымской войны, эти молодцы все еще не имеют железной дороги в Одессу и в Бессарабию; а ведь это теперь значило бы для них больше, чем две армии! Поэтому я полагаю также, что если у русских все пойдет хорошо, дело дойдет до потасовки еще в этом году.

История с Люксембургом, повидимому, принимает тот же оборот, как история с Саарлуи и Ландау. В 1866 г. Бисмарк, наверное, предложил его продать, но Луи, повидимому, не позарился на эту покупку, надеясь получить впоследствии гораздо больше в виде *подарка*. Как мне *положительно известно*; прусский посол Бернсторф сказал на-днях ганзейскому послу в Лондоне (Гейффену), что им получена депеша о том, что в истории с Люксембургом Пруссия ни в коем случае не уступит. Это та же депеша, которая, по словам газеты «Owl», приглашала Англию сделать представление в Гааге и которая якобы имела тот результат, что Голландия устранилась от этой торговли. Дело в том, что при теперешнем положении Бисмарк не может дозволить французам хотя бы в малейшей степени аннектировать немецкую территорию, не делая при этом смешными все свои завоевания. К тому же старый осел Вильгельм сказал ведь однажды уже словечко о том, что он не уступит «*ни одной* немецкой деревни», и лично он этим связан. Однако никоим образом нельзя еще быть уверенным в том, что эта сделка действительно не состоится; «Кельнская Газета» судорожно вопиет о том, что ведь нельзя из-за Люксембурга начинать войну, что Германия даже не имеет *права* на него, что Люксембург уже нельзя причислять к Германии и т. п., — словом, подлее, чем когда бы то ни было.

Хотя Бисмарк и не Фауст, но тем не менее имеет своего *Вагенера*. Забавна манера, с которою последний переводит своего господина и хозяина на вагнеровский язык. Недавно Бисмарк в одной речи употребил аналогию с лошадью, и, стремясь подражать ему и в этом Вагенер в конце одной речи восклицает: «Господа! Переста-

нем кататься на наших «любимых коньках», а сядем на благородную чистокровную кобылу Германию!» «Montez, Mademoiselle!»³ — говорили французы в эпоху террора.

Надеюсь, что твои карбункулы теперь совсем залечились и путешествие будет содействовать их полному исчезновению. Этим летом ты *должен* покончить с этой дрянью.

Наилучший привет дамам и Лафаргу.

Твой Ф. Э.

¹ двигателе вещей, [т. е. деньгах]. ² если таковой вообще есть. ³ Поднимись, сударыня!

1018.

Гамбург, 13 апреля 1867 г.

Дорогой Фред!

Я прибыл сюда вчера в 12 часов ночи. Пароход ушел из Лондона в среду, в 8 часов утра. Отсюда ты видишь всю историю морского переезда. Бешеная непогода и буря. После долгого заточения мне было так каннибальски хорошо, как 500 свиньям. Но вид заболевших и слабеющих спутников отравил бы мне дальнейшее путешествие, если бы некоторое ядро не держалось стойко. То было «ядро» очень «смешанного» состава, а именно: немецкий капитан, очень похожий на тебя лицом, но малого роста; в нем было так же много твоего юмора и то же добродушно-фривольное подмигиванье глазами; лондонский скотопромышленник, настоящий Джон Буль, bounce in every respect; ¹ немец-часовщик из Лондона, милый парень; немец из Техаса и — это главная персона — немец, который уже 15 лет разъезжает по восточной части Перу, в местности, лишь недавно зарегистрированной в географии, где, между прочим, еще исправно едят человеческое мясо. Это — сумасбродный, энергичный и веселый парень. Он имел при себе ценную коллекцию каменных топоров и т. п., которые заслуживали того, чтобы быть найденными в «пещерах». И — в виде приложения — одна дамская особа (все остальные дамы, больные морскою болезнью, лежали в дамской каюте), старая кляча с беззубым ртом, великолепно, по-ганноверски, говорящая, дочь какого-то допотопного ганноверского министра, по фамилии фон-Бер или что-то в этом роде; теперь она уже давно исправительница рода человеческого, пиэтистка, филантропка — друг рабочих; она знакома с Жюлем Симоном, полна душевной красоты, которою она до смерти надоела нашему bovine friend. Well! ² В четверг вечером, когда буря наиболее неистовствовала, и все столы и стулья танцевали, мы кутили en petit comité, ³ в то время как старая кляча лежала на диване,

откуда толчки парохода время от времени сбрасывали ее на пол, в середину каюты, очевидно, чтобы ее немного развлечь. Что же в таких трудных обстоятельствах удерживало здесь эту красотку? Почему не удалилась она в дамскую комнату? Наш немецкий дикарь со смехом рассказывал о всех сексуальных свинствах дикарей. Voilà le charme ⁴ для этой нежной, чистой, тонкой особы. Образчик: его принимают в качестве гостя в индейской хижине, где как раз в этот день женщина разрешилась от бремени. Послед приготавливается в виде жаркого, и ему — это высшее выражение гостеприимства — дают его отвесть!

Немедленно после нашего приезда я пошел к Мейснеру. Приказчик его сказал, что он до трех часов [дня] не вернется. Я оставил свою визитную карточку и пригласил господина М[ейснера] ко мне обедать. Он пришел, но с кем-то другим, и просил меня отправиться с ним, так как его жена ждет его. Я отклонил это, но сговорился с ним, что он придет ко мне в семь часов вечера. Он сказал мне en passant, ⁵ что Штрон, по всей вероятности, еще находится в Гамбурге. Я отправился поэтому к брату Штрона. Оказалось, что наш приятель the very same morning ⁶ уехал в Париж. Вечером пришел Мейснер. Он славный парень, хотя слегка саксонец, как указывает его имя. После коротких rouparler all right. ⁷ Рукопись немедленно перенесена в его контору и помещена в safe. ⁸ Через несколько дней начнется и быстро пойдет вперед печатание. Потом мы с ним выпили, и он выразил свое «восхищение» по поводу приятного знакомства со мною. Теперь он хочет, чтобы книга вышла в *трех томах*. В частности он против того, чтобы я сократил последнюю книгу (*историко-литературную часть*), как я было намеревался раньше сделать. Он говорит, что, имея в виду коммерческую сторону дела и широкую читательскую публику, он возлагает наибольшие надежды именно на эту часть. Я сказал ему, что в этом отношении я готов к его услугам.

At all events, ⁹ в Мейснере мы имеем человека, всецело готового к нашим услугам; — он питает сильное презрение ко всей жалкой литературной банде. Твой little bill ¹⁰ я счел уместным пока еще не представлять. Самые приятные неожиданности лучше отложить к концу.

А теперь addio, old boy! ¹¹

Best compliments to Mrs. Burns. ¹²

Твой К. М.

¹ фанфарон во всех отношениях. ² приятелю-скотопромышленнику. Отлично!
³ в небольшой компании. ⁴ Вот что было привлекательно. ⁵ мимоходом. ⁶ утром этого именно дня ⁷ переговоров все уладилось ⁸ сейф ⁹ Во всяком случае.
¹⁰ маленький счет ¹¹ прощай, старина! ¹² Наилучший привет мистрис Бернс.

1019.

Ганновер, 24 апреля 1867 г.

Дорогой Фред!

Я здесь уже неделю в гостях у д-ра Кугельмана. Из-за печатания я вынужден оставаться в Гамбурге или поблизости от Гамбурга. Дело обстоит следующим образом. Мейснер, который хочет закончить дело в четыре-пять недель, не может печатать в Гамбурге, так как там нехватает печатников и недостаточно обучены корректора. Поэтому он печатает у Отто Виганда (вернее, у его сына, так как важничающий старик участвует в деле уже лишь номинально). Неделю тому назад он послал рукопись в Лейпциг. Теперь он хочет, чтобы я был *под рукою*, дабы просмотреть первые два печатных листа и *немедленно решить*, «возможно» ли печатание *после однократного просмотра мною*. В последнем случае, вся история будет закончена в четыре-пять недель. Но тут как раз подоспела пасхальная неделя. Молодой Виганд написал Мейснеру, что может начать только в конце *этой* недели. В виду этого я, по настоятельному приглашению Кугельмана (что и по экономическим основаниям выгоднее), приехал к нему на промежуточное время. Прежде чем писать о «здесьних» делах, не забыть следующего: Мейснер хочет и просит тебя через мое посредство написать *Предостережение против России*, одновременно к благу и Германии, и Франции. Если ты согласен, то он хочет получить эту вещь скоро. Но ему желательно, чтобы ты написал *побольше* листов, так как совсем маленькие памфлеты невыгодны с коммерческой точки зрения. Об условиях ты можешь написать при присылке рукописи, так как по его словам в этом вопросе вы сойдетесь. Ты можешь дать себе «полную волю», так как Мейснер отнюдь не считает нужным соблюдать какую бы то ни было осторожность.

Теперь о Ганновере.

Кугельман — очень выдающийся врач в своей специальности, а именно как гинеколог. Вирхов и прочие знаменитости (в том числе известный Мейер в Берлине, раньше фон-Зибольдт в Геттингене и — до своей психической болезни — Земмельвейс в Вене) состоят с ним в переписке. В трудных случаях по этой специальности он всегда привлекается в качестве консультанта. Для характеристики цеховой зависимости и местной глупости он рассказал мне, что первоначально был забаллотирован, т. е. не допущен в общество врачей, на том основании, что гинекология, это — «безнравственное свинство». У Кугельмана также большой технический талант. В своей специальности он изобрел массу новых инструментов.

Во-вторых, Кугельман — фанатический (и на мой вкус слишком по-вестфальски восторженный) поклонник нашего учения и наших особ. Иной раз он надоедает мне своим энтузиазмом, который находится в противоречии с его холодной натурою врача. Но он человек *понимающий, глубоко честный*, готовый на все, способный к самопожертвованию и — что важнее всего — *убежденный*. У него славная маленькая жена и очаровательная восьмилетняя дочка. Он обладает гораздо лучшим собранием наших сочинений, чем мы сами. Здесь нашел я опять «Святое семейство», которое он мне подарил и экземпляр которого он пошлет тебе. Я был приятно поражен, найдя, что нам нечего стыдиться этой работы, хотя культ Фейербаха может показаться теперь смешным. Народ, а в городе Ганновере даже буржуазия, — крайние *пруссифобы* (то же в Кургессене) и при всяком случае проявляют свой образ мыслей. Они открыто выражают свое желание *перейти к Франции*. Когда им замечают, что это непатриотично, они говорят: «Пруссаки делали то же самое. Проходя здесь, они во главе с офицерами хвастали французскою помощью — в случае необходимости». Отец Венера пользуется здесь большим уважением и тоже слышит за гвельфа. Вчера Бисмарк прислал ко мне одного из своих сатрапов, адвоката Варнебольда (это *между нами*). Он хотел бы «использовать меня и мои большие таланты на пользу немецкому народу». Фон-Беннигсен мне засвидетельствует свое почтение завтра.

Вообще мы оба занимаем в Германии совсем другое положение, чем нам казалось, в частности среди «образованного» чиновничества. Напр., управляющий местным статистическим бюро Меркель посетил меня и сказал, что он много лет тщетно занимался вопросами денежного обращения, я же сразу и раз навсегда выяснил эти вопросы. «Недавно, — сказал он мне, — мой коллега Энгель в Берлине в присутствии королевской семьи воздал должное вашему Диоскуру — Энгельсу». Это все мелочи, но они важны для нас. Наше влияние на это чиновничество больше, чем на рабочих.

Я был приглашен также в общество «европейцев». Так называют здесь членов Национального союза — пруссофилов и северогерманцев. Ослы!

Начальник (главный начальник, как выражается Штибер) местного железнодорожного управления тоже завал меня к себе в гости. Я был у него, у него хорошее майское вино и «восторженная» жена; при уходе он благодарил меня за «великую честь».

Мне надо отдать долг чести — 10 фунтов стерлингов — мистеру Уилеру, члену нашего Совета и директору «Имперского страхового

общества». Ты очень обяжешь меня, если пошлешь ему по моему поручению деньги по адресу: «G. Wheeler, Esq., 27 Gresham Street, Private, London E. C.» Опасаюсь я также очень, что моя семья в Лондоне «in profundis»¹. Это мне тем больше, что 1 мая день рождения бедной доброй Женнички. Я закинул здесь удочку с целью получить деньги и должен выждать результатов.

Я необыкновенно хорошо поправился. Никаких следов старой болезни. Кроме того, несмотря на тяжелые обстоятельства, отличное настроение, без припадков боли в печени.

Напиши мне *немедленно* хоть несколько слов. (Адрес: д-ру Кугельману, Ганновер.)

Привет госпоже Бернс.

Твой *Мавр*.

Фрейлиграт поворит себя своим публичным попрошайничеством в Германии. Мейснер сказал мне, что в Северной Германии он забыт.

¹ в величайшей нужде.

1020.

27 апреля 1867 г.

Дорогой Мавр!

Получил оба твоих письма, последнее вчера днем, и давно ответил бы тебе на первое, если бы знал куда. Сперва о business¹. Жене твоей, от которой получил сегодня утром письмо, посылаю 10 фунтов, а в начале будущего месяца отошлю другие 10 Уилеру. В этом отношении ты можешь успокоиться, а на будущее время, судя по твоим письмам, к счастью, наконец открываются более благоприятные перспективы. Мне всегда казалось, что эта проклятая книга, которую ты так долго вынашивал, была главною причиною всех твоих несчастий и что ты никогда не выкарабкался бы и не мог выкарабкаться, пока не отделался от нее. Эта вечно все еще не готовая вещь пригибала тебя к земле в физическом, духовном и финансовом отношениях, и я отлично понимаю, что теперь, стряхнув с себя этот кошмар, ты почувствовал себя совсем другим человеком, тем более, что и свет, как только ты опять вступил в него, показался тебе уже не таким мрачным, как раньше. Особенно, когда имеешь такого превосходного издателя, каков, повидимому, Мейснер. Вообще же я опасаюсь, что для успеха печатания тебе необходимо будет самому оставаться все время вблизи, т. е. на континенте, так как и Голландия по-моему достаточно близка для этой цели. Я не верю, чтобы ученость лейпцигских корректоров оказалась достаточною для твоей

книги. Мою брошюру Мейснер печатал также у Виганда, а что за штуки они натворили мне при корректировании! Я убежден в том, что книга немедленно после своего появления произведет большой эффект, но крайне необходимо будет прийти немного на помощь энтузиазму ученого бюргера и чиновника и не отказаться от некоторых маленьких уловок. Для этой цели можно будет *после выхода* книги предпринять кой-что из Ганновера, а *amicus*'а² Зибеля, который на-днях возвращается через Англию с Мадеры, по его словам, вполне здоровым и бодрым, тоже не без пользы можно будет двинуть в дело. Это необходимо в противовес литературной банде, со стороны которой мы имеем достаточно доказательств ее сильной ненависти к нам. И, кроме того, без таких вспомогательных средств толстые, научные книги действуют лишь медленно, с помощью же этих средств — *confes*³ Гераклита Темного и т. д. — очень «зажигательно». Но на этот раз это должно быть сделано тем вернее и старательнее, что речь идет также о *финансовых* результатах. Если это пойдет, то Мейснер уже охотно возьмет и собрание статей, а это опять даст деньги и новый литературный успех. Статьи из «Новой рейнской газеты», «18 Брюмера» и пр. будут теперь страшно импонировать филистеру, и раз мы на этой почве завоюем себе некоторое положение, то скоро появятся также разные другие доходные предприятия. Вся эта перемена обстоятельств страшно радует меня, во-первых, сама по себе, во-вторых, из-за тебя и твоей жены и, в-третьих, потому что действительно пора, чтобы дела пошли лучше. Через два года кончается мой договор со свиньей Готфридом, и, судя по теперешнему ходу дел, вряд ли оба мы захотим продолжать его; не исключена даже возможность, что разрыв наступит еще раньше. Если это случится, то я должен буду *совсем бросить* коммерцию, ибо начать теперь собственное дело — значило бы пять-шесть лет проработать, как вол, без заметных результатов, а потом работать еще пять-шесть лет для собирания плодов первых пяти лет. Но это окончательно погубило бы меня. Я ничего так страстно не жажду, как освобождения от этой собачьей коммерции, которая совершенно деморализует меня, отнимая все время. Пока я занимаюсь ею, я ни на что не способен; особенно плохо дело пошло с тех пор, как я сделался хозяином, по причине большей ответственности. Если бы не шла речь об увеличении доходов, я, право, предпочел бы снова стать приказчиком. Во всяком случае еще несколько лет — и моей коммерческой жизни приходит конец, и тогда доходы тоже весьма и весьма оскудеют. У меня никогда не выходила из головы мысль о том, что мы тогда будем с тобою делать. Но если дела пойдут так

хорошо, как это теперь можно предвидеть, то и это устроится, даже если к тому времени не придет революция и не положит конец всем финансовым проектам. Но если этого не случится, я оставляю за собою право к моменту своего освобождения выкинуть штуку и напишу веселую книгу: «*Страдания и радости английской буржуазии*».

Предложение Мейснера я не могу принять. *Несколько листов* можно было бы быстро состряпать; но более крупное сочинение, от шести до десяти листов, потребовало бы много труда и *запоздало бы* к теперешней военной шумихе. Нельзя же мазать всякую дрянь вроде «этюдов» Фогта. Кроме того, в этом сочинении усмотрели бы более или менее партийный манифест, а потому нам пришлось бы сперва посоветоваться. Но я уже давно думаю написать антирусское сочинение, и если события дадут мне какую-нибудь «зацепку», то я сейчас же возьмусь за работу и напишу Мейснеру. Вопрос у меня только в том, выдвинуть ли на первый план «национальный принцип» или «восточный вопрос».

Я так и думал, что Бисмарк постучится к тебе, хотя и не ожидал, что он так поспешит. Характерно для образа мыслей и кругозора этого субъекта, что он мерит всех людей на свой аршин. Конечно, буржуазия должна восхищаться современными великими людьми, в них она видит свое отражение. Качества, при помощи которых Бонапарт и Бисмарк достигли успеха, это качества купца: преследование своей цели путем выжидания и экспериментирования, пока не угадаешь благоприятного момента, дипломатия всегда открытой задней двери, умение торговаться и выторговывать, проглатывать пощечины, когда это требуется в интересах дела, клясться, что *ne souons pas l'argons*,⁴ словом, быть купцом во всем. Готфрид Эрмен в своем роде — такой же великий государственный муж, как Бисмарк, и, прослеживая уловки этих великих людей, постоянно возвращаешься мыслью к манчестерской бирже. Бисмарк думает: ничего, попытаюсь установить связь с Марксом, в конце концов я все-таки улучу благоприятный момент, и тогда мы вместе обделаем дельце. Точь-в-точь Готфрид Эрмен.

Что ненависть к пруссакам *так* сильна, я не думал. Но как это согласуется с результатами выборов? Ведь ослы из Национального союза провели половину, а в Кургессене даже всех, кроме одного.

Фогт дал свой портрет в «*Gartenlaube*» в натуральную величину. За последние годы он растолстел, как боров, и недурно выглядит.

В «*Demokratische Studien*», которые недавно попали мне в руки, Симон из Трира весьма наивно списывает целые страницы из «По и Рейн», не подозревая, из какого отравленного источника он черпает!

Также и лейтенант, который пишет военные статьи в «Unsere Zeit», в статье «Вооруженная Пруссия» во-сю копирует мою брошюру; разумеется, тоже без указания источника.

Рюстов хочет во что бы то ни стало стать прусским генералом, как будто бы этого в Пруссии так же легко достигнуть, как у Гарибальди. В своей плохой и неряшливой книге о войне он *lebezit in optima forma* ⁵ перед Вильгельмом Завоевателем и принцем. Вот *почему* он переселяется в Берлин.

На этих днях я видел Эрнеста Джонса; он получил из четырех мест, в том числе и из Манчестера, предложение выставить свою кандидатуру на основании нового избирательного закона. Он страшно ругает здешних рабочих and backs the Prussians at any odds against the French. ⁶ Я надеюсь, что эта отвратительная война будет избегнута, не вижу, что от нее может быть хорошего. Французская революция с данным заранее обязательством завоеваний была бы очень неприятна; кажется, что Бонапарт намерен удовлетвориться самым малым, но позволит ли «господь небесных сил» прекрасному Вильгельму дать и это малое, — покажет будущее.

Наилучший привет д-ру Кугельману — хотя я с ним не знаком — и благодарность за «Святое семейство».

Твой Ф. Э.

¹ делах. ² друга. ³ см. ⁴ не будем мошенниками. ⁵ чрезвычайно. ⁶ и держит какое угодно пари за Пруссию против Франции.

1861.

Ганновер, 7 мая 1867 г.

Дорогой Фред!

Прежде всего большое спасибо за твою помощь в *casus delicti*,² а затем за подробное письмо.

Сперва о *business*.² Проклятый Виганд приступил к печатанию лишь 29 апреля, так что первый лист я получил для просмотра третьего дня, в день своего рождения. *Post tot pericula!*³ Опечатки сравнительно незначительны. Выждать здесь, пока будет напечатана вся книга, невозможно! Во-первых, я опасаясь, что книга выйдет много больше, чем я рассчитывал. Во-вторых, рукопись мне не возвращается, поэтому для многих цитат, а именно где имеются цифры и греческие слова, мне необходима рукопись, оставленная дома, и, кроме того, не могу же я навязывать д-ру Кугельману так долго свое пребывание. Наконец, Мейснер требует второго тома не позже конца осени. Поэтому надо возможно скорее приступить к

работе, а между тем для глав о кредите и земельной собственности появилось много нового материала со времени составления рукописи. Зимой должен быть закончен третий том, чтобы ближайшею весною можно было разделаться со всем этим *opus*'ом. Разумеется, писание идет совсем иначе, когда *au fur et à mesure* ⁴ по изготовлении рукописи появляются печатные листы, а издатель подгоняет.

Однако время прошло здесь не без пользы. Посланы письма во все стороны, и во многих немецких газетах появились предварительные заметки.

Я надеюсь и глубоко уверен, что через год я уже настолько завоюю себе положение, что смогу в корне реформировать свое экономическое положение и стать, наконец, на собственные ноги. Без тебя я никогда не мог бы довести до конца этого сочинения и — уверяю тебя — мою совесть постоянно, точно кошмар, давила мысль, что ты тратишь свои исключительные способности на торговлю и даешь им ржаветь главным образом из-за меня, и *into the bargain* ⁵ еще должен переживать вместе со мною все мои *petites misères*.⁶ С другой стороны, не могу скрыть от тебя, что мне предстоит еще один год *of trial*.⁷ Я сделал один шаг, от которого многое зависит, а именно получу ли я в свое распоряжение из того единственного источника, из которого это возможно, несколько сот фунтов стерлингов. Имеется довольно много шансов на положительный результат, но все-таки еще шесть недель я буду в неизвестности. Раньше я не получу окончательного ответа. Но чего я боюсь больше всего, — не говоря уже об этой неизвестности, — так это возвращения в Лондон, которое непременно должно произойти через шесть-восемь дней. Долги там значительны, и манихейцы с «нетерпением» ожидают моего возвращения. А затем снова домашние неприятности, внутренние коллизии и беготня, вместо того, чтобы со свежими силами и беспрепятственно приняться за работу.

Д-р Кугельман и его жена относятся ко мне самым любезным образом и исполняют малейшее мое желание. Они превосходные люди. Они, действительно, не оставляют мне времени для того, чтобы углубиться в «мрачные пути своего собственного я». Между прочим! Историю с Бисмарком ты должен держать в полном секрете. Я обещал никому об этом не говорить, даже Кугельману. Последнее я сдержал. Но, конечно, я сделал «*reservatio mentalis*»,⁸ что ты исключаяешься.

Ты удивляешься, что при здешней ненависти к пруссакам национал-либералы (или, как называет их Кугельман, *европейцы*) так хорошо прошли на выборах. Объясняется это очень просто. Во

всех более крупных городах они провалились, а в маленьких победили благодаря своей организации, сохранившейся с готских времен. Вообще эти подлецы показывают, как важна партийная организация. Сказанное выше относится к Ганноверу. В Кургессене неограниченное влияние оказывали прусские запугивания, подкрепленные криками национальных союзников. Между тем пруссаки хозяйничают здесь совсем по-персидски. Правда, они не могут переселить население в свои восточные провинции, но они делают это с чиновниками, вплоть до железнодорожных кондукторов, и с офицерами. Даже беднягам почталъонам приходится переселяться в Померанию. Между тем ты можешь ежедневно видеть по направлению к Бремену поезда, наполненные гессенцами, ганноверцами и т. п., эмигрирующими в Соединенные Штаты. С тех пор как существует наша мирная Германия, никогда еще за Атлантический океан не направлялись подобные толпы людей из всех местностей. Один удирает от налогов, другой — от воинской повинности, третий — от политических условий и все вместе — от режима сабли и от угрожающей военной бури.

Здесьние буржуа (настроенные пруссофильски), доставляют мне большое удовольствие. Они хотят войны, но *immédiatement*.⁹ Дела, говорят они, не могут дольше выдержать этой неопределенности, а затем, черт побери, из чего платить налоги при продолжающемся застое в делах? Вообще ты вряд ли можешь представить себе то отвратительное влияние, которое последняя война и налоги оказали на сельское население в Пруссии. Здесь, напр., в соседстве с прусско-вестфальскими местностями, господствуют истинно ирландские условия жизни.

Несколько дней тому назад директор местного акционерного литейного завода (преимущественно для водопроводного и газопроводного производств) случайно обошел со мною этот завод. В общем он организован очень хорошо; применяется много машин вполне современных. Но, с другой стороны, часто в деталях применяется еще ручная обточка там, где англичане и шотландцы применяют автоматические машины. С тем же директором я пошел в мастерскую, где изготавливается Арминиева колонна. Памятник изготавливается так же медленно, как сама Германия. Голова Арминия таких колоссальных размеров, что ты рядом с нею показался бы ребенком, она имеет глуповато-честный вид, а между тем господин Арминий был прежде всего дипломатом. Вестфальская честность служит ему только маской для очень тонкого ума. Незадолго до своего отъезда из Лондона я случайно опять познакомился с господином Арминием

по гриммовскому изданию исторических источников, которое тебе знакомо.

Ты ведь помнишь И. Мейера (около Билефельда), который отказался напечатать нашу рукопись о Штирнере и т. д. и навязал нам юношу Криге? Этот самый Мейер несколько месяцев тому назад бросился в Варшаве, где он был по делам, из окна и наилучшим образом сломал себе шею.

Наш приятель Микель, который так охотно согласился пожертвовать свободой ради единства, рассчитывает, как говорят, на крупный пост. Как мне кажется, этот brave homme¹⁰ ошибается в своих расчетах. Если бы он не предался Бисмарку так безусловно и фанатически, он мог бы получить хорошие чаевые. Но теперь! К чему? После своего выступления в северо-германском парламенте он стал столь ненавистен, что прикован к пруссакам, как каторжник к цепи.

А пруссаки, как известно, не любят «беспольных» и «излишних» dépenses.¹¹ Недавно бисмарковская газета, т. е. «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» подлеца Брасса напечатала о господах из «Национального союза» очень остроумную статью, в которой пишет, что не может даже следовать пословице: «de mortuis nil nisi bene».¹² Она отпустила сторонников Северо-германского союза, прислужников Бисмарка из Национального союза, наградив их сon amore¹³ ма-стерским пинком ноги.

Что касается войны, то я всецело согласен с тобою. *Теперь* война может быть только вредна. Отсрочка войны, хотя бы только на один год, была бы для нас дороже золота. С одной стороны, Бонапарт и Вильгельм Завоеватель непременно оскандалятся за это время. Оппозиция в Пруссии опять пробудится (теперь ее единственный орган: «Die Zukunft» в Берлине, основанный Якоби), и во Франции могут начаться события. Дела становятся все хуже и хуже, и ни тевтонскими, ни галльскими фразами нельзя заглушить царящую на континенте нужду.

По моему мнению, отсрочкою войны мы обяваны *исключительно* министерству Дерби. Оно антирусское, а Россия не решается подать сигнал, пока она не уверена в Англии. Гладстон, этот phrasemonger¹⁴ (всецело под влиянием леди Пальмерстон, Шефтсбэри, лорда Каупера) и Брайт, а также и Россель, дали бы ей гарантии желательного настроения со стороны Англии. В 1859 г. Дерби тоже должен был уйти для того, чтобы стало возможно инсценировать спектакль в Италии. В Северо-германском парламенте Бисмарк был вынужден самым грубым образом бросить полякам перчатку и тем prodаться царю душою и телом.

В прусской армии среди лучших офицеров господствует большое недоверие к русским, как я лично узнал здесь у капитана фон-Бельциг (гвардейского полка, воспитанник кадетского корпуса, королевско-прусского образа мыслей, но славный парень). — «Я не понимаю поведения Бисмарка в Северном Шлезвиге. Только русским, — он сказал это по собственной инициативе, — выгодно держать нас подольше в напряженных отношениях с Данией». Он назвал также Фридриха-Вильгельма IV «темной личностью», которая на полстолетие сделала Германию прислужницей России. По его словам, русские офицеры «трусы», армия, за исключением гвардейских полков, никуда не годится, Австрия одна способна справиться с русской армией и т. п.

Я сообщил ему еще не мало других вещей относительно московитов, которые не преминут оказать свое действие.

Теперь прощай. Сердечнейший привет мистрис Лицци.

Tout à vous. ¹⁵

Твой *Мавр*.

¹ в бедственном положении. ² делах. ³ После столь многочисленных опасностей! ⁴ постепенно. ⁵ в придачу. ⁶ маленькие неприятности. ⁷ испытаний. ⁸ мысленную оговорку. ⁹ немедленно. ¹⁰ парень. ¹¹ расходов. ¹² о покойниках нельзя ничего говорить, кроме хорошего. ¹³ с любовью ¹⁴ торговец фразами. ¹⁵ Преданный тебе.

1022.

Манчестер, 86, Mornington Street,
[Около 20 мая 1867 г.]

Дорогой Фред!

В воскресенье приехал в Лондон. А сегодня пожаловал сюда. Но прими во внимание: *со мною* некий Г. Мейер из Сан-Луи, которого я оставил в вокзальном refreshment room ¹ и за которым сейчас отправляюсь для того, чтобы поместить его здесь поблизости, в «Звезде».

Он был последним *compagnon* ² Вейдемейера до самой смерти; жену Вейдемейера, тоже *mourante*, ³ он перевез из Сан-Луи к ее друзьям и оказывал ей поддержку. Ко мне он прибыл с рекомендацией от Якоби (Нью-Йорк.)

Этот Мейер, по пути в Германию, приехал в Англию только *для того, чтобы посетить нас обоих*. Он явился вчера. Меня не было дома. Жена моя рассказала ему, что я поеду сегодня к тебе в Манчестер.

Этих *hints* ⁴ достаточно, чтобы объяснить тебе, каким образом случилось, что он приехал сюда со мною. Он останется здесь только

два дня. At first ⁵ это было мне неприятно. Но ради Вейдемейера! Он славный, дельный парень, этот Мейер, но соокс ⁶ медленно и не-сколько скучно.

Привет.

Твой *Мавр*.

¹ буфете. ² товарищем. ³ умирающую. ⁴ намеков. ⁵ Первоначально. ⁶ варит.

1023.

3 июня 1867 г.

Дорогой Фред!

Из прилагаемой записки Виганда ты увидишь, почему тобою не получены 10-й и 11-й листы и вообще дальнейшая корректура для просмотра. Зато ты получишь пять первых пробных листов, присланных мне. Ты можешь держать их приблизительно от восьми до десяти дней, ты должен сообщить мне свое подробное мнение также о том, *какие именно пункты* в изложении *форм стоимости* необходимо популяризировать в приложении специально для филистеров.

Насчет фениев передал. Остальные поручения будут by andby ¹ исполнены.

Просмотри «Nermann» за последнюю неделю. Он теперь является специальным вестником господина Фрейлиграта, который еженедельно докладывает здесь через посредство Юха о progress of the subscription. ² Женничка говорит, что если бы ее отец занимался чем-нибудь подобным, она публично объявила бы его не-отцом. На это Лафарг спросил ее: «Mais qu'est-ce que votre mère dirait là-dessus?» ³ Вообще наш благородный поэт так лукав, что уже теперь заявляет о *необходимости* для него остаться в Лондоне ввиду его возможного участия в переводе Шекспира.

Фердинанд и Ида, Ида и Фердинанд, a well assorted couple, those two! ⁴

Кстати. На вопрос Гумперта я ему сказал, что Лафарг работает в больнице св. Фомы. Однако это неверно. Он работает в Варфоломеевской больнице и требует, чтобы ошибка была исправлена.

Не забудь только заказать фотографии твою и Лупуса.

My best compliments to Mrs. Lizzy, ⁶ Муру и Хлормайеру [Шорлеммеру].

Привет.

Твой *К. М.*

Из парижской корреспонденции «Times'a» узнал с истинным удовольствием о полонофильских возгласах парижан *против* Александра

и т. д. Господин Прудон и его маленькая доктринерская клика — это еще не French people. ⁶

¹ постепенно. ² ходе подписки. ³ «Но что сказала бы по этому поводу ваша мать?» ⁴ хорошо подобранная пара, эти двое! ⁵ Наилучшие приветы мистрис Лицци. ⁶ Французский народ.

1024.

16 июня 1867 г.

Дорогой Мавр!

В течение последней недели я был так расстроен различными препирательствами с господином Готфридом и другими подобными историями и препятствиями, что я имел лишь очень мало досуга для изучения форм стоимости. Иначе я давно вернул бы тебе листы. Лист № 2 носит слегка подавленный карбункульный характер, но теперь этого уже нельзя изменить, и я полагаю, что и в приложении ничего не надо писать, ибо ведь филистер не привык к этой манере абстрактного мышления и, наверное, не станет мучить себя ради форм стоимости. В лучшем случае можно было бы более простым путем доказать исторически то, что здесь было достигнуто диалектическим путем, так сказать, испытать его на примере истории, хотя нужное об этом и так сказано; но у тебя так много материала, что ты, наверное, сможешь написать об этом отличный экскурс, который историческим путем докажет филистеру необходимость образования денег и происходящий при этом процесс.

Твоя ошибка в том, что ты не сделал ход мыслей этих абстрактных рассуждений более наглядным при помощи более мелких подразделений и отдельных заголовков. Эту часть ты должен был бы обработать, по примеру гегелевской Энциклопедии, в виде кратких параграфов, подчеркивая каждый диалектический переход особым заголовком и, по возможности, печатая все экскурсии и примеры особым шрифтом. От этого книга приобрела бы несколько школьный вид, но для большего круга читателей было бы существенно облегчено ее понимание. Публика, даже ученая, теперь уже не привыкла к этой манере мышления, и необходимо предоставить ей все возможные облегчения.

В сравнении с прежним изложением (Дункера) прогресс в остроте диалектического развития очень значительный, но что касается самого изложения, то некоторые места нравятся мне больше в прежнем виде. Очень жаль, что именно второй лист, весьма важный, пострадал под влиянием карбункулов. Но этого уже нельзя изменить, и кто способен мыслить диалектически, тот поймет. Остальные

листы очень хороши и доставили мне большую радость. Надеюсь, что ты сможешь скоро опять прислать мне пять-шесть листов (причем прошу опять приложить пятый лист, дабы я не потерял нити изложения); листы, прочитываемые порознь, будут иметь гораздо лучший вид, если прочесть их все вместе.

Я нашел еще несколько опечаток. В список я бы поместил только те, которые действительно меняют смысл.

Вчера был у Гумперта. Раувге garçon!¹ Он с каждым днем опускается все больше. Невозможно было заинтересовать его какими-нибудь научными и даже политическими вопросами. Городские сплетни, ничего кроме городских сплетен! И при этом он еще удивляется, что к нему не приходишь чаще.

Гофмана прочитал. Новейшая химическая теория, при всех своих недостатках, представляет большой прогресс по сравнению с прежнею атомистическою. Молекула, как наименьшая часть материи, *способная к самостоятельному существованию*, вполне рациональная категория, это, говоря словами Гегеля, «узел» в бесконечном ряду делений, узел, который не замыкает этого ряда, но кладет качественное отличие. Атом, — который прежде изображался как предел делимости, — является теперь только *отношением*, хотя мосье Гофман на каждом шагу возвращается к старому представлению, будто существуют действительно неделимые атомы. В общем, констатированный в книге прогресс химии действительно огромный, и Шорлеммер говорит, что эта резолюция все еще продолжается, так что каждый день можно ожидать новых переворотов.

Наилучший привет твоей жене, девочкам и электрику. Пять листов отсылаю сегодня обратно.

Твой Ф. Э.

¹ Бедный парень! ☹

Дорогой Фред!

При сем четыре дальнейших листа, присланных мне вчера. Эти подлецы оставили много опечаток, которые я очень ясно исправил. «Children's Employment Commission»¹ мы в корректуре неправильно исправили на Childrens'. Ибо children есть именительный множественного, следовательно апостроф — знак родительного падежа. Я это заметил сразу, как только снова увидел Blue Books.²

Кинг пишет мне, что *фении еще не освобождены*. Это дело будут втягивать до пределов возможности и постараются дотянуть до самого конца сессии.

Я надеюсь, что ты останешься доволен этими четырьмя листами. Твое одобрение до сих пор мне важнее, чем то, что may say of it ³ весь остальной мир. Во всяком случае, я надеюсь, что буржуазия всю свою жизнь будет вспоминать о моих карбункулах. Вот еще одно доказательство ее подлости! Ты знаешь, что Children's Employment Commission ⁴ работала пять лет. После ее первого отчета, появившегося в 1863 г., были немедленно «урегулированы» те отрасли промышленности, на которые она указывала. В начале этой сессии торийское министерство, через посредство Вальполя, the weeping willow, ⁵ внесло проект, который принимал все предложения комиссии, хотя и в очень урезанном виде. Господа, которые должны были подпасть под действие нового закона, в том числе крупные фабриканты мелкой обрабатывающей промышленности, а также вампиры «домашнего труда» в смущении молчали. Теперь они подают в парламент петицию и требуют *нового расследования!* Прежнее-де было пристрастным! Они рассчитывают на то, что билль о реформе поглощает все общественное внимание, так что вопрос сможет проскользнуть удобно и незаметно, тем более, что ветер дует против трэд-юнионов. Самое худшее в «докладах», это — *собственные показания этих господ*. Поэтому они знают, что новое расследование означает только одно, но как раз то, чего «мы, буржуа, хотим», а именно новый срок эксплуатации на пять лет! К счастью, мое положение в «Интернационале» дает мне возможность расстроить тонкие планы этих прохвостов. Это дело чрезвычайной важности. Речь идет об *отмене мучений* для полутора миллионов человек, не считая adult male workingmen! ⁶

Что касается развития *формы стоимости*, то я и последовал твоему совету и не последовал ему, желая и в этом отношении остаться диалектиком. Это значит, во-первых, что я написал *приложение*, в котором излагаю *тот же вопрос* в столь простом и «школьном» виде, как только возможно, и, во-вторых, что я по твоему совету выделил каждый этап развития в *параграф с собственным подзаголовком*. В *предисловии* я сообщаю «не-диалектическому» читателю, что он должен пропустить такие-то страницы и вместо них прочесть приложение. Речь идет здесь не только о филистере, но и о любознательной молодежи и т. п. Кроме того, этот вопрос — решающий для всей книги. До сих пор господа экономисты проглядели самую простую истину, что форма: 20 футов холста = 1 сюртуку, является лишь неразвитым базисом формы: 20 футов холста = 2 фунтам стерлингов; что, таким образом, *простейшая форма товара*, в которой его стоимость выражена еще не в виде отношения ко всем другим товарам, но лишь в виде *отличия* от его собственной естественной

формы, заключает в себе *всю тайну денежной формы* и тем самым, *in pice*⁷, *всех буржуазных форм продукта труда*. В первом изложении (дункеровском) я избежал всей трудности развития этих мыслей тем, что дал собственный анализ *выражения стоимости* только для того момента, когда оно является в развитом виде, в виде денежного выражения.

Относительно Гофмана ты вполне прав. Вообще из конца моей III главы, где намечено превращение ремесленного хозяина в капиталиста — в результате чисто *количественных* изменений, — ты увидишь, что там в *тексте* я цитирую открытый Гегелем *закон превращения чисто количественных изменений в качественные*, как имеющий силу в истории и в естествознании. В *примечании* же к тексту (я как раз тогда услышал о Гофмане) я упоминаю *о молекулярной теории*, но не о Гофмане, который, ничего не открыв в ней, лишь придал ей последний лоск, а о Лоране, Жераре и Вюрце, из которых последний является *настоящим* творцом этой теории. После твоего письма я смутно припомнил этот вопрос и потому просмотрел свою рукопись.

В последние две недели печатание шло медленно (только четыре листа), вероятно из-за праздника Троицы. Но господин О. Виганд должен это наверстать. Кстати! *Твою* книгу еще можно получить. Рабочий союз заказал у О. Виганда и получил два new copies⁸ (второе издание 1848 г.).

Теперь о частных делах.

Мои дети вынуждены пригласить к себе второго июля других девиц на танцы, так как они в течение всего этого года никого к себе не приглашали, не могли отвечать на приглашения подруг приглашениями со своей стороны, так что они могут растерять все свои связи. Как я материально ни стеснен в настоящий момент, я не мог не согласиться на это и рассчитываю на тебя в отношении вина (кларет и рейнское), т. е. рассчитываю на то, что ты достанешь его мне в течение ближайшей недели.

Во-вторых, так как «несчастье» никогда не приходит в единственном числе, то Лина [Шлер] известила о своем визите на ближайшей неделе. Моя жена должна ей тогда вернуть те пять фунтов, которые она ей должна, и ты поймешь, что после отражения первого штурма кредиторов я в этом случае ничего не могу дать.

Меня, в самом деле, охватывает бешенство против тех людей, которые мне обещали денежную помощь и от которых (по крайней мере до сих пор) ни слуху, ни духу. Они интересуются лично мной. Это я знаю. Они также знают, что без известного спокойствия

я не могу продолжать своей работы. И все же от них ни слуху, ни духу!

«Благородный» поэт Фрейлиграт соберет по подписке довольно изрядную сумму. Затем имеет большой успех попрошайничанье у богатых немцев в Южной Америке и... в Китае! и в Вест-Индии! так как эти немцы считают это *национальным* делом. Между тем Фрейлиграта продолжают жить попрежнему *относительно* на широкую ногу, дают постоянно у себя званые вечера и постоянно бывают на таковых в других домах. Этим объясняется, что немецкие коммерсанты в Лондоне не очень раскошеляются на подписку. Сам толстяк (как утверждает моя жена, посетившая их) выглядит больным и удрученным. Ида же цветет, как дикий мак, и никогда в своей жизни не была в лучшем настроении, чем теперь.

Наилучший привет мистрис Лицци.

Твой К. М.

*Honoris causa*⁹ ты должен выпросить для меня фотографию мадам Гумперт.

¹ Комиссия по обследованию детского труда. ² Синие книги. ³ может сказать об этом. ⁴ Комиссия по обследованию детского труда. ⁵ этой плакучей ивы. ⁶ взрослых мужчин-рабочих. ⁷ в зародыше. ⁸ новых экземпляра.

1026.

24 июня 1867 г.

Дорогой Мавр!

Получил с благодарностью листы до двенадцатого включительно, но еще не прочел дальше 8-го. Главы о превращении в капитал и о возникновении прибавочной стоимости представляют, с точки зрения изложения и содержания, наиболее блестящее место. Я вчера перевел их Муру, который воспринял их вполне правильно и очень удивлялся этому простому методу достижения результатов. В то же время я решил вопрос о том, *кто* должен перевести твою книгу на английский язык: это Мур. Он достаточно знает теперь немецкий язык для того, чтобы весьма бегло читать Гейне, и быстро работает в твой стиль (за исключением формы стоимости и терминологии, где я должен буду в большой степени прийти ему на помощь). При этом, само собою понятно, что вся работа будет происходить под моим непосредственным наблюдением. Как только ты найдешь издателя, который кстати немного *заплатит* ему за его работу, он охотно возьмется за работу. Он парень прилежный, надежный и при этом настолько теоретически образован, насколько этого можно требовать от англичанина. Я сказал ему, что анализ товара и о-

днягах ты сам вновь переработашь по-английски. Но для остального тоже нужна *терминология* (английская) для перевода гегелевских выражений, и при случае ты можешь об этом подумать, так как это нелегко, хотя и необходимо.

Сколько листов, собственно говоря, уже набрано? Я никак не могу в этом разобраться; ведь теперь должна быть уже набрана половина книги!? Заранее радуюсь затруднительному положению господ экономистов, когда они дойдут до обоих вышеупомянутых мест. Конечно, глубочайшею сущностью всей буржуазной канители является развитие форм стоимости. Но там революционные выводы еще не выступают так ярко, и от таких абстрактных вещей люди могут легче отделаться фразами. Но здесь уже не то, вопрос поставлен так ясно, что я не вижу, какие у них могут быть возражения.

Я надеюсь, что удастся помешать планам господ буржуа с их новым расследованием. Я слышал несколько дней тому назад, как один фабрикант — металлург и машиностроитель — завывал насчет грозящей опасности. Однако очень хорошо, что комиссия сделала навсегда невозможными шеффильдские тайные суды. Этот местный терроризм и его большой успех удерживал жителей от участия в большом национальном движении и укреплял их в их местной ограниченности. Комичны эти вопли буржуа. Как будто сами господа буржуа не имели в Австралии и Калифорнии своих тайных судов, своих *vigilance committees*¹, которые поступали точно так же, разве только что было еще больше казней!

Вино я тебе пришлю, а также еще один десятифунтовый билет до конца этого месяца. Я хотел бы, чтобы вы отложили свой *party*² до 2 июля. Ты понимаешь, что я не могу, не возбуждая большого внимания, взять себе 100 фунтов как раз в *первый* день нового расчетного года; я не должен допустить, чтобы конторские служащие слишком много размышляли о том, на что мне такая сумма.

Относительно молекулярной теории Шорлеммер сказал мне, что ее главными авторами являются Жерар и Кекуле; Вюрц лишь популяризировал и разработал ее. Он пришлет тебе книгу, где изложено историческое развитие вопроса.

Нет ли старых английских философских сочинений эпохи до-бэконовской или до-локковской, где можно было бы найти материал для терминологии? Мне кажется, что существует нечто подобное. И как обстоит дело с английскими попытками передать Гегеля?

Наилучший привет твоей жене и девицам.

Твой Ф. Э.

¹ сыскных комиссий. ² званый вечер.

1027.

26 июня 1867 г.

Дорогой Мавр!

«Во исполнение моего вчерашнего письма» при сем две половинки пятифунтовых билетов; вторые половинки последуют завтра утром с первою почтою и, таким образом, будут завтра вечером в твоём распоряжении.

О возникновении прибавочной стоимости еще следующее: фабрикант и с ним вместе вульгарный экономист немедленно возразят тебе: если капиталист оплачивает рабочему за его двенадцатичасовой рабочий день только цену шести часов, то отсюда не может возникнуть никакой прибавочной стоимости, ибо тогда каждый рабочий час фабричного рабочего считается равным лишь получасу работы — в соответствии с тем, как он оплачивается, и входит в стоимость продукта труда лишь как стоимость получасовой работы. Затем следует пример обычной калькуляционной формулы: столько-то на сырье, столько-то на снашивание, столько-то на заработную плату (*действительно израсходованную* в соответствии с действительным часовым продуктом) и т. п. Как ни слаб этот аргумент, как ни отождествляет он меновую стоимость с ценою, а стоимость труда с заработной платою, как ни абсурдна его предпосылка, что рабочий час, если он оплачивается только как полчаса, входит в стоимость лишь в виде получаса, — но все-таки я удивляюсь, что ты не принял этого во внимание, ибо это возражение будет тебе, *наверное*, немедленно сделано, и было бы лучше заранее опровергнуть его. Может быть, ты вернешься к этому в ближайшем листе.

Ты должен достать мне адрес в Лондоне, по которому я мог бы послать тебе на будущей неделе 100 фунтов. Я предполагаю через неделю поехать вместе с Лицци через Гримсби в Гамбург, Шлезвиг, Копенгаген и т. д. и буду в отсутствии около месяца. Поэтому я должен послать туда деньги в четверг или пятницу через нашего кассира и поэтому мне нужен *нейтральный* адрес, по возможности *коммерческий*. Итак, ты должен подумать, кому ты поручишь это, и немедленно сообщи мне.

После того как я отошлю Лицци из Гамбурга обратно в Гримсби, я посету Мейснера и Кугельмана, а вслед за этим отправляюсь на Рейн.

Наилучший привет.

Твой Ф. Э.

1028.

27 июня 1867 г.

Дорогой Фред!

Дети шлют тебе сердечную благодарность.

Я написал сегодня Мейснеру, что «лейпцигская» метода не может дольше так продолжаться. С понедельника я *ничего* не получил. Вообще корректуры приходят совершенно нерегулярно, так что мне приходится то и дело прерывать другую работу и все время находиться в совершенно ненужном напряжении. Случается, что я за целую неделю получаю всего-навсего один лист, а второй лист получается как раз в *субботу вечером*, когда его уже нельзя переслать. Я написал Мейснеру, что Виганд должен посылать *минимум* по три листа в *определенные условленные дни*, но что я буду всегда рад, если он иногда пришлет *больше*.

Если я еще получу во-время 13-й и 14-й листы в окончательном виде, то ты получишь их в воскресенье. Я хотел бы, чтобы ты до своего отъезда просмотрел, как я отделал Сениора и что я написал о *рабочем дне*. Вообще, параграф о «рабочем дне» занимает пять печатных листов, в которых, естественно, преобладает фактический материал. Дабы ты мог видеть, как точно последовал я твоему совету в обработке приложения, привожу ниже введение, параграфы, заглавия и т. п. этого приложения.

Приложение к главе 1, 1.

Форма стоимости.

1. Простая форма стоимости.

§ 1. Два полюса выражения стоимости: относительная форма стоимости и эквивалентная форма стоимости.

- a) Нераздельность обеих форм.
- b) Полярность обеих форм.
- c) Относительная стоимость и эквивалент, и та и другая лишь формы стоимости.

§ 2. Относительная форма стоимости.

- a) Отношение равенства.
- b) Отношение стоимости.
- c) Качественное содержание относительной формы стоимости, содержащейся в отношении стоимости.

- d) Количественная определенность относительной формы стоимости, содержащейся в отношении стоимости.
- e) Относительная форма стоимости в целом.
- § 3. Эквивалентная форма.
- a) Форма непосредственной обмениваемости.
- b) Эквивалентная форма не содержит в себе количественной определенности.
- c) Особенности эквивалентной формы.
- α) Первая особенность: потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности — стоимости.
- β) Вторая особенность: конкретный труд становится формой проявления своей противоположности — абстрактного человеческого труда.
- γ) Третья особенность: частный труд становится формой своей противоположности, т. е. трудом в его непосредственно общественной форме.
- δ) Четвертая особенность: фетишизм товарной формы выступает более ярко в эквивалентной форме, чем в относительной форме стоимости.
- § 4. Форма стоимости, или самостоятельная форма проявления стоимости = меновая стоимость.
- § 5. Простая форма стоимости товара = простое проявление содержащейся в нем противоположности между потребительною стоимостью и стоимостью.
- § 6. Простая форма стоимости товара = простая товарная форма вещи.
- § 7. Соотношение между товарной формой и денежной.
- § 8. Простая относительная форма стоимости и единичная эквивалентная форма.
- § 9. Переход простой формы стоимости в развернутую.

II. Полная или развернутая форма стоимости.

- § 1. Бесконечность ряда относительных выражений стоимости.
- § 2. Дальнейшие определения, содержащиеся в развернутой относительной форме стоимости.
- § 3. Недостатки развернутой относительной формы стоимости.
- § 4. Развернутая относительная форма стоимости и особенная эквивалентная форма.
- § 5. Переход ко всеобщей форме стоимости.

III. Всеобщая форма стоимости.

- § 1. Измененный вид относительной формы стоимости.
- § 2. Измененный вид эквивалентной формы.
- § 3. Равномерность в развитии соотношения относительной формы стоимости и эквивалентной формы.
- § 4. Развитие полярности относительной формы стоимости и эквивалентной формы.
- § 5. Переход от всеобщей формы стоимости к денежной форме.

IV. Денежная форма.

(О денежной форме пишу здесь только ради связности изложения. Будет, быть может, меньше половины страницы.)

- § 1. Отличие перехода от всеобщей формы стоимости к денежной форме от прежних переходов развития.
- § 2. Превращение относительной формы стоимости в форму цены.
- § 3. Простая товарная форма представляет тайну денежной формы.

Вот и все!

Твой *Мавр*.

Не забудь до своего отъезда написать несколько строк Боркгейму, дабы не вышло «недоразумения».

Что касается *английского перевода*, то я стараюсь найти в Лондоне человека, который *хорошо заплатил бы* за него, дабы Мур в качестве переводчика и я в качестве автора — оба получили свою долю. Если это удастся, то мистрис Лицци тоже должна получить *свою* долю в виде London dress.¹ (Ты должен in that case² разрешить мне это удовольствие, хотя... журавль еще в небе.) Я имею некоторые шансы, принимая во внимание страстное желание господ Гаррисона и К^o изучить книгу *по-английски*. Разумеется, Эккариус сказал им, что он мой humble³ ученик (*его* критика Милля очень импонировала им, до сих пор верившим в Милля) и что как раз теперь сам *пророк* публикует, т. е. печатает, в Германии всю суть своей премудрости.

Отчет о деле фениев возбуждает во мне отвращение. Эти подлецы прославляют, как *английскую* гуманность, то обстоятельство, что с политическими заключенными обращались *не хуже*, чем с убийцами, уличными грабителями, фальшивомонетчиками и педерастами! И что за queer fellow⁴ этот О'Донован Росса, который, будучи осужден за felony,⁵ не хочет подлизываться к своим заклятым врагам! Действительно, queer fellow!⁴ Вообще могли ли бы сами

пруссаки быть более бюрократическими, чем эти эмиссары weering willow, ⁶ этот Нокс (читай: Окс*) и Поллок (Бульдог), которые, конечно, вполне доверяют показаниям subordinate «warders». ⁷ Если вы не верите warders, ⁷ то ведь вы, наверное, верите директору полиции Вермуту!

Госпожа О'Донован Росса, перед своим отъездом в Америку, написала Интернационалу a very flattering and very graceful letter. ⁸

Ярость «северо-германского» бисмарковского оракула по поводу заявлений Стэнли и Дерби относительно люксембургского treaty ⁹ была для меня целительным бальзамом. Этот осел Брасс называет это нововведением! Пальмерстон раз-навсегда laid down ¹⁰ правило, что common treaties ¹¹ создают for any state ¹² только право интервенции, но ни в коем случае не *обязанность*. Что же станет тогда с obligations, ¹³ принятыми на Венском конгрессе Англией в интересах Польши, как по отношению Пруссии, так и по отношению к России, а также и Франции?

¹ лондонского платья. ² в этом случае. ³ скромный. ⁴ удивительный парень. ⁵ государственную измену. ⁶ плакучей ивы. ⁷ низших «тюремных надзирателей». ⁸ лестное и очень любезное письмо. ⁹ договора. ¹⁰ установил. ¹¹ всеобщие договоры. ¹² для каждого государства. ¹³ обязательствами.

1029.

27 июня 1867 г.

Дорогой Фред!

Две половинки пятифунтовых банковских чеков с величайшей благодарностью получил. Что касается адреса, то пошли по адресу *Боркгейма*. Он имеет представление о моем положении, представление, естественно, неясное; он знает лишь то, что я считал необходимым ему сообщить. Для меня лучше даже, если он знает, что ты мне даешь деньги взаймы. Ты мне должен лишь написать, когда деньги будут ему отправлены. Я не вижу, к чему мне втягивать в дело еще третьего филистера.

«Фенисв» ты сегодня получишь по почте.

Твои вчерашние строки доставили мне огромную радость и мне незначем распространяться дальше на эту тему.

Я получил последним по счету двадцатый лист. Во всей книге будет от сорока до сорока двух листов. *Дальнейших чистых листов* после тех, которые были посланы тебе, я до сих пор не получил.

* [Ох по-английски значит бык.]

Те, которые имеются у тебя на руках, отошли мне обратно при твоём отъезде.

Что касается упомянутого тобой неизбежного возражения мещанина и вульгарного экономиста (которые, конечно, забывают, что если они принимают в расчет *оплаченный труд* под именем *заработной платы*, то они *неоплаченный труд* принимают в расчет под именем *прибыли* и т. д.), то в своем научном выражении это сводится к вопросу:

Как превращается стоимость товара в его *цену производства*, в которой

1) *вся сумма труда представляется оплаченной* в форме *заработной платы*;

2) прибавочный же труд или прибавочная стоимость принимает под именем процента, прибыли и т. д. форму *надбавки на цену*, а именно надбавки на *издержки производства* (= цена постоянного капитала + заработная плата).

Ответ на этот вопрос предполагает:

I. Что прослежено *превращение*, напр., *дневной стоимости рабочей силы* в *заработную плату* или *цену дневного труда*. Это выполнено в главе V этого тома.

II. Что прослежено *превращение прибавочной стоимости в прибыль, прибыли в среднюю прибыль* и т. д. Это предполагает предварительное изложение *процесса обращения капитала*, так как оборот капитала и т. д. играет при этом роль. Об этом может идти речь лишь в третьей книге (т. II содержит вторую и третью книги). Здесь обнаружится, на какой основе возникает *система представлений* мещанина и вульгарного экономиста; именно она возникает благодаря тому, что в их мозгу всегда отражается лишь непосредственная *форма проявления* отношений, а не их *внутренняя связь*. Если бы впрочем, последнее имело место, то зачем вообще нужна была бы тогда *наука*?

Если бы я захотел *предупредить* все такого рода возражения, то я бы испортил весь диалектический метод изложения. Наоборот. Этот метод имеет то преимущество, что он *ставит* этим господам на каждом шагу ловушки, вынуждающие их к несвоевременному обнаружению их непроходимой глупости.

Впрочем, непосредственно за § 3: «Норма прибавочной стоимости», имевшимся в последний раз в твоих руках, следует параграф: «*Рабочий день*» (борьба за продолжительность рабочего времени), содержание которого *ad oculos*¹ показывает, насколько господину буржуа *практически* ясны источник и субстанция его прибыли. Это

проявляется также в *case Senior*,² где буржуа уверяет, что источником всей его прибыли и процентов служит *последний неоплаченный рабочий час*.

Сердечный привет мистрис Лицци.

Твой К. М.

На обратном пути ты должен остановиться здесь на несколько дней.

А ргорос. Я ни в каком отношении не считал целесообразным посвящать господина Мейснера в мои частные обстоятельства.

¹ с очевидностью. ² случае с Сениором.

1030.

20 июля 1867 г.

Дорогой Энгельс!

Я пишу эти строки второпях, надеясь, что они еще застанут тебя в Ганновере. *C'est une chose brûlante*.¹ Старик Лафарг пригласил моих трех дочерей в Бордо (они уезжают завтра вместе с *secrétaire*);² оттуда они вместе с ним и его женою поедут на морские купанья. Я тем менее мог отклонить это, что при теперешнем состоянии здоровья всех трех девушек это приглашение является истинным счастьем. Но приличие не позволяет, чтобы *secrétaire de l'Espagne*³ оплатил расходы путешествия. Поэтому я должен был вручить ему около 30 фунтов (туда и обратно). К тому же надо было выкупить из ломбарда их часы, платья и т. п. Так расплылись 45 фунтов, которые я держал в запасе для арендной платы на 3 августа. (*Вексель на мое имя*.)

Теперь мне не остается ничего другого как написать тебе. Если письмо тебя застанет, немедленно напиши мне и *приложи письмо к Боркгейму*, чтобы он выдал мне деньги.

Читай в Германии: «Двенадцать борцов революции» Густава Струве и Густава Раша. В рубрике «борца революции» Фрейлиграта ты увидишь, как этот почтенный муж откровенно предает нас.

Твой К. М.

¹ Дело не терпит промедления. ² секретарем. ³ испанский секретарь.

1031.

10 августа 1867 г.

Дорогой Фред!

Сегодня получил из Манчестера прилагаемое милое письмо от Дронке. Ему понадобилось около двух недель, чтобы дать мне

добрый совет «продавать» вино и кофе для покрытия расходов по пересылке.

Маленький француз был сегодня опять у меня и грозился написать старику Лафаргу. Все, что я мог сделать, это умиловить его обещанием, что во вторник утром он получит свои деньги.

Пачку «*Courrier Français*» и два случайных номера «*Diplomatic Review*» вышлю отсюда в понедельник.

Привет.

Твой *К. М.*

1032.

11 августа 1867 г.

Дорогой Мавр!

При сем пятифунтовый билет, который я, к счастью, взял вчера и который, надеюсь, удовлетворит твоего *Frenchman*.¹ Прилагаю также письмо Дронке. Итак, наш Малыш сел на мель со своими маленькими спекуляциями. Я боюсь, что он вынужден будет освободиться от обяательства по отношению к акциям Барнеди путем *Bankruptcy Court*.² Это очень тяжело для бедняги: сперва процесс по поводу страхования, а теперь эти неудачи. Однако у него ведь остается его агентура, и при ее помощи он, при меньшем увлечении спекуляцией, сможет скоро опять поправить свои дела.

Я бегло прочел до 32-го листа, но напишу тебе об этом лишь позже; при беглом первом чтении многочисленные примеры в этой части несколько затемняют связь. Но там имеются отличные места, и капитал и его сикофанты будут тебе навеки благодарны.

По пути сюда я имел удовольствие: ружейная пуля пробила окно и пролетела через вагон, на расстоянии менее 12 дюймов от моей груди. Повидимому, какой-то *volunteer*³ хотел еще раз доказать, что ему нельзя доверять огнестрельное оружие. Это наиболее замечательный *railway accident*,⁴ который когда-либо приключался со мною.

У Лици был также очень плохой обратный путь; она говорит, что никогда больше не поедет морем.

Наилучший привет твоей жене.

Твой *Ф. Э.*

¹ француз. ² Конкурсного суда. ³ доброволец. ⁴ железнодорожный случай.

1033.

14 августа 1867 г.

Дорогой Фредерик!

Как ты видишь из прилагаемого, мне угрожает опись имущества, если я не уплачу в ближайшую пятницу налоги (в сумме

11 фунтов 9 пенсов). Далее, я должен в конце этой недели внести проценты в ломбард в сумме 1 фунта 15 шиллингов, а то вещи пропадут. Я только теперь сообщаю тебе об этой дряни, так как до этого делал попытки — к сожалению, тщетные — достать деньги в Лондоне.

При тех огромных деньгах, которые ты переслал мне в этом году, у меня не создалось бы такое положение, если бы у меня до этого уже не было долгов на сумму свыше 200 фунтов стерлингов. Дабы привести дела в порядок и не стеснять тебя так ужасно, мне безусловно необходимо устроить заем еще в одном месте, если даже для этого понадобится новая поездка на континент. Но я не могу двинуться с места, пока не будет закончено печатание. Сегодня я получил 48-й лист. Итак, на этой неделе всястряпня будет закончена.

Привет.

Твой К. М.

1034.

15 августа 1867 г.

Дорогой Мавр!

При сем три пятифунтовых билета:

I 65 551	} Manchester,	
V 44 954		
V 65 113		} 29 Jan. 1866.
V 44 953		

и обратно налоговая повестка. При *таких* обстоятельствах *крайне важно* держать мое возвращение в секрете от Боркгейма, дабы я мог заплатить ему возможно позже в *сентябре*; в противном случае я буду крайне стеснен, так как ты сам понимаешь, что и здесь у меня масса платежей как раз в новом полугодии. Кроме того, в результате понижения цен на пряжу нам приходится при балансе оценивать наши запасы приблизительно на 2 500 фунтов ниже по сравнению с ценами, существовавшими при моем отъезде. Это тоже очень приятно!

Когда ты хочешь получить обратно часть листов? Шорлеммер просил меня давать ему их под ряд, по мере их просмотра мною, но это, разумеется, зависит от тебя. Я прочел теперь (бегло) книгу до конца и все же нахожу, что и второй том все еще *очень нужен*, и чем скорее ты его закончишь, тем лучше. Теперь я просмотрю еще раз всю книгу в целом, т. е. наиболее теоретические места. Эти

подлецы удивятся, видя, как «этаким манером», играючи, находят свое разрешение труднейшие вопросы, напр. теория прибыли Рикардо.

Наилучший привет твоей жене.

Твой Ф. Э.

Лупус родился в Тарнау 21 июня 1809 года, умер 9 мая 1864 года.

1035.

2 часа ночи, 16 августа 1867 г.

Дорогой Фред!

Только-что закончил корректуру *последнего листа* (49-го). Приложение — *о формах стоимости*, — напечатанное мелким шрифтом, занимает $1\frac{1}{4}$ листа.

Предисловие тоже отослал вчера, прокорректированное. *Итак, этот том готов.* Только тебе обязан я тем, что это стало возможным! Без твоего самопожертвования для меня я ни за что не мог бы проделать всю огромную работу для трех томов. I embrace you, full of thanks! ¹

При сем два чистых листа.

Пятнадцать фунтов стерлингов получил с большою благодарностью.

Привет, мой дорогой, верный друг!

Твой К. Маркс.

Чистые листы понадобятся мне обратно только тогда, *когда появится вся книга.*

¹ Обнимаю тебя, полный благодарности!

1036.

23 августа 1867 г.

Дорогой Мавр!

Я просмотрел теперь около 35 листов и поздравляю тебя с тем совершенством, с каким самые замысловатые экономические проблемы выясняются просто и почти наглядно благодаря только тому, что они ставятся на надлежащее место и в правильную связь; а также с превосходнейшим по существу изложением отношений между трудом и капиталом, данным здесь впервые полно и связно. Мне доставило также большое удовольствие видеть, как ты вработался в технологическую терминологию, что, наверное, должно было стоить тебе большого труда и что вызывало у меня различные

misgivings.¹ Отдельные slips of the pen² я исправил карандашом на полях, я также рискнул сделать некоторые вставки. Но как мог ты оставить *внешнее* подразделение книги в том виде, как оно есть! Четвертая глава занимает почти двести страниц и имеет только четыре отдела с заголовками, которые напечатаны обыкновенным шрифтом и которые с трудом можно разыскать. При этом ход мыслей постоянно прерывается иллюстрациями и иллюстрируемый пункт *никогда* не ревьюируется в конце иллюстрации, так что от иллюстрации *одного* пункта попадаешь прямо в изложение другого. Это страшно утомляет, а при недостаточно остром внимании даже путает. Здесь были бы в высшей степени уместны более частые подразделения и более сильное подчеркивание главных отделов; в английской переработке это должно быть непременно сделано. Вообще в этом изложении (именно в отделах кооперации и мануфактуры) мне еще не совсем ясны некоторые пункты; я не могу установить, к каким фактам относится развитие, намеченное здесь только в общих чертах. Судя по *внешней* форме изложения, эта четвертая глава написана очень спешно и меньше всех проработана. Но все это ничего не значит; важнее всего то, что господам экономистам не найти ни одного слабого места, где они могли бы пробить брешь. И, действительно, меня разбивает любопытство услышать, что скажут эти господа, ведь им не оставлено ни малейшей точки опоры. Люди типа Рошера найдут, конечно, для себя какое-нибудь утешение, но иначе обстоит дело со здешними англичанами, которые ведь не пишут для детей трехлетнего возраста.

Если ты сможешь опять прислать мне несколько листов, ты доставишь мне большое удовольствие, я хотел бы прочитать о накоплении в связанном виде.

Наилучший привет твоей жене. Когда возвращаются девочки?

Твой Ф. Э.

¹ опасения. ² описки пера.

1037.

24 августа 1867 г.

Дорогой Фред!

С тех пор как я тебе послал последние два чистых листа, я ничего больше не получал. Мейснер приводит меня в бешенство. Очевидно, он *завернул* присланное ему Вигандом, дабы послать *все сразу* и тем сэкономить 4 пенса на пересылке!

Тот же Мейснер написал мне на прошлой неделе, что он печатает отдельно некоторую часть моего предисловия (и он, действи-

In großer Freude

x

2 Ufer Markt. 16 Aug. 1867

2 Ufer Markt

Handpost nach Frankfurt, Wald des Hofes Frankfurt

Dear Fred,

Esse das Leipziger Leipziger (49.) das heißt
Frankfurt Leipziger das Leipziger — Leipziger —
Leipziger Leipziger Leipziger Leipziger
Leipziger Leipziger Leipziger Leipziger
Leipziger Leipziger Leipziger Leipziger
Leipziger Leipziger Leipziger Leipziger
Danke if us, das das möglich ist! Das
das Leipziger Leipziger Leipziger Leipziger
möglich das möglich Leipziger Leipziger
Bilder Leipziger Leipziger Leipziger Leipziger
of Leipziger!

believed Leipziger Leipziger.

Das 15te mit Leipziger Leipziger Leipziger

Salut, mit Leipziger Leipziger Leipziger
Das Leipziger Leipziger

тельно, выбрал *то, что нужно*), дабы разослать ее немецким газетам. Я написал ему, чтобы он немедленно прислал мне этот оттиск. Я рассчитывал на то, что ты переведешь его на *английский* язык (я дал бы это в «Beehive», издаваемый Миллем, Бизли, Гаррисоном и т. п.), Лафарг с помощью Лауры переведут на французский язык для «Courrier Français», а один экземпляр я послал бы своим американским корреспондентам. Чтобы съэкономить 4 пенса, Мейснер ничего не прислал. Он пришлет все вместе. Но таким образом пропадет *много времени!*

В моей книге самое лучшее — это: 1) (на этом основывается *все* понимание facts ¹⁾) подчеркнутый уже в *первой* главе *двойственный характер труда*, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или в меновой стоимости; 2) исследование *прибавочной стоимости независимо от ее особенных форм* в виде прибыли, процента на капитал, земельной ренты. Это особенно выяснится во втором томе. Исследование этих особенных форм в классической экономии, которая постоянно смешивает их со всеобщую формою, — представляет собой чистейшую окрошку.

Твои пожелания, разъяснения, queries ² и т. п. прошу *вписывать* в чистые листы. Это очень важно для меня, так как я рассчитываю рано или поздно на второе издание. Что касается главы IV, то мне стоило не малого труда найти *самые вещи*, т. е. их *связь*. Когда это было уже сделано, во время последней *обработки* стали обрушиваться одна за другою Blue book, ³ и я был восхищен, видя, как факты вполне подтверждают мои теоретические выводы. Наконец, глава писана при карбункулах и ежедневных приставааниях кредиторов.

Для последней части второй книги (*процесс обращения*), которую я *теперь* пишу, я должен опять, как много лет тому назад, прибегнуть к тебе в одном вопросе!

Постоянный капитал приходится восстанавливать in natura ⁴ лишь по истечении — скажем примерно — десяти лет. За это время его стоимость возвращается фабриканту частично и постепенно, по мере продажи товаров, изготовленных при помощи этого капитала. В этих прогрессивных returns ⁵ возникает надобность для восстановления постоянного капитала (оставляя в стороне repairs ⁶ и т. п.) только после того, как он уничтожился в своей вещественной форме, напр., в виде машин. Но *все время до этого* капиталист пользуется этими последовательными returns. ⁵

Много лет тому назад я писал тебе, что мне кажется, что таким образом образуется *фонд накопления*, ибо ведь капиталист

пользуется возвращаемыми суммами в *промежуточное время*, до момента *восстановления* при их помощи постоянного капитала. Ты высказался в одном письме, somewhat superficially,⁷ против этого. *Впоследствии* я нашел, что Мак-Куллох изображает этот sinking fund⁸ в виде *фонда накопления*. Будучи уверен, что у Мак-Куллоха не может быть правильных мыслей, я отказался от этого. Его *апологетические* цели были опровергнуты уже мальтузианцами, но *и они признают этот факт*. Ты, как фабрикант, должен ведь знать, что вы делаете с returns⁵ в счет постоянного капитала *до* того времени, когда вы его восстанавливаете in natura.⁴ И ты должен ответить мне на этот вопрос (без теории, *чисто практически*).

Salut to Mrs. Lizzy.⁹ Привет.

Твой К. М.

Дети еще в Роян около Бордо.

¹ фактов. ² вопросы. ³ Синие книги. ⁴ натуре. ⁵ возвратах. ⁶ ремонт. ⁷ несколько поверхностно. ⁸ амортизационный фонд. ⁹ Привет мистрис Лицци.

1038.

26 августа 1867 г.

Дорогой Мавр!

О фонде восстановления напишу завтра подробно с приложением расчетов. Я должен еще расспросить нескольких фабрикантов, является ли наш модус общим правилом или только исключением. А именно, вопрос заключается в следующем: при первоначальной стоимости машин в 1 000 фунтов стерлингов, когда в первый год списывается 100 фунтов стерлингов, списывается ли во второй год, в виде общего правила, десять процентов на 1 000 фунтов стерлингов или на 900 фунтов стерлингов и т. д. Мы делаем последнее, и потому расчет, понятно, уходит in infinitum,¹ по крайней мере теоретически. Это весьма усложняет расчеты. Вообще же нет никакого сомнения в том, что фабрикант пользуется фондом восстановления, или, по крайней мере, имеет его в своем распоряжении, *в среднем* за четыре с половиной года до того, как машины изнашиваются. Но это засчитывается, так сказать, в качестве некоторой гарантии против морального изнашивания; или же фабрикант заявляет: предположение, что машины целиком изнашиваются в десять лет, верно лишь приблизительно, т. е. при той предпосылке, что я получаю фонд восстановления в виде десятигодичных взносов уже с самого начала. Во всяком случае расчеты будут тебе присланы; что касается экономического значения этого вопроса, то оно мне не

совсем ясно; я не понимаю, каким образом фабрикант при помощи такого мнимого предлога может долго обманывать других соучастников в прибавочной стоимости или последних потребителей. Между прочим, обычно на машины списывается семь с половиною процентов, т. е. период изнашивания принимается приблизительно в тринадцать лет.

Мур прилагает свою фотографию и напоминает тебе, что ты обещал ему свою, которую он очень хочет получить.

Глава о накоплении превосходна.

Твой Ф. Э.

¹ в бесконечность.

1039.

27 августа 1867 г.

Дорогой Мавр!

Прилагаю два расчета о машинах, которые вполне уяснят тебе вопрос. По общему правилу ежегодно с первоначальной суммы обыкновенно списывается $7\frac{1}{2}\%$, но я сохранил ради простоты расчета 10% , что для некоторых машин и не слишком много.

Итак, напр.:

1860 г.	1 января	приобретено	£ 1 000
1861 »	»	списано 10 процентов	» 100
			£ 900
		Вновь приобретено	» 200
			£ 1 100
1862 »	»	списано 10 процентов с £ 1200 (£ 1000 + £ 200)	» 120
			£ 980
		Вновь приобретено	» 200
			£ 1 180
1863 »	»	списано 10 процентов с £ 1000 + £ 200 + £ 200	» 140
			£ 1 040

и т. д.

В расчете № 1 я принимаю, что фабрикант помещает списываемые суммы *под проценты*; в тот день, когда ему приходится восстанавливать старые машины, он имеет вместо 1 000 фунтов — 1 252,11 фунтов. Расчет № 2 предполагает, что он немедленно же каждый год вкладывает деньги в новые машины. Как видно из последнего столбца, показывающего стоимость всех приобретенных машин в последний день по истечении десяти лет, фабрикант имеет в этот день машины, не превышающие по своей *стоимости* 1000 фунтов (и он не может иметь больше, так как он вкладывал *стоимость*, как

раз равную изнашиваемой, и, таким образом, *совокупная стоимость* машин не может возрасти при этом, но зато он из года в год расширял свою фабрику и в среднем в течение одиннадцати лет работал с машинами, которые стоили при обзаведении 1449 фунтов, т. е. он производил продуктов и зарабатывал гораздо больше, чем при первоначальных 1000 фунтах. Предположим, что он фабрикант-прядильщик и что каждый фунт представляет одно веретено, считая и мюль-машину; таким образом, он работал в среднем с 1449 веретенами вместо 1000, и, после того как первоначальные 1000 веретен совершенно износились, он вступает 1 января 1866 года в новый период, имея 1357 приобретенных за это время веретен, к которым после списывания на 1865 год еще прибавляются 236 новых, т. е. у него будет всего 1593 веретена.—Итак, благодаря тому, что списываемые суммы выдавались ему авансом, он оказался в состоянии, исходя из своих старых машин и не затратив ни одного гроша из своей *собственной прибыли* на постройку новых машин, *увеличить* число своих машин на 60%.

В обоих расчетах ремонт оставлен без внимания. При 10-процентном списывании машина должна покрывать свой собственный ремонт, т. е. последний уже включен в списываемые суммы. Да он ничего и не меняет, так как либо он включен в 10%, либо же он соответственно удлиняет продолжительность существования машины, что выходит на одно.

Я надеюсь, что расчет № 2 будет тебе достаточно ясен, в противном случае напиши, у меня имеется копия с него. Тороплюсь.

Твой Ф.Э.

1. Фабрикант отдает фонд восстановления в рост из 5 процентов.

1856 г., 1 января	приобретено машин на	£ 1 000	
1857 » » »	списано 10 процентов на изнашивание ..		£ 100
1858 » » »	» 10 » »	£ 100	
	Проценты со 100 ф. ст.....	» 5	» 105
			£ 205
1859 » » »	Проценты с 205 ф. ст.	£ 10.5	
	Списано 10 процентов	» 100	» 110.5
			£ 315.5
1860 » » »	Проценты с 315,5 ф. ст.....	£ 15.15	
	Списано 10 процентов	» 100	» 115.15
			£ 431
1861 » » »	Проценты с 431 ф. ст.....	£ 21.11	
	Списано 10 процентов	» 100	» 121.11
			£ 522.11

1862 г., 1 января.	Проценты с 552,11 ф. ст.	£ 27.13		
	Списано 10 процентов	» 100	£ 127.13	
			£ 680.4	
1863 » » »	Проценты с 680,4 ф. ст.	£ 34		
	Списано 10 процентов	» 100	» 134	
			£ 814.4	
1864 » » »	Проценты с 814,4 ф. ст.	£ 40.14		
	Списано 10 процентов	» 100	» 140.14	
			£ 954.18	
1865 « » »	Проценты с 954,18 ф. ст.	£ 42.15		
	Списано 10 процентов	» 100	» 142 15	
			£ 1097.13	
1866 » » »	Проценты с 1097,13 ф. ст.	£ 54.18		
	Списано 10 процентов	» 100	» 154.18	
	Результат к концу 10-го года		£ 1252.11	

или к 1 января 1866 года вместо износившихся машин на 1000 ф. ст. наличные деньги в сумме 1 252,11 ф. ст.

II. Фонд восстановления затрачивается ежегодно на приобретение машин.

		Вновь затрач.	Проп. изнаш.	Стойм. к 1 янв. 1866 г.
1856 г., 1 янв.	приобретено машин на	£ 1000	100	£ —
1857 » » »	списано 10 проц. и вновь затрачено . .	£ 100	90	» 10
1858 » » »	списано 10 проц. с 1000 ф. ст. 100 ф. ст. и со	100 » 10 » » 110	80	» 22
		£ 210		
1859 » » »	списано 10 проц. с 1000 » 100 » 210 » 21 » »	» 121	70	» 36
		£ 331		
1860 » » »	списано 10 проц. с 1000 » 100 » 331 » 33 » »	» 133	60	» 53
		£ 464		
1861 » » »	списано 10 проц. с 1000 » 100 » 464 » 46 » »	» 146	50	» 73
		£ 610		
1862 » » »	списано 10 проц. с 1000 » 100 » 610 » 61 » »	» 161	40	» 97
		£ 771		
1863 » » »	списано 10 проц. с 1000 » 100 » 771 » 77 » »	» 177	30	» 124
		£ 948		
1864 » » »	списано 10 проц. с 1000 » 100 » 948 » 95 » »	» 195	20	» 156
		£ 1143		

1865 г., 1 янв. списано 10 проц. с 1000 ф. ст. 100 ф. ст.	1143	»	114	»	£ 214	10	£ 193
					£ 1357		
1866 » » » списано 10 проц. с 1000 » 100 »	1357	»	136	»	236	0	» 236
Номинальная стоимость новых машин					£ 1593		
Реальная стоимость новых машин						£ 1000	

По 1 ф. стерл. за веретено, фабрикант работал:

1856 г. . . . . с 1000 верет.		<i>Перенос</i> . . .	9486 верет.
1857 » . . . . . » 1100 »	1863 г. . . . . с 1948 »		
1858 » . . . . . » 1210 »	1864 » . . . . . » 2143 »		
1859 » . . . . . » 1321 »	1865 » . . . . . » 2357 »		
1860 » . . . . . » 1464 »	За 11 лет	15934	верет.
1861 » . . . . . » 1610 »	В среднем	1449	верет.
1862 » . . . . . » 1771 »			
	<i>Перенос</i> . . .	9486	верет.

и в 1866 г. он начинает с 1357 верет.
236 »
1593 верет.

1040.

31 августа 1867 г.

Дорогой Фред!

Оба письма с таблицами получил. Thanks. ¹

В *ближайший вторник* (3 сентября) я должен заплатить 4 фунта двум гнусным *épiciers*, ² т. е. только в счет долга. Я нахожу, что в этом году они назойливее, чем когда-либо раньше.

Дети возвращаются через неделю в следующее воскресенье. Я бы желал, чтобы они остались еще дольше. Они там хорошо проводят время. Но Лафарг должен вернуться в свою школу. (У него всегда вызывает чувство досады, когда я его спрашиваю: «N'allez-vous pas à votre école?») ³

На Лозаннский конгресс (Интернационала) отсюда едут Эккариус, Лесснер, Дюпон. Кроме того, председатель *Coventry Ribbon weavers* ⁴ и господин А. Уолтон (из Уэльса). Эккариус получил корреспонденцию о конгрессе для «Times'a» — после запроса, сделанного им этому последнему.

Судя по всем известиям из Парижа, положение Бонапарта там очень непрочное.

Привет.

Твой К.М.

¹ Спасибо. ² лавочникам. ³ «Разве вы не идете в свою школу?». ⁴ ленточников из Ковентри.

1041.

1 сентября 1867 г.

Дорогой Мавр!

Только-что я получил очень старый долг в 5 фунтов, на который не рассчитывал, что дает мне возможность послать тебе завтра эту сумму, как только она будет внесена в кассу. А то я оказался бы в затруднительном положении, принимая во внимание предстоящую уплату долга Боркгейму в 45 ф. Что с Боркгеймом, возвратился ли он? Я могу и потому хотел бы теперь закончить это дело.

8 листов с благодарностью получил. Теоретическая часть превосходна, изложение процесса экспроприации также. Но вставка об Ирландии написана страшно торопливо, и материал слишком мало обработан. При первом чтении часто положительно непонятно. Напишу подробнее, как только прочту внимательнее. Очень блестяще резюме об экспроприации экспроприаторов, это произведет эффект.

Счастье, что действие книги «разыгрывается», так сказать, почти только в Англии, в противном случае вступил бы в силу § 100 Прусского уголовного уложения: «Кто... возбуждает среди подданных государства взаимную ненависть или презрение» и т. д. — и повлек бы за собою конфискацию. Бисмарк и без того, повидимому, считает нужным предпринять для виду небольшую кампанию против рабочих. В Эрфурте или где-то поблизости обвинены в государственной измене какой-то пост-лассальянец, типограф и издатель, а в Эльберфельде конфискована также какая-то пачкотня благородного Швейцера. Итак, в Пруссии, пожалуй, возможно запрещение книги, но при теперешнем положении оно, во всяком случае, останется безрезультатным.

Твой Ф. Э.

1042.

2 сентября 1867 г.

Дорогой Мавр!

При сем билет на 5 фунтов. Книжку «Transactions of the Royal Society» ты, конечно, получил. Не можешь ли ты прислать мне обещанные номера «Free Press» за июль и август?

В Париже, повидимому, дела очень скверны; воспоминания о 1829 и 1847 годах, которые начал Жирарден, проходят ежедневно через все газеты, а из полной самоотречения лилльской речи, повидимому, явствует, что *как раз теперь*, когда ему это так нужно,

ничего нельзя сделать в Южной Германии и Австрии, очевидно, только вследствие критического положения последней. Поэтому только «слабым правительствам» свойственно выпутываться из внутренних затруднений при помощи внешних конфликтов. Наконец эти вечные повторения о «top fils»¹ тоже, повидимому, не выражают особенной веры в долговечность «père»² quem nuption demonstrant.³ Торопись только со вторым томом, скоро могут наступить события.

Судя по калифорнийской газете, которую я видел в субботу, eight hours movement,⁴ повидимому, сделало громадные успехи среди тамошних building trades.⁵ В противовес им masters⁶ составили ассоциацию в пользу десятичасового рабочего дня и подняли изрядный вой. В результате этой истории с 8-часовым рабочим днем аннулированы контракты на 1½ млн. долларов.

Гумперт, который уже вернулся домой, рассказывает, что в Кургессене ярость против пруссаков так же сильна, как в Ганновере, хотя и не так широко распространена. Как только войска уйдут, все «пруссакки» будут-де перебиты. Между прочим, пруссаки конфисковали в Касселе кассу для офицерских вдов и для выдачи пенсий, составившуюся из принудительных взносов офицеров. А в Ганновере он нашел положение еще более диким, чем я.

Кугельман хотел бы тоже присутствовать на Лозаннском конгрессе, т. е. в качестве spectator;⁷ может быть, следовало бы сообщить об этом Эккариусу. С Шорлеммером, который уехал вчера (через Гримсби), он, наверное, встретится во Франкфурте на конгрессе естествоиспытателей. Мур уедет приблизительно через три недели в Тюрингию, дабы в продолжение шести недель изучать немецкий язык; я послал его туда, желая отклонить его от track of British tourists.⁸ Наилучший привет.

Твой Ф.Э.

¹ «моем сыне». ² «отца». ³ звание которого свидетельствуется только браком. ⁴ движение в пользу 8-часового рабочего дня ⁵ строительных рабочих. ⁶ хозяева. ⁷ зрителя. ⁸ проторенного маршрута британских туристов.

1043.

4 сентября 1867 г.

Дорогой Фред!

5 фунтов с благодарностью получил.

Несколько дней тому назад Боркгейм написал мне из Берна письмо и прислал мне, прося моих «замечаний», brouillon¹ речи, которую он намерен произнести на Конгрессе мира в Женеве. Он хотел также твоего содействия. Согласно нашему уговору, я па-

писал ему, что ты еще не возвратился. Но деньги ты можешь отослать его компаньону Шюлеру, по адресу 65 Fenchurchstreet. Однако сумма составляет не 45, а 50 фунтов. При проверке я нашел, что вексель — на 48 фунтов стерлингов, и Боркгейм тогда сказал мне, что может дать мне все 50 фунтов. Я не сообщил тебе об этом раньше, так как со дня на день ожидал обещанных мне денег и хотел тогда сам уплатить эти 50 фунтов.

При сем: 1) Последние печатные листы, 2) два номера «Diplomatic Review» и один номер «Courrier Français». Что касается последних листов, то они, *вопреки моим распоряжениям, напечатали дополнение к примечаниям крупным шрифтом, а приложение о форме стоимости — мелким.* Они сделали так для того, чтобы книга содержала не меньше и не больше 50 листов. Как мне кажется, Мейснер сделал большую ошибку, повысив продажную цену с 3 талеров до 3 талеров 10 зильбергрошенов. Возможно, однако, что он после этого получил так много твердых заказов, что с коммерческой точки зрения его поступок окажется правильным.

Дабы объяснить тебе статью «Courrier Français» (который ты по прочтении должен *отослать мне обратно*) «Les conditions de la Paix», сообщу тебе следующее: ты знаешь, что я высказался в Генеральном совете против присоединения к болтовне Конгресса мира. Речь моя продолжалась около получаса. Экарнус в качестве секретаря-протоколиста дел в «Beehive» отчет, в котором поместил из моей речи лишь несколько фраз. При перепечатке в «Courrier» были в свою очередь опущены фразы о необходимости армии против России и о трусости других. Тем не менее, эта история произвела много шума. Ослы с Конгресса мира, представителем которых в Лондоне является мосье де-Колльвиль, совершенно *изменили* свою первоначальную программу и вставили в новую, гораздо более демократическую, даже слова о «the harmonizing of economic interests with liberty»,² многосмысленную фразу, которая может также означать лишь free trade.³ Они бомбардировали меня письмами и имели даже наглость прислать мне прилагаемую бумажку с новой программой. Наглость состоит в том, что на адресе они именуют меня «member of the Geneva etc. Congress»⁴ и т. д. Как ты увидишь, «Courrier», их наиболее яркий представитель в Париже, ушел от них. В результате частного письма, написанного мною около двух недель тому назад Верморелю (лично я с ним не знаком), тот же «Courrier» изменил свою политику по отношению к России.

Главное, это — то, что «великие люди» с Конгресса мира, Виктор Гюго, Гарибальди, Луи Блан и т. п., с великолепным презрением

игнорировали наше Международное товарищество. Теперь я заставил их признать нас силою.

Я получил из *Неаполя* два первых номера газеты: «*Libertà e Giustizia*». В первом номере они объявляют себя *нашим органом*. Я дал этот номер Эккариусу с собой, чтобы он показал его на конгрессе. В номере 2-м, который я пошлю тебе, имеются недурные выпады против *Мадзини*. Я полагаю, что это — дело рук Бакунина.

Что касается конфискации и запрещения моей книги, то ведь одно дело — запретить избирательные памфлеты, а другое дело — книгу в 50 листов, да еще столь ученого вида и даже с греческими примечаниями. И, конечно, дело не изменилось бы от того, что я вместо 12 английских *counties*⁵ взял бы 12 прусских округов для характеристики положения сельских рабочих. Мне кажется также, что господин Бисмарк дважды подумает, прежде чем провоцировать с моей стороны нападки на его режим в Лондоне и Париже.

Каково положение дел в Пруссии, видно из следующего заявления *О. Гюбнера*, директора *статистического центрального архива*, в послании к его избирателям:

«Народ уже чрезмерноотягощен. Кроме фабрик, изготовляющих оружие, почти все промыслы бездействуют. За каждую маленькую должность дерутся сотни голодных людей, в городах растет число пустующих квартир и квартирантов, которые не в состоянии вносить арендную плату; имения и дома массами продаются с публичных торгов, благотворительные учреждения осаждаются победителями-инвалидами и безработными, нигде нет уверенности в сегодняшнем и завтрашнем дне, и самые бедные приходят к сознанию, что *они платят государству за услуги больше, чем последние этого стоят*».

В Берлине ни правительство, ни национал-либеральная партия не провели ни одного кандидата. Но что за дураки эти прогрессисты, представляющие теперь крайнее левое крыло, показывает, между прочим, следующая выдержка из их «радикальнейшего» органа, «*Zukunft*»: «Всю английскую нацию охватил *«сеуравнивающий снобизм»*, делающий всякую личную деятельность неудобной. *Этот же снобизм* продолжает настаивать на *сокращении рабочего времени* и из-за трэд-юнионов запрещает *сверхурочную работу*!» Ничего подобного нельзя было себе представить! Поистине, по сравнению с немецкою прессою парижская пресса даже теперь является гигантом!

Твой *К. М.*

¹ черновик. ² согласование экономических интересов со свободой. ³ свободную торговлю. ⁴ членом Женевского конгресса и т. д. ⁵ графств.

1044.

7 сентября 1867 г.

Дорогой Фред!

Пишу *второю*. При сем письмо Лесснера. «Gazette de Lausanne» у меня уже была. «Times» отвратительно кромсает статьи Эккариуса. Одновременно посылаю тебе новейшие номера «Diplomatic Review» и номера «Courrier Français», которые я должен получить *обратно*. «Courrier Français» нелепо искавил посланную мною ему коротенькую заметку о Гюбнере, вставив вместо слов «tomber sous la subhastation»¹ (выражение из Кодекса Наполеона) — слова: «tomber sous le marteau des démolisseurs».²

Прощай.

Твой К. М.

¹ «попасть под молоток», «быть проданным с молотка», ² «попасть под молот разрушителя».

1045.

[9 сентября 1867 г.]

Дорогой Мавр!

Я хотел написать вчера и сегодня, но коммерческие дела помешали мне. «Courrier» при сем возвращаю. Недурен Верморель со своими замечаниями о влиянии французов на Конгрессе, об их sagacité sérieuse¹ и о том, что они *не произнесли ни одной речи*. Роог² Эккариус!

Поздравляю тебя с твоим приложением о форме стоимости. В таком виде это brought home to the most rebellious understanding.³ Также и предисловие. Но кто это сделал поворный, безграмотный перевод в «Beehive»? Почему они не послали этого мне и не сообщили, чего ты именно хочешь? Боюсь, что это повредит тебе у Бивли, и они подумают, что это сделал ты сам.

Кстати! Где протекает «*трансатлантический океан*»? Завтра напишу подробнее.

Твой Ф. Э.

¹ серьезном характере. ² Бедный. ³ понятно для наиболее предубежденного ума.

1046.

11 сентября 1867 г.

Дорогой Фред!

Что касается «*трансатлантического океана*», то исправлять подобные описки — дело последнего корректора. В «Zukunft», где перепечатана большая часть предисловия, я опять нахожу этот великолепный «*океан*».

Перевод в «Beehive» сделан Эккариусом. Полагаю, что бóльшая часть ошибок исходит не от него, а — так как у него неразборчивый почерк — от корректоров «Beehive». Разумеется, я предпочел бы, чтобы вещь была переведена тобою. Но этого нельзя было сделать, так как Эккариус предложил свои услуги *de prime abord*,¹ и он состоит теперь сотрудником «Beehive».

Этих ослов прудонистов я лично выставлю вон на ближайшем конгрессе в Брюсселе. Я вел все дело весьма *diplomatically*² и не хотел лично выдвигаться вперед до той поры, пока не появится моя книга и наше Товарищество не пустит корни. Впрочем, я их высеку в официальном отчете Генерального совета (несмотря на все свои усилия, парижские болтуны не могли помешать нашему переизбранию).

Meanwhile³ наше Товарищество сделало большие успехи. Жалкая «Star», которая хотела совсем игнорировать нас, заявила вчера в передовице, что мы важнее Конгресса мира. Шульце-Делич не мог помешать своему «рабочему союзу» в Берлине присоединиться к нам. Прохвосты среди английских трэд-юнионистов, для которых мы были слишком «левыми», наперерыв прибегают теперь к нам. Кроме «*Courrier Français*» отчет о нашем конгрессе дала «*Liberté*» Жирардена, «*Siècle*», «*Mode*», «*Gazette de France*» и т. д. *Les choses marchent*.⁴ И при ближайшей революции, которая, быть может, ближе, чем нам кажется, *мы* (т. е. ты и я) будем иметь эту мощную *engine*⁵ в *наших руках*. Compare with this the results of Mazzini etc. operations since 30 years!⁶ И притом без всяких денег! При интригах прудонистов во Франции, Мадзини в Италии, завистливых Оджера, Кремера и Поттера в Лондоне, при сторонниках Шульце-Делича и лассальянцах в Германии! Мы можем быть очень довольны!

Вчера вместе с Лафаргом вернулись мои дети в добром здравьи и в хорошем настроении. Лафарг привез для тебя огромный хрустальный кубок (вмещает полторы кружки). Твой «трансатлантический океан» ему, как видно, импонирует.

На этих днях, до возобновления своих лекций, Лафарг хочет съездить к тебе в гости дня на три. Неприятнее всего при этом, что он хочет, не зная *the secret of my money affairs*,⁷ чтобы я его сопровождал, и я еще не мог придумать приличного предлога для того, чтобы отклонить это невыполнимое для меня путешествие.

Я очень сердит на Мейснера. В деле с изданием книги он потерял ряд недель. Почему? Привет.

Твой К. М.

Прилагаю при сем второе письмо от Лесснера.

А ргорос: Попрошайничанье в пользу толстого лирика, успех которого (попрошайничанья), как видно из последнего номера «Hertha», оставляет желать лучшего, имело один хороший результат. Толстокрылая Кетхен помолвлена. Извещение об ее обручении с неким Крекером (замечательно поэтическое имя!) в «Zukunft»!

¹ с самого начала. ² дипломатично. ³ За это время. ⁴ Дела подвигаются вперед. ⁵ машину. ⁶ Сравни это с результатами усилий Мадзини и других в течение 30 лет! ⁷ тайны моих денежных дел.

1047.

11 сентября 1867 г.

Дорогой Мавр!

На этот раз французы, повидимому, действительно увлекли за собой конгресс, число прудонистских резолюций слишком велико. Хорошо, что ближайший конгресс соберется в Бельгии, к тому времени, быть может, удастся кое-что сделать в Северной Германии, и тогда с помощью англичан этому потоку будет поставлена преграда. Однако в общем эти постановления не имеют никакого значения, пока Генеральный совет остается в Лондоне. Notre cher ¹ Филипп Беккер, повидимому, опять выкинул несколько свойственных ему коленцев, которые приходится простить старому агитатору, когда он не находится под руководством.

Что отчеты в «Times» написаны Эккариусом, необходимо держать в секрете. Тот способ, которым газета их «исправила», может страшно повредить ему. В следующий раз, когда он будет писать отчет для газеты, ему придется больше подумать о том, что его юмор может быть использован редактирующим его буржуа для того, чтобы выставить в смешном свете весь конгресс, а не только нескольких отдельных французов.

Так как ты находишься в сношениях с Верморелем, то не можешь ли ты умерить его глупые выходки против Германии? Ведь это уже слишком, когда он высказывает пожелание, чтобы *Бонапарт* стал либералом, буржуазным либералом, а потом начал войну для освобождения Германии от тирании Бисмарка! Эти французишки, если даже они сделают революцию, должны будут относиться к Германии очень осторожно; а они думают, что стоит им добиться ничтожной либеральной перемены — и они смогут опять играть старую роль. Я считаю очень важным, именно на случай революции, чтобы эти господа привыкли относиться к нам, *d'égal à*

égal.² По их мнению, бисмаркизм в Германии является особым природным свойством Германии, которое должно быть уничтожено их интервенцией, собственный же их бонапартизм кажется им только случайным обстоятельством, которое может быть уничтожено и превращено в свою противоположность простою сменой министерства.

Великий Швейцер благополучно избран при помощи пиэтистов из Эльберфельда и Бармена и будет иметь теперь возможность декламировать в «рейхстаге» искаженные им места из твоей книги. Можно дать голову на отсечение, что он это сделает. Но это будет только полезно и даст нам повод немного посмеяться; после выхода книги такие истории могут быть только полезны.

При упоминании о Бармене я вспоминаю Зибеля. Бедняга опять ужасно заболел и вынужден снова уехать из Бармена — не знаю куда. Возможно, что он не переживет зимы. Он, как видно, так плох, что я не рассчитываю на него относительно кампании в газетах в пользу твоей книги. Он написал сюда письмо, полное отчаяния.

Trades outrage Commission³ констатирует здесь только старый хлам, который был констатирован уже семь лет тому назад. Если она не найдет ничего лучшего, они могут закрыть свою лавочку. Подумать только, что brickmaking and bricklaying⁴ рассматриваются как главная отрасль промышленности в Манчестере.

Недостатки, обнаруживающиеся при здешних опытах с ружьем системы Шаспо, совершенно те же, которые были уже констатированы в Берлине и о которых рассказывал мне Бельдиг в Ганновере. Тогда я думал, что пруссакам нарочно дали плохие экземпляры, теперь же приходится думать, что здесь по существу что-то неладно, а в таком случае это ружье гораздо хуже игольчатого ружья пруссаков.

Служащие Мейснера в Лейпциге, повидимому, еще долго будут тянуть с выходом книги. Нигде еще нет объявлений. Как ты думаешь, не написать ли мне критику книги с буржуазной точки зрения, дабы пустить дело в ход? Мейснер или Зибель уже поместили бы это в какой-нибудь газете. Что касается запрещения, то я сам не верил в это, однако никогда нельзя поручиться, что какой-нибудь прокурор не переусердствует, а раз только процесс начнется, ты можешь рассчитывать на своего друга Липпе.

Наилучший привет твоей жене и девочкам, которые, наверное, уже вернулись.

Номера «Diplomatic Review» получил. Спасибо.

Твой Ф. Э.

¹ Наш дорогой. ² как к равным. ³ Комиссия по эксцессам. ⁴ производство и кладка кирпичей.

1048.

12 сентября 1867 г.

Дорогой Фред!

Медлительность Мейснера ужасна. На Лованнском конгрессе он мог распространить много экземпляров. Кроме того, там книга обсуждалась бы как событие. Я не могу понять этой глупости. В ближайшую субботу будет *четыре недели*, как я послал в Лейпциг последнюю корректуру!

Твой план раскритиковать книгу с *буржуазной точки зрения* — *лучшее военное средство*. Но я считаю более удобным, чтобы — как только книга выйдет — это было сделано лучше через посредство Зибеля или Риттерсгауза, чем Мейснера. Даже лучших книгоиздателей не следует чересчур посвящать в свои дела. С другой стороны, ты должен написать Кугельману, который уже возвратился, и дать ему несколько указаний о положительных сторонах, которые он должен подчеркнуть. В противном случае он наделает глупостей, так как одного энтузиазма тут мало. Разумеется, я сам не могу сделать это так непринужденно, как ты.

Я вполне согласен с тобою насчет Эккариуса. Рабочему, в особенности такого критически-сухого склада, как Эккариус, недостает дипломатического таланта: он пишет для «Times'a» так, как будто бы это предназначалось для «Neue Rheinische Zeitung»-revue. Но это ничего. Здесь в Лондоне говорят так: «Должно быть, Международное товарищество очень сильно, если сам «Times» дает о нем отчеты». Sneers¹ Эккариуса принимаются за sneers¹ «Times'a».

Дрянные *французские швейцарцы*, очень сильно представленные, дали возможность развернуться французским болтунам из Парижа. Старый Беккер наглупил больше всех. Он прежде всего провалил наш порядок дня для того, чтобы выскочить с своим *предложением о свободе*. А тут уже парижане получили возможность совсем сорваться с цепи.

Однако все это пустяки. Важно то, что конгресс был, а не то, что на нем происходило. В нашем общем отчете парижские умники будут достаточно высмеяны. К их великому прискорбию, принято постановление о том, что те, *которые не платят* (а парижане не уплатили ни одного гроша), не могут в будущем посылать делегатов. Возможно, что на следующий конгресс в Брюсселе приедут 20 англичан и 30 немцев. As to the Belgians themselves², то они могут делегировать только одного человека на 500 и потому не будут очень многочисленны. Кроме того, они rather rebellious³ против парижан.

Между прочим: хуже всего то, что у нас нет в Париже ни одного человека, который мог бы связаться с рабочими секциями, *враждебными* прудонистам (а они составляют большинство!). Если бы Дюпон пробыл несколько недель в Париже, все было бы в порядке, но полиция зорко следит за ним.

В частном письме я задам Верморелю головоломку за его глупые выходки относительно германской политики. Я должен действовать постепенно и потому нарочно начал с Соединенных Штатов, России и Турции, так как это «нейтральная» область между немцами и французами.

Лаура и Лафарг переводят часть предисловия для «*Courrier Français*». Привет.

Твой *К. М.*

¹ Шуточки. ² Что касается самих бельгийцев. ³ довольно сильно восстановлены.

1049.

12 сентября 1867 г.

Дорогой Фред!

Пишу во второй раз, так как только-что получено *письмо* от Эккариуса.

Кстати! Эккариус не знал следующего: Луи Блан не явился на Женевский конгресс, потому что боялся, что там «мои» молодцы станут шутки шутить; Жюль Фавр потому, что «*Courrier Français*», по лондонскому примеру, принял «классовый вопрос»; у него, *supporter*¹ Кавеньяка в июньские дни, *conscience*,² конечно, не *clean*.³

Твой *К. М.*

¹ сподвижника. ² совесть. ³ чиста.

1050.

12 сентября 1867 г.

Дорогой Мавр!

Письмо № 2 Лесснера ты *не* приложил. Если Лафарг приедет, я хотел бы, чтобы и ты приехал с ним, так как я, право, не буду знать, что мне с ним делать в часы моих занятий в конторе. Если можно, приезжайте завтра или послезавтра, чтобы мы могли провести вместе субботу и воскресенье, да и в понедельник я могу немного поманкировать. Но предварительно напиши или телеграфируй, дабы я мог подготовить помещение (телеграфируй по адресу конторы, за исключением субботы после одиннадцати часов утра и воскресенья).

Чтобы облегчить денежный вопрос, прилагаю при сем 5 фунтов; за покрытием расходов по поездке сюда, остаток можешь оставить своей жене.

В здешней прессе к Интернационалу также относятся с большим почтением, чем раньше. Все здешние газеты поместили выдержки из прений, а «Examiner» и «Times» напечатали филистерски благожелательные передовицы.

Не следует ли давать отчеты о заседаниях Центрального совета также в немецких газетах? Напр., в «Zukunft»? Вильгельмчик, может быть, нашел бы еще кое-что. Кстати, где он теперь?

Среди лассальянцев опять новые раздоры. Рейнке из Гагена и Швейцер at daggers drawn.¹ Рейнке объединился с прогрессистскою кликою, — Бюргерсом и Е. Рихтером, — желая быть избранным в Гагене, Дюссельдорфе и Золингене, но оба последние провалились.

Мы должны постараться опять завязать в Германии прямые связи с рабочими, только этого нам и недостает, в остальном же дела идут недурно. Помолвка особы, именуемой Кэти, объявлена в «Кельнской газете».

Относительно телеграммы из Германии о конгрессе ты должен сообщить мне при личном свидании.

При сем возвращаю обратно номера «Courrier». По поводу голосования в Шлезвиге великолепно заявление этих ослов, что nous avons une carte devant nous,² на которой Гольштиния находится в Шлезвиге (или наоборот!). Таким же образом, по их словам выходит, что в Люксембург сначала вводятся союзные войска, а затем голландские (вместо своих же люксембургских). И они еще хотят бороться с ignorance!³

Твой Ф. Э.

¹ на ножах. ² мы имеем карту перед собой. ³ невежеством.

1051.

[Маркс — Энгельсу.]

[ТЕЛЕГРАММА].

13 сентября 1867 г.

Манчестер, вокзал.

От Карла Маркса 1, Modena Villa, Maitland Park, Фридриху Энгельсу, Southgate, St. Marys.

Выезжаю с Euston station 4,15 вечера.

1052.

4 октября 1859 г.*

Дорогой Фред!

После своего возвращения из Манчестера я был почти до сегодняшнего дня болен гриппом, который схватил во время железнодорожной катастрофы.

Так как в этом письме я должен написать тебе о целом ряде public and private affairs,¹ то, чтобы не забыть, я начинаю с *книжки*. Ты напрасно будешь искать в таблице С уменьшения площади корнеплодов и зелени (стр. 695). Господин Виганд напечатал С вместо В (стр. 690), где, под рубрикою «*Корнеплоды и зелень*», можно прочесть, что с 1861 по 1865 год заброшено 107 984 акра. Вообще из списка опечаток на стр. 784 ты увидишь, что господин Виганд, желая поместить этот список на последней странице, произвольно *сократил* его, начиная со стр. 292. Очерк об Ирландии, конечно, написан очень бегло, но во втором издании может быть исправлен при помощи немногих изменений в форме. Главное, это — факты, которые неизвестны даже в Англии.

От Мейснера я не получаю никаких сведений. Шабелиц (Бавель) передал Боркгейму, что он хотел получить на каждые пять экземпляров, покупаемых им за наличный расчет, *пять экземпляров на комиссию*, но Мейснер ответил, что у него нет достаточного числа экземпляров, дабы дать ему так много на комиссию. Но это, может быть, лишь дипломатический маневр со стороны Мейснера. Из прилагаемого письма Либкнехта (он, кстати, сделал нам честь своим первым выступлением в рейхстаге, смотри «*Zukunft*», № 229 от 1 октября) я вижу, что Мейснер исполняет не *все* аккуратно. Условлено было, что он пошлет один экземпляр Либкнехту и один редакционный экземпляр д-ру Вейсу («*Zukunft*»).

Профессор Бизли теперь возвратился, и на-днях я о нем узнаю. Quant à² Зибеля, то я хотел бы знать, получил ли он экземпляры, один для себя, другой для Риттерсгауза, и что последний успел сделать?

*Ad voset*³ Фохт: В приложенном письме Кугельмана ты найдешь кое-что о Фогте. После того как уехал Кугельман и банда полагала, что она избавилась и от Боркгейма, имело место последнее собрание немцев. На это собрание неожиданно явился Боркгейм и присутствовал при следующем инциденте. Господин Гегг вручил

* [Ошибка: вместо 1867. Внизу замечание Энгельса:!! 1867. Voilà bien le père Marx.]

вице-президенту Бюхнеру бумажку, в которой он объявляет ложными бонапартистские слухи насчет Фогта и выдает *testimonium virtutis* ⁴ этому человеку, которого он знает вот уже двадцать лет. Он требует, чтобы Бюхнер *подписал* эту записку, т. е. чтобы он *удостоверил*, что такая записка ему вручена. Бюхнер, естественно, исполнил это. Вслед за этим вскакивает *little* ⁵ Бейст и подает письменное заявление, согласно которому Гегг высказывает свое личное мнение, которое в Швейцарии никем не разделяется, и т. д. и т. д.; при этом он требует, чтобы его протест был подтвержден Бюхнером, что последним и исполняется. Так был расстроен маневр Фогта. Как низко пал этот субъект!

Второй инцидент на Конгрессе мира. Людвиг Симон подходит к Геггу: «Почему вы не передвинули мое имя выше по листу ораторов? Почему вы Боркгейму дали слово до меня? Гегг: Эти господа — эти *пролетарии* — имели четырех среди немецких вице-президентов. Чтобы провести *нашего Грюна* и побудить Боркгейма отказаться от своего места, мы вынуждены были сделать ему эту уступку» и т. д. Не успел тот кончить своих слов, как он оборачивается и, к своему испугу, видит позади себя улыбающегося Эккарюса.

Ad voset ³ *Штумпф*: Возможно, что Штумпф меня понимает, но я не понимаю Штумпфа. Ты, может быть, будешь счастливее и сумеешь «начертить» ему «научный ряд обнищания» точно так же и «доказать» «правильное умозаключение», которое он держит в кармане и никому не сообщает. Прилагаю при сем его письмо.

Ad voset ³ *Дронке*: Боркгейм говорил в Париже с одним человеком, который хорошо знаком с положением Дронке и назвал его «*voleur*». ⁶ Компания по обработке меди уже год тому назад известила Дронке об его увольнении. Эта компания объединилась с одной Глазговской фирмой и не нуждается больше в английской агентуре. Дронке, *dicitur*, ⁷ совершил в последнем году большие «хищения» и подвергся «уголовному» преследованию. Надеюсь, что дело будет замято.

Ad voset ³ *Коллет*: Для объяснения приложенных здесь курьезов следующее: маленькая девочка Коллета (которую ты знаешь) и ее еще меньший брат были несколько дней тому назад у нас. Мальчик боксировал с Лафаргом, который к концу держал его на полу в очень униженном положении. На это мальчик: «Remember how you got on at Waterloo!» ⁸ Вот чем объясняется эта комическая корреспонденция, в которой девочка жалуется старикам на мальчика.

Коллет ушел из «*Diplomatic Review*», хотя его имя и на этот раз

еще фигурирует там. Я сейчас не заметил перемены в редакции, так как мне прислали только один экземпляр. Ты получишь его, как только я прочту. Этот номер очень глупый. Гарибальди характеризуется в нем как «обыкновенный бандит, атеист, дурак и т. д.»; зато великим мужем современности выставляется мосье Дюпанлу, епископ Орлеанский. Не сделается ли Давид, в конце концов, еще католиком? Разумеется, Женевский конгресс мира сфабриковали русские и потому послали туда своего «well worn out agent Vakoupine». ⁹ Мне кажется, что «Diplomatic Review» находится при последнем издыхании.

Теперь о *Международном товариществе*. Должность президента, по моему предложению, упразднена, после того как было уже предложено переизбрать Оджера. Фокс, который после возвращения Эккариуса при всяком случае проявляет свою сильную ненависть к нему, заявил, что в ближайшем заседании (вторник) он поставит на обсуждение *статьи Эккариуса в «Times»*, дабы Совет явился их *цензором*. К великому удивлению Фокса, я после этого также заявил, что в ближайший вторник буду интерpellировать Фокса относительно одного *secret letter*,¹⁰ в котором он призывал Беккера *to do all in his power to remove the seat of the Central Council from London*.¹¹ Фокс, который весь создан из caprices¹² и crotchets,¹³ вообразил себе, что он должен составить в Совете *«оппозиционную партию»* против так называемой им *«немецкой диктатуры»*. Он будет удивлен своими успехами в этом направлении!

Ad vocem ³ *Боркгейм*: D'abord¹⁴ следующие факты. Боркгейм говорил (или, вернее, читал по бумажке) больше двадцати минут, между тем как по регламенту время ораторов было ограничено лишь десятью минутами. Естественно, что он считает себя не хуже Гарибальди и Эдгара Кине. Во-вторых, он взошел на трибуну в величайшем волнении и, как Эккариус говорит, «не дал себе самому говорить». Никто его не понял. Слышны были лишь несколько общих замечаний о Шульце-Деличе, при которых Фогт сорвался со своего места и сжал оба кулака, и о казаках. Это было истинным счастьем. Его речь считали значительной потому, что ее *не* поняли. Он поэтому играет некоторую роль как в «Times», так и в французской прессе. Но вот неприятная сторона этого дела. Этот дурак хочет напечатать свою речь по-немецки, по-английски и по-русски и во *французском оригинале*. Последний лежит предо мной. Он послал его мне с тем, чтобы Лафарг его просмотрел. За исключением нескольких общих замечаний, подказанных мной, этот оригинал представляет собой не только *безвкусную* белиберду, но часто

чистейшую бессмыслицу. Но лучше всего его французский язык! Напр.: «Sans stultification il serait impossible de discuter, s'il faudrait d'abord faire enlever la femelle Isabelle, faire sauter le mâle Bismarck ou faire s'évanouir l'agile hermaphrodite Beust. Il y a de grands orateurs, de profonds penseurs français, membres de cette union, mais fussent-ils tous des Mirabeaux achevés et des Descartes consommés, les têtes Allemandes seraient trop carées pour le trouver rond, qu'il fût d'abord avant tout le gouvernement français, l'abolition duquel introniserait l'ère de la paix internationale». Assez! ¹⁵

Как мало он сомневается в качестве «своего французского стиля», видно из пометки на полях, находящейся на присланной мне рукописи: «Будьте добры дать это наскоро просмотреть Лафаргу, пусть он кое-какие (!) попадающиеся неудачные французские фразы исправит на полях!» Я был, of course, ¹⁶ obliged ¹⁷ сообщить ему, что Лафаргу необходимо его повидать, так как он без него не может ни вычеркивать, ни изменять что-либо (Лафарг хочет с самого начала вычеркнуть целиком the first half ¹⁸). Боркгейм поэтому придет *сегодня вечером* ко мне. Лафарг сверх того показал мне почти в каждом предложении *французский коммивояжерский жаргон*, напр. «Parlons rondement!» ¹⁹

Private affairs: ²⁰ Я говорил с Боркгеймом о возможности устроить для меня в Лондоне loan, ²¹ по крайней мере на 100 фунтов стерлингов. Он ответил утвердительно и согласен быть поручителем, если ты будешь вторым. Но вообще он должен предварительно получить сведения об этом от тебя самого. Положение таково: я не могу ни закончить второго тома, ни найти время для подготовки английского издания, ни вообще оставаться в Англии, если кредиторы не оставят меня в покое, хотя бы на some weeks. ²² Если английский перевод удастся и если в Германии мы успеем продвинуть дело так, — а это кажется мне нетрудным, — что скоро понадобится второе издание, то кризис будет преодолен.

Этот год еще тем тяжелей, что Лафарг живет у меня, что Лаура весной выходит замуж и т. д.

Привет.

Твой К. М.

¹ общественных и частных дел. ² Что касается ³ Относительно. ⁴ свидетельство о благонадежности. ⁵ маленький. ⁶ «вором». ⁷ как говорят. ⁸ Помните, в каком положении вы были при Ватерлоо! ⁹ «изношенного агента Бакунина». ¹⁰ секретного письма. ¹¹ сделать все, что в его силах, для перенесения местопребывания Центрального совета из Лондона. ¹² капризов. ¹³ настроений. ¹⁴ Сначала. ¹⁵ «Без затмения разума было бы невозможно спорить о том, нужно ли

сначала заставить убрать самку Изабеллу, свергнуть самца Бисмарка или заставить исчезнуть ловкого гермафродита Бейста. Среди французских членов этого объединения имеются великие ораторы, глубокие мыслители, но если бы даже они все были законченными Мирабо и совершенными Декартами, немецкие головы слишком угловаты для того, чтобы находить правильным, будто это прежде всего французское правительство, со свержением которого воцарилась бы эра международного мира». Хватит! ¹⁰ конечно. ¹⁷ вынужден. ¹⁸ первую половину. ¹⁹ «Будем говорить прямо!» ²⁰ *Частные дела*. ²¹ заем. ²² несколько недель.

1053.

7, Southgate, 8 октября 1867 г.

Дорогой Мавр!

Завтра напишу подробно. Сейчас возвращаю лишь письма, и один вопрос: напишет ли Боркгейм мне относительно Иоанн ¹ или он ждет, чтобы я написал ему? Газеты отошлю тебе обратно завтра.

Мейснер, вероятно, послал экземпляры Вейсу и Либкнехту через книжный магазин; в данном случае они получились в Берлине около 1 октября, т. е. тогда, когда другие экземпляры уже давно были там и поступили в продажу. «Кельнская» и «Аугсбургская» газеты поместили объявления лишь несколько дней тому назад.

Твой Ф. Э.

¹ займа.

1054.

9 октября 1867 г.

Дорогой Фред!

Боркгейм ожидает сперва письма от тебя о том, что ты согласен быть сопоручителем.

Бедному Лафаргу предстоит сегодня последнее мучение, а именно привести в приличный французский вид (поскольку это вообще возможно!) *предисловие* Боркгейма. Последний окрестил свой орус: ¹ «Ma perle devant le Congrès de Genève». ² Замечательно, как страсть к писательству и к славе может сделать в общем вполне разумного парня глупцом.

Итак, вчера Фокс должен был обезглавить Эккариуса. Он держал свою обвинительную речь больше часа. Он очень коварно сопоставил наихудшие места и пустил в ход все искусство старого адвоката, нападая также и на меня. В своем возражении я так отделал его, что в своем последнем герлу ³ он уже совсем не владел собою! Все приняли участие в дискуссии. Результат: мое предложение (rather ⁴ поправка) о «переходе к порядку дня» было принято

огромным большинством. Однако, во время дебатов Эккариус получил порядочную головомойку.

В «Courrier», который получишь одновременно с этим письмом, прочти подчеркнутое мною: «Le troisième laggon»⁵ (недурно, что французы уже *sans gêne*⁶ называют своего Бонапарта жуликом). Как только я получу номера обратно от Лормье, я пришлю тебе интересные *communications*⁷ о Mexican affaire.⁸ Привет.

Твой К. М.

Кстати! Штрон провел здесь вчера день. Он решил, что во время его последнего пребывания в Манчестере ты оскорбил его фразой: «Да, в Брадфорде коммивояжеры еще играют роль». Я постарался выбить у него эту дурь из головы. Он говорит, что Дронке сам достал обществу по торговле медью английского компаньона. Он, вероятно, потребовал за это вознаграждение и, наверное, предъявил по существу неправильные, но имеющие некоторое формально-юридическое основание претензии при присвоении или задержании части проходящей через его руки меди. Он не думает, чтобы Дронке опустился до прямого уголовного преступления. Tant mieux⁹;

¹ труд. ² «Моя жемчужина на Женевском конгрессе». ³ ответе. ⁴ скорее. ⁵ «Третий жулик». ⁶ не стесняясь. ⁷ отчеты. ⁸ мексиканском деле. ⁹ Тем лучше.

1055.

10 октября 1867 г.

Дорогой Фред!

Из прилагаемого письма Кугельмана ты увидишь, что теперь настало время действовать. Ты лучше напишешь ему о моей книге, чем я сам. Пусть только он не вдается в подробности и не посылает нам статью для корректуры, а пусть пошлет ее лишь *после* ее появления. Ты должен растолковать ему, что все дело в том, чтобы «совдать шум»; это важнее, чем качество и основательность статьи.

Прилагаемая записка Мейснера ни о чем не говорит. Как может он ожидать критики до появления его собственных объявлений о продаже книги? Привет.

Твой К. М.

1056.

11 октября 1867 г.

Дорогой Мавр!

Большое спасибо за письма и газеты, я их верну на-днях.

Я пишу Боркгейму, что охотно соглашаюсь принять на себя

вместе с ним поручительство, если он может устроить дело так, чтобы все было проделано без шума и чтобы, напр., от меня не требовали референции — дело в том, что по договору мне запрещено быть поручителем, а отношения с господином Готфридом у меня таковы, что он воспользуется *всяким* предложением, to put me in the wrong before a court of arbitration.¹ Если он не может устроить этого таким образом, я готов выдать ему обязательство, что отвечаю вместе с ним за 100 фунтов; или пусть предложит что-нибудь другое. Или, может быть, достаточно референции Фрейлиграта обо мне? Дело должно быть обделано за спиною всех моих коммерческих связей. Enfin, nous verrons.²

Для Кугельмана я приготовлю статью завтра вечером; мы недалеко уедем, если будем ждать, пока он прочтет книгу. Зибелю я тоже напишу. Я не знаю, чего ты ожидаешь от Ритерсгауза, воспевающего Фрейлиграта; я его совсем не знаю, а поскольку знаю, он не очень принадлежит к числу наших сторонников.

Я хотел написать тебе еще много, но пришел проклятый старый жид Лейбель Хорас, которого ты знаешь, и задержал меня на целый час. Затем сейчас же после него пришел еще один. В течение последней недели меня посещают покупатели, сегодня утром также двое. И завтра утром ожидаю еще одного. К тому же еще вечные дразги с Готфридом; это может свести с ума.

Итак, до завтра.

Твой Ф. Э.

¹ чтобы обвинить меня перед третейским судом в неправильных действиях. Посмотрим.

1057.

13 октября 1867 г.

Дорогой Мавр!

Я написал и послал Кугельману две статьи о книге, написанные с разных точек зрения. Я полагаю, что они так составлены, что почти всякая газета их может принять и что по их образцу Кугельман может писать другие статьи. Это уже немного облегчит его задачу.

Зибелю я напишу завтра. Я должен сперва узнать, где он находится и в каком состоянии его здоровье.

Боркгейму написал.

Либкнехт ведет себя отлично; все-таки у него от нас осталось хоть то, что он понимает, что единственной правильной политикой является *голосовать против всего без исключения*. Это он до сих пор

исправно делал. Если ты напишешь ему опять на этих днях, обрати его внимание на следующее: последняя статья закона о свободе передвижения гласит: «Настоящий закон не касается полиции по делам иностранцев». Таким образом, то, что выигрываешь в качестве северо-германского гражданина, теряешь снова — в качестве «иностранца». Здесь произвело бы большой эффект, если бы Либкнехт внес предложение: полиция по делам иностранцев *отменяется*. Вообще подобного рода нелепые учреждения существуют только на континенте; предложение произвело бы большой эффект. Вообще следует ему указать, что он должен ставить на вид буржуа, что он, коммунист, вынужден выступать *против них* в защиту их же собственных интересов. Впрочем, речь Либкнехта была гораздо лучше передана в «Кельнской газете», чем в «Zukunft».

Твои сообщения о Фогте меня очень порадовали. Твоя атака, несмотря на все его маневры, совершенно повергла его в прах, и лишь немецкая либеральная буржуазия держится еще за него, как за немецкого Верона.

Штумпф ничего другого не хочет, кроме того, чтобы ты указал ему теоретический и фактический материал о том, как мелкая буржуазия постепенно переходит в ряды пролетариата. Это ты, между прочим, знаешь так же хорошо, как и я, и ты лишь отлыниваешь от работы. Правда, добрый Штумпф думает, что это можно сделать с легкостью на одной страничке письма и притом так, чтобы он мог использовать это для работы. В этом я, тем не менее, сомневаюсь.

Дронке. Боркгейм — такой же скандалист, как и Малыш, и когда они говорят друг о друге, то это six of one and half a dozen of the other.¹ У Дронке еще есть столько понимания правовых отношений, что в наше время существования договора о выдаче он себя уберезит от прямых уголовных преследований. Впрочем, ты ведь сам знаешь, что в торговле самым настоящим уголовным историям можно придать обыкновенную гражданско-правовую форму. Во всяком случае, Малыш был слишком хитер и жаден.

Штрон все тот же старый и забавный парень. Как только я выскажу мысль, которую он сам множество раз высказывал, он сейчас же относит ее к себе!

Жду «жемчужину» Боркгейма с нетерпением. В отношении литературного тщеславия парень настоящий «жид».

У Гумперта есть здесь кузен, бывший кургессенский лейтенант, а теперь прусский. Он перешел к пруссакам с большими надеждами, но нашел и там в полном расцвете старый солдатский формализм.

Гимнастика и т. п. происходят по *команде*, парадные маршировки, строгое обучение и т. п. Быть может, кое-что в этом преувеличено, но несомненно, что система парадов также нашла некоторую санкцию благодаря последним успехам. Преувеличение проистекает от неприятного сознания, до которого уже дошли вновь вступившие офицеры, — сознания, что девять десятых из них никогда уже не доберутся до штаб-офицера. Теперь этот господин лишь ищет случая вышутаться оттуда.

Наилучший привет твоей жене, девочкам и Лафаргу.

Твой Ф. Э.

¹ наполовину относится к другому.

1058.

14 октября 1867 г.

Дорогой Фред!

Из приложенного письма Юха № II ты видишь, что хотя Ахилл умер, Бета все еще жив. Письмо Юха вызвано, вероятно, тем, что Бета похвалил Кинкеля, но не Фрейлиграта, и что статья Беты содержит также некоторые злые выходки против Юха. Фрейлиграт совместно с Юхом неспособны придумать ни одной дешевой остроты, вот почему нужно натравить меня, «насквозь ядовитого», как называет меня Бета в своей мерзко-пакостной стряпне «Немцы в Лондоне», начинающейся с рассказа о завоевании Англии норманнами и кончающейся восхвалением грязного еврея Бендера как высшего образца человека в Англии.

Это уже приблизительно шестой раз, как господин Юх предлагает мне свои серенькие столбцы для «самовосхваления» — испытанное средство, удачно примененное им, конечно, в отношении Блинда, Кинкеля, Фрейлиграта, Гейнцмана. Я написал ему лишь несколько строк, содержание которых будет не очень приятно господину Фрейлиграгу. Я ему рассказываю в частности сцену, происшедшую со мной в редакционном помещении журнала Беты: «How do you do»? где я был в сопровождении Цигенгайнера, Фрейлиграта и нашего В. Вольфа. Чтобы вознаградить его за его старания дешевым каламбуром, я ему говорю, что я Кинкелю лучшего не желаю, как быть альфой и омегой для этого Беты.

Характерно для Юха: он посылает мне народный календарь Пэна, в котором находятся вещественные доказательства (этот календарь, как всякое свинство в Германии, «Gartenlaube» и т. п., имеет 250 000 подписчиков) вместе с обязательным к уплате счетом

в 11 пенсов, которые я немедленно приложил к своему ответному письму. Правда, он снова чуть не предстал перед судом в качестве несостоятельного должника и лишь с трудом добился соглашения со своими кредиторами на условиях ежемесячной выплаты 2¹/₂ шилл. за фунт. Что мне ответить на приложенное письмо Намера?

Прислал ли тебе Боркгейм «Courrier Français» с переводом моего предисловия? Спрашиваю об этом потому, что роог¹ Лафарг ждет каждый день «твоего приговора». Сегодня получил бельгийскую «Liberté», тоже с перепечаткою предисловия и «лестным» рreamble,² в котором она напоминает бельгийскому правительству о моем изгнании.

Либкнехту я уже ответил, но сегодня должен опять написать ему, так как лишь сегодня получил two acts³ относительно «Trade-Unions Commission»⁴. Твои указания включил в свое письмо.

Привет. Кланяюсь мистрис Бернс.

Твой Мавр.

¹ бедняга. ² вступлением. ³ два постановления. ⁴ Комиссии о трэд-юнионах.

1059.

15 октября 1867 г.

Дорогой Мавр!

Второпях только о следующем:

Боркгейм хочет, чтобы я ввлял на свое имя, но это мне безусловно запрещено. Я теперь написал ему, что беру на себя гарантию за 150 фунтов (ибо я повысил сумму до этого размера) и *частным образом* готов дать ему всякую security¹ в том, что она будет уплачена in any time² после 1 августа 1868 года, — и спросил его, может ли он достать деньги на этих условиях. О loan³ он больше ничего не писал. Не лучше ли тебе повидаться с ним? Он намерен уехать в конце этой недели и пробудет в отсутствии две недели.

Твой Ф. Э.

¹ гарантию. ² в любое время. ³ займе.

1060.

18 октября 1867 г.

Дорогой Мавр!

Я написал Боркгейму, что я ни в коем случае не могу принять векселя к уплате и что после того, как я ему гарантировал сумму, все зависит от *его* кредитных возможностей, так как мои подрезаны.

Отсылаю обратно письма. Либкнехт, как видно, был болен, иначе он мог бы сказать что-нибудь по поводу истории с коалицией. Perhaps it is better so.¹ Швейцер проявил себя совершенным тщеславным ослом и фразером. Карьера этого господина кончена.

Корреспонденция Беты меня очень позабавила.

«Courrier Français» получился. Для оценки у меня сегодня абсолютно нет времени.

Я могу еще написать четыре или пять статей о твоей книге с различных точек зрения, но не знаю, куда их посылать. Кто знает, где находится Зибель: может быть, в Алжире или в Палермо! Все же я надеюсь вскоре получить от него ответ. Если бы ты мог дать переписать их в Лондоне так, чтобы не узнавали моего почерка, то было бы, пожалуй, целесообразнее всего послать их Мейснеру. Сердечный привет всем.

Твой Ф.Э.

¹ Может быть, так лучше.

1061.

19 октября 1867 г.

Дорогой Фред!

Что касается Боркгейма, то я сказал ему: если Энгельс что-нибудь написал, то это так и есть, и с ним нечего *«торговаться»*. Он (сегодня он уехал в Бордо) настолько поддался моему влиянию, что дал мне 40 фунтов и обещал в случае, если ты *не* сможешь и т. д., без дальних околичностей to find the rest ¹ не позже 10 ноября. Но как купец и еврей, он должен был сделать еще одну попытку!

Боркгейм кстати получил огромное удовлетворение. Шабелиц напечатал в газете книгопродавцев высокопарную заметку о «Жемчужинах» Боркгейма, в которой последний фигурирует в роли Петра Пустынника *по отношению к России*. Well! ² «Московская газета» перепечатала это как курьез (в переводе), и Боркгейм, таким образом, имел удовольствие видеть себя и свое имя напечатанными *по-русски!* Он мне показывал номер и переводил соответствующие места.

Лафаргу пришлось не мало потрудиться над переводом французских статей Боркгейма на сносный, по крайней мере, французский язык. Мне приходилось, естественно, ему помогать, особенно при цитатах из Канта, Фихте, Гегеля, которые Боркгейм, пожалуй, и по-немецки не совсем понимал. Но все эти люди имеются в его библиотеке.

Я рад, что дело settled. ³ В течение последних недель мне было

положительно невозможно работать более двух часов в день. Помимо давления from without, ⁴ еще домашние неурядицы, которые постоянно действуют мне на печень. Я опять начал страдать бессоницей и имел удовольствие видеть, как начинают цвести два маленьких карбункула неподалеку от membrum. К счастью, они отцвели. Моя болезнь всегда происходит от головы.

Так как я как раз говорю о membrum, то рекомендую тебе для Мура следующие стихи французского сатирика шестнадцатого века, Матюрена Ренье. Несмотря на мою начитанность в этой области, я не думаю, чтобы pisse chaude был когда-либо так поэтически описан.

Mon cas, qui se lève et se hausse,
Bave d'une étrange façon;
Belles, vous fournistes la sausse,
Lors que je fournis le poisson.
Las! si ce membre eut l'arrogance
De fouiller trop les lieux sacrez,
Qu'on luy pardonne son offence,
Car il pleure assez ses péchez.

Недурны также следующие стихи того же поэта:

Fluxion d'amour.

L'amour est une affection
Qui, par les yeux, dans le coeur entre,
Et, par forme de fluxion,
S'écoule par le bas du ventre.

Наконец:

Lisette tuée par Régnier.

Lisette, à qui l'on faisait tort,
Vint à Régnier tout explorée.
Je te pry, donne moi la mort
Que j'ay tant de fois désirée!
Luy, ne la refusant en rien,
Tire son... vous m'entendez bien,
Et dedans le ventre la frappe.
Elle, voulant finir ses jours,
Luy dit: Mon coeur, pousse toujours
De crainte que je n'en rechappe.
Régnier, las de la secourir,
Craignant une seconde plainte,
Lui dit: hastez-vous de mourir,
Car mon poignard n'a plus de pointe.

Прилагаю при сем две вырезки о Фрейлиграте.

Прилагаю еще два номера «*Courrier Français*» и один «*Liberté*». Можешь не отсылать их обратно. Но сохрани их! Нелепости «*Courrier*» об *art militaire*⁵ я еще не читал, зато прочел Прудона о *generatio aequivocal*⁶ Думаю, что одно стоит другого.

Мейер был здесь третьего дня, проездом в Америку. Возможно, что он еще успел повидаться с тобой.

Свои заметки для немецких газет пришли сюда. Я дам их переписать и найду наилучший способ пристроить их. Они могут быть использованы, по крайней мере отчасти, даже в *двойном виде*, так как Мейер также требует подобных вещей для заметки и использует их. Как только это будет устроено в Германии, — а *это важнее всего*, так как от тамошних дел зависят здешние дела, — ты должен написать критику для «*Fortnightly Review*». Визли ее поместит. Это — необходимое условие для того, чтобы *to catch a publisher in London*.⁷ Этот журнал втайне (настолько, что никто этого не замечает) контитистского направления, но он хочет дать *всем* точкам зрения возможность высказаться. Если Льюис (поклонник Гете и, к сожалению, также полуконтитист) благодаря критике заинтересуется книгою, а он также негласный совладелец «*Review*», то найти издателя будет легко. Но во всяком случае даже и без этого тогда легче будет найти издателя. В последнем номере имеется поистине жалкая статья Торнтона, в которой повторяется мальтузианство (сами редактора не верят в него) в доморощенно-тривиальнейшей форме.

Чего нехватает нашей партии, так это денег, как о том опять болезненно свидетельствуют оба прилагаемых письма от Эккариуса и Беккера. Если не считать этого недостатка, то мы, несмотря на большие и незаменимые потери, все еще *les plus forts*⁸ теперь, как и в 1848 году.

Привет мистрис Лицци.

Твой К. М.

¹ достать остальные деньги. ² Ладно. ³ устроено. ⁴ со стороны. ⁵ военном искусстве. ⁶ самопроизвольном зарождении. ⁷ найти в Лондоне издателя. ⁸ сильнее всех

1062.

22 октября 1867 г.

Дорогой Мавр!

Во возврацаю при сем письма Беккера и Эккариуса. Разумеется, отсутствие денег — большое несчастье для партии и еще большее для этих бедняг.

Зибель пишет мне из Гоннефа на Рейне, что в начале ноября он приедет сюда, чтобы через Ливерпуль отправиться на Мадеру.

Он пишет, что я должен *немедленно* прислать ему статьи; я засяду сегодня вечером, чтобы приготовить для него несколько статей. В том, что я пишу для *немецкой* прессы, все, конечно, *замаскировано*; для Америки можно писать иначе, более открыто.

Сэм Мур написал мне из Эйзенаха; он сделал, повидимому, значительные успехи в немецком языке.

Либкнехт доставляет мне много удовольствия. Это сущее счастье, что он еще сохранил изрядную дозу южно-германско-федералистических предрассудков и потому может выступить против бисмарковской системы с *singleness of purpose*¹ и несокрушимым нравственным негодованием. Более критические и диалектические взгляды произвели бы в его голове путаницу и ввели бы его в заблуждение. Он явно взял себе за образец поведение Лупуса во Франкфуртском парламенте и честно заслужил свой призыв к порядку, обоввав рейхстаг фиговым листком для голого абсолютизма. Ты, конечно, видел уже, что в закон о коалиции он внес параграф в защиту фабричных детей.

Прогрессистская партия отклонила следственную комиссию как не входящую в компетенцию рейхстага. *Союз* компетентен для всяких промышленных дел, однако *рейхстаг* не может назначать комиссий, а может лишь потребовать этого от союзной власти.

В дебатах о ростовщичестве Бисмарк отказал земельным банкам в государственной поддержке: если о государственной поддержке может быть речь, то она-де во всяком случае может быть оказана лишь *рабочим ассоциациям*. Подлец все еще верит, что сможет обмануть рабочих.

Виктор-Эммануил, повидимому, играет очень рискованную игру. Между тем римский кавардак еще не закончился. С каждым днем воздух все больше насыщается электричеством; меня несколько не удивило бы, если бы гроза разразилась ближайшею весною.

Наилучший привет твоей жене, девочкам и доктору «Эйзенбарту» [Лафарг].

Твой Ф. Э.

Я рад, что дело с Боркгеймом устроилось. В *настоящий* момент я ни в коем случае не могу дать Г[отфриду] Э[рмену] повода, в виде прямого грубого нарушения договора с моей стороны, для аннулирования договора со мной. Будем надеяться, что деньги прогонят карбункулы. Не забудь, что прогулки на свежем воздухе полезны.

Статью для «Fortnightly Review» я охотно готовлю. Но сообщи мне, каков приблизительно должен быть размер. Ты, конечно, предпочтешь, чтобы статья была написана в форме резюме,

так, чтобы основные пункты книги — возникновение капитала — прибавочная стоимость — рабочий день — пересмотр законов Рикардо и т. п. — были переданы вкратце — ведь критиковать книгу я не могу. Также хотел бы я знать, к какому приблизительно времени статья должна быть написана. К первому ноябрьскому номеру она уже не успеет, стало быть для первого декабрьского номера.

¹ последовательностью.

1063.

1 ноября 1867 г.

Дорогой Мавр!

Почему это я не получаю больше от тебя никаких известий? Со времени твоего последнего письма я все боюсь, что у тебя опять карбункулы. Не получал ли ты больше известий из-за границы, — от Кугельмана и Мейснера относительно статей о твоей книге? Я не получаю никаких сведений и при теперешних обстоятельствах могу сделать чертовски мало.

Насколько Дицци [Дизраэли] удалось не только провести за нос вигов, но также дезорганизовать ториев, показал мне третьего дня разговор двух лиц, принадлежащих к этим партиям. Они согласились, что:

- 1) ирландская церковь, а вслед за нею и государственная церковь в Англии, должна пасть;
- 2) что нельзя удерживать laws of primogeniture and entail;¹
- 3) что после смерти королевы дело скоро дойдет здесь до революции.

Твой Ф. Э.

¹ законы о первородстве и о фидеикомиссах.

1064.

2 ноября 1867 г.

Дорогой Фред!

В последнее время у меня не бывает, правда, настоящих карбункулов, но зато имеются постоянные зачатки их; они обычно проходят, но все-таки мучают. Притом старая бессонница. Но вот уже три дня, как стало лучше. Молчание о моей книге нервирует меня. Я не получаю никаких сведений. Немцы славные ребята. Их заслуги в этой области, в качестве прислужников англичан, французов и даже итальянцев, действительно, дали им право игнорировать мою книгу. Наши люди там не умеют агитировать.

Однако остается делать то, что делают русские—ждать. Терпение, это—основа русской дипломатии и успехов. Но наш брат, который живет лишь один раз, может околеть, не дождавшись.

При сем письмо от немецкого Союза коммунистов. Намерения их хороши. Но своеобразный корявый стиль.

Прилагаю письмо от Могана; это — рантье, очень порядочный человек, старый оуэнист. Явная цель этих людей — эмансипировать движение свободомыслящих от дельцов — агитаторов Бредло и др. Я в очень вежливой форме отклонил. С одной стороны, это, конечно, дало бы мне возможность познакомиться с различными людьми, — чего мне очень недостает, — которые более или менее, прямо или косвенно, связаны с английскою прессою. С другой стороны, у меня нет свободного времени, а кроме того я считаю неудобным фигурировать в *leading committee*¹ какой-либо английской секты.

Некий Эгертон Герберт, брат лорда Карнарвона и кузен Степни (член нашего Центрального совета, усиленно занимающийся социализмом, т. е. *cooperative dodges*² и т. п.), просил меня через Степни о свидании. Желая предварительно увидеть и обнюхать этого господина, я пригласил его на ближайший вторник в Клевленд-Холл, где мы заседаем. Возможно, что это послужит «каналом» (Фогт) к издателю.

Кстати! Теперь снова должны быть сделаны взносы в «Интернационал». Как только Мур возвратится, пришлите ваши взносы *по почте* (Charing Cross) мне, на имя нашего *treasurer*³ Роберта Шоу, 62 Hall Place, Hall Park, London W. Было бы желательно, чтобы Шорлеммер прислал одновременно с вами хотя бы несколько шиллингов. Возвратился ли он? Когда я получу его химию?

Я не знаю, известен ли тебе ход итальянских дел; случайные отрывки об этом попали в английскую и немецкую прессу в виде выдержек из русских и других газет. Подобного рода нити легко проглядеть.

Ко времени люксембургской истории господин Бонапарт заключил с Виктором-Эммануилом соглашение (неформальное), по которому последний получил право аннектировать остальную часть церковной области, кроме Рима; ими был также заключен оборонительный и наступательный союз против Пруссии на случай войны. Когда теперь прусская история благополучно закончилась, господин Бонапарт пожалел об этом и со своею обычною ловкостью попытался предать Эммануила и вступить в соглашение с Австрией. Как известно, в Зальцбурге тоже ничего не вышло, и таким образом

казалось, что европейский котел ведьм еще долго не закипит. Между тем, господа русские, которые по своему обыкновению достали себе копию этого соглашения, сочли своевременным сообщить его господину Бисмарку, который со своей стороны показал его через прусского посла папе. Тогда-то, по указанию папы, и появилась брошюра Дюпанлу, епископа Орлеанского. С другой стороны, Эммануил пускает в ход Гарибальди. Далее: Ратацци получает отставку как враг Пруссии и бонапартист. Таково теперешнее запутанное положение дел. И грязная собака Бонапарт теперь в величайшем затруднении. Либо война, — не только с Италией, но и с Пруссией и Россией, и по такому поводу, который во Франции вызывает фанатическую ненависть Парижа, ненависть в Англии и т. д., — или же опять отступление! Парень пытался спастись путем апелляции к Европе, к *европейскому конгрессу*. Но Пруссия и Англия уже ответили ему, что он должен сам расхлебывать кашу. Он ошибся во времени. Он уже более не русско-европейский тайный генерал.

Если он отступит, то во Франции, при теперешних ценах на хлеб, кризисе в делах и недовольстве возможна *one fine morning*⁴ революция.

Наш Бисмарк — хотя он и является главным орудием русских интриг — приносит ту пользу, что толкает к кризису Францию. Но что касается наших немецких филистеров, то все их прошлое показало, что для них единство может быть октроировано только милостью бога и сабли.

Процесс фениев в Манчестере прошел так, как можно было ожидать. Ты увидишь, какой скандал устроили «наши» в «Reform League». ⁵ Я всяческими средствами старался спровоцировать эту демонстрацию английских рабочих в пользу фенианизма.

Привет.

Твой К. М.

Раньше я считал отделение Ирландии от Англии невозможным. Теперь я считаю его неизбежным, хотя после отделения может наступить *федерация*. Как ведут себя англичане, доказывает копявшаяся несколько дней тому назад сельскохозяйственная статистика за текущий год. К тому еще форма этих *evictions*. ⁶ Вице-король Ирландии, лорд Эберкорн (так примерно его имя), в течение последних недель «cleared» ⁷ свое *estate* ⁸ при помощи насильственного изгнания тысяч лиц. Среди них были состоятельные арендаторы, у которых таким образом конфискованы их *improvements* ⁹ и затраченные капиталы! Ни в одной другой европейской стране чужеземное господство не приняло такой прямой формы экспроприации

местных уроженцев. Русские конфискуют только из политических соображений; пруссаки в Западной Пруссии выкупают.

¹ руководящем комитете. ² кооперативными делишками. ³ казначея. ⁴ в один прекрасный день. ⁵ «Лиге реформ». ⁶ выселений. ⁷ «очистил». ⁸ имение. ⁹ мелиоративные улучшения.

1065.

5 ноября 1867 г.

Дорогой Мавр!

Прилагаемая заметка напечатана Зибелем в «Эльберфельдской газете». Страшно жаль, что этот бедняга, который завтра приедет сюда, должен как раз уехать, он устроил бы еще кое-что. Однако я посмотрю, что можно еще предпринять, может быть и удастся что-нибудь.

Notre ami ¹ Кугельман, повидимому, ошибся в своих расчетах на ганноверские газеты — по крайней мере я, к величайшему своему удивлению, нахожу одну из посланных ему статей, и притом *самую безобидную*, да еще в сокращенном и искаженном виде, в «Zukunft»! Для этого нам не нужна была его дружеская помощь, и, во всяком случае, для этой газеты я написал бы иначе. Ведь я писал для национал-либеральных газет, которыми он хвастал.

Дело должно быть поставлено иначе. Имеешь ли ты теперешний адрес Либкнехта или его прежний лейпцигский? Пришли его мне, я хочу несколько подзадорить его. Я вижу, что мне придется самому написать все статьи (Эккариус также мог бы написать одну); наши господа на континенте еще не переварили книгу, и если мы захотим ждать, пока они ее переварят, то время будет упущено. Я напишу также Кугельману, пусть он, по крайней мере, сообщит, что сделал он со второй статьей и может ли он пристроить еще какие-либо другие. Ты должен написать Мейснеру и спросить его, сможет ли и он пристроить какую-нибудь статью, и где именно, если они будут ему присланы в готовом виде. Далее я напишу Клейну в Кельн относительно «Рейнской газеты» и, в случае надобности, доставлю ему статью. Страшно плохо, что мы находимся не там, на месте. Будь мы в Германии, мы подняли бы уже шум во всех газетах и добились бы того, что на книгу был бы написан *донос*, что является всегда наилучшим средством.

Нашему Луи в Париже приходит конец. Он влетел в недурную историю. Либо новое отступление, либо война за папу. Я с трудом могу поверить, что он действительно предъявил итальянцам

ультиматум относительно очищения Римской области, тем более, что он мог ограничиться ворчливою нотой Мустье. Во всяком случае, он человек fouu. ² Как обстоят дела в Париже, видно из событий на Монмартрском cimetière. ³ История может начаться в любой день, и мне с трудом верится, что этот великий муж будет еще раз праздновать свое 2-е декабря, во всяком случае это будет в последний раз. Дела его так плохи, что здесь любой филистер относится к нему только как к простому авантюристу.

Но если дело дойдет до взрыва, то теперь революция найдет повсюду совсем другую обстановку, чем в 1848 году. После минувшего года в Германии уже более невозможна тогдашняя распыленность, и если даже немедленное вооруженное восстание в Берлине имеет мало шансов, то все-таки и там после первого толчка последуют коллизии, которые должны кончиться крушением теперешнего режима. Господин Бисмарк очень скоро перестанет быть хозяином положения. И на этот раз будет сейчас же втянута и Англия, и above all ⁴ во всей Европе будет поставлен на очередь дня социальный вопрос.

Как низко пали английские судьи, показал вчера Блэкберн, задавший следующий вопрос свидетелю Бэку (последний дал присягу сперва относительно Уильяма Мартина, а потом сказал, что это Джон Мартин). Then you swore to William and you meant to swear to John? ⁵ — Я думаю, что при переходе к каждой новой batch ⁶ обвиняемых обвинение будет все более разваливаться, — совершенно невероятна лжеприсяга с целью получить вознаграждение в 200 фунтов.

Не можешь ли сказать мне, где можно найти подробности о выселениях лорда Эберкорна?

Луи в Париже придется опять считаться с возможностью бомб и пуль. Итальянцы не позволяют безнаказанно шутить с собою. Если смогу, отошлю тебе номера «Courrier» завтра.

Сердечный привет твоей жене, девочкам и влюбленному сапожнику [Лафарг].

Твой Ф. Э.

¹ Наш друг. ² конченный. ³ кладбище. ⁴ прежде всего. ⁵ И так, вы дали присягу о Вильяме, а думали, что даете о Джоне? ⁶ группе.

Дорогой Фред!

Спасибо за «Эльберфельдскую».

Старый адрес Либкнехта: 11, Braustrasse, Лейпциг. Впрочем,

может быть, *вернее* переправить письмо через Кугельмана, который находится в сношениях с одним другим Либкнехта, живущим в Лейпциге.

Я забыл написать тебе в письме от субботы, что для «Fortnightly» требуется максимум один печатный лист. Если больше полулиста, то дать в форме: First notice, Second notice.¹

Что касается Мейснера, то мне представляется недипломатичным раскрыть перед ним все карты. То, что он может делать от себя, он делает.

Было бы важно, — в данный момент даже важнее, чем английская история, — послать более подробную заметку (быть может, рассчитанную даже на несколько статей) в австрийское «Internationale Revue» (издание Арнольда Гильберга, Вена, 4 Colowratring). Так как Арнольд Гильберг указывает тебя и меня в числе своих сотрудников (и через мое посредство он пригласил нас обоих сотрудничать), то ничто этому не мешает. Это фактически единственное немецкое «Revue», открытое для нас.

Единственный еженедельник здесь в Лондоне, в известной мере беспартийный и много занимающийся немецкими делами, как-то немецкою филологией, естествознанием, Гегелем и т. п., это *католический журнал* «The Chronicle». У них явная тенденция — показать, что они образованнее своих протестантских соперников. В конце прошлой недели я послал им один экземпляр и a short letter to the purpose², что моя книга защищает другие взгляды, чем представляемые ими, но что «научный» характер их журнала дает возможность предполагать, что ими «some notice will be taken of this first attempt at applying the *dialectic method* to Political Economy». Nous verrons!³ Теперь в более образованном мире (я говорю, конечно, о его intellectual⁴ части) имеется большая потребность познакомиться с диалектическим методом. И возможно, что это наиболее легкий путь убедить англичан.

В прилагаемом «Diplomatic Review» наиболее интересное, это — выдержки из новой книги Прокеша.

Подробное описание выселений Эберкорна появилось около двух недель тому назад в (дублинском) «Irishman». Быть может, мне удастся опять достать этот номер, который был мне только одолжен на один день.

На митинге, где полковник Диксон председательствовал, а Бредлоу читал доклад об Ирландии, наш старый Уэстон, поддержанный Фоксом и Кремером, внес резолюцию в пользу фениев, которая и была единогласно принята. Также в последний вторник, во время

доклада Окленда относительно билля о реформе, в Клевленд-Холле (над нашею головою, мы заседали в нижнем подвальном помещении кафе), произошла бурная демонстрация в пользу фениев. Это дело волнует здесь интеллигентную часть *working class*.⁵

Крайне характерно для дипломатического фарса, разыгрываемого теперь в Европе, что в то самое время, когда Бонапарт вмешивается в дела Италии, — Франция, Англия и Пруссия совместно, послушные велению России, посылают грозную ноту Порту.

Привет.

Твой К. М.

Старый Уркарт с своим католицизмом и пр. *grows more and more disgusting*.⁶

On lit dans un registre d'une inquisition d'Italie cet aveu d'une religieuse; elle disait innocemment à la Madonne: «De grace, Sainte Vierge, donne-moi quelqu'un avec qui je puisse pécher!»⁷ Русские, однако, и в этом отношении *plus forts*.⁸ Известен случай, когда здорового парня, проведенного лишь двадцать четыре часа в одном русском женском монастыре, вынесли оттуда мертвым. Монахини его замучили до смерти. Правда, к ним *le directeur des consciences n'entre pas tous les jours!*⁹

¹ первое замечание, второе замечание. ² небольшое письмо о том. ³ будет обращено внимание на эту первую попытку применения *диалектического метода* к политической экономии». Посмотрим! ⁴ интеллектуальной ⁵ рабочего класса. ⁶ становится все более неприятным. ⁷ В одной итальянской инквизиционной записи можно прочесть следующее признание монахини; она наивно говорила мадонне: «Молю тебя, святая дева, дай мне кого-нибудь, с кем я могла бы согрешить». ⁸ сильней. ⁹ исповедник *приходит* не ежедневно!

1067.

8 ноября 1867 г.

Дорогой Мавр!

Я очень тороплюсь!

Зибель будет завтра здесь или в Ливерпуле, где я увижу его. Он может пристроить еще три статьи, которые я тотчас же изготовил и о которых мы уже позаботимся. Если бы я знал, что он останется там так долго, он уже давно получил бы их в Бармене.

История с «Internationale Revue» пришла мне также в голову, и это будет устроено. Равно с «Fortnightly Review», как только будет обеспечено принятие статьи. Но пока я считаю наиболее важным шум в немецкой прессе, *pour forcer la main à ces jeux d'économistes*.¹

Downbreak² полиции на здешнем процессе произошел быстрее и полнее, чем я ожидал. Но, вероятно, дело будет еще лучше. По-видимому, старый Блэкберн также меняет тон, сегодня он очень похвалил Эрнеста Джонса за его речь.

Читал ли ты инструкции Бисмарка Узведому (напечатанные в «Augsburger Abendzeitung» и, конечно, вызвавшие опровержение)? Этот подлец бесстрашно вскрывает интриги итальянцев с Бонапартом; надобно признать, что, когда это ему выгодно, он может иметь весьма недипломатические манеры. («Кельнская газета» перепечатала это в среду.) Этим поведением Бисмарка объясняется также то, что итальянцы отступили и вынуждены были проглотить эту пакость.

Вот пример, как прусская бюрократия инспектирует, ревизует и следит за делом: мой брат пишет мне, что фабриканты хотят устроить на Рейне и в Руре общество, подобное здешнему, для периодического осмотра их паровых котлов опытными инженерами; после этого он говорит о правительственном контроле:

«Здесь окружной инженер ревизует у нас семь котлов (!!) в течение получаса и вполне удовлетворенный отправляется домой, а на другой фабрике чиновнику понадобилось *для 35 котлов 2 часа!* Кто так глуп, что думает, что после такой ревизии он может спокойно спать, тот жестоко ошибается. Было бы сущим благодеянием сделать излишним этот нелепый порядок и заменить его разумным практическим учреждением. При одной ревизии я *сперва* разъяснил окружному строителю котел во всех подробностях, *затем* взял его инструкцию и *в конце концов* написал ему отчет для правительства».

Вот тебе пруссаки! Картина написана ими же самими.

Твой Ф. Э.

¹ дабы расшевелить эту банду экономистов. ² Провал.

1068.

9 ноября 1867 г.

Дорогой Фред!

Прилагаю письмо Кугельмана. Привет.

Твой Мавр.

[Приписка Лауры Маркс.]

Дорогой Энгельс!

Как секретарю Мавра, мне, право, стыдно посылать письмо такого рода. Искренне ваша

Какаду.

1069.

10 ноября 1867 г.

Дорогой Мавр!

Какая трогательная беспомощность в письме доброго Кугельмана! И какое знание людей по отношению к Варнебольду! Этот подлец выведывает у него все секреты, и притом он прусский шпион! Ты *должен* Кугельману открыть глаза на эту собаку, чтобы прусаки больше не узнавали о всех наших делах. Эта собака злоупотребляет твоим доверием, поэтому ты свободен от всяких обязательств по отношению к нему.

Вчера я видел Зибеля в Ливерпуле. Я боюсь, что бедняга уже не оправится. С тех пор как я его видел, болезнь очень прогрессировала, он запустил ее в Бармене, трижды подряд болел плевритом, очень сильно кашляет (этот кашель периодически возвращается, он называет его коклюшем), но в последнее время в Гоннефе на Рейне он опять поправился и окреп. К сожалению, я мог говорить с ним наедине лишь короткое время, кроме его жены постоянно присутствовали еще другие родственники. Однако наиболее важные дела мы устроили.

D'abord ¹ о следующем! До сего дня Зибель *не получил и не видел ни одного экземпляра, хотя в письме к Мейснеру* он просил прислать ему таковой по почте немедленно после выхода книги в свет. Напротив, господин Риттерсгауз, который не ударяет палец о палец, получил экземпляр, и Зибель был уверен, что ты нарочно послал Риттерсгаузу и совсем не послал ему, что, вероятно, обидело его. Разумеется, я объяснил ему, как было дело, но желательно, чтобы ты написал ему несколько строк, которые можешь вложить в письмо ко мне. Теперь ты должен сейчас же потребовать у Мейснера объяснений по поводу этой халатности. Она стоила нам двадцати маленьких заметок, которые Зибель немедленно поместил бы во всех газетах, но не мог этого сделать, не имея книги. Далее, я должен иметь здесь один экземпляр *не позднее 22 ноября*, чтобы послать Зибелю на Мадеру, где он постарается по возможности наверстать упущенное. Но что скажешь ты о таком беспорядке? И это немцы, которые требуют самоуправления и cannot look after their own business! ²

Из трех статей, которые я привез с собою, мы немедленно послали две; во франкфуртскую «Börsenzeitung» и в «Düsseldorfer Zeitung» — последнее будет полезно для господина Генриха Бюргера с его мудрыми сомнениями: моя статья, — простой реферат, без всякой оценки, написанный для национал-либеральной газеты. —

показалась этой скотине слишком сомнительною! Третью статью он взял с собою, и она, вероятно, появится в «*Barnet Zeitung*». Кроме того, как только Зибель получит книгу, появятся заметки в различных иллюстрированных и прочих газетах. Далее, «*Weser Zeitung*» своевременно получит от него фельетон и статью о книге и будет поставлена перед дилеммою принять их обе или ни одной. (Зибель считает фельетоны приманкою для редакторов, так как они им нужны, и он часто дает им возможность оставить гонорар у себя в кармане.) Он уже придумает еще что-нибудь, как только у него будет книга.

Ad vocem³ Фрейлиграт. У этого обывателя было около 6 000 фунтов долга, 4 000 фунтов были выданы ему Швейцарским банком под залог акций мансфильдской компании, которые теперь ничего не стоят, остальные — долги чести. Комитет накинул на эти долги 5, на некоторые даже 10% дивидендов. Фрейлиграт обанкротился, таким образом, в самом настоящем виде. Подписка дает около 30 000 талеров. Фрейлиграт врал напрапалую перед комитетом, утаивал свои долги, делал вид, точно его жена ничего об этом не знает и не должна ничего знать, так что члены комитета стали с ним разговаривать в конце концов в грубом тоне. Даже в тот день, когда он знал, что должно получиться письмо из Лондона, в котором указывается, что сумма долгов чести составляет 2 000 фунтов, он еще утверждал, что эта сумма составляет 1 500 фунтов, — одним словом, вел себя подло и трусливо. Я сказал: я твердо убежден, что добрая Ида знала все досконально. На это он сказал: как же они в таком случае могли давать званые вечера в Бармене еще прошлым летом? Представь себе картину: Ида идет попрошайничать и при этом на неуплаченные еще деньги дает тем, у кого она попрошайничает, званые вечера.

Удивляюсь тому, что не получил еще от Гусси подтверждения о получении моего взноса в похоронный фонд Фрейлиграта. That is not businesslike.⁴

Твой Ф. Э.

¹ Прежде всего. ² не могут присмотреть за собственным делом. ³ Относительно. ⁴ Это не по-деловому.

1070.

14 ноября 1867 г.

Дорогой Фред!

При сем одно письмо из России и одно из Золингена. Как мне кажется, русский немец, это — тот самый, о котором рассказал нам Мейер.

Кугельман прислал мне номер «Deutsche Volkszeitung» (Ганновер), в котором помещена составленная им коротенькая заметка о моей книге. Он подражает, и совсем неудачно, одной твоей статье. Это демократическая газета, и поэтому он мог бы поподробней остановиться на содержании. Между прочим, он приписывает мне весьма, разумеется, «поразительный вывод» о том, что «всякий капитал возник из *неоплаченной рабочей силы*». В числе немецких «корофеев политической экономии», «суждения» которых он ждет, фигурирует господин «Фаухер» (К счастью, напечатано: «Таухер») на *первом* месте и Рошер на последнем.

Твои «разоблачения» о Фрейлиграте произвели здесь в доме большую сенсацию.

В настоящий момент Бонапарту, дабы выпутаться из затруднительного положения, нужно восстание или тайное общество в Париже. Пока он рассматривает Ligue de la Paix¹ как таковое. Но just now² осел Пиа доставляет ему отсюда нужное «corpus delicti».³

Привет.

У меня на спине справа вырос несносный карбункул.

Твой К. М.

¹ Лигу мира. ² как раз теперь. ³ вещественное доказательство.

1071.

24 ноября 1867 г.

Дорогой Мавр!

Письма при сем возвращаю обратно.

Итак, вчера утром тории рукою господина Колькрафта действительно провели окончательный разрыв между Англией и Ирландией. Единственно, чего фениям не доставало, это мучеников. Их дали им Дерби и Г. Гарди. Лишь благодаря казни трех лиц освобождение Келли и Дизи превращается в геройское деяние, о котором будут распеваться песни над колыбелью каждого ирландского ребенка в Ирландии, Англии и Америке. Ирландские женщины сделают это с таким же успехом, как это сделали польские женщины.

Насколько мне известно, единственным примером казни по аналогичному делу в цивилизованном государстве был случай с Джоном Броуном в Гарперс-Ферри. Лучшего прецедента фении не могли себе желать. И все-таки даже южане были настолько приличны, что относились к Джону Броуну, как к *мятежнику*, здесь

же прилагаются все усилия к тому, чтобы политическое покушение превратить в простое преступление.

Как известно, Луи-Наполеон во главе своей босяцкой банды расстрелял в Булони дежурного офицера. Итак, он *сделал* то, что якобы сделал Аллен, но чего он на самом деле *не сделал*. За это английское правительство вешает Аллена, а Луи-Наполеона английская королева целует в щеку, английская же аристократия и буржуазия целует ему зад.

О последнем следовало бы напечатать в прессе.

Твой Ф. Э.

1072.

26 ноября 1867 г.

Дорогой Мавр!

Обещанного письма, in quo tua res agebatur,¹ я не получил.

Предложение Мейснера поместить вновь объявление вместе с выдержками из критиков — это то, что я хотел тебе предложить, как только появились статьи Зибеля (т. е. мои статьи, переданные ему). Выдержка из «Zukunft» очень хороша, но лучше было бы получить еще несколько; он должен был бы прислать тебе весь этот хлам, и тогда ты составил бы из них объявление. Но если ты не хочешь, он может прислать их *мне*, и я это сделаю. Меня очень поразило, что первое объявление было *как раз такого же размера*, как давнишнее объявление о моей маленькой брошюре, без единого сопроводительного слова.

Если дело вскоре не изменится, то я, — of course,² с твоего согласия, — должен написать Мейснеру и предложить ему мои статьи для газет, которые он должен указать. Ведь это не может компромитировать тебя.

Зибелю я еще до закрытия почты мог сообщить основания, приводимые Мейснером в свое оправдание. Основания эти, конечно, уважительны. Зибель был тогда at a very low ebb³ и лишь в Гоннефе он снова оправился.

Мое письмо от воскресенья вместе с возвращенным письмом ты, вероятно, получил. При сем возвращаю книгу кожевника, autodidactum integrum;⁴ но это нисколько не меняет того факта, что все другие нации не в состоянии произвести подобного кожевника. Философия, которая ко времени Якова Бема была настоящим сапожником, сделала шаг вперед, приняв образ кожевника.

Как обстоит дело с карбункулом? Мне не нравится его место-

нахождение; надеюсь, что Лафарг вырезал тебе его. С этой историей необходимо покончить.

Уплатил ли тебе Боркгейм деньги? Мне он ничего не пишет, хотя я и поручитель.

Твой Ф. Э.

¹ в котором идет речь о твоём деле. ² конечно. ³ в очень тяжёлом положении. ⁴ самоучки в полном смысле слова.

1073.

27 ноября 1867 г.

Дорогой Энгельс!

Что касается частных дел (я хотел писать тебе о них уже в субботу, но в этот и следующие дни не мог, так как меня со всех сторон консультировали о деле фениев и т. д., словом, конфисковали мое время), то господин Боркгейм, — думаю, что вопреки своим лучшим намерениям, — весь этот месяц держал меня между небом и землею, в отвратительном положении. Из моего последнего письма от вчерашнего числа ты видишь, что опять новая неопределённая отсрочка. Хуже всего то, что он определённо обещал мне выплатить всю сумму (в худшем случае) 10-го сего месяца. В расчёте на это, я так и устроился с кредиторами. На самом деле он со времени своего возвращения дал мне всего 5 фунтов. Поэтому ты сам понимаешь, в каком затруднительном положении я оказался. Состояние моего здоровья очень ухудшилось, и о работе нечего было и думать. Кроме того, я ожидаю каждый день судебных исков, и мы с трудом перебиваемся со дня на день.

Что касается *Мейснера*, то, по-моему, пусть он делает с объявлением как хочет, ибо все другое вызывает новую задержку. Тимм сказал Боркгейму, что Мейснер потребовал у всех книжных торговцев, чтобы они вернули ему (или его комиссионеру в Лейпциге) все непроданные до сих пор экземпляры. Я знаю также от Йорка, книжного торговца Рабочего союза, что в данный момент *очень трудно* получить от Мейснера экземпляры. Это показывает мне только то, что 1) *stock*,¹ оставшийся на руках у Мейснера, очень невелик, 2) он хочет знать, сколько действительно продано из *stock*,¹ *не находящегося в его руках*, 3) он хочет заставить своих контрагентов держать по возможности больше за их собственный счёт. Я напишу Мейснеру, что, в случае, если ему нужны заметки или критические отзывы для определенных газет или журналов (которые, однако, он должен *назвать* мне), он может получить их у моих друзей, напр. у тебя и других, и пусть мне напишет об этом.

Д-р Концен, приват-доцент политической экономии в Лейпциге, последователь и ученик Рощера и друг Либкнехта, через посредство последнего просил у меня экземпляр, обещая подробный отзыв. Это уже устроено через Мейснера. Этот почин с Конценом недурен.

Либкнехт прислал мне пятьдесят экземпляров своего памфлета (один я посылаю тебе сегодня) для продажи здесь, по 3 пенса за экземпляр. Лесснер посмотрит, что можно сделать с этим в Рабочем союзе.

Выдержка, которую тот же Либкнехт перепечатывает из своей *sreesh*² в Берлинском рабочем союзе, об отсрочке «социального вопроса», дает Кугельману повод к порицанию. Так как Либкнехт приглашает тебя, в числе других, сотрудничать в его газете, которая должна выйти, то ты можешь частным образом дать ему несколько указаний о том, как сочетать политическую оппозицию с социальной агитациею.

При сем письмо от Либкнехта и Кугельмана.

Привет.

Твой К. М.

Как обстоит дело с Химией господина Шорлеммера, которую я должен был получить?

¹ запас. ² речи.

1074.

28 ноября 1867 г.

Дорогой Фред!

Я вижу, что не вложил в письмо к тебе двух писем Боркгейма. Но это не нужно. Вчера я имел с ним «объяснение», на котором он настаивал. Он опять вернулся к плану (который я предложил ему два месяца тому назад) займа в обществе страхования жизни «Атлас», секретарь которого — его приятель. Вчера я заполнил у него нужные бумаги. Ты при этом фигурируешь только в качестве лица, дающего отзыв. Сумма 150 ф. (из которых Боркгейм вычтет 45), срок уплаты 1 сентября.

Я уже не верю в успех начинаний Боркгейма, *хотя и не сомневаюсь в его добрых намерениях*. Получил ли ты его «Жемчужину»? (пока на французском и на немецком).

При сем важное письмо от Шили. Ты должен *немедленно* возвратить его мне и одновременно сообщить свое мнение. Во всяком случае, я не позволю Моисею извлекать из моей работы «прибыль» без того, чтобы и мне при этом что-нибудь не перепало.

С фенианизмом я должен вести дипломатию. Совсем молчать я не могу, но я никоим образом не хочу, чтобы эти подлецы сводили критику моей книги к тому, что я демагог.

Я *посылаю* тебе принадлежащего Боркгейму «Генца» (там важная статья о России) без его ведома. Возврати мне, как только прочтешь.

У меня теперь появились на всем теле фурункулы, что мне очень приятно. Это вытесняет карбункулы.

Привет.

Твой *Мавр*.

My compliments to Mrs. Burns. Jenny goes in black since the Manchester execution and wears her Polish cross on a *green ribbon*.¹

¹ Привет мистрис Бернс. После казни в Манчестере Женни — в черном и носит свой польский крест на *зеленой* ленте.

1075.

28 ноября 1867 г.

Дорогой Мавр!

Чтобы выручить тебя в данный момент, прилагаю 3 билета по 10 фунтов, O/U 56068—70, итого 30 фунтов. Писем Боркгейма ты не приложил. От Кугельмана я тоже получил письмо, которое прилагаю и прошу возвратить; я должен ответить ему.

Брошюра Либкнехта могла бы лучше остаться ненапечатанною. Его речи лучше выглядят в «Кельнской газете», чем в брошюре, а заключительная часть показывает, до какой крайней степени нелепости он дошел. Правда, я в письме уже указал ему кое-что, но теперь, когда он опять основывает газету, ему нужно сказать всю правду. Мы не можем доставить Бисмарку большее удовольствие, чем дав смешать себя в одну кучу с австрийцами и южно-германскими федералистами, с ультрамонтанами и лишенными своих владений князьями. Я каждый день ожидаю от него письма, и тогда напишу ему также об этом.

Что это с твоим здоровьем?

Завтра более подробно.

Твой *Ф. Э.*

Англичанин, о котором говорится в письме Кугельмана, это Мур, который сильно усовершенствовался в немецком языке и теперь усердно изучает «Капитал». Книга Шорлеммера все еще не вышла из печати!!

1076.

29 ноября 1867 г.

Дорогой Фред!

Best thanks for the 30 фунтов. ¹

При сем возвращаю письмо Кугельмана. Необходимо следить, чтобы он в своем усердии не наделал нелепостей. Напр., с Микелем.

Что касается газеты *Соединенных штатов Европы* и полученного мною из Женевы приглашения сотрудничать, то это — суцая бессмыслица. Редактор, вероятно, К. Грюн. И дело само по себе обречено на failure. ² Несмотря на холод и неприятности, я должен несколько дней проводить больше времени на воздухе.

Привет.

Твой К. М.

¹ Очень благодарен за. ² неудачу.

1077.

30 ноября 1867 г.

Дорогой Мавр!

При сем возвращаю письмо Шили. Ах, боже мой, и старый Моисей опять разразился писанием! И поздравляет себя с тем, что ты подтвердил правильность его утверждения, что капитал, это — накопленный труд!

По отношению к нему я держался бы слегка сдержанно. Тем вернее он тогда попадет на удочку, а ты ведь знаешь, как мало можем мы доверять ему, если он не совсем в наших руках. Помоему ты мог бы пока *позволить* ему поместить некоторые выдержки оттуда в «*Courrier Français*» для того, чтобы можно было судить, как намерен он излагать эту вещь. Он, конечно, подпишет ее своим именем, и тем самым опять квалифицирует себя некоторым образом в качестве кающегося грешника. *Тогда* ты сможешь говорить о переводе всей книги, который он имеет в виду; *ты* должен, конечно, сохранить за собой право просмотра; об условиях можно будет говорить, как только будет издатель. То, что Шили говорит о Реклю, кажется мне важным, так как этот человек знает немецкий язык.

Относительно фениев ты вполне прав. Из-за свинства англичан мы не должны забывать того, что вожди этой секты большею частью ослы, а частью эксплуататоры, и мы никоим образом не можем принять на себя ответственность за нелепости, которые имеют место в каждом заговоре. А без них дело ведь, наверное, не обойдется.

Мне излишне говорить тебе, что в моем доме также господствуют

черный и зеленый цвета. Английская пресса опять держалась в высшей степени подло. По их словам, Ларкин якобы упал в обморок, а остальные были бледны и трусили. Католические священники, которые присутствовали там, заявляют, что это ложь. Ларкин, по их словам, *споткнулся* о какую-то неровность, и все трое держались в высшей степени смело. Католический епископ Сальфордский жаловался на то, что Аллен не хотел раскаяться в своем поступке, что он заявил, что ему-де не в чем раскаиваться, и, будь он на свободе, он опять сделал бы то же самое. Вообще католические священники держались очень смело, в воскресенье во всех церквах с кафедры было объявлено, *these three men were murdered*.¹

Мое вчерашнее письмо с 30 ф. ты, вероятно, получил. Что касается Общества страхования жизни, то, если это может облегчить дело, я согласен *гарантировать* соответствующую сумму, под условием, что Боркгейм оставит *оригинал* в своих руках и секретарю даст только *копию*.

Мне тоже кажется, что появление фурункулов означает кризис прежней болезни.

Наилучший привет твоей жене, девочкам и Лафаргу.

Так как у Либкнехта теперь есть газетка, ответственность за которую будут возлагать на *нас*, то очень важно, чтобы он в своей немецкой политике не делал глупостей. Я с нетерпением ожидаю письма от него.

Кстати! С 1 января «Internationale Revue» будет выходить как продолжение прутцовского журнала, с которым оно сливается. Это может испортить наши расчеты. Как ты думаешь, не начать ли переговоры об этом с Гильбергом? Но при этом надо вести себя осторожно.

Твой Ф. Э.

¹ что эти три человека умерщвлены.

1078.

30 ноября 1867 г.

Дорогой Фред!

Относительно Моисея я в точности последую твоему совету. Во всяком случае мы должны использовать его, но не допустить, чтобы он злоупотреблял нами. Относительно Гильберга было бы действительно хорошо, если бы можно было захватить это «Обозрение», единственное до сих пор открытое для нас, но как это сделать? Это мне еще не ясно.

Я сегодня утром получил книгу Шорлеммера and send him my thanks for it.¹

Если ты читал газеты, то ты, вероятно, заметил, что: 1) Совет Интернационала послал Гарди записку в защиту фениев, и 2) дебаты о фенианизме (во вторник на прошлой неделе) были публичные, и «Times» дал о них report.² Присутствовали также репортеры дублинских газет «Irishman» и «Nation». Я пришел очень поздно (в течение приблизительно двух недель у меня была лихорадка, которая прошла только в последние два дня) и действительно не намерен был говорить, во-первых, из-за своего недомогания и, во-вторых, ввиду запутанности положения. Однако chairman³ Уэстон хотел меня заставить выступить, и потому я внес предложение отложить заседание, что обязывало меня выступить через неделю во вторник. Действительно, для Tuesday last⁴ я подготовил хотя не речь, но points⁵ речи. Однако ирландские репортеры не явились, и в ожидании их наступило девять часов, в то время как помещение было предоставлено нам только до половины одиннадцатого. По моему предложению, Фокс подготовил длинную речь (по причине раздоров в Совете он две недели не показывался; кроме того, прислал заявление о своем выходе из Совета, содержащее грубые нападки на Юнга). По открытии séance⁶ я поэтому заявил, что ввиду belated hour⁷ уступаю слово Фоксу. И действительно — ввиду последовавшей за это время execution⁸ в Манчестере — наша тема «фенианизм» возбудила бы страсти и раскалила бы атмосферу, что вынудило бы меня (но не абстрактного Фокса) развиться громовою революционною речью вместо предполагавшегося делового анализа положения дел и движения. Таким образом, репортеры оказали мне большую услугу своим отсутствием и вызванным этим запоздалым открытием заседания. Я не люблю смешиваться с людьми типа Робертса, Стефенса и т. п.

Speech⁹ Фокса была хороша, во-первых, потому, что ее произнес англичанин, во-вторых, поскольку она касалась только политической и интернациональной точки зрения. Но именно потому он вращался только на поверхности. Предложенная им революция была нелепа и бессодержательна. Я возражал против нее и добился передачи ее в standing committee.¹⁰

Англичане не знают, что, начиная с 1864 г., экономическое содержание, а потому и политическая цель английского господства в Ирландии вступили в совершенно новую фазу, и именно потому фенианизм характеризуется социалистическою тенденциею (в отрицательном смысле, т. е. направленной против присвоения soil¹¹ и

как lower orders movement¹²). Нет ничего смешнее, как смешивать варварские акты Елизаветы или Кромвеля, которые хотели вытеснить ирландцев при помощи английских колонистов (в римском смысле этого слова), с теперешнею системою, которая хочет вытеснить ирландцев при помощи овец, свиней и быков! Система 1801—1846 гг. (evictions¹³ имели место в этот период лишь в виде исключения, специально в Лейнстере, где почва особенно пригодна для скотоводства) с ее rackrents¹⁴ и middlemen¹⁵ потерпела крушение в 1846 г. Anticorn law repeal,¹⁶ отчасти вызванная ирландскими голодовками, во всяком же случае ускоренная ими, лишила Ирландию монополии — снабжать Англию хлебом в нормальное время. Лозунгами стали шерсть и мясо, т. е. conversion of tillage into pasture.¹⁷ Отсюда стремление к systematic consolidation of farms.¹⁸ Encumbered estates act,¹⁹ превративший массу прежних, разбогатевших middlemen¹⁶ в землевладельцев, ускорил этот процесс. Clearing of the Estate of Ireland!²⁰ — вот теперь единственный смысл английского господства в Ирландии. Разумеется, глупое английское правительство в Лондоне ничего не знает о immense change,²¹ происшедшей после 1846 г. Но ирландцы знают. Начиная с прокламации Мигера (1848 г.) до послания к избирателям Хеннесси (тория и сторонника Уркарта) (1866 г.), ирландцы высказывают свое мнение об этом в самой ясной и most forcible manner.²²

Теперь спрашивается, что должны мы посоветовать английским рабочим? По моему мнению, центральным пунктом своего переворота они должны сделать gereal of union²³ (словом, повторение истории 1783 г., но в демократизованном и приспособленном к современным условиям виде). Это единственная легальная, а потому и единственная возможная форма эмансипации Ирландии, которая может быть включена в программу английской партии. А опыт уже покажет, может ли между этими двумя странами продолжать существовать одна только личная уния. Я отчасти верю в это, если это произойдет своевременно.

Ирландцам же нужно следующее:

- 1) Самоуправление и независимость от Англии.
- 2) Аграрная революция. Англичане, даже при добром желании, не могут, конечно, сделать за них революцию, но они могут дать им легальную возможность сделать ее собственными силами.

3) *Покровительственные пошлины против Англии.* С 1783 по 1801 г. все отрасли ирландской промышленности процветали. Уния и отмена охранительных пошлин, проведенные ирландским парламентом, разрушили в Ирландии всякую промышленную жизнь! Это

никоим образом не может быть возмещено выросшим за это время незначительным производством полотна. Уния 1801 г. оказывает на ирландскую промышленность такое же влияние, как мероприятия английского парламента эпохи Анны, Георга II и др., которые были направлены к уничтожению ирландской шерстяной промышленности и т. д. Как только ирландцы станут независимыми, нужда превратит их в протекционистов, как это было в Канаде, Австралии и т. п. Раньше чем изложить свои взгляды в Центральном совете (в ближайший вторник, на этот раз, к счастью, без репортеров), я очень хотел бы, чтобы ты сообщил мне в нескольких словах свой взгляд.

Привет.

Твой К. М.

Так как Моисей — кузен Гирша ²⁴, то меня не удивляет, что он тоже носит рога; he bears it proudly ²⁵.

¹ и шлю ему мою благодарность за это. ² отчет. ³ председатель. ⁴ прошлого вторника. ⁵ тезисы. ⁶ заседания. ⁷ позднего времени. ⁸ казни. ⁹ Речь. ¹⁰ постоянную комиссию. ¹¹ земли. ¹² движение низших классов. ¹³ изгнания. ¹⁴ ростовщической рентою. ¹⁵ агентами-посредниками. ¹⁶ Отмена хлебных законов. ¹⁷ превращение пахотных земель в пастбища. ¹⁸ систематическому объединению имений. ¹⁹ закон о задолженных имениях. ²⁰ Очищение ирландских имений. ²¹ громадной перемене. ²² сильной форме. ²³ отмену унии. ²⁴ [Игра слов: Гирш (Hirsch) по-немецки олень.] ²⁵ он несет их гордо.

1079.

4 декабря 1867 г.

Дорогой Мавр!

Reference Loan Company ¹ я дал. Я сказал, что from confidential information I am convinced that Mr. M[arx] will be in a position to repay the loan when due. ²

Возвращаю письма Боркгейма. Надеюсь, что дело устроится.

Завтра или послезавтра пошлю тебе письма Кугельмана и Либкнехта. Оба они надеются поместить кое-что в маленьких газетах; сегодня и завтра вечером я это устрою.

Я не советовал бы слишком торопиться с объявлениями Мейснера. Они должны появиться в газетах только *после Нового года*, иначе они затеряются в потоке рождественских книжных объявлений.

Твой Ф. Э.

¹ Сведения Ссудному товариществу. ² на основании конфиденциальных сведений я убежден, что м-р М[аркс] будет в состоянии возвратить ссуду в срок.

1080.

6 декабря 1867 г.

Дорогой Мавр!

При сем письма Кугельмана (с приложением), Либкнехта и Зибеля, а равно три расписки о получении от Рау, Гильдебранда и Шульце-Делича. Письма Кугельмана (с приложением) и Зибеля прошу немедленно возвратить; почта к Зибелю уходит в *понедельник вечером*, а Кугельману я тоже должен написать. Какого ты мнения о швабском листке? Кугельман, повидимому, прибегает к отчаянным средствам.

Либкнехту я написал подробно и потребовал, чтобы он нападал не только на пруссаков, но и на их противников, австрийцев, федералистов, вельфов и прочих сторонников маленьких государств. Этот парень, как я предполагаю, заболел «южно-германской» ограниченностью. Он и Бебель подписали адрес Венскому городскому совету, в котором Австрия приветствуется как вновь возникающее на юге государство свободы в противовес поработенному северу! Если он произнесет в рейхстаге несколько неопределенных речей, *it's all very well*,¹ но совсем другое дело — газетка; ведь ответственность за нее будут возлагать на нас, и мы не можем дать себя смешать с австрийцами, федералистами и вельфами. Написал ему также о глупом плане прекратить на время социальную агитацию.

Посылаю Женни сегодня вечером отчет о процессе Аделаиды Макдональд, которая стреляла в полицейского. Ее отношение к Аллену неясно. Аллен был обручен с другой девушкой и должен был венчаться с ней на другой день после «outrage».²

Тороплюсь. Заем, наверное, *all right*?³ Сегодня запрос о страховании жизни.

Ф. Э.

¹ то это еще куда ни шло. ² покушения. ³ в порядке.

1081.

7 декабря 1867 г.

Дорогой Фред!

Вчера я был в Loan Society¹ для медицинского освидетельствования. Это не простая формальность, ибо если бы я умер *до* сентября, общество не получило бы *ни гроша*. Я боялся, что мне придется раздеваться (участь, постигшая бывшего со мной англичанина). Во-первых, я не люблю этого рода осмотра и, во-вторых, я имею как раз, помимо многочисленных фурункулов, еще карбункул на

левом бедре недалеко от полового органа. К счастью, моя грудная клетка так импонировала врачу, что он больше ничего не смотрел. В понедельник в двенадцать часов дня я получу деньги.

Письмо *Зибеля* ты *забыл* вложить. Письмо *Кугельмана* вместе с приложением отсылаю при сем обратно. Посылаю, кроме того, одно адресованное им мне письмо вместе с приложениями. Стряпню Бюргерса я приложу к *документам*. Этому ослу дюссельдорфские рабочие с полным правом напомнили, что он 1) во времена Лассалья заявил, что «он хочет считаться с условиями»; 2) что «он отделался от иллюзии классовой борьбы», и 3) что он в Шульце-Деличе нашел решение всех прошлых и будущих социальных загадок.

Что касается швабской газетки, то было бы забавно подвести швабского Майера, друга Фогта. Это можно было бы устроить очень просто следующим образом: D'abord² начать с того, что, как бы ни относиться к тенденции книги, она делает честь «немецкому» духу и отчасти поэтому написана пруссаком в изгнании, а не в Пруссии. Пруссия давно перестала быть страной, где возможна или имеет место какая-либо научная инициатива, особенно в области политической, исторической или социальной. Она представляет в настоящее время русский дух, а не немецкий. Что же касается самой книги, то надобно отличать положительное изложение («солидное», как звучит второе прилагательное) автора от делаемых им тенденциозных выводов. Первое прямо обогащает науку, так как автор исследует фактические экономические отношения совсем заново при помощи материалистического (это словечко наш Майер любит из-за Фогта) метода. *Например*: 1) развитие денег; 2) сотрудничество, разделение труда, машинная система и соответствующие общественные комбинации и отношения выводятся «естественным» путем.

Что касается *тенденции* автора, то нужно опять-таки отличать следующее. Доказывая, что теперешнее общество с экономической точки зрения носит в себе зародыш новой, более высокой формы, он лишь показывает в социальной области тот же постепенный процесс развития, который Дарвин доказал в области природы. Либеральное учение о «прогессе» (c'est Mayer tout pur³) включает в себя эту идею, и заслуга автора состоит в том, что даже там, где современные экономические отношения сопровождаются ужасающими непосредственными результатами, он показывает скрытый прогресс. Своими критическими взглядами автор вместе с тем, может быть *malgré lui*⁴ (!), покончил раз навсегда со всяким узким социализмом, т. е. со всяким утопизмом.

Напротив, *субъективная* тенденция автора, — возможно, что он был связан и стеснен своим положением в партии и своим прошлым, — т. е. манера, с которой он представляет себе или другим конечный результат теперешнего движения, теперешнего общественного процесса, не имеет ничего общего с его действительным развитием. Если бы размеры статьи позволяли, можно было бы, пожалуй, доказать, что его «объективное» изложение противоречит его собственным, «субъективным» причудам.

Если господин Лассаль ругал капиталистов и лстыл прусскому юнкерству, то господин Маркс, напротив, доказывает *историческую «необходимость»* капиталистического производства и бичует аристократического юнкера, являющегося лишь потребителем. Как мало он [Маркс] разделяет идеи отпавшего от него ученика Лассаля о том, что Бисмарк призван ввести экономическое «тысячелетнее царство», — он не только показал своими прежними протестами против «*королевско-прусского социализма*»; но он открыто высказывает это на страницах 762 — 763, говоря, что господствующая теперь во Франции и Пруссии система, если своевременно не задержать ее, установит на европейском континенте режим русского кнута.

Таким образом, как мне кажется, можно поймать на удочку швабского Майера (который напечатал также мое предисловие); как ни незначительна его газетка, но все же она популярный оракул всех федералистов в Германии и читается также за границую.

Что касается Либкнехта, то это, действительно, срам, что он, имея в своем распоряжении так много местных листков, не послал туда по своей инициативе коротеньких заметок, для чего ему не требовалось никакого претящего его природе основательного изучения. Швейцер и компания проявляют большую смышленость в этом отношении, как ты можешь видеть из приложенного номера «Социал-демократа». (Кугельман прислал мне его!) Я вчера послал (это только между нами) Гвидо Вейсу из «Zukunft» сводку, где на одной стороне приводятся испорченные мнимым исправлением плагиаты господина фон-Гофштеттена, а на другой — соответствующие оригинальные места из моей книги. Я ему одновременно писал, что это сопоставление должно быть напечатано *не от моего имени*, а как исходящее от самой редакции «Zukunft'a» (или, если это неудобно, от одного из берлинских читателей «Zukunft'a»). Если Вейс это примет (*что я считаю вероятным*), то этим будет достигнуто не только то, что внимание берлинского рабочего будет обращено на книгу благодаря цитатам, затрагивающим вопросы, которые его непосредственно интересуют, но и то, что благодаря этому откроется в

высшей степени полезная полемика и будет расстроен план Швейцера, который заключается в том, чтобы игнорировать книгу и в то же время использовать ее содержание. Замечательно, как эти господа верят в возможность продолжать план *Лассалля*. Можно ли себе представить нечто более наивное, чем ту форму, в которой фон-Гофштеттен и гражданин Гейб совместно вульгаризировали на общем собрании Всеобщего немецкого рабочего союза мой отдел о «Рабочем дне»?

Привет.

Твой *К. М.*

My compliments to Mrs. Burns. ⁵ Учебник Шорлеммера мне очень нравится.

¹ Ссудном товариществе. ² Прежде всего. ³ в этом весь Майер. ⁴ вопреки своему желанию. ⁵ Привет мистрис Бернс.

1082.

7 декабря 1867 г.

Дорогой Фред!

Я слишком поздно заметил, что забыл послать тебе «Социал-демократ». Я делаю это теперь и прилагаю номер «Courrier», в котором тебя заинтересует статья американского генерала Ключере о Ментане и Гарибальди. Ты должен отослать мне обратно пачку «Courrier». Этот комплект мне нужен, так как это единственный, где имеются *систематические биржевые отчеты*. Привет.

Твой *Мавр*.

1083.

12 декабря 1867 г.

Дорогой Мавр!

Начиная с воскресенья у меня был большой экстраординарный припадок зубной боли, sore throat,¹ гриппа, лихорадки и прочих прелестей; лишь с сегодняшнего утра я опять работоспособен и сегодня вечером примусь за нашего шваба Майера, следуя твоему рецепту, который очень хорош — за исключением излишней основательности, которая удлинила бы статью раза в три.

Письмо Бюргерса сдал ad acta.² Иронии судьбы угодно было, чтобы вступление к статье, присланной ему Кутельманом, сильно задело его как провалившегося в Дюссельдорфе кандидата в рейхстаг. Я напишу там весьма наивно о том, что, с тех пор как социал-демократическая партия представлена в парламенте, ее уже нельзя больше замалчивать и что они сделают эту книгу своею библиотею.

Кугельман с своим обычным тактом послал эту статью Генриху. *Hinc illae lacrimae!*³ Я совсем забыл об этом, и лишь трогательное послание Генриха, принимающего все это всерьез, напомнило мне об этом.

Очень хороша история с «Zukunft». Напиши мне, когда это появится, ибо я не могу терять много времени на ежедневное посещение Шиллеровской библиотеки для просмотра этого журнала.

Кугельман становится с каждым днем наивнее. Бухеру — почему не прямо Бисмарку? То, что он в письме к тебе от 3 декабря говорит о приложенном в письме ко мне письме Мейснера, я не понимаю или забыл.

При сем приложены: 1) два письма Кугельмана к тебе, которые я возвращаю; 2) письмо его же ко мне и письмо Штумпфа к Кугельману; 3) письмо Зибеля.

Почта сейчас закрывается. Привет дамам и Лафаргу.

Твой Ф. Э.

¹ горловой боли. ² в архив. ³ Отсюда эти слезы.

1084.

14 декабря 1867 г.

Дорогой Фред!

Последнее Fenianexploit¹ в Клеркенвеле — большая глупость. Лондонские массы, обнаружившие большую симпатию к Ирландии, будут теперь разъярены и брошены в объятия правительственной партии. Нельзя ожидать, чтобы лондонские пролетарии давали себя взрывать в угоду фенианским эмиссарам. Вообще, над такого рода тайными, мелодраматическими, заговорщическими действиями всегда тяготеет какой-то рок.

В понедельник я получил деньги и уплатил Боркгейму его 45 ф. и 1 ф. 1 шиллинг inquiry fees.²

Не можешь ли ты оказать мне услугу и справиться у Эрнеста Джонса, как удобнее всего венчаться в Лондоне по гражданскому обряду; следует ли совершать формальности в Doctor's Commons³ или где-нибудь в другом месте? Дело в том, что Лаура собирается венчаться в начале апреля. Так как венчание не должно быть церковным, то вначале предполагалось, что оно произойдет в Париже. Это, однако, слишком сложно. Я должен был бы удостоверить там свою личность и при этом показаться полиции слишком хорошо знакомым. С другой стороны, моя жена желает, чтобы гражданское венчание, если оно будет происходить в Лондоне, происходило по возможности тайно, чтобы избежать разговоров об этом среди

английских знакомых. Спроси Джонса также о том, как обстоит дело с согласием родителей Лафарга. Должно ли оно быть предварительно удостоверено посольством (должно быть, английским?) в Париже? Я знаю, что в Англии формальности не нужны, но они необходимы для того, чтобы брак считался *законным* и во Франции. Ни одна формальность поэтому не должна быть упущена в этом отношении.

Как обстоит с вопросом о *свидетелях* в Англии?

О «Zukunft» еще нет сведений. Хуже всего маленький формат этих газет, особенно в такое время, когда парламентские водолеи заполняют все столбцы. Наш друг Штумпф, очевидно, большой путаник.

При сем возвращаю письмо Зибеля. Относительно Ланге он ошибается. Последний должен «купить» книгу и, наверное, уже давно купил ее.

Недоразумение с Генрихом, действительно, весьма забавно.

Привет.

Твой *Мавр*.

¹ Покушение фениев. ² пошлину на справку. ³ Ассоциации юристов-цивилистов Лондона [которая имела право регистрировать завещания, браки и разводы.]

1085.

16 декабря 1867 г.

Дорогой Мавр!

Прилагаю при сем письмо Либкнехта; он тоже большой путаник. Речь идет об австрийской истории. Так как Австрия находится *накануне* своего 1789 г., *поэтому* Л[ибкнехт] ее прославляет как государство свободы! Я ему еще не ответил, но я это сделаю, как только ты пришьлешь обратно письмо.

Послал статьи Кугельману: 1) для шваба Майера, 2) для «Gewerbeblatt». Зибелю послал статьи для маннгеймских газет. Дальнейшие статьи для швабских газет следуют.

История напечатана в «Zukunft». Я выписал себе теперь эту газету second hand ¹ через Шиллеровское общество с тем, чтобы иметь возможность ее систематически читать. Тороплюсь.

Твой Ф. Э.

История с венчанием очень проста. The marriage is performed before the registrar for the district. ² За четырнадцать дней до этого этот же чиновник вывешивает письменное оглашение в своей конторе. Нужно иметь двух или больше свидетелей. В этом бюро ты можешь получить любую справку. Для Англии ничего больше не

требуется. Что же касается законности брака во Франции, то об этом и Джонс тебе ничего не может сказать; об этом старик Лафарг должен спросить *своего адвоката в Бордо*. Я, впрочем, еще справлюсь об этом в *Code civil*.³

Гумперт венчался точно таким же образом. Филистерам-соседям твоя жена может сказать, что этот путь избран потому, что Лаура протестантка, а Лафарг — католик.

¹ из вторых рук. ² Венчанье совершается перед регистратором соответствующего округа. ³ французском Гражданском кодексе.

1086.

17 декабря 1867 г.

Дорогой Фред!

При сем возвращаю письмо Вильгельма. В своем ответе на него ты должен быть осторожен. Положение трудное. Для того, чтобы действовать вполне корректно, нужна гораздо большая диалектическая ловкость и критическое чутье, чем у нашего Вильгельма. Его можно удержать лишь от самых грубых промахов. Вообще только ненависть к Пруссии дает ему тот пафос, которому он обязан своим вдохновением и выдержкою. Он правильно подметил, что ядро национал-либералов составляет настоящая буржуазия, и это дает ему возможность найти для своей политической антипатии более высокое экономическое оправдание. *Ira facit poetam*¹ и *to a certain point*² делает хитроумным даже нашего Вильгельмчика.

Местный корреспондент газеты «*Irishman*» готов, если ты напишешь по-английски, поместить в этой дублинской газете критический отзыв о книге в один столбец (но при этом Ирландия должна играть особенную роль), в форме корреспонденции, исходящей от него. Я пошлю тебе несколько номеров этой газеты, и ты посмотришь, что можно сделать.

«*Zukunft*» обладает особым талантом делать опечатки, и это тем более поразительно, что у д-ра Гвидо Вейса имеется оригинал.

У меня маленький, но бесконечно надоедливый карбункул на левой половине зада. «А если у него нет зада, то как благородному сидеть?»

Вчера я прочел в нашем немецком рабочем союзе (но там были представлены еще три других немецких рабочих фёрейна, всего около ста человек) полуторачасовой доклад об Ирландии, так как «стоячее» положение теперь для меня самое легкое.

Привет.

Твой К. М.

¹ Гнев делает поэтом. ² до известной степени.

1087.

19 декабря 1867 г.

Дорогой Мавр!

Of course, ¹ переписка с Вильгельмчиком требует осторожности. Как я уже сказал тебе раньше, глупо односторонняя *singleness of purpose* ² составляла его счастье и секрет его успехов в парламенте. К сожалению, это хорошо только один раз, и опубликование речей — не говоря уже о письмах Кугельмана — показало, что это зашло *слишком далеко*. Теперь сюда прибавляется еще газетка, где черным по белому зафиксированы крылатые словечки, ответственность за которые будут возлагать на нас, — затем таможенный парламент с несомненным скандалом для нас, если нам не удастся несколько вышколить Вильгельмчика. При его замечательном таланте делать промахи можно было многого ожидать, да и теперь еще приходится ожидать. Мы можем, конечно, уберечь его только от самых грубых промахов. Однако его Венский адрес и его дружба с федералистами, т. е. с Грюном, уже достаточно грубый промах. Я могу поэтому сделать ему лишь два главных указания: 1) относиться к событиям и результатам 1866 г. не чисто отрицательно, т. е. реакционно, а критически (что для него, конечно, весьма трудно будет), и 2) нападать на врагов Бисмарка так же, как на него самого, ибо они тоже ничего не стоят. Ты видишь, как здорово он уже влопался с Грюном и К^о. Вот был бы прекрасный триумф для Бисмарка, если бы мы или наши сторонники заключили союз с этой сволочью! Лучше подождем, что дальше будет.

Клеркенвельская глупость была явно делом нескольких узких фанатиков; это несчастье всех заговоров, что они ведут к подобным глупостям, ибо ведь «нужно же что-нибудь делать, надо же что-нибудь предпринять». В Америке также немало болтали по части взрывов и поджогов, а в таких случаях приходят какие-то ослы и совершают подобные нелепости. Притом эти людоеды большею частью величайшие трусы, как, напр., Аллен, который, повидимому, уже сделался *queens evidence*.³ Кроме того, что за идея освободить Ирландию путем поджога портновской лавчонки в Лондоне!

Читал ли ты угрозы русских («Русского инвалида»), что союз между Францией и Австрией сделает европейский мир невозможным, ибо будет препятствовать разрешению германского, итальянского и восточного вопросов? Очень мило. Бисмарк и Горчаков, повидимому, хотят перейти в наступление.

Твой приятель Липпе принесен в жертву теням изгнанных.

государей — его отставка была той платой, за которую национал-либералы отказались от оппозиции против двадцати пяти миллионов, предназначенных вельфу и нассауцу.

Наилучший привет дамам.

Твой Ф. Э.

¹ Конечно. ² последовательность. ³ свидетелем обвинения.

ДОБАВЛЕНИЕ.

730a.

[Четверг] 31 января 1861 г.]

Дорогой Маркс!

Боркгейму ответить трудно. Здешние комиссионеры, закупающие товары для итальянского рынка, *все продают туда прямо*, так что в заказчике из Лондона они усмотрели бы конкурента и приняли бы его в штыки. Рейс, Клиндер и К⁰ и А.-С. Зихель — главные фирмы в этой отрасли, но *мелких* заказов они не примут.

Во всяком случае устрой так, чтобы, кто бы ни обратился к этим людям, он *не* ссылался на меня: это было бы совершенно бесполезно и могло бы выставить меня в очень смешном свете. Если заказ сколько-нибудь значителен и если хотят завязать регулярные сношения, то покупателю лучше всего явиться самому и обратиться прямо к фабрикантам. Для закупок у лондонских фирм имеется только одна East India Trade и мелкие людишки, которых я не знаю.

Вот и все, что я могу пока сообщить.

Что это за господа, играющие роль подставных лиц, я решительно не знаю.

Твой Ф. Э.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

- Абарбанель (ум. в 1863 г.) — банкир в Париже — 118, 124, 127.
- Абт — немецкий демократ, приверженец Фогта, редактор «Freiburger Kirchenzeitung» — 45.
- Абул-Хаим — см. Оппенгейм.
- Август (63 до нашей эры — 14 нашей эры) — первый римский император — 391.
- Авраам — библейский патриарх — 191.
- Адамс, Чарльз-Фрэнсис (1807 — 1886) — американский дипломат, посол в Англии (1861 — 1868) — 222.
- Александр — см. Александр II.
- Александр Великий (356 — 323 до нашей эры) — 362.
- Александр I (1777 — 1825) — русский император — 355.
- Александр II (1818 — 1881) — русский император — 355, 413.
- Александр-Йоганн I (боярский род Куза) (1820 — 1873) — румынский князь — 338.
- Аллен, д-р — домашний врач семьи Марксов — 3, 5, 7, 51, 57, 70, 71, 96, 118, 138, 145, 153, 157, 167, 168, 183, 215, 224, 304, 304, 327, 328, 354, 356.
- Аллен, Вильям-Филипп (1848 — 1867) — ирландский революционный деятель, фений — 473, 478, 482, 489.
- Альбертс — секретарь прусского посольства в Лондоне — 34, 41.
- Андраль, Габриэль (1797 — 1876) — врач, специалист по патологической анатомии — 217.
- Анна (1664 — 1714) — королева Великобритании и Ирландии, последняя правительница из дома Стюартов — 481.
- Аннеке, Фридрих (1817 — 1866) — бывший прусский офицер, член Союза коммунистов, немецкий эмигрант, участник баденского восстания 1849 г. — 43, 77, 78, 79.
- Анрой фон — врач, лечивший Маркса — 170.
- Аппиан из Александрии (II век) — автор «Истории Рима» — 15.

- Арминий (16 г. до нашей эры — 19 г. нашей эры) — князь германского племени херусков, победитель римлян в Тевтобургском лесу в 9 г. нашей эры — 410.
- Ассинг, Людмила (Эсиг Камилла) (1821 — 1880) — немецкая демократическая писательница, знакомая Лас-салья и Маркса, издательница дневников Варнгагена фон-Энзе — 16, 202.
- Ахилл — см. Фульд, Ахилл.

Б.

- Баденгэ — имя рабочего-каменщика, который одолжил Наполеону III одежду для бегства его из крепости Гам 25 мая 1846 г. Прозвище это дано Наполеону III во время империи — 63, 299, 355.
- Бакунин, Михаил Александрович (1814 — 1876) — знаменитый русский анархист — 48, 57, 135, 162, 164, 210, 211, 273, 276, 440, 450.
- Бальзак, Онорэ (1799 — 1850) — французский писатель — 396.
- Бандьера братья, Аттилио (род. в 1817 г.) и Энрико (род. в 1819 г.) — сыновья австрийского контр-адмирала Бандьера, мадзинисты, организаторы путча в Калабрии, расстреляны в 1884 г. — 176.
- Баниа, Йоганн (1817 — 1868) — венгерский журналист, бывший революционер, эмигрант, начальник тайной полиции у Кошута — 121, 165, 298.
- Бардольф — герой из произведений Шекспира «Генрих IV» и «Генрих V» — 298.
- Барнеди — английское акционерное общество — 427.
- Барнетт — лондонский банкир — 354, 357.
- Барро, Камилл-Гиацинт-Одилон (1791 — 1873) — французский политик министр юстиции в 1849 г. — 15.
- Баумер — 349.
- Бауэр, Бруно (1809 — 1882) — левый гегельянец, теолог — 22, 90.

- Бауэр, Эдгар (1820 — 1886) — брат Бруно Бауэра, немецкий публицист, редактор лондонского рабочего журнала «Neue Zeit» — 46, 160, 225, 369.
- Бабель, Август (1840 — 1913) — один из основателей германской социал-демократической партии — 482.
- Бейст, Фридрих (1817 — 1899) — бывший прусский офицер, участник революции 1848 г., эмигрант в Швейцарию — 451.
- Бейст, Фридрих-Фердинанд, граф, фон (1809 — 1886) — саксонский и австрийский государственный деятель — 316, 397, 398, 449.
- Беккер, Бернгард (ум. 1882) — немецкий публицист, франкфуртский уполномоченный Всеобщего германского рабочего союза; после смерти Лассалья стал (по завещанию) председателем Союза, но уже в 1865 г. был принужден оставить этот пост — 207, 220, 223, 237, 241, 243, 249, 261, 271, 272, 278, 282, 286, 288, 293, 296, 297, 298, 300, 314.
- Беккер, Герман (Красный) (1820—1885) — член Союза коммунистов, обвиняемый кельнского процесса, позже национал-либерал — 73, 224, 225, 228, 237, 241, 251.
- Беккер, Иоганн-Филипп (1809—1886) — участник революции 1848 — 1849 гг., деятель I Интернационала, друг Маркса и Энгельса — 41, 143, 220, 272, 289, 315, 443, 445, 450, 460.
- Беккер, Филипп — см. Беккер, Иоганн-Филипп.
- Беллоз, Жан-Пьер (1821 — 1908) — рабочий краснодеревщик, основатель народного банка «Le crédit au travail» — 269, 281.
- Бельциг, фон — капитан прусского гвардейского полка — 412, 444.
- Бем, Яков (1575 — 1624) — философ, по происхождению крестьянин, был пастухом и сапожником — 473.
- Бендер — книгопродавец, издатель «Londoner Anzeiger» — 223, 243, 261, 268, 270, 271, 456.
- Бенедек, Людвиг (1804 — 1881) — австрийский генерал, усмиритель галицийского восстания 1846 г., главнокомандующий австрийской армии в 1866 г. — 338, 353, 360.
- Беннигсен, Рудольф (1824 — 1902) — один из основателей Германского национального союза 1859 г. — 350, 391, 404.
- Бер, фон — дочь ганноверского министра — 401.
- Бернар, Мартен (1808 — 1883) — сподвижник Барбеса и Бланки в 1839 г., активный участник революции 1848г., эмигрант; вернулся во Францию после амнистии 1859 г. — 75, 76.
- Бернгард — см. Беккер, Бернгард.
- Берденс — 277.
- Бернс, Лици (ум. в 1878г.) — вторая жена Энгельса — 120, 123, 176, 185, 203, 218, 225, 230, 250, 275, 285, 287, 299, 300, 302, 305, 309, 310, 314, 317, 331, 334, 337, 346, 356, 363, 371, 377, 391, 394, 402, 405, 412, 413, 418, 420, 423, 426, 427, 432, 457, 460, 476, 485.
- Бернс, Мари (ум. в 1863 г.) — ирландская работница, первая жена Энгельса, сестра предыдущей — 57, 120, 123, 124, 127, 129.
- Бернсайд, Амброзе-Эверетт (1824 — 1881) — участник гражданской войны в Америке, генерал конфедератов (южан) — 119, 120, 121.
- Бернсторф, Альбрехт, граф (1809 — 1874) — сначала прусский, а затем германский посол в Лондоне, — 34, 400.
- Бернштейн, полковник — участник гражданской войны в Америке — 30.
- Бертон — 393.
- Бета (Бегпих), Генрих, д-р (1813 — 1876) — немецкий демократический писатель и журналист, эмигрант, сторонник Кинкеля — 4, 5, 46, 67, 386, 456, 458.
- Бетлен, граф — секундант Лассалья — 198.
- Бегпих — см. Бета.
- Бизли, Эдуард-Спенсер (1831—1915) — профессор, глава школы позитивистов в Англии. Принимал участие в организации I Интернационала — 227, 289, 305, 356, 363, 431, 441, 448, 460.
- Билле, Карл-Стен-Андерсен (1828 — 1898) — датский журналист и общественный деятель, редактор им же основанного журнала «Dagblad» — 197, 204.
- Бильс, Эдмунд (1803 — 1881) — судья, политический деятель, один из лидеров «Лиги реформ» — 258, 285, 370.
- Бирх — 385.
- Бискамп, Элард — немецкий журналист, демократ, основатель лондонской немецкой газеты «Das Volk» — 2, 271.
- Бисмарк, Отто (1815 — 1898) — прусский министр-президент, первый канцлер Германской империи — 109, 115, 117, 122, 136, 139, 152, 153, 177, 178, 183, 189, 197, 204, 225, 232, 233, 237, 238, 239, 240, 243, 244, 249, 252, 253, 260, 264, 293, 300, 303, 314, 316, 318, 321, 324, 327, 337, 338, 339, 340, 341.

- 342, 343, 344, 345, 346, 347, 350, 351, 352, 353, 354, 358, 360, 361, 364, 365, 366, 367, 368, 371, 372, 375, 390, 391, 395, 397, 399, 400, 404, 407, 409, 411, 412, 437, 440, 443, 451, 461, 464, 466, 469, 476, 484, 486, 489.
- Бишофсгейм, Луи (1800 — 1873) — владелец банка во Франции, имевшего филиал в Лондоне — 52.
- Блан, Луи (1811 — 1882) — французский историк-социалист — 227, 346, 439, 446.
- Бланк, Карл-Эмиль (1817 — 1893) — шурин Энгельса, купец — 239.
- Бланк, Вильгельм (1821 — 1892) — приятель Энгельса — 388.
- Бланкенбург, Мориц, фон (1815—1888) — друг Бисмарка, член прусского ландтага — 22.
- Бланки, Луи-Огюст (1805 — 1881) — французский революционер — 25, 121.
- Блинд, Карл (1826 — 1907) — демократ, участник баденского восстания — 10, 14, 39, 40, 46, 114, 135, 144, 145, 147, 149, 161, 176, 217, 220, 221, 223, 224, 234, 235, 240, 250, 256, 259, 261, 263, 264, 267, 268, 270, 272, 277, 281, 302, 330, 331, 348, 350, 352, 358, 456.
- Блэкберн — английский судья — 466, 469.
- Бобчинский — капитан, польский эмигрант в Англии, участник польского восстания 1863 г. и морской экспедиции Лапинского, с 19 сентября 1865 г. — член Центрального совета I Интернационала — 321, 334.
- Боден, Жан (1530 — 1596) — французский публицист — 153.
- Бокль, Генри-Томас (1822 — 1862) — английский историк — 81.
- Боллетер — с 1865 г. член Центрального совета I Интернационала — 352.
- Бомба — прозвище короля обеих Сицилий и Неаполитанского — Фердинанда II (1810 — 1852) — 364.
- Бонапарт — см. Наполеон III.
- Бонапарт I — см. Наполеон I.
- Борегар, Петр-Густав (1818 — 1893) — французский главнокомандующий армии южан в гражданской войне в Америке — 68, 69, 74, 190, 213.
- Боркгейм, Сигизмунд-Людвиг (1825 — 1885) — публицист, участник баденского восстания, эмигрант в Англии — 7, 9, 10, 43, 45, 66, 68, 71, 72, 88, 89, 96, 98, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 113, 185, 188, 189, 260, 273, 357, 398, 424, 426, 428, 437, 438, 439, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 457, 458, 461, 474, 475, 476, 478, 481, 486.
- Бортман, г-жа — 77.
- Борхардт, Луи, д-р — немецкий врач в Манчестере, друг В. Вольфа и Энгельса — 1, 43, 163, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 186, 192, 194, 203, 212, 262, 265.
- Брагг, Бракстон (1817 — 1876) — генерал-бригадир армии конфедератов в гражданской войне в Америке — 183.
- Брайт, Джон (1811 — 1889) — английский политический деятель, фритредер — 145, 186, 207, 208, 210, 234, 236, 268, 318, 336, 411.
- Браницкий, Ксаверий, граф — польский эмигрант в Париже, участник польского восстания 1863 г., дал средства на организацию морской экспедиции Лапинского — 142.
- Брасс, Август — публицист, участник революции 1848 г., с 60-х годов — сторонник Бисмарка — 10, 411, 424.
- Бредлоу, Чарльз (1833—1891) — английский политический деятель, адвокат и журналист радикального направления — 332, 463, 467.
- Брейдтшвердт, Л.-Отто, фон — немецкий журналист, сотрудник «Аугсбургской газеты», редактор «Londoner Anzeiger» — 223.
- Бридж, д-р — сотрудник «Commonwealth» — 356.
- Брокгауз — издательская фирма в Лейпциге, основанная в 1814 г. Фридрихом-Арнольдом Брокгаузом — 16, 41, 99, 100, 119, 121.
- Броннер, д-р — немецкий демократ, эмигрант — 14, 220, 224.
- Броун, Джон (1800 — 1859) — американский абolicционист — 472.
- Брукнер, братья — 103.
- Брун, Карл (род. в 1803 г.) — член Союза отверженных и Союза коммунистов, из которого был исключен в 1850 г.; с 1860 г. — издатель «Nordstern» в Гамбурге — 161, 217, 263, 268, 271, 280.
- Бруно — см. Бауэр, Бруно.
- Брюггеман, Карл-Генрих (1810—1887) — немецкий либерал, редактор «Kölnische Zeitung» — 2.
- Брюннинг, г-жа, фон (ур. Ливен) (ум. в 1853 г.) — демократка, участвовала в устройстве побега Кинкеля, эмигрировала в Англию — 13.
- Буагильбер, Пьер (1646 — 1714) — французский экономист, предшественник физиократов — 153.
- Будда (560 — 480 до нашей эры) — основатель буддийской религии — 19.
- Буоль - Шауэнштейн, Карл - Фердинанд (1797 — 1865) — австрийский министр — 226.
- Бустрада — см. Наполеон III.
- Буллер, Бенджамен - Франклин (род. в 1818 г.) — американский генерал, с конца 1862 г. — губернатор Нью-Ор-

- леана, участник гражданской войны в Америке; в 1865 г. был устранил от командования — 182, 189, 190, 313.
- Бухер, Лотар (1817 — 1892) — немецкий политический деятель, член Национального собрания, радикал, эмигрант в Лондоне с 1864 г., сотрудник Бисмарка — 6, 9, 10, 12, 13, 88, 102, 105, 137, 220, 225, 272, 398, 399, 486.
- Буше де Кревкер де-Перт. Жак. (1788 — 1868) — французский ученый, исследователь первобытной человеческой культуры — 149.
- Бэк — 466.
- Банкс, Натаниэль - Прэнсис, генерал-майор (1816 — 1894) — участник гражданской войны в Америке, командовал 5-й армией северян — 78, 79, 84.
- Банс, Эдуард (1800 — 1890) — английский политический деятель и экономист — 285.
- Бюль, дон-Карлос (род. 1818) — участник гражданской войны в Америке, бригадный генерал армии северян — 68, 69, 77.
- Бургерс, Генрих (1820 — 1878) — немецкий коммунист 40-х годов, обвиняемый кельнского процесса коммунистов, впоследствии примкнул к прогрессистам — 15, 23, 42, 48, 100, 109, 260, 316, 447, 470, 483, 485, 486, 487.
- Бюринг, Карл-Иоганн (род. 1820) — старейший член Союза коммунистов — 14, 24.
- Бюхнер, Людвиг (1824 — 1899) — немецкий философ-материалист, автор книги «Сила и материя» — 449.
- Бьюкенен, Джеймс (1791 — 1868) — президент Северо-Американских Соединенных Штатов с 1857 по 1861 г. — 28.
- В.**
- В. — 59.
- Вагнер, Герман (1815 — 1889) — германский политический деятель, основатель «Новой прусской газеты» — 22, 166, 212, 400.
- Валесроде, Людвиг-Рейнгольд (1810 — 1889) — немецкий демократический писатель — 9.
- Вальдек, Бенедикт (1802 — 1870) — немецкий политический деятель, вождем демократической партии — 22.
- Вальполь, Спенсер-Гораций (1808 — 1899) — консервативный английский политический деятель — 370, 416.
- Варнебольд — адвокат в Ганновере, сторонник Бисмарка — 404, 470.
- Вашингтон — сотрудник газеты «New-York Herald» — 58.
- Вебер — юстицират в Берлине, поверенный Маркса в процессе против берлинской «Nationalzeitung» — 30, 32, 176.
- Вебер младший — немецкий рабочий в Лондоне — 277.
- Вебер — часовщик из Пфальца; эмигрант в Лондоне — 24.
- Ведекинд — тесть Иоганна Микеля консул — 316.
- Веерт, Георг-Людвиг (1822 — 1856) — немецкий политический лирик, член редакции «Новой рейнской газеты», член Союза коммунистов, близкий друг Маркса и Энгельса — 134.
- Везинье, Пьер (1824 — 1902) — журналист, автор ряда памфлетов против Наполеона III, член Парижской Коммуны, член Интернационала — 319, 320, 321, 333, 341.
- Вейдемейер, Иосиф (1818 — 1866) — немецкий революционер, публицист, с 1851 г. жил в Америке — 80, 221, 224, 229, 235, 254, 256, 278, 412, 413.
- Вейдемейер (урожд. Люнинг) — жена Иосифа Вейдемейера — 412.
- Вейс, Гвидо (1822 — 1899) — немецкий журналист, участник революции 1848 г., друг И. Якоби — 484, 488.
- Вейс, Зигфрид, д-р — немецкий революционер 1848 г. эмигрировал в Америку — 448, 452.
- Вельтер, Даниэль (1814 — 1865) — немецкий педагог и географ — 218.
- Вельф Слепой (ум. 1878) — ганноверский король Георг V, в 1866 г. лишенный Пруссией престола — 369.
- Венер — немец, знакомый Энгельса — 372, 391.
- Венер — отец предыдущего — 404.
- «Венец» — см. Гильберг, Арнольд.
- Верморель, Огюст (1841 — 1871) — французский революционер, участник Парижской Коммуны — 439, 441, 443, 446.
- Вернер, Минна — вторая жена Готфрида Кинкеля — 13.
- Верон, Луи-Дезире (1798 — 1867) — французский публицист, главный собственник газеты «Constitutionnel» — 455.
- Вестфален, Эдгар, фон (1819 — 1890) — брат Женни Маркс, примыкал к коммунистам в 1846 г., долгое время жил в эмиграции в Америке — 286, 287, 289, 296, 298, 300, 301, 303, 304, 307, 310.
- Виганд, Отто (1795 — 1870) — издатель литературы радикального направления в Лейпциге в 40-х годах — 403, 406, 408, 413, 417, 421, 430, 448.
- Виганд, Гуго (ум. в 1873 г.) — сын преды-

- душего, продолжавший его издательство — 403.
- Видок, Франсуа (1775 — 1857) — французский авантюрист и полицейский шпион — 4.
- Визенрлиер, Яков — имя, под которым Лассаль фигурирует в «Господине Фогте» — 20.
- Викедде, Юлиус, фон (род. в 1819 г.) — немецкий военный писатель и военный корреспондент английских и немецких газет — 341.
- Вико, Джованни - Баттиста (1668 — 1744) — профессор риторики в Неаполитанском университете; создатель теории круговоротов в истории — 66.
- Виктор-Эммануил II (1820 — 1878) — король Сардинии и первый король объединенной Италии — 86, 351, 362, 364, 461, 463, 464.
- Виллих, Август (1810 — 1878) — член Союза коммунистов, немецкий революционер, участник гражданской войны в Америке — 13, 30, 78, 108, 275.
- Вильгельм I (1797 — 1888) — прусский король и император Германии — 2, 6, 14, 17, 22, 42, 46, 47, 50, 70, 80, 109, 115, 117, 173, 177, 188, 207, 337, 339, 350, 352, 353, 362, 369, 371, 389, 400, 408, 411.
- Вильгельм — см. Вильгельм I.
- Вильгельм Завоеватель — см. Вильгельм I.
- Вильгельм Красавец — см. Вильгельм I.
- Вильгельм Прекрасный — см. Вильгельм I.
- Вильгельм — см. Либкнехт, Вильгельм — 225, 256, 257, 323, 488.
- «Вильгельмчик» — см. Либкнехт, Вильгельм.
- Вильдеман — герой из «Ганс Ибелес» Иоганны Моккель (Кинкель) — 13.
- Винтер, Леопольд, фон — прусский начальник полиции, после — бургомистр в Данциге — 34.
- Вирхов, Рудольф (1821 — 1902) — профессор-физиолог, вождь немецких прогрессистов, позже примкнул к свободомыслящим — 109, 166, 403.
- Вобан, Себастьян (1633 — 1707) — французский маршал, инженер и писатель, автор книги «La dîme royale», представляющей критику финансовой системы Франции — 153.
- Вокансон, Жак (1709 — 1782) — изобретатель автоматов — 131.
- Вольтер, Франсуа-Мари (1694 — 1778) — французский писатель, историк и философ — 15.
- Вольф — 258.
- Вольф, Бернгард (1811 — 1879) — основатель и владелец берлинского телеграфного агентства, с 1850 г. — собственник берлинской «Nationalzeitung» — 20, 21.
- Вольф, Вильгельм (Казематный Вольф, Лугус) (1809 — 1864) — немецкий революционер, член Союза коммунистов, друг Маркса и Энгельса — 18, 19, 20, 25, 26, 27, 30, 32, 34, 42, 44, 60, 64, 66, 70, 75, 78, 80, 81, 83, 88, 89, 90, 99, 109, 112, 119, 127, 133, 147, 149, 151, 163, 165, 168, 171, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 184, 186, 187, 189, 191, 194, 196, 211, 212, 216, 218, 242, 265, 307, 413, 429, 456, 461.
- Вольф, Луиджи — майор, секретарь Мадзини — 208, 209, 227, 261, 273, 288, 333, 334.
- Вольф, Фердинанд (Красный Вольф) — член редакции «Новой рейнской газеты», эмигрант в Лондоне — 126, 161.
- Вольферс — главный редактор «Страсбургского корреспондента» — 2.
- Вольфсон — 250.
- Ворсо, Иенс-Яков-Асмуссен (1821 — 1885) — датский археолог; в 1874 — 1875 гг. — министр народного просвещения — 205.
- Врангель, Фридрих - Генрих - Эрнст (1787 — 1877) — прусский генерал-фельдмаршал — 172.
- Вуд, Чарльз (1800 — 1885) — английский государственный деятель — 187, 265, 266.
- Вуттке, Генрих (1818 — 1876) — немецкий историк и политик; пангерманист — 397.
- Вэнсар, Пьер (1820 — 1882) — член Интернационала, рабочий; впоследствии — книгопродавец и публицист — 268.
- Вюрц, Шарль-Адольф (1817 — 1884) — французский химик, профессор химии в «Ecole de médecine» — 417, 419.

Г.

- Г. К. — см. Кинкель, Готфрид.
- Габсбурги — австрийская династия — 340, 369.
- Галл, Карл-Христьян (1812 — 1888) — датский политический деятель, с 1858 г. — министр иностранных дел — 303.
- Галлек, Гирш (1815 — 1872) — генерал участник гражданской войны в Америке (командовал сев. войсками) и писатель — 69, 77, 78, 79, 84, 111.
- Гамильтон, Джемс (1811 — 1885) — английский государственный деятель,

- лорд-лейтенант Ирландии — 464, 466, 467.
- Ганзман, Давид-Юстус-Людвиг (1790—1864) — рейнский либерал, во время революции 1848 г. — прусский министр — 21.
- «Ганс Ибелес» — роман Иоганны Мокель — 13.
- Гарди, Гагорн (1814 — 1906) — английский государственный деятель, министр внутренних дел при Дерби — 427, 479.
- Гарибальди, Джузеппе (1807 — 1882) — знаменитый итальянский политический деятель, герой эпохи объединения — 15, 27, 43, 44, 51, 86, 87, 108, 175, 176, 177, 208, 286, 354, 364, 408, 439, 450, 464, 485.
- Гаркорт, Вильям - Вернон (1827 — 1904) — английский политический деятель — 293.
- Гарринг-Гарро, Пауль (1798 — 1870) — немецкий поэт и публицист демократического направления — 302.
- Гаррисон, Фредерик (1831 — 1923) — английский позитивист, юрист, сотрудник «Beehive» — 289, 305, 356, 363, 423, 431.
- Гатцфельд, София, графиня (1805 — 1881) — известна своей дружбой с Лассалем, который в начале своей деятельности вел ее бракоразводный процесс — 8, 11, 17, 19, 22, 25, 26, 86, 206, 212, 217, 219, 225, 233, 241, 243, 272, 297, 301, 302, 386, 397.
- Гебель, Иоганн-Петер (1760 — 1826) — швейцарский поэт, писал идиллические стихи на швейцарском диалекте — 307.
- Гегг, Аманд (1820 — 1897) — член баденского революционного правительства 1849 г., играл крупную роль в швейцарском рабочем движении — 448, 449.
- Гегель, Георг-Фридрих (1770 — 1831) — немецкий философ — 15, 51, 81, 305, 340, 363, 415, 417, 419, 458, 467.
- Гейб, Август (1842 — 1879) — германский социал-демократ, лассальянец, перешедший к эйзенахцам, член рейхстага — 485.
- Гейдт, Август, фон-дер (1801 — 1874) — рейнский либерал, прусский министр торговли в 1848 г.; с 1862 г. — министр финансов до вступления в правительство Бисмарка — 173, 358.
- Гейман, см. Лассаль-Гейман.
- Гейне, Генрих (1797 — 1856) — знаменитый немецкий поэт — 394, 418.
- Гейнцен, Карл (1809 — 1880) — немецкий публицист, представитель буржуазного радикализма, эмигрировал в Америку — 217.
- Гейнцман — прусский государственный прокурор, эмигрант в Лондоне, председатель «Немецкого национального союза» — 25, 31, 32, 38, 39, 40, 42, 456.
- Геккер, Фридрих (1811 — 1881) — немецкий революционер, участник баденского восстания и участник гражданской войны в Америке — 15, 70.
- Гексли, Томас-Генри (1825 — 1895) — профессор естественной истории и физиологии в Лондоне — 130, 142, 143, 356, 387.
- Гельд, Фридрих-Вильгельм-Александр (1813 — 1872) — немецкий публицист, популярный историк и агитатор — 318.
- Генрих — см. Бюргерс, Генрих.
- Генрих Кроткий — см. Бюргерс, Генрих.
- Георг — см. Гервег.
- Георг II (1683 — 1760) — английский король из ганноверской династии — 481.
- Гераклит Темный — см. Гераклит Эфесский.
- Гераклит Эфесский (ок. 500 г. до нашей эры) — греческий философ, прозванный Темным из-за неясности его учения. В 1858 г. в Берлине вышла книга Лассалья «Die Philosophie Heraklites des Dunkeln von Ephesus» — 18, 267, 406.
- Герберт, Сидней — адвокат — 52, 55.
- Герберт (Эгертон), Генри-Гауорд, Молине, лорд Карнарвон (1831 — 1890) — английский государственный деятель — 463.
- Гервег, Георг (1817 — 1875) — немецкий политический лирик — 87, 161, 162, 202, 206, 219, 220, 263, 264, 272, 275.
- Гервег, Эмма (урожд. Зигмунд) (род. в 1817 г.) — жена поэта — 206, 212, 152.
- Гердер, Иоганн-Готфрид (1744 — 1803) — известный немецкий поэт и публицист — 15.
- Герстенберг, Исидор (ум. в 1876) г. — друг и школьный товарищ Лассалья, банкир в Лондоне, приверженец Кинкеля — 86.
- Герцен Александр Иванович (1812 — 1870) — знаменитый русский политический писатель и эмигрант — 57, 134, 164.
- Гесс, Моисей (1812 — 1872) — немецкий социалист, представитель так называемого «истинного социализма» — 161, 162, 219, 220, 223, 229, 231, 233, 237, 238, 240, 241, 242, 244, 246, 248, 249, 252, 253, 261, 272, 283, 284, 286, 475, 477, 479, 481.
- Гесс, Сибилла — жена предыдущего — 276, 283.

- Гессенский курфюрст (1806—1877) — Людвиг III, с 1848 г. — великий герцог Гессенский — 369.
- Гете, Иоганн-Вольфганг (1749—1842) — знаменитый немецкий поэт — 15, 173, 460.
- Гейфкен, Фридрих - Генрих (1830 — 1896) — немецкий публицист, был ганзейским министром-резидентом в Берлине и Лондоне, профессор государственного и международного права в Страсбурге — 400.
- Гибсон, Томас-Мильнер (1806 — 1884) — английский политический деятель — 53.
- Гилль — приказчик в конторе «Эрмен и Энгельс» в Манчестере — 89, 119, 128, 190, 335.
- Гильберг, Арнольд — венский журналист, издатель «Internationale Revue» — 326, 467, 478.
- Гильдебранд, Бруно (1812—1878) — экономист, статистик, политический деятель — 482.
- Гинкельдей, Карл - Людвиг (1805 — 1856) — начальник берлинской полиции; директор департамента полиции в министерстве внутренних дел — 21.
- Гирзенцель, Карл-Христиан-Эдуард (1825 — 1869) — юрист, с 1859 г. — городской судья в Берлине, редактор «Прусской судебной газеты» — 19.
- Гириш — кузен М. Гесса — 481.
- Гиршфельд — типограф в Лондоне — 25.
- Гладстон, Вильям (1809 — 1898) — английский политический деятель — 53, 346, 411.
- Гладстон Р. — английский фритредер в Ливерпуле — 154.
- Гла-Бизуэн, Александр (1800 — 1877) — французский политический деятель, член правительства национальной обороны в 1870 г. — 362.
- Глюксбург, Христиан (1818 — 1906) — наследник датского престола, с 1863 г. — король датский Христиан IX — 54.
- Гнейст, Генрих-Рудольф (1816—1895) — знаменитый немецкий юрист, член рейхстага, — 166, 282.
- Гоббс, Томас (1588 — 1679) — знаменитый английский философ — 81.
- Гогенцоллерны — немецкая династия — 139, 140, 340, 341.
- Гольдгейм — прусский полицейский чиновник в Лондоне — 6.
- Гольцторп, Г.-Е. — секретарь-корреспондент Интернационала для Польши — 321, 352.
- Гольц, Роберт, граф (1817 — 1869) — прусский дипломат, посланник в Афинах, Константинополе, Петербурге и в Париже — 365.
- Гораций, Квинт-Гораций-Флак (65 — 8 до нашей эры) — римский поэт — 133, 391.
- Горн — см. Эйнгорн. Игнац.
- Горчаков, Александр Михайлович, князь (1798 — 1883) — дипломат, государственный деятель — 489.
- Готфрид — см. Кинкель Готфрид.
- Готфрид — см. Эрмен, Готфрид.
- Гоуэлль, Джордж (род. в 1833 г.) — рабочий-каменщик, один из вождей трэдюнионов, член Генерального совета Интернационала — 285, 333.
- Гофман, Август - Вильгельм (1818 — 1892) — известный немецкий химик — 415, 417.
- Гофштетен, Иоганн-Балтист — бывший офицер, соредaktor Швейцера в «Social-Demokrat» — 484, 485.
- Грант, Улисс-Симпсон (1822 — 1885) — американский генерал, участник гражданской войны в Америке на стороне федералистов, впоследствии — президент Соединенных Штатов — 68, 69, 152, 182, 183, 189, 190, 199, 200, 202, 213, 243, 279.
- Грант I — см. Грант, Улисс-Симпсон.
- «Грей Вивьен» — 370.
- Грей, — 283.
- Грейф (он же Шульц) — полицейский агент — 2, 6, 358.
- Гризгейм, Карл-Август-Юлий (1798 — 1854) — прусский генерал, военный деятель и писатель — 372.
- Грили Орас (Гораций), (1811 — 1872) — американский публицист, издатель «Нью-иоркской трибуны» — 67, 71.
- Гримм, Альберт-Людвиг (1786—1872) — немецкий писатель, известный своими сказками — 292.
- Гримм, Яков (1785 — 1863) — знаменитый немецкий языковед, основатель немецкой филологии — 232, 295.
- Грове, Вильям-Роберт (1811 — 1896) — английский физик — 196.
- Гроте — председатель земского суда и прогрессистский депутат из Дюссельдорфа — 298.
- Грюбель, Фридрих - Людвиг — революционер, руководитель гамбургской общины Союза отверженных ок. 1840 г. — 280.
- Грюн, Карл (1817 — 1887) — немецкий публицист, философ, представитель так называемого «истинного социализма» — 215, 220, 449, 477, 489.
- Губер, Виктор (1800 — 1869) — профессор литературы и истории — 217.
- Гуд, Джон-Белль (1831 — 1879) — американский генерал; участник гра-

- жданской войны в Америке на стороне конфедератов — 213.
- Гудшо, Мишель (1797 — 1862) — французский публицист и политический деятель — 121.
- Гукер, Джозеф (1814 — 1879) — генерал, участник гражданской войны в Америке, бригадир волонтеров армии северян — 110, 117, 134.
- Гуль, Эрнст-Карл (1819 — 1862) — немецкий историк искусств — 218.
- Гумперт, Эдуард, д-р — немецкий врач в Манчестере, друг Маркса и Энгельса, — 3, 7, 11, 19, 23, 44, 82, 113, 128, 138, 157, 163, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 189, 218, 220, 227, 234, 240, 250, 256, 263, 284, 299, 310, 323, 325, 327, 328, 329, 330, 331, 343, 354, 356, 357, 365, 373, 382, 384, 394, 413, 415, 438, 455, 488.
- Гумперт, г-жа — жена д-ра Эдуарда Гумперта — 418.
- Гутри, Джеймс (1792 — 1869) — американский государственный деятель, секретарь министерства финансов при Пирсе (сторонник рабства) — 38.
- Гюбнер, Отто (1818 — 1877) — немецкий экономист-статистик, директор статистического центрального архива в Берлине — 440, 441.
- Гюго, Виктор (1802 — 1885) — знаменитый французский поэт и писатель, издавший в 1852 г. памфлет против Наполеона III — 439.
- Гюз — английский политический деятель, член парламента, издатель газеты «Workmans Advocate» — 315.
- Д.**
- Давид — см. Уркарт.
- Дана, Чарльз-Андерсон (1819 — 1897) — американский журналист, редактор «Нью-Йоркской трибуны» — 8, 10, 11, 41, 43, 65, 67, 68, 71.
- Даниэльс, Амалия (1812 — 1895) — жена д-ра Даниэльса — 23, 76.
- Дарвин, Чарльз (1809 — 1882) — знаменитый натуралист — 81, 373, 374, 380, 381, 483.
- Дауд-паша — см. Уркарт.
- Дево — 102.
- Декарт (1596 — 1650) — французский философ и математик, основатель рационалистической философии — 451.
- Демут, Елена (Ленхен) (1823 — 1890) — домашняя работница в семье Маркса — 118, 126, 161, 376.
- Дени, Гектор (1842 — 1913) — бельгийский социалист, писатель-социолог и экономист, профессор в Брюсселе — 321.
- Деннигес, Елена (1896 — 1911) — невеста Янко Раковица; из-за нее произошла дуэль между Лассалем и Раковицем — 198, 201, 206, 318.
- Денонвиль — бланкист — 254.
- Денуаль — член Генерального совета Интернационала — 272.
- Дерби, Эдуард, граф (1799 — 1869) — английский премьер-министр — 411, 424, 472.
- Джексон, Томас-Джонатан (1824 — 1863) — генерал конфедератов, участник гражданской войны в Америке — 84, 106, 108.
- Джеймс, Эдвин-Джонс (1812 — 1882) — английский адвокат — 292.
- Джонс, Мэзон — радикал, член «Лиги реформ» — 285.
- Джонс, Эрнест-Чарльз (1819 — 1869) — английский поэт и один из вождей чартистского движения — 182, 191, 196, 197, 207, 220, 222, 232, 236, 237, 250, 251, 257, 260, 265, 268, 276, 282, 285, 286, 313, 408, 486.
- Джонсон, Эндрью (1808 — 1875) — президент Северо-Американских Соединенных Штатов — 277, 283, 289, 291, 345.
- Джонстон, Джозеф (1809 — 1891) — генерал конфедератов в гражданской войне в Америке — 60, 279.
- Джузеппе — см. Мадзини.
- Дизи — ирландский революционный деятель, фений — 472.
- Дизраэли, Бенджамен, лорд Биконсфильд (1804 — 1881) — английский государственный деятель и писатель — 176, 355, 462.
- Диксон — полковник — 467.
- Дилейн, Джон-Гадеус, младший (1817 — 1879) — издатель газеты «Times» — 133.
- Диодор — греческий историк времен Цезаря и Августа — 66, 68.
- Диоскуры — (греч. мифол.) — сыновья Зевса, братья близнецы — 404.
- Дипци — см. Дизраэли.
- Дози, Рейнгард (род. в 1820 г.) — профессор истории в Лейденском университете, знаток арабской истории — 191.
- Дон-Жуан — герой поэмы Байрона того же названия — 13, 87, 199.
- Дон-Кихот Бланкенбургский — см. Бланкенбург, Мориц.
- Дралле — см. Тралле.
- Дреземан, И. — редактор «Дюссельдорфской газеты» — 270.
- Дронке, Эрнст («Малыш») (1812 — 1891) — социалистический писатель, один из редакторов «Новой рейнской газеты», эмигрант — 51, 52, 53, 55, 57, 66.

- 138, 139, 142, 143, 151, 153, 155, 156, 194, 273, 275, 282, 285, 297, 311, 354, 357, 426, 427, 449 453, 455.
- Друкнер, Луи — издатель в Берлине — участник революции 1848 г., эмигрант в Лондоне — 5.
- Дулль — 377.
- Дункер, Франц-Густав (1822 — 1888) — немецкий издатель — 16, 137, 369, 414.
- Духинский, Франциск (1817 — 1880) — польский этнограф, отрицавший славянское происхождение великорусов — 290, 374.
- Дэвис, Джеферсон (1808 — 1889) — американский государственный деятель, президент конфедератов — 35, 36, 115, 116, 202.
- Дэндри, лорд — один из персонажей комедии Т. Тэйлора, «Our American Cousin». — 166, 177.
- Дюпанлу, Феликс-Антуан (1812—1878) — директор парижской семинарии, с 1849 г. — епископ Орлеанский; член Национального собрания 1871 — 1875 гг. — 450, 464.
- Дюмон, Иозеф (1811 — 1861) — немецкий журналист, издатель «Кельнской газеты» — 2.
- Дюпон, Эжен — рабочий в производстве музыкальных инструментов; член Генерального совета Интернационала, секретарь - корреспондент для Франции — 272, 334, 377, 436, 446

Б.

- Екатерина II (1729 — 1796) — русская императрица — 54, 147, 148, 188.
- Елизавета (1533 — 1603) — английская королева, дочь Генриха VIII и Анны Болейн — 480.

Ж.

- Женни (Женничка) — см. Маркс, Женни (дочь).
- Жерар, Шарль (1816 — 1856) — французский химик — 417, 419.
- Жирарден, Эмиль, де (1806 — 1881) — французский публицист и политический деятель — 437, 442.

З.

- Замойский Андрей, граф (1800—1874) — польский политический деятель — 157, 164, 259.
- Зель — художник-коммунист из Бармена — 23.
- Земмельвейс, Игнатий-Филипп (1818 — 1865) — известный врач-акушер, с

- 1554 г. — профессор в Будапеште — 403.
- Зеебах, Альбин-Лев, фон (1811—1884) — саксонский дипломат, был послом в Петербурге и в Париже, после падения Севастополя вел переговоры с Нессельроде — 398.
- Зибель, Карл (1836 — 1868) — рейнский социальный поэт, родственник Энгельса — 1, 2, 3, 5, 10, 22, 23, 55, 77, 153, 237, 240, 244, 245, 257, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 281, 297, 406, 445, 448, 454, 458, 460, 465, 468, 470, 471, 473, 482, 483, 486, 487.
- Зибольд, П.-Ф. — 234, 240, 301, 302, 303.
- Зибольд, Эдуард-Каспар-Иаков (1801—1861) — известный врач-гинеколог, с 1883 г. профессор в Галтингене—403.
- Зигель, Франц (1824 — 1902) — баденский революционер, участвовал в гражданской войне в Америке—78, 79.
- Зинкинген, Франц (1481—1523) — вождь немецкого рыцарства во время крестьянской войны в Германии — 230.
- Зиппел — прусский эмигрант, математик — 64.
- Зоннеман, Леопольд (Лёб) (1831 — 1909) — немецкий политический деятель, журналист и коммерсант, основатель «Франкфуртской газеты», лидер южно-германской демократической партии, позже — член немецкой народной партии и член рейхстага — 241.
- Зюс (Оппенгеймер), Иосиф (1692 — 1738) — известный финансовый деятель — 185.

И.

- Иаков — библейский патриарх — 191.
- Ида — см. Фрейлиграт, Ида.
- Иеккер И.-Б. (ум. в 1871 г.) — швейцарский банкир; вместе с другими заложниками был расстрелян парижскими коммунарами 26 мая 1871 г. — 71, 136.
- Изабелла (1830 — 1904) — королева Испанская, в 1870 г. отрелась от престола в пользу своего сына Альфонса — 451.
- Иисус Навин — из Библии — 191.
- Имадт, Петр — из Крефельда, эмигрант, преподаватель языков, коммунист — 45, 94, 97, 110.
- Иов — библейский патриарх — 5.
- Иорк — 474.
- Исаак (Юген) — 348.
- Исаак — библейский патриарх — 191.
- Исидор Б-Б — см. Лассаль.
- Итциг — см. Лассаль.

К.

- Кавеньяк, Луи-Эжен (1802 — 1857) — французский генерал, подавил июньское восстание 1848 г. в Париже — 446.
- Кавур, Камилло-Бензо, граф (1810 — 1861) — итальянский государственный деятель — 27.
- Какаду — см. Маркс, Лаура.
- Кант, Иммануил (1724 — 1804) — философ, родоначальник немецкой классической философии — 458.
- Капп, Фридрих (1824 — 1884) — политический деятель и историк, участник революции 1848 — 1849 гг., эмигрировал в Брюссель, затем в Париж, с 1850 г. — эмигрант в Америке; в 1862 г. провел несколько месяцев в Германии; возвратился из эмиграции в 1870 г., с 1872 г. — член рейхстага, национал-либерал, впоследствии принадлежал к немецкой свободомышлящей партии — 108.
- Каппель — священник немецкой лютеранской церкви в Лондоне — 216.
- Караджич, Вук Стефанович (1787 — 1864) — создатель современного сербского литературного языка и правописания, собиратель произведений сербского народного творчества — 149.
- Кардан, Иероним (1501 — 1576) — итальянский математик, врач и философ — 131.
- Карл — см. Зибель, Карл.
- Карл V (1500 — 1558) — король Испании; с 1519 г. — император Германии — 230.
- Карл-Фридрих (1801 — 1883) — принц прусский, генерал-фельдцехмейстер — 17.
- Карно, Лазар-Ипполит (1801 — 1888) — французский политический деятель, в 1848 г. — министр народного просвещения во временном правительстве — 121.
- Каррера — профессор математики, физики и химии — 373.
- Карпентер, Альфред-Джон (1825 — 1892) — врач, автор ряда работ по физиологии — 193.
- Катилина, Люций-Сергий (108 — 62 до нашей эры) — глава демократического заговора 63 г. против римских землевладельцев — 305.
- Кауб — член Центрального совета Интернационала — 337.
- Каупер, лорд Вильям-Фрэнсис (1811 — 1888) — английский государственный деятель — 417.
- Кейль, Карл (1816 — 1878) — лейпцигский книгопродавец, издатель и писатель. — 67.
- Кекуле, Фридрих-Август (1829 — 1896) — известный немецкий химик, профессор в Бонне — 419.
- Келли - Кенни, Томас (1840 — 1914) — ирландский революционный деятель (фений) 472.
- Келликер, Альберт (1817 — 1905) — немецкий профессор анатомии, зоологии и гистологии — 193.
- Келль — брэдфордский фабрикант — 356.
- Кенз, Франсуа (1694 — 1774) — французский врач и экономист, основатель школы физиократов — 82, 158, 160.
- Кеплер, Иоганн (1571 — 1630) — астроном; был профессором астрономии в Гарце с 1594 г. и в Линце с 1612 г. — 305.
- Кешпен, Карл-Фридрих (1808 — 1863) — берлинский младогегельянец, радикальный публицист, друг Маркса и Энгельса, позднее — специалист по истории буддизма — 20.
- Кертбени, Клод-Мария-Бекерт (1824 — 1882) — венгерский писатель, прославился переводами мадьярских авторов на немецкий язык 184.
- Кертис, Самуэль (1807 — 1866) — американский генерал, участник гражданской войны в Америке на стороне федералистов — 78, 79, 84.
- Кильман — 284.
- Кинг — 415.
- Кинглэк, Александр-Вильям (1809 — 1891) — историк Крымской войны — 136, 153, 156, 176.
- Кине, Эдгар (1803 — 1875) — профессор Collège de France (1842 — 1846), член Национального собрания (1848 — 1850); после бонапартистского переворота — эмигрант (1852 — 1870) — 450.
- Кинкель, Готфрид (1815 — 1882) — немецкий поэт-демократ — 4, 5, 7, 9, 13, 24, 25, 27, 31, 32, 35, 38, 39, 40, 42, 43, 67, 76, 109, 216, 298, 352, 356, 357, 367, 375, 376, 386, 456.
- Кинкель, Иоганна (урожденная Моккель) (1810 — 1858) — жена Готфрида Кинкеля, писательница — 13.
- Кирквуд, Даниил (1814 — 1895) — американский астроном — 304, 306, 307.
- Киш — венгерский демократ, агент Кошута — 317.
- Кланрикард, маркиз — английский посланник в Петербурге, член министерства Пальмерстона с 1859 г. (лорд-хранитель малой печати). — 175.
- Клапка, Георг (1820 — 1892) — генерал венгерской революционной армии, ав-

- тор мемуаров о венгерской революции — 70, 71, 165, 198, 199, 285.
- Кларендон, Джордж-Вильерс (1800 — 1870) — министр иностранных дел в Англии, участник Парижского конгресса — 54, 355.
- Класен-Капельман — 303, 305, 327.
- Клаузевиц, Карл (1770 — 1831) — прусский генерал и военный писатель — 68.
- Клейн, д-р, Иоганн-Якоб, член Союза коммунистов, участник кельнского процесса — 23, 76, 78, 260, 465.
- Клелан (Мак) — см. Мак-Клелан.
- Клемент, Кнут-Юнгбоон (1803—1875) — датский филолог и этнограф — 204, 205.
- Клингс, Карл — рабочий из Золингена, в 1865 г. эмигрировал в Америку и играл руководящую роль среди тамошних немецких социал-демократов: впоследствии отошел от социал-демократии — 184, 185, 207, 223, 237, 241, 243, 271, 278, 388.
- Клинкер, А. — руководитель рабочего союза «Гевтония» в Лондоне — 277.
- Клюзере, Густав-Поль (1823 — 1900) — французский политический деятель, генерал, член Интернационала — 485.
- Кобб, Гауэлл (1815 — 1868) — американский государственный деятель, министр финансов 1855 — 1860 гг., участник гражданской войны в Америке на стороне конфедератов — 36.
- Коббет, Вильям (1766 — 1835) — английский политический деятель и писатель радикального направления — 162.
- Кобден, Ричард (1804 — 1865) — английский государственный деятель, фритредер — 186, 210, 236.
- Коген, Фердинанд — покусался на Бисмарка, умер в тюрьме — 347.
- Коген — отец предыдущего — 348.
- Козенц, Энрико (1820 — 1898) — итальянский генерал и политический деятель — 44.
- Колачек, Адольф (род. около 1821 г.) — австрийский радикальный публицист и писатель — 9, 13, 43, 45, 273, 313.
- Коленсо, Джон-Вильям (1814 — 1883) — англиканский богослов — 191.
- Коллер — компаньон издательской фирмы «Петч и К°» — 47, 52, 56, 57, 60, 71, 397.
- Коллет, Чарльз-Добсон — уркартист и радикал — 57, 60, 176, 187, 196, 226, 449.
- Коллинс, Чарльз - Альстон (1828 — 1873) — английский художник и писатель, автор многих новелл — 386.
- Коломб, Фердинанд - Август - Петер (1775 — 1854) — прусский генерал, отличившийся в кампании 1813 — 1814 гг., — 75.
- Кольвиль, де — лондонский представитель «Лиги мира и свободы» — 439.
- Колькрафт — 472.
- Конолли — ирландский революционный деятель (фений) — 282.
- Конради, Иоганн-Иаков (1821—1892) — шуриин Маркса, инженер. — 169.
- Константин (1827 — 1892) — русский великий князь, второй сын императора Николая I — 164.
- Конт, Огюст (1798 — 1857) — французский философ, глава школы позитивистов — 363.
- Концен, д-р, приват-доцент политической экономики в Лейпциге — 475.
- Косцельский — польский эмигрант — 142, 143.
- Котта — издательская фирма в Аугсбурге, основанная в 1640 г. Иоганном-Георгом Коттой — 13.
- Кошут, Людвиг (1802 — 1894) — знаменитый венгерский революционер — 70, 71, 145, 165, 172.
- «Красный» Беккер — см. Беккер, Герман.
- Красс, Марк-Лициний (115 — 53 до нашей эры) — консул в Римской республике, член триумвирата, усмиритель восстания Спартака — 15.
- Крекер, Эдуард — немецкий купец в Лондоне, муж Екатерины Фрейлиграт — 443.
- Кремер (род. в 1838 г.) — один из вождей трад-юнионов, секретарь «Рабочей ассоциации мира», член Генерального совета Интернационала — 207, 208, 209, 227, 236, 276, 285, 295, 333, 335, 390, 377, 442, 467.
- Креспель — член Центрального совета Интернационала с 1866 г. — 320.
- Криге, Герман (1820 — 1850) — немецкий революционер, сторонник Вейтлинга, редактор «Volkstribun» — 411.
- Кромвель, Оливер (1599—1658) — вождь английской революции 1649 г. и лорд-протектор Англии — 480.
- Кугельман, Луи, д-р (1830 — 1902) — ганноверский врач, участник революции 1848 г., член I Интернационала, друг Маркса — 139, 142, 256, 260, 261, 263, 316, 320, 396, 403, 404, 405, 408, 409, 420, 438, 445, 448, 453, 454, 462, 465, 467, 469, 470, 472, 475, 476, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 489.
- Куза — см. Александр-Иоганн I.
- Кэннинггем из Брайтона — английский политический деятель — 54, 126.
- Кэт, Кэтхен — см. Фрейлиграт, Екатерина.
- Кювье, Жорж (1769 — 1832) — фран-

- цузский естествоиспытатель, основатель сравнительной анатомии и палеонтологии — 380, 381.
- Л.**
- Лабуле, Эдуард-Рене-Лефевр (1811 — 1883) — французский юрист и публицист — 170.
- Лазарильо-де-Тормес — герой анонимной повести «Жизнь Лазарильо-де-Тормес», появившейся в Сарагоссе в 1652 г. — 162.
- Лазарь (с ибл.) — 174.
- Лазарь — см. Лассаль.
- Лама, Доменико («Миньон») — председатель Итальянского рабочего клуба в Лондоне, член Центрального совета Интернационала до 1865 г. — 273.
- Ланге, Фридрих-Альберт (1828—1875) — немецкий философ, неокантианец и политико-эконом; автор «Истории материализма» и «Рабочего вопроса» — 262, 265, 281, 487.
- Лангевич, Мариан-Мельхиор (1827 — 1887) — генерал и диктатор в польском восстании 1863 г. — 135, 139, 142, 352.
- Лапинский, Теофиль — польский полковник, эмигрант — 162, 164, 165, 290.
- Лаплас, Пьер-Симон (1749 — 1827) — французский математик и астроном, министр внутренних дел при Наполеоне I — 304.
- Ларкин (умер в 1867 г.) — ирландский революционный деятель (фений) — 478.
- Лассаль-Гейман (умер в 1862 г.) — отец Ф. Лассалья, купец — 122.
- Лассаль, Фердинанд (1825 — 1864) — известный немецкий социалист, основатель Всеобщего германского рабочего союза — 8, 9, 11, 12, 16, 18, 19, 20, 25, 26, 27, 32, 34, 41, 42, 44, 46, 49, 51, 57, 59, 80, 82, 83, 86, 87, 88, 90, 94, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 107, 110, 111, 112, 122, 126, 132, 143, 146, 147, 149, 150, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 161, 162, 166, 174, 184, 185, 187, 189, 198, 199, 201, 202, 206, 207, 212, 215, 216, 217, 220, 221, 225, 230, 232, 233, 234, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 247, 248, 249, 256, 261, 264, 265, 266, 267, 271, 272, 275, 286, 288, 297, 302, 318, 343, 352, 355, 483, 484, 485.
- Лаура — см. Маркс, Лаура.
- Лафарг, Поль (1842 — 1911) — прудонист, затем марксист, член Генерального совета I Интернационала, один из основателей французской рабочей партии — 334, 355, 356, 359, 373, 376, 378, 383, 401, 413, 431, 436, 442, 446, 449, 450, 451, 452, 456, 457, 458, 461, 466, 474, 478, 486, 487, 488.
- Лафарг, Франсуа (ок. 1806 — 1870) — отец Поля Лафарга, уроженец острова Кубы, приехал во Францию вместе с сыном в 1851 г. — 426, 427, 488.
- Леб — см. Зоннеман, Леопольд.
- Леви, Иосиф -Мозес (1812 — 1888) — основатель и собственник известной лондонской газеты «Daily Telegraph» — 246.
- Ледрю-Роллен, Александр-Огюст (1807—1874) — французский политический деятель, участник революции 1848 г., вождь мелкобуржуазной демократии — 352.
- Ле-Любе — француз, живший в Лондоне, учитель музыки и французского языка, секретарь-корреспондент Генерального совета I Интернационала для Франции; в 1866 г. исключен из Интернационала — 208, 209, 210, 222, 229, 236, 257, 267, 268, 272, 273, 281, 283, 285, 319, 320, 321, 333, 334, 377.
- Ленхен — см. Демут.
- Леппок, Г.-Дж., — владелец иностранной библиотеки в Манчестере — 375.
- Лепсиус, Карл-Рихард (1810 — 1884) — известный египтолог — 20.
- Лесснер, Фридрих (1825—1910) — портной, член Союза коммунистов, участник кельнского процесса, эмигрант в Лондоне, член I Интернационала, друг Маркса и Энгельса — 251, 280, 436, 441, 443, 446, 475.
- Лефор, Анри — журналист, редактор «Avenir»; в начале 1865 г. был членом-корреспондентом I Интернационала — 246, 258, 268, 269, 273, 281.
- Ли, Роберт-Эдвард (1807 — 1870) — выдающийся генерал в гражданской войне в Америке — 136, 137, 157, 183, 189, 190, 199, 213, 243, 260, 275.
- Либих — хлопчатобумажный фабрикант в Богемии — 274.
- Либих, Юстус (1803 — 1873) — знаменитый немецкий химик — 325.
- Либкнехт, Вильгельм (1826 — 1900) — известный немецкий социал-демократ — 13, 187, 189, 191, 192, 195, 202, 206, 214, 215, 216, 217, 220, 224, 225, 229, 230, 231, 237, 238, 240, 241, 242, 244, 248, 249, 252, 255, 256, 257, 260, 264, 266, 271, 272, 273, 278, 281, 288, 291, 297, 298, 300, 301, 302, 311, 312, 316, 323, 352, 368, 376, 386, 447, 448, 452, 454, 455, 458, 461, 465, 466, 467, 475, 476, 478, 481, 482, 484, 487, 488, 489.
- Лимузен, Шарль — рабочий-накладчик,

- один из основателей I Интернационала — 258.
- Линкольн, Абраам (1809 — 1865) — президент Северо-Американских Соединенных Штатов — 28, 36, 53, 85, 97, 110, 115, 140, 200, 202, 203, 222, 224, 233, 235, 241, 246, 277, 279.
- Липпе, Леопольд, граф (1815 — 1889) — прусский министр юстиции — 444, 499.
- Лицци — см. Бернс, Лицци.
- Ловкий — см. Лассаль.
- Лойер — владелец дома, в котором жил Маркс — 377, 378, 379, 380, 393.
- Лонге, Шарль (1833 — 1903) — видный деятель французской социалистической партии, зять К. Маркса, член Генерального совета с 1866 г. и секретарь-корреспондент для Бельгии — 319, 320, 334, 355.
- Лоран, Огюст (1807 — 1853) — французский химик, профессор в Бордо — 417.
- Лорд, Джон-Кист (1818 — 1872) — натуралист и ветеринарный врач — 193.
- Луи — см. Наполеон III.
- Луи Бланчик — см. Блан, Луи.
- Луи Бонапарт — см. Наполеон III.
- Луи-Наполеон — см. Наполеон III.
- Луи-Филипп (1773 — 1850) — французский король — 140, 141.
- Луккул, Люций-Люциний — римский полководец, консул римской республики — 15.
- Лупус — см. Вольф, Вильгельм.
- Людвиг — см. Симон, Людвиг.
- Людмила — см. Ассинг, Людмила.
- Людовик XV (1710 — 1774) — король Франции — 227.
- Люкрафт, Бенжамен — мебельщик, член Генерального совета I Интернационала, ушел из Интернационала в 1870 г. — 361.
- Люцов, Адольф (1782 — 1834) — прусский генерал, участник освободительной войны 1813 г. — 75.
- Ляйселль, Чарльз (1797 — 1875) — известный геолог — 142, 149.
- Льюис, Джордж-Корнуэль (1806 — 1863) — английский государственный деятель и писатель — 53, 460.
- Льюис, Леон — член I Интернационала, издатель газеты «Commoner» — 288.
- М.**
- Мадзини, Джузеппе (1805 — 1872) — знаменитый итальянский революционер — 10, 14, 46, 87, 145, 209, 212, 214, 259, 261, 273, 288, 333, 334, 352, 440, 442.
- Мажанди, Франсуа (1783 — 1855) — знаменитый французский физиолог, профессор в «Collège de France» — 373.
- М. Г. — см. Гесс, Моисей.
- Мазад, Шарль (1821 — 1893) — член французской Академии, один из главных сотрудников «Revue des deux Mondes» — 339.
- Майер, Карл (1786 — 1825) — швабский поэт — 224.
- Майер, Карл (1819 — 1889) — немецкий поэт, радикал, участник революции 1848 г., впоследствии демократический политик и публицист в Вюртемберге — 224, 483, 484, 485, 487.
- Майер, Михаил (ум. в 1622 г.) — личный врач и советник Рудольфа II, автор многочисленных книг по химии медицины и философии — 163.
- Майн, Ричард (1796 — 1868) — полицейский комиссар — 370.
- Мак — см. Мак-Клелан.
- Мак-Адам — 144.
- Макай, Чарльз (род. 1814) — американский писатель, поэт; в 1862 — 1865 гг. был военным корреспондентом лондонского «Times» в Соединенных Штатах — 136.
- Макдональд, Аделаида — участница фемицистского движения — 482.
- Макдональд — 24, 31, 67, 216.
- Мак-Доуэль, Ирвин (1818 — 1885) — генерал армии северян в гражданской войне в Америке — 69, 78, 79, 84.
- Маккавей — еврейская династия, царствовавшая с 167 до 35 г. до нашей эры — 88.
- Мак-Клелан, Джордж-Брентон (1826 — 1885) — американский генерал, главнокомандующий армии северян в гражданской войне в Америке — 58, 69, 71, 73, 74, 78, 79, 83, 84, 97, 107, 111, 115, 117, 118, 121.
- Мак-Куллох, Джон-Рамзей (1789 — 1864) — английский экономист — 214, 306, 432.
- Маклор — 263.
- Мак-Элрат — сотрудник «Нью-йоркской трибуны» — 71.
- «Малыш» — см. Дронке, Эрнст.
- Мальтус, Томас (1766 — 1834) — английский экономист — 81.
- Манетон — первосвященник и начальник египетских храмов во время Птолемея I и II — 20.
- Манинг, Карл — уроженец Южной Америки, претендент на руку Лауры Маркс — 276.
- Мантейфель, Отто-Теодор (1805—1882) — прусский государственный деятель, министр — 6, 21 22.

- Мари** (1797 — 1870) — буржуазный республиканец, член временного правительства в 1848 г., министр общественных работ — 213.
- Марианна** (ум. в 1862 г.) — сестра Елены Демут (Ленхен) — 118.
- Маркс, Женни** (1814 — 1881) — жена Маркса — 272.
- Маркс, Женни** (Женничка) (1844 — 1883) — дочь Маркса, жена Лонге — 56, 57, 60, 65, 67, 70, 72, 73, 80, 83, 86, 96, 98, 104, 107, 110, 114, 126, 145, 150, 151, 153, 156, 161, 163, 176, 182, 187, 192, 195, 196, 203, 276, 278, 302, 304, 306, 310, 311, 349, 363, 365, 405, 413, 476, 482.
- Маркс, Лаура** (1846 — 1911) — дочь Маркса, жена Лафарга — 60, 161, 195, 203, 276, 278, 302, 304, 306, 320, 349, 373, 374, 376, 377, 383, 396, 399, 431, 446, 451, 459, 485, 488.
- Маркс, Эдгар** (Мух, Тиль) (1849 — 1855) — сын Маркса — 348.
- Маркс, Элеонора** (Бэби, Туссенка) (1855 — 1896) — младшая дочь Маркса, активная деятельница английского рабочего движения, жена социалиста-дарвиниста Эвелинга — 126, 143, 148, 168, 182, 184, 185, 195, 302, 304, 327, 329, 471.
- Мартин, Вильям** — 466.
- Мартин, Джон** — 466.
- Массоль, Мари-Александр** (1805—1875) — французский философ и журналист, республиканец — 118, 121, 229.
- Мастермэн и Ко** — банковская контора в Лондоне — 119.
- Матцерат, Христиан - Иозеф** (1815 — 1876) — рейнский поэт; в конце 30-х и в начале 40-х годов друг Фрейлиграта и Зимрока; позднее поступил на государственную службу — 254.
- Маузес** — см. Гесс, Моисей.
- Медичи, Джакомо** (1819—1882) — итальянский генерал, гарibaldiец — 43, 44.
- Медлер, Иоганн-Генрих** (1794 — 1874) — немецкий астроном, автор многочисленных популярных книг по астрономии — 66.
- Мер, Юстус** (1720 — 1797) — немецкий публицист — 316.
- Мейен, Эдуард (Тоби)** (1812 — 1870) — левый гегельянец, политический деятель демократического направления. впоследствии сторонник Бисмарка — 1, 2, 3, 9, 146.
- Мейер, Герман** — из Сан-Луи, друг Вейдемейера, член американской секции I Интернационала — 412, 413.
- Мейер, Зигфрид** (1840 — 1872) — немецкий социалист, в 1866 г. уехал в Америку, член I Интернационала — 311, 460, 471.
- Мейер, Людвиг** (1827 — 1900) — известный немецкий врач — 403.
- Мейер, Юлиус** — известный демократ, покончил самоубийством в 1867 г. — 411.
- «**Мейер братья**» в Берлине — 104, 107, 320.
- Мейнард** — американский полковник, участник гражданской войны в Америке — 58.
- Мейснер, Отто** — гамбургский издатель — 235, 239, 240, 245, 255, 256, 259, 260, 262, 270, 281, 295, 326, 384, 386, 389, 393, 394, 396, 398, 399, 402, 403, 405, 406, 407, 408, 420, 421, 426, 430, 431, 439, 442, 445, 448, 452, 453, 458, 462, 465, 467, 470, 473, 474, 475, 481, 486.
- Мелинский** — польский эмигрант, участник польского восстания 1863 г. — 164.
- Меньшиков, Александр Сергеевич** (1787—1869) — в 1853 г. чрезвычайный посол в Турции — 62.
- Меркаде** — герой комедии Бальзака «Человеческая комедия» — 396.
- Меркель, Юлиус-Георг** (1829 — 1898) — управляющий статистическим бюро в Ганновере, позднее обер-бюргермейстер Геттингена — 404.
- Мерославский, Людвиг** (1814 — 1878) — польский революционер, командующий баденской революционной армией — 135, 142, 143.
- Метцнер, Теодор** — башмачный подмастерье, член правления Всеобщего германского рабочего союза — 301, 311.
- Миаль, Эдуард** (1809 — 1881) — английский политический деятель, выступавший против официальной английской церкви — 323, 337, 345, 354, 356.
- Мигер, Томас-Фрэнсис** (род. в 1823 г.) — ирландский революционный деятель — 480.
- Микель, Иоганн** (1828 — 1901) — немецкий государственный деятель, в молодости коммунист, позднее национал-либерал и прусский министр — 109, 256, 260, 411, 477.
- Милль, Джон-Стюарт** (1806 — 1873) — английский философ и экономист — 186, 289, 346, 423, 431.
- Мирабо, Оноре - Габриель Рикетти** граф (1749 — 1791) — деятель Великой французской революции — 22, 293, 451.
- Мирамон, Мигель** (1832 — 1867) — мексиканский генерал, в 1859 г. был избран президентом; в 1860 г. в результате либерального переворота бежал

- в Европу; в 1866 г. поступил на службу к императору Максимилиану; вместе с последним был расстрелян — 71.
- Митридат Великий (132 — 63 до нашей эры) — понтийский царь — 15.
- Митчелль-Ормсби, Мак-Найт (1809 — 1862) — американский генерал, участник гражданской войны в Америке на стороне федералистов — 78.
- Моган — оуэнист — 463.
- Моисей — см. Гесс, Моисей.
- Моисей — египетский жрец, по мнению Лепсиуса, идентичный ветхозаветному пророку Моисею — 20, 88.
- Моисеиха — см. Гесс, Сибилла.
- Моккель, Иоганна — см. Кинкель, Иоганна.
- Молль — золингенский рабочий, сторонник Лассалья, брат Иозефа Молля — 184.
- Монтгомери — 31, 64.
- Монтэгю, Чарльз-Вуд, лорд Галифакс (1800 — 1885) — английский государственный деятель — 26.
- Морлей, Самюэль (1809 — 1886) — английский политический деятель, филантроп и либерал — 236.
- Морни, Шарль - Огюст - Луи (1811 — 1865) — французский государственный деятель, единоутробный брат Наполеона III, участник переворота 2 декабря — 71.
- Морриль, Джюстин-Смит (род. в 1810 г.) — американский сенатор, автор «тарифа Морриля» 1861 г. — 77.
- Муален (Тони Муален) (1832 — 1871) — врач, расстрелян версальцами при подавлении Парижской Коммуны — 378, 379, 382, 383, 394.
- Мур, Самюэль — друг Маркса и Энгельса — 284, 292, 302, 306, 377, 413, 418, 423, 433, 438, 459, 461, 463, 476.
- Мустье, Лионель (1817 — 1869) — французский посол в Берлине в 1853 г., в Вене — с 1859 г., в Константинополе — с 1861 г., министр иностранных дел с 1866 г. — 466.
- Муш — см. Маркс-Эдгар.
- Мэзон, Джон-Томас (1815 — 1873) — американский государственный деятель — 54.
- Мэри — см. Бернс, Мэри.
- Мэрчизон, Родерик - Импей (1792 — 1871) — английский геолог, автор работы «Геология России и Уральские горы» — 290.
- Мюгге, Теодор (1806 — 1861) — немецкий писатель — 20.
- Мюди — 389.
- Мюллер, фон-Кенигсвинтер, Вольфганг (1816 — 1873) — немецкий политический лирик — 23.
- Мюллер, Франц (ум. в 1864 г.) портной, казненный в Лондоне за убийство — 216.

Н.

Навуходоносор (604 — 561 до нашей эры) — вавилонский царь — 226.

Наполеон — см. Наполеон I

Наполеон — см. Наполеон III.

Наполеон I (1769 — 1821) — французский император — 116, 139, 227, 239, 441.

Наполеон III (Луи-Наполеон Бонапарт), «Бустрапа» (1808 — 1873) — племянник Наполеона I, император французский, захвативший власть путем переворота в 1851 г. — 2, 7, 13, 48, 70, 71, 77, 117, 136, 139, 140, 141, 148, 152, 162, 167, 172, 177, 178, 188, 196, 197, 198, 211, 227, 238, 268, 303, 316, 318, 321, 336, 338, 340, 342, 345, 349, 350, 351, 353, 358, 361, 362, 363, 364, 365, 367, 370, 371, 372, 375, 389, 390, 391, 392, 395, 399, 400, 408, 411, 436, 443, 453, 463, 464, 465, 466, 468, 469, 473.

Наполеон, принц Жозеф-Шарль-Поль Бонапарт, известный под шутивным прозвищем «Плон-Плон» (1822 — 1891) — сын короля вестфальского Иеронима Бонапарта; кузен Наполеона III, играл в «либерализм» — 141, 142, 238, 257.

Нокс — полицейский магистрат в Лондоне — 370, 424.

Ностиц, Фердинанд, граф, фон (1777 — 1866) — прусский генерал, шурина графини Гатцфельд — 17.

Ностиц — племянник предыдущего, адъютант Вильгельма I — 17.

Нотьюнг, Петер (1821 — 1880) — портной, участник кельнского процесса коммунистов — 333.

Ноульс — 292, 313.

Нэсмит, Джеймс (1808 — 1890) — английский инженер — 104.

Ньютон, Исаак (1642 — 1727) — знаменитый английский математик и физик — 305.

О.

Оборский, Людвиг — польский эмигрант, живший в Лондоне, член международной организации «Братских демократов», член Генерального совета I Интернационала — 246.

- Оверстон, Самюэль-Джон-Ллойд, лорд (1796 — 1883) — английский финансист, активный участник банковской реформы Пила — 306.
- Оджер, Джордж (1820 — 1877) — рабочий-сапожник, видный деятель традиционистского движения, был членом Генерального совета I Интернационала — 207, 208, 276, 282, 285, 295, 335, 377, 442, 450.
- О'Донован-Росса, Иеремия — один из главарей ирландских фениев — 326, 423, 424.
- Окленд — 468.
- Ольденбургский, Николай - Фридрих-Петр, герцог (род. в 1827 г.), предъявлял в 1864 г. претензии на Шлезвиг-Гольштинию, в 1866 г. отказался от этих претензий за денежную компенсацию — 195.
- Ольдгэм, Вильямсон (род. в 1813 г.) — адвокат, член американского Сената от Техаса — 116.
- Ольсоп (Алсоп), Томас (1795—1880) — английский радикал — 76.
- Ом — агент тайной полиции — 4.
- Опдайк, Джордж (1805 — 1880) — нью-йоркский банкир и экономист — 122.
- Оппенгейм (Абул-Хаим) — банкир — 185, 358.
- Орест (мифологич.) — сын Агамемнона и Клитемнестры, убивший свою мать — 174.
- Оргес, Герман (1821 — 1874) — немецкий публицист, редактор военного отдела «Augsburger Allgemeine Zeitung» — 188.
- Орлеанский, епископ — см. Дюпанлу.
- Орсини, Феличе (1809 — 1858) — итальянский заговорщик, известным своим покушением на Наполеона III — 76.
- Орсини, Цезарь — брат Феличе Орсини, покушавшегося на Наполеона III, друг Мадзини — 332, 334, 337, 341.
- Осборн, Берналь (1808—1882), левый внг, лорд адмиралтейства в 1855 г. — 176.
- Освальд, Евгений (1826 — 1912) — участник баденского восстания; позже — немецкий журналист и преподаватель немецкого языка в Лондоне — 43, 44.
- Отелло — герой трагедии Шекспира «Отелло», написанной в 1604 г. — 187.
- Оуэн, Ричард (1804 — 1892) — английский натуралист — 143.
- премьер-министр — 13, 20, 53, 54, 59, 62, 71, 77, 140, 141, 144, 157, 162, 164, 167, 175, 176, 178, 188, 195, 198, 316, 411, 424.
- «Пам» — см. Пальмерстон.
- Парацельс, Ауреоль-Теофраст, фон-Гогенгейм (1493—1541) — врач и естественный исследователь-химик — 163.
- Пастер, Луи (1822 — 1895) — основатель современной медицины — 356.
- Паткуль, Иоганн-Рейтоль (1660 — 1707) — лифляндский патриот, начальник русских войск в Польше во время русско-шведской войны — 147, 191.
- Патцке — начальник берлинской городской полиции — 17.
- Пеллико, Сильвио (1789 — 1854) — итальянский поэт и революционер — 174.
- Перди — 225.
- Петр I Великий (1672 — 1725) — русский император — 147.
- Петр III (1728 — 1762) — сын герцога Гольштейн-Готторпского Карла-Фридриха, император всероссийский с 1761 до 1762 г., убит в 1762 г. — 148.
- Петр Пустынник, Амьенский (ум. в 1115 г.) — монах, проповедывавший первый крестовый поход — 458.
- Петцлер — фотограф; немецкий эмигрант в Манчестере — 254.
- Петцлер, Иоганн («музыкант»), ум. в 1898 г. — утопический социалист, немецкий эмигрант в Англии; принимал участие в английском рабочем движении — 222, 251, 254.
- Петч, Альберт — книготорговец, издатель книги Маркса «Господин Фогт» — 1, 3, 10, 47, 52, 55.
- «Пи», он же «герцог Руссильонский» — 157, 163.
- Пиа, Феликс (1810 — 1889) — французский литератор, политический деятель, социалист и демократ, участник революции 1848 г., член Парижской Коммуны — 472.
- Пилад (мифолог.) — друг Ореста, разделявший все его несчастья — 174.
- Пипенбринк — герой комедии Фрейтага «Журналисты» — 22.
- Пипер («Тупман», «Фридолин»), Фридрих-Людвиг-Вильгельм, из Ганновера (род. ок. 1827 г.), филолог, член Союза коммунистов в Лондоне — 175, 196.
- Пирс, Франклин (1804 — 1869) — президент Северо-Американских Соединенных Штатов — 38.
- Пирс, Байрон (род. в 1829 г.) — бригадный генерал 3-го Мичиганского полка

II.

Пальмерстон, Генри - Джон - Темпл, лорд («Пам») (1784 — 1865) — государственный деятель, английский

- волонтеров, участник гражданской войны в Америке — 30.
- Питт, Вильям (1759 — 1806) — английский государственный деятель — 97.
- Платен, Адольф-Людвиг-Карл (1814 — 1883) — ганноверский министр иностранных дел — 375.
- Платония — героиня из произведения Иоганны Моккель «Ганс Йбелес» — 13.
- «Плон-Плон» — см. Наполеон, принц.
- Плю, Карл (1813 — 1894) — датский поэт, журналист и политик — 197.
- Пола, маркиз — герой трагедии Шиллера «Дон-Карлос» — 207, 225.
- Поллок, Джонатан-Фредерик (1783 — 1870) — судья — 424.
- Помпей (106 — 48 до нашей эры) — римский полководец — 15.
- Поп, Джон (1822 — 1892) — американский генерал федеральной армии во время гражданской войны в Америке — 78, 97, 106.
- Поттер, Джон — 141
- Поттер, Джордж (1832 — 1893) — традиционалист, директор газеты «Beehive» — 210, 222, 282, 284, 292, 295, 336, 340, 442.
- Прокеш, Остен-Анрон, граф (1795 — 1876) — австрийский дипломат и писатель — 467.
- Прудон, Пьер-Жозеф (1809 — 1865) — французский социалист-утопист — 230, 237, 321, 414, 460.
- Пфедер, Карл (ум. в 1876 г.) — живописец, член лондонской фракции Союза коммунистов, член Центрального совета I Интернационала — 187.
- Пфуль, Эрнест (1779 — 1866) — прусский генерал; в 1848 г. — министр-президент и военный министр — 17.
- Пэн — издатель «Народного календаря» в Германии — 456.

Р.

- Раковиц, Янко (ум. в 1865 г.) — румынский дворянин, смертельно раненный на дуэли Лассалья — 232, 318.
- Ранке, Леопольд (1795 — 1886) — немецкий историк, с 1831 г. — профессор Берлинского университета — 201, 202.
- Рапп и К^о, Джон — банкирская контора в Манчестере — 128.
- Ратацци, Урбано (1808 — 1873) — итальянский государственный деятель, министр внутренних дел — 464.
- Рау, Карл-Генрих (1792 — 1870) — немецкий экономист — 16, 482.
- Раш, Густав (ум. в 1878 г.) — немецкий национал-демократ, друг Карла Блинда и Густава Струве, принимал участие в революции 1848 г. — 281, 422, 426.
- Ребур — французский изобретатель, химик — 337.
- Рейнак, — директор Швейцарского банка — 285, 291, 305, 316.
- Рейнгард, Рихард — друг Маркса и Энгельса в Париже — 83.
- Рейнке, Петер-Адольф (1818 — 1887) — санитарный врач в Берлине; будучи в 1867 г. избран в рейхстаг от социал-демократов, выступил противником классовой борьбы и был исключен из Всеобщего германского рабочего союза — 447.
- Рейнлендер, Г.-Ф. — немецкий эмигрант в Лондоне, друг Маркса — 25, 63.
- Рейтер, Пауль-Юлиус, фон (1821 — 1899) — основатель телеграфного агентства Рейтер — 51, 121, 344.
- Рейше, Фридрих (ум. в 1894 г.) — немецкий литератор, сотрудник «Nordstern»; после смерти Лассалья — политический агент графини Гатцфельд, позже — редактор либеральных и клерикальных газет — 272, 275.
- Рекель, Август (1814 — 1876) — известный немецкий революционер, участник дрезденского восстания 1849 г. — 347.
- Реклю, Эли (1827 — 1904) — брат известного географа и теоретика анархизма Элизе Реклю — 121, 477.
- Ренан, Жозеф-Эрнест (1823 — 1892) — французский философ и историк — 191.
- Реньо, Элиас-Жорж-Олива (1801 — 1868) — французский историк — 290.
- Ренье, Матюрен (1573 — 1613) — французский сатирик — 459.
- Рессель — сотрудник «Times's» — 71, 330.
- Рикардо, Давид (1772 — 1823) — знаменитый английский экономист — 93, 100, 101, 154, 158, 429, 462.
- Римстад, Христиан-Вильгельм (1816 — 1879) — датский педагог, политик и журналист — 303.
- Рипли, Джордж (1802 — 1880) — американский издатель, с 1849 г. — один из издателей «Нью-йоркской трибуны» — 26.
- Риттерсгауз, Эмиль (1834 — 1897) — немецкий лирический поэт, сын фабриканта, занимался в Бармене торговлей — 445, 448, 454, 470.
- Ришелье, Арман-Жан-Дюплесси, герцог (1585 — 1642) — кардинал с 1622 г., главный министр Людовика XIII с 1624 г. — 87, 233.
- Рихтер, Евгений (1838 — 1906) — германский политический деятель, вождь партии прогрессистов — 447.

- Робен, Шарль-Филипп (1821 — 1885) — профессор гистологии в Париже — 356.
- Робертс, Вильям - Проупингс (1806 — 1871) — адвокат град-юнионов — 479.
- Робеспьер, Максимилиан (1758 — 1794) — знаменитый деятель Великой французской революции, вождь якобинцев — 234.
- Родбертус, Карл - Иоганн (1805 — 1875) — немецкий экономист и политик — 9, 220, 226.
- Роде, д-р — участник немецкого студенческого движения 30-х годов, эмигрировал в Париж, оттуда в Лондон, состоял на службе во французской полиции — 278, 354, 388, 389.
- Роджерс, Джемс Э. - Торольд (1823 — 1890) — английский экономист и историк — 390, 394.
- Розелиус, Кристиан (1802 — 1873) — американский журналист и политический деятель, профессор Луизианского университета — 37.
- Розекранс, Вильям - Старк (1819 — 1898) — начальник инженеров, бригадный генерал армии Соединенных Штатов, гражданский инженер, фабрикант — 152.
- Роон, Альбрехт-Теодор-Эмиль, граф, фон (1803 — 1879) — прусский фельдмаршал и политический деятель — 122, 244, 284.
- Россель, Джон, лорд («маленький Джон») (1792 — 1878) — английский государственный деятель — 53, 411.
- Рошер (1817 — 1894) — немецкий экономист — 122, 430, 472, 475.
- Руге, Арнольд (1802 — 1880) — немецкий писатель, радикальный политик, левый гегельянец — 81, 235, 277, 367.
- «Руссильонский герцог» — см. «Пи».
- Рутенберг, Адольф (1808 — 1869) — принадлежал в Берлине к кружку «свободных», впоследствии перешел на службу к Бисмарку — 20, 21, 201.
- Рюстов, Александр (1824-1866) — немецкий офицер и литератор, брат Ф.-В. Рюстова — 82.
- Рюстов, Фридрих — Вильгельм (1821 — 1878) — немецкий военный писатель — 43, 82, 86, 87, 89, 198, 256, 263, 264, 267, 272, 275, 408.
- Рюстов, Цезарь (1826 — 1866) — немецкий офицер и военный писатель, брат Ф.-В. Рюстова — 82.
- С.**
- Сазонов, Николай Иванович (1815 — 1862) — русский эмигрант — 127.
- Сальфтордский епископ — 478.
- Самсон — см. Симсон.
- Сара — квартирная хозяйка Энгельса в Манчестере — 57.
- Саул — первый израильский царь — 191.
- Сейд — владелец лондонской гостиницы — 32.
- Семнер, Эдвин-Воуз (1797 — 1866) — американский генерал, участник гражданской войны в Америке, федералист — 121.
- Сениор, Нассау-Вильям (1790 — 1864) — английский экономист — 421, 425.
- Серторий, Квинт — римский полководец (около I века до нашей эры) — 15.
- Симон — библейский патриарх — 191, 407.
- Симон, Жюль (1814 — 1896) — буржуазный республиканец; в 1870 г. — член правительства национальной обороны — 229, 401.
- Симон, Людвиг (1810 — 1872) — адвокат из Трира, политический деятель, демократ, член франкфуртского Национального собрания — 26, 407, 449.
- Симонс, Людвиг (1803 — 1870) — немецкий государственный деятель, правовед, министр юстиции Пруссии с 1849 по 1860 г. — 6.
- Симсон, Маргин-Эдуард (1810 — 1899) — немецкий юрист-политик, президент франкфуртского Национального собрания 1848 г., позже — президент рейхстага, национал-либерал — 22.
- Скотт, Вальтер (1771 — 1832) — английский романист, романтик — 329.
- Скотт, Вильфилд (1786 — 1866) — американский генерал — 26, 33.
- Слайдель, Джон (1793 — 1871) — американский государственный деятель — 54.
- Смит, Адам (1723 — 1790) — известный английский экономист и философ — 63, 93, 100, 104, 154, 158, 306.
- Снайдер-Энфильд — изобретатель винтовки, названной его именем — 372.
- Сольмс, Мария-Летиция-Сгюдольмина (1833 — 1902) — урожденная Уайз; по второму мужу — Раггацци, а по третьему — Рют; двоюродная сестра Луи Бонапарта; французская писательница и испанская журналистка (псевдоним — барон Стокк); за оппозицию режиму Наполеона III выслана из Франции — 136.
- Спартак — римский гладиатор; руководитель восстания рабов в римской республике (73 — 71 до нашей эры) — 15.
- Спенс, Джон — сотрудник «Times'a», военный корреспондент в южной армии во время гражданской войны в Америке — 77, 78, 118, 162.

- Стенли, Артур-Пенрин (1815 — 1881) — деятель английской церкви — 424.
- Степни, Коуэлл — рантье, член Генерального совета I Интернационала — 463.
- Стефенс, Джемс (1825 — 1901) — ирландский революционный деятель (фенин) — 389, 479.
- Стеффен, В. — бывший лейтенант, коммунист, друг Маркса и Энгельса — 80, 108.
- Стон, Эбен (род. в 1822 г.) — американский генерал, участник гражданской войны в Америке на стороне федералистов — 58.
- Струве, Густав (1805 — 1870) — немецкий радикальный писатель и политик, один из главных руководителей баденской революции, впоследствии жил в Америке — 281, 426.
- Стэнли, Эдуард-Генри (1826 — 1893) — английский государственный деятель, министр иностранных дел — 392.
- Стэнтон, Эдвин (1814 — 1869) — американский государственный деятель, сенатор, военный министр — 78, 79, 84.
- Сулла, Люций-Корнелий (138 — 78 до нашей эры) — римский полководец и диктатор — 15, 218.
- Сэй, Жан-Батист (1767 — 1832) — французский экономист — 16.
- Сьюард, Вильям-Генри (1801 — 1872) — министр иностранных дел Северо-Американских Соединенных Штатов в момент гражданской войны — 140.
- Т.**
- Тавернье, граф — офицер — 17.
- Таунсэнд, Джонатан-Роберт, виконт (1805 — 1890) — английский политический деятель — 230, 258.
- Твестен, Карл (1820 — 1870) — немецкий политический деятель — 70, 385.
- Терно, Мортимер-Луи (1808 — 1871) — французский историк и политик — 218.
- Техасский мальчик — см. Вестфален, Эдгар, фон.
- Тимм, Франц — книготорговец в Манчестере — 474.
- Тиндаль, Джон (1820 — 1893) — известный английский физик — 230, 250, 263, 318.
- Тоби — см. Мейен, Э.
- Толен (1828 — 1897) — рабочий-резчик, прудонист, член I Интернационала; в 1871 г. был исключен из Интернационала за переход на сторону версальцев — 207, 229, 246, 258, 267, 268, 319, 377.
- Томсон, Джэкоб (1810 — 1885) — министр внутренних дел Северо-Американских Соединенных Штатов — 36.
- Торнтон, Вильям (1813 — 1880) — известный английский экономист — 460.
- Тралле, Фридрих-Вильгельм (род. ок. 1820 г.), из Бремена — журналист демократического направления, эмигрант в Лондоне — 32.
- Тремо, Пьер (род. в 1818 г.) — французский естествоиспытатель — 373, 375, 376, 379, 380, 381, 382.
- Трюбнер — издатель в Лондоне — 25, 277.
- Тувенель, Эдуард-Антуан (1818 — 1866) — французский политический деятель — 316.
- Тудихум, Людвиг-Иоганн-Вильгельм (род. в 1829 г.) — врач, по происхождению немец; в молодости вступил добровольно в шлезвиг-гольштинскую армию, с 1853 г. — известный врач в Лондоне — 168.
- Туссенъа — см. Маркс, Элеонора.
- Тусэй, Исаак (1796 — 1869) — английский морской министр — 36.
- Тэйлор, Петер-Альфред (1819 — 1891) — английский радикал, член парламента — 258.
- Тэйлор, Том (1817 — 1880) — английский драматург, издатель «Punch» — 136.
- Тюрр, Стефан (1825 — 1908) — венгерский политический деятель, участник сицилийской экспедиции Гарибальди — 43, 70, 71, 165.
- Тьер, Луи-Адольф (1797 — 1877) — французский государственный деятель, историк — 349, 362.
- У.**
- Уайз — 136.
- Уайк, Леннон — 62, 63.
- Узедом, Карл-Георг-Людвиг-Гвидо, граф (1805 — 1884) — прусский дипломат — 469.
- Уизерс — булочник в Лондоне — 379.
- Уилер — член Центрального совета I Интернационала — 404, 405.
- Уиллис, Роберт (1800 — 1875) — английский ученый, профессор механики, археолог — 130.
- Уоллес (род. в 1827 г.) — американский генерал, участник гражданской войны в Америке на стороне федералистов — 69.
- Уолтон, А. (из Уэльса) — архитектор, член Генерального совета I Интернационала, председатель «Национальной лиги реформ» — 436.

- Уотс, Джон (1818—1887)—английский социальный реформатор — 125, 126, 127, 323, 326, 329.
- Уркарт, Давид (1805—1877)—английский писатель по дипломатическим вопросам, противник Пальмерстона — 60, 67, 134, 157, 164, 188, 202, 211, 226, 281, 303, 397, 450, 468, 480.
- Уэстон, Джон—оуэнист, член Генерального совета I Интернационала — 209, 286, 289, 291, 323, 467, 479.

Ф.

- Фавр, Жюль (1809—1880)—буржуазный республиканец, член правительства национальной обороны 1870 г.— 362, 446.
- Фази, Жан-Жак (Джемс) (1794—1878)—лидер швейцарской радикальной партии, старый друг Наполеона III, директор Швейцарского генерального банка — 71, 198, 285, 305, 331.
- Фаррагут, Давид-Глазгоу (1801—1870)—американский адмирал, участник гражданской войны в Америке — 200.
- Фаулер — 324.
- Фауст, Иоганн — знаменитый чернокнижник XVI века, герой многочисленных легенд и народных сказаний. Легенда о Фаусте использована в гетевском «Фаусте» — 400.
- Фаухер, Юлий (1820—1878)—немецкий публицист, левый гегельянец, в 60-х годах представитель немецкого манчестерства — 14, 173, 472.
- Фейербах, Людвиг (1804—1872)—знаменитый немецкий философ-материалист — 404.
- Фердинанд — см. Фрейлиграт, Фердинанд.
- Филипп II (1528—1598)—сын императора Карла V, король Испании и Нидерландов — 207, 225.
- Филипс, Август (ум. в 1895 г.) — кузен Маркса, адвокат в Амстердаме — 32, 44, 57.
- Филипс, Жак — двоюродный брат Маркса — 16, 59.
- Филипс, Леон (ум. в 1866 г.)—дядя Маркса, купец в Зальт-Боммеле — 170.
- Финке, Георг-Эрнст-Фридрих (1811—1875) — прусский либерал, лидер «старых либералов» — 13, 17, 22, 35, 139.
- Фихте, Иоганн-Готлиб (1762—1814) — немецкий философ-идеалист — 458.
- Флойд (1805—1863) — адвокат, в 1851 г. — губернатор штата Виргиния, с 1856 г. — военный министр

- Северо-Американских Соединенных Штатов; во время гражданской войны бросил свой пост и перешел на сторону южан — 36, 116.
- Фогт, Август (1830[?]—1883[?]) — сапожник из Кельна; после кельнского процесса — один из основателей коммунистической общины в Кельне, существовавшей до 1863 г.; одним из первых присоединился к Всеобщему германскому рабочему союзу в Берлине; в 1867 г. переехал в Америку, член I Интернационала — 311.
- Фогт, Карл (1817—1895) — член франкфуртского Национального собрания, видный естественник-материалист, агент Наполеона III — 11, 13, 15, 71, 153, 188, 216, 221, 301, 305, 407, 448, 449, 450, 455, 463, 483.
- Фокс, Питер-Андре (ум. в 1869 г.) — английский журналист, один из издателей «National Reform», член I Интернационала — 214, 215, 222, 226, 227, 276, 295, 312, 321, 323, 326, 327, 345, 347, 352, 362, 363, 377, 450, 452, 467, 479.
- Фоксик — см. Фокс.
- Фонтана, Джузеппе — итальянец, родившийся в Швейцарии, рабочий, член Генерального совета в 1864—1865 г. — 209, 210, 259, 261, 273.
- Франклин, Вильям-Буэль (род. в 1823 г.) — бригадный генерал и генерал-майор союзной армии, участник гражданской войны в Америке — 121.
- Франковский, Леопольд (1843—1863) — участник польского восстания 1863 г. — 135.
- Франц-Иосиф Габсбург (1830—1916) — император австрийский — 2, 165, 226, 338.
- Фрейтаг, Густав (1816—1895) — известный немецкий романист и драматург — 22, 218.
- Фрейлиграт, Екатерина (Кетхен) (1845—1904) — дочь Фрейлиграта, писательница, жена немецкого купца в Лондоне, Эдуарда Крекера — 362, 443, 447.
- Фрейлиграт, Фердинанд (1810—1876) — немецкий поэт, член Союза коммунистов, друг Маркса — 8, 10, 11, 12, 45, 52, 83, 111, 112, 113, 129, 150, 161, 162, 186, 198, 235, 277, 290, 305, 316, 330, 348, 350, 362, 405, 413, 418, 426, 454, 456, 459, 471, 472.
- Фрейлиграт, Ида (род. в 1817 г.) — жена поэта Фрейлиграта — 413, 418, 471.
- Фремон, Джон (1813—1890) — генерал-майор федеральной армии во время гражданской войны в Америке — 58, 70, 71, 78, 79, 84, 224.

- Френцель, Иона-Петер (род. в 1816 г.) — помещик из Гумбиннена, депутат прусского ландтага, член прогрессивистской партии — 385.
- Фрерихс, Фридрих-Теодор (1819 — 1885) — профессор медицины в Берлине — 20.
- Фрибур Е.-С. — рабочий-гравер, член парижской секции I Интернационала — 246, 258, 267, 269, 319, 377.
- Фридендер, Макс (1829 — 1872) — немецкий публицист, двоюродный брат Лассалы, редактор венской «Прессы» — 27, 44, 65, 67, 77.
- Фридендер — ассессор, брат Макса Фридендера, редактора «Венской прессы» — 17, 19.
- Фридрих-Вильгельм III Справедливый (1770 — 1840) — король Пруссии с 1797 до 1840 г. — 139.
- Фридрих-Вильгельм IV (1795 — 1861) — король Пруссии — 364, 412.
- Фридрих-Карл-Николай (1828—1885) — принц прусский — 205, 338, 353.
- Фридрих I Барбаросса (1123 — 1190) — Гогенштауфен, германский король с 1155 г., император Священной римской империи — 42.
- Фридрих II Великий (1712 — 1786) — король Пруссии с 1740 до 1786 г. — 140.
- Фритше, Фридрих-Вильгельм (1825 — 1905) — рабочий-табачник из Лейпцига, один из основателей Всеобщего германского рабочего союза, член Лейпцигского Центрального комитета с 1862 г., позже примкнул к эйзенахцам — 288.
- Фриш — барон — 271, 280.
- Фульд, Ахилл (1800 — 1867) — французский банкир, стоял во главе банкирского дома Фульд-Оппенгейм, государственный деятель, министр финансов с 1849 по 1852 г., позже — министр императорского двора — 48, 456.
- Фурье, Шарль-Мари (1772 — 1837) — французский утопический социалист — 15, 359

Х.

- Хейвуд и Эллисон — банкирская контора в Манчестере — 265, 292, 386.
- Хеннеси (Поп-Хеннеси), Джон (1834 — 1891) — ирландский политический деятель. — 480.
- Хейгер д-р — 371.
- Хлормайер — см. Шорлеммер.
- Хорас, Лейбель — 45½.
- Холион, Джордж-Яноб (1817 — 1906) —

- английский социалист и кооперативный деятель — 370.
- Христос — 40, 174.
- Хуарец, Карло-Бениго (1806 — 1872) — мексиканский президент (с 1857 г.) и адвокат — 71.

Ц.

- Цабель Ф. — ответственный редактор «Nationalzeitung» — 9, 20, 21.
- Цамакона — мексиканский министр иностранных дел — 62, 63.
- Цанг, Август (1807 — 1888) — бывший офицер, в 1848 г. — издатель и соредактор газеты «Die Presse», позже — член ландтага — 44.
- Цедлиц — берлинский полицей-президент — 17, 34.
- Цезарь, Юлий (100 — 44 до нашей эры) — римский полководец, государственный деятель и писатель — 15, 131, 305.
- Церфиг, Густав (Пиали) (род. в 1820 г.) — венгерский журналист, участник венгерской революции 1848 г., эмигрант, секретарь немецкого Национального союза в Лондоне, был изобличен в шпионаже — 24, 31, 39, 42,
- Цигенгайнер — 456.
- Циммерман из Шпандау — демократ, член прусского Национального собрания, эмигрант, адвокат австрийского посольства в Лондоне — 47.

Ч.

- Чарльз — приказчик Энгельса — 89, 128, 292, 308, 351.
- Чарторыйский, Адам-Юрий (1770 — 1861) — известный польский политический деятель — 164.
- Чафлин и Хорн — английская фирма — 114.

Ш.

- Шабелиц, Яков, младший (ум. в 1899 г.) — радикал, издатель и книгопродавец в Базеле — 458.
- Шайбле, Карл (1824 — 1899) — врач, участник баденской революции 1848 г., эмигрант в Англии с 1853 г. — 14.
- Шапфер, Карл (1813 — 1870) — член Союза справедливых, участник майского восстания 1839 г. в Париже и германской революции 1848—1849 гг.; с 1850 г. эмигрировал в Лондон; член Союза коммунистов — 3, 115, 370.
- Шаспо — француз-рабочий, изобрел ружье, названное его именем — 444.

- Шаффгаузен, Герман (1816 — 1893) — известный анатом-физиолог, профессор Боннского университета, основатель современной антропологии—216.
- Шванбек (ум. в 1861 г.) — 2.
- Шванн, Теодор (1810 — 1882) — немецкий физиолог — 193.
- Швейгерт, Людвиг — австрийский капитан, служил под начальством Гарибальди и Рюстова, член Национального союза — 83.
- Швейцер, Иоганн-Батист (1833—1875) — глава Всеобщего германского рабочего союза после смерти Лассалья; в 1871 г. ушел от рабочего движения — 214, 215, 216, 219, 220, 229, 237, 240, 241, 243, 244, 248, 249, 252, 255, 256, 257, 261, 263, 264, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 278, 284, 293, 314, 397, 437, 444, 447, 458, 484, 485.
- Шверин, Максимилиан-Генрих-Карл, граф, фон (1804 — 1872) — прусский государственный деятель — 21, 34, 35.
- Шекспир, Вильям (1564 — 1616) — величайший английский поэт и драматург — 15, 176, 413.
- Шелер, Лина — учительница, друг семьи Маркса — 302, 417.
- Шенбейн, Христиан-Фридрих (1799 — 1868) — известный химик, профессор в Базеле — 325.
- Шерман, Вильям-Текимсен (1820 — 1891) — американский генерал, участник гражданской войны на стороне федералистов — 69, 200, 202, 225, 260.
- Шефтсбери, Антони-Эшли-Купер, лорд (1801 — 1885) — английский политический деятель — 411.
- Шили, Виктор — адвокат из Трира, участник баденского восстания, близкий друг Маркса — 41, 43, 45, 63, 70, 71, 110, 143, 229, 233, 241, 246, 257, 261, 265, 268, 269, 276, 281, 282, 283, 289, 475, 477.
- Шиллинг, Карл — наборщик, член Всеобщего германского рабочего союза, автор памфлета против Б. Беккера — 297, 300, 301.
- Шлейден, Маттиас-Якоб (1804 — 1881) — немецкий ботаник — 193, 196, 208.
- Шлоссер, Фридрих-Кристоф (1776 — 1861) — немецкий историк — 15, 218.
- Шмальгаузен, София (1816 — ум. после 1883) — старшая сестра Маркса; муж ее умер около 1863 г. — 262.
- Шмерлинг, Антон, фон (1805 — 1893) — австрийский политический деятель, член франкфуртского Национального собрания 1848 г.; глава министерства с 1860 по 1865 г. — 43.
- Шмерлинг, Филипп-Шарль (1791 — 1836) — доктор медицины, палеонтолог — 149.
- Шмидт, Юлиан (1818 — 1886) — немецкий критик и историк литературы, противник романтизма, сотрудник и соиздатель журнала «Grenzboten» — 81, 88.
- Шмидт — президент «Союза немецких людей», агент судоходной компании — 39.
- Шнейдер II, Карл — адвокат из Кельна, демократ, защитник кельнских коммунистов — 23.
- Шорлеммер, Карл (1834 — 1892) — немецкий химик, родился в Дармштадте; с 1874 г. — профессор химии в Манчестере — 413, 415, 419, 428, 438, 463, 475, 476, 479, 485.
- Шоу, Роберт (умер в 1870 г.) — рабочий-маляр, один из основателей I Интернационала; был генеральным секретарем Интернационала, секретарем-корреспондентом для секции английского языка в Северо-Американских Соединенных Штатах — 463.
- Шпурцгейм, Иоганн-Кристоф (1776 — 1829) — известный френолог — 193.
- Шрамм, Конрад (1822 — 1858) — член Союза коммунистов, издатель «Нового рейнского обозрения» — 186.
- Шрамм, Рудольф (1813 — 1882) — немецкий политик и публицист, член прусского Национального собрания, председатель берлинского клуба демократов — 73, 168, 225.
- Шредер, Ф. — 59.
- Штейн («Актуарий») — 19.
- Штейн, Максимилиан (1811 — 1860) — венгерский революционный генерал, позже генерал турецкой армии — 165.
- Штейн, Юлиус (род. ок. 1813 г.) — бранденбургский демократ, участник революции 1848 г., редактор «Neue Oderzeitung» — 19.
- Штейнталь — торговая фирма в Манчестере — 193, 265, 266.
- Штибер, Вильгельм (1818 — 1882) — чиновник прусской полиции, организатор кельнского процесса коммунистов и участник преследований социалистов 60-х годов — 2, 4, 6, 21, 280, 358, 369, 396, 397, 404.
- Штирнер, Макс (псевдоним Каспара Шмидта) (1806 — 1856) — немецкий философ и теоретик индивидуального анархизма — 411.
- Штрон, В. — друг Маркса и Энгельса — 73, 191, 234, 235, 240, 245, 256, 299, 300, 309, 402, 453, 455.
- Штумпф, Пауль, — коммунист в Майнце — 312, 362, 368, 369, 449, 455, 486, 487.

- Штюккер, Губерт, барон, фон (род. в 1808 г.) — друг Лассаля — 88.
 Шульце-Делич (1808 — 1883) — немецкий экономист и политический деятель, в 50-х годах выступил с проповедью идей кооперации, прогрессист — 109, 144, 147, 154, 202, 207, 318, 442, 450, 482, 483.
 Шурц, Карл (1829 — 1906) — друг и ученик Кинкеля, впоследствии американский государственный деятель — 71.
 Шюлер — компаньон Боркгейма, из Берна — 439.

Э.

- Эберкорн, лорд — см. Гамильтон, Джемс.
 Эгертон — см. Герберт, Генри, лорд Карнарвон.
 Эгли, Иоганн-Якоб (род. в 1825 г.) — швейцарский географ, проф. Цюрихского университета — 218, 307, 308.
 Эдгар — см. Вестфален, Эдгар.
 Эзра — еврейский первосвященник — 191.
 Эйнгорн, Игнац (Горн) (1825 — 1875) — венгерский общественный деятель и писатель — 229, 238, 241, 246.
 «Эйзенбарт» — см. Лафарг.
 Эйр, Эдуард-Джон (1815 — 1901) — губернатор Новой Зеландии — 316.
 Эйхгоф, Вильгельм — социалист, разоблачил в «Hermann» шпионскую деятельность Штибера; в 1860 г. эмигрировал в Англию — 67, 71, 76, 78, 141, 278, 297, 299, 357, 397.
 Энкардт, Людвиг (1827 — 1871) — участник революции 1848 г., эмигрировал в Швейцарию, в 60-х годах профессор в Мангейме, глава радикалов на юге, редактор журнала «Deutsches Wochenblatt» — 312, 313.
 Энкариус, Георг (1818 — 1889) — портной, член Союза коммунистов, генеральный секретарь I Интернационала — 114, 165, 187, 208, 209, 223, 236, 245, 249, 250, 255, 256, 257, 261, 270, 271, 276, 279, 289, 323, 333, 335, 336, 337, 390, 423, 436, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 445, 446, 449, 450, 452, 453, 460, 465.
 Эллисон — см. Хейвуд и Эллисон.
 Эльснер, Карл-Фридрих-Мориц (1809 — 1894) — доктор, член прусского На-

- ционального собрания, демократ, один из владельцев «Neue Oderzeitung» — 19, 184, 186, 192 и 196, 197.
 Эльзо — 370.
 Эммануил — см. Виктор-Эммануил.
 Энгель, Эрнст (1821 — 1896) — известный немецкий статистик, директор прусского статистического бюро — 154, 284, 404.
 Эрмен, Готфрид — компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс» — 84, 105, 106, 128, 194, 195, 197, 308, 357, 405, 406, 414, 454, 461.
 Эрмен, Франц — 292.
 Эссиг, Камилла — см. Ассинг, Людмила.
 Эфраим Ловкий — см. Лассаля.

Ю.

- Юм, Давид (1711 — 1776) — знаменитый английский философ, историк и экономист — 387.
 Юнг, Георг (1814 — 1885) — левый член прусского Национального собрания, один из основателей «Рейнской газеты», национал-либеральный депутат рейхстага — 205.
 Юнг, Герман (1830 — 1901) — рабочий-часовщик, член Генерального совета I Интернационала и секретарь для Швейцарии — 227, 276, 333, 334, 479.
 Юнг, миссис — 57.
 «Юпитер Скапен» — прозвище Бонапарта — см. Наполеон III.
 Юр, Эндрю (1778 — 1857) — английский химик и экономист — 63.
 Юта, Иоганн-Карл — зять Маркса, муж сестры его Луизы, книготорговец в Капштадте — 309.
 Юх — д-р, немецкий журналист, редактор «Hermann» — 24, 31, 32, 67, 207, 216, 268, 270, 413, 456.

Я.

- Якоби, Абрагам, д-р (род. в 1832 г.) — доктор медицины, участник кельнского процесса, эмигрант в Нью-Йорке — 191, 412.
 Якоби, Иоганн (1805 — 1877) — немецкий политический деятель-радикал, участник революции 1848 г.; в 60-х годах — противник прогрессистской партии, основатель журнала «Zukunft» — 411.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
Предисловие редактора	VII

ПЕРЕПИСКА МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА.

(1861 — 1867)

1861 г.

(Маркс — в Лондоне; Энгельс — в Манчестере.)

724. Маркс — Энгельсу, 3 января	1
725. Энгельс — Марксу, 7 января	1
726. Маркс — Энгельсу, 8 января	3
727. Маркс — Энгельсу, 11 января	4
728. Маркс — Энгельсу, 18 января	5
729. Маркс — Энгельсу, 22 января	6
730. Маркс — Энгельсу, 29 января	8
730а. Энгельс — Марксу (31 января)	490
731. Маркс — Энгельсу, 31 января	9
732. Маркс — Энгельсу, 2 февраля	10
733. Энгельс — Марксу, 4 февраля	10
734. Энгельс — Марксу, 6 февраля	11
735. Маркс — Энгельсу, 14 февраля	12
736. Маркс — Энгельсу, 27 февраля	14
737. Маркс — Энгельсу, 7 мая	16
738. Маркс — Энгельсу, 10 мая	19
739. Маркс — Энгельсу, 16 мая	23
740. Маркс — Энгельсу, 9 июня	24
741. Маркс — Энгельсу, 10 июня	27
742. Энгельс — Марксу, 12 июня	28
743. Маркс — Энгельсу, 1 июля	30
744. Энгельс — Марксу, 3 июля	33
745. Маркс — Энгельсу, 5 июля	34
746. Маркс — Энгельсу, 12 июля	38
747. Маркс — Энгельсу, 20 июля	40
748. Маркс — Энгельсу, 3 августа	42
749. Маркс — Энгельсу, 28 сентября	42
750. Маркс — Энгельсу, 30 октября	44
751. Маркс — Энгельсу, 6 ноября	46
752. Маркс — Энгельсу, 18 ноября	46
753. Маркс — Энгельсу, 20 ноября	48
754. Энгельс — Марксу, 27 ноября	48
755. Энгельс — Марксу [2 декабря]	49
756. Маркс — Энгельсу, 5 декабря	50
757. Маркс — Энгельсу, 9 декабря	50
758. Маркс — Энгельсу, 13 декабря	51
759. Маркс — Энгельсу, 19 декабря	52
760. Маркс — Энгельсу, 27 декабря	55

1862 г.

СТР.

(Маркс — в Лондоне; Энгельс — в Манчестере.)

761. Маркс — Энгельсу, 25 февраля	56
762. Энгельс — Марксу, 28 февраля	57
763. Маркс — Энгельсу, 3 марта	58
764. Энгельс — Марксу, 5 марта	59
765. Маркс — Энгельсу, 6 марта	60
766. Энгельс — Марксу [около 10 марта]	64
767. Маркс — Энгельсу, 15 марта	65
768. Маркс — Энгельсу, 28 апреля	65
769. Энгельс — Марксу, 5 мая	67
770. Маркс — Энгельсу, 6 мая	70
771. Энгельс — Марксу, 12 мая	72
772. Энгельс — Марксу [около 18 мая]	72
773. Маркс — Энгельсу, 19 мая	72
774. Энгельс — Марксу, 23 мая	73
775. Маркс — Энгельсу, 27 мая	76
776. Энгельс — Марксу, 29 мая	77
777. Энгельс — Марксу, 4 июня	78
778. Маркс — Энгельсу [около 6 июня]	80
779. Маркс — Энгельсу, 18 июня	80
780. Энгельс — Марксу [около 3 июля]	82
781. Маркс — Энгельсу, 5 июля	82
782. Маркс — Энгельсу, 11 июля	83
783. Маркс — Энгельсу, 21 июля	83
784. Энгельс — Марксу, 30 июля	84
785. Маркс — Энгельсу, 30 июля	86
786. Энгельс — Марксу [31 июля]	89
787. Энгельс — Марксу, 1 августа	89
788. Маркс — Энгельсу, 2 августа	90
789. Маркс — Энгельсу, 7 августа	96
790. Энгельс — Марксу, 8 августа	98
791. Маркс — Энгельсу, 9 августа	100
792. Энгельс — Марксу [около 12 августа]	101
793. Энгельс — Марксу, 13 августа. С приложением письма Борнгейма от 12 августа	102
794. Маркс — Энгельсу, 14 августа	102
795. Маркс — Энгельсу, 20 августа	103
796. Энгельс — Марксу [около 22 августа]	105
797. Энгельс — Марксу [начало сентября]	105
798. Энгельс — Марксу, 9 сентября	106
799. Маркс — Энгельсу, 10 сентября	107
800. Энгельс — Марксу, 16 октября	108
801. Маркс — Энгельсу, 29 октября	110
802. Маркс — Энгельсу, 4 ноября	112
803. Энгельс — Марксу, 5 ноября	112
804. Маркс — Энгельсу, 9 ноября	114
805. Маркс — Энгельсу, 14 ноября	114
806. Энгельс — Марксу, 15 ноября	114
807. Маркс — Энгельсу, 17 ноября	116
808. Маркс — Энгельсу, 20 ноября	117
809. Маркс — Энгельсу, 24 декабря	118
810. Энгельс — Марксу, 26 декабря	119
811. Энгельс — Марксу, 30 декабря	119

1863 г.

(Маркс — в Лондоне, Зальт-Боммеле; Энгельс — в Манчестере.)

812. Маркс — Энгельсу, 2 января	121
813. Энгельс — Марксу [7 января]	123

	СТР.
814. Маркс — Энгельсу, 8 января	123
815. Энгельс — Марксу, 13 января	124
816. Маркс — Энгельсу, 24 января	125
817. Энгельс — Марксу, 26 января	127
818. Маркс — Энгельсу, 28 января	129
819. Маркс — Энгельсу, 13 февраля	133
820. Маркс — Энгельсу, 17 февраля	134
821. Энгельс — Марксу, 17 февраля	135
822. Энгельс — Марксу, 19 февраля	137
823. Маркс — Энгельсу, 20 февраля	137
824. Энгельс — Марксу [около 21 февраля]	138
825. Маркс — Энгельсу, 21 февраля	138
826. Маркс — Энгельсу, 24 марта	139
827. Энгельс — Марксу, 8 апреля	141
828. Маркс — Энгельсу, 9 апреля	143
829. Маркс — Энгельсу, 18 апреля	146
830. Энгельс — Марксу, 21 апреля	146
831. Энгельс — Марксу, 20 мая	148
832. Маркс — Энгельсу, 29 мая	149
833. Маркс — Энгельсу, 10 июня	151
834. Энгельс — Марксу, 11 июня	151
835. Маркс — Энгельсу, 12 июня	153
836. Маркс — Энгельсу, 22 июня	155
837. Энгельс — Марксу, 24 июня	156
838. Маркс — Энгельсу, 6 июля	156
839. Маркс — Энгельсу, 15 августа	161
840. Маркс — Энгельсу, 12 сентября	163
841. Энгельс — Марксу, 24 ноября	165
842. Маркс — Энгельсу, 2 декабря	166
843. Энгельс — Марксу, 3 декабря	167
844. Маркс — Энгельсу, 4 декабря	168
845. Маркс — Энгельсу, 22 декабря	169
846. Маркс — Энгельсу, 27 декабря	170

1864 г.

(Маркс—в Зальт-Боммеле, Лондоне, Рамсгейте; Энгельс—в Манчестере.)

847. Энгельс — Марксу, 3 января	172
848. Маркс — Энгельсу, 20 января	173
849. Маркс — Энгельсу, 25 февраля	174
850. Маркс — Энгельсу, 11 марта	175
851. Маркс — Энгельсу, 19 апреля	175
852. Энгельс — Марксу, 29 апреля	177
853. Энгельс — Марксу, 1 мая	178
854. Энгельс — Марксу, 2 мая	179
855. Энгельс — Марксу [2 мая]	180
856. Маркс — Энгельсу, 23 мая	181
857. Маркс — Энгельсу, 26 мая	181
858. Энгельс — Марксу, 30 мая	182
859. Маркс — Энгельсу, 3 июня	184
860. Энгельс — Марксу, 3 июня	186
861. Маркс — Энгельсу, 7 июня	187
862. Энгельс — Марксу, 9 июня	189
863. Маркс — Энгельсу, 16 июня	190
864. Маркс — Энгельсу, 1 июля	192
865. Маркс — Энгельсу, 4 июля	192
866. Энгельс — Марксу, 5 июля	193
867. Маркс — Энгельсу, 25 июля	194
868. Маркс — Энгельсу, 31 августа	195
869. Энгельс — Марксу, 2 сентября	196

	СТР.
870. Маркс — Энгельсу, 2 сентября. С письмом Фрейлиграта	198
871. Энгельс — Марксу, 4 сентября	199
872. Маркс — Энгельсу, 7 сентября	201
873. Маркс — Энгельсу, 2 ноября	203
874. Энгельс — Марксу, 2 ноября	203
875. Маркс — Энгельсу, 4 ноября	206
876. Энгельс — Марксу, 7 ноября	211
877. Энгельс — Марксу, 9 ноября	213
878. Маркс — Энгельсу, 14 ноября	214
879. Энгельс — Марксу, 16 ноября	215
880. Маркс — Энгельсу, 18 ноября	216
881. Энгельс — Марксу, 22 ноября	219
882. Маркс — Энгельсу [24 ноября]	219
883. Маркс — Энгельсу, 25 ноября	220
884. Маркс — Энгельсу, 2 декабря	222
885. Маркс — Энгельсу, 8 декабря	224
886. Маркс — Энгельсу, 10 декабря	225
887. Маркс — Энгельсу, 22 декабря	228

1865 г.

(Маркс — в Лондоне; Энгельс — в Манчестере.)

888. Маркс — Энгельсу, 25 января	229
889. Энгельс — Марксу, 27 января	231
890. Маркс — Энгельсу, 30 января	232
891. Маркс — Энгельсу, 1 февраля	234
892. Маркс — Энгельсу, 3 февраля	237
893. Энгельс — Марксу, 5 февраля	239
894. Маркс — Энгельсу, 6 февраля	241
895. Энгельс — Марксу, 7 февраля	242
896. Энгельс — Марксу, 9 февраля	244
897. Маркс — Энгельсу, 10 февраля	244
898. Маркс — Энгельсу, 11 февраля	246
899. Энгельс — Марксу, 13 февраля	248
900. Маркс — Энгельсу, 13 февраля	248
901. Маркс — Энгельсу, 16 февраля	251
902. Маркс — Энгельсу, 18 февраля	252
903. Энгельс — Марксу, 20 февраля	254
904. Энгельс — Марксу, 22 февраля	255
905. Энгельс — Марксу, 24 февраля	255
906. Маркс — Энгельсу, 25 февраля	256
907. Энгельс — Марксу, 27 февраля	259
908. Энгельс — Марксу, 3 марта	260
909. Маркс — Энгельсу, 4 марта	261
910. Энгельс — Марксу, 6 марта	262
911. Маркс — Энгельсу, 10 марта	263
912. Энгельс — Марксу, 11 марта	264
913. Маркс — Энгельсу, 13 марта	266
914. Энгельс — Марксу, 14 марта	269
915. Маркс — Энгельсу, 18 марта	270
916. Г-жа Маркс — Энгельсу, 30 марта	271
917. Маркс — Энгельсу, 11 апреля	272
918. Энгельс — Марксу, 12 апреля	273
919. Энгельс — Марксу, 16 апреля	275
920. Маркс — Энгельсу, 22 апреля	275
921. Маркс — Энгельсу, 1 мая	276
922. Энгельс — Марксу, 3 мая	278
923. Маркс — Энгельсу, 7 мая	279
924. Маркс — Энгельсу, 9 мая	281
925. Энгельс — Марксу, 12 мая	283

926. Маркс — Энгельсу, 13 мая	285
927. Маркс — Энгельсу, 20 мая	286
928. Маркс — Энгельсу, 24 июня	287
929. Энгельс — Марксу, 15 июня	291
930. Энгельс — Марксу, 25 июля	293
931. Маркс — Энгельсу, 31 июля	293
932. Маркс — Энгельсу, 5 августа	296
933. Энгельс — Марксу, 7 августа	299
934. Маркс — Энгельсу, 9 августа	301
935. Энгельс — Марксу, 16 августа	302
936. Маркс — Энгельсу, 19 августа	303
937. Энгельс — Марксу, 21 августа	306
938. Маркс — Энгельсу, 22 августа	307
939. Энгельс — Марксу, 4 октября	308
940. Маркс — Энгельсу, 19 октября	309
941. Маркс — Энгельсу, 8 ноября	309
942. Энгельс — Марксу, 13 ноября	310
943. Маркс — Энгельсу, 15 ноября	310
944. Энгельс — Марксу, 17 ноября	310
945. Маркс — Энгельсу, 20 ноября	311
946. Энгельс — Марксу, 1 декабря	313
947. Маркс — Энгельсу [3 декабря].	314
948. Маркс — Энгельсу, 26 декабря	315

1866 г.

(Маркс — в Лондоне, Маргейте; Энгельс — в Манчестере.)

949. Энгельс — Марксу, 4 января	318
950. Маркс — Энгельсу, 5 января	319
951. Маркс — Энгельсу, 15 января	320
952. Энгельс — Марксу, 26 января	322
953. Маркс — Энгельсу, 10 февраля	322
954. Энгельс — Марксу, 10 февраля	324
955. Маркс — Энгельсу, 13 февраля	325
956. Маркс — Энгельсу, 14 февраля	326
957. Энгельс — Марксу, 19 февраля	327
958. Энгельс — Марксу, 22 февраля	327
959. Маркс — Энгельсу, 2 марта	328
960. Энгельс — Марксу, 5 марта	329
961. Маркс — Энгельсу, 6 марта	330
962. Энгельс — Марксу [около 10 марта]	330
963. Маркс — Энгельсу, 10 марта	331
964. Маркс — Энгельсу, 15 марта	332
965. Маркс — Энгельсу [15 марта]	332
966. Маркс — Энгельсу, 24 марта	332
967. Энгельс — Марксу, 27 марта	335
968. Маркс — Энгельсу, 2 апреля	335
969. Энгельс — Марксу, 2 апреля	337
970. Энгельс — Марксу, 6 апреля	338
971. Маркс — Энгельсу, 6 апреля	339
972. Энгельс — Марксу, 10 апреля	341
973. Энгельс — Марксу, 13 апреля	343
974. Маркс — Энгельсу, 23 апреля	344
975. Энгельс — Марксу, 1 мая	346
976. Энгельс — Марксу, 9 мая	347
977. Маркс — Энгельсу, 10 мая	348
978. Энгельс — Марксу, 16 мая	350
979. Маркс — Энгельсу, 17 мая	351
980. Энгельс — Марксу, 25 мая	352
981. Маркс — Энгельсу, 7 июня	354

	СТР.
982. Маркс — Энгельсу, 9 июня	355
983. Энгельс — Марксу, 11 июня	357
984. Маркс — Энгельсу, 20 июня	358
985. Энгельс — Марксу, 4 июля	360
986. Маркс — Энгельсу, 7 июля	361
987. Энгельс — Марксу, 9 июля	364
988. Энгельс — Марксу, 12 июля	365
989. Маркс — Энгельсу, 21 июля	366
990. Энгельс — Марксу, 25 июля	367
991. Маркс — Энгельсу, 27 июля	369
992. Энгельс — Марксу, 6 августа	371
993. Маркс — Энгельсу, 7 августа	372
994. Энгельс — Марксу, 10 августа	374
995. Маркс — Энгельсу, 13 августа	376
996. Маркс — Энгельсу, 23 августа	376
997. Маркс — Энгельсу, 26 сентября	377
998. Маркс — Энгельсу, 1 октября	378
999. Энгельс — Марксу, 2 октября	379
1000. Маркс — Энгельсу, 3 октября	379
1001. Энгельс — Марксу, 5 октября	381
1002. Маркс — Энгельсу, 8 ноября	383
1003. Маркс — Энгельсу, 10 ноября	384
1004. Энгельс — Марксу, 11 ноября	384
1005. Маркс — Энгельсу, 8 декабря	386
1006. Маркс — Энгельсу, 12 декабря	386
1007. Энгельс — Марксу, 14 декабря	388
1008. Маркс — Энгельсу, 17 декабря	388
1009. Энгельс — Марксу, 21 декабря	390
1010. Маркс — Энгельсу, 31 декабря	391

1867 г.

(Маркс — в Лондоне, Гамбурге, Ганновере, Манчестере; Энгельс — в Манчестере.)

1011. Маркс — Энгельсу, 19 января	393
1012. Энгельс — Марксу, 29 января	394
1013. Маркс — Энгельсу, 21 февраля	395
1014. Маркс — Энгельсу, 25 февраля	396
1015. Энгельс — Марксу, 13 марта	396
1016. Маркс — Энгельсу, 27 марта	398
1017. Энгельс — Марксу, 4 апреля	399
1018. Маркс — Энгельсу, 13 апреля	401
1019. Маркс — Энгельсу, 24 апреля	403
1020. Энгельс — Марксу, 27 апреля	405
1021. Маркс — Энгельсу, 7 мая	408
1022. Маркс — Энгельсу [около 20 мая]	412
1023. Маркс — Энгельсу, 3 июня	413
1024. Энгельс — Марксу, 16 июня	414
1025. Маркс — Энгельсу, 22 июня	415
1026. Энгельс — Марксу, 24 июня	418
1027. Энгельс — Марксу, 26 июня	420
1028. Маркс — Энгельсу, 27 июня	421
1029. Маркс — Энгельсу, 27 июня	424
1030. Маркс — Энгельсу, 20 июля	426
1031. Маркс — Энгельсу, 10 августа	426
1032. Энгельс — Марксу, 11 августа	427
1033. Маркс — Энгельсу, 14 августа	427
1034. Энгельс — Марксу, 15 августа	428
1035. Маркс — Энгельсу, 16 августа	429
1036. Энгельс — Марксу, 23 августа	429

1037.	Маркс — Энгельсу, 24 августа	430
1038.	Энгельс — Марксу, 26 августа	432
1039.	Энгельс — Марксу, 27 августа	433
1040.	Маркс — Энгельсу, 31 августа	436
1041.	Энгельс — Марксу, 1 сентября	437
1042.	Энгельс — Марксу, 2 сентября	437
1043.	Маркс — Энгельсу, 4 сентября	438
1044.	Маркс — Энгельсу, 7 сентября	441
1045.	Энгельс — Марксу [9 сентября]	441
1046.	Маркс — Энгельсу, 11 сентября	441
1047.	Энгельс — Марксу, 11 сентября	443
1048.	Маркс — Энгельсу, 12 сентября	445
1049.	Маркс — Энгельсу, 12 сентября	446
1050.	Энгельс — Марксу, 12 сентября	446
1051.	Маркс — Энгельсу (телеграмма), 13 сентября	447
1052.	Маркс — Энгельсу, 4 октября	448
1053.	Энгельс — Марксу, 8 октября	452
1054.	Маркс — Энгельсу, 9 октября	452
1055.	Маркс — Энгельсу, 10 октября	453
1056.	Энгельс — Марксу, 11 октября	453
1057.	Энгельс — Марксу, 13 октября	454
1058.	Маркс — Энгельсу, 14 октября	456
1059.	Энгельс — Марксу, 15 октября	457
1060.	Энгельс — Марксу, 18 октября	457
1061.	Маркс — Энгельсу, 19 октября	458
1062.	Энгельс — Марксу, 22 октября	460
1063.	Энгельс — Марксу, 1 ноября	462
1064.	Маркс — Энгельсу, 2 ноября	462
1065.	Энгельс — Марксу, 5 ноября	465
1066.	Маркс — Энгельсу, 7 ноября	466
1067.	Энгельс — Марксу, 8 ноября	468
1068.	Маркс — Энгельсу, 9 ноября. С припиской Лауры Маркс	469
1069.	Энгельс — Марксу, 10 ноября	470
1070.	Маркс — Энгельсу, 14 ноября	471
1071.	Энгельс — Марксу, 24 ноября	472
1072.	Энгельс — Марксу, 26 ноября	473
1073.	Маркс — Энгельсу, 27 ноября	474
1074.	Маркс — Энгельсу, 28 ноября	475
1075.	Энгельс — Марксу, 28 ноября	476
1076.	Маркс — Энгельсу, 29 ноября	477
1077.	Энгельс — Марксу, 30 ноября	477
1078.	Маркс — Энгельсу, 30 ноября	478
1079.	Энгельс — Марксу, 4 декабря	481
1080.	Энгельс — Марксу, 6 декабря	482
1081.	Маркс — Энгельсу, 7 декабря	482
1082.	Маркс — Энгельсу, 7 декабря	485
1083.	Энгельс — Марксу, 12 декабря	485
1084.	Маркс — Энгельсу, 14 декабря	486
1085.	Энгельс — Марксу, 16 декабря	487
1086.	Маркс — Энгельсу, 17 декабря	488
1087.	Энгельс — Марксу, 19 декабря	489

Добавление:

730а.	Энгельс — Марксу [31 января 1861 г.]	490
-------	--------------------------------------	-----

<i>Указатель имен</i>	493
-----------------------	-----

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И.

	Стр.
1. К. Маркс в начале 60-х годов	20 — 21
2. Факсимиле части письма Маркса Энгельсу от 18 июня 1862 г. (О Дарвине).	80 — 81
3. Ф. Энгельс в 1862 г.	183 — 183
4. Факсимиле части письма Энгельса Марксу от 15 ноября 1862 г. (О буржуазной республике как переходной форме к социаль- ной революции)	116 — 117
5. Факсимиле части письма Маркса Энгельсу от 7 сентября 1864 г. (Оценка Лассаля после его смерти)	200 — 201
6. Факсимиле части письма Маркса Энгельсу от 4 ноября 1864 г. (Об основании Интернационала)	208 — 209
7. Факсимиле части письма Маркса Энгельсу от 22 июня 1867 г. (О законах диалектики)	416 — 417
8. Факсимиле письма Маркса Энгельсу от 16 августа 1867 г. (Об окончании «Капитала»)	430 — 431

ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

АРХИВ
К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Под редакцией Д. РЯЗАНОВА

Круг задач „Архива“ определяется задачами самого Института Маркса и Энгельса. Это — изучение генезиса, развития и распространения идей научного социализма, иными словами — истории марксизма, его теории и практики. В исполнение этих задач „Архив“ печатает исследования и документы по истории международного рабочего движения, генетике и истории марксизма, диалектического материализма, публикует рукописи Маркса и Энгельса, а также материалы к их биографии, обзоры современной литературы о Марксе и Энгельсе и о марксизме.

КНИГА I. М. 1924. Стр. 497.

Ц. 4 р.

Содержание: От редакции. — Отдел I. Статьи и исследования: А. Деборин. Очерки по истории диалектики. Очерк I. Диалектика у Канта. — Э. Цобель. К истории Союза коммунистов Кельнская община Союза до мартовской революции. — Д. Рязанов. Международное товарищество рабочих. Возникновение Первого Интернационала. — Отдел II. Из неопубликованных рукописей Маркса и Энгельса. К. Маркс и Ф. Энгельс о Фейербахе: Предисловие редактора. Тезисы о Фейербахе. Проект предисловия к „Немецкой идеологии“. Фейербах (Идеалистическая и материалистическая точки зрения). — Д. Рязанов. Введение Энгельса к „Классовой борьбе во Франции“. — Отдел III. Из переписки Маркса и Энгельса. В. Засулич и К. Маркс. — Письма Ф. Энгельса к Э. Бернштейну. — Отдел IV. Критика и рецензии. А. Удальцов. К теории классов у Маркса и Энгельса. — А. Неусыхин. Новый опыт построения систематической истории хозяйства. — Ф. Ротштейн. Новая литература о чартизме. — Ник. Карев. Маркс и Гегель. — И. Луппол и Гр. Баммель. Кант или Маркс. — Г. Тьямский. Исторический материализм. — И. Рубин. Политическая экономия. — Э. Цобель. История.

КНИГА II. С портретом Ф. Энгельса на отдельном листе. М. — Л. 1925.

Стр. XXXII + 504.

Ц. 6 р.

Содержание: Фр. Энгельс. Диалектика природы (немецкий и русский тексты); с предисловием Д. Рязанова. Приложение: Вариант введения к „Анти-Дюрингу“. Zitatenanhang. Список цитированных произведений. Указатель имен. — Приложение: Иностранная литература о Марксе, Энгельсе и марксизме (1914—1925). Библиографический опыт. Сост. Э. Цобель и П. Гайду.

КНИГА III. М. — Л. 1927. Стр. 521.

Ц. 5 р.

Содержание: Отдел I. Статьи и исследования. А. Деборин. Очерки по истории диалектики. Очерк II. Диалектика у Фихте. — Е. Тарле. Лионское рабочее восстание. — Отдел II. Из литературного наследия Маркса и Энгельса. Д. Рязанов. От „Рейнской газеты“ до „Святого семейства“ (вступительная статья). — К. Маркс. Критика философии права Гегеля. — К. Маркс. Подготовительные работы для „Святого семейства“. — Гимназические работы К. Маркса (с предисловием К. Грюнберга). — Отдел III. Материалы и сообщения. К. Грюнберг. Бруно Гильдебранд о коммунистическом просветительном рабочем союзе в Лондоне. — Р. Постгейт. Документы Первого Интернационала. — Е. Косминский. Книга протоколов Генерального совета Первого Интернационала. (1866—1869). Дополнение к сообщению Р. Постгейта. — Ф. Шиллер. Георг Вебер, сотрудник парижского „Vorwärts“. — Письма М. А. Бакунина к Альберту Ришару. С предисловием и примечаниями Ю. Стеклова. — Отдел IV. Критика и рецензии. И. Луппол. Интерпретация марксизма в Америке. — А. Гуральский. Проблема революции в новейшей социологии. — Е. Косминский. Английский рабочий в эпоху промышленного переворота. — Г. Лукач. Новая биография М. Гесса. — В. Волгин. Исторический памфлет против коммунизма. Рецензии. Г. Баммель. Демокрит и Платон. — А. Тальгеймер. К вопросу о социологическом методе. — И. Рубин. Из новой литературы о марксовской теории денег. — С. Лурье. Социализм в древности. — Г. Зайдель. Один из предшественников Маркса. — Ц. Фридлянд. Новое исследование о Парижской Коммуне.

КНИГА IV. М. 1929. Стр. 514.

Ц. 4 р. 50 к.

Содержание: Отдел I. Статьи и исследования. В. Максимовский. Вико и его теория общественных круговоротов. — И. Рубин. К истории текста первой главы „Капитала“ К. Маркса. — В. Волгин. Социологические взгляды Фурье. — М. Домманже. Социальная критика в сочинениях Виктора Консидерана. — Ф. Потемкин. Причины восстания лионских рабочих в 1831 г. — Отдел II. Из литературного наследия Маркса и Энгельса. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Из „Немецкой идеологии“. (С пред. Д. Рязанова). — Ф. Энгельс. Конспект первого тома „Капитала“. (С предисл. Д. Рязанова). — К. Маркс. Выписки из Макиавелли. Со вступительной статьей В. Максимовского. — Отдел III. Материалы и сообщения. Б. Николаевский. Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. — Ф. Потемкин. Промышленная революция во Франции по новейшим работам. — Е. Косминский. Энгельс и Бюре. — Отдел IV. Критика и рецензии. И. Рубин. Новый „Анти-Маркс“. — Рецензии. Исторический материализм. Политическая экономия. История социализма и рабочего движения. — Письма в редакцию.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ:

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Следует читать:</i>
67	6 сверху	в котором	в которых
153	2—3 снизу	Боену	Бодену
154	6 »	их	его
245	13—14 сверху	«Рейнской газеты»	«Рейнскую газету»
353	1 снизу	—Италии—Сардинию, от Пруссии от	от Италии—Сардинию, от Пруссии —
354	5 сверху	для этого	этого
368	1 снизу	«Новую франкфуртскую газету»	«Новая франкфуртская газета»
417	8 »	Шлер	Шелер